

Серия «Великие русские люди»

Основана в 2012 году

Главный редактор серии
профессор В. А. Томсинов

Серия «Великие русские люди» состоит из книг, посвященных великим русским мыслителям и государственным деятелям — таким, как И. А. Ильин, К. П. Победоносцев, М. М. Сперанский, А. А. Аракчеев, М. В. Ломоносов, П. А. Столыпин, В. Н. Татищев, П. Г. Виноградов и др.

В каждой из этих книг дается жизнеописание ученого и политика, показывается все наиболее значимое в его творческом наследии, рассматриваются уроки, которые можно вывести из опыта его жизни. Судьба великого человека представляет собой такую же ценность для нас, как и его творческое наследие или результаты государственной деятельности: она может быть столь же увлекательной для прочтения, как и сочиненная, искусственная жизнь какого-нибудь исключительно литературного героя.

Река действительно произошедшей человеческой жизни всегда вбирает в себя ход истории той эпохи, в которую она совершалась, — во всяком случае, впитывает в свое русло те или иные течения данной истории. Эта закономерность особенно присуща жизням великих людей. По судьбам великих мыслителей можно изучать историю общества и общественной культуры. История любого государства будет неполной и скучной без описания судеб, характеров и воззрений людей, которые стояли у рычагов государственной машины и приводили в движение ее механизмы.

Автором всех книг данной серии является профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук *Владимир Алексеевич Томсинов*. В связи с этим книги серии «Великие русские люди» представляют собой в определенном смысле одно большое произведение, в котором история России не просто описывается и осмысливается, но и переживается как судьба человеческая — как историческая драма, где сплетаются воедино и неразрывно счастье и несчастье, любовь и ненависть, жизнь и смерть...

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ю р и д и ч е с к и й ф а к у л ь т е т

В. А. Томсинов

Временщик

Исторический портрет
А. А. Аракчеева

Издание 3-е, обновленное и дополненное

Москва
Зерцало-М
2013

ББК 66.1(2)6
Т 56

На лицевой стороне обложки
изображен портрет графа Алексея Андреевича Аракчеева,
написанный в 1823 году английским живописцем Джорджем Доу
для Военной галереи Зимнего дворца

Томсинов В. А.

Т 56 Временщик. Исторический портрет А. А. Аракчеева. Издание 3-е, обновленное и дополненное. М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. — 464 с. (Серия «Великие русские люди»).

ISBN 978-5-94373-219-5

Книга представляет собой документальное повествование о жизни и деятельности человека, с именем которого связана целая эпоха в истории России, — графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834). На основе документов, большинство из которых извлечено из архивов, дается образ крупного сановника, игравшего важнейшие роли в механизме самодержавной власти в конце XVIII — первой четверти XIX в., раскрываются тайные пружины его возвышения, подлинный смысл явления, называемого «аракчеевщиной». Колоритная личность Аракчеева рисуется на фоне событий того времени, во взаимоотношениях с императорами Павлом I, Александром I и Николаем I, а также видными русскими сановниками и генералами: П. И. Меллиссино, М. М. Сперанским, П. И. Багратионом, М. Б. Барклаем де Толли и др.

Автор — профессор юридического факультета Московского университета им. М. В. Ломоносова — предназначает свою книгу для широкого круга читателей.

Ранее в серии «Великие русские люди» вышли книги В. А. Томсинова «Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций» и «Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского».

ISBN 978-5-94373-219-5

© В. А. Томсинов, 2012

© Издательство «Зерцало», 2012

О г л а в л е н и е

<i>Предисловие</i>	VII
<i>Глава первая.</i> «Посеешь характер — пожнешь судьбу!»	1
<i>Глава вторая.</i> В кадетском корпусе.....	28
<i>Глава третья.</i> «Гатчинский капрал»	56
<i>Глава четвертая.</i> «Без лести предан»	80
<i>Глава пятая.</i> Убийство императора Павла I.....	124
<i>Глава шестая.</i> В отставке	144
<i>Глава седьмая.</i> Инспектор артиллерии	166
<i>Глава восьмая.</i> Военный министр	200
<i>Глава девятая.</i> «Аракчеевщина»: первые опыты.....	224
<i>Глава десятая.</i> «Сиятельнейший граф»	244
<i>Глава одиннадцатая.</i> Когда Отечество в опасности	258
<i>Глава двенадцатая.</i> «Гений Зла»	306
<i>Глава тринадцатая.</i> «Аракчеевщина»: явление второе	351
<i>Глава четырнадцатая.</i> «Неоцененное мое сокровище»	380
<i>Глава пятнадцатая.</i> Прощание	391
<i>Глава шестнадцатая.</i> «...И прощены будете!»	417
<i>Послесловие</i>	440

Предисловие

Он слыл среди своих современников человеком злым и жестоким — как бы нарочно созданным для того, чтобы омрачать их существование. Не только в характере его, воззрениях и поступках, но и в самом его внешнем облике усматривали прямо-таки врожденную предрасположенность к злодейству.

«По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире, — писал в своих мемуарах Н. А. Саблуков. — Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного, так как он был очень сутуловат и имел длинную тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомию жил, мышц и т. д. Сверх того, он как-то судорожно морщил подбородок. У него были большие мясистые уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная в сторону; цвет лица его был нечист, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший. Чтобы дорисовать его портрет, у него были впалые серые глаза, и все выражение его лица представляло странную смесь ума и злости». Сходным образом описывал внешний облик Аракчеева и А. К. Гриббе, служивший с 1822 года офицером в военных поселениях: «Фигура графа, которого я увидел тогда впервые, поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себе человека среднего роста, сутулого, с темными и густыми, как щетка, волосами, низким волнистым лбом, с небольшими, страшно холодными и мутными глазами, с толстым, весьма неизящным носом формы башмака, довольно длинным подбородком и плотно сжатыми губами, на которых никто, кажется, никогда не видел улыбки или усмешки; верхняя губа была чисто выбрита, что придавало его рту еще более неприятное выражение. Прибавьте ко всему этому еще серую, из солдатского сукна куртку, надетую сверх артиллерийского сюртука, и вы составите себе понятие о внешности

этого человека, наводившего страх не только на военные поселения, но и на все служившее тогда в России».

Многие современники Аракчеева считали, что он не заслуживает обыкновенного человеческого имени, и звали его между собой именами необыкновенными — в буквальном смысле сказочными: «людоед», «змей горыныч», «змей, который живет на Литейной» или просто «змей». Князь П. М. Волконский писал, например, графу А. А. Закревскому: «Змей, говорят, сидит в своей конуре». И адресату все было понятно: Аракчеев пребывает в собственном имении. «Еще в ребячестве слышал я, как с омерзением и ужасом говорили о людоеде Аракчееве, — вспоминал Ф. Ф. Вигель. — С конца 1796 года по 1801-й был у нас свой терроризм, и Аракчеев почитался нашим русским Маратом. В кроткое царствование Александра такие люди казались невозможны; этот умел сделаться необходимым и всемогущ. Сначала был он употреблен им как исправительная мера для артиллерии, потом как наказание всей армии и под конец как мщение всему русскому народу».

Наверное, всегдашней тайной для рассудка будет тот закон, по которому люди выбирают себе, кого чтить, а кого ненавидеть, и постижимыми останутся мотивы, по каким одного государственного деятеля общество, несмотря на множество обличающих его фактов, всячески превозносит, а другого — при всех оправдывающих его обстоятельствах — безжалостно проклинает. Есть в странности этой нечто первобытно-религиозное, идущее от язычества. Так древний человек, не способный ни объяснить, ни приручить природные стихии, персонифицировал их; выдумывал себе добрых и злых богов и приписывал им все непонятное из происходившего вокруг.

Каждый человек таит в себе желание спастись от бесследного исчезновения, оставить по себе хоть какую-то память в потомстве. Марк Аврелий смеялся над сим желанием: «Нет, что они делают! — людей, живущих в одно с ними время и вместе с ними, они хвалить не желают, а сами тщатся снискать похвалу у потомков, которых никогда они не видели и не увидят. Отсюда совсем уже близко до огорчения, что предки не слагали тебе похвальных речей». Но смеясь над этим странным желанием людей, римский император-философ тем не менее сам носил его в себе и непроизвольно выказывал в грустных размышлениях о человеческой жизни: «Как быстро все исчезает, из мира — само телесное, из вечности — память о нем!»

В графе Аракчееве желание оставить после себя память в потомстве имело свойство настоящей страсти. «Надо строить и строить, —

советовал граф одному из своих друзей, — ибо строения после нашей смерти, некоторое хотя время, напоминают о нас; а без того со смертью нашею и самое имя наше пропадает». Но он боялся напрасно: уж что-что, а имя его прочно и надолго вошло в память русского общества.

В 1882 году историк Н. Г. Богословский писал в своей книге «Аракчеевщина»: «Ему не суждено было принадлежать к числу тех людей, деяния и предначертания которых переживают целые поколения. От него осталось одно прозвище „аракчеевщина“, синоним словам „татарщина“, „архаровщина“ и другим подобным, которые так неприятно поражают наше ухо». Имя Аракчеева оказалось удобным знаком для обозначения и обличения возникающих в обществе в результате насилия со стороны властей бесчеловечных отношений и порядков. И в данном своем качестве оно пережило имена многих прославленных его современников.

Год 1917-й стал роковой гранью для исторической памяти русского общества. Сколько имен славных своими делами русских обречено было новой властью на забвение! Имя же графа Аракчеева не просто уцелело в выпавшей на долю русского общества страшной катастрофе, но заработало с небывалой прежде интенсивностью — на все политические силы одновременно: как против новых властителей, так и на них.

Первую попытку использовать имя Аракчеева для критики захвативших власть большевистских вождей предпринял меньшевик Ю. О. Мартов. В начале декабря 1917 года в письме к старому своему соратнику по борьбе с самодержавием П. В. Аксельроду Мартов писал, что органически неспособен «примириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве». В 1921 году в документах партии социалистов-революционеров, посвященных критике политики большевиков в русской деревне, было заявлено, что «под вывеской коммунизма повторяется печальный опыт генерала Аракчеева», который в начале XIX века организовал в нескольких губерниях России так называемые военные поселения, где солдат-крестьян заставляли работать на государство».

В 1924 году поэт и художник Максимилиан Волошин в поэме «Россия» следующими строками выразил утвердившееся к тому времени представление об Аракчееве:

Минует век. И мрачная фигура
Встает над Русью: форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб.
И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век
У ног ее до самых бурых далей
Нагих равнин — казарменный фасад
И каланча: ни зверя, ни растенья...
Земля судилась и осуждена:
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал, как плац.
А над землей солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.
Таким он был написан Джорджем Доу —
Земли российской первый коммунист —
Граф Алексей Андреевич Аракчеев.

Во второй половине 20-х годов олицетворением новой власти сделался Сталин. Критика обрушилась на него. И удивительно! — критикам тоже пригодились имя Аракчеева. «Хлестаков и Аракчеев, Нерон и граф Калиостро — такова идейно-политическая и духовная физиономия Сталина», — заявлял в своем политическом трактате «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» большевик М. Н. Рютин.

Полистав письма и документы той поры, когда утверждалась в России новая власть, вероятно, можно будет обнаружить немало и других случаев употребления имени Аракчеева для ее критики. Но противники большевистской власти появлялись и исчезали, а сама она оставалась и продолжала прежнюю свою политику. И образину «аракчеевщины», каковую ей подносили в качестве ее портрета, использовала в своих интересах: для обличения власти, ей предшествовавшей — самодержавно-монархической. Так граф Аракчеев зажил новой жизнью в прежнем образе «людоеда», который вырисован был когда-то немилосердными его современниками.

Именно в этом мрачном образе представляла Аракчеева статья в «Большой советской энциклопедии» (повторенная в «Советской исторической энциклопедии»):

«Аракчеев Алексей Андреевич (23. 9. (4. 10) 1769, Новгородск. губ. — 21. 4. (3. 5) 1834, с. Грузино Новгородск. губ.), генерал от ар-

тиллерии (1807), временщик при дворах Павла I и Александра I. Сын небогатого помещика Тверской губ. В 1783–1787 учился в Арт. и инж. шляхетском корпусе. С 1792 инспектор гатчинской артиллерии и пехоты, гатчинский губернатор, в 1796 петерб. гор. комендант. При Павле I А. руководил реакц. преобразованиями в армии (насаждение прусских воен. порядков, суровой палочной дисциплины, линейной тактики и т. д.). Вместе с тем ввел некоторые улучшения в организацию и оснащение артиллерии. Несмотря на огромное влияние А. и награды, дважды увольнялся Павлом I в отставку (1798, 1799–1801). В 1803 восстановлен Александром I в должности инспектора артиллерии. В 1808–1810 воен. мин., с 1810 пред. департамента воен. дел Гос. совета. С 1815 А. сосредоточил фактически в своих руках руководство Гос. советом, К-том министров и Собственной его имп. величества канцелярией, был единств. докладчиком царю по большинству ведомств. Проводил политику крайней реакции, полицейского деспотизма и грубой военщины, которая по имени А. получила название «аракчеевщины». Снискал всеобщую ненависть современников. Широко известна эпиграмма А. С. Пушкина на А. «Всей России притеснитель, губернаторов мучитель... Полон злобы, полон мести, без ума, без чувств, без чести...». В царствование Николая I А. занимал лишь пост гл. начальника военных поселений (с 1817), но аракчеевские методы продолжали сохранять свою силу. Лит.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967, с. 168–173».

«История этого временщика любопытна и поучительна», — писал об Аракчееве Н. И. Греч. Современник графа, лично и притом довольно коротко с ним знакомый, имел в виду, безусловно, ту жизнь Аракчеева, что прошла у него если не на виду, то на слуху, — жизнь, длившуюся шестьдесят четыре с половиной года — ни много ни мало, а примерно столько, сколько и отпущено жить человеку. Вряд ли мог Николай Иванович, как, впрочем, и другие его современники, представить себе, что не менее «любопытной и поучительной» будет и посмертная жизнь Аракчеева — жизнь не его самого, а его имени. А уж сам-то граф, живя и умирая, и не догадывался, какая страшная участь ждет его после смерти, не ведал, что умрет еще раз, и смертью более ужасной, нежели первая — телесная. Умрет смертью духовной в памяти русской и похоронен будет под именем своим, которое станет нарицательным для обозначения всего самого злого и бездушного среди людей...

* * *

Материалы для книги о графе Аракчееве я начал целенаправленно собирать еще в 1985 году во время работы над книгой о Сперанском¹. Граф Аракчеев сыграл немаловажную роль в судьбе этого человека, он и Сперанский являлись двумя главными государственными деятелями царствования Александра I. Они нередко противопоставлялись своими современниками друг другу, с их именами связывались две противоположные тенденции царствования императора Александра I — реформаторская и консервативная. Слова Пушкина, сказанные в 1834 году Сперанскому: «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага» — воспринимались как приговор, не подлежащий обжалованию. И книга об Аракчееве представлялась мне логичным, необходимым дополнением к книге о Сперанском.

Однако чем больше материалов об Аракчееве накапливалось в моих папках, тем сильнее менялось мое представление об этом человеке. Знакомство с архивными документами² окончательно убедило меня, что на самом деле не так жил Аракчеев, не столь прост и примитивен он был, как показывают мемуары его современников и современные энциклопедии. Не был подлинный Аракчеев ни лучше, ни хуже Аракчеева мемуарного. Был он просто-напросто другим!

К концу 1989 года книга об Аракчееве была написана. Я решил дать ей название «Временщик». Это слово было прилеплено когда-то к Аракчееву его современниками — оно стало как бы вторым именем его.

¹ Данная книга вышла в свет в издательстве «Молодая гвардия» в 1991 г. под названием «Светило российской бюрократии (Исторический портрет М. М. Сперанского)». В 2006 году ее расширенный вариант был опубликован в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» под названием «Сперанский». Пятое, обновленное и дополненное издание этой книги вышло в 2012 году в издательстве «Зерцало-М» в серии «Великие русские люди».

² Эти документы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее: РГВИА), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Наибольшее количество документов, связанных с личностью Аракчеева, сосредоточено в РГВИА. В частности, именно здесь находится архив графа Аракчеева из имения Грузино.

В 1992 году книга «Временщик» должна была выйти в издательстве «Юридическая литература». Но вследствие изменения статуса издательства его планы по выпуску литературы были перекроены, и в них места книге об Аракчееве не нашлось. В итоге мой «Временщик» все же появился на свет, но только в 1996 году и в другом издательстве¹.

В 2003 году было опубликовано расширенное издание этой книги в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия»². В нем были учтены новые материалы о жизни А. А. Аракчеева, собранные мною со времени предыдущего издания книги об этом государственном деятеле. Некоторые из них помог получить удомельский краевед Дмитрий Леонидович Подушков. В 1999 году он сообщил мне, что у петербургского художника Константина Кирилловича Иванова хранятся документы из аракчеевского дома деревни Гарусово, расположенной в 15 км от города Удомли на берегу Удомельского озера. Летом 1972 года К. К. Иванов проводил в этом доме занятия с учениками ленинградской художественной школы. Однажды здесь был затеян ремонт. И в процессе его в мансарде на втором этаже под слоями старых обоев были обнаружены наклеенные на стены пожелтевшие от времени листы бумаги с различными записями. Константин Кириллович отделил их от стен, очистил и сложил в три большие папки. Как выяснилось впоследствии, это были письма, прошения, доношения, квитанции и другие хозяйственные документы, касающиеся Аракчеевых. Многие из них были составлены от имени и соответственно заверены подписями живших на протяжении XVIII века предков и родственников графа Алексея Андреевича Аракчеева. Имелись среди этих бумаг и его собственные письма, написанные им в юности, во время учебы в кадетском корпусе.

К. К. Иванов попытался пристроить найденные бумаги в государственные архивы, но безуспешно. Находка в аракчеевском доме не произвела на архивистов какого-либо впечатления. Бумаги остались у петербургского художника и пролежали в папках более четверти века.

Летом 2000 года Константин Кириллович показал аракчеевские бумаги мне и не только позволил, но и помог снять с них копии. Надо ли говорить, как я был благодарен ему за это!

¹ Томсинов В. А. Временщик. М.: Теис, 1996.

² Томсинов В. А. Аракчеев (Серия «ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 2003. — 429 с. В 2010 г. это издание книги было повторено.

В том же году некоторые выдержки из этих бумаг были опубликованы Д. Л. Подушковым на страницах альманаха «Удомельская старина» (№ 16), в 2001 году он опубликовал их в журнале «Русская провинция» (№ 4).

Благодаря Д. Л. Подушкову мне удалось познакомиться с результатами работы члена Русского генеалогического общества В. Б. Колокольцова. Он проживает ныне в Петербурге и в течение долгого времени буквально по крупицам собирает сведения о своих предках — дворянах Колокольцовых и о дворянских семьях, находившихся в родстве с ними. Род дворян Аракчеевых давно привлекает его внимание. Владимиру Борисовичу удалось уточнить и дополнить на основе материалов РГИА родословную А. А. Аракчеева, приведенную в «Русской родословной книге» князя А. Б. Лобанова-Ростовского (Том 1. Издание 2-е. СПб., 1895. С. 18–21, 422).

Настоящий выпуск книги «Временщик» является, по существу, третьим ее изданием. Оно обновлено по сравнению с предыдущим изданием, выходившим в серии «Жизнь замечательных людей», в своем содержании и стиле.

* * *

Александр Сергеевич Пушкин сказал немало насмешливых и дурных слов о графе Аракчееве. Помимо широко известной ныне эпиграммы о нем:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
Бляди грошевый солдат¹

¹ Впервые данная эпиграмма была опубликована в 1861 г. До этого она распространялась только устно или через записи в альбомы. Последняя строчка иногда приличия ради писалась в альбомах как «службы фрунтовый солдат» или «просто фрунтовый солдат» (см. вариант данной эпиграммы, опубликованный в первом томе «Сочинений А. С. Пушкина», выпущенном под редакцией П. О. Морозова в типографии А. С. Суворина в 1887 г. (с. 221).

поэту приписывали также две маленькие эпиграммки:

- 1) «В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он».
- 2) «Холоп — —!
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу...
.....»

Следует, однако, заметить, что если подобные ругательства в адрес Аракчеева действительно выпалил Пушкин, то сделал он это в молодом еще возрасте — в пору, когда человеку вообще свойственны резкие, категоричные суждения о людях. Да и не знал он тогда Аракчеева, потому что если бы знал, то не сказал бы о нем: «Без ума, без чувств, без чести».

В 1834 году повзрослевший, посерьезневший поэт — отец семейства — по-другому будет оценивать графа Аракчеева. В беседе со Сперанским — 2 апреля — он назовет его «гением Зла». А это совсем не то же самое, что, скажем, «злой человек». Это даже и не «злой гений». К тому же Пушкин написал в своем дневнике слово «Зло» с большой буквы — следовательно, он подразумевал здесь не само по себе явление, а его символ. Представляя Аракчеева «гением Зла», Александр Сергеевич выражал тем самым лишь мысль о том, что этот человек — *символ зла!*

Менее месяца спустя поэт сообщал в письме к своей жене о смерти графа. «Аракчеев также умер, — замечал он и добавлял удивительную фразу: — *Об этом во всей России жалею я один. Не удалось мне с ним свидеться и наговориться*»¹. Удивительным в этой фразе было

¹ Данное письмо Пушкин начал писать Наталье Николаевне 20 апреля 1834 г., но дописывал его 22 апреля. Именно тогда и появилась выделенная мною курсивом фраза. И в первом издании данной книги я приводил ее именно в таком написании, в котором привожу сейчас. Мне с самого начала казалось очевидным, что после слов «жалею я один» должна стоять точка, а не запятая или, что еще хуже, тире. Не мог Пушкин жалеть о смерти Аракчеева только потому, что не успел с ним «свидеться и наговориться». Он жалел просто о том, что этот человек умер. А сожаление о том, что не свиделся и не наговорился с графом, лишь добавлялось к огорчению, вызванному его смертью. Так я считал и продолжаю считать, но оказывается, в выпущенном издательством «Воскресенье» полном собрании сочинений А. С. Пушкина, воспроизводящем академическое издание 1948 г., рассматриваемая фраза из письма поэта супруге от 20 и 22 апреля 1834 г. публикует-

не столько выражение Пушкиным своего сожаления о смерти Аракчеева — оно вполне естественно: человек умер! Удивительны слова *«свидетелься и наговориться»*. Мрачный временщик, в которого поэт метал когда-то пропитанные ядом эпиграммы, стал годы спустя чем-то ему важен и дорог. Пушкин явно понял в Аракчееве нечто такое, чего ранее не понимал...

П. А. Вяземский писал на склоне своих лет¹: «Ясно и очевидно, что Аракчеев был не вполне тот, что мерещится нам в журнальных легендах, которые поются с такою охотою на удовольствие общественного суеверия». Но каким человеком был на самом деле Аракчеев? Можно ли нам, живущим через двести лет после него, воссоздать подлинный его образ?

Тело человека только оболочка для его духа, и, кто знает, может, не постоянная, а временная, наподобие той, что имеет бабочка в пору, когда созревает для полета. Всего главнее в человеке дух. Его-то и возможно оживить спустя столетия. Особенно если человек оставляет после себя что-то — в письмах ли, записках, сочинениях или в памяти людской. Собрать это оставшееся воедино, соединить да окропить «живой водой» — и предстанет наяву душа жившего когда-то человека, пусть не во всей своей полноте, но всего лишь в очертаниях...

А «живой водой» будет в данном случае — *сочувствие и понимание!*

ся в следующем варианте: *«Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидетелься и наговориться»*. И при этом в примечании к этому письму говорится, что оно «печатается по подлиннику (ЛБ, № 7021)» (см.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Том 15: Переписка. 1832–1834. М.: Воскресенье, 1996. С. 130, 284). Между тем в собрании сочинений А. С. Пушкина под редакцией П. О. Морозова, изданном А. С. Сувориным в 1887 г., фраза Пушкина о смерти Аракчеева из этого письма напечатана с точкой после слов «жалею я один», то есть так, как, по всей видимости, она и должна выглядеть (см.: Сочинения А. С. Пушкина / Под редакцией и с объяснительными примечаниями П. О. Морозова. Том VII. Письма (1816–1837). СПб., 1887. С. 344).

¹ В статье «По поводу записок графа Зенфта», опубликованной в 1876 г. в первой книжке «Русского архива».

Глава первая

«Посеешь характер — пожнешь судьбу!»

Ранним утром июля 19-го дня 1783 года к дверям Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпуса в Петербурге подошли два человека — мужчина пожилых лет и мальчик-подросток, его сын. Необычайно исхудалые и усталые фигуры их никого уже не удивляли — к ним привыкли, как привыкают к колоннам и другим предметам внутреннего убранства здания. В течение шести последних месяцев изо дня в день приходили они сюда для того только, чтобы показаться на глаза директору корпуса и молча ему поклониться. Таким способом они пытались напомнить ему о себе и о поданном еще в январе прошении о зачислении мальчика в кадеты. Но робкие их движения никак не влияли на директора — каждый раз он безмолвно проходил мимо, и прошение оставалось без ответа.

В этот день, однако, с отцом и сыном что-то произошло. Изможденные их фигуры проникнуты были какой-то особенной обреченностью — такой, при которой и у самых робких, неуверенных в себе натур появляется решимость.

Они вошли в здание корпуса и встали на ступеньки директорской лестницы. Принялись ждать. Вот наконец директор вышел из своего кабинета, двинулся по лестнице, приближаясь к стоявшим в низком поклоне отцу с сыном. Безусловно, он бы и в этот раз прошел с равнодушием мимо, но вдруг мальчик, доведенный отчаянием до предела, распрямился, судорожно качнулся вперед и со слезами — нет, не в глазах, а в голосе — заговорил:

— Ваше превосходительство! Примите меня в кадеты! Мы ждать более не можем, потому что нам придется умереть с голоду. Всю жизнь буду благодарен вашему превосходительству и буду молиться за вас Богу! Батюшка мой не вытерпит и умрет здесь, а я за ним!

Выплеснув из себя эти слова-всхлипывания, мальчик облегченно заплакал, и столько было в его плаче чувства, что не выдержал, залился слезами и отец.

На сей раз директор не прошел мимо. Остановившись подле отца с сыном, он спросил, какая у них фамилия и когда они подали прошение. Получив ответ, вернулся к себе в кабинет. Через несколько минут вышел с запиской и, подавая ее мальчику, сказал:

— Ступай с этим в канцелярию: ты принят в корпус.

Пронзенный радостью подросток бросился целовать руки директора-благодетеля, но тот отстранился и быстро пошел вниз по лестнице.

Прошение, поданное в канцелярию корпуса почти за полгода до этого события, не пропало бесследно. Поступавшие в российские канцелярии бумаги если и терялись, то не где-нибудь, а, как правило, в пасти самих канцелярий. Архив корпуса сохранил для нас оригинал названного прошения. Приведем его текст полностью, дабы поближе познакомиться с героями описанного происшествия:

«Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна Самодержица Всероссийская Государыня Всемиловитейшая. Бьет челом недоросль из дворян Алексей Андреевич сын Аракчеев, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

Родитель мой Андрей Андреевич Аракчеев службу Вашему Императорскому Величеству продолжал Лейб-Гвардии в Преображенском полку, и от оной отставлен порутчиком. Я же, именованный, находясь при нем, обучался российской грамоте читать и писать; от роду мне тринадцать лет, родился в 1769-м году октября 5-го числа; в службе Вашего Императорского Величества никуда еще не записан, а желание имею, чтоб я определен был для обучения подлежащих до артиллерии, фортификации и прочим наукам в Артиллерийский и Инженерный Шляхетский Кадетский Корпус.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня для обучения вышеописанных наук в помянутый корпус кадетом определить, а ежели при оном корпусе порожних комплектных вакансий не имеется, то хотя и сверх комплекта, где до будущих впредь вакансий против комплектных кадет содержать себя обязуюсь своим коштом; крестьян же за показанным родителем моим состоит Тверского наместничества в Вышневолоцком уезде двадцать душ, а что я подлинно из

дворян, в том из данной предкам нашим жалованной грамоты копии и какими чинами службу продолжали и родословную также к показанному отставному порутчику законный сын в службу никуда еще не записан, в том представляю присяжное свидетельство челобитной.

Всемиловитейшая Государыня! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить генваря... дня 1783 года. К поданию надлежит в канцелярию Артиллерийского и Инженерного Шляхетского Кадетского Корпуса. Прошение писал Архангелогородского пехотного полка первой мушкатерской роты солдат Кузма Мохов, недоросль Алексей Андреев сын Аракчеев руку приложил».

День 20 июля 1783 года наш маленький страдалец встретил в новом качестве — он стал кадетом. Его мечта исполнилась, его жизнь определилась, его будущее — в основных своих чертах — обозначилось.

Люди простого происхождения, достигшие высокого общественного положения, любят вспоминать свою юность — время, когда они жили в нужде и страданиях. Есть для них в этих воспоминаниях нечто притягательное, сладостное. Здесь и чувство гордости за себя, и сознание своей индивидуальности, своей особи в высшем обществе, состоящем сплошь из вельмож от рождения.

На склоне лет граф Аракчеев вспоминал события ранних лет своей жизни с тем чувством, с каким стареющий полководец воссоздает в памяти картины первого выигранного им сражения. Социальное и материальное положение его родителей, условия, в которых он рос, начальное образование, которое получил, совсем не благоприятствовали будущей его карьере, никак не предвещали того удивительного взлета на политический олимп, который удалось ему впоследствии совершить.

Обстоятельствами ранних лет жизни Алексею Аракчееву уготована была довольно заурадная роль одного из тысяч мелких винтиков в административном механизме Российской империи, иначе говоря, ждала его должность какого-нибудь канцелярского служащего либо небольшой офицерский чин в армии, а в случае отставки — незавидная участь обыкновенного провинциального помещика.

Род Аракчеевых не был знатным. Это был род небогатых служилых людей, которые хотя и славились усердием на службе и храбростью на полях сражений, но не выходили в большие чины. Поручик или капитан — вот предел их служебной карьеры. Один из Аракчеев-

вых в середине 30-х годов XVIII столетия пробился, правда, в генералы, но это был единственный случай.

* * *

Основу фамилии «Аракчеев» составляет азиатское по своему происхождению слово «арак». Владимир Даль включил его в свой «Толковый словарь живого великорусского языка», указав, что оно обозначает водку, выгнанную из сахарного тростника, патоки, риса или изюма. В странах Азии и Ближнего Востока словом «арак» до сих пор называют различные напитки, созданные на основе перегонного спирта¹. В языке южных славян (македонцев, например) водка из винограда носит почти такое же название — *rakija* (ракия). По всей видимости, фамилия «Аракчеев» произошла от прозвища, которым наградили человека, имевшего какое-то отношение к водке (возможно, это был пьяница, но, может быть, и тот, кто эту самую водку производил или продавал). Такое происхождение данной фамилии делает весьма сомнительным нередко встречающееся в исторической литературе и энциклопедиях утверждение о том, что она принадлежала знатному татарскому роду. Татарскому — вполне вероятно, но скорей всего не слишком знатному.

Самое раннее упоминание фамилии «Аракчеев» в русских документах относится к третьей четверти XV века. В датируемых указанным временем двух актах Троицкого монастыря называется казначей и дьяк великого князя (Ивана III) крещеный татарин Евстафий Аракчеев. Так, в купчей троицкого старца Макария на деревню Оглоблино, у Соли Галицкой, записан в послухах (свидетелях) «Остафей Аракчеев, казначей великого князя». На оборотной стороне оригинала этого документа начертано: «Яз, Остафей, дьяк на сию грамоту послух», и после этого стоит подпись по-татарски.

Князь А. Б. Лобанов-Ростовский в составленной им и дополненной В. В. Румелем родословной дворян Аракчеевых первым назвал Фому Аракчеева, который, по его словам, был «жалован поместьем, д. Гарусовым Новгородского уезда Бежецкой пятины в Тверской половине в 1607 г.»². Он был еще жив в 1621 году.

¹ Например, в Индии такой напиток получают путем перегонки перебродившего древесного сока некоторых видов пальм, в Монголии — сквашенного молока (кумыса). В Сирии арак производят из фиников.

² Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Том 1. 2-е изд. СПб., 1895. С. 18.

Фома Аракчеев имел трех сыновей: Иева (Иова), Алексея и Василия. Имя Василия Фомича упоминается на страницах одной из тетрадей Печатного приказа¹ в записях, внесенных 1 октября 1614 года. Вот эти записи: 1) «В Бежецкую пятину — по челобитью Василья Аракчеева: дано ему поместья 70 чети. Пошлин двадцать девяти алтын з деньгою для разоренья»; 2) «В Бежецкую же пятину — по челобитью Ивана Мельнитцкого да Василья Аракчеева: дано им поместья 120 чети. Пошлин полтора рубли для бедности». Василий умер бездетным до 1639 года.

На основании записей, сделанных в 1639 году в писцовой книге Бежецкой пятины Тверской половины², можно сделать вывод, что Иев и Алексей получили в указанном году во владение в качестве поместья земли своего отца «в Бежецкой пятине, в Тверской половине в Никольском погосте, в Удомельской волости» и брата Василия — «в пустоши Лубенькине, на озере Удомля».

У Иева Фомича было три сына: Трифон, Панфил и Данила. Все трое упоминаются в одном из документов 1677 года, хранящемся ныне в РГИА. В нем говорится: «Дано в поместье Трифону да Панфилу да Данилу Иевлевым детям Аракчеева из порозжих земель в Бежецкой пятине в Никольском погосте в Удомельской волости в пустоши Рассамахине 12 четвертей с осминою, а всего за ними в пустоши Рассамахине 200 четвертей»³. Сохранились также сведения о том, что в 1683 году настоятель Иоанно-Богословского монастыря, располагавшегося на озере Удомля, старец Никон обращался в Новгородскую приказную палату с жалобой на действия трех упо-

¹ Полное название этого документа — «Тетрадь, а в ней записываны, что отдано по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, отдано подписных и печатных пошлин разных городов дворянам и детям боярским, и вдовам, у которых мужья и дети побиты на государевой службе, и недорослям, и всяким бедным людям для бедности и разоренья при постельничем и при Московские наместнике при Константине Ивановиче Михалкове да при дьяке при Иване Мизинове 123-го сентября с 1-го числа». *Печатный приказ* — учреждение нотариального характера, возникшее в России в начале XVII в. (В документах его начинают упоминать с 1611 г.) В этом учреждении удостоверялись приложением печати акты, выдаваемые в Москве частным лицам. Последние платили за это печатные пошлины.

² Записи из этих книг цитируются в брошюре «К истории Удомельского Троицкого Иоанно-Богословского монастыря в XVII веке», изданной в Твери в 1903 г.

³ РГИА. Фонд 878. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 111. Этот документ впервые обнаружил в архиве В. Б. Колокольников.

мянутых братьев Аракчеевых, присоединивших к своим поместьям часть примыкавших к ним монастырских земель¹.

Среди бумаг, найденных художником К. К. Ивановым в доме Аракчеевых в деревне Гарусово, я обнаружил челобитную, поданную Даниилом Иевлевичем на имя «Великого Государя Царя Великого Петра Алексеевича... Великой и Малой и Белой Руси Самодержца... в ноннешнем 204-ом году». Текст челобитной начинается словами: «Бьет челом холопи ваш Данила Иевлев сын Аракчеев...» Данила упоминает в своем прошении также брата Панфила Иевлевича Аракчеева и сына Алексея Даниловича, называя его «капитан Алексей сын Аракчеев». Указанный в челобитной 204-й год — то есть 7204 год от Сотворения мира — соответствует 1696 году Христовой эры.

Данила Иевлевич имел двух сыновей — Ивана и Алексея. Иван Данилович Аракчеев упоминается в документе, датированном 14 декабря 1747 года и хранящемся ныне в РГИА, в качестве отставного каптенармуса, новгородского помещика, владельца усадища Щербина Никольского Удомельского погоста Бежецкой пятины². Имя Алексея Даниловича фигурирует в квитанции, обнаруженной мной среди бумаг из аракчеевского дома, хранящихся у К. К. Иванова. «По указу Ея императорского величества, — говорится в данной квитанции, — (велено?) в казначействе принять Удомельского погоста Алексея Данилова сына Аракчеева усадища Щербина з дватцати пяти душ... для благородного юношества училища...» Датирована квитанция 1779 годом. По всей видимости, Алексей Данилович Аракчеев незадолго до этого умер, не оставив после себя наследников.

У Алексея Фомича Аракчеева было два сына — Самуил и Степан. По грамоте царя Алексея Михайловича от 4 октября 1645 года им обоим были даны поместья в Бежецкой пятине. Имя Самуила Аракчеева присутствует также в вышеупомянутой жалобе старца Никона. Здесь утверждается, в частности, что «пустошь Погорилица в 165 (1657) году сыскана в даче за Самуилом Аракчеевым».

Степан Алексеевич имел по меньшей мере одного сына — Ивана. Его имя упоминается в грамоте царей Иоанна и Петра Алексеевичей, изданной 6 марта 1695 года. Согласно этой грамоте Ивану Степано-

¹ Эти сведения приводятся на с. 8 брошюры «К истории Удомельского Троицкого Иоанно-Богословского монастыря в XVII веке».

² РГИА. Фонд 878. Оп. 2. Ед. хр. 93. Л. 1.

вичу Аракчееву жаловались вотчины в Новгородском уезде, в Бежецкой пятине, в Никольском и Петрово-Тихвинском погостах «за службу предков и отца его, и за его которые службы, ратоборство и храбрость и мужественное ополчение и крови, и смерти предки и отец его и сродники и он показал в прошедшую войну в Коруне Польской и в Княжестве Литовском». Военный историк В. Ф. Ратч полагал, что именно от Ивана Степановича «Аракчеевы ведут свой дворянский род»¹.

Родной брат Степана Алексеевича Самуил Алексеевич оставил после себя трех сыновей — Степана, Ивана и Зиновия. Согласно «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского Иван и Зиновий Самуиловичи были в 1693 году вышневолоцкими помещиками. Имя Зиновия встречается в одном из документов 1709 года, хранящемся ныне в РГИА². О Степане же сохранилось лишь сведение о том, что он владел поместьем в Бежецкой пятине³. А между тем Степан Самуилович Аракчеев приходится прадедом графу А. А. Аракчееву⁴, а Самуил Алексеевич соответственно является его прапрадедом. В качестве «родного деда» отца графа Аракчеева Степан Аракчеев упоминается в одном из документов 1759 года, хранящемся ныне в частном архиве К. К. Иванова.

К прошению о приеме Алексея Аракчеева в кадеты Артиллерийского и Инженерного Шляхетского корпуса, которое цитировалось выше, была приложена «Родословная семьи Аракчеевых». Вот ее текст:

«Прадед Степан служил в армейских полках капитаном; умре.

Дед Андрей служил в армейских полках порутчиком; убит в прежнем турецком походе.

¹ Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве, собранные Василием Ратчем. СПб., 1864. С. 6. По словам В. Ф. Ратча, вотчины в Новгородском уезде, в Бежецкой пятине, в Никольском и Петровско-Тихвинском погостах были пожалованы Ивану Степановичу «за службы предков, отца и самого его в 1684 году».

² РГИА. Фонд 878. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 46–47. На основании этого документа можно сделать вывод о том, что Зиновий Аракчеев владел в 1709 г. на правах поместья землями в деревне Заполье Лосицкого погоста Шелонской пятины.

³ Об этом говорится в «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского (СПб., 1895. Том 1. С. 18).

⁴ Василий Ратч сообщает в своей книге о том, что «прадед графа Аракчеева Степан умер капитаном, служа в армейских полках» (с. 6), однако при этом ничего не говорит об источнике этой информации.

Отец Андрей служил Лейб-Гвардии в Преображенском полку; ныне находится в отставке порутчиком. Алексей проситель».

Из этой родословной видно, что Алексей Андреевич знал о своем прадеде Степане Самуиловиче. Тем не менее в письме к писателю, издателю журнала «Русский Вестник» С. Н. Глинке от 4 мая 1808 года граф по непонятным причинам назвал своим прадедом другого Аракчеева, а именно Василия Степановича, родного сына своего настоящего прадеда. «Родной мой прадед генерал-майор Аракчеев, — сообщал он, — служил в сем чине во время Минихова похода к Очакову. Кажется, что сии чины тогда были важны и более почтенны». Василий Степанович Аракчеев действительно был генерал-майором¹ и участвовал в знаменитом турецком походе генерал-фельдмаршала Б.-Х. Миниха в 1736–1737 годах. При взятии русскими войсками турецкой крепости Очаков 13 июля 1737 года он был ранен². В аттестации, поданной Минихом императрице Анне Иоанновне по случаю взятия Очакова, генерал-майор Василий Аракчеев характеризовался как «храбрый и бросающийся в опасность воин», который «служит с охотою и надежен в деле». 3 марта 1740 года именным указом императрицы Анны Иоанновны Василий Степанович Аракчеев был отправлен в отставку. В 1752 году он являлся владельцем усадьбы Окулово, располагавшегося, как и деревня Гарусово, на берегу озера Удомля.

Помимо Василия у Степана Самуиловича Аракчеева был еще один сын — Андрей, а также дочь — Стефанида, умершая в девичестве. Андрей Степанович приходится дедом графу А. А. Аракчееву. В середине 30-х годов XVIII века он, будучи в чине поручика, был убит в одном из сражений Русско-турецкой войны.

Андрей Степанович был женат на дочери помещика Бежецкой пятины Иуды Михайловича Сназина — Ирине Иудичне³. У них было два сына, Иван и Андрей.

¹ «Опись Высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век» включает в себя высочайшую резолюцию «на донесении генерал-фельдмаршала графа Миниха о награждении полковника Василия Аракчеева чином генерал-майора» (Том 2. СПб., 1875). Датирована указанная высочайшая резолюция 21 февраля 1736 г.

² Имя В. С. Аракчеева как участника указанного похода упоминается в «Записках о России генерала Манштейна». См.: *Манштейн Х. Г. Записки о России*. М., 1998. С. 67, 78, 95, 102.

³ Об этом сообщается во втором томе «Родословного сборника русских дворянских фамилий», составленном В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым (СПб., 1887. С. 397).

Иван Андреевич начал военную службу 17 октября 1738 года. 25 апреля 1755 года был произведен в подпоручики, в январе 1757 года — в поручики¹. Служил он в Киевском пехотном полку. С 1755 года занимался межеванием земель в городе КLINE². После 1762 года вышел в отставку с чином капитана. В последующие годы проживал в своем доме в деревне Гарусово — в его владении находились часть сельца Гарусово и деревня Рудеево в Вышневолоцком уезде. В «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского о капитане Иване Андреевиче Аракчееве говорится, что он умер бездетным до 1792 года (Том 1. С. 19). Документы, которые обнаружены мной среди бумаг из дома Аракчеевых, позволяют уточнить эти сведения и добавить к ним несколько любопытных фактов.

Во-первых, после своего увольнения с военной службы Иван Аракчеев работал в должности землемера. Среди указанных бумаг сохранилась докладная записка, в конце которой стоит дата «июня 2 дня 1772 году» и подпись — «Землемер капитан Иван Аракчеев», а также челобитная на имя «великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийской Государыни», начинающаяся со слов: «Бьет челом второго класса землемер кап. Аракчеев, а о чем, тому следуют пункты...» Датирована эта челобитная июлем 1779 года. Кроме того, есть среди бумаг из гарусовского дома Аракчеевых и фрагмент документа с текстом указа «Ея Величества Государыни Императрицы Самодержицы Всероссийской и прочая и прочая и прочая», в конце которого стоит подпись: «Землемер капитан Иван Аракчеев», а еще ниже фраза в двух строчках: «<нрзб> пашпарта второго класса <нрзб> капитана Ивана Аракчеева».

Во-вторых, из некоторых документов видно, что Иван Аракчеев был женат. Его супруга именуется «капитаншей Марфой Александровной».

В-третьих, в июне 1781 года Иван Андреевич серьезно заболел и предположительно летом (скорее всего в августе — до 24-го числа) 1782 года умер. Среди бумаг из аракчеевского дома сохранилось

¹ Эти факты сообщаются в датированном 15 марта 1762 г. прошении поручика Ивана Андреевича Аракчеева на имя императора Петра III. Черновик данного прошения был обнаружен мной среди бумаг, извлеченных из-под старых обоев в мансарде дома Аракчеевых в деревне Гарусово.

² «При межевании находился с 755 году июля с 30 дня в городе КLINE», — писал в вышеуказанном прошении Петру III Иван Аракчеев.

объявление, написанное им 23 июня 1781 года на имя господина стряпчего Вышневолоцкого уезда поручика Петра Михайловича Затренина. В нем Иван Аракчеев сообщал о том, что накануне «занемог головою болезнью», от которой пришел в состояние слабости. В связи с этим он просил стряпчего обратиться к вышневолоцкому дворянству с тем, чтобы его «в той болезни доставили бы к городскому лекарю». Болезнь оказалась смертельной. В документе из аракчеевского дома, датированном 24 августа 1782 года, Иван Андреевич называется уже покойным¹.

Андрей Андреевич — отец графа А. А. Аракчеева — родился около 1732 года². Военную службу он проходил в лейб-гвардии Преображенском полку. После введения в действие изданного 18 февраля 1762 года высочайшего Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству»³ вышел в отставку в чине поручика⁴ и поселился в сельце Гарусово. Приблизительно в 1765 году Андрей Андреевич женился на дочери бежецкого помещика Андрея Ветлицкого — Елисавете. Мать графа А. А. Аракчеева Елисавета Андреевна родилась в 1750 году, то есть была почти на двадцать лет моложе своего супруга.

¹ Полный текст этого документа приводится ниже.

² Эта дата рождения Андрея Андреевича Аракчеева вытекает из текста документа, хранящегося в РГИА (Фонд 1346. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 19–20).

³ Данный акт, который часто называют «Манифестом о вольности дворянства», установил, что дворяне, «состоящие в военной службе могут просить у командующих над ними об увольнении из службы или отставки, и ожидать резолюции». Указанное освобождение Петр III обставил, правда, целым рядом ограничений. *Во-первых*, дворянам было запрещено увольняться из службы во время военной кампании или за три месяца до ее начала. *Во-вторых*, право на увольнение из военной службы не предоставлялось дворянам, которые находились в нижних чинах менее обер-офицера, если они не выслужили 12 лет. *В-третьих*, отъехавшие после увольнения из службы в другие европейские государства были обязаны, согласно Манифесту от 18 февраля 1762 года, немедленно явиться в свое отечество, «когда только о том учинено будет надлежащее обнародование». В случае неисполнения дворянином высочайшего повеления о возвращении в Россию он мог лишиться своего имения. См. о подлинном смысле этого манифеста в издании: Томсинов В. А. Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Комментарии // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. XI–XXIII.

⁴ В Российском государственном военно-историческом архиве хранится «Диплом на производство Андрея Аракчеева в чин поручика», датированный 5 августа 1764 г. (РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 221).

30 августа 1766 года у супругов Андрея и Елисаветы Аракчеевых родился сын Александр. Не прожив и дня, он умер. 30 июля 1767 года Елисавета снова родила, и опять сына — ему дали имя Степан. А 23 сентября 1769 года у четы Аракчеевых появился на свет сын Алексей, будущий граф и знаменитый государственный деятель¹. 27 февраля 1771 года Елисавета Андреевна родила еще одного сына — его называли Николаем.

1772 год оказался несчастливым для семьи Аракчеевых: 10 января умер сын Степан, а спустя ровно семь месяцев — 10 августа — Аракчеевы лишились и сына Николая. После этого Елисавета Андреевна родит еще семерых детей, в том числе трех сыновей, из которых двое переживут свои детские лета. Она будет доброй матерью всем своим детям и души их всех согреет своей материнской любовью, но Алексея Елисавета Андреевна будет любить по-особому — так, будто он первый и последний ее ребенок. В ее любовь к Алексею влились все те материнские чувства, которые она не успела растратить на своих умиравших один за другим сыновей.

Появление на свет в конце 1772 года пятого по счету сына прервало цепь несчастий, выпавших на долю Аракчеевых. Ребенок родился 19 ноября и был наречен так же, как отец его, — Андреем. Это имя стало в XVIII столетии родовым для семьи Аракчеевых: в трех поколениях подряд именем Андрей называли одного из сыновей. Андрей Андреевич Аракчеев станет генерал-майором и доживет до 22 августа 1814 года.

А имя Николай для Аракчеевых — словно приговор к смерти: рожденный Елисаветой Андреевной 30 ноября 1775 года сын будет назван этим именем и так же, как первый Николай, умрет ребенком — 19 августа 1777 года, не дожив до двухлетнего возраста.

17 августа 1780 года у Елисаветы Андреевны родился еще один сын. Его называли Петром². Брат графа Аракчеева Петр Андреевич

¹ В прошении о приеме Алексея Аракчеева в кадеты Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпуса, текст которого был приведен выше, стоит другая дата его рождения, а именно 5 октября 1769 г. На этот день приходились именины Алексея: 5 октября совершалось празднование трем великим святителям Русской Православной Церкви — Петру, Алексию и Ионе, которые, как говорится в Четьих mineях святого Дмитрия Ростовского, «сохранили невреденным православие на святой земле Русской в тяжкие годы ее внутренних нестроений и бед от многочисленных внешних врагов».

² В исторической литературе, посвященной жизни графа Аракчеева, как правило, называются другие даты рождения и смерти его братьев Андрея и Петра. В. Ф. Ратч,

проживет дольше всех других его братьев. Он дослужится, как и брат Андрей, до чина генерал-майора и умрет 6 декабря 1841 года. Похоронят Петра Аракчеева в Симоновом монастыре у стен собора Тихвинской Божьей Матери.

Помимо семи сыновей Елисавета Андреевна родила четырех дочерей¹: Надежду, Евдокию, Марию, Анну. Однако ни одна из них не пережила детского возраста².

* * *

Аракчевы относились к числу мелкопоместных, небогатых дворян. К ним вполне приложима характеристика дворянства, данная в описании Вышневолоцкого уезда за 1783–1784 годы: «Дворянство в Вышневолоцком уезде многолюдно, но недостаточно (то есть небогато. — В. Т.) и мелкопоместно. Многие имеют только земли без крестьян и содержат себя отдачей в наймы земель или продажей на корню леса. Живут в деревнях без выезда. Службу продолжали пре-

например, пишет, что «Петр родился в 1776 г., а Андрей — в 1778 г.» (Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчеве, собранные Василием Ратчем. С. 7). Указанные Ратчем даты рождения Петра и Андрея Аракчевых называет и П. Ламансай (см.: Русская старина. 1874. Том 10. № 5. С. 192). 1776 г. в качестве даты рождения Петра и 1778 г. как время появления на свет Андрея Аракчеева называются и в очерке историка С. Н. Шубинского «Молодость графа Аракчеева», вошедшем в его книгу «Исторические очерки и рассказы» (СПб., 1908. С. 535). Таким образом, Петр считается в исторической литературе родившимся раньше Андрея. Даты рождения братьев Аракчеева, которые названы мною, — то есть 1772 г. для Андрея и 1780 г. для Петра — приводятся в «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского. Они подтверждаются целым рядом конкретных фактов из их жизни. Например, достоверно известно, что до 15 ноября 1796 г. Петр Андреевич Аракчев являлся кадетом Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса. Если он родился в 1776 г., то, следовательно, в 20 лет он все еще был кадетом, чего, конечно же, быть не могло. Но если датой его рождения является 1780 г., то в 1796 г. ему было 16 лет, а это возраст кадета последних классов.

¹ О том, что у Елисаветы Андреевны помимо сыновей были и дочери, не знал биограф графа Аракчеева В. Ф. Ратч. См.: Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчеве, собранные Василием Ратчем. СПб., 1864. С. 8.

² Надежда родилась 9 сентября 1774 г. Умерла, не прожив и месяца, 6 октября. Евдокия появилась 29 июля 1778 г. и также умерла младенцем. Мария была рождена 30 марта 1782 г. Смерть пришла за ней через десять лет — 24 июля 1792 г. Год рождения Анны неизвестен, а умерла она 17 мая 1797 г. Можно предполагать, что пробыла она на этом свете не более десяти лет. В одном из своих писем к родителям, написанном весной 1787 г., Алексей Аракчев упоминает только одну сестру.

жде в войсках и других коронных должностях, но большей частью в обер-офицерских и нижних чинах»¹.

Из «Окладной книги Вышневолоцкого уезда»² видно, что в 1783 году Андрею Андреевичу Аракчееву принадлежал 21 крепостной крестьянин. В сельце Гарусово за ним было записано 15 душ крепостных, в деревне Рудеево — 4, в деревне Меньшие Порожки — 2. Шесть крестьянских душ было закреплено за его сыном Алексеем.

К небогатым, мелкопоместным дворянам относилась и семья его супруги Е. А. Ветлицкой. Отец Елисаветы Андреевны, по всей видимости, умер рано. Мать — Надежда Яковлевна Ветлицкая (урожденная Тишкова) — была жива еще в 1805 году³. Ветлицкие имели в своем владении земли и крепостных крестьян в Бежецком уезде. Два принадлежавших им имения, одно из которых находилось в селе Курганы, а другое — в деревне Заужанье, оказались позднее во владении супруга Елисаветы Андреевны⁴.

О том, каким было материальное положение семьи Аракчеевых, можно судить по содержанию договора о разделе имущества умершего Ивана Андреевича Аракчеева, заключенного между его братом Андреем Аракчеевым и вдовой — Марфой Александровной. Этот документ хранится в архиве художника К. К. Иванова. Я привожу его текст полностью, сохраняя по возможности орфографию (лишь кое-где предлоги отделены для большей ясности от слов). Многоточия

¹ Это описание опубликовано в сборнике «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 гг.», изданном в Твери в 1873 г. Выдержки из него цитируются в кн.: *Архангельский Н. Л.* История Удомельского района с древнейших времен до 1900 г. Тверь, 1993. С. 49–51. В описании Вышневолоцкого уезда приводятся и цифры, показывающие, насколько «многолюдно» было вышневолоцкое дворянство. Согласно им, в 1783 г. в Вышневолоцком уезде проживало 67 тыс. 816 человек. Из них помещиков было 551 человек обоего пола. Им принадлежало 37 тыс. 87 крепостных крестьян. Отсюда можно сделать вывод о том, что в среднем на одного вышневолоцкого помещика приходилось 67 крепостных крестьян.

² РГИА. Фонд 558. Оп. 2. Ед. хр. 268. Л. 318.

³ В письме к своей матери Елисавете Андреевне от 10 мая 1805 г. граф Аракчеев поздравлял ее и «милостивую государыню бабушку Надежду Яковлевну» с бывшим накануне праздником святого Николая Чудотворца (Вестник Европы. 1870. № 8. С. 471–472).

⁴ «Оба перешли к отцу графа, Андрею Андреевичу, от тещи его Н. Я. Ветлицкой», — говорится в статье местного краеведа И. Н. Постникова «Дворянское землевладение в Бежецком уезде», опубликованной в 1921 г. в сборнике «Бежецкий край» (с. 47).

даны вместо букв или слов, которые невозможно прочитать вследствие повреждений или оттого, что выцвели чернила.

«1782 года августа «24» дня. Мы (нижеподписавшиеся?) порутчик Андрей Андреев сын Аракчеев; да невестка, моя род[ная] [капи]танша Марфа Александровна доч[ь]¹ ...шем имени после покойного маего брата а ее мужа Ивана Андреева сына Аракчеева положили о нижеследующем; из недвижимаго имения ис крестьян достался мне Марфе крестьянин Никифор Андреев з женою Марфою Петровой; а движимое имение ис пасуды, серебряной медной палавяннак и платья мужененае, так же ис тыя образа все мне капитанши; а из скота ей и из хлеба четвертая; а из сена в полях и [пус]тошах получить мне седмие часть; а з ...что следует мне капитанши после мужа [моег]о получить одна третью часть то догаварила[сь] я одать ему, деверю моему, ценой за пятьдесят рублей на что мне о крепостных дел дать ему купчею; а как до дома и до всяковая строения мне капитанши дела нет в доме. Что есть деревяннное столы и стулья и всякая деревянная посуда, ему, деверю моему, а имеющиеся на покойном муже моем всякие долги как денежные, хлебные и скотные платить мне капитанши Аракчеевой; а ему, деверю моему, до того дела нет. И сему даговорному писму порутчик Андрей Аракчеев руку приложил».

Из содержания приведенного документа видно, что материальное благосостояние дворян Аракчеевых было весьма скудным — такие бытовые условия вполне мог иметь любой зажиточный крестьянин.

В летние месяцы семья Андрея и Елисаветы Аракчеевых проживала, как правило, в селце Гарусово, которое находилось на берегу Удомельского озера. Но к зиме перебиралась в село Курган², располагавшееся в сорока верстах от городка под названием Бежецк. Дом Аракчеевых в Гарусово использовался и сохранялся в более или менее приличном состоянии до середины 80-х годов XX века. В настоящее время он наполовину разрушен. В Кургане же аракчеевский дом стоял до 80-х годов XIX века. Затем был из-за ветхости снесен. В настоящее время на его месте располагается пустырь, а невдалеке от него единственное сохранившееся аракчеевское строение — большой амбар на каменных столбах.

¹ После этого слова, очевидно, должна идти фамилия отца жены покойного Ивана Аракчеева Марфы Александровны, но прочитать ее на бумаге невозможно.

² Современное название данного села — Курганы.

По сведениям священника Н. Н. Постникова, семья Андрея и Елисаветы Аракчеевых имела небольшой дом (в три окна по фасаду) с садом и со вспомогательными строениями также в самом Бежецке¹.

Местом рождения Алексея Андреевича Аракчеева в исторической литературе называется чаще всего сельцо Гарусово, но некоторые историки полагают, что он родился в селе Курганы². Как ни странно, точного ответа на этот вопрос дать невозможно, потому что никаких документов о рождении Алексея не сохранилось. Его мать Елисавета Андреевна 23 сентября 1769 года — в день, когда он родился, — вполне могла находиться и в Гарусово, и в Курганах. А поскольку семья Аракчеевых проживала попеременно в обоих этих селениях, а зимою нередко обитала в своем бежецком доме, то и детство Алексея проходило и в Гарусово, и в Курганах, и в Бежецке.

И все же, на мой взгляд, наиболее вероятным местом рождения графа Аракчеева следует признать сельцо Гарусово³. И вот почему.

Ныне Гарусово у озера Удомля, Курганы и Бежецк относятся к Тверской области. В стародавние же времена эти селения являлись

¹ Постников Н. Н. Граф А. А. Аракчеев по сохранившимся в Бежецке воспоминаниям. Тверь, 1913. С. 5. Дом Аракчеевых в Бежецке стоял на улице, которая в старые времена называлась Христорождественской, а сейчас носит название улицы Чудовой. В первые десятилетия XX в. он был еще в сносом состоянии, сейчас от дома остались только старые покосившиеся и ушедшие в землю стены да полуразрушенная крыша.

² На Курганы в качестве места рождения А. А. Аракчеева указывали, например, бежецкие краеведы Н. Н. и И. Н. Постниковы. См.: Постников Н. Н. Граф А. А. Аракчеев по сохранившимся в Бежецке воспоминаниям. С. 5; Постников И. Н. Дворянское землевладение в Бежецком уезде // Бежецкий край. Вып. 1. Бежецк, 1921. С. 47.

³ Я имею в виду в данном случае сельцо, расположенное на берегу Удомельского озера. Название «Гарусово» было довольно распространенным на новгородских землях. Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. упоминают под именем Гарусово две деревни: «Гарусово на ручью на Замегленском» и Гарусово «на речке Волчине». Некоторые историки именно последнюю деревню называют в качестве места рождения графа Аракчеева (см., например, вступительную статью к изданию «Аракчеев: свидетельства современников». М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 9, в которой автор ее — Е. Э. Лямина пишет о том, что Алексей Аракчеев родился «в сельце Гарусово, стоящем на берегу небольшой речки Волчины, на середине пути из Вышнего Волочка в Бежецк»). При этом не приводится никаких документальных доказательств данному утверждению и не обращается внимание на то, что, по сохранившимся документам, Аракчеевым принадлежало именно сельцо Гарусово у озера Удомля, а не Гарусово на речке Волчине.

новгородскими¹. В эпоху Древней Руси земли, на которой они располагались, входили в состав Новгородской республики и принадлежали новгородским боярам и церкви. «Устав князя Ярослава о мостех», созданный в Новгородской республике приблизительно в середине XIII века, упоминает в статье 3 в списке сотен, на которые делилась новгородская территория, Бежецкую («Бежичкаа») сотню («ста»).

В XV веке указанные земли входили в состав Тверской половины Бежецкой пятины. «Пятина» — это административно-территориальная единица, в которую включались под названием «половин» старые сотни. Бежецкая пятина образовалась из прежней Бежецкой сотни, которая стала именоваться Тверской половиной, и сотни, называвшейся ранее Помостьем, а в указанное время принявшей наименование Белозерской половины. Центром Бежецкой пятины стала крепость Городецк в Бежецком Верхе, или в сокращенном наименовании — просто Бежецкий Верх.

В 1478 году новгородские земли были присоединены к Московскому княжеству. Однако деление их на пятины-половины — погосты сохранилось. Оно существовало и в XVII веке, о чем свидетельствуют цитированные выше документы о пожаловании земельных наделов предкам графа Аракчеева.

По Именному указу Петра I «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» от 18 декабря 1708 года в России вводилось новое административно-территориальное деление — на губернии. На основании этого указа земли бывшей Бежецкой пятины вошли в состав Ингерманландской губернии, переименованной в 1710 году в Санкт-Петербургскую.

По Именному указу Петра I от 22 (26) января 1719 года губернии разделялись на провинции. Территория, на которой располагалось сельцо Гарусово, вошла в состав Новгородской провинции, а территория села Курган и Бежецкого Верха — в Тверскую провинцию Санкт-Петербургской губернии. 29 апреля 1727 года из этой губернии была выделена Новгородская губерния. В нее вошли по-

¹ Сельцо Курган упоминается в Писцовых книгах Бежецкой пятины XVI в.: «Селцо Курган, а в нем двор большой, а живет в нем Яков Оникеев, а людей его: (а) Тимоха Прокофьев, (в) Марко Васильев...» (Писцовые книги Новгородской земли. Том 3. М., 2001. С. 133). Многократно упоминаются в этих книгах и названия «Городецк в Бежецком Верхе» (современный Бежецк) и «Бежецкий Верх» (там же. С. 20, 21, 26, 40, 195, 198, 201–213, 221, 229).

мимо Псковской, Великолуцкой и Белозерской также Новгородская и Тверская провинции.

Именным указом Екатерины II от 11 октября 1764 года город Бежецкий Верх (Городецк в Бежецком Верхе) был отнесен к Углицкой провинции Московской губернии. В 1766 году Городецк в Бежецком Верхе был переименован в Бежецк.

В 1772 году селение Вышний Волочек получило статус города, и соответственно возник Вышневолоцкий уезд. В него и вошло сельцо Гарусово. Но при этом оно одновременно продолжало относиться к Никольскому Удомельскому погосту. Среди бумаг из дома Аракчеевых, хранящихся у К. К. Иванова, есть список крестьян сельца Гарусово. Он начинается со слов: «Вышневолоцкаго уезда Някольскаго Удомельскаго погоста дворовые люди». В этом списке присутствуют, кстати сказать, Никифор Андреев и его жена Марфа Петрова, упоминающиеся в приведенном выше договоре вдовы капитана Ивана Аракчеева Марфы Александровны и его брата — поручика Андрея Аракчеева.

«Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», принятые императрицей Екатериной II 7 ноября 1775 года, положили начало новой реформе местного управления. В соответствии с этим законом утверждалось Тверское наместничество (с 1796 года — губерния). В него включались в числе девяти уездов Вышневолоцкий уезд из прежней Новгородской губернии и Бежецкий из Московской губернии. Таким образом, в 1775 году сельцо Гарусово, село Курганы и город Бежецк стали тверскими.

Однако в 1769 году — в год рождения Алексея Аракчеева — сельцо Гарусово было *новгородским*, то есть располагалось на территории тогдашней Новгородской губернии, а село Курган и город Бежецк — *московскими*, так как находились в составе Углицкой провинции тогдашней Московской губернии. Известно, что граф Аракчеев называл себя не иначе как «*новгородским*» дворянином. И если он имел в виду не только подаренное ему императором Павлом I имение Грузино, располагавшееся в Новгородской губернии, но и сам факт своего рождения в Новгородской губернии, то тогда местом его появления на свет могло быть только сельцо Гарусово на берегу Удомельского озера.

* * *

О детстве и отрочестве графа Аракчеева сохранилось крайне мало сведений. Алексей Андреевич не оставил после себя мемуаров, хотя и

любил вспоминать о прошлом и даже вел кое-какие записи о наиболее примечательных в своей жизни событиях. Писателю Ф. В. Булгарину в конце августа 1824 года во время посещения аракчеевского имения в Грузино довелось услышать довольно подробный рассказ графа о том, как он учился грамоте и поступал потом в кадеты. Впоследствии Фаддей Венедиктович передал основное содержание этого рассказа в своих воспоминаниях¹.

Подобный случай, когда Алексей Андреевич, принимая у себя гостей, потчевал их не только обильными яствами, но и занимательными историями из раннего периода своей жизни, был не единственным. Пребывая в зените своего могущества, Аракчеев любил при случае напомнить окружающим его вельможам о том, что он из простых и бедных дворян и всеми успехами своими по службе обязан не происхождению и родителям своим, но исключительно собственному трудолюбию.

К сожалению, большая часть рассказов графа Аракчеева о своем детстве не была записана и не дошла до нас. Кое-какие сведения о его жизни в родительском доме удалось собрать историкам В. Ф. Ратчу и Н. К. Отто. Они успели поговорить с людьми, знавшими семью Аракчеевых в 70–80-е годы XVIII века, и старики сообщили ряд любопытных подробностей о маленьком Алексее и его родителях. Кроме того, историки встречались с людьми, которым граф Аракчеев рассказывал о своем детстве. В. Ф. Ратч изложил воспоминания старожилов и переданные ему рассказы Алексея Андреевича в своей книге «Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве»², а Н. К. Отто опубликовал их в серии статей под названием «Черты из жизни графа Аракчеева»³.

Из всех этих рассказов и воспоминаний вырисовывается следующая картина.

Отец Алексея — отставной поручик Андрей Андреевич — был человеком весьма ленивым. Такими были в то время многие отставные

¹ См.: Булгарин Ф. В. Поездка в Грузино в 1824 году // Новоселье. Часть 3. СПб., 1846. С. 201–220.

² В. Ф. Ратч счел необходимым отметить в указанной своей книге следующее: «Граф Аракчеев любил вспоминать годы своего детства: имеем несколько рассказов от людей, слышавших их от самого его. Они более или менее полны и не противоречат ни между собою, не противоречат им и официальные документы. Не можем сказать то же о напечатанных жизнеописаниях» (Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве, собранные Василием Ратчем. СПб., 1864. С. 8–9).

³ См.: Древняя и новая Россия. 1875. № 1. С. 95–102.

военные, осевшие после увольнения из армии в своих деревнях и не нашедшие там приложения своим силам. Вместо того чтобы заниматься своим, пусть небольшим, но все же обеспечивавшим определенный достаток хозяйством, Аракчеев часто и подолгу сидел у окна, наблюдая за всем, что происходило во дворе его дома.

При этом помещик он был добрый: крестьянам своим не докучал излишними капризами, а по мере возможностей старался даже облегчить их участь. С камердинером же, по совместительству винокуром, Василием, Андрей Андреевич крепко подружился и преждевременную его смерть переживал очень тяжело. Всю дорогу на кладбище проплакал навзрыд, как ребенок, да и после похорон долго не мог успокоиться. Был у Василия сын Степан, который после смерти отца остался один-одинешенек. Андрей Андреевич взял Степана к себе в семью и внимательно следил за тем, чтобы тот не был обделен в чем-либо. Сирота рос вместе с его старшим сыном Алексеем. Обоих мальчиков частенько мыли, по распоряжению Андрея Андреевича, в одном корыте.

Способность всей душой привязываться к кому-либо Андрей Андреевич сполна передал Алексею. Однако в целом характером своим сын пошел скорее в мать, чем в отца.

Если быт семьи Аракчеевых в целом не отличался от быта других небогатых русских дворянских семей, то царившая в ней духовная атмосфера была особой. И эта ее особенность создавалась главным образом женой Андрея Андреевича Елисаветой Андреевной.

Будучи женщиной на редкость деятельной, она одна несла на себе нелегкий груз забот о хозяйстве. Кроме того, ей приходилось быть в своем доме и кухаркой, и прачкой, а нередко заменять у мужа прислугу. В зрелом возрасте Алексей Аракчеев не раз вспоминал о виденном им в детстве, и часто всплывала перед ним картина, как отец его время от времени посылал мать в погреб, и та, не медля и не прекословя, бежала и приносила то, чего муж ее вдруг возжелал.

Благодаря Елисавете Андреевне дом и хозяйство Аракчеевых славились в округе своей необыкновенной чистотой и порядком. Все домочадцы: и дети, и прислуга и, естественно, сама хозяйка — были одеты хотя и скромно, но при том чрезвычайно опрятно. В высшей степени трудолюбивая и бережливая, Елисавета и от других требовала такого же трудолюбия и бережливости, учила «жить прилично» (любимое ее выражение, передававшееся впоследствии старшему сыну).

Соседи в шутку называли Елисавету Андреевну «голландкой». Однако исключительная строгость во всем, что касалось быта, какой-то даже педантизм не превращались у нее в жестокость и душевную черствость. Елисавета Андреевна была способна проявлять доброту и сострадание. А присущая ей бережливость не переходила грани, за которой начинается скупость.

Гостей хозяйка неизменно принимала с полным радушием. И угощала их всем, чем только могла. Ежегодно в день Андрея Первозванного — 30 ноября — Аракчевы устраивали у себя пир, на который съезжались все соседские помещики с семьями. По воспоминаниям очевидцев, аракчевские пиры оказывались такими, какие способны были устраивать разве что помещики, владевшие более чем полусотней душ крестьян, а ни в коем случае не двумя десятками, имевшимися в распоряжении Андрея Андреевича.

Из троих своих сыновей Елисавета Андреевна всегда выделяла Алексея, но любила его не слепой материнской любовью, заставляющей оберегать свое чадо от всяческих жизненных тягот. Мать старалась подготовить сына к будущей жизни, в которой его, выходца из бедных дворян, ожидало, как она понимала, множество разных препятствий и невзгод.

Алексей рано стал привлекаться матерью к работе по хозяйству, приучаться к чистоте и порядку. Сама набожная до крайности, Елисавета Андреевна и сыновей своих стремилась воспитать в строгом религиозном духе. Она постоянно брала их с собою в церковь, которую посещала аккуратно, не пропуская ни обедни, ни вечерни. Учила молитвам, внушала уважение к нормам христианской этики. И уроки матери не проходили для Алексея бесследно. В нем рано появились и трудолюбие, и привычка к порядку, и редкая в его возрасте бережливость в одежде и обуви. Мальчик был не по годам серьезным и не проявлял свойственной детям склонности к шалостям и озорству.

Когда Алексей подросток, Андрей Андреевич задумался о его будущем. Сыновей Андрея и Петра он решил пустить по военной стезе, Алексея же ему захотелось определить на гражданскую службу. Став взрослым и выйдя в большие чины по военной службе, Алексей Аракчев будет часто вспоминать о ждавшей его канцелярской жизни. «Да, братец, — скажет он в 1824 году разговоре с Фаддеем Булгариным и с Михаилом Сперанским, — я по себе знаю, как судьба располагает человеком и как малейшее обстоятельство может иметь влияние на всю жизнь. Отец мой, бедный дворянин, не про-

чил меня в военную службу. У нас был родственник в Москве, к которому меня хотели выслать, потому что он обещал записать меня в какую-то канцелярию. Из меня хотели сделать подьячего, то есть доставить мне средства к снискиванию пропитания пером и крючками. Не имея понятия ни о какой службе, я даже не думал прекословить отцу»¹.

Вообще гражданская служба в России вплоть до начала XIX века не считалась среди дворян привлекательной. Дворянские дети шли обыкновенно в армию, а российские канцелярии, неудержимо разраставшиеся в числе и размерах, пополнялись более лицами недворянского происхождения — часто выходцами из духовенства, выпускниками духовных семинарий. Главной причиной, по которой Андрей Андреевич решился нарушить традицию и отдать своего старшего сына в гражданскую службу, была, по всей видимости, его относительная бедность.

Двадцать с лишним душ крепостных крестьян, которых Андрей Андреевич имел в своем владении, обеспечивали при надлежащей бережливости вполне сносное существование его семье, но чтобы вывести в офицеры троих сыновей, этого было маловато. К тому же хозяйство Аракчеевых, как и других мелкопоместных дворян, являлось всецело натуральным, а для сыновей, пошедших в офицеры, нужны были деньги, и немалые. Служивший в свои молодые годы в лейб-гвардии Преображенском полку в Петербурге, Андрей Андреевич хорошо знал это. Вот почему он был серьезно настроен отдать одного из своих сыновей на службу в канцелярию. Почему его выбор пал на старшего из них, можно только гадать.

Дабы научить Алексея чтению, письму и элементарным правилам арифметики, Андрей Андреевич нанял за натуральную плату рожью и овсом местного священнослужителя.

Ближайшая от Гарусово (на расстоянии не более двух километров) церковь находилась в селе Тихомандрицы. Это был храм Пресвятой Богородицы. Его настоятелем в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII века являлся Павел Максимович Соколов — родной дед Дмитрия Ивановича Менделеева. В 1783 году у него родился сын Иван, отец великого русского ученого. Фамилию Менделеев первым стал носить именно Иван Павлович. Это была фамилия одной

¹ Булгарин Ф. В. Поездка в Грузино в 1824 году // Новоселье. Часть 3. СПб., 1846. С. 213.

из семей удомельских дворян¹. Иван взял ее себе во время обучения в Тверской духовной семинарии. В 1804–1807 годах он учился в Главном Педагогическом институте в Петербурге, а потом всю жизнь преподавал и директорствовал в гимназиях. Скорее всего именно Иван Менделеев рассказал некоему И. К. Т. историю о том, как его отец — Павел Максимович Соколов — учил русской грамматике и арифметике юного Алексея Аракчеева и как однажды во времена, когда его ученик стал графом и влиятельным сановником, посоветовал своему сыну обратиться к нему за помощью. И якобы Иван Павлович действительно обращался к графу Аракчееву с какой-то просьбой, но получил отказ и «компенсацию» в 2 рубля серебром. Впоследствии этот И. К. Т. опубликовал в одном из номеров журнала «Природа и люди» биографический очерк о Д. И. Менделееве, в котором и поведал данную историю².

Сам граф Аракчеев говорил Фаддею Булгарину о том, что до поступления в кадеты он знал только «русскую грамоту и четыре правила арифметики». «Единственными моими учителями, — добавлял он, — были отец мой и дьячек». О дьячке, обучавшем его грамоте и арифметике, Алексей Андреевич неоднократно сообщал и своим подчиненным по службе, так что слова эти превратились у него со временем в своеобразную поговорку. Если действительно Алексея Аракчеева учил грамоте и арифметике родной дед Д. И. Менделеева П. М. Соколов, то граф (сознательно или по незнанию) принижал сан первого своего учителя. Но вполне может быть, что Павел Максимович в то время, когда учил Алексея, не был еще настоятелем храма и даже не принял еще священнического сана, то есть был диаконом. А возможно, и вовсе не Соколов учил мальчика грамоте с арифметикой, а кто-то другой. Любопытно, что по «Словарю живого великорусского языка» Владимира Даля «дьячек» — в тверском говоре — это и есть «учитель грамоты».

Как бы то ни было, Алексей, отданный своим отцом в обучение азам грамоты и арифметике, стал учиться с охотой. Особенно понравилась ему арифметика. Занятия ею стали любимым его развлечением. За короткое время мальчик овладел навыками сложения, вычитания, умножения и деления в такой степени, что как будто даже

¹ По сообщению удомельского краеведа Д. Л. Подушкова, надгробные памятники удомельских дворян Менделеевых до сих пор стоят на погосте деревни Островно (см.: Удомельская старина. 2000. № 16. С. 4).

² См.: Удомельская старина. 2000. № 17. С. 4.

превзошел в них своего учителя. Однако главное для канцеляриста качество — умение красиво писать — не давалось Алексею. Отец, внимательно следивший за учебой сына, весьма огорчился этим. «Какой он будет канцелярский чиновник, когда пишет, точно бредут мухи!» — восклицал Андрей Андреевич в припадке отчаяния.

У дядька почерк был неважный, пришлось отцу самому взяться за обучение сына каллиграфии. Просмотрев имевшиеся в доме служебные бумаги, он выбрал из них те, что были написаны красивым почерком, и стал заставлять Алексея их переписывать. И кое-какие успехи появились — мальчик выучился-таки писать вполне разборчиво. Письма кадета Алексея Аракчеева своим родителям, написанные его рукою, отличаются достаточно красивыми и четкими буквами¹. Но нелюбовь к чистописанию все же сказалась на его почерке. Занимая впоследствии важные должности в государственном управлении, Аракчеев редко писал бумаги собственноручно, чаще прибегал к помощи писаря. В результате с годами почерк его делался все хуже и хуже. Так что лучшим образцом его каллиграфического искусства осталась строчка, написанная им в тринадцатилетнем возрасте — в заключение приводившегося выше документа — «недоросль Алексей Андреев сын Аракчеев руку приложил».

Вероятно, Андрею Андреевичу удалось бы сделать из своего старшего сына канцеляриста, и тот, надо полагать, с достаточным усердием исполнял бы свои обязанности, и жизнь его прошла бы столь же незаметно-неприметно для современников, как проходит жизнь тысяч мелких государственных служащих, но судьбе угодно было распорядиться по-иному.

Существует старая, забытая пословица: «Посеешь поступок — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу». Судьба Алексея Аракчеева оказалась заложенной именно в его характере.

К своим одиннадцати годам Алексей имел вполне сложившийся характер и недетскую самостоятельность в суждениях и поступках. Все это хорошо выявил один случай, произошедший приблизительно в 1780 году.

Одним из соседей Аракчеевых был отставной прапорщик помещик Гаврило Иванович Корсаков — владелец находившегося непо-

¹ Я делаю этот вывод, глядя на ксерокопии двух писем Алексея своим родителям из кадетского корпуса в Петербурге. Оригиналы этих писем оказались среди бумаг, обнаруженных художником К. К. Ивановым в аракчеевском доме в деревне Гарусово.

далеку от Гарусово села Остров¹. Однажды к нему приехали на побывку в отпуск сыновья Никифор и Андрей, учившиеся в Артиллерийском и Инженерном шляхетском кадетском корпусе. Гаврило Иванович на радостях устроил торжественный обед, на который позвал и Аракчеевых. Андрей Андреевич, отправляясь в гости, взял с собою старшего сына.

Встреча с братьями-кадетами потрясла Алексея Аракчеева. Много лет спустя он вспоминал о ней: «Лишь только я увидел Корсаковых, в красных мундирах с черными лацканами и обшлагами — сердце мое разгорелось. Я не отходил ни на минуту от кадет, наблюдал каждый их шаг, каждое движение, не проронил ни одного слова, когда они рассказывали об ученье, о лагерях, о пальбе из пушек»².

По возвращении домой Алексей никак не мог успокоиться. Днями напролет грезил он о кадетах, а ночами они ему снились. От волнения его трясло, как в лихорадке. Зная о намерениях отца определить его писарем в канцелярию, мальчик какое-то время скрывал свое состояние, но в конце концов не выдержал. С рыданием бросился он отцу в ноги и, давясь слезами, объявил ему, что умрет с горя, если его, как братьев Корсаковых, не отдадут в кадеты. Андрей Андреевич, выслушав сына, поднял его и посадил возле себя. Сначала он успокоил мальчика, а затем стал отговаривать его от сей затеи. «Я не прочь, — сказал отец Алексею, — да как попасть в Петербург, как определить тебя? У меня нет ни денег, ни покровителей!» Но подобные доводы совсем не действовали на возбужденную мальчишескую душу. «Позвольте мне пойти пешком, — возразил сын отцу, — я дойду как-нибудь, брошусь в ноги государыне, и она, верно, сжалятся надо мною. Вы мне столько рассказывали о ее благодати!» Андрей Андреевич был глубоко тронут этими словами. «Нет,

¹ В настоящее время эта деревня носит несколько измененное название — Островно. Она находится приблизительно в шести километрах от Гарусова.

² Так передал рассказ графа Аракчеева о встрече с братьями Корсаковыми Фаддей Булгарин. В. Ф. Ратч привел другой вариант этого рассказа. По его словам, Аракчеев поведал о своей встрече с кадетами Корсаковыми следующее: «Мне в голову не приходило расспрашивать их, каким премудростям их обучают, но не мог я не слушаться их рассказом о лагере, ученьях, стрельбе из пушек. Я не проронил ни одного слова. Особенно поразили меня их красные мундиры с черными бархатными лацканами. Мне казались они какими-то особенными высшими существами. Я не отходил от них ни на шаг» (Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве, собранные Василием Ратчем. С. 10).

если уж идти пешком, так идти вместе, да и терпеть вместе», — сказал он Алексею и, заплакав, прижал его к себе.

Было решено, что отец поедет вместе с сыном в Петербург и постарается как-нибудь определить его в кадеты. Тотчас сообщили об этом матери. Елисавета Андреевна оказалась лукавее своего мужа. Она сразу же выразила свое согласие на определение старшего сына в кадетский корпус. «С Богом, — сказала она ему, — коли на то Божия воля, ступай в кадеты». Но затем добавила, что ныне отправляться в Петербург Алексею еще рановато, пусть подрастет маленько. Мать надеялась, видимо, что время постепенно ослабит в сыне стремление в кадеты, и тогда можно будет устроить его судьбу так, как было уже задумано. Когда, незадолго перед этим случаем, шла речь о том, не пора ли отправить Алексея в Москву для определения на учебу в канцелярию, она вполне соглашалась отпустить его из дому, следовательно, возраст сына казался ей достаточным для начала самостоятельной жизни. Андрей Андреевич не стал уговаривать жену и согласился, что с Петербургом надо подождать.

Шло время, но желание поступить в кадеты не становилось в Алексея слабее. Мальчик крепко держался за свою мечту и терпеливо ждал, когда же наступит пора для ее исполнения.

Эта счастливая для Алексея пора наступила лишь спустя два года с момента встречи его с братьями Корсаковыми. Андрей Андреевич и Елисавета Андреевна решили, что ждать более нельзя — надо определять старшего сына на учебу в тот кадетский корпус, в который он неуклонно рвался.

Денег Аракчеевы не имели. Но после продажи на базаре двух коров да излишков зерна им удалось собрать необходимую для поездки в Петербург денежную сумму.

Последние дни перед отъездом Алексея из дома Елисавета Андреевна ходила сама не своя и вся в слезах. К самому отъезду пригласила священника¹ отслужить молебен. Помолились. Присели в молчании, как полагается по обычаю. Начали прощаться. Момент расставания с матерью Алексей запомнил на всю свою жизнь. Через

¹ Если Алексей Аракчеев уезжал поступать в кадетский корпус из Гарусова, то этим священником являлся скорее всего Павел Максимович Соколов как священнослужитель ближайшего к селу храма и соответственно церковного прихода, к которому относились жители Гарусова. Но Алексей вполне мог уезжать в Петербург из Бежецка или села Курганы (Курган). Ведь выезжал он в столицу зимой, то есть в то время года, когда семья Аракчеевых чаще проживала именно в городе Бежецке или в селе Курган.

четыре с лишним десятилетия он будет рассказывать своим гостям о том, как покидал родительский дом, отправляясь в столицу поступать в кадеты: «Я был в восторге, и тогда только призадумался, когда пришлось прощаться с доброю моею матерью. Рыдая, благословила она меня образом, который ношу до сих пор и который никогда не сходил с груди моей, и дала мне одно увещание: молиться и надеяться на Бога. Всю жизнь мою следовал я ее совету!»

* * *

Приехали в Петербург Аракчевы (отец, сын и слуга их) 18 января 1783 года. Остановились на постоялом дворе, сняв за небольшую плату угол за перегородкой. На следующий день Андрей Андреевич нашел писца, который написал прошение. Зашли с сыном в церковь. Помолились. Собрались с духом. И отправились в кадетский корпус. Разыскиали там канцелярию. Сообщили писарю, зачем пришли. Тот приветливо востепенулся. Сказал, что может рекомендовать писца, который составит прошение. Услышав, что прошение уже написано, заметно погрузнел и строгим, холодным тоном заявил отцу с сыном, что сегодня уже поздно, надо прийти завтра, и пораньше.

Десять дней подряд приходил Андрей Андреевич с сыном в злополучную канцелярию, дабы подать прошение о зачислении Алексея в корпус, и каждый раз зловредный писарь под различными предлогами бумагу не принимал.

Лишь 28 января он соизволил ее принять. Теперь отцу с сыном оставалось только дожждаться решения. Это ожидание затянулось на полгода.

Для Аракчевых оно оказалось особенно мучительным из-за безденежья. Пребывая в столице, отец с сыном старались во всем держиваться строгой экономии, даже ели всего один раз в день, и довольно скромно. Тем не менее взятых с собой денег им не хватило. С наступлением весны они стали продавать по частям свою зимнюю одежду. Но и деньги, вырученные за нее, вскоре закончились. Андрей Андреевич засобирався в обратную дорогу, сочтя, что не судьба сыну его поступить в кадеты. Много слез пролил Алексей, прежде чем умолил отца остаться в Петербурге еще на некоторое время. Но как было обойтись без денег?

Зная, что по субботам в Александро-Невской лавре митрополит Гавриил раздает милостыню, Андрей Андреевич решил воспользоваться этим случаем и попросить его о помощи. Дождавшись бли-

жайшей субботы, наши страдальцы отправились в лавру. Там смиренно стали среди множества нищих, огляделись вокруг. Незадолго до выхода митрополита к толпе Андрей Андреевич подошел к дверям храма и попросил доложить его высокопреосвященству, что с ним желает поговорить дворянин. Владыка согласился принять Аракчеевых. Выслушав рассказ о том, в какое бедственное положение попали отец с сыном, он отправил их к казначею, и тот выдал рубль серебром.

«Вышед на улицу, — вспоминал потом граф Аракчеев, — отец мой поднес этот рубль к глазам, сжал его и горько заплакал. Я также плакал, смотря на отца. Одним рублем мы прожили втроем, то есть с служителем нашим, целых девять дней!»¹

И вот наступило утро 19 июля. Накануне у Аракчеевых кончились последние деньги, и Андрей Андреевич решил, что ничего не остается им с сыном, как возвращаться в свою деревню. В то утро они шли в корпус в последний раз. О том, что произошло с ними там, мы уже знаем. Добавим только, что счастье улыбнулось в тот день Аракчевым дважды. Помимо того, что решился вопрос о зачислении Алексея в кадеты, разрешилась и другая важная проблема: Андрею Андреевичу удалось раздобыть денег на обратную дорогу. Совершенно случайно он встретил одного своего родственника, приехавшего из Москвы с тугим кошельком, и взял у него в долг необходимую на поездку домой сумму.

Лишения, которые выпало Алексею претерпеть в Петербурге при поступлении в кадетский корпус, глубоко тронули его душу. Став влиятельным сановником, он всегда будет стараться как можно быстрее давать ответ на поданные ему прошения... И никогда не перестанет помогать детям бедных дворян, желающим поступить в кадеты.

¹ Булгарин Ф. В. Поездка в Грузино в 1824 году // Новоселье. Часть 3. СПб., 1846. С. 216.

Глава вторая

В кадетском корпусе

Ко времени, когда Алексей Аракчеев прибыл в Петербург поступать в кадеты, история Артиллерийского и Инженерного Шляхетского корпуса насчитывала уже более восьми десятилетий. Бедный и безвестный дворянчик поступал в благородное и знаменитое учебное заведение.

История его начинается во времена Петра I, а точнее — 10 января 1701 года. В этот день Петр I издал указ о создании при Пушкарском приказе специальной школы для обучения артиллерийскому и инженерному делу. К такому шагу царя-реформатора подвигло поражение русских войск в битве с армией шведского короля Карла XII под Нарвой 19 ноября 1700 года. Тогда шведами была захвачена почти вся русская артиллерия, в плен попал и главный ее начальник, генерал-фельдцейхмейстер — имеретинский царевич Александр Арчилович¹. 10 января 1701 года Петр I предписал выстроить на территории московского Пушечного Двора² «деревянные школы, и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов людей и детей их словесной и письменной грамоте и цифири и иной инженер-

¹ Царевич Александр Арчилович был первым в России начальником артиллерии, получившим звание генерал-фельдцейхмейстера. После того как он попал в шведский плен, главой Пушкарского приказа и соответственно генерал-фельдцейхмейстером был назначен А. А. Виниус.

² Этот Пушечный Двор располагался неподалеку от современной станции метро «Сухаревская», а точнее, в месте, по которому в настоящее время проходит 1-й Коптевский пер., примыкающий с севера к Садовому кольцу. Территория Пушечного Двора занимала площадь размером около 2,5 га. Посередине ее находился большой пруд, вокруг которого стояли деревянные строения. В них размещались канцелярия, лазарет, амбары и проч. Здесь-то и нашлось место избам Пушкарской или, как ее потом назвали, Артиллерийской школы.

ной наукам, и будучи им в тех школах, учица вышеписаным наукам с прилежанием, а выучась, без указу с Москвы не съехать, также в иной чин, кроме артиллерии, не отлучатца...».

По указу Петра I от 19 июля 1702 года обучение инженерному делу было отделено от обучения артиллерийской науке, то есть Пушкарской школе надлежало отныне выпускать артиллеристов, не обученных инженерному делу, и инженеров, не знавших артиллерии.

В течение последующих десяти лет в Пушкарской школе обучалось ежегодно в среднем по 80 учеников, из них 20–25 специализировались в инженерном деле.

17 марта 1719 года Петр I распорядился создать инженерную школу в Санкт-Петербурге.

13 марта 1721 года в новой столице России была учреждена и артиллерийская школа. Принятый Петром I в этот день указ гласил: «Чтобы находящиеся в службе артиллеристы могли честь выше стяжать и скорее сделаться достойными повышения, выбрать из артиллерии учеников и обучать их при Санкт-Петербургском лабораторном доме всему касающемуся до артиллерии, а также арифметике, геометрии и тригонометрии»¹. Артиллерийская школа призвана была совершенствовать подготовку артиллеристов, состоявших на службе. В ней одновременно обучалось около 30 человек.

В 1723 году московские и Санкт-Петербургские учебные классы, готовившие инженеров, были объединены в одно учебное заведение под названием Санкт-Петербургская Инженерная школа.

После смерти Петра I действовавшая в Москве с 1701 года Артиллерийская (бывшая Пушкарская) школа была закрыта. Санкт-Петербургская же Инженерная школа в 1728 году была превращена в одно из отделений Санкт-Петербургской Артиллерийской школы. В течение следовавших сорока лет Инженерная школа неоднократно отделялась от Артиллерийской и опять в нее входила.

К середине XVIII столетия стало очевидно, что русская артиллерия, возведенная когда-то Петром I на передовой уровень, утратила прежнее свое преимущество перед артиллерией европейских держав, и, следовательно, назрела необходимость в ее преобразовании. Эту задачу призван был выполнить назначенный императрицей Елиза-

¹ Оригинальный текст данного петровского указа затерялся. Во всяком случае, его не имели в своем распоряжении составители «Полного собрания законов Российской империи». Выписка из него была обнаружена в середине XIX в. в архиве 2-го кадетского корпуса историком артиллерии генерал-майором В. Ф. Ратчем.

ветой 31 мая 1756 года на должность генерал-фельдцейхмейстера граф П. И. Шувалов.

Решив, что начинать обновление артиллерии надо с артиллеристов, Петр Иванович принялся менять систему их подготовки. В первую очередь новый генерал-фельдцейхмейстер предложил императрице слить воедино Артиллерийскую и Инженерную школы, действовавшие в Санкт-Петербурге. 12 мая 1758 года Ее Величество подписала указ о создании Соединенной Артиллерийской и Инженерной дворянской школы. Начальником нового учебного заведения был утвержден инженер-капитан М. И. Мордвинов.

Будущим артиллеристам опять стали преподавать фортификацию, то есть понятия об укреплениях, которые они должны посредством артиллерийских орудий разрушать, а инженеров начали учить артиллерийскому делу, то есть тому, как разрушаются крепости. Кроме специальных наук ученики Соединенной Артиллерийской и Инженерной школы должны были изучать немецкий и французский языки, историю, географию, арифметику, простую геометрию, алгебру, механику, гидравлику, эрометрию, гражданскую архитектуру, математическую географию, химию, основы экспериментальной физики, натуральную историю, военную экзерцицию и, наконец, танцы.

В новом учебном заведении была создана богатая библиотека. Для печатания учебных пособий была устроена своя типография. Чтобы воспитанники школы находились в курсе современных событий, для них выписывались российские и иностранные газеты. И было взято за правило регулярно читать их вслух во время трапезы в столовой.

П. И. Шувалов постарался укомплектовать преподавательский состав лучшими знатоками своего дела. Он самолично беседовал с каждым претендентом на должность преподавателя школы, посещал занятия, которые тот проводил. Например, для преподавания математики и механики граф Шувалов пригласил ученика М. В. Ломоносова, питомца университета при Академии наук подпоручика Я. П. Козельского¹.

Преподаватели специальных дисциплин отбирались графом П. И. Шуваловым из наиболее способных выпускников самой

¹ Яков Павлович Козельский (1729–1794) более известен в настоящее время в качестве философа-просветителя и литератора-переводчика — автора «Философических предложений» (СПб., 1768).

школы. В целом специальная подготовка будущих артиллеристов и инженеров в результате произведенных преобразований только выиграла. Приобретавшиеся учениками теоретические сведения в артиллерии и фортификации закреплялись на практике полевыми занятиями, для которых обыкновенно отводилось два летних месяца.

Первоначально в Соединенной Артиллерийской и Инженерной школе обучалось до 135 дворянских детей. Одним из них был юный Михаил Голенищев-Кутузов. Приказом генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова 10 декабря 1759 года артиллерии каптенармус Михаил Голенищев-Кутузов был выпущен из школы в инженерный корпус кондуктором первого класса¹. В течение полутора лет будущий полководец оставался при школе в качестве преподавателя-репетитора. В 1761 году уже в чине инженерного прапорщика он был направлен в Астраханский полк полковника А. В. Суворова.

Граф П. И. Шувалов явно имел замысел превратить Артиллерийскую и Инженерную школу в учебное заведение элитарного типа. Так, он запретил направлять заболевших воспитанников в «Артиллерийский солдатский госпиталь», «чтобы они от общества с солдатами не могли принимать привычек, не свойственных благородным людям», и устроил лазарет непосредственно при школе. При наказаниях нерадивых учеников старались соблюдать меру. П. И. Шувалов завел даже специальный журнал, куда записывались их проступки с наказаниями, и раз в неделю просматривал его, контролируя объективность преподавателей при назначении наказаний.

Благодаря П. И. Шувалову выпускникам школы начали присваивать не унтер-офицерский, а офицерский чин, и они сразу, без выслуги в солдатах, стали назначаться на командирские должности. Первый такой выпуск был сделан в 1760 году.

В 1758 году граф П. И. Шувалов представил императрице Елизавете план под названием «О учреждении корпуса для артиллерии и инженерства». Одним из его авторов был М. В. Ломоносов. За несколько лет до этого великий наш ученый разработал проект учреждения Московского университета, который был успешно претворен в жизнь при содействии двоюродного брата П. И. Шу-

¹ В энциклопедиях же почему-то пишут, что знаменитый наш полководец Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов окончил Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус (см., например, статью о нем в «Русском биографическом словаре»), то есть учебное заведение, которое было учреждено лишь осенью 1762 г.

валова Ивана Ивановича Шувалова. Новый план предполагал создание более совершенного по сравнению со всеми, каковые бывали в России прежде, военного учебного заведения для подготовки офицеров-артиллеристов и инженеров. По замыслу П. И. Шувалова и М. В. Ломоносова, будущие офицеры должны были за время обучения в корпусе получить основательное (по существу, университетское) общее образование, а также глубокие теоретические знания и практические навыки в области артиллерийского и инженерного дела. В рамках кадетского корпуса планировалось организовать общие классы с 5-летним сроком обучения и специальный офицерский класс с 2-летним учебным курсом.

Наряду с планом «О учреждении корпуса для артиллерии и инженерства» П. И. Шувалов подготовил к концу 1761 года другой, более обширный план реорганизации системы военного образования в Российской империи. В соответствии с ним предполагалось объединить лучшие российские военно-учебные заведения в один большой кадетский корпус, в котором должно было обучаться различным военным специальностям единовременно 920 дворянских детей. В составе этого учебного заведения — своего рода военного университета — должны были найти свое место существовавший с 1732 года Сухопутный шляхетский кадетский корпус¹, учрежденный в 1752 году Морской шляхетский кадетский корпус и запланированный к созданию на базе Соединенной Артиллерийской и Инженерной дворянской школы Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус.

Смерть императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 года не изменила положения П. И. Шувалова при царском дворе. Вступивший на российский престол Петр III уважительно относился к графу, и можно уверенно предполагать, что Петру Ивановичу удалось бы сделать много полезных для Российского государства дел. Но судьба оказалась слишком злой по отношению к этому деятельному и талантливому человеку.

В двадцатых числах декабря 1761 года он занемог тяжелой болезнью и 4 января 1762 года умер. За несколько дней до этого, 28 декабря, Петр III присвоил графу звание генерал-фельдмаршала и затем несколько раз посетил его. Император явно хотел видеть П. И. Шувалова в числе ближайших своих соратников.

¹ До 1743 г. он назывался просто Корпусом кадетов.

Новый император поддержал подготовленные графом-реформатором, но не осуществленные в царствование императрицы Елизаветы Петровны преобразовательные проекты¹. Именным указом Петра III от 24 апреля 1762 года был утвержден и проект П. И. Шувалова о создании шляхетского кадетского корпуса, объединяющего в своем составе Сухопутный, Морской, Артиллерийский и Инженерный корпуса. Примечательно, что командовать этим военным «университетом» император назначил двоюродного брата покойного — И. И. Шувалова².

Дальнейшего своего развития история данного учебного заведения не получила, ибо два месяца спустя Петр III был низвергнут с престола своей сумасбродной супругой Екатериной. Этот государственный переворот и последовавшее за ним убийство законного российского императора были совершены исключительно в интересах Екатерины и приближенной к ней группы офицеров. Однако заговорщица, как и положено в таких случаях, постаралась представить свое злодеяние в качестве меры, спасшей Отечество от гибели. Но представляя политику своего мужа губительной для России, Екатерина не могла оставить в действии все его указы.

В числе первых отмененных новоявленной императрицей законодательных актов несчастного Петра III оказался его указ от 24 апреля. 8 августа 1762 года Екатерина II утвердила поднесенный ей доклад Сената, в котором выражалось мнение о том, что «Сухопутному и Морскому кадетским корпусам надлежит быть на основании учиненных прежних штатов, как они состояли при жизни блаженные и вечной славы достойныя памяти, государыни императрицы Елисаветы Петровны, декабря до 25 числа 1761 года; а что касается до Артиллерийского, то оному кадетским корпусом не име-

¹ Именным указом от 17 января 1762 г. «О делании монеты по вновь утвержденным образцам» (1-ПСЗРИ. Том 15. № 11407. С. 886–889) император Петр III осуществил предложенную П. И. Шуваловым монетную реформу — им было предписано изъять из оборота монеты из меди и заменить их на серебряные и золотые. Именным императорским указом от 25 мая 1762 г. был учрежден Государственный банк (1-ПСЗРИ. Том 15. № 11550. С. 1021–1023). Эту меру также предлагал П. И. Шувалов.

² Именной указ, данный Сенату, от 24 апреля 1762 года «Об учреждении одного корпуса из трех кадетских корпусов, Сухопутного, Морского и Артиллерийского и о поручении оного в управление главному директору Шувалову» // 1-ПСЗРИ. Том 15. № 11515. С. 985–987.

новаться, а быть школе»¹. При этом давалось поручение тогдашнему генерал-фельдцейхмейстеру А. Н. Вильбоа представить Сенату мнение о том, «на каком основании и в коликом числе оной школе быть».

А. Н. Вильбоа не задержался с выполнением поручения императрицы. В своей реляции, одобренной императрицей и переданной 21 августа 1762 года в Сенат, он высказал мнение о неспособности Артиллерийской школы из-за неимения «потребного числа учителей и от весьма ограниченного своего учреждения снабжать артиллерию и инженерной корпус такими офицерами, сколько звания их служба требует». Сухопутный же и Морской кадетские корпуса «из артиллерии и фортификации, — отмечал генерал-фельдцейхмейстер, — показывают не более, как что до знания полевого офицера следует, а некоторых таких наук, которые артиллеристу и инженеру принадлежат, вовсе не обучают». А. Н. Вильбоа предлагал учредить для подготовки офицеров-артиллеристов и инженеров специальное дворянское училище, наименовав его «Артиллерийским и инженерным шляхетным корпусом». При этом он выражал убеждение, что «сие училище всем своим учреждением соединено быть должно с артиллериею и инженерным корпусом» для того, чтобы учащиеся могли наряду с теоретическими науками усваивать практику и получать наставления от таких офицеров, которые служат при этих корпусах и сведущи не только в теории, но и в практических делах.

25 октября 1762 года императрица Екатерина II утвердила представленный ей доклад Сената «О учреждении при Артиллерии и Инженерном корпусе училища для дворянских детей». И было постановлено «именовать сие училище Артиллерийским и Инженерным Шляхетным Корпусом, по том, что оный по всему своему учреждению и подробности единственно к Артиллерии и Инженерному корпусу принадлежит и ними всем его установлением, как своим началом и помощью соединяется, и состоять имеет из дворян»².

Так возникло учебное заведение, в которое в 1783 году поступил Алексей Аракчеев.

¹ Высочайше утвержденный доклад Сената «О бытии Сухопутному и Морскому кадетским корпусам на прежнем основании, как было при императрице Елисавете Петровне» от 8 августа 1762 г. / 1-ПСЗРИ. Том 16. № 11640. С. 48–50.

² 1-ПСЗРИ. Том 16. № 11696. С. 95.

* * *

В основу плана учреждения Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса был положен проект, разработанный П. И. Шуваловым с помощью М. В. Ломоносова. Согласно этому плану кадетом мог стать только российский дворянин¹ или подданный российской императрицы из дворян Лифляндии и Эстляндии. К учебе в корпусе могли быть допущены и те из иностранных дворян, кто даст обязательство вечно состоять в российском подданстве. Общее число кадетов с унтер-офицерами и капралами ограничивалось цифрой в сто сорок шесть человек.

Программа преподавания предусматривала обучение немецкому и французскому языкам, истории и географии, механике и гидравлике, гражданской архитектуре, химии, арифметике, алгебре и геометрии, фейерверчному искусству и рисованию, танцам, фехтованию, ружейным приемам и, наконец, специальным наукам — артиллерии и фортификации.

План содержал не только перечень наук и искусств, которые надлежало изучить кадетам, но и давал определение пользы, следующей из этого. «Знание чужестранных языков, — подчеркивалось, например, в плане, — для артиллериста инженера есть необходимо, ибо на русском языке книг как источников, откуда науки почерпаются, а фортификации и артиллерии кроме некоторых неисправных переводов нет; и так, не зная чужестранных языков, множество способов отнимется артиллеристу и инженеру получить надлежащее совершенство в знании»².

Обучение в корпусе предполагало строгие ежегодные экзамены. В плане учреждения Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса по этому поводу говорилось следующее: «Надлежит прилежно смотреть, чтоб в науках не происходила какая слабость и чрез то бы Высочайший ее Императорского Величества интерес напрасно не тратился, но паче бы учащееся юношество от времени до времени желаемые успехи в науках получали; чего ради должно быть еже-

¹ Для детей недворян, состоявших на службе в артиллерии или в инженерном корпусе, при Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе учреждалась «школа художеств». В ней осуществлялось обучение мастеров, обслуживавших артиллерийские орудия и сведущих в инженерном деле. Закончившие курс обучения выпускались в артиллерию и инженерный корпус в чине унтер-офицера.

² 1-ПСЗРИ. Том 16. № 11696. С. 96.

годно при Корпусе экзамену на таком основании, чтоб каждый кадет в науках штаб-офицерами, которые от генерал-фельдцейхмейстера будут к тому назначены, в присутствии Артиллерийского и Инженерного генералитета был экзаменован, и оные экзамены за подписанием членов представлять к генерал-фельдцейхмейстеру; почему он тех, которые в науках отменными себя окажут, в унтер-офицеры при Корпусе или к выпуску в офицеры назначивает; а тех, которые к наукам были незначительны, или слабое имеют понятие, чтоб не издерживать на их содержание напрасно кошта, определяет в артиллерию и Инженерный корпус в унтер-офицеры или рядовые по рассмотрению»¹.

Особое внимание в плане учреждения Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса уделялось учителям. Здесь указывалось, в частности, что на должности учителей в кадетский корпус следует определять «таких людей, которые знание свое данными им от прежних мест аттестатами доказать могут, или чиня им прежде экзамены»². При этом с самого начала деятельности корпуса было заведено правило, по которому его директор, получая на зарплату преподавателям определенную сумму, мог по своему усмотрению устанавливать количество учителей и размер получаемого каждым из них вознаграждения. Через 12 лет службы в корпусе преподавателю полагалась льготная пенсия.

При формировании преподавательского штата следовали принципу: достойный преподаватель должен получать достойное жалование. Но с другой стороны, при этом считалось, что при малом денежном вознаграждении преподавателей нельзя будет заполучить на эти должности достойных людей. Эту истину выражал следующий совет директору корпуса: «Не должно всякого принимать, кто первый себя представит и предложит труды свои за весьма малую цену: корыстолюбивые души, которые, будучи угнетаемы или бедностью, или уверены о своем незнании, продают свои труды за такую цену, которую иногда и слуга, хотя мало порядочный, принять отречется; тогда можно будет иметь учителей, по всей строгости достойных сего названия, людей, отличных дарованиями, непорочных нравов, которые за приличное их трудам жалование с успехом употребят способности своего разума к воспитанию тех, которые вверяются их попечению».

¹ 1-ПСЗРИ. Том 16. № 11696. С. 99–100.

² Там же. С. 99.

Основу преподавательского состава корпуса составили при начале его деятельности преподаватели, работавшие в Соединенной Артиллерийской и Инженерной школе. Среди них были 46-летний майор артиллерии Иван Харламов, 35-летний капитан артиллерии Иван Карамазов, 30-летний капитан Иван Вельяшев-Волынцев, 37-летний подпоручик Яков Козельский и др. Со временем они стали авторами лучших в России учебников по различным отраслям военного дела. Так, И. А. Вельяшев-Волынцев составил курс «Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и Инженерного Кадетского корпуса». Он был издан в Санкт-Петербурге в 1767 и 1777 годах и более четырех десятилетий после этого являлся единственным в России учебным руководством для артиллеристов. Я. П. Козельским были написаны два учебника: «Арифметические предложения для употребления артиллерийским кадетам» и «Механические предложения» для них же. Они вышли в свет в 1764 году и были переизданы затем в 1787 году. И. Г. Карамазов получил известность в качестве автора учебного руководства по фортификации. По этим учебникам будет изучать военное дело кадет Алексей Аракчеев.

В 1775 году при Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе была учреждена так называемая «Греческая гимназия». Она предназначалась для обучения военному делу проживавших в России детей иностранцев — выходцев из православных стран. Это были в основном греки, отсюда и название гимназии (с 1792 года она стала именоваться «Корпусом чужестранных единоверцев»). В конце 1796 года указанная гимназия была закрыта вступившим на престол Павлом I.

Фактическое открытие учрежденного 25 октября 1762 года Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса произошло только в 1763 году после того, как был сформирован преподавательский состав. Первым его директором стал инженер-подполковник М. И. Мордвинов, возглавлявший прежде Соединенную Артиллерийскую и Инженерную школу.

В своих распоряжениях по корпусу он требовал от преподавателей прибегать к наказаниям учеников только в крайних случаях. Каждый преподаватель должен был, по словам директора, «внушать кадетам правила амбиции и вселять в них охоту к занятиям науками».

Намерения Мордвинова были хорошие, однако в силу то ли собственной бесхарактерности, то ли простой лени он мало заботился

о том, чтобы его распоряжения выполнялись. По воспоминаниям учившихся в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе, там «секли за все и про все — секли и часто, и больно, а за тычками никто не гонялся». Алексей Аракчеев признавался впоследствии, что преподаватели корпуса воспитывали кадетов «в страхе Божиим и в страхе розог». Розги, как замечал В. Ф. Ратч, «чрезвычайно упрощали весь процесс воспитания и заботы воспитателей, к тому же вели прямо к цели. Розги неряху превращали в опрятного, угомоняли резвого, прививали лентяю жажду к учению, без требования ни разумного надзора, ни трудов к развитию в юношестве других понятий и даже без требований особых качеств и от самих воспитателей».

Практика телесных наказаний воспитанников столь прочно укоренилась в корпусе, что с нею долгое время был вынужден мириться и преемник М. И. Мордвинова на посту директора генерал П. И. Мелиссино, человек, в отличие от Мордвинова, блестяще образованный, просвещенный. Только через десять с лишним лет после своего вступления на директорский пост — 3 мая 1793 года — Мелиссино осмелился запретить телесные наказания. Алексея Аракчеева к тому времени в корпусе уже не было.

Директор Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса генерал М. И. Мордвинов умер 5 октября 1782 года. Затрудняясь в выборе его преемника, императрица Екатерина II обратилась к князю Потемкину с просьбой помочь ей подобрать в директора корпуса такого человека, который бы хорошо знал артиллерийскую службу, имел опыт управления артиллерией в бою и мог бы преобразовать систему обучения будущих артиллерийских офицеров так, чтобы она соответствовала новой практике. Григорий Потемкин рекомендовал императрице генерала П. И. Мелиссино. Побеседовав с ним, Екатерина II убедилась в том, что это именно тот человек, который ей нужен. Однако официальное назначение Мелиссино на должность директора корпуса состоялось не сразу. Некоторое время Петру Ивановичу пришлось побыть временно исполняющим обязанности директора. Только 22 февраля 1783 года состоялось высочайшее утверждение его на указанный пост.

Здесь и таилась одна из причин, по которой затянулось решение о зачислении Алексея Аракчеева в кадеты. Аракчевы прибыли в Петербург в январе 1783 года, то есть тогда, когда прежний директор умер, а новый еще не был официально утвержден в должности.

* * *

В судьбе кадета Аракчеева директор корпуса П. И. Мелиссино сыграл немалую роль, а посему расскажем о нем подробнее.

Петр Иванович Мелиссино происходил из известного греческого рода, история которого прослеживается, по сохранившимся документам, с конца VII века. В начале XVIII столетия представитель одной из многочисленных семей рода Мелиссино, жившей на острове Кефаллиния (Кефаллонья) — самом большом из островов Ионического моря, переселился в Россию. Его звали Иоанн, и был он по профессии лекарем. В 1712 году Иоанн Афанасьевич Мелиссино женился на дочери одного из приближенных Петра I. В течение многих лет он успешно практиковал при царском дворе и к концу правления императрицы Анны Иоанновны стал ее личным врачом, а с 1741 года — личным лекарем императрицы Елизаветы Петровны. Умер Иоанн Афанасьевич в 1758 году.

В 1718 году у лекаря И. А. Мелиссино родился сын Иван. В 1739 году Иван Иванович Мелиссино окончил Корпус кадетов шляхетских. Но карьере ему удалось сделать на гражданском поприще. В 1757 году он был назначен императрицей Елизаветой директором Московского университета. В 1763–1768 годах исполнял должность обер-прокурора Святейшего синода. В 1771 году И. И. Мелиссино станет тайным советником, а в 1783 году — членом Российской академии наук. С 1771 года и до самой своей смерти, которая последует в 1795 году, он будет куратором Московского университета.

Петр Иванович Мелиссино был младшим братом Ивана Ивановича Мелиссино. Он родился в 1726 (по другим данным, в 1724) году. В 1740 году его определили учиться в Корпус кадетов шляхетских. В 1750 году, завершив курс обучения в корпусе, Петр Мелиссино получил чин подпоручика и назначение на довольно необычную службу. Молодой офицер был оставлен при корпусе для организации разнообразных увеселений — устройства фейерверков, иллюминаций, постановки спектаклей. Красивый наружностью, деятельный характером, веселый и остроумный, Петр Мелиссино прекрасно справлялся с этими несвойственными военному человеку обязанностями. Созданная им при Сухопутном кадетском корпусе театральная труппа ставила спектакли, которые с удовольствием посещали самые знатные особы. В их числе были и тогдашняя императрица Елизавета Петровна, и великая княгиня Екатерина Алексеевна — будущая Екатерина II.

Что же касается организации фейерверков, то здесь П. И. Мелиссино достиг непревзойденного во всей России мастерства. В 1759 году он покинул Сухопутный корпус и перешел на службу в артиллерию, где, не занимаясь ничем, кроме устройства фейерверков, сумел тем не менее сделать себе карьеру. Начав службу в артиллерии в чине капитана, мастер фейерверков через пять лет был уже полковником.

Петр Иванович был женат на Марии Дмитриевне Кацаревой и от этого брака в 1759 году (по другим данным — в 1761-м) у него родился сын Алексей. Его жизнь, как и судьба его отца, оказалась связанной с армией¹.

В 1769 году началась война России с Турцией, и полковник П. И. Мелиссино отправился в район боевых действий в составе корпуса князя Голицына. Участвуя в сражениях при Хотине, Ларге, Кагуле, Силистрии, он показал себя храбрым и умелым командиром, за что был удостоен наград и произведен в генерал-майоры.

Командование артиллерией в условиях войны позволило Мелиссино приобрести необходимый практический опыт. Умный, образованный и храбрый генерал выдвинулся на первое место среди русских артиллеристов. Кроме того, во время турецкой войны Петр Мелиссино сумел сойтись с фаворитом императрицы Екатерины II Григорием Потемкиным. Это обстоятельство, как мы уже знаем, сыграло важную роль в его дальнейшей судьбе.

* * *

Назначение П. И. Мелиссино на пост директора Артиллерийского Инженерного корпуса ознаменовало собой начало нового этапа в его истории. Петр Иванович энергично взялся за преобразование данного учебного заведения.

Прежде всего он добился расширения приема в кадеты. Если в 1783 году, когда Алексей Аракчеев поступал в корпус, здесь обучались 105 юношей, то в следующем 1784 году число кадетов достигло

¹ В июле 1777 г. Алексея Мелиссино зачислили сержантом в гвардию. Спустя шесть лет он был капитаном и служил в штабе генерал-фельдцейхмейстера. В 1788 г. стал майором. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. участвовал в штурме Аккермана, Бендер, Измаила. В 1793 г. ему будет присвоен чин полковника. 15 августа 1813 г. генерал-майор А. П. Мелиссино погибнет в сражении с французскими войсками под Дрезденом.

уже 393 человек. Преобразования коснулись и программы обучения. П. И. Мелиссино добавил к дисциплинам, преподававшимся ранее, тактику и верховую езду. Вместе с тем по инициативе нового директора корпуса был увеличен объем преподавания ряда старых предметов. Интенсивнее стали изучаться иностранные языки: на них было даже переведено преподавание некоторых специальных дисциплин в выпускных классах.

П. И. Мелиссино ввел изменения и в организацию обучения. Кадетов распределили по трем возрастам, а курс обучения был разделен на классы. Для первого и второго возраста было выделено по два класса, для третьего — три.

В первом и втором возрасте кадеты должны были обучаться русскому, немецкому и французскому языкам, арифметике и геометрии, основам истории и географии. Кроме того, им преподавали катехизис, рисование, фехтование и танцы.

В первом классе третьего возраста воспитанникам продолжали преподавать русский язык, совершенствуя их умение «на письме изображать свои мысли». Они должны были, как и прежде, посещать занятия рисованием, фехтованием и танцами, обучаться верховой езде. Им надлежало изучать Закон Божий, совершенствовать свои познания в области геометрии и тригонометрии, истории и географии, как российской, так и иностранной. Вместе с тем на этой ступени обучения кадетам начинали преподавать предметы, непосредственно связанные с их будущей специальностью, — механику и гидравлику, гражданскую архитектуру и фортификацию, а также артиллерию.

Во втором классе третьего возраста кадетов учили писать хорошим стилем, продолжали обучать рисованию, фехтованию, верховой езде и танцам. Им преподавали алгебру, новую историю и статистику — главным образом ту, которая относилась к России. Продолжалось изучение механики, гидравлики, фортификации, артиллерии.

В третьем — выпускном — классе третьего возраста кадетов обучали составлению различных служебных документов, ведению штабной переписки. Они изучали физику и натуральную историю, получали более глубокие знания по гражданской архитектуре и фортификации, артиллерии и тактике.

Культивирующая в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе система воспитания была направлена на привитие будущим офицерам чувства чести и достоинства. Этой цели слу-

жила детально разработанная при директоре П. И. Мелиссино система поощрений успешно учившихся и отличавшихся достойным поведением кадетов. Кадеты, показавшие отличные знания на экзаменах, награждались в присутствии всего личного состава корпуса серебряными медалями с надписью «За прилежность и благонравие» или ценными подарками. Эти награды учитывались затем при распределении выпускников на должности в войска. Кадеты, получавшие награды за успехи в учебе и доброе поведение, приобретали одновременно и весомые привилегии — они могли, например, приходить в кабинеты руководителей корпуса без специального вызова, имели право обращаться со своими просьбами или вопросами непосредственно к директору корпуса, им дозволялось уходить в увольнение без разрешения командиров. Назначения на существовавшие в корпусе должности унтер-офицеров могли получить только такие прилежные и потому привилегированные кадеты. Воспитанники корпуса, не заслужившие своей учебой и поведением таких привилегий, обязаны были приветствовать отмеченных наградами за прилежность в учебе и достойное поведение кадетов по правилам приветствия проходящих мимо офицеров, то есть снимать перед ними свои головные уборы, вытягиваясь при этом в струнку.

Кадетов, которые не желали утруждать себя изучением преподававшихся в корпусе наук или показывали на экзаменах свою неспособность их усвоить, директор П. И. Мелиссино не желал держать в корпусе. Он считал их исключение из состава учащихся полезным для учебного процесса. Сам он писал об этом следующее: «Чтобы избавить корпус от тягостного принуждения держать несколько лет таких питомцев, которые не в состоянии с честью достигнуть до желаемого конца, то в его воле тупых и к учению неспособных отсылать обратно, а тех, которые по худому своему поведению не подают никакой надежды к исправлению, в наказание выключать из корпуса унтер-офицерами и рядовыми, а их места занимать другими питомцами; и так при конце течения второго возраста прилежно должно наблюдать, чтоб таковых, которые все попечения учителей сделали бесполезными, в третий возраст не вводить. Один подобный сему пример сделает гораздо больше действия, нежели тысяча исправлений, и послужит доказательством, что корпус не с тем учрежден, чтоб лень и незнание покровительствовать, и что милосердная монархиня не желает изливать своих щедрот на тех, которые показали себя оных недостойными».

К преподавателям корпуса генерал П. И. Мелиссино предъявлял не менее строгие требования. Он полагал, что на преподавательские должности в корпусе необходимо подбирать таких людей, которые помимо глубоких знаний в области преподаваемых ими наук обладают и соответствующими внешностью и поведением, то есть не имеют физических дефектов, неприличных манер и других подобных недостатков, способных вызывать смех у воспитанников. Если кадеты будут смеяться над преподавателем, считал Мелиссино, у них не возникнет уважения к преподаваемой им науке.

* * *

Среди екатерининских вельмож и знатных гостей Петербурга правилом хорошего тона почиталось посетить Артиллерийский и Инженерный корпус хотя бы однажды. В марте 1792 года наведался сюда знаменитый Державин. Впечатления от посещения кадетов он вынес самые отрадные, о чем можно судить по нижеследующему письму поэта-вельможи к директору корпуса П. И. Мелиссино: «Поистине я почти не видал никогда толь приятного позорища (т. е. зрелища. — В. Т.) для сердца и разума, и особенно любя Отечество, Вы ему приуготовляете достойнейших сынов для спешествования к его благоденствию и для его защиты. Я, кажется, видел и Спарту, и Афины. У меня и теперь в голове порядок везде предуготовленный, исполнение везде с пристойностью и расторопностью; хотя и недостойный ценитель дел похвалы достойных, и не мое это дело, однако от чистого сердца справедливость неперменным образом должна везде наружу изливаться. Я ничего не могу другого говорить, как превозносить вас, сотрудников ваших и самое толь любимое вами управляемое юношество, на которое и благоволение монаршее, и ваше попечение не тщетно простираются. Это такой рассадник, на который не даром падают семена». Безусловно, приведенный отзыв Державина о кадетском корпусе был написан скорее восторженным сердцем, нежели реалистичным разумом, но некоторые его метафорические оценки господствовавших здесь порядков были вполне оправданны.

Если «Афинами» в духовной атмосфере Артиллерийского и Инженерного корпуса разве что слегка веяло, то уж «Спартой», можно сказать, всюду сквозило! Молодые люди, поступившие в корпус на учебу, действительно получали здесь воспитание почти в спартанском духе.

Многочисленные занятия и бесконечные физические упражнения, зубрежка текстов и отработка навыков владения оружием, разучивание строевых приемов и назидательные беседы наставников — все это практически не оставляло кадетам свободного времени. Добавим к этому строгость бытовых порядков, за малейшее отклонение от которых следовали наказания, грубое обращение педагогов с обучаемыми, всеобъемлющий надзор за поведением воспитанников, жестокости, совершаемые самими кадетами в отношениях друг с другом, и станет ясно, что жизнь подростков в кадетском корпусе была для каждого из них нелегким испытанием.

Особенно тяжело приходилось детям бедных провинциальных дворян, не имевшим в столице ни покровителей, ни родственников и не получавшим из дому ни денег, ни посылок с продуктами. В корпусе существовал обычай регулярных подношений преподавателям и угощений своих товарищей присылаемыми из дому деликатесами и сладостями. Нетрудно себе представить, как должны были относиться кадеты и преподаватели к зачисленному в корпус мальчику-подростку, с одной стороны, совершенно беззащитному, а с другой — не имевшему никакой возможности соблюсти обычай подношений-угощений.

Пребывание Алексея Аракчеева в кадетском корпусе стало школой прежде всего для его характера, причем школой жестокой, немилосердной. Ему очень пригодились здесь воспитание, полученное в родительском доме, привитые матерью трудолюбие и приверженность к порядку, но не в меньшей степени — и дарованные ему природой умственные способности, впервые явно проявившиеся именно во время его учебы.

Десятилетия спустя граф Аракчеев будет рассказывать о том, как тяжело приходилось ему в кадетском корпусе, как ненавидим был он своими товарищами за мрачный и уединенный характер, как издевались они над ним — буквально дня не проходило, чтобы его не били и чтобы не орошал он слезами бедной своей подушки. Многое в рассказах этих подтверждается либо документами, либо воспоминаниями других людей.

Генерал И. Т. Радожицкий оставил после себя записки, где запечатлел разговор с неким генералом Д., воспитывавшимся в Артиллерийском и Инженерном корпусе в одно время с Алексеем Аракчеевым и даже проживавшим с ним в одной каморке. Этот Д. сообщил Радожицкому, что кадеты не любили Аракчеева и часто дрались с ним и били его.

С самой встречи с братьями-кадетами Корсаковыми Алексей мечтал надеть такой же красный мундир, какой носили они. И вот когда он, наконец, дождался исполнения своей мечты, ротный каптенармус не дал ему заветного мундира. А поскольку задобрить зловредного кадета-начальника бедному деревенскому дворянчику было нечем, он целых полгода проходил в предельно изношенном мундире, едва закрывавшем ему локти и колени, в то время как однокашники щеголяли в новеньких мундирах. Естественно, что при этом они вовсю потешались над «замухрышкой» Аракчеевым.

Не знали, не догадывались беспечные издеватели и насмешники, что из *мучеников* выходят жестокие *мучители*, что нет горчей обид, чем те, что испытаны в отрочестве, что нет мести злее и неугасимее, нежели месть за обиды отрочества.

Брат матери Н. И. Греча — Александр Яковлевич Фрейгольд (1767 года рождения) — учился с Алексеем Аракчеевым в одном кадетском корпусе, но в более старшем классе. Николай Иванович впоследствии отмечал в своих записках, что Александр был в корпусе «большим шалуном и особенно преследовал кадета Аракчеева, который надоедал всем и каждому». По его словам, исполнителем приговоров кадетского суда над Алексеем был Костенецкий Василий Григорьевич, известный своею физическою силою и разными впоследствии причудами». Пройдет менее двух десятилетий — и офицеру-артиллеристу Костенецкому придется служить под началом генерала Аракчеева.

Добрые отношения с товарищами у Алексея Аракчеева так и не сложились до самого окончания учебы в кадетском корпусе. (Как же будут жалеть они спустя всего несколько лет, что не сумели разглядеть в мрачном, одиноком, открытом для насмешек бедном дворянчике будущего могущественного сановника, фаворита императоров!) Но преподаватели и офицеры-воспитатели сумели оценить его. С первых дней пребывания в корпусе Алексей выделялся среди кадетов своей исполнительностью и усердием в учебе. «Он отличался от всех строгим поведением и прилежанием к наукам», — вспоминал про Аракчеева через много лет один из бывших его товарищей.

Особенно легко давались Алексею математика и артиллерийское дело. Но и в других предметах были у него очевидные успехи. За сравнительно короткое время подросток, всю свою предыдущую жизнь проживший в деревне, научился свободно говорить и читать на французском языке. Правда, произношение все же выдавало его

деревенское прошлое. Позднее он научится сносно владеть и немецким языком.

Успехи кадета Аракчеева в усвоении преподававшихся в корпусе наук были столь впечатляющи, что он досрочно — уже через семь месяцев после начала учебы — был переведен в более высокий класс. 9 февраля 1784 года его произвели в капралы. 21 апреля того же года он получил звание фурьера, а через пять месяцев, 27 сентября, стал сержантом. В августе 1786 года за успехи в учебе Алексей Аракчеев был награжден серебряной, позолоченной медалью, которая носилась в петлице на позолоченной цепочке.

Не имея возможности задобрить офицеров-воспитателей подарками, Алексей сумел завоевать их благорасположение усердием в учебе, безропотным послушанием и редкой исполнительностью. Дело дошло до того, что кадету Аракчееву стали поручать следить за порядком в корпусе, контролировать то, как другие кадеты вытверживают уроки, и даже проводить дополнительные занятия с нерадивыми учениками. Офицеры-воспитатели проживали тогда вместе с кадетами и, конечно, строго отвечали перед начальством за плохую учебу своих воспитанников, за разные их проделки, в особенности за порчу ими стен, мебели, одежды. Строгий надзиратель и настойчивый репетитор из среды самих кадетов был для офицеров в этих условиях сущей находкой. Оттого и не скупились они на похвалы ему и при каждом случае старались как-то его поощрить.

А товарищей Алексея эти сыпавшиеся на него со стороны преподавателей похвалы и поощрения только раздражали и злили. Но еще более досаждал Аракчеев кадетам своей требовательностью на занятиях, которые проводил с ними. «Избалованные нерадением своих наставников, не привыкшие к серьезным занятиям кадеты ненавидели этого человека, который первый потребовал от них добросовестного труда и оказывался немилосердным к лени и праздности», — рассказывал о пребывании Аракчеева в кадетском корпусе В. А. Сухово-Кобылин, отец знаменитого русского писателя А. В. Сухово-Кобылина. Василий Александрович начинал свою службу в гвардейском артиллерийском батальоне, а в 1803 году был переведен в полевую артиллерию. Он был лет на десять моложе Аракчеева и не учился с ним в кадетском корпусе, но знал и его самого, и многих его сотоварищей по учебе.

Справедливости ради надо сказать, что и сам кадет Аракчеев, оказавшись у офицеров в фаворе, стал пользоваться этим своим положением для отмщения обид. И, как нередко это бывает, в мести

своей причинял зло чаще не прямым своим обидчикам, а всем, кому мог. Упоминавшийся уже выше однокашник Аракчеева генерал Д. свой рассказ о том, как били кадеты будущего генерала, закончил замечанием, что тот «со всеми обходился неприязненно, и когда его сделали старшим, то он сам, в свою очередь, стал бить всех». Другой современник Аракчеева, также близко знавший его по кадетскому корпусу, отзывался о нем еще резче: «Аракчеев был сержантом в корпусе и отличался как своими успехами в науках, так в особенности своею ретивостью ко всем военным порядкам. Действительно, он замечателен своими способностями, познаниями и усердием; но он нестерпимого зверства, которое он уже выказывал над кадетами».

Однажды дело дошло до того, что на Аракчеева было совершено настоящее покушение. В классную комнату, в которой Алексей проводил занятия с нерадивыми учениками, необходимо было подняться по узкой лестнице. Этим обстоятельством и решили воспользоваться те, кому он слишком досаждал своей требовательностью. Подняли на огороженную решеткой площадку перед входом в класс тяжелый камень, и как только внизу на лестнице показался Аракчеев, сбросили камень ему на голову. Алексея ждала неминуемая гибель, но в то мгновение, когда камень только отделился от площадки, он сделал шаг назад, чтобы поднять платок, который нечаянно уронил на пол, вынимая из кармана. Удар камня пришелся на ступеньку впереди него.

Чем более враждебными становились взаимоотношения Алексея Аракчеева со своими товарищами-кадетами, тем теснее сближался он с преподавателями и начальством. П. И. Мелиссино на какое-то время, вероятно, забыл того странного мальчика, который в первую половину 1783 года каждое утро на протяжении целых шести месяцев топтался вместе со своим отцом на его директорской лестнице. Во всяком случае, в первое время пребывания Алексея в корпусе он не проявлял к нему никакого интереса. Лишь года два спустя, встретив его на прогулке в корпусном саду в мундире унтер-офицера, Петр Иванович взглянул на него с любопытством и, не сдержав удивления, выдохнул: «Как скоро!»

С этого момента директор корпуса уже не упускал Алексея из виду. Благорасположение его к способному кадету крепло. Об отношениях, которые сложились между ними, свидетельствует письмо Мелиссино к Аракчееву от 4 апреля 1787 года. «Искреннейшее и чистейшее удовольствие, без сомнения, ощущает нежный отец, видя процветающих детей своих, — обращался Петр Иванович к Алек-

сею. — Так как я питаю к вам чувства отца, то я вне себя от восхищения, любезный друг мой, что могу оказать оные на деле. Последний экзамен и отношения офицеров ваших оправдывают те надежды, кои я имел о вас. Я видел, что вы всегда были заняты тою целию, которой вы должны достичь, и что употребили всевозможные старания, дабы к оной приблизиться. Заметил также, что, чувствуя всю важность того благородного звания, призывающего вас на поле славы, вы так проникли в чувства чести и покорности, коих оно требует от вас, что познакомились с науками, ему необходимыми... В знак моего одобрения и той выгодной мысли, которую я имею о вас, я открою вам, любезный друг мой, открою вещь неоцененную, потеря коей невозвратна. Она состоит в употреблении вашего времени. С сегодняшнего дня вы властны посещать классы или заниматься у себя, — вы сами себе составите план наук и будете одной совести вашей отдавать в оном отчет. Вы чувствуете всю важность сего отличия и сей свободы, кою я вам доставлю: для многих других сие бы послужило смертельным ядом, которое бы отняло всю деятельность; для вас же сие послужит новым поощрением и доброе мое мнение о вас скоро совершенно оправдается. Итак, продолжайте, любезный друг мой, продолжайте идти по стезям наук и чести, обдумайте все то, что некогда отечество может потребовать от вас, и все, что ожидают от вас наставники и начальники ваши».

Летом 1787 года завершался четвертый и последний год пребывания Алексея Аракчеева в Артиллерийском и Инженерном корпусе. Он должен был решить для себя вопрос о том, по какой военной стезе идти ему далее — по артиллерийской или инженерной. Где-то зимой или весной указанного года Алексей обратился к своему отцу со следующим письмом¹:

«Дражайшей Родитель и Милостивый Государь батюшка Андрей Андреевич.

Письмо ваше родительское, также запас и авес по реэстру исправно получили, за которое приношу мою нижайшую благодарность. За авес Николай Федорович вас много благодарит и при сем прилагаю от него письмо, а денги я от него еще не получил, он говорит, что теперь денег нет <...>. Мне к ним нынеча, батюшка, некогда было, потому что я спешил отправить Радиона, да у нас же в роте <...> ушел в отпуск фельдфебель, так я его должность теперь правлю, так вы,

¹ Оно сохранилось среди бумаг, обнаруженных в гарусовском доме семьи Аракчеевых. Я привожу его текст, сохраняя особенности орфографии оригинала.

М. Г. батюшка, знаете, какая ето дол[ж]ность, а у нас же в роте и во всем корпусе стало очень строго. А я напишу к нему по почте. Теперь осмелюсь вас просить, пожалуйста приезжайте к нам нынишним летом, так мне бы пожаловали родительской совет, в которую мне службу выгоднее выходить в ынженерную или в артиллерийскую, так я и старался бы... Прошу вашего родительского благословения, на век пребуду верной и покорной сын и слуга Алексей Аракчеев».

На обратной стороне листа, на котором вполне приличным подчерком было написано приведенное письмо к отцу, Алексей написал несколько строк для матери: «Милостивой Государыни матушки Елисаветы Андреевны свидетельствую мое высокопочитание и прошу благословения. Навек [остаюсь] верным сыном Алексей Аракчеев... Матушки бабушки свидетельствую мое высокопочитание. Братца и сестрицу¹ заочно целую.

Еще не премину вас уведомить, что у нас ныне вышли 12 человек в полевую артиллерию, и открылся выпуск на всегда во флот...»

* * *

27 сентября 1787 года Алексей Аракчеев получил чин поручика от армии². Однако несмотря на то, что его учеба в Артиллерийском и Инженерном шляхетском кадетском корпусе закончилась, он не покинул этого учебного заведения. Вместе с двумя другими кадетами, лучше всех усвоившими учебный курс (Федором Карамзиным и Василием Хотяевым), Алексей был оставлен при корпусе. Директор Мелиссино поручил ему преподавать математику и артиллерию, а в дополнение, зная его приверженность к порядку, возложил на него обязанности заведующего корпусной библиотекой. Надо заметить, что библиотека корпуса по подбору специальной литературы являлась одной из лучших в России. И Алексей сумел сполна воспользо-

¹ Алексей упоминает в этом письме брата Петра — брат Андрей в то время уже учился в Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе, и сестру Марию. Следовательно, Анна, самая младшая его сестра, в 1787 г. еще не родилась.

² В библиографическом справочнике Д. Н. Шилова «Государственные деятели Российской империи. 1802–1917» (СПб., 2001. С. 49) в качестве даты присвоения Аракчееву чина подпоручика армии указана дата 12 сентября 1787 г. Однако сам Алексей Андреевич в своих «Автобиографических заметках», начертанных на прокладных белых листах принадлежавшей ему книги Святого Евангелия, записал: «Сентября 27-го дня, 1787 года пожалован Алексею Аракчееву первый обер-офицерский чин от армии поручика» (Русский архив. 1866. № 6. Стб. 922).

ваться ее богатствами для углубления своих познаний в области артиллерии.

Когда в 1788 году началась война России со Швецией и поручику Аракчееву дали задание срочно подготовить артиллерийскую команду, он смог самолично создать специальное учебное пособие для ускоренной подготовки артиллеристов под названием «Краткие артиллерийские записки в вопросах и ответах». Уровень данного пособия был столь высоким, что его авторство приписали впоследствии генералу П. И. Мелиссино. Не верилось, видно, что такое мог написать молодой офицер, едва вышедший из кадетов.

Обучая команду артиллерийскому делу, Алексей не жалел ни времени, ни сил и, естественно, добивался успеха. 11 января 1789 года ему был присвоен чин подпоручика артиллерии, который в армии соответствовал чину поручика. Тогда же Мелиссино назначил его командиром гренадерской роты, образованной из лучших фронтовиков. Но самой главной наградой честолюбивому офицеру стала протекция, оказанная ему директором училища.

В рассматриваемое время графу Николаю Ивановичу Салтыкову понадобился учитель для сына, и он обратился к директору Артиллерийского и Инженерного корпуса с тем, чтобы тот подыскал ему толкового офицера. Петр Иванович рекомендовал Аракчеева. Так бедный, но образованный дворянчик оказался в доме видного вельможи, только что назначенного президентом Военной коллегии¹. Помимо дополнительных денежных средств, в которых Алексей, не получавший от родителей материальной помощи, весьма нуждался, это давало ему новые возможности сделать карьеру.

С помощью строгого и способного учителя из кадетского корпуса сын Салтыковых быстро усваивал учебный материал. Радуюсь успехам сына, граф Николай Иванович и его супруга Наталья Владимировна регулярно делали Аракчееву различные подарки, и нередко дорогие. Однажды графиня подарила ему золотые часы.

За время, прошедшее со дня окончания учебы в корпусе, Алексею ни разу не удалось вырваться к родителям в деревню. Зная беспредельную работоспособность и чрезвычайную исполнительность молодого офицера, директор Мелиссино взвалил на него столько разных поручений, что не мог без ущерба для корпуса предоставить

¹ До этого в течение двух лет (с 1788 г.) Н. И. Салтыков занимал пост вице-президента, а еще ранее (с 1783 г.) осуществлял «главное надзирание при воспитании» великих князей Александра и Константина Павловичей.

ему отпуск. Но граф Салтыков, желая отблагодарить учителя своего сына, сумел сделать так, чтобы ему дана была возможность посетить родителей.

Можно вообразить, с какой радостью мчался Алексей в деревню к отцу и матери, дабы похвалиться перед ними своими успехами по службе — тем, как любит его начальство и, конечно же, красным офицерским мундиром. Отец, хотя был вне себя от радости, сразу заметил висевшие на мундире золотые часы. Подробно расспросил, откуда взялась у сына такая дорогая вещь, затем снял с него часы и повесил над своей кроватью. Вернул Андрей Андреевич часы Алексею лишь перед самым отъездом его обратно в Петербург. «Возьми часы, — сказал он сыну, — я дарю их тебе. Знай и помни, что ты мне ими обязан: не помести я тебя в корпус, ты не учил бы у Салтыковых и часов бы не имел». С тех пор Алексей Аракчеев хранил у себя эти часы, считая их отцовским подарком.

В ту встречу с сыном Андрей Андреевич высказал заветное свое желание, которое при каждом последующем свидании ему повторял: «Алеша! Ты дослужись до майора и выйди в отставку с пенсионом — тогда мы все будем счастливы». Отставному поручику чин майора казался пределом мечтаний. Но был ли таковым сей чин в представлении поручика, окончившего недавно кадетский корпус?!

Успехи Алексея Аракчеева в усвоении наук, похвалы, расточаемые ему начальниками, быстрое продвижение по лестнице чинов, пусть пока еще по нижним ее ступеням, укрепили в нем ростки честолюбия, взращенные воспитанием в родительском доме и последующими житейскими перипетиями. Чем успешней шла его служба, тем сильнее становилось в нем желание возвыситься над другими. Но одного желания было, конечно, мало. Молодой честолюбец должен был усвоить еще науку о том, как возвыситься, как сделать карьеру, — науку нелегкую, требующую, надо признать, особых природных дарований. Благоволение, каковое неизменно оказывали кадету и затем офицеру Аракчееву все стоявшие над ним и в том числе директор корпуса П. И. Мелиссино, свидетельствует, что он блестяще усвоил первый и, по-видимому, главный раздел указанной науки — искусство угождать начальству.

Конечно, многое здесь далось Алексею как бы само собой: привитые ему в родительском доме такие качества характера, как трудолюбие, приверженность к порядку и некоторый аскетизм, уже сами по себе располагали его начальников к доброму к нему отношению. Но для того, чтобы заслужить к себе полное с их стороны благоволение,

чтобы превратить их в покровителей себе — в двигателей своей карьеры, надобно было угождать им сознательно и расчетливо, угождать постоянно и во всем. Именно так угождал Алексей Аракчеев. Вспоминая в старости годы своего пребывания в кадетском корпусе, он признается: «Я старался заслужить милость моих начальников, и Мелиссино особенно полюбил меня за мою исправность».

Однако простого угождения начальству нередко бывает недостаточно для карьеры. Более необходимым оказывается иной раз умение воспользоваться случаем. Эту часть науки делать карьеру Алексей Аракчеев усвоил не хуже предыдущей.

Летом 1790 года у П. И. Мелиссино высвободилось место старшего адъютанта, дававшее чин капитана армии и солидную прибавку к жалованью. Казалось бы, он должен был немедленно предложить место Алексею Аракчееву, чьи способности к службе он хорошо знал и высоко ценил. Но Петр Иванович имел одну слабость — чрезмерно уважал знатность. И свой дом он стремился устроить повельможному. Оттого в адъютанты к себе брал исключительно отпрысков знатных и богатых родителей. Ясно, что Аракчеев, при всех его талантах, никак Мелиссино не подходил. Трудно сказать, знал ли Алексей об этой слабости своего начальника, но, прослышав о заманчивой вакансии, он воспользовался добрым отношением к себе Н. И. Салтыкова и упросил графа походатайствовать за него перед Мелиссино.

Бедный Петр Иванович в душе, конечно же, не хотел выполнять просьбу графа Салтыкова о назначении в старшие адъютанты беспородного дворянина Аракчеева, но как было отказать столь видному сановнику, президенту Военной коллегии? Расстроенный таким поворотом дел, Мелиссино лишь бросил в сердцах: «Вот пострел!»

24 июля 1790 года директор Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса издал распоряжение о назначении поручика Аракчеева своим старшим адъютантом. В личном письме к Алексею Петр Иванович постарался скрыть чувство досады на него. «Государь мой Алексей Андреевич! — писал он к Аракчееву 29 июля 1790 года. — С великим моим удовольствием уведомляю вас, что вы сего месяца 24-го, в учиненное по артиллерии произведение его светлостию князем Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим, произведены в штаб в старшие адъютанты, с чем вас и поздравляю. Сердечно желаю, чтобы вы при возвышении сего чина могли получить и прежнее ваше здоровье. Чего же принадлежит до класса, который вы обучали, то оный и ныне вы иметь будете и с тем

же жалованьем. Впрочем, будьте уверены в моей к вам дружбе, добром расположении и всегдашнем почтении, с которым пребуду ваш государя моего, покорный слуга П. Мелиссино». Вместе с должностью старшего адъютанта при директоре Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса Алексей получил и чин капитана армии.

Летом 1791 года произошло еще одно событие, навсегда запечатлевшееся в памяти Алексея Аракчеева. Его квартиру в Петербурге навестили отец с матерью, приехавшие, кажется, повидаться не только со старшим сыном, но и с двумя другими — Андреем и Петром, которые пошли по стопам Алексея и учились в то время в Артиллерийском и Инженерном шляхетском кадетском корпусе¹. Позднее граф Алексей Андреевич вспоминал, что Елисавета Андреевна, найдя в его петербургской квартире чистоту и порядок, осталась вполне довольной сыном. А вот Андрей Андреевич насторожился, увидев в квартире слишком дорогую, по его представлениям, мебель: письменный стол, покрытый зеленым сукном, диван и кресло, обтянутые кожей, и комод из красного дерева. Некоторое время он хмурился и молчал, но затем не выдержал, отвел сына в сторону и стал допытываться: «Послушай, Алексей, скажи мне прямо, без всякой утайки, как должен сын отвечать отцу: не ворует ли ты или не берешь ли взяток?»

Назначение в старшие адъютанты к директору корпуса П. И. Мелиссино Алексей Аракчеев считал впоследствии одним из важнейших событий своей жизни. В автобиографических заметках, писанных четверть века спустя, он назвал его в одном ряду с такими событиями, как поступление в кадеты и присвоение первого обер-офицерского чина. Что ж, граф Аракчеев имел на это все основания: в свете того, что произошло с ним впоследствии, обыкновенное само по себе событие, каковым являлось назначение в адъютанты к Мелиссино, приобретало особое значение.

Как уже говорилось, Артиллерийский и Инженерный корпус по традиции пользовался вниманием российской императрицы и ее вельмож. В 1792 году этим учебным заведением заинтересовался и

¹ Сохранилось письмо директора корпуса отцу братьев Аракчеевых от 17 октября 1791 г. «Милостивый государь мой, Андрей Андреевич, — писал Мелиссино. — Почтеннейшее письмо ваше я с удовольствием моим получил, на которое вам донести имею, что дети ваши, находящиеся у меня в корпусе, добрым своим поведением и рачительным службой исполнением справедливо делают себе похвалу, корпусу — честь, мне и вам — удовольствие! Я и впредь того надеюсь, что они себя будут вести усердно, честно и порядочно».

наследник престола великий князь Павел Петрович. В отличие от вельмож интерес у него был не праздный, а сугубо деловой: цесаревич Павел создавал в своей резиденции, в Гатчине, собственную артиллерию. Вышло так, что поставленные ему весной 1792 года с артиллерийского завода в Сестрорецке новые орудия оказались негодными для стрельбы — их стволы имели много раковин, которые необходимо было заделать. Главным специалистом по заделке раковин являлся тогда поручик Федор Иванович Апрелев. Сама же эта процедура заключалась в следующем: сначала воском снималась форма раковины, затем отливалась соответствующая ей болванка из серебра, которая завинчивалась в раковину. Апрелев изобрел приспособление для завинчивания, оказавшееся весьма эффективным на практике. Данное приспособление засекретили, а самого Апрелева, как секретного мастера, в январе 1792 года приписали к Петербургскому арсеналу и сделали для всей русской артиллерии избавителем орудий от раковин. Именно он и поехал в Гатчину исправлять орудия находившейся там артиллерийской команды.

Сработал поручик Апрелев в Гатчине удачно: мало того, что заделал в орудиях раковины, но еще и показал гатчинским артиллеристам, как надо стрелять. Павел был доволен, и ему сразу захотелось оставить смекалистого офицера у себя начальником всей гатчинской артиллерии. В течение лета 1792 года в Гатчину прибыло 35 артиллеристов, выбранных по просьбе цесаревича генералом П. И. Мелиссино из полевой артиллерии. Их надо было упражнять в стрельбе, учить должному обращению с орудиями. Однако Апрелев, как специалист по заделке раковин в орудиях, был в то время незаменимым для русской артиллерии человеком и поступить в распоряжение наследника престола не мог. Да и сам Федор Иванович не хотел перебираться в Гатчину. Служить здесь было несравненно труднее, чем в Петербурге. Кроме того, он имел большую семью, для которой сыскать в Гатчине подходящую квартиру не представлялось возможным.

Вот тогда-то великий князь Павел и обратил свое внимание на Артиллерийский и Инженерный корпус. Поручик Апрелев, выпущенный из стен его (в 1780 году), показал себя добрым артиллеристом — не будет ли среди выпускников корпуса другого подобного молодца, отличного знатока артиллерийского дела? И его высочество попросил генерала П. И. Мелиссино прислать ему такового.

Директор корпуса без промедления выбрал Аракчеева. Он так сильно желал избавиться от навязанного ему графом Салтыковым

беспородного адъютанта, что даже не спросил у Алексея, согласен ли тот ехать в Гатчину, а попросту назначил его туда.

Но Алексей на Петра Ивановича не обиделся. Более того, принял новое свое назначение так, будто шел на повышение. По Петербургу в то время во множестве ходили страшные слухи о тяготах гатчинской службы. Столичных офицеров в дрожь бросало при одном намеке на назначение в Гатчину. Аракчеев не мог не знать про эти слухи. Наверняка доходили до него и кое-какие реальные факты о строгостях гатчинских порядков. И при всем том Алексей отправлялся в Гатчину с великой радостью. Он как будто предчувствовал, что именно там — на службе у Павла — пробьет звездный час его карьеры!

Глава третья

«Гатчинский капрал»

В четвертый день сентября 1792 года поручик артиллерии Алексей Аракчеев подъезжал к Гатчине. На заставе он был встречен караулом, который повел себя с прибывшим офицером так, будто тот пересекал государственную границу. Караульный офицер тоном чело- века, охраняющего некую особо секретную территорию, стал рас- спрашивать Аракчеева, кто он такой, откуда и с какой целью прибыл в Гатчину.

* * *

Ко времени, о котором идет речь, великий князь Павел Петрович жил в Гатчине уже девять лет. До него это расположенное в 44 вер- стах от Петербурга и 22 верстах от Царского Села местечко принад- лежало сподвижнику Екатерины II в деле захвата ею российского престола графу Г. Г. Орлову¹. Григорий Орлов получил Гатчину вме- сте с приписанными к ней двадцатью окрестными деревнями и мель- ницей в дар от императрицы в 1765 году. Прежде чем преподнести своему фавориту эту мызу, Екатерина II выкупила ее у наследников умершего в 1764 году президента камер-коллегии и коллегии эко- номии сенатора князя Бориса-Леонтия Александровича Куракина. К Б.-Л. А. Куракину Гатчина перешла после смерти в 1749 году его отца — князя А. Б. Куракина, сенатора и обершталмейстера. Послед- ний же получил мызу в 1734 году в «личное потомственное владе- ние» от императрицы Анны Иоанновны. А построена мыза Гатчино

¹ Любопытно, что предки графа Г. Г. Орлова жили так же, как и предки графа Арак- чеева, в Бежецкой пятине. Его прапрадед — Владимир Лукьянович Орлов являлся в 1613 г. губным старостой Бежецкого Верха.

была вскоре после начала строительства Санкт-Петербурга — она должна была служить загородной усадьбой Петру I. В 1708 году царь подарил ее своей любимой сестре Наталье Алексеевне. В 1716 году она умерла. Спустя три года после этого — в 1719 году — Петр I отдал мызу во владение преобразователю медицинского дела в России архиатеру Ивану Лаврентьевичу Блюментросту. В 1732 году мыза Гатчино была императрицей Анной Иоанновной изъята из владения немца-медика и приписана к дворцовой канцелярии. Через два года мызу опять передали из государственной казны в частное владение.

Получив в 1765 году Гатчину в свое распоряжение, граф Г. Г. Орлов развернул здесь грандиозное строительство. В результате был возведен новый дворец (по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди), разбиты парки, проложены дороги, устроено обширное охотничье хозяйство. Граф очень любил Гатчину. Сохранилось одно из писем Григория Орлова к Жан Жаку Руссо, в котором он делится своими впечатлениями о мызе: «Мне вздумалось сказать вам, что в 60 верстах от Петербурга у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок, и возбуждают к мечтательности».

Во второй половине 60-х годов императрица Екатерина II неоднократно приезжала в гатчинское поместье своего фаворита на отдых — прогуливалась по аллеям парка, каталась в маленьком ботике по озеру, развлекалась охотой. В 1772 году она охладела к Григорию Орлову и с этого времени избегала общения с ним, но про устроенный графом в Гатчине райский уголок не забыла.

Когда в 1783 году граф Г. Г. Орлов умер, императрица за 150 тысяч рублей выкупила Гатчину у его братьев и преподнесла в дар своему сыну Павлу. В Указе от 6 августа 1783 года, юридически оформлявшем это дарение, говорилось: «Из купленных Нами у графов Орловых деревень, состоящих в ведомстве нашего флигель-адъютанта Буксгевдена, повелеваем отдать во владение Нашему любезному сыну, великому князю, мызу Гатчино с тамошним домом, со всеми находящимися мебелью, мраморными вещами, оружейною, оранжереєю и материалами и с 20 принадлежащими к той мызе деревнями...»

Осенью 1783 года Павел Петрович со своей супругой Марией Федоровной переселился в Гатчину и сразу же принялся перестраивать быт ее обитателей по-своему.

Великий князь распорядился перестроить дворец, сделать в нем новые парадные залы и комнаты. В парке были созданы сады —

их называли «Собственный» и «Голландский», устроены красивые укромные уголки — «Остров любви», «Сильвия», «Лабиринт». В самом селении началось строительство новых домов, стали появляться новые улицы и площади.

Вступив во владение Гатчиной, великий князь повел себя здесь так, словно это была не мыза, а самостоятельное, отданное ему в управление государство. Он создавал здесь не только организованное по-новому хозяйство, но и разветвленную систему администрации и, наконец, пусть небольшое, но настоящее войско — миниатюрную армию. Павел как будто репетировал свою будущую роль российского самодержца. И то, что он делал это с необыкновенной страстью, было вполне объяснимо.

Вряд ли уже возможно с точностью установить, насколько достоверны сведения о том, что при своем восшествии на императорский престол Екатерина II давала обещание уступить его своему сыну по достижении им возраста восемнадцати лет. Однако несомненно, что с 1772 года, когда Павел вошел в пору совершеннолетия, императрица должна была привлечь его как наследника императорского престола к участию в управлении государством. Это было неписаное правило для венценосной семьи, и, как показывают мемуары российских сановников, все они были уверены, что именно так и будет. И Екатерина II действительно допустила своего сына к ведению государственных дел, но только в предельно ограниченных рамках — Павлу была предоставлена возможность исполнять канцелярские обязанности по его званию генерал-адмирала¹ и дано правомочие на командование тем кирасирским полком, в котором он числился полковником.

Сообщая однажды своему сыну о том, какими делами он может заняться, Екатерина заметила: «Сверх сего, приходите ко мне за советом так часто, как признаете в том необходимость; я скажу вам правду со всею искренностью, к какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольным, выслушав ее, понимаете? Вдобавок, чтобы основательнее занять вас, к удовольствию общества, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые вы будете приходить ко мне *один* для выслушания бумаг, чтобы ознакомиться с положением дел, законами страны и моими правительственными началами: устраивает это вас?» Великого князя Павла устраивала даже

¹ Цесаревич Павел Петрович был определен императрицей Екатериной в генерал-адмиралы указом от 20 декабря 1762 г.

такая форма общения со своей матерью-императрицей, при которой он являлся скорее слушателем, чем собеседником. 12 мая 1783 года состоялся его разговор с ее величеством о занятии Крыма и о выборе короля Станислава Понятовского. Свою запись основного содержания данного разговора Павел закончил словами: «Доверенность мне многоценна, первая и удивительна». Из этих слов следует, что подобные беседы Екатерины II со своим сыном — наследником императорского престола — были редким исключением. Впоследствии Павел неоднократно жаловался людям, с которыми имел доверительные отношения, на то, что ничем не занят.

Гатчина стала для него в этих условиях настоящим спасением: здесь нашел он поле деятельности, к которому мог приложить свою неумную энергию, — здесь получил он поприще, на котором мог проявить себя в качестве властителя. Многое из того, что Павел делал в Гатчине, он после того, как станет императором, будет стараться осуществить в Санкт-Петербурге.

С юности усвоил Павел истины, что «человек — первое сокровище государства, а труд его — богатство», что «сбережение государства — сбережение людей, сбережение людей — сбережение государства». Сделавшись владельцем Гатчины, великий князь стал руководствоваться этими принципами на деле.

Так, он предпринял меры по обеспечению сносного существования крестьян, прирезал земледельцам дополнительные наделы земли, дал ссуды тем, у кого хозяйство из-за внешних обстоятельств пришло в упадок. Заботясь о здоровье обитателей Гатчины, Павел распорядился устроить сеть фельдшерских пунктов и переоборудовать гатчинский госпиталь, с тем чтобы можно было оказывать бесплатную медицинскую помощь не только дворянам, но и крестьянам с солдатами. Этот госпиталь впоследствии славился чистотой и порядком, своими просторными палатами. Было в нем даже то, что сейчас называют инфекционным отделением.

Помимо медицинских учреждений, цесаревич организовал в Гатчине учебные заведения, в которых бесплатно обучались дети всех проживающих в Гатчине, независимо от их сословной принадлежности, а также выстроил и содержал за свой счет сиротский дом, православную, католическую и лютеранскую церкви.

При содействии великого князя Павла в Гатчине было развернуто широкое строительство мануфактур, возникли заводы по производству фарфоровых и стеклянных изделий, суконная фабрика, шляпная мастерская и т. д.

В дополнение ко всему новый владелец Гатчины так усовершенствовал местную полицию и пожарную часть, что жить здесь стало много безопаснее, нежели в Петербурге и где-либо еще.

Атмосферу воцарившегося в Гатчине порядка нарушали поначалу многочисленные беглые крепостные, наводнившие окрестности мызы. О причине, по которой люди побежали в Гатчину после переезда сюда цесаревича Павла, и о мерах против беглых шла речь в Указе Сената губернским правлениям от 17 мая 1784 года. В нем говорилось: «Из представления санктпетербургского губернского правления сенату известно учинилось, что по рассеянному слуху от людей, мыслящих во вред только себе и ближнему, яко бы мыза Гатчина, лежащая в Софийском уезде, превращена будет в город, и что ко умножению в нем купечества и мещанства примутся без разбора все, кто только пожелает, почему многие дворовые люди сделали побег, в том намерении, что они будут уже граждане, и хотя в самом начале правительство, узнав, привело все в законный порядок, но вероятно, что таковые лживые слухи могут распространяться и далее, то сенат долгом своим поставляет предписать всем правлениям, дабы в поимке беглых и беспаспортных людей, также и в рассуждении пени за небрежение, непременно покупаемо было по силе учреждения о губерниях». Слухи о том, что мыза Гатчино будет превращена в город, имели под собой основания. Павел сначала превратил это селение в посад, а 11 ноября 1796 года — на пятый день своего пребывания на престоле — присвоил Гатчине статус города.

Внимательно наблюдая за государственной деятельностью своей царственной матушки, цесаревич Павел смог заметить, как постепенно стал ослабевать исходивший от нее импульс, который приводил в движение все государство, как вместе со старением императрицы Екатерины II начал дряхлеть и государственный организм Российской империи. В Павле стало утверждаться сознание того, что именно ему, правнуку Петра Великого, надлежит вдохнуть новую энергию в этот организм и спасти Россию.

На свою жизнь в Гатчине великий князь Павел Петрович смотрел соответственно как на подготовку к осуществлению этой великой миссии. Первое, что надлежало, по его мнению, сделать в данном направлении, — это укрепить военную мощь Российского государства. Не имея возможности осуществить свои реформаторские замыслы в рамках существовавшей в России армии, Павел стал создавать военные отряды у себя в резиденции, то есть действовать подобно тому, как действовал в свое время Петр I, организуя в Преображен-

ском так называемые «потешные» войска. Если в 1783 году в распоряжении наследника престола были две воинские команды по 30 человек, которые несли сугубо караульную службу, то в 1787 году он имел уже 360 человек, разделенных на три роты. В 1785 году в ведение цесаревича поступил кирасирский полк, а в 1786 году восемь рядовых и один унтер-офицер из морской артиллерии положили начало гатчинским артиллерийским формированиям.

Правда, поначалу функции этой артиллерийской команды были сугубо церемониальные — артиллеристы и пушки предназначались для того, чтобы выстрелами давать два сигнала: по первому следовало начинать приготовление пищи для его высочества, а по второму — садиться за стол вкушать ее. Но уже со следующего 1787 года артиллерия в Гатчине стала создаваться в качестве боевой единицы. Тогда же положено было начало и гатчинской коннице.

Расширяя численность воинских отрядов, Павел одновременно устраивал их на новых принципах. В литературе до сих пор бытует мнение, что принципы эти цесаревич целиком заимствовал у тогдашнего короля Пруссии Фридриха II, с которым он познакомился лично во время заграничного путешествия. Действительно, Павел восторгался порядками, господствовавшими в прусской армии. Он заимствовал у нее покррой мундира, косички, пудру и т. п. И это было довольно неудачное заимствование¹. Но внутренние принципы, на которых строилась Павлом гатчинская армия, нельзя назвать прусскими. К примеру, Фридрих Великий организовывал свою армию, исходя из правила: артиллерия начинает бой, пехота одерживает победу, а конница довершает ее. Великий князь Павел предполагал участие артиллерии и в начале боя, и в середине, и в завершающей стадии. А в тех случаях, когда войска терпели поражение, артиллерия должна была, согласно идее Павла, обеспечивать отход войск. В связи с этим гатчинская артиллерия в отличие от прусской

¹ Князь Г. А. Потемкин в одном из писем к императрице Екатерине, написанном в марте–апреле 1783 г., называл эту прусскую одежду «дрянью», отмечая, что она, равно как и заимствованная вместе с ней амуниция, «таковы, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в 30 почти лет возраста узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее белье и пропасть вещей, век сокращающих». По мнению князя, «красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением: платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может... Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то готов» (Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 159–160).

создавалась как более мобильная и разнообразная по калибрам орудий — она формировалась в качестве самостоятельной, обособленной от пехотных и конных подразделений войсковой части. Пехоте и коннице такая артиллерия придавалась лишь во время совместных боевых действий. Павел ввел и отличную от прусской организацию артиллерии, в основание которой было положено не число людей, а количество орудий — по 12 в каждой роте.

Примечателен был и состав гатчинского войска. Павел брал к себе на службу лишь тех, кто хотел и мог служить усердно, не жалея для службы ни себя самого, ни других. При этом великий князь не обращал никакого внимания на бедность и незнатность претендентов. Скорее даже старался отдавать им предпочтение, сознавая, что для бедных и незнатных служба — единственный источник средств существования и путь к возвышению. В результате в гатчинской армии собралось множество выходцев из глухих российских провинций, малообразованных, малокультурных, но честолюбивых и ретивых к службе молодых людей. Павел был для них отцом и благодетелем, на него возлагали они все свои надежды. И Павел вел себя с ними именно как отец и благодетель. Он знал в лицо каждого своего офицера, был вхож в его домашние и семейные нужды и всегда старался помочь, как мог, в устройстве его жизни. Конечно, кому-то столь всесторонняя и в чем-то мелочная Павлова опека не нравилась. Но в основной своей массе гатчинцы были преисполнены благодарности к цесаревичу, особенно те, кто служил с настоящим усердием — для таких его высочество не жалел похвал и наград.

Впоследствии современники гатчинских офицеров, сами не служившие в Гатчине, будут выставять их в своих мемуарах в самом неблагоприятном свете. Один из этих современников напишет о них: «Это были, по большей части, люди грубые, совсем не образованные, сор нашей армии; выгнанные из полков за дурное поведение, пьянство или трусость, эти люди находили убежище в гатчинских батальонах и там, добровольно обратясь в машины, без всякого недовольствия переносили всякий день от наследника брань, а, может быть, иногда и побои». Другой мемуарист выскажется о гатчинцах с еще большей желчью: «Гатчинские офицеры были бродяги, выгнанные за разные гнусности из армии, которые, не имея пристанища, рады были все переносить из-за куска хлеба. Гатчинская армия не помещала ни одного офицера, который бы помышлял о чести — им нередко придают охоту к службе палкой». Эти злые слова о гатчинцах цитирует в своей книге «Император Павел Первый»

Н. К. Шильдер для того, чтобы обосновать свой вывод о том, что состав гатчинских войск «был незавидный»¹. А в качестве наиболее яркого образца такого бесчестного, раболепного, «совсем не образованного», являющего собой «сор нашей армии» гатчинского офицера приводит не кого иного, как Алексея Андреевича Аракчеева. Неужели не догадался историк-генерал о том, что подобные характеристики гатчинских офицеров могли дать только те, кто завидовал их успешной карьере, начавшейся при императоре Павле и продолжавшейся в царствование императора Александра I? Надо совсем не понимать Павла как человека, чтобы утверждать, что он мог брать к себе на службу таких дурных офицеров. На самом деле Павел настолько тщательно подходил к подбору офицеров в свои гатчинские войска, что удостоивал чести служить при себе и тем участвовать в формировании новой армии далеко не каждого хорошего офицера. Он требовал от своих офицеров творческого подхода к делу, к тому же дело-то было новое: Павел создавал новую организацию войск. Потому-то шла в Гатчине напряженная учеба офицеров. Неужели не знал этих фактов Н. К. Шильдер? Знал, пожалуй, но ставил целью своего труда не раскрытие истины, а скорее замазывание ее. Царствование императора Павла Николай Карлович охарактеризовал в своей книге как «незабвенное по жестокости» и, чтобы доказать это, сознательно умалчивал о многих фактах, говорящих совершенно о противоположном. Поэтому вместо исторического произведения о русском императоре Павле Н. К. Шильдер сотворил всего лишь пасквиль на него.

Настроения офицеров, служивших при цесаревиче Павле, хорошо выразил Аракчеев, сказав годы спустя: «В Гатчине служба была тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда было замечено, а знания дела и исправность отличены».

Алексей Андреевич имел все основания так говорить. До тех пор пока он не проявил себя «служакой», Павел относился к нему прохладно. Целый месяц со дня своего прибытия в резиденцию наследника престола Аракчеев интенсивно занимался с артиллеристами, ходил на разводы и вахтпарады, и за все это время Павел ни разу не похвалил его, а только внимательно к нему присматривался.

Правда, однажды, во время посещения проводившихся под руководством Аракчеева лабораторных работ цесаревич, ознакомившись

¹ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 234–235.

с введенным им новым порядком размещения людей и последовательностью процедур, высказался: «Дельно!»

Лишь 8 октября, то есть спустя месяц и четыре дня с момента прибытия в Гатчину, Алексей удостоился наконец награды. В этот день производились стрельбы из орудий. И поручик Аракчеев стрелял настолько успешно, что Павел прямо в поле объявил ему, что он завоевал его благорасположение. К вечеру Аракчеев был назначен командиром артиллерийской роты и возведен в чин бомбардир-капитана, который соответствовал в тогдашней русской армии званию премьер-майора. Кроме того, его высочество объявил новому своему любимцу, что он отныне может без всякого специального приглашения бывать на его обеде.

Менее года спустя — 23 июля 1793 года — Аракчеев стал майором артиллерии и подполковником армии. Об этом радостном событии он уже на следующий день писал П. И. Мелисину: «Я столько смел, что думаю и ласкаю себя надеждою, что моя преданность, усердность и почитание к вашему превосходительству вам известны, а продолжение оных за счастье буду почитать, если позволено будет им пребывать от вашего превосходительства до последнего конца моей жизни. Ибо с начала самого моей службы и до сего времени полученные мною благополучия есть источники ваших ко мне милостей и наставлений, то я и положил себе за правило, при всяком моем благополучии, уведомить вашего превосходительства, яко первого основателя моих благополучий. Вчерашнего числа¹ Его Императорское Высочество, великий князь Павел Петрович изволил пожаловать меня артиллерии Майером, который чин объявля мне, изволил послать об оном к графу Николаю Ивановичу² объявить ему свою волю. Сколько мне оное не лестно, но вторая его высокая милость меня утешает более оной: всем моим офицерам до последнего изволил пожаловать чины, проговаривая при оном, что оное изволит делать для меня. Донося оное вашему превосходительству, прошу Всевышнего, чтоб он продлил ваши лета, в которые, конечно, чрез ваши о воспитывающихся под вашим начальством старания, увеличится число счастливых. Я ж пребуду навсегда вашего высо-

¹ В. Ф. Ратч называет в качестве даты пожалования Аракчееву чина майора артиллерии 5 августа 1793 г. (*Ратч В. Ф.* Указ. соч. С. 94), но в приводимом мною письме сам Алексей Андреевич фразой «вчерашнего числа» указывает на 23 июля, поскольку это его письмо к П. И. Мелисину писано 24 июля 1793 г.

² Салтыкову.

копревосходительства, милостиваго государя, верным и покорным слугою. Алексей Аракчеев».

Алексей Андреевич был очень памятлив на причиненное ему зло, но не менее помнил и добро, когда-либо ему сделанное. И благодетелей своих чтил всю жизнь, воздвигая им памятники не только в душе своей, но и на земле...

За год, проведенный Аракчеевым в Гатчине, доверие Павла к нему заметно выросло. Так что именно ему его высочество поручил подобрать из выпускников Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса офицеров для гатчинской артиллерии. Алексей Андреевич выбрал П. С. Апрелева, Л. С. Бреверна, П. М. Капцевича, Н. О. Котлубицкого. Все они впоследствии станут генералами и хорошими администраторами.

Благоволение Павла к расторопному и умному артиллерийскому офицеру выражалось в различных формах. Так, в 1795 году его высочество вручил Аракчееву учрежденную им для своих гатчинцев награду — орден Святой Анны на шпаге — «Анненскую шпагу». Вручил на следующих условиях, начертанных им собственноручно на приложенной к шпаге бумаге: «1) Аресту не подвержен. 2) Не теряет, иначе как по суду, чины и дворянство. 3) При смерти возвращается назад».

25 июня 1796 года у Павла родился третий сын — Николай. По этому случаю майор артиллерии Аракчеев был представлен цесаревичем к присвоению следующего чина — подполковника артиллерии и соответственно полковника армии. Данный чин мог быть присвоен только через посредство генерал-фельдцейхмейстера. Князь Платон Зубов, занимавший данную должность, получив представление на Аракчеева, решил поинтересоваться, какую должность занимает претендент на чин подполковника артиллерии. Узнав о запросе князя П. А. Зубова, Алексей Андреевич испугался — не дают ли ему с новым чином новое назначение и не хотят ли забрать его из Гатчины. Забеспокоился и Павел, который не хотел лишиться исполнительного и умного офицера. Он приказал Аракчееву срочно прибыть в Павловск, а сам отправился в Царское Село к матери-императрице. Утром 29 июня Алексей Андреевич прибыл в Павловск и сразу узнал о том, что произведен в новый чин. О новом же назначении никаких сообщений не было. Полдня провел он в волнении, пока наконец не получил собственноручную записку от Павла. «Зубов мне велел сказать, что ты именно у меня остаешься и о сем именно приказано куда следует. Вот и объяснение всего», — говорилось в ней.

Павел был настолько увлечен артиллерией, что малейшее нарушение какого-либо порядка в ней приводило его в неудовольствие, а то и просто в гнев. Не избежал промахов по службе и Аракчеев. 11 декабря 1794 года цесаревич разразился в его адрес следующей запиской: «Присланное вами, г. подполковник Аракчеев, сегодня с нарочным дело, будучи текущее, а сверх сего, по существу своему, и никакого исследования не заслуживающее, то и удивляюсь я, почему вы отправили с оным нарочного козака, а не дождались учрежденной в Гатчине почты, тем более, что кроме артиллерии, ничто под командою вашею не состоит, и для того остерегаться вам и вперед от подобных сему дел. Усмотря же из возвращаемого при сем произведенного над фурлейтом Егоровым следствия несоблюдение формы, ибо вам должно известно быть, что у нас название секунд- и примермайоров не существует¹, то и не могу, чтоб не дать вам знать о моем по сему удивлении, рекомендуя вам стараться о избежании и впредь таковых новостей».

Были во время службы Аракчеева в Гатчине и другие случаи, когда он вызывал к себе у Павла неудовольствие. Но оно если и возникало, то ненадолго. В этом была особенность Павлова сердца — быстро сменять гнев на милость. С другой стороны, на Аракчеева всякому его начальнику вообще трудно было гневаться скольнибудь продолжительное время.

Однажды — едва ли не в первый год службы в Гатчине — Аракчеев, будучи караульным офицером, допустил какой-то мелкий промах. Павел разгневался и обругал его последними словами. Бедный Алексей впал в состояние глубочайшего горя. И от чувства своей безвинности, от мысли, что навеки лишился милости наследника престола, самым что ни на есть настоящим образом зарыдал. Потрясенный горем до глубины души, он побежал искать утешения в церковь. В тот час она была уже пуста, лишь пономарь тушил в ней свечи. Влетев в церковный зал, Алексей бухнулся на колени и в полной тишине стал отчаянно молиться. Вдруг за спиной его послышались шаги со звуком шпор. От неожиданности он вскочил, вытер глаза от слез и обернулся: перед ним стоял цесаревич Павел.

¹ Создав в Гатчине собственные воинские подразделения, Павел Петрович несколько видоизменил применительно к ним существовавшую в то время в русской армии систему воинских чинов. Так, он отменил разделение майоров на секунд-майоров и премьер-майоров.

— О чем ты плачешь? — ласково спросил он мокрого от слез офицера.

— Мне больно лишиться милости Вашего Императорского Высочества.

— Да ты вовсе не лишился ее! — ответил Павел и, положив руку на плечо Алексею, продолжил: — И никогда не лишишься, когда будешь вести себя и служить так, как до сих пор. Молись Богу и служи верно, а ты знаешь, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадают.

Алексей бросился перед Павлом на колени и, переполненный чувствами, воскликнул:

— У меня только и есть, что Бог да Вы!

Его высочество велел ему подняться и следовать за ним. В молчании они вышли из церкви, прошли какое-то расстояние. Павел остановился, посмотрел на Аракчеева и сказал:

— Ступай домой... Со временем я сделаю из тебя человека!

Позднее Алексей Андреевич будет утверждать, вспоминая свою службу при Павле, что тот осыпал его милостями «не по заслугам, а по благодати своей». В данном утверждении граф явно скромничал. Достаточно почитать письма и записки Павла к Аракчееву, чтобы понять: угрюмый, всего себя отдававший службе человек был для него рычагом и, пожалуй, главным в административных и военных делах.

Пребывая на службе в Гатчине, Аракчеев не только командовал артиллерией, но и организовывал занятия для младших офицеров, подпрапорщиков и юнкеров. 3 июля 1794 года Павел писал ему из Павловска: «Препоручая вам, г. подполковник Аракчеев, учредить в Гатчине, по примеру прежнему, класс для преподавания военной науки, предоставляю вам избрать способного для сего офицера». Алексей немедленно выполнил данное приказание цесаревича, за что так же без промедления был удостоен его высочайшей похвалы. «Распоряжением, г. подполковник Аракчеев, военного класса для офицеров я доволен», — сообщал Павел 6 июля 1794 года.

Функции, которые цесаревич возлагал на Аракчеева при организации учебных классов для офицеров, были Алексею вполне знакомы: он хорошо освоил их еще будучи кадетом. «По учреждении вами, г. подполковник Аракчеев, вследствие приказания моего, для офицеров военного класса, — писал Павел своему любимцу 4 июля 1794 года, — предписываю вам иметь прилежное смотрение, как за успехом их в учении, так и за поведением во время онаго; а при-

том наблюдать, чтобы они были всегда опрятно и, как должно, по форме одеты, не позволяя им ходить в классы в сертуках; если же кто против сего сделается ослушным, то позволяю вам такового тотчас арестовать, дав о том знать за известие коменданту, а меня тотчас рапортовать, так как и доносить мне почасту обо всем оном».

Помимо вышеуказанных функций Павел поручал Аракчееву производить отбор на службу в Гатчину нижних чинов. По рассказам бывших гатчинцев, в акциях отбора Аракчеев преуспел быстро: неизвестно как, но за сравнительно короткое время он наладился смакивать в гатчинские войска разных мастеровых (сапожников, портных, шорников и т. п.). Принимались им даже беглые, если были достаточно смекалистыми людьми. Однажды удалось заманить на службу в Гатчину целый оркестр музыкантов.

Заведуя артиллерией, обучением войск и занимаясь их кадровым пополнением, Аракчеев умудрялся еще исполнять обязанности коменданта Гатчины. Наряду с распоряжениями по военной части Павел давал ему и такие, например, поручения: «На домах, которые по углам улиц, вмазать имена улиц, на медных досках».

Вообще к 1795 году сугубо административная деятельность стала основной у Аракчеева. Цесаревич придавал своим войскам значение, далеко выходящее за гатчинские рамки. Он понимал, что русская армия в целом требует глубоких преобразований, касающихся и организации ее, и применяемой ею тактики ведения боя, и состояния ее вооружения. При этом он сознавал, что его мать — императрица Екатерина — ни на какие сколько-нибудь серьезные реформы в армии не пойдет. Следовательно, задачу совершенствования русской армии придется решать именно ему — после того, как взойдет он на императорский престол. В этих условиях гатчинские войска должны были, по замыслу Павла, стать ядром обновленной русской армии, а их организация — ее организационной основой. Поэтому формируя и обучая свои войска, великий князь одновременно готовил новые воинские уставы для строевой, гарнизонной и лагерной службы, а также положения, устанавливавшие новые правила ведения войскового хозяйства. В подготовке всех подобных документов активное участие принимал офицер Аракчеев.

Пребывая на службе в Гатчине, Алексей Андреевич специально изучал разработанные применительно к русской артиллерии и действовавшие в то время положения, штаты, инструкции. Он завел даже специальную тетрадь, в которую выписывал содержавшиеся

в этих документах сведения. В эту же тетрадь он заносил списки чинов и суммы содержания каждого из них, таблицы стрельб, цифры, фиксирующие размеры различных орудий, лафетов, ящиков и т. д. Эти материалы предназначались явно не для учебы. Скорее всего Аракчеев изучал по поручению цесаревича состояние русской артиллерии во всех ее аспектах с целью разработки для нее новых стандартов.

В 1795 году Павел придал гатчинской артиллерии статус полка. Необходимые инструкции для всех должностных чинов артиллерии Его Высочество повелел написать подполковнику Аракчееву. Они были готовы к декабрю того же года. Текст этих инструкций сохранился — он был опубликован в книге В. Ф. Ратча «Сведения об артиллерии гатчинских войск», вышедшей в свет в 1851 году¹. Алексей Андреевич подробно расписал в составленных им инструкциях внутренний порядок управления артиллерийским полком. При этом особое внимание уделил обязанностям ротных командиров, которые должны были отвечать за строевое обучение, боевую подготовку, продовольствие и обмундирование вверенных им нижних чинов, их нравственное воспитание, состояние материальной части и вооружений, содержание и кормление лошадей.

Кроме того, Павел поручал Аракчееву составление разнообразных инструкций, разработку новых образцов обмундирования и снаряжения для армии. Ведение хозяйства во многом также находилось в руках Аракчеева. Служба в Гатчине превратилась для него в подлинную школу управления. Из сына бедного дворянина, простого артиллерийского офицера выковывался администратор, государственный деятель, будущий крупный сановник.

Если административной практики у Аракчеева было недостаточно, то знаний не хватало. И Алексей вновь засел за книги.

Мемуаристы и историки много будут писать о неграмотности Аракчеева и о нелюбви его к книгам. Аракчеев «ничему не учился, кроме русского языка и математики», — напишет о нем А. И. Михайловский-Данилевский. «Он имел лишь ум нравиться тому, кому следует», — заявит Д. Б. Мертваго. «Ничего не читал в молодости, пустота головы наполнена какими-то вздорами, которые в нашем свете слынут умением дела», — охарактеризует Арак-

¹ Опубликованный В. Ф. Ратчем на основании оригинала текст инструкций Аракчеева можно найти также в приложении 6 к книге Павла Потоцкого «История гвардейской артиллерии», изданной в 1896 г. в Санкт-Петербурге.

чеева в своих «Записках» служивший под его началом офицер А. И. Мартос. Историк-генерал Н. К. Шильдер отметит: «Аракчеев не был из числа людей, которые чтением расширяют свои познания». А между тем все обстояло как раз наоборот.

Один из лучших выпускников одного из лучших учебных заведений России своего времени (а среди военных заведений — точно лучшего), преподаватель, автор учебных пособий и наставлений, составитель многочисленных инструкций и положений, образцовых по содержанию и четкости выражений, и т. д. и т. п. — разве мог такой человек быть неучем? Мне представится еще повод поговорить об образованности Аракчеева. Сейчас же замечу: книги Алексей Андреевич, безусловно, уважал, сам читал много и других к этому призывал. «Чтение полезных книг в свободное время, — наставлял он своих подчиненных, — есть, без сомнения, одно из благороднейших и приятнейших упражнений каждого офицера. Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу службы Монарху и Отечеству». В каком бы ведомстве ни работал Аракчеев, он непременно проявлял заботу о том, чтобы в распоряжении его подчиненных была приличная библиотека специальной литературы. В 1795 году Алексей Андреевич начал целенаправленно собирать собственную библиотеку, которая к 1824 году, если судить по изданному тогда каталогу ее, насчитывала более 11 тысяч томов.

Некоторое представление об аракчеевской библиотеке дают названия предметов, на которые сам хозяин разделил свои книги: 1) духовные; 2) нравственные, о воспитании; 3) законы, положения, указы; 4) естественные науки; 5) хозяйство; 6) художества и архитектура; 7) история, география и путешествия; 8) математика; 9) военное искусство; 10) словесность и 11) периодические издания.

Гатчина стала серьезным испытанием для характера Аракчеева. Безусловно, первоначальным воспитанием своим он лучше многих был приспособлен к тяготам гатчинской службы. Его мало смущали строгости порядков, установленных великим князем Павлом в своей резиденции. Привык он и к дисциплине. Был аккуратен в одежде. Обыкновенно прибывавшие в Гатчину офицеры с трудом привыкали к здешним необычным порядкам и оттого постоянно допускали те или иные упущения по службе, за которые получали многократные замечания. Аракчеев на первом же своем вахтпараде в Гатчине держал себя так, будто век здесь служил.

* * *

Из всех тягот человеческой жизни сильнее всего донимала Алексея в Гатчине бедность. Именно на бедность свою сетовал он впоследствии, вспоминая гатчинскую жизнь. «Я сделался комендантом Гатчины, и всякий день должен был быть в параде, в разводе и на ученье, — позднее вспоминал он. — У меня был один мундир и одни лосиные панталоны. В ночь сниму я их с себя, выбелю и поутру рано мокрые надеваю опять. Летом было сносно, но зимою доходило почти до слез, когда панталоны примерзали к телу, и жестокий холод проникал все нервы мои. Всякий день обедал я у Павла, но на ужин получал два блюда, которые приносились в мою комнату. Итак, и здесь все богатство мое заключалось в одном жалованье, которым я помогал родителям».

При всей бедности своей Алексей ни разу не обратился к великому князю Павлу Петровичу с просьбой о повышении жалованья или выделении ему какой-нибудь разовой суммы. Павел был чрезвычайно бережливым человеком, особенно в денежных расходах, однако, зная его отношение к «служаке» Аракчееву, можно предположить, что вряд ли он отказался бы предоставить ему вспомоществование. Но Алексей не только не обращался с просьбами о деньгах, а умудрялся даже уклоняться от получения тех немногих пособий, каковые были ему положены по должностям его. Дабы заработать хоть какую-то сумму дополнительных денег, он ездил в Петербург проводить занятия с кадетами в стенах своего родного Артиллерийского и Инженерного корпуса. Дорога в столицу и обратно забирала почти три четверти заработанных им средств, а поскольку ездил Алексей Андреевич ночами, то она стоила ему и немалых физических сил. Такая жизнь сильно скажется на его здоровье: болезнь делается чуть ли не постоянным состоянием его организма.

В декабре 1794 года великий князь Павел Петрович предоставил подполковнику Аракчееву отпуск. С просьбой о нем обратился сам Алексей. Два с половиной месяца пробыл он в доме своих родителей. Андрею Андреевичу шел уже седьмой десяток лет — жизнь его подходила к концу, и каждое свое свидание с Алексеем он воспринимал как последнее. Оттого и хотел, чтобы сын побыл дома подольше. Но Алексей — военная душа — рвался на службу. Прощаясь с отъезжавшим в Гатчину сыном, Андрей Андреевич в сердцах произнес: «Алексей как волк: как ни корми, а все в лес смотрит!»

В 1795 году Андрей Андреевич навестит своего Алексея в Гатчине и, по всей видимости, именно тогда ему представился случай познакомиться с цесаревичем Павлом.

29 июля 1796 года Андрей Андреевич отошел в мир иной, не дожив трех с половиной месяцев до такого взлета в карьере своего старшего сына, который он, бедный дворянин и отставной поручик, вряд ли мог вообразить себе в самых смелых фантазиях.

Алексей получил известие о смерти отца спустя несколько дней. Цесаревич поспешил утешить его. «Теперь узнал о печальном известии, полученном вами, — писал Павел Алексею в своей записке. — Зная мое расположение к себе, не можете сомневаться об участии моем, тем более, что я его знал, и был человек старого шлагу (закалки. — В. Т.). Боже, утеши вас».

* * *

Холодный воздух Гатчины ожесточал Аракчеева. Никто из офицеров не муштровал своих солдат с такой неистовой страстью, с какой делал это он. За такое отличие и было дано ему прозвище — «гатчинский капрал».

Муштра войск не была самоцелью для великого князя Павла Петровича. Его высочество отчетливо понимал, что в новых условиях русская пехота не может уповать на штыковые атаки. Главным средством поражения противника должна стать стрельба из ружей. Для эффективной штыковой атаки не требовалось слишком строгого соблюдения строевое равнение, поэтому и строевой подготовке боевых частей не придавалось большого значения. Но для того, чтобы стрельба была более эффективной, стрелявшие должны были научиться держать строгий порядок развернутого трехшереножного строя, то есть приноровиться друг к другу размером шага, научиться сохранять равнение во время марша, не отклоняться от заданного направления движения и т. п. Выработка же подобных навыков требовала ежедневной многочасовой строевой подготовки пехоты — проще говоря, муштры.

Вместе с тем в представлении Павла Петровича муштра выступала не просто способом отработки строевых приемов — цесаревич придавал ей большое воспитательное значение, видел в ней надежное средство развития привычки к слепому повиновению. Аракчеев был необходим ему и как непревзойденный в Гатчине, а может и во всей тогдашней России, мастер муштры. Сохранилась записка Павла

к Аракчееву, полученная последним, судя по сделанной его рукой пометке, 8 июня 1796 года. «Я к вам посылаю свой батальон, которого и, по сегодняшнему его приему, считаю не за благо здесь держать, — писал цесаревич из Царского Села в Гатчину. — Извольте его там приказать учить, не взирая на каникулы. Дух дурен и ничто не берет».

Обращение Аракчеева с подчиненными было и в самом деле жестоким. Но, во-первых, этот угрюмый и злой, ненавидимый своим окружением человек не менее жестоко относился и к самому себе, не жалея ни физических, ни душевных сил ради того только, чтобы выполнить приказ начальства и заслужить его благоволение. Во-вторых, в жестокости своей Аракчеев все же не преступал определенной грани. Не учил он солдат «по 12 часов кряду», не срывал у них усов и не бил их «нешадно», как это приписывали ему некоторые современники в своих мемуарах (Н. И. Греч, к примеру), а вслед за ними и ряд позднейших историков. Более того, Аракчеев часто наказывал младших командиров за слишком жестокое обращение с солдатами, бывало, и в рядовые разжаловал за это.

* * *

Вообще, феномен «павловской Гатчины» нуждается в новом осмыслении. То представление о резиденции наследника престола, которое господствует в литературе, сложилось более на основании слухов и выдумок, нежели на реальных фактах. Рассказы о страшных порядках, якобы имевших здесь место, распространялись во многом сознательно. Сановники, составлявшие ближайшее окружение императрицы Екатерины II, очень боялись непонятого им человека, который, сделавшись императором, будет совершать непредсказуемые для них поступки. Поэтому они всячески стремились дискредитировать великого князя Павла Петровича в глазах столичного общества.

Екатерина же угадывала, что цесаревич Павел несет в себе серьезную угрозу той политической и экономической системе, которую она оставляла после себя, и вынашивала замысел отстранения его от наследования престола. Оттого она не только не препятствовала распространению клеветнических слухов о своем сыне, но даже подбрасывала клеветникам пищу. В 1796 году указанный замысел состарившейся императрицы уже начинал осуществляться, лишь смерть Екатерины II не позволила довести его до окончательного исполнения.

По сравнению с анархией, которая существовала в российском управлении и армии в последние годы екатерининского царствования¹, тот порядок в административных, военных и хозяйственных делах, каковой сумел установить и поддерживать в своей Гатчине цесаревич Павел, даже если б он и являлся менее строгим, все равно казался бы страшным для нерадивых офицеров.

Непредвзятый взгляд на результаты гатчинской деятельности великого князя Павла позволяет увидеть в них много разумных, предвосхищающих будущее нововведений. Причем особенно плодотворными оказались те из них, в осуществлении которых первостепенную роль сыграл Аракчеев. Это, прежде всего, — нововведения в области артиллерии. Созданный Павлом в Гатчине артиллерийский полк стал образцовым подразделением для остальной русской артиллерии. В его рамках были выработаны новые принципы организации артиллерии, новые способы применения ее в бою. Привитые в последующем всей русской артиллерии, они вывели ее из состояния отсталости и превратили ко времени Отечественной войны 1812 года в самую эффективную артиллерию во всем тогдашнем мире.

Гатчинская артиллерия создавалась с самого начала как артиллерия мобильная — способная быстро менять свои позиции. Остальная русская артиллерия передвигалась в то время с большим трудом и не могла с достаточной быстротой перенестись с одной позиции на другую.

Гатчинские артиллеристы были выучены стрелять не только по площадям, но и по конкретным целям. И могли даже соревноваться между собой в меткости стрельбы. Состоявшие на службе в русской армии другие артиллеристы не только не способны были поражать конкретные цели, но считали меткую стрельбу из орудий совершенно невозможным делом.

Гатчинская артиллерия отличалась от всей остальной тогдашней русской артиллерии быстротой стрельбы. При этом использовались специальные приемы, устраняющие несчастные случаи при скорой пальбе.

¹ Этой анархией возмущался в кругу своих друзей даже любимый внук престарелой императрицы — великий князь Александр Павлович. В письме от 10 мая 1796 г. он сообщал графу В. П. Кочубею: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон; все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов».

Применительно именно к гатчинской артиллерии впервые была предпринята попытка привести различные детали материальной части к одинаковым параметрам, а калибры одноименных орудий — к единообразию. Распространение этих требований на всю русскую артиллерию дало возможность артиллеристам быстро заменять поврежденные детали на новые и тем самым приводить расстроенную боем материальную часть артиллерии в состояние полной готовности для повторного вступления в бой.

Все это предполагало наличие у людей, обслуживающих орудия, таких знаний и навыков, которые отсутствовали прежде у русских артиллеристов. А они могли быть выработаны только в процессе постоянных и многократных упражнений. Именно этого, то есть интенсивной учебы, каждодневных, многочасовых упражнений в военном деле и требовал от своих офицеров великий князь Павел, а офицеры в свою очередь требовали того же от своих подчиненных.

Историк К. Валишевский привел в своей книге о Павле «Сын Великой Екатерины» следующий факт: «Полвека спустя, при реставрации Гатчинского дворца, в напоминание о военных подвигах, зародившихся тут, хотели было записать на мраморных досках имена храбрецов, вышедших из школы Павла и прославившихся на поле сражения. И не нашли никого, достойного этой чести! Школа Павла не была рассадником героев».

Действительно, Гатчина не произвела ни одного яркого военачальника, наподобие Суворова, Кутузова или Багратиона. Да и вряд ли могла при той заорганизованности жизни, которая была ей свойственна. Но нельзя не обратить внимания на то, что среди администраторов среднего слоя, на которых, в сущности, держится любая система управления, особенно выделялись бывшие гатчинцы. Они были непревзойденными администраторами по своей исполнительности, работоспособности, внутренней приверженности к порядку. Гатчинцем был, к примеру, Иван Христианович Сиверс, который в 1799 году в чине генерал-майора командовал артиллерией в знаменитых походах Суворова. Другой гатчинец — Петр Михайлович Капцевич — в 1822 году стал генерал-губернатором Западной Сибири, осуществлял реформу Сибирского управления, разработанную Сперанским. Гатчинец Петр Хрисанфович Оболянинов успешно работал генерал-провиантмейстером и генерал-прокурором. Славился он не только строгостью к подчиненным, но и честностью, личной порядочностью. Недобрая слава, созданная императору Павлу обиженными им сановниками, покрыла своей тенью и этих людей.

О гатчинцах сделалось обыкновением говорить только плохо или не говорить ничего. И мало кто из современников не последовал данному обыкновению в своих мемуарах. Один из них — Лев Николаевич Энгельгардт — отметил в своих «Записках», что среди гатчинцев было несколько и «благонравных людей, хотя без особенного воспитания, но имеющих здравый рассудок и к добру склонное расположение». По его словам, «приобыкли к важнейшим должностям, они служили с пользой государству»¹.

Впоследствии имена большей части гатчинцев, игравших немало важные роли в российском управлении, были надежно забыты — их всех затмил собою Аракчеев.

Сам же Алексей Андреевич никогда не забывал Гатчины. Ей он был обязан всей своей последующей карьерой. В начале октября 1822 года супруга Павла I императрица Мария Федоровна пригласит Аракчеева в Гатчину на освящение нового церковного храма. Граф ответит на это приглашение немедленно: «Удостоясь сей час получить милостивый Вашего Императорского Величества Рескрипт, я спешу прежде еще приезда своего принести мою душевную и истинную верноподданную благодарность за изволение мне находиться на освящении Храма Божия в Гатчине, в сие место начала моего счастья, где я будучи воспитан и наставлен в службе и всех моих понятиях покойным моим благодетелем, Государем и отцом, коего память вечно пребудет в моем истинно преданном Августейшему Вашему Дому сердце»².

Помимо благоволения Павла и навыков административной деятельности гатчинская служба дала ему еще нечто важное для будущей его судьбы — знакомство с великим князем Александром Павловичем.

Произошло оно в 1794 году. Причем сближению Аракчеева с Александром способствовал сам Павел. И это был очень добрый для Алексея знак, показавший, что он, простой артиллерийский офицер, стал пользоваться особым доверием со стороны цесаревича.

Есть основания полагать, что Аракчеев сыграл какую-то роль в противодействии Павла замыслу императрицы Екатерины II передать престол не ему, а Александру. Сохранилось письмо великого князя Александра Павловича Алексею Андреевичу от 23 сентября

¹ Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. С. 148.

² Текст данного письма, написанного графом Аракчеевым 5 октября 1822 г., публикуется мной по оригиналу, который хранится в аракчеевском фонде РГВИА.

1796 года, в котором Александр именует своего отца не «Его Высочеством», а «Его Императорским Величеством» — и это при живой еще императрице! Дав Екатерине II свое согласие на наследование после нее российского престола вместо Павла, великий князь Александр в то же самое время втайне от своей августейшей бабки заключит со своим отцом соглашение о том, что взойдет на престол только после него. Историк Н. К. Шильдер предполагал даже, что «Павел Петрович, не довольствуясь признанием своих прав со стороны сына, привел его к присяге себе как законному императору, свидетелем же этой присяги был Аракчеев». Здесь историк видел «исходную точку необъяснимой дружбы, связавшей на всю жизнь Александра с гатчинским капралом». Объяснение любопытное, но из-за отсутствия документальных подтверждений (а быть их и не могло по причине щекотливости ситуации, особенно для Александра) ему суждено навеки остаться лишь предположением.

Как бы то ни было, в 1796 году «гатчинский капрал» имел все основания надеяться на то, что станет скоро российским генералом. Надо было лишь дожждаться своего часа. И этот звездный для его карьеры час наступил.

Около трех пополудни 5 ноября 1796 года Павел обедал на гатчинской мельнице, расположенной в пяти верстах от его дворца, вместе с приглашенными офицерами. Перед самым обедом цесаревич и его супруга Мария Федоровна рассказывали присутствовавшим о странной истории, приключившейся с ними прошедшей ночью. Оба видели похожие сны и чувствовали одинаковое — как некая чудодейственная сила возносила их к небу. Причем каждый из них от этого просыпался, но лишь только засыпал вновь, повторялось то же самое сновидение.

После обеда Павел со всей своей свитой двинулся во дворец. Едва великий князь отъехал с мельницы, как увидел едущего ему навстречу лакея. Приблизившись, лакей сообщил, что в Гатчинском дворце его высочество ожидает шталмейстер Николай Зубов с каким-то важным известием. Сообщение это привело наследника престола в сильнейшее волнение, разом спутавшее и чувства его, и мысли. Сумятица в голове напрочь стерла в его памяти слова лакея о том, что приехал только Николай Зубов, и он переспросил, сколько приехало Зубовых. Услышав в ответ, что только один, Павел перекрестился и сказал: «Ну с одним можно справиться!»

Эта непроизвольно вырвавшаяся из Павловых уст фраза свидетельствует о том, что все последнее время он жил под страхом, опа-

саясь, видимо, что императрица Екатерина в стремлении осуществить свой замысел отстранения его от наследования престола пойдет на крайние меры.

Увидев цесаревича, граф Николай Zubов бухнулся на колени, и Павел безо всяких слов понял, что настал момент, которого он столько ждал, — момент восшествия его на престол Российской империи.

Однако Екатерина была еще жива. Пораженная утром 5 ноября апоплексическим ударом, она лежала без сознания в своем кабинете в окружении близких ей людей.

Павел прибыл в столицу к вечеру того же дня. Но в Зимний дворец ехать не спешил. Около Чесменского дворца приказал кучеру остановиться. Вышел из кареты. Внешним видом своим он напоминал безумного — так подействовала на него новость, сообщенная Николаем Zubовым. Да и как могла она подействовать иначе?!

Умирала его мать. И в душе своей Павел не мог не испытывать горького чувства утраты. Но, с другой стороны, мать была императрицей, и притом не по-женски властной и не по-матерински жестокой с ним. Она не пускала его на императорский трон, в тоске по которому он, 42-летний цесаревич, вконец истомился. Она хотела даже вообще не давать ему скипетра самодержавной власти, о котором он столько грезил. И вот его мать-императрица умирает. *Какое несчастье! Наконец-то оно случилось!!!*

Однако же ехать в Зимний дворец было надо, и после непродолжительной прогулки по вечернему Санкт-Петербургу Павел двинулся дальше. По прибытии в Зимний дворец он сразу же прошел к умиравшей императрице. Постоял. Затем вышел устраиваться. Выбрал себе комнату, смежную с той, где лежала Екатерина. Отдал первые распоряжения. После прибытия Павла императрица умирала еще целые сутки — до вечера 6 ноября. Но Павел сразу, как прибыл в ее покои, повел себя так, будто уже вззошел на престол.

Для сановников эти сутки, когда во дворце еще присутствовала Екатерина, но уже был Павел, стали сутками великих и небывалых мук. С одной стороны, умирание всемогущей императрицы побуждало их предаваться скорби, но с другой — присутствие Павла, всхлотившего на престол, заставляло изображать радостное ожидание будущего. Эти чувства — скорбь и радость — столь одно от другого отличны, что с ума надо было сойти, дабы совместить их на своей физиономии и выражать одновременно!

Обосновавшись в Зимнем дворце, Павел вызвал из Гатчины Аракчеева. Алексей, получив от покровителя своего такое многообе-

щавшее приказание, в тот же миг, как был в одном мундире, кинулся к лошади и галопом — в столицу! Не быв в Зимнем дворце ни разу и потому не зная расположения комнат, он долго и лихорадочно бегал по залам, пока наконец не отыскал нужный кабинет. Павел встретил Аракчеева радостно. Перед своим любимцем он мог не скрывать истинных своих чувств и мыслей. «Смотри, Алексей Андреевич, служи верно, как и прежде», — сказал он. Его Высочество уже ощущал себя Величеством — самодержцем всероссийским.

Высказав свои наставления «гатчинскому капралу», он велел позвать к себе сына Александра. Когда тот пришел к нему, Павел сразу заговорил об Аракчеве. Затем взял руки обоих и соединил со словами: «Будьте друзьями и помогайте мне!»

Из кабинета Павла Алексей и Александр выходили вместе. Увидев, что мундир фаворита нового императора насквозь мокрый от пота и весь забрызган грязью, и узнав, что Алексей примчался из Гатчины без какой-либо другой одежды, великий князь повел его в свои покои и дал ему на смену чистую рубашку из собственного гардероба.

Этот скромный Александров дар Аракчев будет хранить у себя всю жизнь как памятный знак своего счастья, как входной билет в сферы высшей власти. В подаренной ему великим князем Александром рубашке он ляжет в могилу.

Где-то в половине десятого вечера 6 ноября 1796 года из кабинета, где лежала умиравшая императрица, раздался громкий, протяжный стон, который слышавшие его назовут впоследствии ужасным. Императрица Екатерина II испустила дух.

С этим стоном над Россией возносилась звезда нового самодержца, а вместе с нею и звезда верного его слуги — Алексея Андреевича Аракчеева.

Глава четвертая

«Без лести предан»

С восшествием Павла на престол жизнь сановно-чиновного Петербурга резко переменялась. Новый император решительно взялся за рычаги управления Российской империей. То, что он сделал в первые же часы и дни своего царствования, будет впоследствии описываться в мемуарах современников, как правило, в самых черных красках и уничижительных тонах. Действия Павла в роли самодержца уподобят поступкам неразумного ребенка, иступленно ломающего подаренные ему игрушки.

Действительно, в азарте человека, долго и томительно ждавшего скипетра самодержавной власти и наконец получившего его, Павел совершал немало такого, что могло вызывать улыбку, смех, а то и подозрение в умопомрачении. Но при всем том деятельность императора Павла в целом была вполне осмысленной. Он вступил на престол, имея конкретную программу действий, сложившуюся в основных своих чертах, по меньшей мере, десятилетие назад и предполагавшую целую систему преобразовательных мер, касавшихся гражданской администрации и армии, суда и полиции, промышленности и торговли, дворянского землевладения и крепостного права.

Общий смысл всех планировавшихся Павлом реформ заключался в его стремлении укрепить самодержавие и усилить воздействие самодержавной власти на общественную жизнь. Павел желал обуздать произвол сановников, стремился установить в обществе порядок, при котором соблюдались бы законы, царили принципы справедливости и правды. Роль главного гаранта такого порядка Павел отводил собственной персоне. Он мнил себя отцом и благодетелем отечества. Именно это сознание придавало его действиям чрезвычайную решительность.

Благодаря Елизавете и Екатерине II в русском обществе привычным стал стиль монархического правления, который условно можно назвать «мягким» или «осторожным». Обе императрицы взошли на престол в результате заговора, то есть «незаконным» путем, и правили, опираясь на традиционные порядки, стараясь угождать своему сановному окружению. Суть подобного стиля правления хорошо выразила Екатерина II в разговоре со своим статс-секретарем В. С. Поповым. Желая польстить императрице, Василий Степанович заявил ей однажды, что не перестает изумляться тому чрезвычайному усердию и ревности, с которыми все исполняют ее повеления и стараются угождать ей. «Это не так легко, как ты думаешь, — отвечала Екатерина, — во-первых, повеления мои не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению. Ты сам знаешь, с какою осмотрительностью, с какою осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, извлекаю мысли просвещенной части народа и по ним заключаю, какое действие указ мой произвести должен. Когда уже наперед я уверена об общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие видеть то, что ты называешь слепым повиновением, и вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не принаравлено к обычаям, к мнению народному, и когда в оном я бы последовала одной своей воле, не размышляя о следствиях. Во-вторых, ты ошибаешься, когда думаешь, что вокруг меня все делается только мне удобное. Напротив того: это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому, сообразно с заслугами, достоинствами, склонностями и привычками, и поверь мне, что гораздо легче делать приятное для всех, нежели, чтобы все тебе угождали. Напрасно сего ожидать и будешь огорчаться; но я сего огорчения не имею, ибо не ожидаю, чтобы все без изъятия по-моему делалось».

Павел, взойдя на престол, вознамерился править по-своему, никому не угождая, не считаясь с интересами каких-либо сановных группировок. Еще в 1776 году он писал: «Если бы мне надобно было образовать себе политическую партию, я мог бы молчать о беспорядках, чтобы пощадить известных лиц, но, будучи тем, что я есмь, — для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое». Это стремление к полной самостоя-

тельности в принятии решений, причем и самых ответственных, от которых зависит судьба целой страны, было заложено в характере Павла. Его замечали даже те, кто имел с ним лишь короткое знакомство.

В 1782 году великий князь Павел, будучи со своей супругой в заграничном путешествии, посетил Флоренцию и провел там некоторое время в общении с великим герцогом Леопольдом. Впечатления, вынесенные из знакомства с наследником российского престола, путешествовавшим по Европе под именем графа Северного, флорентийский правитель немедленно изложил в письме к своему брату, тогдашнему главе Священной Римской империи Иосифу II. «Граф Северный, — писал великий герцог Леопольд о Павле, — кроме большого ума, дарований и рассудительности, обладает талантом верно постигать идеи и предметы и быстро обнимать все их стороны и обстоятельства. Из всех его речей видно, что он исполнен желанием добра. Мне кажется, что с ним следует поступать откровенно, прямо и честно, чтобы не сделать его недоверчивым и подозрительным. Я думаю, что он будет очень деятелен, в его образе мыслей видна энергия. Мне он кажется очень твердым и решительным, когда остановится на чем-нибудь, и, конечно, он не принадлежит к числу тех людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою». Сходное мнение о Павле, но уже в то время, когда он пребывал на престоле, высказывали и его соотечественники. «На Павла нелегко было иметь влияние, ибо, считая себя всегда правым, он весьма упорно держался своих мнений», — отмечал Н. А. Саблуков.

Основные положения разработанной Павлом программы государственных реформ были изложены им в январе 1788 года. Он готовился в это время к отъезду на войну с Турцией и желал оставить своей супруге Марии Федоровне и сыну Александру предписание о порядке управления государством на случай, если он погибнет и на российский престол после смерти Екатерины II вступит его старший сын.

Павлу так и не удалось выехать на войну с Турцией. Императрица Екатерина уговорила его отложить отъезд до мая 1788 года — времени предполагаемых родов его супруги. А спустя полтора месяца (30 июня) разразилась война России со Швецией, и Павел в начале июля отправился в Финляндию. Но и на войну со шведами ему попасть не удалось. Главнокомандующий русской армией граф Мусин-Пушкин просто-напросто не пустил цесаревича на театр во-

енных действий. Соответственно, и завещание Павла не было введено в действие.

Официальный биограф Павла Н. К. Шильдер, сообщая в своей книге «Император Павел Первый» о завещательных письмах Павла, умолчал о написанных им в 1788 году предписаниях относительно порядка управления государством. Между тем документ этот коренным образом меняет широко распространенный взгляд на императора Павла I как на человека, не способного управлять государством, действовавшего на вершине государственной власти сугубо произвольно, без какого-либо плана или программы, подчиняясь лишь собственным капризам.

Публикуя в 1867 году на страницах журнала «Вестник Европы» тексты завещательных писем Павла и его предписания о порядке управления государством, историк М. И. Семевский подчеркивал, что указанные документы «важны как для характеристики Павла I, так еще более для уяснения многих законоположений, обнародованных этим государем в течение четырехлетнего его царствования».

Несмотря на то, что предписание о порядке управления государством¹ составлялось великим князем Павлом в спешке, оно не было собранием скороспелых мыслей, но содержало идеи, выработанные в результате многолетних размышлений об организации государственного управления в России, внутренней и внешней политики самодержавной власти.

Текст «предписания» был разделен на 33 статьи, в которых в предельно краткой форме излагались основные направления и суть предлагаемых государственных преобразований. Так, статья 3-я рекомендовала «положить закон, кому именно быть государем». Данный закон был принят в день коронации императора Павла — 5 апреля 1797 года. «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества и положенный для хранения на престоле Успенского собора» закрепил новый порядок престолонаследия, согласно которому в случае смерти императора престол передавался его старшему сыну и т. д. При этом лица женского пола отстранялись от наследования престола. Основные принципы данного порядка престолонаследия были прописаны Павлом еще 4 января 1788 года в завещательном письме к супруге Марии Федоровне.

¹ При публикации этого документа в 1867 г. в журнале «Вестник Европы» он был обозначен как «Наказ» (см.: Вестник Европы. 1867. Т. 1 (март). С. 316–322).

Статья 4-я содержала рекомендацию об упорядочении российского законодательства. «Законы у нас есть, но в порядок привести в их смысле. Новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением, а указы почитать просто Учреждениями, а не Законами». Немногим более месяца после своего восшествия на императорский престол — 16 декабря 1796 года — Павел I своим высочайшим указом поручил генерал-прокурору А. Б. Куракину «собрать в Уложенной Комиссии и во всех архивах изданные дотоле узаконения и составить из них три книги законов Российской империи: уголовных, гражданских и казенных дел». По-настоящему развернуть работы по систематизации российского законодательства и составить уложения Павел I не успел. Не удастся сделать этого и его преемнику на императорском престоле Александру I, несмотря на то, что работы по составлению систематических сборников российских законов будут вестись на протяжении всего Александрова царствования, то есть четверть века без малого. Быстрота же, с которой были составлены в первые годы правления императора Николая I «Полное собрание...» и «Свод законов Российской империи», объясняется именно тем, что составители этих сборников использовали результаты работ по систематизации российского законодательства, проводившихся во времена царствований императоров Павла I и Александра I.

Статьи 5, 6, 7-я «предписания» выражали намерения Павла упорядочить исполнительную власть. Здесь шла речь о Правительствующем сенате и Государственном Совете. Осуществление этих мер выпало на долю Александра I. В его правление был создан постоянно действующий при императоре Государственный Совет и началась реформа Сената, был подготовлен даже соответствующий законопроект, однако император Александр по ряду причин не ввел его в действие.

Статью 8-ю своего «предписания» Павел посвятил дворянству. «Сказав о способах непосредственных к достижению предмета общества, то есть блага утверждением законов, сказать должно, — заявлял он, — сие состояние законы утверждают. Таково первое дворянство. Оно подпора государства и государя и для того придать ему уважения, не допуская в него лишних членов или недостойных и имея с государем равный интерес должно его на службу обращать». Менее месяца спустя после своего восшествия на императорский престол — 4 декабря 1796 года — Павел I издал указ «О запрещении правительствам самим собою вводить в дворянское

достоинство и выдавать на оное грамоты без Высочайшего утверждения». 20 января 1797 года им был издан указ «О составлении общего дворянских родов гербовника». 14 декабря того же года император Павел установил своим высочайшим приказом правило, согласно которому дворяне, определенные на военную службу, служили в качестве рядовых не более трех лет. Интересам дворянства соответствовали и другие законодательные установления императора Павла. Вместе с тем ряд Павловых законодательных актов ущемлял в той или иной мере дворянские интересы. Подлинное отношение Павла I к дворянству лучше всего, пожалуй, выражают заключительные слова Манифеста от 18 декабря 1797 года, которым его величество объявлял об учреждении императорского вспомогательного банка для дворянства. «...Ласкаемся Мы приятно надеждою, — торжественно заявлял Павел I, — что дворянство всей Нашей империи, ощутив истинную цель благих Наших намерений, ко спасению их самих и их потомства стремящихся, обратит щедроту Нашу во благо, искупить имения свои из рук корыстолюбивых ростовщиков, заплатит все свои долги, и тем возвращая доброе имя и полное к себе доверие, усугубит попечения свои на распространение всякого рода полезного хозяйства, а паче и паче сокращая в домах своих излишества, роскошию внушаемые, прилепится к похвальной умеренности».

В статье 9-й Павлова «предписания» говорилось о духовенстве. По его словам, святость должностей этого сословия «столь уважения достойна и для того заслуживает особого внимания и присмотра, дабы понятию о Боге учили в прямой силе, а не суеверию». Став императором, Павел вернул Русской Православной Церкви отобранные у нее Екатериной II имения, а также некоторые права и привилегии. Он прекратил преследования старообрядцев и даже разрешил им возвести свою церковь в Нижегородской губернии.

Статья 10-я рассматриваемого документа посвящалась среднему сословию. Павел высказывал здесь свое желание, чтобы характерные для представителей этого сословия «промыслы» «свободно текли для государства и для них собственно». Идеи, высказанные в данной статье, дополнялись статьями с 14-й по 17-ю, в которых шла речь о большом значении для государства торговли, мануфактурного и фабричного производства, рудного дела и т. д.

Статья 11-я содержала рекомендацию относительно крестьянства. По словам Павла, «крестьянство содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особого уважения достойно

и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его, из благодарности Отечества и для того, чтоб тем лутче трудились и государство имело тем вернее снабжение». Стремление к улучшению быта крестьян стало одним из направлений внутренней политики Павла после его восшествия на императорский престол.

Манифестом от 5 апреля 1797 года император Павел I повелел «всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам». Одновременно с этим его величество выразил в Манифесте свое мнение о том, что для работ крестьян в пользу помещиков достаточно трех дней¹. В исторической литературе данный Манифест именуется «Манифестом о трехдневной барщине», при этом часто утверждается, что он «установил трехдневную барщину»². На самом же деле император Павел не устанавливал трехдневную барщину, но всего лишь высказывал мнение о том, что трех дней вполне достаточно для работ крестьян на помещиков. Однако рекомендательная форма изложения этой нормы не должна вводить в заблуждение — Павел Петрович часто выражал свои повеления в форме пожеланий, но это не мешало ему строго требовать их исполнения.

16 февраля 1798 года император Павел своим высочайшим указом ввел запрет на продажу крепостных крестьян без земли. Указом от 29 ноября 1798 года предоставил крестьянам, ищущим свободы, право подачи личной апелляции в высшие государственные учреждения на решения судебных палат, оставляющих их во владении помещиков, в том случае, если губернские прокуроры не опротестуют такие решения.

Крестьяне восприняли даже столь ограниченные меры по улучшению их быта как свидетельство того, что император Павел стремится полностью освободить их от крепостного гнета помещиков. Опасаясь, что подобные настроения могут побудить крестьян к вол-

¹ Дословно в Манифесте по этому поводу говорилось следующее: «...Для сельских издѣлѣв остающиеся шесть дней по равному числу оных в обще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям» (Манифест о трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные. 5 апреля 1797 года // Законодательство императора Павла I / Составитель, автор предисловия и биографического очерка В. А. Томсинов М., 2008. С. 120).

² Так пишет, например, историк М. И. Семевский в своих комментариях к «Наказу» Павла. См.: Вестник Европы. 1867. Т. 1 (март). С. 326.

нениям, Павел принял ряд законодательных актов, упрочивающих крепостное право.

Статья 19-я «предписания» также примечательна для характеристики государственного мышления Павла. *«Государственные доходы — Государства, а не Государя, — заявлял он здесь, — и составляя богатства его, составляют целость и так знак, и способ благополучия Земли. Они двоякие: или с земли, или с промысла. Первые держать соразмерно возможности с надобностию, ибо уделяются от имений частных людей. Другие — поощрять, ибо основаны на трудах и прилежании, всегдашние средства силы и могущества земли. Поощрение сие одобрение и способствование»* (выделено мной. — В. Т.).

Большое место в «предписании» занимали рассуждения Павла о внешней политике Российского государства. Павел особо подчеркивал, что внешнее положение России должно быть сообразно с ее физическим и моральным положением. «Чтоб сие равновесие соблюсти, — заявляет он в статье 27-й, — надлежит нам смотреть прилежно, с кем прилично быть в связи и в какой. Связи суть разные, обязательств, которые вечны, быть не могут, а по обстоятельствам государственным переменяются, и для того их никогда таковыми не делать. Нужды, которые сами собою рождаются по разным случаям. Родства, которые никогда не должны заставлять забывать прямого государственного интереса и суть последние всегда, ибо обыкновенно идут на персону». В статье 28-й Павел продолжал данную мысль: «Из сего видно, что первой политической предмет требует, чтоб не давать никому над собою воли и не входить ни в чьи интересы и виды слепо, желая, чтоб соседи наши были в равновесии, дабы никто не мог угрожать вольности другого; а соблюдать беспристрастием и поведением, основанном на правосудии, благоразумии и твердости, уважение и доверенность к Государству. За сим следует прямое, политическое благосостояние».

Военной силе государства Российского Павел специально посвящал статью 31-ю своего «предписания». «Пространство земли нашей, — подчеркивал он, — требует большую оборонительную силу, а тем паче и наступательную; но препятствует сему малое количество жителей по таковому пространству, и так, заключаясь в возможности, должно государство иметь военную силу свою расположенною по четырем главным границам и внутри. Иметь их, в сообразность соседей, достаточно всем нужным снабженных, всегда комплектных, ибо от некомплекта земля большой урон терпит, или ложным счетом обороны или безвременным, скорым и сильным набором».

В статье 32-й Павел говорил о необходимости для России, окруженной «со многих сторон морями», иметь флот «на каждом из сих морей». По его словам, для сухопутных и морских сил «надобны арсеналы, запасы всему по разным частям и школы для военных наук. Притом войски и флоты учить, и Государю смотреть».

Подводя итог своим рассуждениям об устройстве государства Российского, Павел заявлял: «Когда все части государства будут приведены порядком до равновесия, в котором должны быть, чтоб оное могло не разрушимо и не вредимо стоять, тогда можно будет сказать, что прямо направлено общество на прямой путь свой блаженства каждого и всех, что согласно с законом Божиим и следовательно не может не иметь благословенья во всем *Его вышней Десницы*». Таким образом, Павел ясно выражал мнение о том, что укрепление Российского государства необходимо не ради самого государства — крепкое государство составляет, по его убеждению, важнейшую предпосылку роста благосостояния российского общества.

Целый ряд преобразовательных идей был изложен Павлом и в серии специальных записок об организации различных отраслей государственного управления. Так, в одной из записок Павел развивал идею создания министерств, выраженную в самой общей форме в 7-й статье «предписания»: «Государство имеет 7 главных департаментов, кроме Сената, яко главного трибунала, о котором будет говорено особо, которые составляют правление оного: 1) Юстиции, 2) Финанции, 3) Военной, 4) Иностранной, 5) Морской, 6) Коммерц, 7) Казна. Каждый из оных имеет своего министра»¹. По замыслу Павла, министры должны были составить «Совет», выступающий как учреждение «не законодательное, а единственно для в помощь и сношение как государю, так и министрам»². В записке об устройстве Сената Павел намечал преобразование этого учреждения в высшую судебную инстанцию. «Сенат Я полагаю быть единственно судебным местом, к которому бы шли дела чрез подчиненные места на конфирмацию во всех казусах, которые не во власти нижних судебных мест»³. Далее Павел отмечал, что «Сенат должен быть разделен,

¹ Записка Императора Павла I об устройстве разных частей государственного управления // Сборник императорского Русского Исторического общества. Том 90. СПб., 1894. С. 1–2.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 146.

как судебное место, на два департамента: департамент уголовной и департамент гражданский».

Став императором, Павел без промедления приступил к преобразованию административной системы Российской империи в направлении, определенном в «предписании» и упомянутых записках. По словам исследователя административной реформы Павла I историка М. В. Ключкова, «в короткий четырехлетний промежуток времени в центральном управлении произошел благодаря мероприятиям Павла быстрый переход от коллегиального управления к единоличному, министерскому, и недоставало еще одного шага, чтобы завершить это здание и на развалинах старых рухнувших коллегий закончить по выработанному плану постройку новых, более современных и удобных учреждений, министерств»¹.

Павел не успел осуществить в сколько-нибудь полной мере задуманные им преобразования системы российского государственного управления. Не успел он провести в жизнь и многие другие свои замыслы. Кратковременность пребывания его на императорском троне была одной из главных причин этому. За четыре года и четыре месяца, отведенные Павлу судьбой на царствование, невозможно было и при самом удачном стечении обстоятельств выполнить ту обширную программу реформ, которую он разработал и осуществление которой считал жизненно необходимым для укрепления Российского государства. Между тем условия, в которых Павел вступил на императорский престол, были чрезвычайно неблагоприятны для проведения крупномасштабных реформ.

В последние годы своего царствования императрица Екатерина II почти перестала заниматься делами государственного управления. Рассмотрение приходивших на ее имя докладов сановников о состоянии тех или иных частей администрации, различных просьб, жалоб, записок и т. п. она возложила на особо приближенных к ее величеству лиц. Естественно, что именно эти лица и принимали необходимые решения, которые императрица утверждала своей подписью.

Из дневника статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого² видно, что с 1792 года одним из таких лиц был тогдашний фаво-

¹ Ключков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 115.

² Александр Васильевич Храповицкий (1749–1801) пребывал при императрице Екатерине II с 1 января 1783 г. до 2 сентября 1793 г.

рит императрицы и будущий убийца императора Павла П. А. Зубов. Именно через него шло производство в новые чины, назначения на должности. «Вот какое чрез Зубова вышло произвождение, — отмечает в своем дневнике в записи от 22 сентября 1792 года А. В. Храповицкий. — Камергеры и действительные статские советники десятилетние пожалованы в тайные советники; их 10, да 9 сенаторов, и вышло помещение в губернаторы и вице-губернаторы». 1 января 1793 года Храповицкий записал: «Чрез Зубова вышли доклады гвардейские, произвождение воинское и статское десятилетним, не свыше как в четвертый класс».

Многие доклады сановников по государственным делам месяцами, а то и годами лежали в кабинете императрицы Екатерины II нерассмотренными. По ним, соответственно, не принималось никаких решений. Если на 1 января 1790 года по общему собранию и департаментам Сената числилось 8283 нерешенных дела (за год решалось приблизительно девять-десять тысяч дел), то в конце 1796 года по Сенату имелось 14 233 нерешенных дела. За этот период ровно наполовину — с 42 021 до 63 672 — возросло количество нерешенных дел по губерниям¹. Известный писатель, мемуарист и ученый-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов отмечает в своих записках, что «небрежение господ сенаторов простиралось даже до невероятности и до того, что иные лет по пять сряду в Сенат не приезжали и не заглядывали в оный; а посему какова можно было ожидать успеха?». По его словам, в царствование Екатерины в обществе господствовало убеждение в том, «что нужно было только какому делу попасться в Сенат, как и пошло оно на бесконечные века...». Прусский посланник в Санкт-Петербурге генерал Гребен доносил своему королю сразу после восшествия на императорский престол Павла: «В двадцать последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления приходят в упадок: правосудие, финансы, военное дело, одним словом, все отрасли управления направлялись так, что за границей невозможно даже составить себе представление об этом. Первым печальным последствием этого недостатка надзора явилось повсеместное нерадение со стороны всех должностных лиц к отправлению их обязанностей. Обширные и пространные помещения департаментов посещались лишь мышами и крысами. Чиновники, без всякого исключения, проводили дни

¹ См. об этом: Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. С. 103.

в еде, попойках и игре, а ночи в самых грязных оргиях. Отсюда проистекало взяточничество в обширных размерах, безнаказанно господствовавшее во всех отраслях управления, военного и гражданского; отсюда же проистекали бесчисленные злоупотребления, которые, ввиду этой обстановки, нетрудно представить себе. Вот наименее преувеличенная картина России в момент восшествия на престол Павла I-го».

В плачевном состоянии находилась в конце екатерининского правления и прославленная своими победами русская армия. Финансовые средства, отпускавшиеся из государственной казны на содержание войск, разворовывались различными начальниками, а нередко расходовались впустую. В условиях отсутствия какого-либо надзора со стороны высших властей многие офицеры и генералы, вместо того чтобы находиться в полках и заниматься обучением солдат, развлекались в столице или отдыхали в своих имениях, исправно получая при этом полагавшееся им за службу жалованье. Армейские начальники доходили даже до того, что привлекали подчиненных им солдат на хозяйственные работы в своих имениях, оставляя боевые полки порой вообще без личного состава. Штабы, получившие в условиях анархии последних лет царствования Екатерины II небывалую самостоятельность, сделались привлекательнейшим местом службы. Каждый влиятельный вельможа стремился пристроить своего отпрыска непременно в штабные офицеры, в связи с чем штабной персонал разрастался до небывалых размеров¹.

В стадии разложения находились даже гвардейские полки. А. Т. Болотов следующим образом охарактеризовал в своих записках то их состояние, в котором они пребывали накануне восшествия на императорский престол Павла I: «Нельзя изобразить, в каком странном и удивительном положении была до сего гвардия, и коль многие злоупотребления во всем господствовали в высочайшей степени в оной. Ежели б все то изобразить, то составила бы прелюбо-

¹ Каким же образом русская армия могла при таком своем состоянии одерживать победы на полях сражений? На этот вопрос ответил в своих записках знаменитый генерал эпохи Александра I А. П. Ермолов, начинавший свою военную службу при Екатерине II: «Способность главнокомандующего, русская удаль, петровская дисциплина, опытность частых войн, при 25-летнем сроке службы, и привычка к лишениям всякого рода — вот элементы, которые вели русские войска к победам; обучение же было из той степени, что бывшие наши полководцы сами принимались обучать к ним поступающие полки, и Суворов переучивал их по-своему».

пытная картина для потомства; и потомки наши не только б стали удивляться, но едва ли б в состоянии были поверить, чтоб все то существовало в самом деле, и скорее могли бы подумать, что то выдуманная баснь и совершенная небывальщина; ибо что касается до самых рядовых, то они, живучи толь многие десятки лет неподвижно на одном месте и неся единое только почти звание службы и отправляя единые только караулы, совсем изнежились и так избаловались, что с трудом можно было с ними ладить...»¹ Любая попытка изменить такой образ службы, привести гвардию в сносный порядок неизбежно вызвала недовольство в ее среде. А между тем, как показывала русская история XVIII века, гвардия была силой, способной произвести государственный переворот. Шарль Массон² сообщает в своих записках, что гвардейские полки, находившиеся под начальством родовитейшей знати империи, «страшились» восшествия на императорский престол великого князя Павла и смотрели на его приход к власти как на конец своего существования. Павел даже не скрывал своего отвращения к ним, и величайшим оскорблением, к которому прибегал, разговаривая со своими офицерами и даже солдатами на маневрах в Гатчине и Павловском, были такие слова: «Ты не годишься никуда, кроме службы в гвардии».

С воцарением Павла жизнь чиновников гражданской администрации и армейского начальства резко изменилась. Новый император энергично взялся за наведение порядка в государственном управлении. Чиновник Ф. П. Лубяновский³ прибыл в Санкт-Петербург на третий день царствования Павла I и был поражен произошедшей переменой в административных учреждениях. «В канцеляриях, департаментах, в коллегиях везде на столах свечи горели с 5 часов утра; с той же поры в вице-канцлерском доме, что был против Зимнего дворца, все люстры и каминны ярко пылали, сенаторы в 8 ча-

¹ Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты Государя Императора Павла Петровича (Из записок А. Т. Болотова) // Русский архив. 1864. Вып. 5–6. Стб. 607–608.

² Шарль Франсуа Филибер Массон (1762–1807) — француз, состоявший в 1787–1796 гг. на службе в России. Занимал должности преподавателя Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса (в одно время с А. А. Аракчеевым), адъютанта президента Военной коллегии Н. И. Салтыкова, секретаря великого князя Александра Павловича.

³ Федор Петрович Лубяновский (1777–1834) — чиновник, окончил юридический факультет Московского университета, с ноября 1802 г. секретарь при Министерстве внутренних дел, в 1819 г. был назначен пензенским губернатором.

сов утра сидели за красным столом», — вспоминал он впоследствии. «Надобно сказать правду, — отмечал в своих записках чиновник Д. П. Рунич, — что все отрасли управления были при Павле значительно упорядочены по сравнению с прежним. Продажность должностных лиц не могла быть искоренена сразу; по крайней мере, правосудие не продавалось более с публичного торга».

В отличие от престарелой императрицы Екатерины Павел старался самолично вникать во все дела. Об этом пишут в своих мемуарах многие сановники, служившие при императоре Павле. Наиболее интересным является свидетельство П. Х. Оболянинова, занимавшего со 2 февраля 1800 года должность генерал-прокурора. «Павел был много начитан, — вспоминал Петр Хрисанфович, — знал закон, как юрист, и при докладах вникал во все подробности и тонкости дела. Нередко он спорил с докладчиком. Если по делу кто-либо обвинялся, то Павел оправдывал его или выискивал обстоятельства к извинению преступления; в тяжбах брал сторону того, кому отказывалось в иске; требовал от докладчика указать ему факты в деле или прочесть подлинник бумаги. Словом, он был в полном смысле адвокатом истца или ответчика. Иногда государь вспыхивал, и докладчик забывал, с кем имеет дело, так что спор доходил до шума и криков... Горе было тому докладчику, который увеличивал преступление обвиняемого, неточно или лукаво излагал дело! Но если докладчик побеждал Павла истиною доводов и брал верх правдивостью взгляда, то император бывал чрезвычайно доволен. «Хорошо, благодарю вас, — говаривал он в таких случаях, — что вы не согласились со мной, а то вам досталось бы от меня!»

Предметом особых забот императора Павла I стала армия. Желая по восшествии своем на престол как можно скорее утвердить в русской армии необходимый порядок, Павел резко упростил процедуру издания распоряжений по войскам. Свои приказы, отдаваемые при пароле на вахтпарадах, его величество повелел считать именными указами. Они доводились до сведения армии сразу же после издания, тогда как прежде все распоряжения по войскам проходили через военную коллегию, и их объявление в армии задерживалось на месяцы, а то и годы.

Все производства в чины, назначения на должности и перемещения император Павел взял на себя и уже одним этим ограничил произвол начальства. Вместе с тем император установил правило, по которому каждые две недели ему предоставлялись отчеты о состоянии войск с именными списками офицеров и с отметками о взысканиях.

Стремясь усилить контроль за армейским судопроизводством, Павел учредил 9 января 1797 года должность генерал-аудитора, призванного состоять непосредственно при особе его величества.

Армейские штабы новый император подверг прямо-таки хирургической операции — он решительно и безжалостно отсекал все лишнее в них отrostки, размножившиеся в последние годы правления Екатерины II. Полчища штабных начальников были рассеяны по боевым полкам. Тысячи же солдат, находившихся в личном услужении у своих начальников, были высочайшим приказом от 22 ноября 1796 года возвращены в полки. «Граф Александр Васильевич! — писал император Павел 10 декабря того же года генерал-фельдмаршалу Суворову. — Дав уже повеление Наше о немедленном собрании к своим полкам и командам тех нижних воинских чинов, кои по злоупотреблениям, до сего вкравшимся, находились в частных услугах по деревням, дачам и домам, так как и излишних сверх положенного числа денщиков, нужным почитаю чрез сие подтвердить всем инспекторам, в том числе и вам, дабы в дивизии, вами командуемой, выше изображенное повеление Наше в самой точности и без малейшего замедления исполнено было, что Мы возлагаем на особое ваше наблюдение и взыскание, пребывая, впрочем, вам благодарны».

Уважая Суворова как полководца, Павел не прощал ему, как и всем, административных прегрешений. В высочайшем приказе от 23 января 1797 года читаем, например: «Присланный от фельдмаршала графа Суворова капитан Мерлин определяется в Ригу в гарнизонный полк, а фельдмаршалу графу Суворову делается выговор за присылку курьером из военнослужащих и без всякого дела».

Одновременно со всеми вышеуказанными мерами новый император вводил в русской армии новые уставы, разработанные им еще в Гатчине. Роль инструкторов при обучении командиров новым правилам несения военной службы призваны были выполнять гатчинские офицеры.

Перемены в армии с приходом к власти Павла I оказались не менее резкими, чем в гражданской администрации. «Образ нашей жизни офицерской после восшествия на престол императора Павла совсем переменился, — вспоминал граф Е. Ф. Комаровский, — при императрице мы помышляли только, чтобы ездить в общество, театры, ходить во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе; и учили нас всех, как рекрут».

После убийства Павла в петербургском обществе будет много разговоров о его жестокости, о какой-то маниакальной страсти наказывать ни за что ни про что. Если обратиться к текстам именных указов и высочайших приказов императора Павла I, то можно увидеть, что в них действительно немало увольнений и наказаний, но все же не столь много, как это представлялось его немилосердными современниками. А самое главное — каждый такой императорский акт, как правило, обоснован. К примеру, офицер наказан за то, что был «пьян без просыпу». Чиновник — «за прихотливые желания». Тайный советник граф Чернышев исключен из службы за то, что, «наделав долгов, отказывается от платежа оных». Санкт-петербургский гражданский губернатор Глинка выключен из службы «за найденные в здешних присутственных местах разные упущения в делах, медленность в решении оных и собственную его неопечительность и нерадение к должности». Белорусский гражданский губернатор Северин отставлен от службы «за многие смертоубийства, в губернии им управляемой случившиеся». У вологодского помещика Башмакова имение забрано в опеку «за делаемые с крестьянами неистовые поступки и разорение их налогами».

12 апреля 1800 года император Павел издал следующий указ, содержание которого говорит само за себя: «По донесению сенаторов Спиридова и Лопухина, осматривавших Вятскую губернию, о найденных беспорядках и упущениях, а особливо по полиции, от злоупотребления и слабости которой, сверх частных притеснений, угнетен народ, под названием мирских надобностей, непомерными поборами, повелеваем всех чиновников оной губернии, переменя другими, от должностей отрешить и об упущениях их, злоупотреблениях и беспорядках наистрожайше исследовать и виновных судить».

В свете подобных указов бледнеют нарисованные в мемуарах современников многочисленные и красочные картины сумасбродства, произвола и жестокостей Павла, и, напротив, более привлекательный, вызывающий доверие оттенок приобретают те немногие, выписанные с какой-то застенчивостью, наброски, в которых Павел изображен с сочувствием. Один из таких набросков содержится в записках Ф. Я. Мирковича «Моя жизнь собственно для моих сыновей»: «По деятельности и страху, господствовавшему тогда в обществе, царствование Павла напоминало времена Петра I. Но ежели Павел действовал в высшей степени произвольно и самоуправно, то, с другой стороны, как я слышал от людей степенных и пожилых, он решительно остановил все самоуправство екатерининских вельмож

и стремился водворить повсюду порядок, благоустройство в администрации, правду и силу законов в судах. Простой народ благоденствовал при Павле и имел в нем покровителя. Он первый уничтожил безотчетную работу крепостных крестьян и установил трехдневную в неделю, а для обеспечения продовольствия учредил для крестьян запасные магазины».

Конечно, бывало, что Павел сыпал наказания просто оттого, что, разгневавшись, не находил иного способа излить свой гнев. Но в таких случаях, едва гнев проходил, император быстро отменял наказание и награждал пострадавшего. Бывало и так, что Павел возвышал бездарных, малоспособных к службе людей. Однако это были единичные случаи, правилом являлось иное. Простой перечень фамилий возвышенных императором Павлом людей говорит о том, что деловые качества должностных лиц имели для него первостепенное значение. Да, впрочем, и современники в своих мемуарах не умолчали, что вернее всего угодить Павлу можно было не голой лестью, а надлежащим исполнением порученных дел. Многие из тех, кого Павел возвысил, занимали высокие должности и после него, при других императорах. И самая яркая среди них фигура — Аракчеев.

* * *

Утро 7 ноября — первое утро нового императора — Алексей Андреевич встретил на плацу. Он готовил заступавших в караул гвардейцев Преображенского полка к вахтпараду, процедура которого отныне должна была подчиняться правилам, выработанным для вахтпарадов в Гатчине. Нетрудно вообразить, с каким усердием проводились Аракчеевым — главным, после Павла, знатоком гатчинских порядков — эти занятия с преображенцами и как ждал он первых официальных распоряжений своего взошедшего на престол патрона.

Павел на распоряжения не был скуп — первый из многочисленных его высочайших приказов был издан при первом же представившемся для этого случае, а именно во время вахтпарада утром 7 ноября 1796 года. 42-летний император Павел Петрович принимал на себя, согласно собственному приказу, звание «шефа и полковника всех гвардии полков». 19-летний великий князь Александр Павлович назначался в Семеновский полк полковником, 17-летний великий князь Константин Павлович — в Измайловский полк полковником. 4-месячный великий князь Николай Павлович определялся в конную гвардию полковником.

27-летний полковник Аракчеев назначался комендантом Санкт-Петербурга и одновременно определялся «в Преображенский полк штабом».

Как петербургский городской комендант, Алексей Андреевич получал квартиру в Зимнем дворце. Сознательно или случайно Павел отвел своему любимцу комнаты, в которых проживал любимец покойной императрицы Платон Зубов.

На следующий день, 8 ноября, полковник Аракчеев был произведен приказом Павла I в генерал-майоры и удостоен ордена Святой Анны 1-й степени. 9 ноября Павел назначил генерал-майора Аракчеева командиром сводного, состоявшего из трех гренадерских рот батальона Преображенского полка, присвоив ему при этом чин майора данного гвардейского полка.

В этот же день он издал приказ, которым распределил гатчинские военные подразделения по полкам и батальонам лейб-гвардии. Относительно артиллерии новый император приказал: «Пушкарки всех трех гвардии полков и артиллерийская команда подполковника Каннабиха составят артиллерийский гвардии батальон, которым и командует подполковник Каннабих»¹. Артиллеристы, состоявшие прежде в гвардейских пехотных полках — Преображенском, Семеновском и Измайловском, — были соединены с гатчинскими артиллеристами, и таким образом впервые в русской армии возникло самостоятельное подразделение гвардейской артиллерии.

10 ноября 1796 года войска из Гатчины и Павловска, включенные накануне высочайшим приказом в состав гвардии, вступили в Петербург. Павел, как только получил известие об этом событии, выехал вместе со свитой навстречу своим питомцам. Парадным маршем новоявленных гвардейцев командовал, по его поручению, генерал-майор Аракчеев.

Ко времени вступления Павла на императорский престол гатчинские войска достигли численности в 2399 человек, ими командовали 109 старших офицеров и 19 штабных. Эти войска не имели того боевого опыта, каким обладали остальные подразделения русской армии, но с точки зрения внутренней организации, выучки солдат и офицеров, качества вооружения и снаряжения они превосходили последние. Особенно явным было превосходство гатчинской артил-

¹ 26 января 1797 г. командир «артиллерийской гвардии батальона» И. Я. Каннабих будет произведен Павлом I в генерал-майоры.

лерии и кавалерии. Столичные кавалергарды, которым после 10 ноября 1796 года представилась возможность ближе познакомиться со своими соратниками из Гатчины, были поражены «развитием, стройностью, ловкостью всадников и бережливым содержанием лошадей кавалерии и конной артиллерии».

Через три дня, 13 ноября, император Павел пожаловал Аракчеву Анненскую ленту. Спустя еще два дня, 15 ноября, его величество издал приказ, по которому продвижение по службе получали братья Алексея Аракчеева. Андрей, служивший подпоручиком в полевой артиллерии, переводился в гвардейскую артиллерию с одновременным производством в чин капитана. В гвардейский артиллерийский батальон назначался прямо из кадет Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса и младший из братьев Аракчевых — Петр. Новый император производил кадета Петра Аракчеева в чин подпоручика.

Всем гатчинским офицерам Павел пожаловал поместья: старшие офицеры получили от 300 до 1000 душ, капитаны — до 100, младшие офицеры — по 30. Данными пожалованиями его величество не только вознаграждал своих офицеров за нелегкую службу в Гатчине, но создавал им необходимую материальную основу для службы в гвардии.

4 декабря 1796 года именным указом Сенату император Павел объявил: «В воздаяние усердия к нам и ревности к службе нашей, оказанных нижеследующими чинами по бытности их при нас, всемилостивейше пожаловали мы в вечное и потомственное владение: генералам-майорам Сергею Плещееву, Григорию Кушелеву, Михайле Данаурову, Федору Растопчину, Алексею Аракчеву и Петру Обольянинову по две тысячи душ каждому».

Именным указом от 12 декабря 1796 года его величество Павел постановил, что пожалованные Алексею Аракчеву две тысячи душ назначаются к отдаче в Новгородском наместничестве в селе Грузине и близ него расположенных деревнях.

5 апреля 1797 года — в день своей коронации — Павел возвел генерал-майора Аракчеева «в баронское российской империи достоинство» и наградил орденом Святого Александра Невского. Утверждая герб Аракчеева, Павел собственноручно добавил к нему надпись: **«Без лести предан»**.

Спустя две недели — 19 апреля — высочайший приказ: «Генерал-майор Аракчеев определяется быть генерал-квартирмейстером по всей армии, с оставлением при всех его прежних должностях».

Таким образом, в первые месяцы царствования императора Павла произошло стремительное возвышение Алексея Андреевича Аракчеева. К своим 28 годам сын бедного провинциального дворянина достиг того, о чем несколько лет назад ни он, ни родители его не могли и помыслить. Генерал-майор, командир батальона лейб-гвардии Преображенского полка, кавалер высших российских орденов, уже вполне состоятельный помещик, любимец государя, наконец — правая рука его величества в важнейших делах по управлению империей. А отец его мечтал когда-то о том, чтобы он дослужился до майора да вышел в отставку.

Конечно, Аракчеев был не единственным любимцем императора Павла. Его величество был, например, в высшей степени расположен к Н. О. Котлубицкому. Николай Осипович учился в Артиллерийском и Инженерном корпусе. Выпущенный из него в 1793 году подпоручиком, получил направление в Гатчину. Здесь был назначен адъютантом к командиру артиллерийской роты Аракчееву. Однако прослужить в этой должности ему посчастливилось недолго: государь забрал его в свое распоряжение, назначив на должность офицера для особых поручений. При этом его величество стал обращаться с ним на редкость ласково, звать «Николкой».

Ко дню вступления Павла на престол 20-летний Котлубицкий был майором. Утром 7 ноября 1796 года при отдании пароя во время вахтпарада Павел пожаловал своего «Николку» флигель-адъютантом, через день сделал его подполковником гвардии, через месяц подарил 1000 душ крепостных крестьян. Новый же 1797 год Котлубицкий встретил в чине генерал-майора и в должности генерал-адъютанта при его императорском величестве. 5 апреля 1797 года он был награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Год спустя Котлубицкий станет генерал-лейтенантом.

В обществе ходило множество слухов по поводу столь стремительной карьеры. В среде особо приближенных к царскому двору сановников вращалась, например, такая версия. В 1793 году императрица Екатерина II созвала из доверенных лиц негласный совет для обсуждения вопроса о передаче престола своему внуку Александру, минуя сына Павла. В состав данного совета вошел и престарелый граф П. А. Румянцев, который втайне от Екатерины и ее сановников поддерживал с Павлом добрые отношения. Проживал он в Малороссии, как раз неподалеку от местности, где жили родители Николая Котлубицкого. Цесаревич мог поэтому вести скрытую от посторонних переписку с графом: Котлубицкий посылался в Малороссию,

якобы в отпуск к родителям, а на самом деле с Павловым письмом к Румянцеву и возвращался в Гатчину с ответом.

Было ли так в действительности или не было, трудно сказать с точностью. Павел сжег все бумаги, что-либо свидетельствовавшие о замысле императрицы Екатерины II отстранить его от наследования престола. Но одно не подлежит сомнению в случае с возвышением Котлубицкого: чины и награды шли ему не за знания и надлежащее исполнение дел по какой-либо отрасли управления, но исключительно за услуги лично императору Павлу.

Аракчеев в отличие от Котлубицкого пользовался благорасположением Павла прежде всего за свои деловые качества, в особенности за умение быстро навести порядок там, где царила полнейшая анархия.

Павел хорошо сознавал, что высочайшие приказы и именные указы сами по себе ничего не значат — ими одними не осуществить коренной реформы. Для этого необходимо, чтобы императорские повеления исполнялись на практике. Его величество нуждался поэтому в энергичных помощниках — деятелях, которые бы проводили задуманные им реформы в практическую жизнь. Беда его заключалась в конце концов в том, что таких людей в его распоряжении оказалось мало. Именно поэтому приобретал в Павловом окружении повышенное значение всего себя отдававший службе, беспощадный к себе и другим при исполнении повелений своего государя, мрачный и строгий, умный и своевольный Аракчеев.

Павел не случайно именно его назначил Санкт-Петербургским комендантом. Это должностное лицо обязано было осуществлять надзор за порядком в столице империи, контролировать исполнение высочайших приказов. А кто был лучше Аракчеева приспособлен для такой функции?

Не зная покоя сам, комендант Аракчеев не давал покоя никому. Днем и ночью разъезжал он по городу, наблюдал за порядком на улицах, проверял исправность караулов, осматривал казармы и госпитали, конюшни и канцелярии. И беспрестанно делал замечания, ругал, бранил, распекал за малейшие беспорядки или нестроинства.

Жизнь продолжала бурлить в Петербурге даже в ночные часы. Солдаты, проводившие дни на учениях, ночами мыли в своих казармах полы, стены и окна. Чиновники, днем корпевшие за столами, ночью убирали свои канцелярии. Полицейские дежурили на улицах, так что петербуржцы могли отныне без всяких опасений прогу-

ливаться по ночному городу. Офицеры коротали ночи над уставами. Кто-то приводил в порядок дороги, разбитые дневной ездой, кто-то убирал мусор у домов. В столице исчезли вдруг непроезжие улицы. И днем Петербург казался заметно пустыннее, нежели прежде, — все были при деле, те же, кто продолжал бездельничать, старались меньше появляться на улицах.

Благие результаты комендантской деятельности Аракчеева сказались быстро. Больные солдаты в госпиталях с изумлением обнаружили, что их стали лучше кормить, а медицинский персонал сделался заботливее. В полках до солдат стало доходить все положенное им из обмундирования, продуктов питания и даже денег. Но для офицеров и разного рода гражданских чиновников служба сделалась тяжелей прежнего. Аракчеев кружил над всеми, словно коршун, выискивающий добычу. Добычей же были для него те, кто допускал разного рода упущения по службе, не исполнял устава или содержал вверенное ему имущество не в должном порядке. Наказания за это следовали незамедлительно. Причем Аракчеев всякий раз стремился обнаружить как можно больше виновных и совершенных проступков и обо всем, даже самом мелком, непременно докладывал его величеству.

— Что вам за охота, Алексей Андреевич, из-за пустяков гневить государя? — заявил однажды Аракчееву флигель-адъютант Котлубицкий.

— Как так? — удивился Аракчеев.

— Вы взыскали — ну и концы в воду, к чему же обо всем докладывать? Вы бы хоть обмолвкою иногда кого-нибудь похвалили.

Аракчеев ничего не сказал в ответ на этот совет, а лишь слегка улыбнулся. Котлубицкий заметил верно: службе Аракчеева в должности петербургского коменданта истекал в то время целый месяц, а он никого еще не поощрил, только сыпал направо и налево руганью да наказаниями. 8 декабря 1796 года был объявлен высочайший приказ о производстве капитана Глинки в следующий чин за исправность, найденную — что всех удивило чрезвычайно — комендантом Аракчеевым.

«Гатчинскому капралу» хватило месяца работы в Петербурге, чтобы вызвать у петербургских служилых людей безотчетный страх. Алексей Андреевич был убежден, что лишь посредством страха можно навести порядок. «Только то и делается, что из-под палки», — часто говаривал он. И страх, внушаемый им, действительно порождал порою просто чудеса повиновения.

Приказом от 15 декабря 1796 года император Павел распорядился создать в Зимнем дворце тактический класс для обучения штабных офицеров правилам нового устава. Контроль за ходом занятий и посещением их офицерами был возложен на вездесущего Аракчеева. Алексей Андреевич сумел поставить дело надзора так, что класс стали посещать даже те, кто был освобожден от занятий и кому это посещение никаких новых знаний не прибавляло. Среди персон, добровольно зачисливших себя в ученики, было немало генералов, а один являлся даже генерал-фельдмаршалом — князь Николай Васильевич Репнин.

28 февраля 1797 года Аракчеев был освобожден от должности коменданта Санкт-Петербурга. Порядок в столице был наведен — император Павел решил, что ретивый к службе генерал должен сосредоточиться на армейских делах.

В апреле 1797 года его величество назначил Аракчеева на должность генерал-квартирмейстера. Вместе с небольшой группой штабных офицеров, называвшихся «Свитой по квартирмейстерской части», Алексей Андреевич призван был выполнять функции распущенного Павлом Генерального штаба. Однако к исполнению этой должности он смог приступить лишь в августе. В мае—июне генерал Аракчеев инспектировал по поручению императора полки и крепости, находившиеся в Белоруссии и Прибалтике, а в июле был со своими преображенцами на маневрах.

К моменту назначения Аракчеева генерал-квартирмейстером в его свите состояло 37 офицеров. К концу 1797 года он довел ее численность до 66 человек, отобрав для работы по квартирмейстерской части наиболее способных офицеров прежнего Генерального штаба. О том, что конкретно сделал Аракчеев в этой своей должности, мало сохранилось сведений. По некоторым документам можно заключить, что, ознакомившись с состоянием приграничных крепостей, он принял меры к их совершенствованию. Постарался назначить туда новых офицеров, как правило, с инженерным образованием, талантливых и опытных.

Что же касается воспоминаний современников, то до нас дошел, по-видимому, лишь рассказ графа Толля, состоявшего при Аракчееве в его свите по квартирмейстерской части, да и то не в собственных его словах, а в переложении другого лица. Рассказ этот повествует исключительно о том, как Аракчеев относился к своим подчиненным. Судя по нему, Алексей Андреевич не изменял своему характеру и в должности генерал-квартирмейстера. Первое, что он сделал,

это запряг всех свитских офицеров в постоянную изнурительную работу, мало оставлявшую им свободного времени и сил. В семь часов утра все офицеры должны были являться на службу в Зимний дворец, в комнаты, выделенные им их начальником из собственных покоев. Не разгибаясь и не вставая из-за столов, они просиживали до 12 часов дня за копированием планов, чертежей, составлением ведомостей и инструкций. В полдень Аракчеев отпускал их по домам на два часа отобедать и отдохнуть. В 14.00 офицеры вновь были на рабочих местах и продолжали работать до семи часов вечера.

По рассказу Толля, многие из документов, изготавливавшихся квартирмейстерской свитой, были никому не нужными, тем не менее Аракчеев требовал, чтобы они составлялись в высшей степени аккуратно. А бывало и так, что никакой работы не имелось, но офицеры все равно должны были приходить в Зимний дворец и сидеть за столами. Аракчеев, пользуясь тем, что проживал рядом, по два-три раза на дню забегал в комнаты, где располагалась свита по квартирмейстерской части, и всякий раз обнаруживал в работе своих подчиненных какую-нибудь неисправность и находил обидные слова в их адрес.

Императору Павлу петербургская ретивость Аракчеева поначалу нравилась так же, как и прежняя, гатчинская. Фамилия «Аракчеев» постоянно мелькала в Павловых высочайших приказах в связи с различного рода наградами и поощрениями. Так, в приказе от 23 января 1797 года читаем: «Его императорское Величество объявляет свое удовольствие за сегодняшнее учение Преображенского полка гренадерскому батальону генерал-майора Аракчеева и ему, генерал-майору Аракчееву спасибо». 24 июля 1797 года: «Его императорское величество объявляет свое удовольствие лейб-гвардии Преображенского полку генерал-майора барона Аракчеева гренадерскому батальону за сегодняшнее ученье и генерал-майору барону Аракчееву, штаб- и обер-офицерам объявляется похвала, а нижним чинам жалует по рублю и по два фунта говядины на человека».

До тех пор пока служебное рвение Аракчеева навлекало неудовольствие только на него самого, Павел полностью одобрял все его действия и не вмешивался в них. Когда же это неудовольствие шло выше Аракчеева и доходило до персоны его величества, отношение Павла к своему любимцу менялось. Следы таких перемен сохранились в ряде документов.

10 августа 1797 года командир батальона преображенцев генерал-майор Аракчеев был назначен командовать лейб-гвардии

Преображенским полком. Это повышение в должности поставило его в довольно затруднительное положение. В письме к великому князю Александру, написанном на следующий день, 11 августа, Алексей Андреевич не скрывал своей досады: «Батюшка ваше императорское высочество! Видно мое такое счастье, что мне определенно во всю жизнь мучиться, но не знаю, будет ли моих сил, чтоб что-нибудь с оным полком сделать, а я думаю, что он сделает, что я скоро умру. Войдите в мое положение; как мне можно будет взыскивать, ибо у меня три генерал-майора в команде и я такой же, то может ли тут быть хорошая субординация. То и от меня, ваше императорское высочество, изволите получить скоро просьбу об увольнении». Опасения Аракчеева были не напрасны. Едва он принялся переустраивать жизнь Преображенского полка в соответствии с собственными представлениями о воинской дисциплине и в обычной своей манере, то есть с бранью, угрозами и наказаниями, как в батальонах, состоявших под командой генерал-майоров, началось брожение. Их офицеры, не стесняясь, громогласно и повсюду стали выражать свое возмущение новым командиром полка. Павел в августе терпел, но в сентябре решил вмешаться. «Сведал я, — писал он Аракчееву, — что офицеры ваши разглашают везде, что они не могут ни в чем угодить, забывая, что если бы они делали, что других полков делают, то бы они равно им угождали; то извольте им сказать, что легкой способ сие кончить, отступить мне от них и их кинуть, предоставя им всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и без них обороною государственною». Не удовлетворившись данными увещаниями, Павел, пребывавший в это время в Гатчине, приказал Аракчееву прислать для лучшего разъяснения дела одного из преображенских офицеров: «Гренадерского батальона полковнику Ланскому быть сюда». Алексей Андреевич, почувствовав, что государь император им недоволен, расстроился вконец и от расстройства дал промашку — вместо одного полковника выслал в Гатчину еще и его батальон. Павел раздражился еще больше. «С крайним удивлением увидел я, что вы, видно, не прочли моей руки, — выговаривал он Аракчееву в своей записке, — я писал прислать полковника Ланского, гренадерского батальона, а отнюдь не о батальоне, ибо его и поставить негде. Оной же батальон к вам возвращаю».

Всякий случай, когда Павел выражал свое неудовольствие им, Алексей Андреевич переживал как большое несчастье. Огорчение

его доходило до отчаяния, но при всем том — удивительно! — поведения своего он не менял.

Государь очень благоволил к Ивану Павловичу Кутайсову. Турок по происхождению, он ребенком был захвачен во время русско-турецкой войны в плен и увезен в Петербург ко двору императрицы Екатерины II. Та подарила его сыну. Когда мальчик-турчонок подрос, цесаревич отправил его за границу учиться на цирюльника и фельдшера одновременно. По возвращении же назначил его своим камердинером. Взойдя на престол, Павел оставил Кутайсова при себе, но сделал его графом. Влияние камердинера-графа на государственные дела было немалым. Многие знатные особы заискивали пред ним. Аракчеев же, хорошо знавший, сколь велики доверие и благорасположение Павла к Кутайсову, продолжал вести себя с ним как с камердинером, а не с графом. Павел грубое обращение Аракчеева с Кутайсовым явно не одобрял и неоднократно просил его относиться к турку-камердинеру уважительнее, да только напрасно трагил слова — Алексей Андреевич был непреклонен¹.

С преображенцами Аракчеев после того, как Павел выказал свое неудовольствие, также продолжал обращаться по-прежнему. Разве что наказания его сделались более утонченными. Один из преображенских офицеров имел привычку, нюхая табак, обсыпать себе мундир. Аракчеев, обнаружив сие, ругаться не стал, а объявил в полку о назначении к данному офицеру ефрейтора и рядового «для содержания мундира на капитане опрятным».

В середине января 1798 года во время одного из смотров Аракчеев обошелся с преображенцами особенно грубо и бесцеремонно. Офицеры не выдержали и пожаловались бывшему своему однополчанину генералу Ф. В. Ростопчину, который пользовался доверием у Павла и недолюбливал грубого и чересчур упоенного властью Аракчеева. Получив факты, рисовавшие ретивого служаку с неблагоприят-

¹ Неприязнь Алексея Андреевича к И. П. Кутайсову в последующем получит весомое основание. Граф-камердинер поспособствует возвращению из заграничной ссылки в Санкт-Петербург Платона Зубова. По некоторым сведениям, фаворит Екатерины привлечет Кутайсова на свою сторону обещанием жениться на его дочери. По другим и, пожалуй, более близким к реальности, Кутайсов получит от сестры братьев Зубовых Ольги Жеребцовой 200 тыс. золотых червонцев и за эту взятку уприсит императора вернуть Платона Зубова в столицу. Оказавшись вновь при царском дворе, П. А. Зубов станет одной из главных движущих сил заговора против Павла. Таким образом, неприятный Аракчееву, но облаканный Павлом турок станет одним из виновников гибели своего венценосного благодетеля.

ной стороны, Ростопчин не упустил представившейся возможности уронить его в глазах императора.

В отношении Павла к Аракчееву появилась холодность. Быть может, со временем она сменилась бы на тепло, но в двадцатых числах января того же года в свите по квартирмейстерской части, находившейся под началом Аракчеева, случилось происшествие, которое наделало в столице немало шума. Вот как описал его, опираясь на воспоминания графа Толля, военный историк В. Ф. Ратч: «Аракчеев жил над залом, в которой производилось черчение, и раза по два и по три в день являлся среди офицеров. При малейшем поводе, под самыми ничтожными предложениями, он ругался позорнейшими словами и раз одному молодому колонновожатому фон Фитингофу дал пощечину. В другой раз гнев его разразился над заведовавшим свитскими офицерами подполковником Леном, который имел честь быть обер-квартирмейстером Суворова и за блистательный подвиг награжден Георгиевским крестом. Это не остановило Аракчеева. Он обругал Лена самыми площадными словами; тот молча выслушал брань и остался до конца при занятиях. Взяв из дома пару заряженных пистолетов, он поспешил к Аракчееву, но, не застав его, вернулся домой и, написав короткое письмо обесчестившему его начальнику, застрелился.

Трагическая кончина Лена, лично известного и рекомендованного государю покойным графом Румянцевым-Задунайским, наделала много шума в городе. Император потребовал письмо Лена. При той холодности, которую, за события в Преображенском полку, он начал оказывать Аракчееву, вероятно, многое было еще передано. Радостное событие рождения великого князя Михаила Павловича (28-го января 1798 года) не обезоружило гнева государя; может быть, оно смягчило только последствия. 29-го января подполковник Лен был исключен из списков умершим; 1-го февраля Аракчеев уволен в отпуск до излечения, с сохранением только звания генерал-квартирмейстера. Он немедленно отправился в Грузино».

Высочайшие приказы, упомянутые в приведенном рассказе, действительно были изданы Павлом. Так, приказ от 1 февраля гласил: «Генерал-квартирмейстер барон Аракчеев увольняется до излечения, которому однакож отправлять должность генерал-квартирмейстера; находящемуся в военном департаменте генерал-майору князю Долгорукову отправлять должность коменданта в Санкт-Петербурге». На следующий день — приказом от 2 февраля — император отпра-

нил Аракчеева от должности генерал-квартирмейстера, назначив на нее генерал-лейтенанта Германа. И все же несколько странностей не могут не привлечь к себе внимания в описанной истории.

Приказы императора Павла отличались редкой точностью формулировок. То, что говорилось в них, обыкновенно соответствовало реальности — все называлось своими именами. К примеру, А. В. Суворов обратился в январе 1797 года с просьбой об увольнении в отпуск на текущий год, мотивировав ее тем, что, поскольку войны нет, ему на службе делать нечего. Последовал высочайший приказ от 6 февраля 1797 года, который объявлял: «Фельдмаршал граф Суворов, относясь Его Императорскому Величеству, что, так как войны нет, и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы». В описанном выше случае мы видим, что застрелившийся подполковник Лен исключается из списков «умершим». С Аракчевым же и того более: если он виноват, то почему вина его не указана? Почему он, доведший офицера до самоубийства, «увольняется в отпуск до излечения» да при этом еще оставляется на должности генерал-квартирмейстера, которую сполна использовал, как утверждает в своих мемуарах граф Толль, для «издевательств» над подчиненными?

Можно предположить, что тексты высочайших приказов от 29 января и 1 февраля составлялись самим Аракчевым, подобно тому, как составлялись им тексты многих других приказов. Но надо совершенно не знать Павла — не учитывать его исключительной моральной щепетильности в таких случаях, его беспредельного самолюбия, наконец, дабы допустить, что он мог подписать документ, в котором искажались всем известные факты. Остается думать только об одном: если Аракчеев и был в случае со смертью Лена каким-то образом виноват, то вина его являлась не столь большой, как представил граф Толль.

Рассказ Толля об отставке Аракчеева, подхваченный историками, не согласуется не только с текстами высочайших приказов, но и с содержанием аракчеевской переписки. Из последней видно, что в конце января 1798 года Алексей Андреевич действительно заболел, и болел серьезно и долго — чуть ли не до самого лета¹. Отпуск,

¹ «...Поболее смотри за своим здоровьем, которое, я надеюсь, поправится, по крайней мере, желаю онаго от всего сердца», — писал Аракчеву 7 мая 1798 г. великий князь Александр. См. также приводимое ниже письмо Аракчеева к М. В. Храповицкому от 28 марта 1799 г.

а затем и отставка были даны ему императором Павлом в качестве милости, а не наказания и по собственной его, Аракчеева, просьбе. Санкт-Петербург он покинул также по личной своей воле. Правда, причиной здесь была не одна его болезнь.

Обо всем этом Алексей Андреевич поведал сам в письме к великому князю Александру Павловичу от 22 марта 1798 года. «Батюшка ваше императорское высочество! — писал он из Грузино. — Простите меня, всемилостивейший государь, что я осмелился беспокоить ваше императорское высочество, которое произошло от уныния моей души, от оногo и повезли меня, отчаянно больного, в Вышний Волочек. Всемилостивейше пожалованную мне государем императором отставку получил и приношу рабскую мою благодарность, но беспокоюсь, дабы я пред лицом государя не был неблагодарным; тем более меня беспокоит, что отставка моя последовала на другой день моего выезда из Санкт-Петербурга, которому отъезду причина вашему императорскому высочеству известна. Я хотел дать спокойствие всем тем людям, которым неприятно было еще мое пребывание в Петербурге. Откланяться же государю императору не осмелился, быв уже в отпуске; объяснив все оное вашему императорскому высочеству, предаю себя в единое покровительство вашему императорскому высочеству, уверен будучи, что если нужно, и мое оправдание справедливое, то, конечно, ваше императорское высочество пред государем императором защитите меня. Всевышний Бог да накажет меня ныне в моей болезни, если я не был всегда усерден в службе его императорскому величеству. При всех моих нынешних прискорбных обстоятельствах единое еще есть утешение, что смею, повергаясь к вашему императорскому высочеству, называться верноподданным».

Таким образом, отставка Аракчеева от службы была не наказанием, а «всемилоостивейшим пожалованием». Алексей Андреевич получил ее 18 марта 1798 года, то есть во время своего пребывания в отпуске по болезни. И самое главное — император Павел отставил его от службы... с повышением в чине, произведя в генерал-лейтенанты.

О другой странности в рассказе Толля скажем коротко: по словам графа-мемуариста, подполковник Лен был награжден Георгиевским крестом. Но в списках кавалеров ордена святого великомученика и победоносца Георгия фамилия Лена отсутствует.

Аракчеев пребывал в отставке недолго. 29 июля 1798 года великий князь Александр Павлович сообщил ему: «Друг мой Алексей Ан-

дреевич! Я имею поручение от государя тебе написать, что он имеет нужду до тебя, и чтобы ты приехал к нему». Высочайшим приказом от 11 августа 1798 года генерал-лейтенант барон Аракчеев принимался в службу «с отданием ему старшинства» и определялся в свиту его императорского величества.

22 декабря 1798 года Павел вновь назначил Аракчеева генерал-квартирмейстером, то есть дал ему ту самую должность, полномочия которой он, по мнению графа Толля, использовал исключительно во вред своим подчиненным.

Высочайшим приказом от 4 января 1799 года генерал-лейтенант Аракчеев был определен одновременно инспектором всей артиллерии и командиром гвардейского артиллерийского батальона. До этого названные должности отправляли два человека: первую — генерал-майор Челищев, вторую — генерал-лейтенант Базин.

Предшественник Аракчеева на посту командира гвардейского артиллерийского батальона генерал-лейтенант Базин являлся, пожалуй, самым выдающимся в то время в России специалистом в области артиллерии. Он родился в 1742 году, а военную службу начал в 1757-м. В качестве артиллериста участвовал во всех войнах России, которые велись с конца 50-х и до середины 80-х годов XVIII века. В ноябре 1785 года был назначен в чине бригадира оберкомандантом Астрахани. На протяжении многих лет до этого и после Базин писал в высшие инстанции записки со своими предложениями по усовершенствованию русской артиллерии. В 1794 году, находясь в Санкт-Петербурге на излечении, представил П. А. Зубову две тетради своих записей под названием: «Военная лаборатория» и «Пушкарь и бомбардир». Фаворит Екатерины не проявил никакого интереса к ним. Однако когда Аракчеев рассказал про Базина цесаревичу Павлу, его высочество заинтересовался этим чудачком-артиллеристом (чудаки, надо заметить, были вообще по нраву Павлу). После того как Павел стал императором, он спросил у генерала П. И. Мелиссино, что он думает о Базине. «Ума светлого, нрава ретивого, но сердца отменно горячего», — сказал Петр Иванович о нем. «Таких людей мне, сударь, и надобно», — заявил в ответ Павел. 18 ноября 1796 года Базин был вызван в Санкт-Петербург. Император произвел его в генерал-майоры и поручил обучать стрельбе служивших при столице артиллеристов. Убедившись в неспособности генерал-майора И. Я. Каннабиха держать вверенную ему гвардейскую артиллерию в должном порядке, Павел 7 февраля 1798 года

назначил Базина командиром гвардейского артиллерийского батальона¹.

5 января 1799 года император приказал Аракчееву присутствовать в Военной коллегии, а «в артиллерийской экспедиции быть главным присутствующим».

Через десять дней, 15 января, Аракчеев получил командорский крест ордена Святого Иоанна Иерусалимского — весьма почетную награду, дававшую прибавку к жалованью в 1000 рублей в год.

8 марта 1799 года брат Алексея Андреевича — Андрей Аракчеев был произведен в чин генерал-майора и назначен шефом батальона полевой артиллерии.

5 мая 1799 года император Павел I издал указ: «Признавая отличное усердие и труды, на пользу службы подъемлемые нашим генерал-лейтенантом бароном Аракчеевым, всемилостивейшее жалуем ему графское империи нашей достоинство, распространяя оное на все потомство мужеска и женска пола, от него происходящее».

В исторической литературе отставка Аракчеева от службы 18 марта 1798 года называется опалой. Признаемся, что если это была опала, то весьма своеобразная. В самом деле, Аракчеев уходил в «опалу» не просто так, а с повышением в чине, пребывал в ней едва ли более четырех месяцев; будучи же принятым на службу вновь, приобрел при царском дворе значение даже более высокое, нежели то, какое имел до «опалы», — разве это не странно?

* * *

В жизни Аракчеева было много необычного. Странная его «опала» в первой половине 1798 года — лишь одно из звеньев в длинной цепи необычных событий, составивших его судьбу. Да и как могло быть иначе у человека со столь неординарным характером, с упрямо стремившейся проявлять себя натурой?

Он служил не так, как остальные сановники. И угождал стоявшим выше него не так, как другие. И с подчиненными своими обращался по-своему. Он был, безусловно, умен — многие его высказывания, приказы и письма выдают это. Но мало кто из окружающих замечал

¹ Многочисленные записки замечательного русского артиллериста Базина на тему совершенствования артиллерии так и не были, насколько мне известно, опубликованы и оказались похороненными в различных архивах, в том числе и в РГВИА.

в нем ум — говорили о нраве его, о сердце и душе, как будто он весь состоял из одного туловища и не имел головы.

Он был неплохо для своего времени образован — во всяком случае, не хуже многих сановников, считавшихся образованными. Но вот парадокс: если последним в образованности не отказывали, то ему — все как сговорились — отказывали напрочь. А он даже и не пытался никого убеждать в обратном. Напротив: всячески старался поддерживать существовавшее в обществе мнение о своей необразованности — гордо звал себя «истинно русским новгородским *неученым* дворянином».

Жестокость его сделалась легендарной еще во время его службы в Гатчине. Рассказы же современников о том, как обращался он с подчиненными в Петербурге, напоминают скорее повести из жизни дикого и хищного зверя, нежели описания службы под его началом. Но вот загвоздка: хищник в этих рассказах есть, а жертв что-то не видеть! Кого из своих подчиненных Аракчеев сделал несчастным, кому испортил жизнь? Об этом современники не говорили, в сущности, ничего. Насмешки, грубая брань, оскорбления, пощечины, тычки, удары тростью — вот практически весь арсенал «вредительства», использовавшийся Аракчеевым в отношении своих подчиненных. Но это был обыкновенный для того времени набор способов поддержания порядка, применявшийся любым нормальным начальником. И не только в армии, но и в гражданских ведомствах. Это был также и широко использовавшийся в учебных заведениях набор педагогических средств для обеспечения успехов в учебе и примерного поведения учеников.

Свидетельства современников о том или ином историческом деятеле не могут полностью совпадать с тем, что говорят о нем документы. Расхождение здесь закономерно. Но ни в одном, пожалуй, случае в истории XVIII–XIX веков оно не является столь разительным, доходящим иной раз до противоположности, как в случае с Аракчеевым. Более всех жестокий, выше меры безжалостный, по мемуарам современников, Аракчеев предстает в документах человеком, которому вовсе не чуждо милосердие, который зачастую более сдержан, нежели другие, в применении наказаний. В качестве примера можно привести резолюции Аракчеева на приговорах, вынесенных по военно-судным делам в 1799 году.

Поручик Соколов был приговорен судом за пьянство и растрату казенного имущества к смертной казни через повешение. Аракчеев, узнав, что осужденный до суда восемь лет содержался под арестом

да еще в оковах, освободил его от наказания и приказал отставить от службы.

Поручик Оболянинов за различные правонарушения был приговорен к лишению чинов, дворянского звания и к исключению из службы. Аракчеев, приняв во внимание, что осужденный три года находился под арестом в оковах, приказал выключить его из службы без лишения чинов и дворянства.

Фейерверкер Кастрюков был приговорен за растрату 440 рублей казенных денег к повешению. При этом суд решил утраченную сумму взыскать с подполковника Гаствера и штабс-капитана Капустина, доверивших осужденному казенный транспорт. Генерал-лейтенант Аракчеев наложил резолюцию: Кастрюкова наказать шпицрутенами и оставить на службе, а истраченные деньги, если не в большей, то в равной их части, взыскать также и с вышестоящего начальника упомянутых лиц генерал-майора Мордвинова.

Подобные поступки были для Аракчеева скорее правилом, чем исключением. Строгий выше меры и даже просто грубый в своей речи, он в применении конкретных наказаний к своим подчиненным, особенно из нижних чинов, оказывался милосерднее других командиров. Более того, он не только старался смягчать назначенные ими наказания, но иной раз наказывал чересчур ретивых начальников. Так, 11 января 1799 года инспектор артиллерии генерал Аракчеев сделал выговор генералу Меллеру за чрезмерное наказание нижнего чина гвардейского артиллерийского батальона, совершившего побег.

В свете подобных фактов совсем не кажется неискренней сентенция Аракчеева о прославившемся своей грубостью военном губернаторе Петербурга Н. П. Архарове из письма великому князю Александру от 9 июня 1797 года: «Я всегда, батюшка, уверен в себе был, что г. Архарова Бог когда-нибудь да накажет. А что касается до трудов вашего высочества, то я, прося Бога, чтоб он только подкрепил ваше здоровье, радуясь, что от такого человека, каков г. Архаров, дела идут через руки вашего высочества, ибо, конечно, уже не будет никого несчастных, и государь наш император ни в чем не прогневается и не принужден будет к принужденному наказанию».

Взяв в управление то или иное ведомство, Аракчеев немедленно принимался за составление инструкций, в которых стремился, насколько возможно, подробнее регламентировать деятельность своих подчиненных. Сам этот факт вызывает в нашем сознании образ су-

хого, черствого человека, педанта до мозга костей. Но вот парадокс: стоит нам обратиться непосредственно к аракчеевским инструкциям и начать их читать, как образ этот сразу исчезает.

Алексей Андреевич писал инструкции тем самым языком, которым говорил. А говорил он весьма оригинально. Цветистая его речь, слышанная однажды, запоминалась надолго. Словами он мог избить человека не слабее, чем палкой. Две-три его фразы, а бывало, и всего два-три слова могли оставить в душе человека рану на всю оставшуюся жизнь. Он обладал редкостным чутьем на самые обидные выражения, которые в любой ситуации находил с легкостью необыкновенной. Так, проводя по поручению императора Павла смотр Екатеринославскому гренадерскому полку, Аракчеев назвал знамена этого не раз отличавшегося своей храбростью на полях сражений гвардейского подразделения «екатерининскими юбками».

То, что выходило из-под пера Аракчеева, было столь же экстравагантно, как и то, что срывалось у него с языка. Вот некоторые выдержки из аракчеевских приказов и инструкций 1799 года:

«За ошибку отвечает командир, в службе же викарных нету, а должны командиры сами всякий свое дело делать, а когда силы ослабнут, то может выбрать себе покой».

«Замечаю, уснули и ничего не делаете, то оное непохвально, а я уже иногда неосторожен, когда кого пробуждаю».

«Извольте держать деньги... сколько употреблено будет — представить отчет... только не аптекарский, а христианский».

Люди, знавшие Аракчеева более или менее коротко, неизменно отмечали в нем следующую черту: строгий и грозный начальник на службе, он дома был на удивление приветливым и радушным хозяином. Бывало, днем, обучая свой полк, разбранит офицеров в пух и прах, мечется перед строем, нервный, желчный, в глазах ненависть — кажется, съесть готов со всеми потрохами и всех разом! Но к вечеру приглашает к себе домой, угощает, говорит ласково, глядит с любовью, а после угощения объясняет, как надлежит вести себя по уставу.

* * *

Алексей Андреевич имел немало друзей. Тесные дружеские отношения сложились у него с Михаилом Васильевичем Храповицким, который приходился родным братом секретарю Екатерины II Александру Васильевичу Храповицкому.

Помимо Александра у Михаила Храповицкого были еще один родной брат Петр, родная сестра Мария и сводный брат Алексей. Петр Васильевич Храповицкий свою судьбу связал с гражданской службой — в 1786 году он состоял в штате Государственного казначейства, имея чин коллежского советника. О Марии Васильевне известно только то, что родилась она в 1752 году, а умерла в 1803-м. Алексей Васильевич умер в 1819 году.

Их отец, Василий Иванович Храповицкий, до того, как женился на их матери, Елене Михайловне (урожденной Сердюковой), состоял в браке с Дарьей Спиридоновной (урожденной Леонтьевой). От этого брака у него родился сын Алексей. Елена Михайловна Сердюкова считалась в обществе побочной дочерью Петра I. Если так и было на самом деле, то, следовательно, секретарь императрицы Екатерины II Александр Храповицкий и друг Алексея Аракчеева Михаил Храповицкий являлись прямыми внуками царя-реформатора.

В. И. Храповицкий умер в 1789 году в чине генерал-аншефа. Он был владельцем земель, на которых в настоящее время располагается город Удомля и его окрестности. Во второй же половине XVIII века здесь находилось не меньше десятка селений (сельцо Бережок, деревня Иванково¹ и др.) и два десятка пустошей.

Михаил Васильевич Храповицкий родился в 1758 году. В отличие от своих братьев он не пошел на государственную службу, а выбрал себе судьбу простого помещика и до конца своих дней проживал в своем имении на берегу озера Песьво — в сельце Бережок², или в доме, находившемся в Вышнем Волочке. Свободное время он посвящал стихотворству или переводам с французского понравив-

¹ О принадлежности этих сел Храповицким свидетельствует документ со следующим названием: «Геометрический специальный план Вышневолоцкого уезда Удомельского стану сельца Бережок и деревни Иванково, которые состоят во владении генерал-поручика Василия Ивановича Храповицкого, учиненный в 1779 году июля 3 дня». См.: *Архангельский Н. Л. История Удомельского района с древнейших времен до 1900 г.* Тверь, 1993. С. 53.

² Я был на этом месте в мае 2000 г. От имени Михаила Васильевича Храповицкого остались разве что части погребов да едва просматривающиеся контуры пейзажного парка с прудами и протоками. Существующие руины остались от дома, который построили уже после его смерти. Это был дом профессора Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге врача-офтальмолога Л. Г. Беллярнинова (1859–1930). Профессор являлся последним владельцем усадьбы Бережок, принадлежавшей когда-то М. В. Храповицкому. Аракчеевское сельцо Гарусово находится, как мне показалось, на расстоянии семи-восьми километров от Бережка.

шихся ему комедий¹. У него было двое сыновей, Петр и Александр, и дочь Ольга.

В 1782 году, будучи предводителем местного дворянства, Михаил Васильевич дал направление Алексею Аракчееву в кадетский корпус. С тех пор Алексей всегда чувствовал себя признательным Храповицкому. Он постоянно вел с ним переписку, а при случае заезжал к нему в гости или же приглашал его погостить к себе.

Получив чин генерал-майора и должность петербургского коменданта, Аракчеев спешил поделиться своим счастьем со старшим другом. Михаил Васильевич отвечал ему 14 ноября 1796 года: «Каждая строка в письме твоём принесла мне сильнейшее удовольствие. Радуюсь безмерно счастию твоему, но радость моя чистая и справедливая, ибо воздаяние получаешь за заслуги и по достоинству. Во множестве хлопот, кои можно себе представить, ты, как достойный сын, поспешил обрадовать родительницу и родственников; как друг, вспомнил друга, отдаленного местом, но близкого сердцем! Хочу и люблю верить, что другом ты мне любезным останешься. Горжусь тобою и утешаюсь тем, что ты становишься известен и знатен; ибо добродетели, коими давно ты знатен, будут известны многим, как приемлющим твои благодеяния, так и слышащим о них».

В письмах к М. В. Храповицкому Алексей Андреевич предстает совсем непохожим на того мрачного, бездушного солдафона, каким нарисован он в подавляющем большинстве мемуаров своих современников. «По большим нынешним хлопотам я сделался и перед вами виновным, но простите меня великодушно; но севоднишний день есть день моего удовольствия в прошлом году, как я в пошевнях приехал к вам, любезному другу, и потом, отправясь в Гарусово, стал чувствовать покой и отдохновение. Здоровье мое опять хуже стало

¹ Некоторые произведения М. В. Храповицкого были опубликованы еще при его жизни. Так, в 1772 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет переведенная им с французского комедия «Благодетельный грубиян», в 1773 г. был напечатан его перевод комедии «Любовник, сочинитель и слуга». В 1790 г. двумя изданиями (в Москве и Санкт-Петербурге) вышла в свет его сатира на дворянские выборы — «Разговор уездных дворян о выборе в судьи». В 1801 г. он издал в Санкт-Петербурге стихотворение под названием «Весна, ода на всерадостное вступление на престол государя императора Александра I». В 1802 г. было опубликовано сочинение М. В. Храповицкого «Слово похвальное императрице Екатерине II». Немало стихотворений, статей и философских эссе, написанных М. В. Храповицким, нашло своего читателя спустя три-четыре десятилетия после его смерти — «Мысли по случаю учреждения вольных хлебопашцев в России», ода «Вечность», «Плод моего уединения» и др.

становиться; а труды не уменьшаются. Я же не умею иначе служить, как только изо всего усердия. Но прошу тебя, любезного друга, уведомь меня откровенно хотя, не слыхал ли ты опять обо мне брани; я, кажется, стараюсь нынеча всем все делать, кто только чего попросит. Также бывшие наши у меня соседи, Пыжев и Мильковы¹, не бранят ли меня и довольны ли моим с ними обхождением и чтивством». Так писал Аракчеев Храповицкому 28 марта 1799 года. Михаил Васильевич мог бы как-то скрасить его однообразную столичную жизнь, но он почти безвыездно проживал в своем имении.

Иногда в свободное от службы время Алексей Андреевич посещал П. И. Мелиссино, к которому не переставал испытывать чувство великой благодарности за то, что тот принял его когда-то на учебу в кадетский корпус. С восшествием на престол императора Павла Петр Иванович, не имевший при Екатерине в последние тринадцать лет ее царствования никакого продвижения по службе², пошел вверх. 11 ноября 1796 года новый император пожаловал генерал-поручика Мелиссино в генерал-аншефы. Когда некоторое время спустя данный чин был заменен на генерала рода войск, П. И. Мелиссино стал именоваться генералом от артиллерии.

6 декабря 1796 года Павел I повелел генералу П. И. Мелиссино командовать русской артиллерией вместо уволенного в отставку Платона Зубова, хотя и не назвал его в своем высочайшем приказе генерал-фельдцейхмейстером³. 27 февраля 1797 года П. И. Мелиссино был назначен инспектором по артиллерии в Петербурге и Москве.

Петр Иванович уже не стыдился, как прежде, принимать в собственном доме Аракчеева — напротив, даже зазывал его к себе. Старик очень гордился тем, что именно он направил способного молодого офицера на путь, где того ждала блестящая карьера. «Ваши способности давно уже заставляли меня предвещать то, что ныне сбывается, — писал Мелиссино Аракчееву 16 июня 1797 года. — Вы, я думаю, помните еще, что я вам говорил после того экзамена, на ко-

¹ По другим документам — Милуковы.

² Точнее, с 28 июня 1783 г., когда он был произведен в генерал-поручики.

³ Это звание получит через год с небольшим младший сын Павла — Михаил Павлович. В день его рождения — 28 января 1798 г. — император Павел издаст высочайший приказ, в котором заявит: «Бог даровал Его Императорскому Величеству сына, Его Высочество Михаила Павловича, которому и быть фельдцейхмейстером и шефом Гвардейского артиллерийского батальона».

тором вы знанием своим удивили господина Эпинуса, также и то, чего желал и что предсказывал я вам, отпуская вас на службу к государю». Петр Иванович напоминал Алексею Андреевичу о том времени, когда в бытность свою директором корпуса назначил его служить в Гатчину. Было это в 1792 году. Прошло всего пять лет — и мир как будто перевернулся, теперь Аракчеев покровительствовал Мелиссино, и Мелиссино почитал его за своего благодетеля, время от времени адресуясь к нему с различного рода просьбами.

«Любезный сын! — обращался Петр Иванович к Аракчееву 25 апреля 1797 года. — Я надеюсь, что вы употребите посильное свое старание к оправданию моему, обстоятельства самого дела довольно ясно показывают, что с моей стороны ни малейшего упущения не было, а потому вам и нужно только, избрав удобное время, объяснить оные и тем увенчать все те одолжения, за которые не престану хранить вечную благодарность, называясь милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою П. Мелиссино.

Пожалуй, дражайший друг и любезнейший сын, не замедли обрадовать меня ответом».

К началу декабря 1797 года здоровье 73-летнего генерала от артиллерии резко ухудшилось, и 5 декабря он подал императору Павлу прошение об увольнении от должностей на период болезни. Однако выздороветь Петру Ивановичу было уже не суждено — 26 декабря того же года он скончался. Похоронили его в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры. В 1800 году скульптор М. И. Козловский, творец многих прекрасных произведений, создал надгробие на могиле генерала П. И. Мелиссино, которое среди знатоков искусства считается шедевром этого жанра.

Помимо Храповицкого и Мелиссино, Аракчеев также поддерживал дружеские отношения с Федором Ивановичем Апрелевым, уступившим ему в 1792 году свое место при наследнике престола в Гатчине. Павел тоже не забыл способного артиллериста и, став императором, щедро вознаграждал его за таланты чинами и должностями. Встретив начало Павлова правления капитаном, Апрелев стал к концу его генерал-майором.

В круг людей, с которыми Аракчеев был дружен, входил и Яков Иванович Булгаков, известный в то время дипломат, образованный человек, издавший несколько добротных переводов французских книг. В 1797–1799 годах Яков Иванович занимал должность Виленского и Гродненского гражданского губернатора. Аракчеев заезжал к нему погостить во время инспекционной поездки по Бело-

руссии и Прибалтике. Губернатор Булгаков настолько поразил его ласковым приемом, что по меньшей мере полгода после этого Алексей Андреевич не переставал выражать ему свою признательность. «Неблагодарным бы человеком можно было меня назвать, если бы я, забыв все ласки и одолжения вашего превосходительства, не принес бы и оной слабой моей благодарности», — писал он Якову Ивановичу 3 июня 1797 года. «Пользуясь сею оказиею, — обращался он к Булгакову 22 октября 1797 года, — я смею возобновить пред вами чувствительнейшую благодарность мою за оказанные мне вашим превосходительством в бытность мою в Вильне особенные ласки и угощение»¹.

Как лицо, приближенное к императору Павлу, Аракчеев неоднократно испрашивал для Булгакова монаршее благоволение и награды и в свою очередь сам прибегал к его услугам в тех или иных делах. Так, в письме к Якову Ивановичу от 17 января 1798 года Алексей Андреевич просил его оказать всяческое покровительство своему соратнику по Гатчине генерал-майору П. М. Капцевичу, посланному в Вильно командовать артиллерийским батальоном. Данное письмо любопытно еще тем, что уличает Аракчеева во лжи, пусть безобидной и допущенной им ради благой цели. Сообщив Булгакову о том, что Капцевич ожидает от его превосходительства «благосклонного и милостиваго принятия», Алексей Андреевич заявлял далее губернатору: «Покорнейше прошу в оном ему не отказать. Испытав при многих случаях искренность его и правоту, я его рекомендую вашему Превосходительству в виде ближайшего моего родственника; и потому каждой знак лестного к нему вашего благорасположения усугубит во мне всесовершенное к вашему превосходительству почтение и таковую же преданность».

Летом 1799 года Аракчеев нередко проводил свободное время в доме генерала от артиллерии, сенатора и члена Военной коллегии Алексея Ивановича Корсакова. Здесь он увидел одну молодую особу, которая приглянулась ему настолько, что Алексей Андреевич — едва ли не в первый раз — стал помышлять о женитьбе. Избранницу Аракчеева звали Авдотьей Савельевной Ваксель². Она приходилась родной племянницей Корсакову, который, по всей видимости, и устроил своему молодому приятелю встречу с ней. К не-

¹ Эти и другие письма А. А. Аракчеева к Я. И. Булгакову хранятся в НИОР РГБ (Фонд 41. Булгаковы. К. 54. Ед. хр. 14).

² По некоторым документам — Ваксельевой.

счастьем для Алексея, сердце девушки оказалось несвободным: Авдотья была влюблена — бывает же такое! — в другого любимца императора Павла Николая Котлубицкого и — что самое неприятное для Аракчеева — пользовалась при этом взаимностью. Об отношениях молодых людей знали многие в Петербурге — Авдотья Савельевна считалась даже невестой Николая Осиповича, — знал о них и Аракчеев. Но все-таки сделал родителям девушки предложение выдать дочь за него замуж. Тем все дело скорей всего и закончилось бы, если бы не мать Авдотьи. Женщина практичная, она сочла, что выгоднее выдать дочь за Аракчеева, нежели за Котлубицкого. Разыгралась целая история, о которой невозможно рассказать лучше, чем это сделала наиболее заинтересованная ее участница — сама Авдотья Савельевна Ваксель в письмах и записках к Николаю Котлубицкому в июле–августе 1799 года.

Утром 2 июля Авдотья писала своему жениху, в то время коменданту в Петергофе: «Пожалей лучше о своем друге, которую сегодня в угодность Аракчееву ташут, как жертву, к дядюшке Алексею Ивановичу. Проклятый граф нарочно просил дядюшку, чтоб меня непременно бы севодни на показ ему привезли. Если бы ты знал, досадно и больно, но велят ехать». В тот день показ сорвался и состоялся только назавтра. 3 июля: «Благодарю тебя, любезный мой Николашка, за фрукты и за письмо, что мне Михаил Петрович передал. Не сердись, что в субботу не отвечала, никак не можно было. Были мы у дядюшки Алексея Ивановича, и там видела я, наконец, графа, который пребольшие мне делал комплименты за время обеда и говорил, что как ты ему всегда за друга считался, то он надеется о милостивом моем и к нему расположении. Какой он гадкий и гнусный! Какая мерзкая у него рожа! Он мне очень не понравился».

4 июля: «Я ни на что больше не сержусь, как только на то, что Вы с Наумовым прислали мне записку. Как можно быть столь неосторожным!..» К данной записке прибавлено другой рукой: «Я Вас, Милостивый Государь Николай Осипович, имею честь уведомить, что Ваша Авдотья Савельевна вчера была на смотре у графа Аракчеева и заразила его своей красотой до того, что он, не могши вытерпеть, сказал, что не удивляется той страсти, которую Вы ощущаете к Милостивой Государыне Авдотье Савельевне, а впрочем желаю Вам всех благ и сладостей человеческих и остаюсь покорная к услугам Наталия Пальмина». Ниже приведенных слов — приписка Авдотьи: «Не верь ей, Государь мой жених, она все врет, я у ней и перо вырвала, а то она врала бы до завтра».

Следующая записка без даты. Из ее содержания видно, что Авдотью еще раз «таскали» «в угодность Аракчееву» к дядюшке. «Ты хочешь знать, что со мной вчера происходило. Будь спокоен: ничего не было, чего бы тебе бояться должно. Аракчеев в 3-м часу прислал сказать, что не может быть сегодня и через письмо к дядюшке просил матушку, чтобы она его извинила, тоже и передо мною великие были извинения, но быть ему никак не можно. Очень я рада, что мерзкой его хари не видала».

Судя по всему, назойливые ухаживания графа Аракчеева за Авдотьей Савельевной встревожили Котлубицкого. 24 июля невеста его писала: «Ты меня смешишь, что все спрашиваешь, часто ли граф у нас без тебя бывает. Ни разу не был. Успокойся, я его только раз и видела. Довольны ли Вы теперь, сударь? Какой Вы ревнивый. Меня ни граф, ни кто другой теперь прельстить не могут, я так счастлива, что ты меня любишь». «Николашка» был успокоен. Да ненадолго. Через неделю — новая записка, с фактом, пусть и мелким, но способным не на шутку взволновать того, кто любит всерьез.

31 июля Авдотья писала: «Если бы ты знал, что с твоими фруктами матушка делает! Всякий раз через дядюшку Алексея Ивановича она их к графу посылает, к проклятому Аракчееву. Он ими по большей части один и пользуется! Прости, милый, будь здоров. Целую тебя в мыслях. Когда-то увижу я тебя, бедного моего горошка!» Ниже приписка Наталии Пальминой: «При сем и я Вам, Милостивый Государь Николай Осипович, свидетельствую мое почтение и уведомляю, что мы Ваши прекрасные фрукты с Авдотьей Савельевной *имели честь понюхать* (а поел их все г. Аракчеев)».

Вскоре история вошла в решающую стадию. Аракчеев и Корсаков вознамерились под благоприятным предлогом отослать Котлубицкого подальше от Авдотьи.

«Тебе сегодня обо мне слово дадут, но хотят непременно, чтобы ты уехал на инспекцию! Ради Бога, отговорись, — писала Авдотья жениху в записке без даты. — Если тебя выключат за это со службы, я к тебе все та же останусь! Я все понимаю, что это значит: тебя отправляют на год, быть может, на 2, а меня, бедную, меж тем выдадут за Аракчеева, который на днях хочет опять быть к нам обедать. Сжался надо мной, не составь моего несчастья. Не ездите!» Вдогонку еще один вскрик отчаяния: «Если бы ты знал, как я боюсь, что матушка моя тебя уговорит послушаться и ехать на инспекцию. Что же со мной тогда будет? Как это перенести? Я сегодня целый день плачу. Ради Бога, не ездите — хоть бы выключили тебя со службы, я та же к

тебе останусь. Не оставляй меня. Со слезами прошу — не ездил! *Н. В.* Бабушка пишет к матушке, чтоб как можно скорее назначить нашу свадьбу. Если же матушка тебе откажет, то она на нее сильно рассердится».

Бабушкино письмо, кажется, благотворно действовало на матушку — тон Авдотьевых записок к Котлубицкому переменился.

«Приезжай сегодня к нам обедать. Дядюшка тоже будет. Прошу тебя для нашей пользы, не давай ему знать, что ты знаешь о предложении Аракчеева... Если ты меня любишь, то упроси дядюшку, чтоб на твоё место послали другого и чтоб тебе за это худо не было».

Дабы уладить все разом, Авдотья договорилась со своим женихом вместе навестить дядюшку в его доме. Но буквально накануне визита Котлубицкий почему-то отказался пойти в гости. «Благодарю тебя за записочку, — писала к нему Авдотья. — Опять тебя сегодня не увижу. Очень много скушно, а еще досаднее, ежели Аракчеев там будет. О как несносно мне видеть этого бездельника! Ежели дядюшка станет у меня спрашивать про тебя, я скажу ему, что ты болен, и сама переговорю о твоей поездке. Буду просить со слезами, чтоб он упросил мерзкого Аракчеева послать другого».

Что сказал в тот день своей племяннице Корсаков — неизвестно. Но *Н. О. Котлубицкий* все же ездил в первой половине августа с инспекцией артиллерийских батальонов в Прибалтику.

А 17 августа 1799 года состоялась свадьба Николая Осиповича с Авдотьей Савельевной Ваксель.

Для Аракчеева описанная история не прошла бесследно.

Взаимоотношения его с Котлубицким решительно испортились. И вряд ли случайно, что сразу после этого стало ухудшаться и отношение к нему императора Павла.

* * *

10 сентября 1799 года инспектору всей артиллерии генерал-лейтенанту графу Аракчееву объявлялся высочайшим приказом выговор «за несмотрение за тем, что служители гарнизонных артиллерийских Ронгесальмских рот не были удовлетворены следующим им».

Спустя две недели, утром 24 сентября, в Санкт-Петербургском артиллерийском арсенале была обнаружена пропажа. Кто-то, сумев пролезть через оконную чугунную решетку, обрезал золотые кисти и галун с бархата, покрывавшего старинную колесницу. Аракчеев по

должности своей инспектора всей артиллерии обязан был донести о случившемся императору Павлу. Но так получилось, что в ночь с 23 на 24 сентября при арсенале стоял караул от артиллерийского батальона, которым командовал его родной брат генерал-майор Андрей Аракчеев. Из сохранившихся документов неясно, то ли Алексей Андреевич сознательно направил следствие по ложному пути, желая выгородить брата, то ли офицеры, которым поручено было провести расследование происшествия, сами стали на сей путь, но фактом остается, что в результате принятых к отысканию виновных мер было установлено: кража в арсенале могла быть совершена «и не в эту ночь, а прежде». А в этом случае виновным оказывался генерал-лейтенант Вильде, от полка которого стоял тогда караул.

Получив от следователей такой рапорт, инспектор артиллерии граф Аракчеев передал его со своим донесением государю. Павел высочайшим приказом от 29 сентября отставил Вильде от службы. Чувствуя себя пострадавшим невинно, отставленный генерал обратился за помощью к Ивану Павловичу Кутайсову. Тот не упустил случая навредить высокомерному Аракчееву и немедленно доложил его величеству о том, как все обстояло на самом деле.

Вечером 30 сентября ничего не знавший об этом граф Алексей Андреевич заявился в гатчинский дворец на бал. Император Павел лишь только его увидел, подозвал к себе Котлубицкого и велел ему подойти к Аракчееву и передать приказание ехать домой. Надо полагать, Николай Осипович исполнил просьбу императора с превеликим удовольствием.

На следующее утро, 1 октября, его величество издал приказ: «Генерал-лейтенант Аракчеев 1-й за ложное донесение и что в противность устава нарядил дежурным штаб-офицера из другого батальона, а не из того, который стоял тогда в карауле, отставляется от службы. Генерал-майор Аракчеев 2-й за случившуюся покражу в арсенале во время бытности тогда в карауле его батальона отставляется от службы. Адъютант Е. И. В. Александра Павловича ген.-майор Апрелев по делу, по которому ген.-лейт. гр. Аракчеев отставлен, отставляется от службы».

Отъездом в Грузино злключения графа Аракчеева не окончилось. Назначенный на освободившиеся должности инспектора всей артиллерии и командира лейб-гвардии артиллерийского батальона генерал-лейтенант Н. Д. Амбразанцев нашел, что его предшественник — граф Аракчеев — истратил слишком много казенных денег на ремонт конюшен и покупку лошадей для гвардейского артилле-

рийского батальона. Об этом он доложил 4 декабря 1799 года императору Павлу. Его величество передал всеподданнейший рапорт генерал-лейтенанта Амбразанцева в генерал-аудиториат для подробного расследования всех упомянутых в нем неисправностей.

Четыре месяца шло следствие. Лишь 14 апреля 1800 года императору Павлу было доложено о его результатах. Во всеподданнейшем рапорте, представленном ему генерал-аудитором князем Салоговым, говорилось: «Генерал-аудитор по сему делу находит, что казна, как в покупке лошадей, так и в исправлении казенных строений, никакого убытка не имеет, почему и взыскания, согласно с мнением следственной комиссии, не полагает. В прочем всеподданейше предлагает на всевысочайшее Вашего Императорского Величества благосоизволение». Ознакомившись с рапортом и выписками из следственного дела, Павел утвердил мнение генерал-аудитора и высочайше повелел: «Дело сие оставить».

К этому времени генерал-лейтенант Н. Д. Амбразанцев был уже заменен на посту инспектора всей артиллерии и на должности командира гвардейского артиллерийского батальона генералом от артиллерии Алексеем Ивановичем Корсаковым.

Нет сомнения, отставка Аракчеева от службы и отъезд его из столицы были выгодны петербургским сановникам — противникам императора Павла. В лице грозного графа Павел лишился недремлющего ока и твердой руки — того, что могло обнаружить и порвать сети заговора, который с конца 1799 года уже плелся вокруг его августейшей персоны.

Глава пятая

Убийство императора Павла I

Стремление императора Павла навести порядок в гражданском управлении и в армии встречало поддержку в русском обществе. Нижние гражданские и армейские чины быстро ощутили на себе благие последствия Павловой политики. Они стали в полной мере получать жалованье за службу, вышестоящие начальники в страхе перед Павлом умерили произвол в отношении своих подчиненных. Население не только столиц, но и провинций также почувствовало облегчение от попыток императора утвердить законность, ограничить произвол сановников. Первые же отставки сановников и в том числе недавно еще всемогущих, особо приближенных к императрице Екатерине вельмож показали всем, что намерения нового императора навести порядок в государственном управлении Российской империи весьма серьезны.

Фаворит императрицы Екатерины Платон Зубов был утвержден новым императором в своих должностях (около тринадцати), более того, Павел в знак своего благоволения даже подарил ему один из своих мундиров. Но вместе с тем его величество распорядился опечатать канцелярию екатерининского любимца. Изучение находившихся в ведении Зубова дел подтвердило слухи о допускавшихся им вопиющих финансовых злоупотреблениях. В результате фаворит Екатерины II был отправлен 6 декабря 1796 года в отставку с приказом удалиться из России на два года за границу. А 29 декабря 1796 года император Павел издал следующий именной указ: «За приведение в несостояние сестрорецких оружейных заводов, оказавшихся таковыми, по случаю не отделки лейб-гвардии на Преображенский полк ружей, а потом конной гвардии разных вещей, взыскать с генерал-фельдцейхмейстера князя Зубова такую сумму, какая артиллерийскою канцеляриею исчислена и Сенату представлена бу-

дет». Генерал от артиллерии П. И. Мелиссино определил эту сумму в 50 тысяч рублей, о чем сообщил в своем рапорте Павлу I.

Сановники впервые, быть может, со времен Петра I стали бояться за свою судьбу. По свидетельству Адама Чарторижского, Павел внушал страх «всем чиновникам своей империи, и эта общая устрасленность имела благодетельные последствия. В то время как в Петербурге, в центре управления, общая неуверенность в завтрашнем дне терзала и волновала все умы, в провинциях губернаторы, генерал-губернаторы и все военные, боясь, чтобы злоупотребления, которые они позволяли себе, не дошли до сведения императора и чтобы в одно прекрасное утро, без всякого разбора дела, не быть лишенным места и высланным в какой-нибудь из городов Сибири, стали более обращать внимания на свои обязанности, изменили тон в обращении с подчиненными, избегали позволять себе слишком вопиющие злоупотребления». Адам Чарторижский, довольно критически относившийся к Павлу I, признавал, что «в его царствование русские должностные лица менее злоупотребляли властью, были более вежливы, более сдержаны в своих дурных наклонностях, меньше крали, отличались меньшей грубостью, даже в польских провинциях».

В этой резкой перемене в положении сановников-чиновников, произошедшей с переходом от правления Екатерины II к правлению Павла I, таилась вместе с тем и серьезная опасность для Павловых реформ. Стремясь защититься от неведомого им прежде и оттого непривычного и невыносимого страха, российские сановники-чиновники стали представлять Павла I императором-деспотом, рассказывать друг другу о сотнях заточенных в темницы и сосланных в Сибирь чиновниках. Этот миф отразился впоследствии в многочисленных мемуарах. Император Павел предстал в рассказах мемуаристов то жестоким тираном, маньяком, то капризным ребенком, а то и просто сумасшедшим. Вот наиболее типичный образчик таких рассказов, приводимый в записках А. М. Тургенева¹. «Ужасно вспомнить! — восклицает этот мемуарист при описании правления Павла I. — Четыре года ожидать ежеминутно бедствия, быть во всегдашнем тревожении духа и не быть уверенным — правильны ли, точны ли данным повелениям действия в исполнении, ибо все зависело от каприза, прихоти, как видим, избалованного ребенка, который царапает лицо кормилице за то, что подаренная ему кукла не

¹ Александр Михайлович Тургенев (1772–1863) — чиновник, в 20-е гг. XIX в. губернатор одной из сибирских губерний. Свои мемуары писал в 1848 г.

отвечает на его лепетанье. Такой быт хуже каторги — нет! Несноснее смерти!.. Каждое утро, от генерала до прапорщика, все, отправляясь на вахт-парад, шли как на лобное место. Никто не знал, что его там ожидает. Ссылка в Сибирь, заточение в крепость, затворение и всегдашнее безмолвие, как в могиле, в номере неизвестных».

Ф. П. Лубяновский привел в своих воспоминаниях различные названия, которые давались эпохе правления Павла I в среде чиновничества: «Называли ее, где как и требовалось: торжественно и громогласно — возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса — царством власти, силы и страха; втайне между четырех глаз — затмением свыше».

Сам по себе этот распространявшийся по канцеляриям миф не был опасен для императора. Не из страха сановников за свою участь, не из их недовольства действиями Павла на троне родился заговор против него. Корни заговора находились, как убедительно свидетельствуют многие факты, вообще за пределами России. Тем не менее миф о государе-деспоте сыграл роковую роль в судьбе несчастного русского императора. Идя на убийство Павла, заговорщики могли не беспокоиться о том, как оправдать свое преступление в глазах русского общества. Указанный миф давал им такое оправдание.

А в целом миф убивал не только самого императора, но и его реформы. В лживом свете их истинный смысл терялся. Реформы Павла представляли в карикатурном виде — как конвульсии некоего безумца.

История заговора, погубившего Павла I, до сих пор еще остается во многих своих важнейших аспектах неразгаданной тайной. На основании сведений, сообщенных самими заговорщиками и теми, кто находился в роковую ночь с 11 на 12 марта 1801 года в Михайловском замке, историки составили близкую к реальности картину того, *как* убивали императора. Но не смогли дать ответа на главный вопрос — *за что* его убили.

Сами заговорщики, рассказывая об убийстве Павла I, представляли свое деяние в качестве подвига, спасшего Россию от тирании сумасшедшего властителя. Так, один из руководителей заговора граф П.-Л. Пален говорил в 1804 году А. Ф. Ланжерону о том, что «в последнее время сумасшествие Павла стало кровожадным; никто из нас не был уверен хотя бы за один день своей жизни, скоро бы везде стали воздвигать плахи и вся Сибирь была населена несчастными». Эта версия причин заговора широко распространилась в мемуарной литературе. Приняли ее впоследствии и многие историки,

в том числе даже официальный биограф российских императоров Н. К. Шильдер, имевший доступ ко многим секретным документам царского архива.

Психиатр П. И. Ковалевский (1849–1923), исследовав психику Павла I по описаниям его характера, данным в мемуарной литературе, поставил следующий диагноз: «Умственная жизнь Павла отличается отсутствием предохранительной сосредоточенности, внимания и настойчивости, быстротою сильных впечатлений, отрицательностью, одиночностью, неожиданностью, нелогичностью, непоследовательностью, асистемностью, но она лишена остроты, сообразительности и понимания. В его нормальном мышлении мы замечаем склонность к бреду, мнительности, подозрительности, символизации и преследованию. В нем была очень развита фантазия и царило воображение. Он склонен был к мистицизму, предчувствию и проч. Его умственная жизнь была подчинена эмотивной области. Страсти и чувствования царили над всем. Его воля была подчинена чувствам. Его волевые действия были игрищем страстей. Но эти страсти были неизмеримо выше страстей Петра III. Он проявлял любовь к семье, жене, друзьям. Поэтому его должно отнести к дегенератам высшим, к дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования»¹. Надо ли доказывать, что этот диагноз относится скорее к мемуаристам, клеветавшим на несчастного императора, нежели к самому этому императору?!

Историк В. О. Ключевский не принимал версии о сумасшествии Павла, но и он усматривал в его характере ненормальность. «Иные считали и считают Павла душевнобольным человеком. Но это мнение только оправдывает непростительное царствование, а не объясняет несчастного характера царя», — писал он. Приговор историка гласил: «Павел был просто нравственно ненормальный царь, а не душевнобольной человек. Душевная болезнь невменяема, как несчастье, а за ненормальный образ действий человек отвечает, как за порок, до которого он сам довел себя по собственной вине. Вина Павла состояла в том, что он не хотел знать правил человеческого общежития, обязательных для всякого человека, на каком бы общественном посту ни стоял он».

¹ Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. М., 1995. Том 1. С. 471–472.

Из всех этих оценок выходит, что смертью от рук заговорщиков Павел ответил за свою душевную или нравственную ненормальность. В. О. Ключевский писал о действиях заговорщиков: «...Пришли, убили и ушли, все оставив по-прежнему, все предоставив преемнику. Бросили камень в стоячее болото; оно всплеснулось, побудоражилось, потом уравнилось и стало прежней зеркальной гладью...» Но если все осталось «по-прежнему», в чем заключался тогда смысл убийства императора Павла? Неужели его убили только для того, чтобы освободить престол для другого, более нормального человека?

Заговорщики всегда склонны скрывать истинную цель своего заговора. Впрочем, зачастую они и сами не вполне осознают ее и руководствуются в своих действиях различными мелкими побуждениями. И нередко так получается, что в заговоре соединяются люди, каждый из которых имеет свои собственные мотивы участия, отличающиеся от тех, что движут другими заговорщиками.

Именно это произошло в рассматриваемом случае. В заговоре против Павла объединились такие прагматичные, лишенные каких-либо идейных устремлений люди, как Л. Л. Беннигсен¹, П.-Л. Пален², братья П. А., Н. А. и В. А. Зубовы³ и др. Участвуя в заговоре, каждый из них преследовал свой особенный эгоистический интерес,

¹ *Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофил) Беннигсен* (1745–1826) — родом из Ганновера, на русской службе с 1774 г., в феврале 1798 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Сыграл решающую роль в убийстве российского императора Павла. Люди, знавшие Беннигсена, неизменно отмечали в своих мемуарах его хладнокровие. «...Длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора из „Дон Жуана“», — писала о нем в своих мемуарах княгиня Д. Х. Ливен. «...Высокий, сухощавый, с длинным лицом и орлиным носом, с видной осанкой, прямым станом и холодной физиономией», — характеризовал Беннигсена А. Ф. Воейков. Но лучше всех сказал о главном убийце Павла А. И. Тургенев: «Длинный, как шест, сухой, хладнокровный, как черепаха».

² *Петр Людвиг фон дер Пален* — в России звался Петром Алексеевичем Паленом (1745–1826), из остзейских немцев, генерал от инфантерии, в марте 1801 г. санкт-петербургский военный губернатор. «Он был душою заговора против своего благодетеля», — писал о Палене Ф. Ф. Вигель, называя его при этом «старым, преступным временщиком». По удивительному совпадению Беннигсен и Пален — два иностранца на русской службе, ставшие во главе заговора против императора Павла, — родились и умерли в один и тот же год.

³ *Платон Александрович Зубов* (1767–1822) — бывший фаворит Екатерины II, с 23 ноября 1800 г. директор Сухопутного кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. *Николай Александрович Зубов* (1763–1805) — с конца 1800 г. директор 2-го кадетского корпуса. *Валериан Александрович Зубов* (1771–1804) — с конца 1800 г. шеф Сумского гусарского полка, размещенного в столице.

имевший мало общего с интересами Российского государства. Каждый таил на императора Павла какую-либо мелкую обиду, ощущал себя в чем-то обделенным его величеством.

То же самое можно сказать и о Н. П. Панине¹ с О. М. Рибасом², которые, по мнению ряда современников и последующих историков, первые высказали мысль о совершении государственного переворота для возведения на императорский престол цесаревича Александра Павловича³. И тот и другой считали себя незаслуженно обиженными императором Павлом. Н. П. Панин писал 19 апреля 1799 года С. Р. Воронцову: «От моего дяди (Никиты Ивановича Панина, главного воспитателя великого князя Павла. — В. Т.) осталось долгу 320 000 руб. ... великий князь знал это и торжественно обещал моему отцу уплатить все долги моего дяди лишь только взойдет на престол. Мой отец умер в 1789 году; хотя он уплатил часть долгов дяди, оставил мне еще 180 000 руб. долгу. Погашение этой суммы в банке отнимает у меня ежегодно 15 000 руб. доходу, и это заставляет меня делать новые долги. Среди потока щедрот, изливаемых с трона, только один забыт — это наследник фамилии, в отношении которой приняли на себя формальное обязательство».

Общество человеческое так странно устроено, что все в нем возможно. И для кого-то мелкая обида может быть вполне достаточным мотивом для совершения крупного преступления. Но вышеназванные персоны не относились к числу столь безрассудных людей. Тот факт, что они решились на участие в таком смертельно опасном предприятии, как заговор против императора Павла, означает только одно: за их мелкими обидами стояла некая значительная сила.

¹ Панин Никита Петрович (1770–1837) — с 27 сентября 1799 г. являлся вице-канцлером, 15 ноября 1800 г. был отставлен с должности, а спустя несколько дней выслан из Санкт-Петербурга в свое имение Петровско-Разумовское, находившееся близ Москвы. 16 февраля 1801 г. ему было отправлено генерал-прокурором Обольяниновым уведомление о высочайшем разрешении посещать обе столицы.

² Осип (Иосиф) Михайлович Рибас (1749–1800) — адмирал, испанец на русской службе, 12 ноября 1800 г. был назначен Павлом на должность помощника вице-президента Адмиралтейств-коллегии. 2 декабря того же года внезапно скончался. Есть основания считать, что адмирал Рибас был отравлен заговорщиками, боявшимися, что он, зная их намерения, расскажет о готовящемся заговоре императору Павлу.

³ Об этом прямо пишет в своих записках Л. Л. Беннигсен. А. Ф. Воейков подчеркивает в своих записках: «Не граф Пален зачинщик заговора против императора Павла, первая мысль была графа Никиты Петровича Панина».

Эта сила обнаруживает себя в той самой главной цели заговора против императора Павла, которой бессознательно служили заговорщики, служа сознательно своим корыстным интересам. Но что составляло саму главную цель?

Очевидно, что цель заговора — в его результате. В тех переменах, которые он несет с собой. Убийство Павла I имело своим непосредственным следствием возведение на российский престол нового императора. Но только ли в замене одного самодержца другим заключался результат заговора?

Безусловно, после убийства императора Павла I произошли определенные перемены во внутренней политике российской самодержавной власти, на высшие должности в системе управления империей пришли новые люди — молодые аристократы, друзья нового императора. Развернулась административная реформа. Но все эти перемены были малозначительными, а реформа государственного управления происходила по общему плану, начертанному императором Павлом.

По-настоящему существенные перемены убийство Павла произвело только в одной области — во внешней политике Российской империи. В последний год своего правления Павел I осуществил, пожалуй, самую серьезную по своему влиянию на судьбу России реформу, которая затрагивала в той или иной мере все сферы жизни российского общества, но непосредственно касалась взаимоотношений Российского государства с двумя ведущими мировыми державами — Великобританией и Францией.

Ко времени восшествия Павла на императорский престол для России стало уже прочной традицией выступать в международных делах в коалиции с Великобританией. Осенью 1800 года император Павел порвал с этой традицией и повел Россию на сближение со злейшим врагом Великобритании — наполеоновской Францией.

Совершенный Павлом I коренной поворот в российской внешней политике не был следствием случайного эмоционального всплеска, но представлял собой результат переосмысления истории взаимоотношений Великобритании и России на протяжении XVIII века. Павел пришел к выводу о том, что британские правители использовали Россию в качестве инструмента проведения своих интересов на Европейском континенте и что союз с Великобританией со многих точек зрения невыгоден Российскому государству.

1 октября 1800 года Павел предложил графу Ф. В. Ростопчину, фактическому руководителю Коллегии иностранных дел, изложить

свои мнения об отношениях России с ведущими европейскими державами. На следующий день Ростопчин представил императору соответствующую записку. «Вашему Императорскому Величеству угодно было, — писал он, — повелеть мне вчерашний день представить на бумаге настоящее положение России в отношении ее с другими державами и заключить сие начертание собственными моими рассуждениями, предложив при этом удобные способы для охранения и впредь России от завистников ее славы и могущества, для обращения сих способов ей в пользу в нынешних замешанных Европейских обстоятельствах и приобретения чрез то новых выгод на предыдущие времена». Граф утверждал в своей записке, что целью Англии, в каком бы положении она ни находилась, является падение Франции, что «все виды Англии устремлены на присвоение себе единой всех выгод мирной торговли», что она «под видом соблюдения пользы общей обращала единственно в свою все те случаи, где находила возможность насильственно присвоить себе какое-нибудь право». В качестве наиболее яркой иллюстрации этого Ростопчин привел поведение Англии во время Французской революции, когда она, «проповедуя всем державам ревность свою на извержение Парижского угрожающего правления для возвращения паки Бурбонского разбежавшегося дома на престол, вооружала попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели; овладела тем временем торговлею целого света». В заключение своих рассуждений Ростопчин предлагал императору Павлу вступить в союз с Францией. Его величество начертил на этой записке Ростопчина следующую резолюцию: «Апробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оного. Дай Бог, чтоб по сему было».

4 января 1801 года Павел отправил в Париж в качестве своего специального посланника С. А. Колычева. В наказе ему, составленном двумя неделями ранее, император писал: «Желая умиротворить Европу, терзаемую уже 11 лет бичем войны, я решился вступить в прямые отношения с Французским правительством... Прибыв к Бонапарту, вы войдете в непосредственное сношение с ним и употребите все ваше усердие и ваши способности, чтобы привести дела к желаемой цели и утвердить соглашение на основании нижеследующих статей...» В этих статьях Павел формулировал условия, на которых он согласится вступить с Францией в союз и признать ее республикой. Помимо этих статей Колычев имел в своем распоряже-

нии специальные указания своего императора для переговоров с первым консулом Наполеоном Бонапартом. Павел I предписывал, в частности, своему посланнику расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула с престолонаследием в его семействе. «Таковое решение с его стороны, — отмечал Павел, — я почитаю единственным средством даровать Франции прочное правительство и изменить революционные начала, вооружившие против нее всю Европу». В последнем пункте своих предписаний Колычеву российский император наказывал ему: «Не терять из виду, что намерение мое есть возратить спокойствие целой Европе и что, признавая Францию республикою, а Бонапарта государем, я хочу отнять у Австрии, Англии и Пруссии средство успеха в их системе расширять свои владения, каковая система также и даже более вредит общему благосостоянию, как и начала революционной Франции, и что, напоследок, я предпочитаю допустить существование одной гидры, чем видеть, как возникают многие и терпеть их». Внизу этих предписаний стояла дата — 29 декабря 1800 года.

Сближение России с Францией шло настолько стремительно, что уже в первой половине января 1801 года российский император и французский первый консул начинают подготовку совместного похода двух экспедиционных корпусов (по 35 тысяч человек каждый) в Индийские владения Англии.

12 января 1801 года атаман Войска Донского генерал от кавалерии В. П. Орлов получает из Санкт-Петербурга следующее послание: «Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговые, приобретенные или деньгами, или оружием, то и цель все сие разорить, а угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан, и торг обратить к нам. Сие вам исполнение поручая, пребываю вам благосклонный Павел». На следующий день — новое послание императора: «Василий Петрович, посылаю вам подробную и новую карту всей Индии. Помните, что вам дело до англичан только, а мир со всеми теми, кто не будет им помогать; итак проходя, их уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес и там на англичан. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась. В Хиве высвободите столько-то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то пришлю вслед за вами, а не иначе прислать будет можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сделали. Ваш благосклонный Павел».

Направляя в Индию сухопутные войска, Павел распорядился снарядить для поддержки этого похода с моря три военных фрегата.

Позднее некоторые историки (Н. К. Шильдер и др.) будут писать о том, что никакой сколько-нибудь серьезной угрозы для Англии эта попытка Павла вытеснить ее из Индии не представляла. Однако паническая реакция британского правительства на дошедшие до него сведения о замыслах Павла полностью опровергает данное мнение. Ф. В. Ростопчин писал впоследствии: «Пред кончиною покойного государя, в 1801 году, Англия находилась в очень трудном положении. Ей грозила Франция, у нее отнимались все способы продовольствия и закрывались кораблям ее все европейские порты, кроме берегов Адриатического моря... Европа находилась в таком положении, что им можно было отлично воспользоваться для обуздания страшного самовластия Англии».

Что оставалось делать правительству Великобритании? Воевать одновременно с двумя такими сильными державами, как Россия и Франция, было бы безумием. Очевидно, что у Великобритании имелся только один выход из катастрофического для нее хода европейских дел — убийство Наполеона Бонапарта или Павла I. О многочисленных заговорах и покушениях на жизнь первого консула Франции, организовавших на английские деньги, можно прочесть почти в каждой из биографий Наполеона. Множество различных фактов свидетельствует, что заговор против императора Павла находился в том же ряду.

Англия с давних пор имела в России свою опору в среде аристократии — целую группировку весьма влиятельных при императорском дворе англофилов. По некоторым данным, англофильство этой части русской аристократии регулярно стимулировалось солидными финансовыми вливаниями.

Любопытно, что поначалу император Павел вызывал у русских англофилов откровенное восхищение. Признанный их глава С. Р. Воронцов писал 12 декабря 1796 года в письме к С. А. Кольчеву: «Мы лишились великой монархини; но несомненно, что преемник ее будет великим и добрым государем... Мы знаем, что он сведущ и умен. Образ его действий по вступлении на престол свидетельствует о превосходном его характере и возвышенной душе». О том, что «первые годы правления Павла ничем не разочаровали Воронцова», которого император так «высоко ценил», что «в начале 1799 г. предложил занять пост государственного канцлера вместо умершего графа Безбородко», пишет в своей книге «У темзских берегов. Россияне в Бри-

тании в XVIII веке» английский исследователь Э. Кросс. Но спустя некоторое время С. Р. Воронцов стал открытым и непримиримым противником императора Павла. Когда же и в связи с чем произошел этот переворот в воронцовском сознании? Э. Кросс прямо указывает время и главную причину его — конец 1800 года, начало сближения Павла с Наполеоном Бонапартом.

Еще в середине 1799 года Воронцов писал в одном из своих писем: «Я благодарю Всевышнего, что при конце моей жизни он дозволил мне дожить до сих счастливых времен, в кои царствует в моем отечестве Государь, столь великодушный и премилостивый...», а осенью того же года сочинял восторженные стихи о своем императоре¹. Его славословия в адрес Павла I продолжались вплоть до осени 1800 года. С конца же 1800 года он, находясь в Лондоне, уже открыто призывал в письмах к своим друзьям в России убить Павла. В письме к Н. Н. Новосильцеву от 2 февраля 1801 года С. Р. Воронцов после сообщения о «безумии» Павла, «ежедневных жестоко-стях», якобы им совершаемых, восклицал: «Но это не действует на нацию и на тех, которые наиболее заинтересованы в ее спасении! Кажется, будто оцепенение и дурацкая трусость обуяли все души».

Британский посол в России лорд Чарлз Уитворт раньше всех сторонних лиц почувствовал перемену в отношении российского императора к Великобритании. Он так же, как и русские англофилы, в течение первых лет правления Павла воздавал ему хвалу. Однако накануне своего удаления из Санкт-Петербурга, в марте 1800 года, резко изменил мнение о нем. Чарлз Уитворт был, пожалуй, одним из первых, если не первым, кто стал распространять слух о сумасшествии Павла. 6 марта 1800 года он заявил в своей депеше в Лондон: «Император, говоря литературно, не в себе... С тех пор, как он вступил на престол, психическое расстройство его стало постепенно усиливаться...»

Подобную перемену отношения к императору Павлу во второй половине 1800 года проявили многие русские аристократы. Как уже отмечалось выше, по мнению современников тех событий, идею организации заговора против Павла впервые озвучил Н. П. Панин. Так вот, высказываться эта идея стала именно с осени 1800 года, после

¹ Вот образец их: Российских он сынов
И слава, и любовь;
Драгия Павла дни,
Господь, продли!

того, как сделалось очевидным, что российский император отходит в своей внешней политике от союза с Великобританией к коалиции с Францией. А. Ф. Воейков замечает в своих мемуарах, что британский премьер-министр Питт «с восторгом ухватился за эту идею, когда Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова (родная сестра г. Платона Александровича), сообщила ему ее, и щедро рукою отсыпал серебрянники: ибо между заговорщиками находился и Иуда предатель. Не знаю, как поделили их, но знаю, что огромные суммы остались у графа Палена, который не всыпал их в сокровищницу церковную и не удавился от раскаяния».

Историк Е. С. Шумигорский писал, основываясь на многих свидетельствах, о том, что с момента разрыва императора Павла с Англией «английские гинеи текли обильною рекою в руки Палена и других единомышленников чрез приятельницу Витворта О. А. Жеребцову, сестру Зубовых». П. А. Толстой рассказывал в свое время, что в марте 1801 года видел у Палена целые свертки английских гиней. Пребывая в отставке, Пален, играя однажды с Зубовым в карты, поставил на кон сразу 200 тысяч рублей.

А. Ф. Воейков с болью констатировал в своих записках: «В дворцовой революции 12 марта всего прискорбнее, всего ненавистнее для Русского то, что ее произвела не пламенная любовь к отечеству, не желание спасти граждан от тиранства; ее произвело личное мщение и золото Англии. Спросите у Ольги Александровны Жеребцовой, сестры Зубовых, она еще жива. Она была любовницей английского посла при российском дворе лорда Витворта и тайным агентом Питта. Ее заговорщики послали в Лондон к Питту, который на упреки принца Conde в смерти Павла холодно ему ответил: *«Qui m'importe comment, pourvu que l'animal soit terrasse»* (дословно: **«Неважно как, лишь бы зверь был сражен»**).

Не исключено, что мысль об устранении Павла I с российского императорского престола посредством узкой группы состоявших у него на службе сановников была действительно подсказана премьер-министру Великобритании Уильяму Питту через Ольгу Жеребцову самими заговорщиками. Им, выросшим в эпоху дворцовых переворотов, это должно было казаться вполне естественным. Но более вероятным представляется все же другое: Питт сам вбросил эту идею через кого-то (может быть, даже через Ольгу Жеребцову, любовницу посла Великобритании в России, или через самого Чарлза Уитворта) в среду российских аристократов. Основания для такого предположения есть, и весьма серьезные.

В 50-х годах XIX века Карл Маркс, работая однажды в Британском музее, обнаружил в коллекции английского историка Уильяма Коукса массу документов XVIII столетия, среди которых было множество писем и докладов от англичан, представлявших интересы Великобритании в России. Содержание найденных документов настолько заинтересовало теоретика «научного коммунизма», что он решил написать на их основе специальную работу. В августе 1856 — апреле 1857 года его произведение «Откровения из дипломатической истории 18 столетия» (*«Revelations of diplomatic history of the 18th century»*) было опубликовано в еженедельной лондонской газете «Свободная пресса» (*«Free Press»*)¹. Четыре из пяти глав (1, 2, 3-я и 5-я) данного произведения составляют обширные цитаты из документов, обнаруженных К. Марксом в Британском музее. В заключение первой главы приводится текст сообщения, которое отправил из России в адрес Уильяма Коукса капеллан английской фактории в Санкт-Петербурге Л. К. Питт, являвшийся ближайшим родственником премьер-министра Уильяма Питта. По некоторым фактам, упоминающимся в данном сообщении, его можно уверенно датировать 1800 годом. Любопытно, что в верхней части рукописного оригинала этого документа стояла пометка, сделанная, как предположил Маркс, Уильямом Коуксом: *«To be burnt after my death»* («должно быть сожжено после моей смерти»). Почему данную бумагу предназначали к сожжению? Что опасного содержалось в ее тексте?

В сообщении капеллана Л. К. Питта речь шла о переменах во внешней политике России, произведенных императором Павлом. «Как известно, — писал Питт, — последние слова, произнесенные императрицей (Екатериной II), были адресованы ее секретарю, когда она отпускала его от себя в то утро, в которое ее хватил удар. «Скажи князю (Зубову), — сказала она, — чтобы он пришел ко мне в двенадцать и чтобы напомнил мне о подписании Договора о союзе с Англией». Далее Питт завел речь о значении, которое имеет для Великобритании союз с Россией. «Узы, которые привязывают ее (Великобританию) к Российской империи, сформированы природой и являются нерушимыми, — заявил он. — Объединенные, эти на-

¹ Впоследствии эта работа Карла Маркса была подготовлена его дочерью Элеонорой к изданию в качестве отдельной книжки. Она вышла в свет (уже после смерти Элеоноры) в 1899 г. в Лондоне под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century». Под этим последним названием произведение Маркса затем выходило во всех последующих изданиях на английском и других языках. В собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, выпускавшиеся в СССР, оно не включалось.

ции могли бы смело противостоять объединенному миру; у разделенных сила и значение каждой основательно уменьшаются. Англия имеет причину сожалеть вместе с Россией о том, что императорский скипетр используется так несообразно, но **единственным, кто разделяет империи, является государь России**» (выделено мной. — В. Т.). Данное свое сообщение капеллан Л. К. Питт завершает следующими весьма примечательными словами: «Насколько человеческое провидение может в этот момент понимать, отчаяние разъяренного индивидуума кажется более вероятным средством покончить с настоящим мрачным положением, чем какая-либо более систематическая комбинация мер для восстановления достоинства и значения трона России». Можно предполагать, что совсем нехристианские рассуждения английского служителя церкви были доведены до сведения премьер-министра Великобритании. Л. К. Питт показывает в своем послании просто удивительную осведомленность о происходящем в покоях Екатерины II и при дворе Павла I, а кроме того, проявляет настолько необычную для простого английского капеллана степень заинтересованности в восстановлении союза России с Англией, что допускает в качестве средства достижения этой цели самые крайние меры. Трудно поверить, что такой человек мог быть послан в Санкт-Петербург только для отправления обязанностей капеллана.

Как бы то ни было, в своем послании к историку Уильяму Коуксу ближайший родственник премьер-министра Великобритании почти открыто заявлял о том, что «наиболее вероятным средством» привести внешнюю политику Российской империи в прежнее выгодное для Англии русло является убийство императора Павла. Ведь иначе как убийством государя, повернувшего Россию от союза с Англией к союзу с ее злейшим врагом — Францией, «разъяренный индивидуум» не мог «покончить с настоящим мрачным (для Англии. — В. Т.) положением». Пожалуй, именно из-за этих слов Уильям Коукс обрекал бумагу, на которой они были начертаны, к сожжению после своей смерти. Эти слова свидетельствовали о том, что идея убийства российского императора не только воспринималась английскими официальными лицами как вполне допустимая, но, по-видимому, именно в их среде и возникла.

* * *

Павел родился в летнем деревянном дворце императрицы Елизаветы. Взойдя на императорский престол в день Архангела Миха-

ила, он повелел 20 ноября 1796 года «бывший летний дворец называть Михайловским дворцом». 26 февраля 1797 года на месте этого дворца была произведена торжественная закладка здания Михайловского замка, который Павел предназначил для своей резиденции. «Я хочу умереть на том месте, где родился», — говорил он.

Это трогательное желание Павла исполнилось без большого промедления и самым жестоким образом...

Заговорщики вошли в императорский дворец сразу после полуночи двумя колоннами. Одна — числом в 25–30 человек, под предводительством Беннигсена с братьями Платоном и Николаем Зубовыми — проследовала через малые ворота, со стороны Летнего сада. Другая — в 10–15 человек, во главе с Паленом — прошла парадным подъездом. Именно колонне Беннигсена предстояло сыграть главную роль. В ее составе были те, кто пылал самой неистовой ненавистью к императору. И путь, которым они пошли, был самым коротким к спальне его величества.

Со всех сторон дворец окружали войска под управлением верных заговорщикам офицеров. И караулами внутри дворца командовали те, кто поддерживал заговор. Тем не менее страх витал среди заговорщиков. Он охлаждал их разгоряченные вином головы. То один, то другой замедлял свои шаги, останавливался, уходил в сторону, исчезая в темноте коридоров.

Когда Беннигсен поднялся к покоям императора, с ним было от силы 8–10 человек — менее половины от вошедших во дворец. Однако это были люди, готовые на все. Страх по-прежнему терзал их души, но сознание, что отступление означает путь на эшафот, заставляло их действовать решительно и жестоко. Прежде чем попасть в спальню императора, заговорщики должны были пройти маленькую кухню, затем прихожую. Здесь им встретилось первое препятствие. Перед прихожей стоял часовой — рядовой гренадерского батальона лейб-гвардии Семеновского полка. Он мог поднять тревогу. Николай Зубов выхватил саблю и ударил ею часового — тот упал, обливаясь кровью. Дверь в прихожую была заперта на ключ, но заговорщики предусмотрели это и захватили с собой плац-адъютанта Аргамакова, который по утрам приходил к государю с докладами о происшествиях за ночь и был поэтому знаком его лакеям. Услышав голос Аргамакова, лакеи открыли дверь. Заговорщики набросились на них. Один лакей был сбит саблей с ног, но другой каким-то образом увернулся от ударов и с криком бросился

по лестнице, поднимая тревогу. Платон Зубов, и без того сам не свой от страха, в этот момент и вовсе растерялся. Повернув назад, он попытался скрыться, другие уже были готовы последовать за ним, но сохранивший хладнокровие Беннигсен подбежал к Зубову и, схватив его за руку, выдохнул: «Как? Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступить? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые нас ведут к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!»

Подстегнутые этими словами, заговорщики ринулись к государственной спальне. Дверь в нее была заперта, напор плеч — и она распахивается. Заговорщики бросаются к постели — она пуста! Вновь замешательство, и опять выручает всех Беннигсен. Спокойно подходит он к постели и щупает ее рукою: «Гнездо теплое, птица недалеко!» Несколько шагов по комнате — и взгляду Беннигсена, а затем и других предстает испуганный император, стоявший в ночной сорочке за ширмой...

Расправа была жестокой. Врачи, проводившие бальзамирование убитого, обнаружили побои на всем теле: следы ударов на голове, сильный ушиб виска, красные пятна на боку и на бедрах, кровоподтеки на коленях, широкий кровоподтек вокруг шеи. Многие удары были нанесены уже по мертвому телу...

Так погиб российский император Павел I.

Деньги, выделенные на его убийство, не пропали даром. Его старший сын, взойдя на императорский престол, уже не помышлял о разрыве с Англией...

* * *

Первый консул Франции Наполеон Бонапарт, получив известие о смерти российского императора Павла, пришел в ярость. «Они промахнулись по мне в Париже 3 нивоза¹, — гневно кричал он, имея в виду англичан, — но попали в меня в Петербурге!».

Бывший британский посол в России Чарлз Уитворт приятную для себя весть о гибели Павла I получил в Лондоне. Ровно через год после этого его назначили послом в Париж. 13 марта новый посол Ве-

¹ 3 нивоза 9 года Республики, или 24 декабря 1800 г. по общепринятому в Европе Григорианскому календарю, на первого консула Франции было совершено покушение. Наполеон Бонапарт чудом остался жив после взрыва «адской машины», заложенной в мостовую по пути его следования в оперный театр.

ликобритании представлялся первому консулу Франции. Наполеон Бонапарт кричал на него так, будто лорд Уитворт прибыл в Париж только для того, чтобы организовать его убийство...

Ольга Жеребцова новость о смерти императора Павла узнала в Берлине на балу у короля Пруссии. Она немедленно объявила о случившемся присутствовавшим на балу. При этом в ее голосе было столько радости, что гости подумали — женщина сошла с ума. Разразился большой скандал. К счастью для Ольги Александровны, ни прусский король, ни его гости не знали тогда о том, что русский император был убит и что в числе убийц были ее родные братья.

Петербургская аристократия, узнав о кончине ненавистного ей самодержца, впала в радостное безумие. Радовались и многие не слишком знатные дворяне. К вечеру 12 марта было выпито все имевшееся в городе шампанское, которое здесь никогда прежде — с тех пор как петербуржцы начали его пить — до конца не переводилось.

Утром 12 марта о смерти императора Павла сообщили стоявшим в столице войскам. Одновременно начали представлять им нового императора. Лейб-гвардии Семеновский полк, шефом которого был Александр Павлович, ответил, как и надлежало, криком «ура!». В остальных полках на сообщение о кончине Павла ответили молчанием. Но оцепеневшие шеренги и подрагивавшие линии штыков предельно ясно выражали господствовавшее настроение — гренадеры безмолвно... плакали!

* * *

Павел что-то знал о готовившемся против него заговоре. И даже догадывался, что во главе заговорщиков стоит назначенный им военным губернатором Санкт-Петербурга граф Петр-Людвиг Пален. Но император был уверен, что ему и его сторонникам удастся отразить смертельный удар. Когда же Павел засомневался в этом, он вспомнил о графе Аракчееве. По некоторым свидетельствам, его величество вызвал Аракчеева 11 марта 1801 года к себе. Но было уже поздно — заговорщики начали действовать. Им ничего не стоило задержать Аракчеева на несколько часов на заставе при въезде в столицу. По словам Н. И. Греча, «заговорщики, то есть Пален и пр., приступая к подвигу, разослали приказание по заставам — никого не впускать в город. Полагают, что они хотели удержать

за шлагбаумом графа Аракчеева, за которым послал император Павел»¹.

Однако в бумагах Аракчеева не сохранилось каких-либо подтверждений того, что Павел вызывал его накануне своей гибели в столицу.

Среди автобиографических заметок, начертанных графом на прокладных белых листах принадлежавшей ему книги Святого Евангелия, мы находим такую запись: «Марта 11-го числа 1801 года по полудни в 12 часу кончина императора Павла I». На самом деле Павел был убит около часа ночи или немногим позднее половины первого, то есть когда наступило уже 12 марта. Судя по приведенной записи, Аракчеев не знал ничего о действительных событиях в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Но позднее он узнает об убийстве Павла все, что только мог в своем положении узнать. Это можно утверждать с полной уверенностью. И с такой же определенностью можно судить об отношении Аракчеева к этой трагедии.

В 1856 году декабрист Г. С. Батеньков, служивший до событий 14 декабря 1825 года в Петербурге под началом Аракчеева и часто с ним общавшийся, заметит: «Об Аракчеве думают, что он был необыкновенно как предан Александру: никто теперь не поверит, ежели сказать, что он ненавидел Александра; а он именно его ненавидел. Я вам это говорю не как догадку, а как факт, который мне хорошо известен, потому что я знал Аракчеева коротко. Павлу он был действительно предан, а Александра он ненавидел от всей души и сблизился с ним из честолюбия. Он радовался, когда Александр принимал какие-нибудь строгие меры, но радовался потому именно, что оне навлекали на Александра нарекания и возбуждали против него неудовольствие».

Это утверждение Батенькова кажется на первый взгляд парадоксальным — ведь именно при Александре Аракчеев достиг высшего значения в системе управления империей, при Павле же служба его закончилась позорным изгнанием со всех должностей. Но вот что любопытно: оказывая почтение Александру, Алексей Андреевич до конца дней своих глубоко чтит память Павла. Он тщательно хранил все бумаги, отмеченные рукой Павла, все его записочки, письма,

¹ С. А. Тучков также утверждал в своих мемуарах, ссылаясь на свидетельство офицера Преображенского полка Козловского, что Павел вызвал Аракчеева в Петербург, но затем якобы его величество отменил свой вызов. Аракчеев, узнав об этом при въезде в столицу, тут же повернул обратно.

предписания. В то время когда в обществе старались не вспоминать публично об убиенном императоре, щадя чувства императора живого, причастного к убийству своего отца, Аракчеев специально позаботился о том, чтобы в его имении о Павле напоминало как можно больше предметов.

Один бюст императора Павла Алексей Андреевич распорядился поставить в саду, под окнами своего дома. Другой был сооружен по приказу графа в стене Грузинского собора.

Ниже его сделали жертвенник, около которого установили барельеф преклонившегося воина со щитом; на щите выбили графский герб Аракчеева, а на жертвеннике — надпись: «Сердце мое чисто и дух мой прав пред тобою». Слова весьма странные — слуге убиенного императора, удаленному им из столицы за полтора года до страшной мартовской ночи в Михайловском замке, не было нужды оправдываться перед ним. Надпись на памятнике была явно демонстративной — Грузино часто посещали столичные сановники и сам император Александр I, у которых сердце и дух, в отличие от Аракчеева, как раз-то и не были чисты и правы перед Павлом.

Из всех особ царского двора Алексей Андреевич с особенными чувствами почитал впоследствии императрицу Марию Федоровну — вдову императора Павла. В Российском государственном военно-историческом архиве сохранилось письмо Аракчеева к ней, написанное в апреле 1814 года¹, в котором граф сделал любопытное признание о своем отношении к Павлу, заставляющее вспомнить цитированные выше слова Г. С. Батенькова. Вот его полный текст:

«Ваше императорское величество, всемилостивейшая Государыня! Милостивый рескрипт вашего императорского величества от 5 февраля, по прибытии в Париж их императорских высочеств великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича, я удостоился получить, за который и спешу принести вашему императорскому величеству мою верноподданную благодарность; и уверить вас, всемилостивейшая Государыня, что кто чист душою и помышлением покойному Государю, моему *единственному* (выделено мной. — В. Т.) отцу и благодетелю, тот вечно будет предан и всеавгустейшему его потомству; утешаясь всегда в мыслях своих пожалованным от покойного Государя императора в герб мой девизом, слова коего

¹ На оригинале рукою архивиста начертана дата «август 1814 года», но если судить по содержанию, то можно уверенно сказать, что это письмо написано не позднее апреля 1814 г.

угодно было Его Величеству написать собственною рукою, изречение коих есть ныне и всегда впредь будет моим правилом наблюдать во всех случаях в полной силе. Вашего императорского величества, всемилостивейшей государыни верноподданный Граф Аракчеев. Париж. Апрель 1814 года».

Словами «без лести предан», которые император Павел начертал на его гербе собственной рукой, Алексей Андреевич не переставал гордиться до конца своих дней. Павел лучше всех понял натуру Аракчеева и, поняв, сумел найти для него высшую награду — именно ту, какую сам для себя мыслил высшей этот ладный для государевой службы, но нескладный для личной жизни человек!

Глава шестая

В отставке

Из всех напастей, подстерегавших русского дворянина на его жизненном поприще, едва ли не самой ужасной была скука. Болезни, разорение, лишение чинов, ссылка или тюрьма — все это лишало комфорта, приносило физические страдания, но не отнимало у жизни смысл. Скорее даже напротив — придавало жизни новизну, то, без чего она обречена быть всегда лишь существованием.

Разные житейские мелочи, которые в нормальных условиях даже не замечаются, после того, как обрушиваются на человека подобные напасти, делаются вдруг для него великими радостями. У человека появляется множество новых возможностей быть счастливым, на удивление мало требуется ему отныне для счастья. Мудрый Достоевский не зря утверждал: «Человеку для счастья необходимо и несчастье. И много-много». Весь ужас скуки в том и состоит, что от нее ни счастья, ни несчастья — *ничего* !

Со скукой боролись как могли. Разъезжали по гостям, выдумывали развлечения. «Санкт-Петербургские ведомости» за 10 января 1800 года сообщали: «В пансионе А. Вицмана, в Поповом доме под № 151, подле Синяго мосту, продается новая книжка под заглавием: «Золотая книжка или собрание новых, доказанных, легких, редких и любопытных хозяйственных опытов и искусственных действий к пользе и удовольствию каждого, часть четвертая и последняя, с гравированною фигурою, показующая: ...4) Легкий и удобный способ смотреть вдруг в разные книги и бумаги без того, чтобы кто-либо подавал оные. 5) Чтоб мертвое тело не сотлело до скончания века... 21) Как можно носить в руках горячее уголье и не ожечь рук... 29) Любопытное средство плодить вшей... 92) Уведомить кого о каком тайном деле посредством игры карт... 101) Сделать, чтоб все люди в компании казались с собачьими головами. 102) Лоскуток бу-

маги в палец в длину и в три четверти пальца в ширину сделать столь большим, чтоб в прорезанную дыру верховой ездой с лошадыю проехать мог... 133) Представить людей в безобразном виде. 134) Кто желает увидеть лицо свое с тремя носами и шестью глазами... 145) В какое время года должно жениться...»

Аракчеев пережил в своей жизни немало горестных минут — знал он и болезни, и материальную нужду, и людскую ненависть, и обиды, но скуки не знал никогда. Даже в отставке.

С той же самой энергией, с тем же усердием и ретивостью, с какими вел Алексей Андреевич свои служебные дела, вершил он и дела своей вотчины, не позволяя скучать никому из проживавших в ее пределах, и в первую очередь самому себе.

По описаниям, содержащимся в документах Грузинской вотчины¹, можно сделать вывод, что Аракчееву достался во владение весьма благодатный уголок. Помимо села Грузино, в состав ее входили также село Оскуя и девятнадцать деревень. Вот как характеризовалась вся местность в бумагах 1796 года: «Лежат селы: Грузино — на правом берегу реки Волхова и озере Кунинском, а Оскуя — по обе стороны реки Оскуи; церковь деревянная Рождества Богоматери; деревни ж некоторые при реках, а другие при суходоле и при большой дороге из Новгорода в Тихвин. Те реки: Волхов, в самое жаркое летнее время глубиною четыре сажени, шириною сто пятьдесят сажень; Выя, глубиною в одну, шириною в две сажени; Оскуя, глубиною в два аршина с половиною, шириною тридцать сажень. В озерах, реках и речках ловится рыба: щуки, окуни, плотва, судаки, язи, лещи, сомы, осетры, налимы, шерешперы, сиги, которою довольствуются реченых деревень крестьяне на себя и на продажу. Жители водою довольствуются из вырытых колодезей, из рек и речек; вода для употребления людям и скоту здорова. По реке ж Волхову имеется судовой ход. Грунт сыроглинистой, к плодородию способной». В лесу, окружавшем села и деревни Грузинской вотчины, водились, согласно описанию, «олени, дикие козы, рыси, медведи, волки, зайцы, лисицы», а также множество различных птиц. Выгоды географического положения села Грузина заключались не только в том, что оно лежало на берегу судоходной реки, но и в недалеком расстоянии от Новгорода и Петербурга.

¹ «Разные бумаги, относящиеся до приема Грузинской вотчины, всемиловейше пожалованной в 1796 году генералу от артиллерии графу Алексею Андреевичу Аракчееву» (РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 183. Л. 33).

Название «Грузино» произошло от названия холма, на котором первоначально располагалось это селение. Согласно преданию, на этом месте побывал во время своих странствий святой апостол Андрей Первозванный, который водрузил на холме свой посох и предсказал, что здесь когда-нибудь появится селение. И оно действительно появилось. Те, кто поселился в нем, дали ему название «Друзино» — от слова «водрузить»; впоследствии «Друзино» превратилось в «Грузино».

В старые времена земли Грузинской вотчины принадлежали основанному в XIV веке Воскресенскому Деревяницкому монастырю. В XVI веке на этих землях уже существовало селение. Оно упоминается в Писцовой книге Вотской пятины погоста святого Андрея Грузинского. В 1611 году селение сгорело, но к концу XVII века возродилось. В 1705 году Петр I отобрал земли, на которых располагалось Грузино, у Воскресенского Деревяницкого монастыря и подарил своему любимцу Александру Даниловичу Меншикову. Осенью 1724 года в гостях у светлейшего князя в его имении Грузино побывал Петр I, ехавший в Старую Руссу.

Садовником в Грузинском имении Меншикова был крестьянин Исаак Константинов. Он родился, как утверждает в ряде источников, в 1681 году и оказался долгожителем. Граф Аракчеев застал его в живых и успел с ним наговориться о старине. По рассказам Исаака Константинова, Меншиков был крутым помещиком, людям своим внушал большой страх, наказывал за малейшую провинность и страсть как любил порядок. Умер крестьянин-долгожитель в 1806 году. Алексей Андреевич поставил ему памятник в своем саду.

Падение Меншикова в сентябре 1727 года возвратило Грузино Воскресенскому монастырю, но ненадолго. В 1731 году Грузинские земли были снова отняты у монастыря, и на сей раз окончательно. Вплоть до передачи во владение Аракчееву они находились в управлении экономического ведомства, а крестьяне состояли на казенном оброке.

Прежде Аракчеева на Грузино обратил свое внимание Н. П. Архаров, назначенный императором Павлом 27 ноября 1796 года Санкт-Петербургским военным губернатором. Исполняя с 1784 года должность Новгородского и Тверского генерал-губернатора, а с 1790 года — главного директора водяных коммуникаций, Николай Петрович имел возможность хорошо узнать все преимущества грузинской местности, ее природные богатства, выгоды географического положения и т. п. После того как Павел пожаловал Архарову

2000 душ крестьян, тот попросил его величество назначить их к отдаче в Грузине.

Как получилось, что Грузинская вотчина оказалась во владении Аракчеева, не вполне ясно. Историк В. Ф. Ратч представлял это следующим образом: «Когда государь предложил ему выбор именья, Аракчеев указал на Грузинскую власть (волость. — В. Т.) в Новгородской губернии.

— Не ошибся ли ты? — спросил его император.

— Я слышал, что ее хочет просить Архаров, — был ответ Аракчеева.

— В таком случае ты внакладе не будешь, — возразил, улыбаясь, государь».

Существует, однако, и другая версия. Согласно ей Аракчеев на Павлов вопрос, где он выбирает себе имение, ответил, что «очень благодарен императору за его милости и примет там, где ему угодно будет назначить». Павел тогда заявил, что он говорит вздор, и прибавил: «Впрочем, Архаров выбрал Грузино, а он промаху не даст; возьми ты себе Грузино, а он пусть поищет в другом месте»¹. Алексей Андреевич выглядит в этой последней версии скромнее, и ответ его более согласуется со всем тем, что известно нам о стиле его поведения во взаимоотношениях с государями императорами.

Внешним своим видом деревни Грузинской вотчины мало чем отличались от обычных российских селений. Тот же патриархальный быт, что и везде. Те же избы и пристройки, те же скрипучие ворота и широкие дворы, такие же, как и повсюду в России, неухоженные улицы и дороги.

Вступив во владение Грузинской вотчиной, граф Аракчеев решительно взялся за переустройство крестьянского быта. Все в Грузино и в окрестностях его пришло в движение — стало одной большой стройкой. Старые дороги начали приводиться в порядок. Там, где требовалось, прокладывали новые. Неказистые избы и пристройки к ним по распоряжению Аракчеева сносились — вместо них возводились новые. Графу не понравилось местоположение целого ряда деревень — они разбирались и в полном составе переносились на другое место.

Алексей Андреевич был в этой перестройке и заказчиком, и приказчиком. Разработку проекта своей усадьбы он заказал архитек-

¹ Данная версия приводится в небольшой заметке неизвестного автора, обнаруженной мною в фонде Барскова в НИОР РГБ (Фонд 16. К. 25. Ед. хр. 10. Л. 41).

тору Ф. И. Демерцову. Позднее, когда граф замыслит в Грузии более грандиозное строительство, он наймет для разработки проектов нескольких профессиональных архитекторов и обучит архитектуре некоторых своих крепостных.

Возведенные дома выходили как на картинке — просторные, чистые, на каменном фундаменте, с каменным крыльцом, без сараев и навесов, по аракчеевскому мнению, только портящих внешний вид. Ставились вдоль дорог ровными шеренгами, на строго одинаковом расстоянии один от другого. Раскрашивались в одинаковые цвета. У домов пролагались дорожки, ровные, аккуратные. Поскольку появилась нужда в несметном количестве кирпичей, новый владелец Грузино открыл собственные кирпичные заводы.

Берега Волхова, покрытые густым лесом, Аракчеев приказал очистить. По окончании уборки урожая, дождливой осенью, крестьян сгоняли на рубку деревьев. Лес рубили и в других местах — там, где граф пожелал расширить покосы или пашни. Но наряду с этим по распоряжению Аракчеева сажали и много новых деревьев — вдоль дорог, у домов, вокруг прудов.

Привыкший во время жизни в родительском доме к чистоте и порядку, он потом везде, где бы ни приходилось ему проживать, старался устраивать себе быт в соответствии с этой своей привычкой. Покосившиеся дома, захламленное, заросшее бурьяном пространство между ними, безобразные дороги, по которым после дождей ни проехать, ни пройти, — все это претило самой его натуре. Отсюда и проистекал тот азарт, с которым граф взялся за переделку своего имения.

По словам историка Н. Г. Богословского, Аракчеев перестраивал деревни «без всякого соображения в отношении к хозяйству крестьян, но для вида, чтоб все было симметрично, прямо и гладко»¹. Думается, подобное мнение, разделявшееся и другими историками, а также высказанное некоторыми современниками Аракчеева, не вполне согласуется с фактами. Если владелец Грузинской вотчины не уделял крестьянским хозяйствам никакого внимания, то отчего же тогда росла их доходность? Из сохранившихся документов видно, что в 1797 году Аракчеев собирал со своих крестьян: за первую половину года — по 4 руб. 60 коп. с души (с 2000 душ крестьян им было собрано 9200 руб.), за вторую половину — по 4 руб. 75 коп. (с 1993 душ было получено 9500 руб.). Спустя двадцать лет Алек-

¹ Богословский Н. Г. Аракчеевщина. СПб., 1882. С. 10.

сей Андреевич будет собирать по 18 руб. с души, а численность крестьян, уплачивающих оброк, возрастет до 2368 человек. Но оброком доход с Грузинской вотчины не ограничивался — к нему добавлялись, в частности, поступления от крестьян-торговцев по 2500 руб. с души, от продажи сена, дров, домашней птицы, ягод и фруктов из графского сада и т. п.

О доходности хозяйства своих крестьян Аракчеев заботился не меньше, чем о внешнем облике деревень. Однако увеличивать ее он с самого начала стремился не только путем повышения заинтересованности крестьян в своем труде, то есть путем улучшения их быта, но и посредством усиления надзора за ними. Перенос деревень с прежних мест на новые, установка домов прямой линией вдоль проездных дорог, сама конструкция крестьянских домов без пристроек, разработанная графом, — все это казалось лишенным какого-либо хозяйственного смысла, а смысл на самом деле здесь был: крестьянское хозяйство становилось удобным для надзора за ним. Проезжая по территории своей вотчины, Аракчеев мог видеть, чем занимался каждый крестьянин, как он трудился, как содержал свой дом, свое хозяйство. Не случайно Алексей Андреевич такое большое внимание уделял дорогам, которыми буквально изрезал земли Грузинской вотчины. Дорогами были насквозь пронизаны не только селения, но и поля, где крестьяне работали.

В центре своей вотчины — в деревне Любуни, на пригорке, Аракчеев приказал построить высокую башню, увенчанную большим позолоченным яблоком. Это яблоко было видно издали, но и граф, забираясь в башню, далеко видел, особенно через артиллерийскую подзорную трубу, которую он неизменно брал с собою, когда ехал осматривать имение. Садился в свою обсерваторию под яблоком, пил чай и поглядывал по окрестностям. Впоследствии он на этой башне соорудил какое-то устройство типа эоловой арфы. Крестьяне, проезжая мимо вечером или ночью, слышали странные звуки и крепнулись от страха.

Необычное устройство, которое Аракчеев придавал своим деревням, призвано было внушать их жителям ощущение полнейшей незащитности перед хозяином, мысль о невозможности что-либо утаить от его всепроникающего взора.

Лично для себя Аракчеев сразу же по вступлении во владение вотчиной распорядился поставить в Грузии деревянный дом в два этажа — почти дворец. Он был построен еще в 1799 году. В 1800 году к нему добавилось шесть деревянных флигелей. При входе в аракче-

евский дом над крыльцом была вывешена надпись: «Сей дом мал, да покое». Впоследствии и другие помещики — соседи Аракчеева — обзаведутся такой же надписью.

Прислугу свою Алексей Андреевич облачил в ливрейную одежду. Из документов Грузинской вотчины видно, что первая партия такой одежды была заказана им в 1798 году.

Во время отставки Аракчеев завел в Грузии оркестр музыкантов и хор певчих — купил музыкальные инструменты, истратив довольно солидную сумму денег (одно фортепиано обошлось ему в 200 рублей ассигнациями), нанял капельмейстеров для обучения дворовых игре на них. И музыканты, и певчие подбирались из дворовых, обладавших музыкальными способностями. Граф организовал их обучение с помощью профессиональных учителей музыки и пения, которые были наняты за годовую плату в 300 рублей. Хор по велению графа обучался петь русские песни и старинные романсы, такие, как «Батюшка у ворот стоит», «Веселяся в чистом поле», «Выше всех и веселей», «Любить не перестану», «Полюбя тебя смущаюсь» и др.

Сам граф, пребывая в Грузии, одевался скромно, но аккуратно. Даже во время правления Александра I, когда введенные Павлом образцы одежды были отменены и установилась полная свобода выбора одеяния, Алексей Андреевич не изменял павловским модам: носил камзол старого покроя, волосы подбирал в небольшой пучок на затылке. Высокий, худощавый, с холодными пронизательными глазами, с постоянно озабоченным выражением лица, с речью медленной и голосом гнусавым, он казался человеком не от мира сего.

В последующем работы по переустройству Грузинской вотчины приняли еще больший размах — по сути, они продолжались до самой кончины ее владельца. Аракчеев был неутомимым строителем. В рассматриваемое время он еще только начинал проявлять свои творческие способности в деле преобразования людского быта.

Но уже первые шаги Аракчеева по обустройству своей вотчины показали, какой неумоимой энергией обладал этот человек! Какая жажда деятельности жила в нем! Грузино было для него подлинным спасением. Не будь его, он, кажется, сгорел бы. Куда мог бы он, отправленный в отставку в расцвете сил, приложить себя — не будь Грузина? Командовать, надзирать, наводить где-либо порядок, что-либо перестраивать — сделалось за годы, проведенные им на службе в Гатчине и Санкт-Петербурге, первейшей потребностью его души. Эту потребность он сполна мог удовлетворять в своей Грузинской вотчине. Здесь ничто не мешало ему проявлять себя в полную меру

своих способностей. Быть может, именно поэтому так часто бросался Аракчеев заявлениями о своем уходе со службы. Конечно, во многом это была игра, но принимал он эту игру, надо признать, легко. И на службу, будучи отставленным от нее, особенно-то и не рвался.

Высочайший приказ императора Павла от 1 октября 1799 года Аракчеев воспринял как большое несчастье. Но не сам по себе факт увольнения от должностей расстроил его более всего, а печальная участь его брата Андрея.

«Сделавшись несчастным, сношу оное с прискорбием в полной мере тяжести онаго, — писал Алексей Андреевич великому князю Александру Павловичу 21 ноября 1799 года. — Но положение моего родного брата генерал-майора обременяет меня, ваше императорское высочество, и доводит до отчаяния, который через меня сделавшись ныне винным и будучи молодой человек, находится в праздности без службы. А как военным судом в покраже из арсенала караул и караульный офицер бывшего его батальона оправданы, то и припадаю слезно к стопам вашего императорского высочества, сделайте мне одну наивеличайшую вашу отеческую милость: исходатайствуйте ему у милосердного нашего государя императора прощение определением его опять в службу, дабы он, будучи молодой человек, мог заслужить и жертвовать своею жизнью за все милости к нашей фамилии. Вашего императорского высочества слово в милосердный час у государя императора может оную милость испросить, а не чье более. Я же оную милость вашего императорского высочества до конца жизни моей буду иметь незабвенною и, утешая себя надеждою получить милосердый ответ вашего императорского высочества, пребуду навек вернейшим верноподданным».

* * *

Не удайся заговор против Павла I, Аракчеев был бы, по всей вероятности, уже весной 1801 года возвращен на службу. Трудно поверить, что стоявший на краю гибели император вызвал прежнего своего любимца в Петербург только для того, чтобы поговорить с ним. Убийство Павла в ночь с 11 на 12 марта 1801 года и вступление на престол Александра продлило отставку Аракчеева еще на два года.

Его взаимоотношения с Александром позволяли ему надеяться, что его высочество, ставший его величеством, не замедлит вернуть

его на службу. Завет Павла «быть друзьями» оба они соблюдали свято и честно во время Павлова царствования.

Алексей и Александр дружили, но дружба между ними была непростой. Александр являлся наследником престола, будущим монархом, и это обстоятельство заставляло Аракчеева выказывать в отношениях с ним не столько преданность друга, сколько верность подданного. Алексей Андреевич неизменно подписывал свои послания к Александру словами «усердный», «наиусерднейший» или «наивернейший верноподданный» и часто обращался к нему так, будто тот был уже всамделишным монархом.

«Батюшка ваше императорское высочество, простите меня, если я смею беспокоить вас сим моим письмом. Я в нем больше ничего не имею, как только хочу слышать и знать о вашем дражайшем здоровье, ибо приверженность моя и усердие к вашему императорскому высочеству останется до конца моей жизни». Так обращался Аракчеев к Александру 2 марта 1797 года. Спустя пять дней, при отъезде из Петербурга в Москву на коронацию Павла: «Батюшка ваше императорское высочество, отъезжая отсюда сейчас, желаю и прошу Бога, чтоб даровал вам здоровья и чтобы скорее я вас мог увидеть. Вот одно мое желание, которого я больше и на свете не имею. Если я буду столь счастлив, что на дороге где-нибудь получу хотя одно слово, писанное вами, то я от радости и удовольствия, конечно, уже буду здоров во всю дорогу». 10 апреля 1797 года заболевший Аракчеев писал Александру из Москвы (на пути домой для излечения): «Приношу мою верноподданную благодарность вашему императорскому высочеству за воспоминание обо мне, оно есть мне первейшее утешение. Но о болезни моей доношу вашему императорскому высочеству, что она меня продержит долго и тем она мне несноснее, что я лишаюсь видеть вашего императорского высочества, но я счастлив и тем, что могу называться усердным верноподданным Алексей Аракчеев». К этому письму Алексей приписал просьбу: «Батюшка, у вас много следственных дел, решите и окончите судьбу страждущих». И на следующий день в новом письме (и все еще из Москвы) просил у Александра прощения за беспокойство: «Ваше императорское высочество, милость ваша ко мне есть одно мое величайшее лекарство, и я, чтоб видеть и быть у вашего высочества, то бежал бы сию минуту, но как я теперь не имею никакого дела, то и решился поличиться, чтоб избавиться от своего кашля, который мне очень досажает. Простите мне милостиво, что я вчера напомнил вашему высочеству о делах и был причиною вчерашнего вашего труда по-

сле сделанных уже дневных трудов, но милостивая вашего высочества душа, конечно, простит меня. Я счастливее всех на свете, ибо смею называться усердным верноподданным и преданным Алексеем Аракчеевым».

В мае 1797 года выздоровевший Аракчеев ездил инспектировать войска в Ковно и оттуда писал 22-го числа Александру: «Ныне же полученные дела я, батюшка, вскорости отделаю и доставлю уже к вашему высочеству прямо. Ах! Как бы мне приятно было, чтоб я чаще получал от вас таковые дела, тогда бы я был спокоен и видел, что бедный Алексей не забыт и в Литве... Ах! Если бы я мог летать всякий день в Павловское и делать то, что угодно моему батюшке Александру Павловичу». 27 мая он в Вильно, и отсюда следующая записка: «Не видя вашего высочества лично каждый день, желал бы хотя смотреть на портрет вашего высочества, который бы я почитал дороже всего на свете. Впрочем, прося о продолжении высочайшей вашего высочества милости, пребуду навеки усердным и первым верноподданным. Аракчеев».

9 июня 1797 года Алексей сообщал Александру из белорусского города Пружаны: «Шеколад, батюшка ваше высочество, получил и не имею сил за все ваши милости всеподданнейше благодарить, но несчастлив тем, что вы не изволили отписать о своем дражайшем здоровье. Впрочем, препоручая себя в милости вашего высочества и целуя ручки ваши, остаюсь навеки, называя себя смело и незазорно пред своею совестью вернейшим вашим подданным. Генерал-квартирмейстер и кавалер барон Аракчеев».

«Батюшка ваше императорское высочество! Где ваше слово, тут я жертвую жизнь», — клялся Алексей в письме Александру от 12 августа 1797 года.

В свою очередь цесаревич Александр в письмах и записках к Аракчееву¹ не устал уверять его в своей дружеской привязанности к нему.

«Ты мне крайне не достаешь, друг мой, и я жду с большим нетерпением той минуты, когда мы увидимся», — сообщал его высочество Аракчееву 6 июля 1797 года. «Друг мой Алексей Андреевич! — писал Александр Павлович 11 августа того же года. — Не хочу никак пропустить случая тебя поблагодарить за два письма, которые я с чув-

¹ Сохранилось 32 послания великого князя Александра к Алексею Аракчееву, написанных за время с 23 сентября 1796 г. до 12 декабря 1799 г. Почти все они опубликованы. См.: Русская старина. 1903. № 6. С. 503–525.

ствительным удовольствием получил, и тебя уверить в искренней моей привязанности и дружбе». Немного позднее: «Друг мой Алексей Андреевич! Как я рад, что ты приехал. С отменным нетерпением жду ту минуту, в которую с тобой увижусь». Еще позднее: «Друг мой Алексей Андреевич! Что тебе сделалось? Отпиши мне подробнее о своем здоровье. Мне всегда грустно без тебя, и если бы не праздники, я бы к тебе заехал». Спустя еще некоторое время: «Друг мой Алексей Андреевич! Я пересказать тебе не могу, как я рад, что ты с нами будешь. Это будет для меня великое утешение и загладит некоторым образом печаль разлуки с женою, которую мне — признаюсь — жаль покинуть. Одно у меня беспокойство — это твое здоровье. Побереги себя ради меня».

Иногда во взаимоотношениях Аракчеева с наследником престола возникало некоторое недопонимание, но оно быстро объяснялось. «Друг мой, Алексей Андреевич! — писал Александр осенью 1797 года. — Чувствительно тебя благодарю за письмо, а особливо за твою доверенность, которая для меня весьма лестна; я надеюсь, что ты уверен в полной моей к тебе. Я божусь, что это наговорил каналья Ватковский, которому я подобного не видывал. Одно мне неприятно было в письме твоём; это то, что ты боишься наскутить мне своими письмами. Ты, я думаю, довольно должен быть уверен, сколько они мне приятны. Итак, я всегда тебе буду благодарен, когда в свободный час ты мне что-нибудь напишешь».

После этого случая великому князю еще не раз придется уверять мнительного Аракчеева в беспочвенности его подозрений. «Друг мой Алексей Андреевич! — обращался Александр к нему 31 августа 1799 года. — Искренно тебя благодарю за письмо твое и за поздравление¹, и если что одно могло меня беспокоить, то, конечно, сомнение, которое ты имеешь обо мне и которого я никогда не заслуживал моею привязанностию к тебе».

Впоследствии Алексей Андреевич будет рассказывать И. Р. Мартову о том, что благодетель его — Павел I — пытался однажды возложить на него обязанность следить за поведением и разговорами Александра и регулярно доносить ему, императору, обо всем сделанном и сказанном цесаревичем. В ответ на это поручение Павла Аракчеев якобы твердо заявил ему, что неспособен на подобные дела и не желает быть орудием несогласия между отцом и сыном. Данный поступок находится в полном соответствии с натурой Аракчеева. Он

¹ 30 августа Александр праздновал именины.

был слишком прям характером, чтобы сколь-нибудь успешно играть роль, которую хотел возложить на него император. Но самое главное, Алексей Андреевич был достаточно умен, чтобы понять: опираться в своей карьере на одного Павла — значит подвергать себя слишком большому риску.

Конечно, Аракчеев многого мог ожидать от Александра в будущем, но и в настоящем имел он от цесаревича немало пользы. Его высочество был полезен ему, в частности, как надежный ходатай за него перед императором Павлом. «Прилагаю у сего письмо к государю императору, которое, конечно же, ваше высочество, по своей милости изволите подать, избрав хороший (случай), и видя всякую минуту вашего высочества ко мне милости, осмелился просить вас приказать дать мне знать, каково изволит принять мои бумаги государю император и который мой ответ изволите подать», — писал Аракчеев Александру в письме от 9 июня 1797 года. «Ответ твой и письмо на артиллерийские бумаги очень полюбились государю, и по оным посланы повеления к Мелиссино. Я ему отдал долгий ответ и короткого не показывал», — отвечал Александр 6 июля 1797 года. Роль, которую играл великий князь для Аракчеева, проступает в приведенных словах их переписки достаточно отчетливо.

С просьбами подать письмо императору Павлу в подходящий момент, сообщить о его реакции на него или просто о его настроении в то или иное время Алексей Андреевич обращался к Александру Павловичу регулярно. «Я послал к императору письмо, не изволите ли узнать, как оно будет принято», — писал он 27 мая 1797 года. Павел только что выказал в очередной раз полную доверенность к Аракчееву — послал его инспектировать войска, расположенные в Западных губерниях. А в прошлом месяце щедро облагодетельствовал: пожаловал звание барона и назначил генерал-квартирмейстером всей армии. Но Алексей Андреевич все равно был начеку — бдительно следил чуть ли не за каждым шагом своего государя, старался узнавать о всякой перемене в его настроениях, особенно той, что касалась лично его, Аракчеева. Александр охотно помогал Аракчееву в этом: сообщал ему сведения, в которых тот нуждался. В свою очередь Алексей Андреевич знакомил наследника престола с содержанием своих разговоров с наиболее влиятельными сановниками империи, с текстами записок и писем, которые получал от них. «Ваше императорское высочество! Вам известно, как я предан вашему высочеству, то и осмеливаюсь полученное письмо от г. генерал-адъютанта приложить к вашему высочеству», — писал

Аракчеев Александру 11 апреля 1797 года. В этом же послании читаем: «Письмо, батюшка, Растопчина прикажите возвратить обратно ко мне».

«Приезд мой в Павловск зависит от приказания вашего высочества, — обращался Алексей Андреевич к цесаревичу 6 августа того же года. — Что я получил вчера с нарочным фельдъегерем, то прилагаю копию».

Император Павел обыкновенно не отказывал своим сановникам в просьбах о предоставлении им каких-либо материальных благ, но при этом те, кто обращался к его величеству с подобными просьбами, рисковали навсегда потерять его уважение. Аракчеев знал об этом и еще в Гатчине взял за правило ничего материального у своего августейшего патрона не просить. Между тем, проживая с самого переезда своего в столицу в предоставленной ему Павлом квартире Зимнего дворца, Алексей Андреевич имел нужду в собственном доме, где бы мог поселить свою прислугу и устроить конюшню. Просто купить такой дом он считал для себя обременительным, а просить в дар у государя не решался. Но в июле 1797 года подвернулся уж очень выгодный вариант. На Миллионной улице, у Мойки, снесли несколько старых домов с тем, чтобы на освободившемся месте построить экзерциргауз (помещение для военных упражнений). От снесенных домов целехонькими остались флигели, которые, если сделать в них ремонт, вполне бы годились для проживания. Узнав про бесхозные флигели, Аракчеев тут же загорелся желанием заполучить их в свою собственность. Однако чтобы удовлетворить данное желание, Алексей Андреевич должен был сделать то, чего очень боялся, — обратиться к императору Павлу с просьбой о пожаловании ему названных строений. Как было выйти ему из этой ситуации? На выручку Аракчеву пришел Александр Павлович. «Осмелился принести к вашему императорскому высочеству мою просьбу, касающуюся уже именно до меня», — писал Аракчеев великому князю 19 июля 1797 года. Изложив суть дела, он продолжал: «Сделайте высочайшую милость, батюшка ваше императорское высочество, доложите государю императору, чтоб оные флигели мне пожалованы были, они хотя теперь и переломаны, но я, употребля на поправку их тысяч шесть, буду иметь у себя уже маленький собственный дом. Ваша милосердная душа, конечно, мне исходатайствует от государя императора оную милость, ибо кроме вашего императорского высочества, я никого не имею». В результате Аракчеев получил от Павла то, что хотел, и при этом сохранил его благорасположение к себе.

Спустя два года газета «Санкт-Петербургские Ведомости» в номере за 8 июля 1799 года объявляла о продаже генерал-лейтенантом Аракчеевым «углового дома у Мойки, подле экзерциргауза»¹.

Прибегая к услугам наследника престола тогда, когда ему хотелось что-либо иметь от Павла — материальные блага или, что было чаще, просто доброе расположение, — Аракчеев в свою очередь также помогал Александру выглядеть в глазах императора в более выгодном свете. Павел был страстно увлечен парадами. Удачно выполненные строевые приемы, красивая выправка солдат и офицеров и т. п. делали его величество по-настоящему счастливым на целые сутки, а то и на двое. Но, с другой стороны, стоило кому-либо совершить на параде ошибку, как император приходил в неопиcуемый гнев. На головы командиров, чьи подчиненные показывали слабую строевую подготовку или выправку, обрушивались всяческие оскорбления.

Александр, командовавший батальоном лейб-гвардии Семеновского полка, очень боялся попасть на язык разгневанного императора. Вместе с тем великий князь и сам, полюбив парады, пусть и не так страстно, как его отец, искренно огорчался всякий раз, когда вверенные ему войска маршировали недостаточно красиво. Но чтобы получалось красиво, надо было много муштровать. А муштра — это было царство Аракчеева, здесь он был царь и бог. И как было не воспользоваться его услугами молодому, неопытному командиру, каковым являлся великий князь Александр?

Обращения наследника престола к Аракчееву временами походили на мольбы о помощи. «Прости мне, друг мой, что я тебя беспокою, но я молод, и мне нужны весьма еще советы, итак я надеюсь, что ты ими меня не оставишь». «Прощай, друг мой! Не забывай старых друзей. Но смотри, ради Бога, за Семеновскими». «Теперь, друг мой, у меня есть просьба до тебя. Пожалуй, пиши ко мне, каковы бывают мои разводы и ученья и в чем ошибки и неисправности состоят? Я слышал, что Голицын не умел сделать каре. Я об оном уже писал Корсакову, чтобы впредь сего не случилось. Отпиши мне о сем приключении и пожалуй впредь муштруй их хоро-

¹ Вот текст этого объявления: «1-й административной части в 1-м квартале подле экзерциргауза на Зимний канал и на Мойку продается генерал-лейтенанта графа Аракчеева угловой каменной под № 46 дом, о цене которого узнать можно у живущего подле онаго дому прапорщика Бородулина».

шенько в ученьях, чем ты крайне обяжешь того, который на весь век свой останется твоим истинным другом и который желает нетерпеливо, чтобы ты приехал в Павловское». «...Еще я могу тебе попреку сделать в том, что ты не отвечал на мой вопрос касательно до ошибки в строении каре. Я признаюсь тебе, что похвала, которую ты делаешь о моем полку, походит немного на критику. Итак, по дружбе, прошу тебя, объясни мне подробнее о недостатках и неисправностях. Завтра у нас маневр. Бог знает, как пойдет?.. Ты говоришь, друг мой, что от меня зависит приезд твой в Павловское. Если так, то приезжай неотменно как можно скорее. Пребываю навек тебе верным другом».

Занятия Аракчеева с вверенными Александру гвардейцами-семеновцами приносили свои плоды. Алексей Андреевич спешил сообщить об их успехах цесаревичу. «А в отставку уже, батюшка, я за вас пойду, — заявлял он его высочеству в письме от 11 августа 1797 года, — ибо вам нельзя, потому что Семеновский полк очень хорош и как вчера учился ваш батальон, то я никогда и ничего лучше не видывал, а что сегодня будет, то об этом завтра узнаете... Ну уж батальон ваш на славу прекрасен. Я, батюшка, замучился с артиллериею, ибо очень дурно и худо идет. Более ничего не имею, как только целуя ваши обе ручки, остаюсь на всю жизнь вернейший ваш верноподданный барон Аракчеев».

После того, как 18 марта 1798 года Аракчеев был по причине своей болезни отставлен императором Павлом от службы, великий князь Александр какое-то время не писал ему писем. Алексей Андреевич в это время поправлял свое здоровье в доме своей матери в Курганах. 7 мая Александр, пребывавший на Валдае, обратился к нему с посланием, в котором повинулся в этом своем молчании: «Любезный друг, Алексей Андреевич! Подъезжая к Вышнему Волочку, душевно бы желал тебя увидеть и сказать тебе изустно, что я такой же тебе верный друг, как и прежде. Признаюсь, однако же, что я виноват пред тобою и что давно к тебе не писал; но ей Богу от того произошло, что я не имел минуты для себя времени, и я надеюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы мог усомниться на минуту обо мне. Если же ты сие сделал, то по чести согрешил и крайне меня обидел, но я надеюсь, что сего не было. Прощай, друг мой! Не забудь меня и пиши ко мне: чем ты меня крайне одолжишь. Так же поболее смотри за своим здоровьем, которое, я надеюсь, поправится, по крайней мере желаю онаго от всего сердца и остаюсь навек твой верный друг Александр».

* * *

Удаление Аракчеева со службы, объявленное высочайшим приказом 1 октября 1799 года, лишило его связь с наследником престола прежнего делового содержания. Во всяком случае, сохранение дружеских уз отныне давало явную выгоду только одной стороне — изгнаннику. Алексей Андреевич мог получить от Александра Павловича определенное содействие при возвращении на службу. Но какую выгоду имел от опального генерал-лейтенанта наследник престола? Чем мог быть полезен ему новгородский помещик? Казалось, дружбе Аракчеева с Александром должен был 1 октября прийти конец. Но произошло обратное. Александр не порвал с Аракчевым после его позорной отставки, а постарался убедить Алексея Андреевича в том, что относится к нему по-прежнему. «Я надеюсь, друг мой, — писал наследник престола из Гатчины в Грузино 15 октября 1799 года, — что мне нужды нет при сем несчастном случае возобновить уверение о моей непрестанной дружбе; ты имеешь довольно опытов об оной, и я уверен, что ты об ней и не сомневаешься. Поверь, что она никогда не переменится».

Александр часто говорил пустые, ничего не значащие слова, но в данном случае уверения его были, как показали дальнейшие события, вполне искренними. Он сохранял дружбу с опальным Аракчевым до конца правления Павла и не переменился в отношениях с ним после того, как стал императором.

По записям, содержащимся в камер-фурьерском журнале, видно, что Аракчеев многократно посещал Петербург и Александра в первые два года его царствования. Если в 1801 году его величество приглашал своего незадачливого друга отобедать с ним лишь однажды, то в 1802 году — уже восемь раз. В 1803 году Аракчеев обедал с императором сорок девять раз.

В 1802 году император Александр учредил «Комиссию для составления примерных новых штатов артиллерии». В нее не был приглашен тогдашний инспектор всей артиллерии и командир гвардейского артиллерийского батальона генерал-лейтенант А. И. Корсаков. Но пребывавшего в отставке генерал-лейтенанта Аракчеева его величество счел необходимым включить в ее состав. Алексей Андреевич присутствовал и в ряде лиц, подписавших проект, разработанный данной комиссией к весне 1803 года. И что любопытно, он был назван в этом списке «отставным генерал-лейтенантом графом Аракчевым».

Однако приглашая Аракчеева к себе и оказывая ему свое благо-расположение, молодой император целых два года после своего вос-шествия на престол не звал его на службу. Почему? Ответ на сей воп-рос невозможно найти в самом Александре, в дебрях его взаимоотно-шений с Аракчеевым. Факт приглашения Александром на обед того или иного сановника всегда служил явным признаком личного благорасположения его величества к нему. А число таких приглаше-ний довольно точно отражало степень данного благорасположения. В тех обстоятельствах, при которых Александр вступил на престол, он очень нуждался в таких людях, как Аракчеев. «Всего 23-х лет от роду, без опытности, без руководства, Александр очутился в среде губителей отца своего, которые рассчитывали управлять им, — пи-сала в своих мемуарах графиня Эделинг. — ...Он должен был скры-вать свои чувства от всех его окружающих. Нередко запирался он в отдаленном покое и там, предаваясь скорби, испускал глухие стоны, сопровождаемые потоками слез». С помощью Аракчеева мо-лодой император мог быстро поставить окружавших его сановников на подобающее им место. Аракчеев умел унижать и был в состоянии принизить кого угодно. И тем не менее Александр не воспользовался в трудной для себя ситуации услугами этого человека, а выбрал иной путь упрочения своей власти — более тонкий, более скрытый, более долгий.

Данный выбор был продиктован Александру прежде всего обжа-новкой, возникшей в русском обществе сразу после его восшествия на престол. «Вступление Александра I-го на престол России было всеобщим торжеством, — вспоминал очевидец мартовских 1801 года событий в Петербурге М. Леонтьев, — смело можно сказать, что ни один государь не видал при начале своего правлении такого вос-торга своего народа, каковой произведен был во всей столице одною мыслью, что император у него — Александр! Где бы ни являлся сей юный и прелестнейший государь, как бывал окружен тысячами вос-хищенного народа, кричавшего «ура!» и целовавшего даже лошадь царскую». Другой современник рассматриваемых событий Д. П. Ру-нич глядел на атмосферу первых месяцев Александрова правления более критическим взглядом: «Суровость Павла сменилась необу-зданною распушенностью. Либерализм обратился в моду. При всту-плении на престол Александр объявил о своем намерении царство-вать по примеру своей бабки Екатерины II. Только и было разгово-ров, что о манифесте, содержавшем эту пошлую и смешную фразу, да о красоте юного императора и свободе, которую жаждали».

Либерализм, обуявший столичное общество по восшествии на престол Александра, проявлялся буквально во всем: в одежде, ре-чах, поступках. Вынужденные во время правления Павла одеваться строго по правилам, установленным его величеством, петербургские жители, едва узнав, что Павел мертв, стали охотно носить одежду, прежде находившуюся под запретом, и вообще начали одеваться, кто как хотел, иногда даже демонстративно неряшливо. Повсюду с необыкновенной смелостью заговорили о пороках российского управления, о путях и способах их исправления.

В обстановке разгула либерализма новый император, сам до некоторой степени увлеченный им, должен был окружить себя либерально настроенными сановниками. Ближайшими соратниками взошедшего на престол Александра стали молодые аристократы, воспитанные на западноевропейских политических идеях: графы П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев и В. П. Кочубей, князь А. Чарторижский. Вместе с ними его величество составил так называемый «Негласный комитет», с тем чтобы подготовить и осуществить реформу государственного управления Российской империей. Комитет начал работать с 24 июня 1801 года, и деятельность его была особенно интенсивной в течение первых двух лет. Именно столько времени Александр I воздерживался от приглашения Аракчеева к себе на службу. Совпадение не могло быть случайным. Грубый в манерах, деспотичный характером, Аракчеев совершенно не вписывался в тогдашнее либеральное окружение Александра.

Репутация Аракчеева среди петербургских аристократов была такой, что Александр всегда считал для себя благоразумным скрывать истинный характер своих с ним взаимоотношений. «Наследник никогда не отзывался об Аракчееве с выгодной стороны», — писал Е. Ф. Фон-Брадке. Данное замечание вполне подтверждается фактами. Выше приводилось письмо Александра к Аракчееву от 15 октября 1799 года, в котором его высочество старался уверить графа, уволенного императором Павлом со службы, в своей непрестанной дружбе. Публичная реакция цесаревича на отставку Аракчеева была совсем иной. На следующий день после объявления высочайшего приказа о сей отставке Александр прибыл на плац, где проходили вахтпарады, раньше обычного. Подошел к генерал-майору П. А. Тучкову:

— А слышал ты об Аракчееве? И знаешь, кто вместо него назначен?

— Знаю, Ваше высочество, — Амбразанцев.

- Каков он?
- Он пожилой человек, может быть, не так знает фронтową часть, но говорят, добрый и честный человек.
- Ну, слава Богу! Эти назначения настоящая лотерея, могли бы попасть опять на такого мерзавца, как Аракчеев.

Подобные словечки в адрес Аракчеева Александр отпускал неоднократно, желая искоренить малейшие подозрения насчет дружбы с этим мрачным человеком. Он почему-то считал, что эта дружба порочит его августейшую особу в глазах общества.

Ужасные обстоятельства восшествия Александра на императорский трон сделали его болезненно чувствительным к общественному мнению о себе. Факт жестокой расправы над его отцом утаить не удалось ни от русского общества, ни от Европы. Убийцы императора Павла не стеснялись рассказывать о шокирующих деталях своего преступления. Молодой император находился в состоянии подавленности и растерянности.

В августе 1801 года к Александру в Санкт-Петербург приехал из Швейцарии Ф.-С. Лагарп¹. В беседах с бывшим своим наставником молодой император искал выход из неприятного для себя положения. Лагарп старался помочь своими советами, причем не только устными, но и письменными.

30 октября 1801 года швейцарец подал Александру I записку, в которой рекомендовал своему венценосному ученику предать суду «варваров, удушивших Императора, и их сообщников, которые были тому свидетелями и допустили это злодеяние». «Убийство Императора посреди его дворца, в кругу его семьи нельзя оставить безнаказанным, не поправ божественных и человеческих законов, не опорочив императорского сана». При этом Лагарп фактически называл Александра участником заговора против императора Павла. «Чтобы предупредить гибельные последствия, которые повлекли бы за собой соразмерное противодействие, — писал он, обращаясь к его величеству, — были необходимы быстрые и надежные средства. Те, что использовались в других странах, были несомненно применимы в положении Вашего отечества, и Ваши качества Наследника Престола, сына и гражданина вменяли Вам в обязанность прибегнуть к этим средствам. Это именно то, государь, чего Вы должны были же-

¹ Фредерик-Сезар де Лагарп (1754–1838) — швейцарский политический деятель и философ, сторонник идей Просвещения. В 1784–1795 гг. пребывал при дворе Екатерины II в качестве воспитателя великого князя Александра Павловича.

лать, и это также то, чего Вы действительно желали». Более того, Лагарп признавал Александра даже руководителем заговора, его движущей и направляющей силой. «Но люди, назначенные привести в исполнение этот законный план, злоупотребили Вашим доверием и не выполнили Ваши приказы», — внушал ему Лагарп. Далее швейцарец подсказывал своему ученику: «Виновны не только те, кто наносил удары Государю и заставил его испустить дух в муках длительной агонии; их соучастниками были и те, кто допустил это зверство, в то время как их долгом было обнажить шпаги против убийц и неукоснительно подчиниться полученным указаниям».

Лагарп так и не понял всей глубины несчастья, в которое провалился его ученик, взойдя на трон, обгаренный кровью своего отца. Александр не мог предать суду заговорщиков, совершивших убийство императора Павла, потому что среди тех, кто «допустил это зверство», он числил и себя!

Швейцарец же писал свою записку как будто для того, чтобы по-больнее уколоть своего нерадивого ученика, взошедшего на престол раньше положенного времени и совсем не так, как должно было бы это делать человеку, проникнутому идеей законности. В его записке почему-то оказалось очень много фраз, которые просто не могли не причинить Александру боль. «Я не хочу огорчать Ваше сердце пересказом подробностей, которые мне повторяли от Парижа до Санкт-Петербурга», — писал Лагарп. Начиная фразу выражением заботы о душевном состоянии Александра, швейцарец заканчивал ее словами, которые не могли не огорчить его величество. Не сам по себе «пересказ подробностей» убийства Павла I был в наивысшей степени огорчителен для молодого императора — он их и так знал, но тот факт, что данный пересказ повторяет вся Европа — от Парижа до Санкт-Петербурга! А слова записки: «недостаточно, чтобы Ваше Императорское Величество имело чистую совесть» — какое впечатление могли произвести они на Александра, которому после того, что произошло в спальне его отца-императора, как раз «чистой совести» и не хватало?!

Лагарп назвал в своей записке план насильственного свержения императора Павла «законным» и в то же время рекомендовал предать заговорщиков беспристрастному, основанному на законах суду. Неужели не понимал швейцарец, что все это звучало для Александра как насмешка?

Впрочем, помимо того, чтобы предать заговорщиков-убийц и их сообщников суду, Лагарп предлагал молодому императору и другое

решение — удалить их от своей августейшей особы. Но Александр I не смог решиться даже на такое, чисто моральное осуждение заговора. Удалены были только те, кто лично убивал императора Павла (И. М. Татаринов, В. М. Яшвиль, Я. Ф. Скарятин), а также П.-Л. Пален.

Среди других советов Лагарпа Александру I были все же такие, которые молодому императору показались полезными.

Пожалуй, ни один из самодержцев, когда-либо правивших в России, не боялся так уронить себя в глазах публики, как молодой Александр I. В первые месяцы царствования эта боязнь носила в нем почти панический характер. Оказавшись после своего восшествия на престол в центре всеобщего внимания, Александр помимо разных приятных ощущений, доставлявшихся таким положением, испытывал сильнейшее беспокойство. Его все время занимал вопрос, достаточно ли величественно он себя держит, не выглядит ли на людях этаким шутом, не смеются ли над ним.

В связи с этим Александр попросил Лагарпа понаблюдать за ним со стороны и высказать свое мнение.

Швейцарец исполнил просьбу молодого российского императора предельно добросовестно: поглазел на него из толпы на площади, посмотрел за тем, как ведет он себя во дворце в общении с сановниками, как держится в салонах во время развлекательных бесед, и сделал вывод, что Александр роль монарха в целом исполняет хорошо, но допускает при этом некоторые ошибки. «Вы вошли в залу немного робко, — объяснял Лагарп молодому самодержцу его первый промах, — хвалю ваше сердце: скромность как нельзя более к лицу юности, но государь должен иметь вид более уверенный; чистая совесть и искреннее желание блага России — вот что дает вам право смотреть прямо и смело на все окружающее».

«Вы обошли собрание несколько поспешно», — указывал учитель на второй промах Александра. «Вы весьма хорошо сделали, обратившись с приветом к лицам, почтенным по своим заслугам, но некоторых из них вы не удостоили ласковым словом», — сообщал Лагарп о третьем промахе своего августейшего ученика. «Мне кажется, наконец, — звучал четвертый Лагарпов совет Александру, — что, являясь вместе с императрицею, Вы облегчили бы себе труд торжественного приема, не говоря уже о том, что это произвело бы отрадное впечатление на всех, искренно вас любящих. Где бы Вы ни были, в обществе ли, среди народа или в кругу лиц, которым верили Вы отдельные отрасли управления, держите себя по-царски: я вовсе не слепой

поклонник этикета, но глава народа должен, употребляя живописное выражение Демосфена, облекаться в величие своей страны». Это были именно те советы, которые Александр и желал услышать. Зная их содержание, можно представить, насколько чувствителен был он в первое время по восшествии на престол ко всякого рода мелочам, от которых зависело его реноме, как заботился о том, чтобы выглядеть в глазах своего окружения подобающим царскому сану образом. Мог ли он, пребывая в таком состоянии, призвать к себе пользовавшегося дурной славой в столице генерала?

Сам Аракчеев, кажется, вполне понимал мотивы, по которым новый император оттягивал приглашение его на службу. Прожив в отставке почти три года, Алексей Андреевич вдруг серьезно забеспокоился о своей репутации в столичном обществе, заволновался отношением к нему прежних его сослуживцев. Эта перемена в настроениях отставного генерала Аракчеева хорошо проступает в его письме от 28 августа 1802 года бывшему подчиненному, а в указанное время шефу артиллерийского батальона в Риге Д. А. Булыгину: «Ваше превосходительство! Милостивый государь Дмитрий Александрович! Всевышнее существо, сотворившее нас, не всем нам определило равное счастье: одному оно дано в одной части, а в другой отнято, как и я, ваше превосходительство, получил в жизни своей очень много счастья; но любовь от подобных мне товарищей не дана: ибо во всю мою службу я всегда был не любим за требуемый мною по службе порядок. А как я имел удовольствие (иметь) вашего превосходительства ближе всех к себе под командою, то всегда думал, что я вам, милостивому государю, может быть нанес какое неудовольствие, почему я и не хотел вас беспокоить моими письмами. А как ныне вижу ясно хорошее ваше ко мне расположение, то и охотно всегда себе за честь буду поставлять вести мою переписку и, начиная оную, приношу мою благодарность за ваши дружеские письма, желая нельзя чаще оныя получать».

Грустные признания Аракчеева звучали так, будто их делал человек, оканчивающий свое житие на этом свете и желающий накануне перехода в мир иной заслужить прощение за свои грехи, помириться с людьми, которых когда-то обидел. Алексей Андреевич явно не предчувствовал, какая долгая чиновная жизнь ему предстоит, на какую высокую ступень в сановой иерархии он взойдет, какой огромной властью будет обладать и сколь много обид потерпит еще да и... причинит сам!

Глава седьмая

Инспектор артиллерии

12 марта 1803 года истек второй год правления Александра I. Аракчеев по-прежнему пребывал в отставке. Три с половиной года уже исполнял он единственную должность — хозяина Грузинской вотчины. Но в Петербурге произошли перемены. Испарился постепенно дух либерализма, определявший атмосферу «прекрасного начала» Александрова царствования. Новый император не вызывал уже у столичных жителей былого восторга. «Смирение, бережливость, снисходительность Александра наскучили людям, которые довольны ничем настоящим, и или выхваляют прошедшее, или теряются в мечтаниях и планах о будущем», — писал об этой перемене в настроениях петербургского общества Н. И. Греч.

Критические стрелы в адрес императора Александра пускались и в первые месяцы его правления, но спустя два года количество их заметно прибавилось и сделались они острее. В столице стали распространяться списки сатирических стихов и басен, где молодой государь подвергался всяческим насмешкам и даже издевкам. В одной из таких басен Александр изображался в виде глухого тетерева¹, который будучи выбран царем птиц, «не царствует, корпит над скопленной добычей», в то время как царство разоряется, исчезает честность, укореняются коварство и разврат. В заключение басни декларировался урок для птиц: в цари себе «не выбирать ни злых, ни глупых петухов».

К началу 1803 года Александр сумел удалить из столицы основных участников заговора против своего несчастного отца. С другой стороны, он позволил занять более влиятельное положение в сановой иерархии аристократам-либералам. В сентябре 1802 года был

¹ Александр I был глух на одно ухо.

издан манифест, объявлявший о создании в центральном управлении империей министерств вместо коллегий. Ближайший сподвижник Александра граф В. П. Кочубей стал министром внутренних дел, другой соратник-либерал его величества Н. Н. Новосильцев занял пост товарища министра юстиции. Граф П. А. Строганов сделался товарищем министра внутренних дел, князь А. Чарторижский был назначен товарищем министра иностранных дел. Некоторые современники впоследствии утверждали, что министерства были созданы императором Александром именно для того, чтобы его молодые друзья-либералы могли получить влиятельные должности.

Как бы то ни было, но к концу второго года правления императора Александра обстановка вокруг него решительно переменилась. Тогда-то и встал вопрос о возвращении на службу отставного генерал-лейтенанта Аракчеева.

В марте 1803 года Алексей Андреевич в очередной раз наведлся в Петербург¹. Немногим больше месяца спустя в Грузино доставили записку от императора: «Алексей Андреевич! Имея нужду видеться с вами, прошу вас приехать в Петербург»². Эта записка решила дальнейшую судьбу Аракчеева. Александр сперва пригласил его работать в «Воинской комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных», а 14 мая 1803 года принял в службу с назначением «инспектором всей артиллерии и командующим лейб-гвардии артиллерийского батальона».

Некоторые из современников восприняли это назначение как вполне закономерное. «Вот, наконец, и граф Аракчеев опять главою всей артиллерии. Дай Бог ему пожить и чтоб он не привел в ненависть и этого Государя, как покойника», — писал граф Ф. В. Ростопчин князю П. Д. Цицианову 3 июня 1803 года. Но большинство тогдашних сановников долго удивлялись такому повороту событий и не переставали ломать голову в поисках объяснения, почему император Александр возвратил на службу человека, которого Павел I с позором изгнал с должностей.

¹ В «Настольной книге» Аракчеева, хранящейся ныне в его личном фонде в РГВИА (Ф. 154. Оп. 1. Д. 273), есть такая запись: «1803 марта 23. Приехал я из Петербурга в Грузино».

² На прокладных белых листах принадлежавшей ему книги Святого Евангелия Алексей Андреевич отметил свой вызов в столицу следующей записью: «Апреля 27-го 1803 года получил именной указ от Императора Александра Павловича, чтобы быть графу Аракчееву в Петербурге из Грузина».

По мнению Е. Ф. Фон-Брадке, «человеколюбивая, кроткая душа монарха была слишком противоположна природе Аракчеева, чтобы можно было опасаться когда-либо сближения между ними; а между тем все-таки взяло верх соображение, что не следует оставлять без пользы такие замечательные дарования: ему была поручена артиллерия, находившаяся в то время в плачевном состоянии, и он ее совершенно преобразовал и, по крайней мере, приравнял к артиллерии, существовавшей в то время в остальной Европе». Действительно, Аракчеев являлся в то время общепризнанным знатоком артиллерийского дела. Высоко ценил его как специалиста император Павел. Александр в бытность свою наследником престола часто обращался к Аракчееву за советами. «При сем препровождаю бумаги Мелисина, которые государь мне приказал к тебе отослать, чтобы ты по мнению своему ответы учинил, — писал Александр Аракчееву 1 июня 1797 года. — Я рад очень видеть, что я не один прибегаю к твоему мнению». Спустя месяц с небольшим его высочество сообщал, что ответы, которые Алексей Андреевич дал на бумаги тогдашнего инспектора по артиллерии в Петербурге и Москве генерала от артиллерии Мелиссино, Павлу очень понравились. На основании данных ответов изданы соответствующие повеления.

Глубокие знания в области артиллерии Аракчеев приобрел благодаря упорному труду и многочасовым занятиям со специальной литературой, которыми восполнял отсутствие боевого опыта. Еще во время своей преподавательской деятельности в кадетском корпусе он начал вести артиллерийские записки, составившие в конце концов довольно объемистую тетрадь. Им были переписаны в систематическом порядке все издававшиеся в разные времена уставные положения по русской артиллерии, подробно показаны размеры и устройство каждого вида орудий и лафетов, данные о стрельбе, а также официально установленные расходы на содержание артиллерии. Эти записки он продолжал вести и во время своей службы в Гатчине. Одновременно с изучением отечественной артиллерии Аракчеев знакомился с артиллерией иностранных государств, воевавших с Россией. Так, в бытность свою старшим адъютантом у Мелиссино он сумел по отнятым у турок орудиям составить атлас турецкой артиллерии. Автор изданного в 1896 году в Петербурге объемного труда «История гвардейской артиллерии» П. Потоцкий следующим образом писал об Аракчееве: «В кампаниях он не участвовал, следовательно, и служебную свою деятельность не мог приобрести критического взгляда на выгоды и недостатки нашего

оружия в боевом отношении; но рано уже находим мы в нем направление будущего великого администратора и устроителя русской артиллерии». Император Александр эти способности Аракчеева в силу частого с ним общения в годы царствования Павла I знал, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой.

С начала 1803 года взаимоотношения европейских держав, в первую очередь Англии и Франции, складывались таким образом, что любому мало-мальски думающему политику становилось ясно: грядет война. И Россия не останется в стороне от нее. Именно поэтому Александр I обратил свое внимание на состояние русской армии. Наполеон, как известно, придавал артиллерии огромное значение в боевых действиях и усиленно ее развивал. Надлежало и российскому императору позаботиться о совершенствовании своей артиллерии. В этих условиях возвращение Аракчеева на службу и в самом деле могло диктоваться соображением, что «не следует оставлять без пользы его замечательные дарования». Обширные познания Аракчеева в области артиллерии, его организаторский талант делали его наиболее подходящей фигурой на должность инспектора русской артиллерии в период, когда необходимо было усиленно готовиться к войне.

Занимавший в то время данный пост генерал от артиллерии А. И. Корсаков оказался весьма пассивным руководителем. Вследствие своего слабого характера или обыкновенной лени он не предпринимал необходимых действий для того, чтобы нововведения, выдержавшие успешную проверку на практике и усвоенные офицерами гвардейского артиллерийского батальона, применялись во всей русской артиллерии.

Алексей Андреевич был руководителем совершенно другого рода. Он был способен осуществлять на практике самые смелые, самые решительные преобразования.

Став инспектором всей артиллерии, Аракчеев энергично взялся за дело. В результате работы «Комиссии для составления примерных новых штатов артиллерии» была установлена новая организация артиллерии, новые штаты, новые положения. Вводить все это в войска и выпало на долю нового инспектора артиллерии, участника данной комиссии¹. Административные способности Аракчеева и прежде

¹ Включение Александром I в состав названной комиссии отставного генерал-лейтенанта Аракчеева является косвенным свидетельством того, что его назна-

всего его умение добиваться исполнения своих приказов проявились сполна с первых шагов его на этом поприще.

Аракчеев начал с того, что упростил процедуру оформления документов, ускорил их прохождение по инстанциям. С этой целью он создал при своей персоне собственную канцелярию, которую так и назвал: «Канцелярия инспектора всей артиллерии», возложив на нее задачу давать необходимые справки «без переписок и наблюдения канцелярских обрядов, ибо от сего может произойти одно только промедление в производстве дел». Желая получать сведения о состоянии боевых артиллерийских подразделений насколько возможно быстрее, Аракчеев объявил, что «если от которой-либо команды сведений получено не будет или, хотя и получатся, да уже гораздо позже назначенного срока, в таком случае посланы будут особые *курьеры на счет командиров* для отображения ответов».

Приняв под свое командование гвардейский артиллерийский батальон¹, Аракчеев изменил существовавшую до него расстановку штабных и старших офицеров по должностям. Текст составленного графом 27 июля 1803 года нового «рописания» офицеров по должностям сохранился, и из него видно, что в гвардейском артиллерийском батальоне проходил в то время службу младший брат нового его командира поручик Петр Андреевич Аракчеев. Он был записан в конную роту полковника Костенецкого на должность батальонного адъютанта². До того как граф Аракчеев принял батальон, В. Г. Костенецкий командовал ротой его высочества Михаила Павловича. И именно Алексей Андреевич переместил его на командование самым низким по своему статусу подразделением в батальоне — конной ротой. Напомню, что это был тот самый Костенецкий, который

чение на пост инспектора всей русской артиллерии император предполагал еще в 1802 г.

¹ Должность *командира* гвардейского артиллерийского батальона была уподоблена в 1803 г. по своему значению должности его *шефа*. Поэтому назначенный на должность командира батальона генерал-лейтенант Аракчеев осуществлял общее руководство им, фактическое же командование батальоном было передано генерал-майору И. Ф. Касперскому.

² В тексте «Рописания» его должность обозначена сокращенно «инсп. ад.». Через две фамилии от поручика Аракчеева записан «подп. Ваксель». Кто он — трудно сказать, но вполне возможно, что подпоручик Ваксель, оказавшийся под командой Аракчеева, являлся племянником прежнего командира батальона А. И. Корсакова и братом Авдотьи Савельевны Ваксель, на которой Алексей Андреевич несколько лет назад хотел жениться, но не сумел.

когда-то учился вместе с Алексеем Аракчеевым в кадетском корпусе и неоднократно издевался над ним.

А. Х. Эйлер, имевший в рассматриваемое время чин штабс-капитана и занимавший должность командира одной из рот гвардейского артиллерийского батальона¹, вспоминал в своих записках: «Мая 3-го праздновали столетие С.-Петербурга: город, Летний сад и большое число судов на Неве были иллюминированы отлично... В это время артиллеристы интриговали, чтоб удержать от принятия в службу графа Аракчеева; но все хлопоты и усилия оказались тщетными: в конце мая 1803 года граф Аракчеев назначен инспектором всей артиллерии и командиром гвардейского артиллерийского батальона. Он осмотрел роты, нашел мою лучшею и исправною, и с того времени всегда особенно ко мне благоволил и отличал от прочих... Служба при графе Аракчеве сделалась во всех отношениях строгая, но требовалось должного и возможного: надо было фурлейтов, обращенных в младшие канонеры, обучать маршировке и всем движениям фронта, а лошадей артиллерийских, названных строевыми, убирать на правилах всей кавалерии, чем я не только не тяготился, но утешался, потому что видел, что усердие мое замечается».

Преобразования, за осуществление которых взялся новый инспектор всей артиллерии, охватили не только организационную структуру русской артиллерии — они серьезно затронули и кадровый ее состав, и материальную часть. По настоянию Аракчеева в боевых подразделениях вводились новые правила: 1) об офицерских экзаменах и практических учениях, 2) о содержании артиллерийских лошадей, 3) об артиллерийских маневрах и т. д. Кроме того, по личному распоряжению графа были введены многие технические приспособления: новые прицелы для орудий, зарядные ящики вместо фур и т. п.

Экзамены для артиллерийских офицеров были введены поначалу без какого-либо положения, а просто высочайшим приказом, в котором император Александр предписал, чтобы замещение должностей поручика в гвардейском артиллерийском батальоне, а во всей остальной артиллерии также и штабс-капитана производилось только после того, как претенденты на них выдержат испытание

¹ Фамилия штабс-капитана Эйлера присутствует в составленном Аракчеевым «Росписании» офицеров гвардейского артиллерийского батальона. В 1810 г. полковник Эйлер как старший из ротных командиров принял на себя командование батальоном взамен уволенного в отставку по болезни генерал-майора Касперского.

в «совершенном знании артиллерийской науки». Алексей Андреевич, воодушевленный тем, что император поддержал его в начинании с экзаменами, написал даже своего рода воззвание к подпоручикам и поручикам расквартированного в Санкт-Петербурге 1-го артиллерийского полка, которым предстояло первыми подвергнуться испытаниям. Объяснив необходимость введения экзаменов, Аракчеев обращался к офицерам-артиллеристам: «Почтеннейшие господа! Мне было бы постыдно не ласкать себя надеждою видеть вас в деятельном движении, соревнующимися славе и общей пользе Государя и Отечества, вас — которые всегда почитаете себя предводимыми чувствами патриотизма и пренебрегающими бездейственность, которая приводит в усыпление живейшую бодрость благороднейшего духа воина».

6 февраля 1804 года император Александр утвердил составленные Аракчеевым правила об офицерских экзаменах. На практике они проводились, как правило, в присутствии инспектора всей артиллерии. В экзаменационную комиссию назначались в основном офицеры гвардейского артиллерийского батальона. Тех, кто показывал на экзаменах отличные знания математических наук и артиллерийского дела, Алексей Андреевич неизменно представлял к награждению его величеством. Если же офицер помимо успешной учебы занимался еще переводами на русский язык полезных для русских артиллеристов иностранных книг по артиллерии, то он по докладу Аракчеева награждался и солидной денежной премией.

9 апреля 1804 года Александр I одобрил начертанные Аракчеевым правила для практических занятий артиллеристов. Граф подробно расписал в них пункты плана полевых занятий и содержание упражнений, которые должны были отрабатываться каждой артиллерийской ротой в течение 6 недель. Педантичный до мелочей, он придал к этим правилам даже схему расположения лагеря артиллерийской роты. Практическая подготовка артиллеристов стала более интенсивной.

За время военной службы Алексей Андреевич написал невообразимое количество различных инструкций и правил — казалось бы, используемый им для создания подобных творений язык должен был бы упроститься, но нет: свои служебные документы Аракчеев писал, как и прежде, живым, сочным языком. Читая их, забываешь о том, что перед тобой всего лишь инструкция или положение.

Так, цель практических занятий артиллеристов определялась в правилах от 9 апреля 1804 года следующими словами: «Дабы

уроки артиллерийской практики, долженствовавшие бы быть плодом искусства в теории, не обращались уже чрез действие свое на удачу в уроки одних только слепых случаев и не пребывали бы в достижении желаемого совершенства совсем безуспешными». В заключительной части рассматриваемых «правил» Аракчеев писал: «На последок, дабы отличные дарования, искусство и усердие к службе артиллерийского офицера, исполненного истинным честолюбием, не могли оставаться повсюду в мрачной неизвестности и приходить в закоснение, будучи лишаемы поощрения действовать с силою всеми счастливыми своими способностями на произведение сугубой пользы Монарху и Отечеству, дабы таковые артиллерийские офицеры не могли никогда во всех пределах России быть сокровенны от благостного внимания Вашего Императорского Величества, милостиво им дарующего путь, лишенный всякой преграды к достижению степени чести, отличия и наград, единственной пищи их честолюбия, я за непременный почел себе долг касательно также и сего предмета сделать следующее распоряжение». И далее граф предлагал офицерам представлять свои журналы, которые они вели во время практических занятий, через непосредственное начальство к инспектору всей артиллерии. О том, для чего необходимо было это делать, Алексей Андреевич объяснял специально: «Инспектор всей артиллерии при рассматривании сих журналов, ежели найдет новые полезнейшие на что-нибудь замечания, произведенные отличным сведением офицера в науках, или заметит особенное искусство и старание офицера в обучении части, которая ему была вверена, то о таковых офицерах, отличным усердием своим к службе и сведениями, непосредственно имеет доносить Государю Императору с подробным его объяснением. Замечания же их, которые если могут служить к большему чего-нибудь по артиллерии усовершенствованию, должны предаваться печати и рассылаться под их именем по всей артиллерии на счет экономической суммы Артиллерийского Департамента, по распоряжению в том артиллерии всей инспектора». Таким образом, требуя от своих подчиненных беспрекословного повиновения, Аракчеев вместе с тем старался поощрить их на творчество, стимулировал изобретательность, творческий подход к делу.

Журналы, о которых идет речь, впоследствии долго и в очень большом количестве сохранялись в архиве Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Все они имели пометы Аракчеева, то есть были им внимательно просмотрены. Об этой внимательности к журналам, отражавшим творческую мысль артиллерийских офице-

ров, свидетельствуют также и приказы инспектора всей артиллерии генерал-лейтенанта Аракчеева, в которых он благодарит наиболее отличившихся в творчестве офицеров.

Результаты оказались поразительными — спустя некоторое время пришлось учреждать временный артиллерийский комитет для рассмотрения и обсуждения нововведений, предлагавшихся состоявшими на службе артиллеристами для усовершенствования русской артиллерии. Один Аракчеев при всей его необыкновенной работоспособности справиться с вызванным им самим потоком предложений, хлынувших из боевых артиллерийских подразделений, был не в состоянии.

Занимая должность инспектора всей русской артиллерии, Алексей Андреевич продолжал учиться и сам; он пользовался каждым удобным случаем для пополнения своих знаний. Вместе с тем настойчиво заставлял учиться и других. Читая письма и распоряжения этого человека, слывшего среди своих современников и последующих историков необразованным и презирающим образованность солдафоном, можно только удивиться тому, как много уделял он внимания учебе служивших под его началом офицеров. В первый же год своего инспекторства Аракчеев открыл при гвардейской артиллерии офицерское училище, обучение в котором с самого начала взял под свой личный контроль, дабы — как объяснял он в письме к генерал-лейтенанту П. М. Капцевичу от 2 ноября 1803 года — иметь возможность видеть его недостатки и избавляться от них с тем, чтобы впоследствии завести подобные училища «для блага общего и в других полках». «Между тем, советую вашему превосходительству, — обращался Аракчеев к бывшему своему соратнику по Гатчине, — о своих юнкерах и фейерверкерах приложить как возможно лучшее старание о доставлении им средств к знанию артиллерийской науки, для собственной вашей пользы, дабы через оное имели у себя офицеров не по одному только названию артиллерийских».

Положив в основу программы образования артиллерийских офицеров математические науки, Аракчеев позаботился о том, чтобы они преподавались по наиболее совершенной методике. В письме к генералу Н. В. Верещагину от 30 ноября 1803 года он образно пояснял свою мысль: «Сделавши хороший каменный фундамент, старое деревянное строение может на долгое время спорить в прочности новому каменному, да и тогда, когда придет в совершенную гнилость, то имевши уже готовый и хороший (фундамент), гораздо прочнее и скорее можно выстроить новое. Но так как для фундамента нужно

непременно иметь лучшей доброты материал и хороший совет знающего мастера по опыту, уже над собой собственнo испытанному, я не нахожу нигде лучше ни того, ни другого, кроме вас, почему и прошу, ваше превосходительство, для пользы всей артиллерии прислать мне вашей методы арифметику, геометрию и алгебру».

* * *

Сражение русско-австрийского войска с французским 20 ноября 1805 года при Аустерлице стало первым крупным испытанием для русской артиллерии, претерпевшей под руководством графа Аракчеева серьезные преобразования. Историк Н. К. Шильдер в своей книге «Император Александр Первый, его жизнь и царствование» гадал, был Аракчеев на поле под Аустерлицем во время сражения или не был. В конце концов пришел к следующему выводу: «Хотя некоторые писатели и называют графа Аракчеева в числе лиц, сопровождавших Александра на Аустерлицком поле сражения, но это, по всей вероятности, недоразумение; если же он и находился около императора, то лишь до начала самого дела, которое разыгралось внезапно, противно предусмотрению составителя диспозиции. Затем о графе Аракчееве ничего не было уже слышно и имя его не встречается ни в донесениях, ни в записках очевидцев Аустерлицкого сражения».

Шильдер сильно недолюбливал Аракчеева и в данном случае, видимо, слишком поддался эмоциям. Почему имя Аракчеева должно было упоминаться в донесениях, если он ничем не командовал в сражении, а просто присутствовал в свите Александра I?

Что же касается «записок очевидцев», то отсутствие в них упоминаний об Аракчееве не говорит еще о том, что его не было на Аустерлицком поле во время сражения. Как мог позволить он себе оставить перед началом сражения своего императора, который оказал ему честь, пригласив его в свою свиту? Скажем уверенно: не мог позволить и *не позволил*. На сей счет есть более чем убедительное доказательство — свидетельство самого Аракчеева. Среди автобиографических заметок, писанных графом на прокладных листах Евангелия, имеется и такая запись: «Ноября 20-го, 1805 г. Онаго числа был граф Аракчеев на сражении, бывшем в Моравии, под Аустерлицом с французами, с императором Александром I-м».

Итак, Аракчеев был под Аустерлицем во время сражения и, следовательно, вполне мог видеть тот жестокий разгром, которому под-

верглась русская армия, а с нею и русская артиллерия, лишившаяся 133-х орудий — более половины своего состава.

Удивительно, что главным виновником такой потери артиллерии объявлен был не кто иной, как ее преобразователь. «Артиллерию Аракчеев так отделал, что в большой армии она уже теперь неподвижна, не трогается, а часть сожжена в Пулаве. Он пушки все переливал и для легкости сделал их короче, забыв, что они так далеко брать не могут», — писал через неделю после бесславного для русской армии Аустерлицкого сражения граф Ф. В. Ростопчин князю П. Д. Цицианову. Два месяца спустя его оценка стала еще более резкой. «Аракчеев перепортил всю артиллерию, коя, кроме того, что и не действовала, но взята вся в плен при Острлице», — выводило ростопчинское перо 24 января 1806 года.

К этому времени в петербургском обществе наряду с обвинениями Аракчеева в гибели русской артиллерии распространились разные слухи о плачевном состоянии орудий. Говорили, например, о том, что медные орудия от частой стрельбы во время сражения разрывались на куски, что под многими другими раскалывались лафеты и оттого орудия пришлось бросить.

Слухи эти были совершенно беспочвенны, однако они распространились в войсках и заставляли артиллеристов бояться своих орудий. Потому-то Аракчеев решил ответить на подобные наветы. Одну из артиллерийских рот, которая участвовала в Аустерлицком сражении и прибыла в Петербург в полной сохранности, граф приказал выставить со всей амуницией, со всеми орудиями, побывавшими в бою, на плацу и пригласил всех желающих, в первую очередь артиллерийских генералов и офицеров осмотреть ее. Результаты осмотра Аракчеев потом пропечатал в газетах для всеобщего сведения. Сделал это он для того, чтобы защитить то новое, что было введено им в русской артиллерии накануне Аустерлицкого поражения. Я желал, писал Алексей Андреевич военному министру Вязмитинову, «опровергнуть мнение публики, которая по слухам, разносимым недоброжелателями моими, не одобряла сию перемену, и чтобы доказать, что не по наружному только виду ее она имеет преимущество против прежней, и не на одних словах таковая сделанная мною перемена во всех ее отношениях сопряжена с государственною пользою».

Уверенность Аракчеева в правильности осуществленных преобразований была поистине непоколебимой. Граф был убежден, что выпестованная им артиллерия действовала на поле сражения надле-

жащим образом и, следовательно, никакой вины в жестоком поражении русско-австрийской армии она не несет. Как мог старался инспектор всей русской артиллерии защитить своих артиллеристов от нападков публики и наказаний со стороны императора.

Год спустя после Аустерлицкой катастрофы возвратились в Россию захваченные французами в плен русские офицеры и солдаты. Среди них был и подпоручик гвардейской артиллерии Демидов, плененный под Аустерлицем вместе со своим орудием. Александр в наказание ему и в назидание другим назначил его к переводу из гвардии в армейский полк. Аракчеев немедленно выступил в защиту бедного подпоручика, сполна наказанного уже пленом. Со свойственной ему решимостью граф заявил в докладе государю 6 декабря 1806 года: «Зная достоинства и притом на самом деле доказанную в прошедшей кампании храбрость служащего лейб-гвардии в артиллерийском батальоне подпоручика Демидова, я нахожу, что через перевод его в армейский полк артиллерия должна будет лишиться лучшего своего офицера».

Оправдываясь сам и оправдывая других, Алексей Андреевич не забывал дела. Страшные потери, понесенные русской артиллерией в сражении под Аустерлицем, подстегнули его к более энергичным, нежели прежде, преобразовательным действиям. Военный историк Павел Потоцкий писал впоследствии: «При разборе деятельности нашей артиллерии смело можно сказать, что 1806 год в первый раз вызвал ту кипучую деятельность по всем отраслям артиллерийского дела, которую мы не встречали со времен Петра Великого, и в этой-то деятельности везде выдается граф Аракчеев с его многосторонними достоинствами. Артиллерист ученый и проницательный, неутомимый до изнеможения, администратор строго расчетливый и находчивый, верный ценитель заслуг, неумолимо строгий ко всякого рода упущениям, а вместе с тем начальник, в высшей степени заботившийся о личных нуждах артиллеристов, он отказывался от всяких отличий, вменяя себе в награду (по собственным его словам из докладов) милости, им испрашиваемые для подчиненных; из хода дел видно, что он испрашивал с строгим беспристрастием... Прибавим еще одну замечательную черту этого характера: при настойчивости в своих мнениях, если они не были принимаемы, он не предоставлял на волю провидения исполнение постановлений, утверждаемых против его убеждений, напротив, он употреблял все усилия, чтобы дать им всевозможное практическое удобное исполнение, направить их так, чтобы отечество могло из-

влечь всю пользу, которую только могли доставить человеческие силы».

Приведенные слова кажутся напрасным преувеличением — так непривычны нам столь высокие похвалы в адрес человека, чье имя с давних пор уже является символом всего самого злого в людской натуре. Тем не менее все они — правда! В них нет ничего такого, что не подтверждалось бы документами и воспоминаниями тех, кто служил рядом с Аракчеевым в 1806 году. Никогда не выказывал он в себе столько доброго, сколько выказал в этот год. Никогда не был он так хорош, как после сокрушительного Аустерлицкого поражения, которое, хоть и не принимал он прямого участия в боевых действиях, являлось и его поражением. Никогда не работал он столь плодотворно, как в эту пору, когда многое решалось в судьбе России.

Преобразование артиллерии в России, как и любые другие преобразования, неизбежно встречало препятствия в виде множества различных предрассудков. Первые преобразовательные опыты в области артиллерии, осуществлявшиеся в Гатчине, рассматривались многими поначалу в качестве простого каприза заскукавшего в своем гатчинском уединении великого князя Павла. А гатчинская артиллерия считалась долгое время годной лишь для торжественных смотров или парадов, но не для боевого применения. Предрассудки мешали развитию русской артиллерии и тогда, когда Павел являлся императором. Его нововведения легко принимались, но лишь на словах. На практике им противились самыми ухищренными способами. Аракчеев, став при императоре Павле инспектором всей артиллерии, то есть главным двигателем Павловых преобразовательных проектов в артиллерийской сфере, сполна испытал на себе тормозящую силу предрассудков. «Плоды науки артиллерии, — отмечал он в одной из своих записок, — предрассудками будучи подавляемы, вообще умедлили ее успехи, и каких усилий польза артиллерии требовала, чтобы восторжествовать над мнениями, предупреждением укоренившимися».

Поражение русской армии в сражении под Аустерлицем породило новые, еще более опасные, чем прежде, предрассудки. Так, стало распространяться вдруг мнение, что придание большего значения в боевых действиях ружейному огню и введение рассыпного строя сделает в будущем применение артиллерии в боях почти ненужным. Успешная борьба с подобными предрассудками была под силу только реформатору, наделенному сильным характером. И то, что в рассматриваемое время в роли преобразователя русской ар-

тиллерии выступил непреклонный в достижении своих целей, неутомимый в работе и независимый в своих суждениях Аракчеев, было счастливым случаем и для артиллерии, и для всей русской армии, и, следовательно, для России.

В 1806 году было введено деление пехотных войск русской армии на дивизии. В связи с этим изменилась и организация артиллерии. 25 августа 1806 года император Александр утвердил представленное инспектором артиллерии генерал-лейтенантом Аракчеевым положение «О составлении артиллерийских бригад из существующих артиллерийских полков, понтонного полка и конных батальонов». На основании его упразднялось прежнее деление русской артиллерии на полки и батальоны. Вся артиллерия, находившаяся в составе пехотной дивизии, соединялась в артиллерийскую бригаду, которая имела все необходимое для самостоятельных действий на поле боя. Одновременно была усилена самостоятельность артиллерийских рот. Им была обеспечена возможность действовать в бою автономно. В результате создавалась гибкая организационная структура артиллерии, позволявшая ей более эффективно действовать в условиях постоянно меняющейся боевой обстановки.

Одной из причин неудачи русской артиллерии под Аустерлицем была слабая тактическая подготовка офицеров. За нее и надлежало взяться в первую очередь инспектору артиллерии. Необходимо было создать новое наставление по тактике для батарейных командиров, но как мог составить его тот, кто не имел боевого опыта? Изобретательный Аракчеев нашел выход.

Изучив материал учебников, он стал приглашать к себе на беседы артиллерийских офицеров, побывавших в бою. Усаживал гостя за стол, давал лист бумаги с карандашом и просил рассказать подробно о бое и вычертить на бумаге все, происходившее во время боя с орудиями, которыми он командовал, а также все замеченное о движениях орудий, находившихся под командой других офицеров. В результате составленное Аракчеевым «Наставление гг. батарейным командирам» оказалось вполне совершенным. Разосланное по ротам, оно способствовало быстрому улучшению тактической подготовки артиллерийских офицеров. В военной кампании 1806–1807 годов русская артиллерия действовала в тактическом плане так успешно, как не действовала никогда ранее.

У офицеров, служивших в рассматриваемую пору под началом Аракчеева, складывалось, как правило, благоприятное впечатление о нем. «1806-й год познакомил меня с графом Аракчеевым, — вспо-

минал И. С. Жиркевич, бывший в то время адъютантом одного из гвардейских артиллерийских батальонов. — Слышал я много дурного насчет его и вообще весьма мало доброжелательного; но, пробыв три года моего служения под ближайшим его начальством, могу без пристрастия говорить о нем. Честная и пламенная преданность к престолу и отечеству, проницательный природный ум и смысленность, без малейшего, однако же, образования, честность и правота — вот главные черты его характера. Но бесконечное самолюбие, самонадеянность и уверенность в своих действиях порождали в нем часто злопамятность и мстительность; в отношении же тех лиц, которые один раз заслужили его доверенность, он всегда был ласков, обходителен и даже снисходителен к ним... Чтобы дополнить черту о нем, что в семь или восемь лет его инспекторства над артиллериею, при всех рассказах о злобе и мучительности его, из офицеров разжалован только один Нелединский, за сделание фальшивой ассигнации, за что обыкновенно ссылают в Сибирь. На гауптвахту сажали ежедневно; многих отставляли с тем, чтобы после не определять на службу, и по его же представлению принимали. А при премнике его, добрейшей души Меллере¹, в первый год наделано было несчастных вдесятеро более, нежели во все время управления Аракчеева. Об усовершенствованиях артиллерийской части я не буду распространяться: каждый в России знает, что она, в настоящем виде, *создана* Аракчеевым, и ежели образовалась до совершенства настоящего, то он же всему положил прочное начало».

Заслуги Аракчеева в совершенствовании русской артиллерии были действительно велики, и признавались они если не каждым в России, то большинством посвященных. «Имя Аракчеева как администратора и устроителя русской артиллерии займет почетное место на страницах истории», — писал генерал-майор П. Глебов. В 1821 году генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович, обращаясь к Аракчееву с просьбой оценить новые машины для обточки орудий, счел нужным заметить в письме к нему: «Я уверен, что Ваше Сиятельство мне простит, что я Вас сим беспокою, но артиллерия так Вам во множестве одолжена, что я ничего не хочу вводить нового, не спрося наперед Вашего о том совета».

Впоследствии обновленная русская артиллерия будет называться в русской армии «аракчеевской артиллерией». Это название станет

¹ Имеется в виду барон Петр Иванович Меллер-Закомельский (1755–1823), сменивший графа Аракчеева на посту инспектора всей артиллерии.

высшей наградой генералу Аракчееву за его труды на поприще преобразователя русской артиллерии.

Император Александр также высоко оценивал деятельность Аракчеева в качестве «администратора и устроителя русской артиллерии». Он регулярно объявлял графу свое «удовольствие»: в 1804 году — 16 февраля и 18 ноября, в 1805 году — 20 мая и 5 сентября, 4 июля 1805 года — «совершенное удовольствие».

Удачные действия русской артиллерии в войне с Францией 1806–1807 годов привели императора Александра, кажется, в полный восторг — 27 июня 1807 года его величество производит Аракчеева в генералы от артиллерии. На следующий день собственноручным письмом сообщает ему: «Господин генерал-лейтенант граф Аракчеев! Доведение до превосходного состояния артиллерии и успешное действие оной в продолжение сей войны, также исправное снабжение оной всем нужным обязывает меня сделать достойное воздаяние заслугам вашим; почему приказом моим вчерашнего дня произведены вы в генералы от артиллерии. Примите сие знаком моей признательности и особенного моего благоволения, с коими пребываю вам благосклонный».

17 июля 1807 года император объявил графу Аракчееву новое свое благоволение «за деятельность его и неусыпное на пользу службы попечение»¹.

12 декабря того же года Александр I повелел: «Генералу-инспектору всей артиллерии графу Аракчееву быть при Его Императорском Величестве по артиллерийской части». До этого последняя находилась в ведении императорского генерал-адъютанта — помощника императора Александра «по воинской части во всеобщности ее» Х. А. Ливена.

14 декабря 1807 года — Именной его императорского величества указ: «Объявляемые генералом от артиллерии графом Аракчеевым высочайшие повеления считать именными нашими указами».

Спустя неделю — 21 декабря — еще один указ его величества: «Господину генералу от артиллерии графу Аракчееву. Естьли исправление дел, особо вам препорученных от Нас, позволит, то при-

¹ В аракчеевском фонде РГВИА хранится выписка из почти всех высочайших указов императоров Павла I и Александра I, в которых упоминается фамилия Аракчеева. Она составлена по просьбе графа 18 августа 1823 г. (Ф. 154. Оп. 1. Д. 131. Л. 399–404). Приводимые цитаты взяты мною именно из этой выписки.

существовать вам в Государственной Военной коллегии и Артиллерийской ее экспедиции».

Поток государевых милостей, пролившихся на Аракчеева в 1807 году, был беспрецедентен. Император награждал его за заслуги в совершенствовании отечественной артиллерии, причем весьма необычным образом: не орденами, не материальными благами, а приближением к себе, демонстрацией полного своего доверия к нему.

В самом деле, если производство Аракчеева в чин генерала от артиллерии вполне укладывалось в категорию обычных наград, то собственное его императорского величества письмо с сообщением об этом, писанное на следующий день, явно выходило за привычные рамки. Необычной мерой являлось и повеление императора быть Аракчееву при его величестве по артиллерийской части. И конечно, не относился к разряду простых наград указ Александра I от 14 декабря 1807 года, наделявший Аракчеева беспрецедентной для его должности привилегией. Содержание же именного императорского указа от 21 декабря того же года, а еще более тон его определенно свидетельствовали: Александр возвышал Аракчеева.

В январе следующего года это стало еще более явным. 13 января 1808 года Аракчеев назначается военным министром. Четыре дня спустя — 17 января — император Александр повелел: «Министру военных сухопутных сил генералу от артиллерии графу Аракчееву быть и генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии». Даже посторонние наблюдатели поняли, что данное назначение было не наградой Аракчееву за его неустанные труды по преобразованию русской артиллерии, но возвышением, имевшим политический смысл. Правда, предпосылок этому возвышению не видели и считали, что произошло оно ни с того ни с сего. Сардинский посланник в Петербурге Жозеф де Местр сообщал в январе 1808 года своему королю: «Среди военной олигархии любимцев вдруг вырос из земли, без всяких предварительных знамений, генерал Аракчеев». Между тем «предварительные знамения» все же были. И не только в 1807 году, но еще раньше.

Читая переписку Аракчеева, нельзя не увидеть, что, будучи возвращен в Петербург, он с самого начала занял в сановном окружении молодого императора особое место. И это не случайно. Александр I нуждался в преданном слуге — человеке, который был бы независим от каких-либо группировок и партий сановников, который бы служил не идее, не кому-либо, а единственно ему, российскому самодержцу. Никто из аристократов-либералов, окружавших Алек-

сандра в первые годы его царствования, на эту роль не подходил. В 1814 году его величество скажет о них английскому военачальнику Веллингтону: «...Они мне не друзья, они служили России, своему честолюбию и корысти».

Аракчеев на роль преданного государева слуги подходил, пожалуй, более любого другого человека. Жил он одиноко. Соседи по имению, бывшие сослуживцы, подчиненные по службе да высший над ним начальник — государь император — составляли практически весь круг его общения во время работы инспектором артиллерии.

Службе был подчинен весь образ жизни Аракчеева. Вставал он обыкновенно около 5 часов утра. Завтракал и сейчас же шел в кабинет и садился за бумаги. С самых первых своих административных должностей Алексей Андреевич взял за правило самолично читать все поступающие к нему документы и принимать по ним решения, насколько возможно, скоро. На время развода Аракчеев часто делал в занятиях с документами перерыв. Шел на плац и там давал полную волю своим чувствам, занемевшим в кабинетном покое. По воспоминаниям очевидцев, ни одного развода не посещал грозный граф без того, чтобы не арестовать кого-либо из офицеров за плохое командование. В полдень инспектор ехал во дворец на доклад к государю, и проезд его всегда был опасным событием для стоявших на его пути караулов. В половине третьего дня Аракчеев возвращался домой. В три часа неизменно садился вместе с адъютантами и дежурными офицерами за обеденный стол. На полчаса, пока длился обед, граф расслаблялся: говорил на вольные темы, шутил и даже смеялся. Пообедав, вновь принимался за служебные дела и работал до позднего вечера.

Временами одиночество становилось ему все же невыносимым. Тогда Алексей Андреевич брал в руки перо и писал кому-либо из своих приятелей приглашение в гости: «Я надеюсь, что ваше превосходительство, хотя нынешнею зимою, приедете к нам в Петербург, вместе и с ее превосходительством. Причем скажу вам чистосердечно, что вы так углубились в одну экономию и позабыли совсем, что имевши молодую — и как слышал — прекрасную жену, непременно должно и нужно быть каждый год в Петербурге для доставления ей всех удовольствий и веселостей и для занятия модных обращений, ловкой развязности и любезной рассеянности. Примите сей мой дружеский совет и бросьте ваши четверики. Чин и достаток запрящают заниматься оным. Сие говорю, истинно жалея о ее превос-

ходительстве, надеясь, что хотя заочно будет меня благодарить за сей спасительный совет», — так зазывал к себе Аракчеев (письмом от 12 ноября 1803 года) генерал-майора И. Т. Сназина, гатчинского своего сослуживца и, по всей видимости, дальнего родственника¹. 18 ноября того же года Алексей Андреевич писал полковнику Петру Федоровичу Ставицкому, у которого недавно гостил: «По письму твоему, любезный друг, от 2-го ноября, мною полученному, узнал я, что вы приехали благополучно к ожидающему вас предмету (жене), которого я должен поблагодарить за приготовленную для меня спальню. Муж из похода, а жена из лагеря опять вступить должны скорым шагом под предводительством Амура, вооруженного крепко натянутым луком, и с наполненным стрелами колчаном, на зимние квартиры, то есть в вашу спальню, где любовь и счастье да пребудут неразлучно с вами. Сего желает тот, который беспрерывно до половины своей жизни любил вас нелицемерно». Тон и содержание приведенного письма (как, впрочем, и предыдущего) совершенно не соответствуют образу строгого, аскетичного, безжалостного к себе и другим человека, которым предстает Аракчеев в мемуарах своих современников. По-видимому, как обыкновенно это и бывает, воспоминания об Аракчеве писали совсем не те люди, которым надлежало бы это делать...

* * *

Осенью 1805 года Алексею Андреевичу исполнилось 36 лет, а он все еще не был женат. Конечно, служба отнимала у него массу времени и сил, но она совсем не лишала его интереса к особам противоположного пола. Женщины привлекали к себе Аракчеева не меньше, чем артиллерия. И сам он был женщинам вполне интересен. Хотя красавцем его назвать было нельзя, но и безобразным он не выглядел. Портреты, изображающие графа в возрасте от 30 до 40 лет, показывают довольно приятное лицо. И современники Аракчеева, знавшие его в этом возрасте, не скрывают, что внешним обликом своим он производил в то время благоприятное впечатление. Высокий ростом, хотя и немного сутулый, чрезвычайно аккуратный в одежде, лицом даже и привлекательный (если так можно выразиться о муж-

¹ Напомню, что дед Алексея Андреевича, Андрей Степанович, был женат на Ирине Иудишне (урожденной Сназине), дочери бежецкого помещика Иуды Михайловича Сназина.

ской физиономии). «Морщит свое миловидное личико», — писал о нем один из современников.

Женская красота действовала на Алексея Андреевича завораживающе. Он специально покупал себе красивых крепостных крестьянок, чтобы они прислуживали ему в его усадьбе и удовлетворяли его чувственные потребности. Одна из таких крестьянок настолько покорила графа, что стала его фактической женой.

Звали эту женщину Настасья Федоровна Минкина. О том, как она появилась в имении Грузино, в мемуарной литературе приводятся различные версии. По сообщению аракчеевского писаря Михаила Панфиловича Ефимова, записанному И. П. Тарнава-Боричевским, Настасья Федоровна являлась женой грузинского крестьянина-кучера¹. «Когда Аракчеев возвысил ее до своей интимности, то мужа она трактовала свысока: за каждую вину, за каждую выпивку водила на конюшню и приказывала при себе сечь». По другим сведениям, она не выходила замуж вообще и была куплена графом вскоре после того, как вступил он во владение Грузиным. Об этом рассказывали в середине XIX века крестьяне — старожилы Грузина. На расспросы о том, как появилась в их селении Настасья, они отвечали: «А Бог ее ведает, откуда она проявилась такая, только не из нашего места была, а дальняя, откуда-то, вишь, из-за Москвы. В своем-то месте, как сказывают, спервоначала просто овчаркой была, овец значит паса; а опосля, как граф ее купил, так туман на него напустила и в такую силу попала, что и не приведи Господи».

Вероятнее всего, эта женщина действительно была куплена Аракчеевым. По некоторым сохранившимся сведениям, отец ее был кучером и происходила она из цыганской семьи. На цыганское происхождение явно указывает и внешний облик Настасьи, запечатленный на портретах. Она имела жгучие темно-карие глаза, роскошные черные, как смоль, волосы, смуглый цвет кожи. Была круглолицая и полна телом, высока ростом. Одним словом, отличалась той выразительной женской красотой, которая всегда пленяла Аракчеева и которая, даже увянув, не теряет своей притягательной силы.

Аракчеев полюбил Настасью, как только ее увидел, причем полюбил на всю жизнь. В 1806 году в честь этой роковой для себя жен-

¹ Некый Федор Минкин действительно жил в Грузине. Он умер в 1809 г. и был похоронен на кладбище у стен церковного храма. Сведения об этом см.: *Шереметевский В. В.* Русский провинциальный некрополь. М., 1914. С. 560.

щины Алексей Андреевич поставил в Грузине неподалеку от своего дома роскошную чугунную вазу.

Полюбила ли сама Настасья Аракчеева или нет, трудно сказать. Но как только она осознала, что граф влюблен в нее выше меры, то стала всячески угождать его любви к ней. И оказалась она удивительно талантливой в магическом искусстве обвораживать, влюблять в себя. Да и поняла непростую натуру своего хозяина-любовника так, как никто другой не понял.

В 1803 году Алексей Андреевич узнал, что его возлюбленная крестьянка родила от него сына. Радость графа была безмерной. Это еще сильнее привязало его к Настасье. В 1808 году Аракчеев послал своего адъютанта генерал-майора Ф. Е. Бухмейера в Белоруссию с поручением добыть бумаги, удостоверяющие дворянство мальчика. Бухмейер нашел там человека, продававшего такие бумаги, и купил документы на имя дворянина Михаила Шумского. Мальчик-шляхтич с таким именем действительно жил в Белоруссии, но ко времени приезда сюда генерала Бухмейера уже умер. Его могила располагалась какое-то время на одном из кладбищ города Витебска, а затем бесследно исчезла.

После того как мальчик Настасьи Минкиной был объявлен Шумским, сама она стала в соответствии с этим зваться Настасьей Шумской.

Когда новоявленный Михаил Шумский станет уже взрослым, Алексею Андреевичу расскажут историю его рождения. К огорчению своему он узнает, что Михаил не только не его сын, но даже и не Настасьин. Настасья, думая покрепче привязать к себе графа, очень желала родить от него ребенка, но оказалась неспособной к этому. Тогда лукавая женщина договорилась с одной из беременных крестьянок, чтобы та отдала ей ребенка после того, как тот родится¹, сама изобразила для графа беременность, а когда родился у крестьянки сын, взяла его себе, представив дело так, будто родила сама.

Став фактической женой Аракчеева, Настасья Минкина одновременно сделалась для него незаменимой и в качестве домоправительницы. Умная и злая, энергичная и волевая сверх меры, она поддерживала порядок в доме графа, надзирала за прислугой, вела финансы. Первое время после того, как Аракчеев «возвысил ее до своей

¹ По одним свидетельствам, фамилия этой крестьянки, отдавшей Настасье своего новорожденного сына, была Лукьянова, по другим — это была крестьянка деревни Пролет Грузинской вотчины Авдотья Шеина.

интимности», она оставалась неграмотной. Но когда Алексей Андреевич начал поручать ей дела по управлению имением, Настасья, как ни тяжело ей это было, выучилась и читать и писать, поскольку должна была теперь регулярно отчитываться перед своим хозяином. Во всяком случае, в 1807 году она писать уже умела, о чем свидетельствует письмо к графу Аракчееву от 14 июля, начертанное ее рукою¹: «Батюшко ваше сиятельство Алексей Андреевич! В Доме вашего Сиятельства слава Богу по сие время все благополучно, и как люди, так и скот все здоровы. У нас сегодня народу очень довольно было и служили благодарной молебн и просили Бога, чтоб вы были здоровы и веселы и народ очень радуется, что вас пожаловал Государь Император и мы батюшка будем очень рады естли пожалуете к нам сюда. Еще батюшка сего дни у нас рано поутру проехал Александр Яковлевич Шамшев, а Федор Иванович Темерцов у нас теперь гостит с двумя своими дочерьми и также работу показывает. Я посылаю вам земляники шпанской одну корзиночку и клубники одну корзиночку, но я думаю, что она благополучно не может доехать, потому что ягода очень нежна. Остаюсь слуга ваш верный Н. Ф.».

Мать графа, Елисавета Андреевна, очень огорчалась от того, что ее старший и любимый сын, достигнув стольких лет и занимая столь высокое положение в обществе, не женится. В то время она проживала в селе Курганы вместе со своей матерью Надеждой Яковлевной. Алексей Андреевич часто навещал мать и бабушку. Еще чаще писал им письма. Елисавета Андреевна нередко обращалась к сыну-сановнику с просьбой устроить кого-либо на хорошее место. Алексею эти просьбы очень не нравились, но он делал, что мог, дабы ублажить мать. «При отправлении брата Петра Андреевича, — общал граф Елисавете Андреевне в письме от 27 марта 1805 года, — имею отвечать сам на ваше родительское приказание: 1. Господина Мышенкова я большой нуждою определил в корпус, и более прошу вас в корпус определять не присылать, ибо всегда в корпусах очень много сверхкомплектных, и ни под каким видом не принимают. 2. Петербургского полка унтер-офицера Михайлу Андреева перевести ныне к себе в артиллерию не можно, ибо таковые переводы запрещены, в чем и прошу извинить. 3. Письмо ваше родительское от 15 марта я сего числа получил, и узнав об вашем здоровье, много порадовался, а об себе доношу, что я ныне очень слаб становлюсь:

¹ Оно хранится в РГВИА (фонд 154. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 160). Я привожу его в том виде, как оно написано.

день бываю здоров, а три болен, видно Богу так угодно, да видно тысячи-то душ не легко наживать... В рассуждении моей поездки с братом Петром Андреевичем, то я охотно бы оное выполнил, естли бы не проклятая служба, которую я проклинаяю, что опять в оную муку попал».

Петр Андреевич Аракчеев готовился в это время к свадьбе: его супругой должна была стать Наталья Ивановна Девлет-Кильдеева. Алексей Андреевич брал на себя часть расходов на это празднество. «Ситец к вам доставлю, — писал он в конце цитируемого письма Елисавете Андреевне, — а водку прикажите купить в Кашине на мой счет, ибо теперь отправлять нельзя по оной дороге. Поздравляю вас, дражайшая родительница, с наступающим великим праздником, цалую заочно ваши ручки».

2 мая 1805 года в Грузинской вотчине случился большой пожар — целиком выгорело село Оскуя. Сгорели все имевшиеся здесь 60 дворов, а также церковь, склады с зерном, все крестьянское зерно. Свой ущерб граф исчислил в сумму, превышающую 20 тысяч рублей серебром. Сообщая об этом Ивану Терентьевичу Сназину в письме от 10 мая, Алексей Андреевич горько пошутил: «...Вот сумма изрядная, но что же делать, братья мои обо мне говорят всегда, что у меня денег несметная сила, то надобно им и расход».

В связи с женитьбой Петра Андреевича братья Аракчевы решили в 1806 году разделить между собой отцовское имение, которое оставалось в их общем владении.

Алексей уступил свою долю Петру, взяв себе лишь двух дворовых — Никиту Федорова и Степана Васильева, живших давно уже в Грузии (первый и жениться успел на грузинской крестьянке). В аракчеевском фонде РГВИА хранится следующее письмо-доверенность графа Алексея Андреевича Аракчеева на имя его брата Петра Андреевича, датированное 10 апреля 1806 года и заверенное в Палате гражданского суда Санкт-Петербургской губернии: «Любезный брат Петр Андреевич. После покойного родителя нашего порутчика Андрея Андреевича осталось недвижимое имение, состоящее Тверской губернии Вышневолоцкого уезда в сельце Гарусове и в деревнях, как-то земли, дворовые люди и крестьяне, значущиеся по последней ревизии. Всем тем имением по праву наследства доныне владели мы во обще: я, второй наш брат генерал-майор Андрей Андреевич и вы третий, без разделу, а потому и дворовых людей из того имения каждой из нас нужных для себя во служение получали, кто же именно из тех дворовых людей у вас и брата Андрея Андрее-

вича, о том вы известны, а у меня находятся Никита Федоров и Степан Васильев, ис которых первой уже и женат на собственной моей крестьянке. Но как ныне из того принадлежащего нам имения вы желаете следуемую вам часть выделить и принять особо в свое владение, то я будучи на сие согласен, веряю вам просить о выделе и на мою часть сколько следовать будет земли и крестьян в добавок к находящимся уже у меня вышепомянутым дворовым людям, с тем чтоб оные по разделу на часть мою непременно положены были и потом за оставлением их навсегда в моем владении прочее все, что на часть мою из родительского имения выделено будет, предоставляю вам принять к себе во владение... Уже оставшимися на мою часть людьми и землею позволяю владеть вам и располагать как собственностью». Ниже этих слов в письме стоит дата и приписка: «Сия доверенность принадлежит Лейб-Гвардии артиллерийского батальона штабс-капитану Петру Андреевичу Аракчееву».

Казалось бы, благодарить должен был Петр брата Алексея, но нет — вместо благодарности в его адрес посыпались упреки. «Сожаляю сердечно о болезни вашей, — писал Алексей Андреевич 23 декабря 1807 года матери Елисавете Андреевне, — но она происходит от вашего об нас беспокойства, то и просил бы вас, дражайшая родительница, себя от онаго воздержать, ибо подумайте об оном, что мы все трое, слава Богу, не маленькие и любого из нас можно женить, то и должно об себе всякому самому думать, и дела свои обстоятельнее делать, а на других не надеяться, ибо мои товарищи, которые получили более моего от Государя, теперь все в долгу, но я, слава Богу, онаго не имею, но зато мною смеются и называют меня скупым, и первый брат Петр Андреевич так оным именем меня величает, но я все переношу, ибо знаю, как тяжело доставать деньги в долг. Я надеюсь, что братец Петр Андреевич у вас уже теперь, почему и радуюсь его удовольствию и желаю ему хотя за нас наслаждаться с вами беседою».

Брат Андрей оказался столь же неблагодарен. Алексей и от него получал упреки в «скупости», хотя регулярно помогал ему деньгами. В письме от 15 апреля 1806 года граф писал Андрею Андреевичу: «...Посылаю к вам сто пятьдесят червонцев¹, примите оные в знак моего братского усердия». Это письмо примечательно тем, что содержит сообщение Алексея Андреевича о серьезной перемене в его жизни.

¹ Червонцем называлась в то время золотая монета с содержанием золота в 3,4 грамма, которую чеканили в России с 1701 г.

«Я, слава Богу, здоров, — отмечал он, — и прошедшего февраля 4 числа по власти Божией женился на девице Натальи Федоровне Хомутовой, которую рекомендую вам в родственную приязнь».

Избранницей графа Аракчеева стала дочь ярославского помещика генерал-майора Федора Николаевича Хомутова и внука генерал-кригс-комиссара¹ Николая Хомутова, служившего в этой должности при императрицах Елизавете и Екатерине II. Это была миловидная, хрупкого сложения женщина, которая выглядела много моложе своих лет. Знакомые Аракчеева, которым посчастливилось повидать его молодую супругу, утверждали позднее в своих мемуарах, что граф женился на девице 18-ти лет², то есть вдвое себя моложе. На самом деле Наталья Федоровна родилась в 1783 году и, следовательно, к моменту выхода замуж за Алексея Андреевича ей было около 23-х лет.

4 февраля в Сергиевском артиллерийском соборе в Петербурге состоялось венчание Алексея Андреевича с Натальей Федоровной. На этой торжественной церемонии присутствовал сам государь император Александр I.

Женившись, граф не переменялся в своих привычках. Он и прежде редко бывал в обществе, но теперь, после женитьбы, выезды его в свет стали редчайшим исключением. И главной причиной такого поведения Аракчеева была, вероятнее всего, снедавшая его ревность.

Если судить по письмам Алексея Андреевича, отношения его с молодой женой поначалу складывались хорошо. «Приносим мы оба с женою нашу сыновнюю благодарность за поздравление ваше с праздником, — писал он матери 24 апреля 1806 года, — но приятнее того, мы видели, сколь много вы, дражайшая родительница, об нас помните, моя сыновняя благодарность вам известна, но преданность жены моей столь к вам велика, что можете с нею с моею сравнить; она, любя меня, почитает и любит вас со мною равно. О себе уведомляю вас, дражайшая родительница, что мы с женою, слава Богу, здоровы, и хотя я по известному вам расстроенному моему здоровью и часто бываю нездоров, но жена, любя меня, ласками своими заставляет забывать свою болезнь. Мы оба дожидаем нетерпеливо мая, дабы естли возможно будет только по службе отпроситься в отпуск и быть к вам, чего нетерпеливо желает преданная вам душа моя».

¹ Этот чин относился к третьему классу в «Табели о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных», введенной в действие 24 января 1722 г.

² Об этом писали И. С. Жиркевич и все другие, без исключения, мемуаристы.

И. С. Жиркевич, служивший при генерале Аракчееве адъютантом в 1806–1808 годах и часто бывавший у него в доме, вспоминал впоследствии о том, как граф обращался со своей супругой. К 3-м часам пополудни Алексей Андреевич приходил домой обедать. За обеденным столом собирались обыкновенно дежурившие в доме адъютанты графа Творогов, Мякинин или Жиркевич, а также брат жены графа, пребывавший тогда в чине подпоручика. Кроме того, бывали иногда приглашенные графом гости — это мог быть кто-то из служивших с ним генералов: Ф. И. Апрелев, П. И. Римский-Корсаков, С. М. Танеев или И. Ф. Касперский. Вместе со всеми за столом сидела и Наталья Федоровна. Алексей Андреевич был за обедами разговорчив и шутлив. Причем не стеснялся при посторонних уколоть своими «артиллерийскими» остротами и свою супругу. Однажды он говорил ей, показывая рукой на Жиркевича: «Вот, матушка, ты все хочешь ездить, кататься, гулять, — рекомендую тебе в кавалеры адъютанта моего, Жиркевича». — «Что же, я совершенно уверена, — невозмутимо отвечала Наталья Федоровна, — что господин Жиркевич не отказал бы мне в этом, если бы я его попросила». — «Хорошо, если ты будешь просить, — продолжал тогда граф, — он еще сам не просит: ребенок еще, а впрочем, и теперь не клади палец ему в зубы — откусит!» Наталья Федоровна от подобных колкостей краснела и уже ничего не произносила.

Семейная жизнь графа Аракчеева длилась недолго. В следующем, 1807 году Алексей Андреевич расстался со своей молодой женой, чтобы никогда более с нею не встречаться. В обществе объясняли этот разрыв грубостью графа, избыточной его ревностью. Рассказывали, например, что однажды при отъезде своем в армию Аракчеев наказал слугам не позволять графине выезжать в некоторые дома, о чем саму ее никак не предупредил. Когда вскоре после отъезда грозного мужа та села в карету с намерением куда-то ехать, лакей сообщил ей, что графом сделано запрещение туда ездить. Услышав это неприятное известие, графиня хладнокровно ответила слуге, чтобы в таком случае ее везли к матери. Там она и осталась жить.

Аракчеев, узнав по возвращении в Петербург о таком повороте в своей семейной жизни, немедленно поехал к жене. Две недели кряду каждый день, а то и дважды на дню ездил он в дом, где Наталья Федоровна нашла себе пристанище, пока наконец она не вняла его мольбам и не села с ним в карету, чтобы возвратиться домой. Карета проехала более половины пути и остановилась. Из нее вышел Аракчеев и пошел пешком по направлению к своему дому. А карета с

его супругой развернулась и поехала назад. Так, по рассказам современников, закончилась семейная жизнь Аракчеева¹.

Уход жены от Аракчеева мог быть вызван не только грубостью графа, но и нежеланием молодой женщины делить мужа с крепостной девкой. Наталья Федоровна была в Грузии и видела там у дома графа чугунную вазу, поставленную в честь Настасьи Минкиной. Возможно, видела и саму Настасью, да и наслышана была, наверное, немало о ее связи с Алексеем Андреевичем.

Существовали и другие версии расставания графа Аракчеева с женой Натальей Федоровной. Так, согласно рассказу, переданному Д. Кропотовым², все случилось следующим образом. Аракчеев проезжал однажды по Итальянской улице столицы и заметил постройку большого каменного дома. Узнав, что дом строится обер-полицмейстером, бдительный граф заподозрил злоупотребление. Дело в том, что обер-полицмейстер получал сверх причитавшегося ему жалованья солидную сумму — в 100 тысяч рублей — на секретные расходы. Император Александр, которому Аракчеев доложил о своих подозрениях, тут же распорядился произвести ревизию этой денежной суммы и именно Аракчееву поручил сделать ее. Обер-полицмейстер бросился умолять Александра об отмене ревизии, но его величество был непреклонен. Получив книгу, в которую обер-полицмейстер записывал, на какие нужды расходовал он деньги, Алексей Андреевич принялся ее изучать. И внимательно читал все в ней записанное до тех пор, пока не наткнулся на строки о том, что из общей суммы, положенной обер-полицмейстеру на секретные расходы, дважды по 5 тысяч рублей получала... Наталья Федоровна, его дражайшая супружница. Всю ночь напролет граф не спал, ходил взад-вперед по кабинету. А ранним утром приказал своему камердинеру позвать жену сразу, как только она проснется. Когда Наталья Федоровна вошла в кабинет к мужу, тот бросился к ней с вопросом: «Вы, сударыня, изволите брать взятки с полиции?»

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — залепетала она.

— Я говорю, что вы взяли от обер-полицмейстера два раза по 5 тысяч рублей!

— Я бы никогда их не взяла, если бы маменька... — Наталья Федоровна хотела объяснить свой поступок, но Аракчеев прервал ее на

¹ Наталья Федоровна Аракчеева (урожденная Хомутова) будет проживать потом в имении своих родителей в селе Липные Горки близ Тихвина. Она умрет в 1842 г.

² Русский вестник. 1874. Том 109. № 1. Прим. к с. 28.

полуфразе и объявил тоном, не допускающим возражений: «Женщина, которая состоит на содержании тайной полиции, не может более оставаться у меня в доме. Извольте убираться, куда хотите. Чтобы через час вашего духа у меня не пахло!» Поступок графа — вполне в его характере, но маловероятно, чтобы Наталья Федоровна, которая не имела самостоятельных выездов в город и за которой ревнивый граф строго приглядывал, могла так своевольничать.

* * *

Как бы то ни было, после развода с молодой женой Аракчеев замкнулся от общества еще более. И служба стала значить для него отныне больше, чем когда-либо ранее. И так получилось, что в этот именно момент более, чем когда-либо в прошлом, стал он необходим императору Александру.

Князь П. А. Вяземский, относившийся к Александру I без особого восторга, но и без злобы и оттого понявший в его характере много такого, чего другие, менее беспристрастные наблюдатели понять не могли, писал в статье «По поводу записок графа Зенфта»: «Государь, вероятно, обратил первоначальное внимание свое на Аракчеева как на преданного и благодарного слугу императора Павла. Он имел административные военные способности, особенно по артиллерии, он был одинок в обществе, не примыкал ни к какой партии, влиятельной или ищущей влияния; следовательно, не мог быть орудием какого-нибудь круга; не мог быть и его главою. Государь не опасался встретить в нем человека, систематически закупоренного в той или другой доктрине. Не мог бояться он, что при исполнении воли и предприятий его будут при случае обнаруживаться в Аракчееве свои задние или передовые мысли. Вспомнив бывшего приятеля своего Наполеона, Александр мог так же, как и тот, не возлюбить идеологов. Сам Александр оставался в ином более идеологом, нежели практиком; но в работниках, в дельцах своих не хотел он идеологии».

Среди своих современников Александр I слыл слабовольным и малоискусным политиком. «Властитель слабый и лукавый» — кому незнакомы эти пушкинские строки? Н. И. Греч отмечал в своих «Записках»: «Император Александр Павлович был задачею для современников: едва ли будет он разгадан и потомством. Природа одарила его добрым сердцем, светлым умом, но не дала ему самостоятельности характера, и слабость эта, по странному противоречию, превращалась в упрямство». «В первые годы царствования, — писал

об Александре I мемуарист А. И. Михайловский-Данилевский, — вообще отдавали справедливость кротости его и мягкосердию, но оспаривали политические его дарования, не подозревали в нем военных способностей и не полагали силы в его характере».

Этот взгляд современников на Александра I усвоили себе и многие авторитетные историки. «Александр был человек слабый и злой. Как слабый, он подчинялся всякой силе, не чувствуя в себе никакой», — утверждал В. О. Ключевский.

Поведение самого императора Александра как будто лишь подтверждало мнение современников о нем как о безвольном, слабом политике. Был он действительно уступчив, нерешителен, легко поддавался влиянию окружающих — но вот что не замечали: поддавался-то лишь в мелочах, только там, где не затрагивались его полномочия верховного властителя¹. Впрочем, нет особой странности в том, что эта черта поведения Александра ускользнула от внимания его окружения: в непосредственном общении с человеком в глаза чаще бросается лишь внешнее, разные мелкие детали, за которыми теряется подлинное и главное.

Император Александр так же, как когда-то Павел I, желал для себя очень многого: не только называться царем, но и царствовать! Однако в отличие от несчастного своего отца он выбрал для исполнения этого желания иной путь, менее опасный, более надежный.

Выдающийся флорентийский мыслитель и государственный деятель конца XV — начала XVI века Никколо Макиавелли считал, что «государи должны обладать великим искусством притворства и одурачивания». Александр I овладел данным искусством, как никто другой из российских самодержцев, чему в немалой степени способствовало его воспитание. Вот как характеризовал последнее историк В. О. Ключевский: «Александр у вечно приходилось вращаться между двумя противоположными течениями, из коих ни одно не

¹ В 1802 г. Александр I даровал Сенату право делать его величеству представления по поводу указов, неудобных в исполнении и противоречащих другим узаконениям. Это право было расценено сенаторами и многими другими представителями русской знати в качестве некоторого ограничения самодержавной воли монарха. Так оно, вероятнее всего, и было бы на самом деле, когда бы Сенат стал указанное право осуществлять на практике. Но этого-то как раз и не произошло. Первая же попытка Сената воспользоваться дарованным ему правом контроля за содержанием законов привела Александра в настоящий гнев. «Я им дам себя знать!» — воскликнул он и отправил в Сенат высочайшее свое разъяснение о том, что предоставленное Сенату право распространяется лишь на законы, изданные в предшествующие царствования, и не затрагивает тех, которые появляются в царствование текущее.

было ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в разлад с самим собой: в детстве — между бабушкой и родителями, в ранней молодости — между отцом и матерью, в учебной комнате — между атеистом Лагарпом и ортодоксальным Самборским, между несогласными наставниками, которые на нем, на его сознании и совести разыгрывали вражду своих вкусов и убеждений, наконец, на престоле, между конституционными идеалами и абсолютистскими привычками. Такие условия не могли выработать открытого характера. Его обвиняли в двоедушии, притворстве (северный Тальма, византийский грек), в наклонности казаться, а не быть. Это неточно. Александр не имел нужды притворно казаться тем, чем хотел быть; он только не хотел показаться тем, чем он был на самом деле».

Сановники, окружавшие Александра в первые годы его царствования, — его молодые друзья-либералы, предназначали ему роль игрушки в их руках. П. А. Строганов писал в самый разгар деятельности «Негласного комитета»: «Император вступил на престол с наилучшими намерениями возможно больших усовершенствований. Этому препятствуют только его неопытность и его характер, мягкий и ленивый. Для достижения доброй цели необходимо, следовательно, преодолеть эти три препятствия. Так как у него мягкий характер, то его должно поработить, чтобы иметь необходимое на него влияние». Но Александр не хотел быть игрушкой, он желал быть игроком, то есть проводить самостоятельную политику — такую, которая отвечала собственным его интересам и вкусам. Однако же каким образом мог молодой император противодействовать внешним влияниям и сохранять самостоятельность без риска оттолкнуть от себя либерально настроенных аристократов и лишиться опоры? Судьба Павла I ясно говорила Александру: император, лишенный опоры в сановном окружении, рискует головой. Вот здесь-то и произошло венценосному сыну Павла притворство.

Дабы являться игроком, он притворился игрушкой — надел на себя маску слабовольного властителя, которым управляют все кому не лень. Он смешал сановников с должностей, удалял их в ссылку, возвышал и опять унижал их, а в обществе считали, что его величество действует в таких случаях не самостоятельно, но под чьим-то влиянием, то есть идет на уступки. Точно так же многое из того, что говорил он публично, большинство его указов и распоряжений приписывалось опять-таки внушениям извне, но только не его собственным желаниям. «Горько, что стечение многих обстоятельств довело

Государя до того, что он не властен ни в своем хорошем, ни в дурном расположении к людям», — сетовал Ф. В. Ростопчин в письме к П. Д. Цицианову от 15 августа 1803 года. «Император приучил всех окружающих, — отмечал в своих записках А. Чарторижский, — находить в его решениях различные мнения тех, которых он выдвинул вперед».

Прилипшая к Аракчееву репутация деспотического, жестокого человека, которая не позволяла императору Александру приблизить его к себе в начале своего царствования, во время господства в обществе либерализма, — эта репутация теперь, два года спустя, когда либеральные настроения поутихли и Аракчеев возвратился на службу, становилась Александру I очень полезной.

Его величество мог смело проводить самые непопулярные меры, не опасаясь навлечь на себя всеобщего недовольства: достаточно было привлечь к делу Аракчеева — и гнев сановников или общества в целом обращался именно на эту «мрачную» персону, а не на «светлый» лик императора. С помощью Аракчеева можно было, к примеру, восстановить порядок в армии, весьма пошатнувшийся при разгуле либерализма. Алексей Андреевич же, имея за своей спиной самого государя, действовал предельно решительно, невзирая ни на какие авторитеты. Увещевание получил однажды от графа даже великий князь Константин Павлович, и, видимо, в довольно обидной для себя форме, если счел нужным ответить. «Для меня весьма удивительно напоминание мне ваше о наблюдении порядка в роте, под моим начальством состоящей, которое, признавая неприличным, принуждаюсь предварить вас, дабы вы впредь от таковых отнюшений, как несоответственных, воздержались», — выговаривал он Аракчееву в письме от 21 января 1805 года.

После Аустерлицкого сражения с Наполеоном, в котором Александр I как военачальник потерпел полнейший крах, в русском обществе произошел по отношению к нему перелом: распространенным стало недовольство им как императором. В данной обстановке Александр и вывел на политическую сцену Аракчеева. Возвышая и приближая его к себе, он бросал вызов аристократическим кругам, не принявшим его политики сближения с Францией. Мотив данного вызова громко звучал в назначении Аракчеева министром военных сухопутных сил. Его хорошо расслышал сардинский посланник граф Жозеф де Местр, который, сообщая в январе 1808 года своему королю о возвышении Аракчеева, почел необходимым заметить: «Он сделался военным министром и обеспечен неслыханною властью.

Он жесток, строг, непоколебим; но, как говорят, нельзя назвать его злым. Я считаю его очень злым. Впрочем, это не значит, чтобы я осуждал его назначение, ибо в настоящую минуту порядок может быть восстановлен лишь человеком подобного закала. Остается объяснить, как решился его императорское величество завести себе визиря: ничто не может быть противнее его характеру и его системе. Основное его правило состояло в том, чтобы каждому из своих помощников уделять лишь ограниченную долю доверия. Полагаю, что он захотел поставить рядом с собою пугало страшнее по причине внутреннего брожения, здесь господствующего. Аракчеев имеет против себя обеих императриц, графа Ливена, генерала Уварова, Толстых — словом то, что здесь имеет вес. Он все давит, перед ним исчезли, как туман, самые заметные влияния. Один высокопоставленный военный человек говорил мне намеренно, что дело может кончиться страшным ударом со стороны кого-либо из обиженных, но у русских слишком твердые правила, чтобы убивать министров».

Сам Аракчеев хорошо понимал в тот момент, что необходим Александру как никто другой и что император ведет дело к тому, чтобы возвысить его над сановниками. К началу 1808 года Алексей Андреевич стал тяготиться своей должностью инспектора артиллерии и, по всей видимости, именно с целью подтолкнуть Александра на решающий шаг в отношении своей персоны подал его величеству прошение об отставке от службы, а в личном письме¹ к нему написал:

«Естьли я мог повлечь на себя Монаршее неблаговоление Вашего Императорского Величества просьбою моею о увольнении меня от службы, то любовь Вашего Величества к человеколюбию питает меня утешительною надеждою получить спокойствие, основывая оное на следующих правилах, путеводительствовавших меня в течение моей службы.

Вступление мое в службу по слабому здоровью моему, следовательно и вовсе к оной неспособному, было не моим желанием, а единственным усердием исполнить Святую волю Вашего Величества. Продолжение оной всегда сопряжено было с потеряннием остатков моего здоровья, но единственная цель ея была оправдание пред всеми Вашего выбора.

¹ На воспроизводимом мною списке этого письма, хранящегося в НИОР РГБ (Фонд 178. Музейное собрание. Ед. хр. 5245. Л. 44–46), обозначен только год. Но можно уверенно датировать это письмо более точно — концом декабря 1808 г.

Управление вверенного мне Департамента в толь трудную эпоху для Государства не расстроено, а во всех частях, составляющих силу его, как то: орудиях, снарядах и порохе гораздо еще усилено. Фабрики государственные, состоящие при арсеналах при неусыпных и самых поспешных работах, не одною скоростью отделки удивлять могут, а чистотою и верностию приуготовленного орудия, заслужили от иностранных Держав похвалу и даже превосходили оных. Крепость приуготовляемой в оных артиллерии доказана наидальнейшими движениями и сравнена с крепостию дорогих экипажей.

Цель моего намерения, хотя и потеряннем здоровья, но достигнута, наконец, и Ваше Императорское Величество успокоены от прежних доходивших до Вас неприятных слухов, которыми Вы столь много на мое лицо были беспокоиваемы.

Ныне по болезни моей сделавшись к службе Вашего Величества совершенно неспособным, не могу ли ласкать себя надеждою, что увольнение от оной конечно получу и приму оное как дар награды, естли я сего достоин, когда же она не принадлежит мне, то сравниюсь с теми своими товарищами, которые оставляя свои части не в лучшем моего Департамента положении, но получают милостивое Вашего Величества увольнение от оных.

Слабость моего здоровья произвела ныне во мне сильную меланхолию, а от оной желание мое к покойному удалению себя в деревню столь велико, что не может ничем перемениться».

Подробно расписывая в письме свои успехи, Алексей Андреевич внушал мысль, что делать ему на посту инспектора артиллерии больше нечего. Эта мысль неприкрыто звучала в словах — «цель моего намерения, хотя и потеряннем здоровья, но достигнута, наконец...» Дабы удержать графа на службе, императору ничего не оставалось, как возвысить его. И Александр назначил Аракчеева военным министром. И Аракчеев начал действовать в новом своем качестве так, как и надо было его величеству, — строго, непоколебимо, бесцеремонно.

За суровой непоколебимостью нового военного министра стояла непоколебимость русского императора, который считал свою политику единственно правильной в тех условиях и готов был проводить ее, невзирая ни на что. В отношении Наполеона замысел Александра I состоял в том, чтобы как можно дольше не вступать с ним в войну, а если возможно, и вовсе избежать ее. Русский государь возлагал свои надежды на время — на то, что наполеоновский режим

рано или поздно не выдержит давления внутренних противоречий и взорвется.

На седьмом году своего правления император Александр в первый раз глубоко разошелся с русским обществом. В первый, но не в последний. Во время Отечественной войны он вновь сблизится с ним, однако после победы над Наполеоном Александр, нареченный в ее честь Благословенным, опять поссорится с русскими, и на этот раз окончательно. Помирит Александра с Россией только смерть его.

Пространство между Александром и русским обществом в обоих случаях заполнять будет собою граф Аракчеев.

В упомянутой выше январской 1808 года дипломатической депеше сардинский посланник в Петербурге назвал Аракчеева «визирем». Русские употребляли в таких случаях другое слово — «временщик».

Глава восьмая

Военный министр

14 января 1808 года чиновник Министерства иностранных дел П. Г. Дивов записал в своем дневнике: «Я узнал сегодня о назначении графа Аракчеева военным министром и очень этому был рад, считая его способным занимать этот пост». 3 марта 1808 года — еще одна запись на ту же тему: «Во вторник по обыкновению обедал у меня генерал Пфуль. Перекинувшись со мною несколькими незначительными фразами, он сказал, что предложено преобразовать армию по плану, представленному им императору. Я сказал ему, что мне это известно, и я слышал, что граф Аракчеев серьезно занят этим и что сам император составляет план реорганизации армии, который Аракчеев выдает за свой труд. К тому же, сказал я, можно быть уверенным, что дело удастся, коль скоро те лица, от коих оно зависит, убеждены, что полезное нововведение есть их собственное изобретение».

Министром военных сухопутных сил Алексей Андреевич пробыл недолго — еле-еле дотянул до двух лет, но сделал на этом посту много полезного для русской армии. Впервые получил он столь широкое поприще для административной деятельности, впервые проявил себя во всем разнообразии качеств государственного деятеля.

До него должность военного министра исполнял С. К. Вязмитинов. Император Александр, получив сведения о серьезных не порядках в делах министерства, злоупотреблениях самого министра своей властью, уволил его в отставку, не назначив ему содержания и даже не объявив простой благодарности. Трудно сказать, каким был Сергей Козьмич человеком, но чиновники министерства, узнав о замене его на Аракчеева, дружно погрузились в уныние. На представление новому министру, которое тот назначил на такое раннее утро, что ранее некуда, — 4 часа ровно, многие из них прибыли с загодя написанными просьбами об отставке.

Аракчеев был уже на месте и в полном мундире. «Господа! — начал он свою речь. — Рекомендую себя, прошу беречь меня, я грамоту мало знаю, за мое воспитание заплатил батюшка 4 рубли медью; я долго не хотел брать этого места, но государю угодно было непременно меня определить. Мне ничего не надобно, а будет у нас дело хорошо идти, вам вся награда». Произнеся такую странную речь, граф стал подходить к каждому чиновнику и расспрашивать его, чем он занимается, какую часть в министерстве ведаёт. Расспросив, приказал всем ехать по местам и приниматься за работу.

Вступая в должность военного министра, Аракчеев просил государя передать в его ведение императорскую военно-походную канцелярию, подчинить ему как военному министру главнокомандующих действующими армиями и, наконец, полностью отстранить генерал-адъютанта Х. А. Ливена от докладов императору по военным делам. Александр удовлетворил все эти просьбы Аракчеева.

Приняв министерство и поближе ознакомившись с его делами, Алексей Андреевич спустя две недели после своего назначения военным министром подал в отставку. Император был несказанно удивлен. «Какая тому причина?» — спросил он графа. Аракчеев в ответ заявил: «Если ваше величество отставили с таким позором Вязмитинова, то все думали, равно как и я, что он найден вами в неграждении, изобличен в злоупотреблении и в расстройстве в делах. Но когда я принял его должность и вошел в подробность дел, то увидел, что коллегия и департаменты, равно и канцелярия главнокомандующего все было в совершенном порядке; не только не заметил злоупотребления, но, напротив, редкое его бескорыстие. А потому, судя, что если такой человек, каков Вязмитинов, служа всегда с такою честью и столь долгое время императрице, бабке вашей, императору, родителю вашему, и Вашему Величеству, отставлен так позорно, то и всякий другой должны ожидать такой же участи, без всякой причины, по одному только вашему капризу. Для чего и прошу меня отставить и иначе не соглашусь служить, если не отдадут должной справедливости Вязмитинову». Его величество тут же приказал объявить, что Вязмитинов уволен в отставку по прошению, с мундиром и со всем содержанием, каковое прежде получал. Сергей Козьмич получил по этому поводу довольно лестный рескрипт. В 1811 году он будет назначен членом Государственного Совета, а в 1812 году станет главнокомандующим Санкт-Петербурга, исполняющим обязанности министра полиции и председателем Комитета министров.

Заступив на пост министра военных сухопутных сил, граф Аракчеев начал (как всегда, когда брал новую должность) с того, что навел порядок в делопроизводстве, наладил строгую отчетность всех частей министерства и войсковых подразделений, уменьшил количество бумаг, установил более четкое распределение дел между административными органами, разграничил функции военной коллегии, инспектора всей артиллерии, инспектора инженерного департамента, инженер-генерала и др.

7 февраля 1808 года новый военный министр объявил всем начальникам, что «если при рассмотрении рапортов окажутся какие неверности или оные не будут доставляемы в надлежащее время, то на счет шефов полков и командиров бригад за оными отправляемы будут нарочные курьеры, а потому и издерживаемые в оба пути прогонные деньги вычтутся из их жалованья».

20 июня того же года граф-министр создал «Комитет для изыскания способов к кратчайшему делопроизводству в военной коллегии и ее экспедициях» с целью «направить все к порядочному течению и содержать общую связь».

24 июня 1808 года им введен новый порядок сдачи полков.

26 июня — издано новое положение о медицинской экспедиции; последняя коренным образом преобразована. Вслед за тем преобразованию подверглись счетная экспедиция и инженерный департамент.

Расходование средств Аракчеев взял под свой особый контроль. Он учредил должность дежурного генерала при военном министре и возложил на него осуществление постоянного надзора за интендантской частью.

В 1808 году русская армия насчитывала 705 381 человека и 292 252 лошади; в 1809 году в ней было 743 713 человек и 262 092 лошади. Снабжение такой массы людей и лошадей всем необходимым являлось, естественно, нелегкой задачей, и существовала большая опасность, что при этом будет притесняться население тех территорий, на которых располагались войска. Дабы предупредить какие-либо обиды и притеснения местных жителей, Аракчеев предписал войскам при передвижении их внутри империи получать от губернаторов «Акты о благополучном следовании», которые объявлялись в газетах для всеобщего сведения. Одновременно военный министр составил новые, более строгие правила приема и браковки провианта и фуража для армии.

Для подготовки России к новой войне с Францией особое значение имели такие меры в министерстве Аракчеева, как увеличение

численности армии на 30 тысяч человек, создание учебных частей, организация запасных рекрутских депо, на базе которых в Отечественную войну 1812 года готовились резервные армии.

Артиллерия продолжала оставаться объектом особого внимания Аракчеева и после того, как он, сдав пост инспектора артиллерии, занял должность военного министра. 30 апреля 1808 года были введены в действие разработанные им инструкции о порядке проверки и приема артиллерийских орудий и материальной части к ним (лафетов, передков, зарядных ящиков и т. д.) при передаче из арсенала в боевые подразделения. 25 июня того же года было принято решение о внесении изменений в конструкцию бомб и гранат. Специальные исследования оптимальных параметров их, а также последующие испытания опытных образцов бомб и гранат новых видов проводились под руководством Аракчеева. На подобных испытаниях был впервые в России установлен наиболее оптимальный и фиксированный вес заряда и пули в патронах всех видов огнестрельного оружия русской армии.

14 декабря 1808 года на базе действовавшего в прежние годы временного комитета для рассмотрения и обсуждения нововведений в артиллерии был создан по предложению Аракчеева Ученый комитет по артиллерийской части. Данный комитет был предназначен всемерно содействовать развитию артиллерийской науки, а также усовершенствованию материальной части и боеприпасов. В его рамках должны были рассматриваться все проекты нововведений в области артиллерии, организовываться соответствующие испытания новых образцов артиллерийского вооружения. По проекту военного министра Аракчеева при комитете был учрежден «Артиллерийский журнал»¹, «полезный и содержательный для артиллерийских офицеров», основана артиллерийская библиотека «из лучших до военного искусства относящихся книг».

Деятельность Аракчеева на посту министра военных сухопутных сил высоко оценивалась впоследствии не только теми, кто относился к нему доброжелательно, но даже и недругами его. Василий Романович Марченко, служивший в экспедиции министерства в то самое время, когда министром был в нем Аракчеев, писал много лет спустя, уже после того, как стал считать графа своим врагом: «В управлении

¹ Основанный графом Аракчеевым «Артиллерийский журнал» издавался вплоть до 1917 г. В 1927 г. артиллерийские офицеры, оказавшиеся в эмиграции, основали свой «Артиллерийский журнал». Вышло 22 номера этого издания.

военным министерством граф Аракчеев держался одного правила с Бонапарте: все гибни, лишь бы мне блеснуть. Самовластием беспредельным и строгостью сделал он много хорошего: восстановил дисциплину, сформировал заново, можно сказать, армию, расстроенную неудачами 1805 и 1807 годов (неисправно и жалование получавшую); удовлетворил справедливые полковые претензии; учредил запасы и оставил наличных денег, как помнится, 20 млн. рублей». Вместе с тем Марченко полагал, что Аракчеев нанес и вред государству, отказавшись платить долги своего министерства и опубликовав о том в газетах со странным объяснением, что он не может делать из одного рубля двух. Этим заявлением был подорван, по мнению критика, более чем на 15 лет кредит казны и разорены многие подрядчики.

Марченко был прав: Аракчеев действовал в качестве военного министра так, будто занимал самую важную должность в государстве. Состоявший при графе И. С. Жиркевич вспоминал: «Весь 1808-й год прошел для меня в усиленных занятиях; Аракчеев, бывши военным министром, хотел сему званию придать особенное уважение. Всех вообще, даже лиц, близких по родству к государю, принимал как начальник, с прочими генералами обращался как с далекими подчиненными; ездил по городу и во дворец всегда с особым конвоем. Один раз, сделавшись нездоров, целую неделю никуда не выезжал из дома, и государь был столь внимателен к заслугам сего государственного человека, что каждый день приезжал к нему рассуждать о делах... Когда Аракчеев переехал на дачу, на Выборгскую сторону, то государь, щадя его здоровье, и туда продолжал ездить ежедневно».

Таков был Алексей Андреевич характером — на какую бы должность ни заступал, неизменно придавал ей небывалую прежде важность. Из самого незначительного места он способен был, если только на него попадал, сделать место высокое. Должность военного министра была высокой — Аракчеев поднял ее еще выше.

С приходом этого человека в военное министерство в стенах его воцарился подлинный культ дела. «Никто из нас не помнил, — отмечал В. Р. Марченко, — чтобы у графа Аракчеева какой-либо указ вынесен был неподписанным или чтобы не было то сделано, что он кому обещает». К этому можно добавить, что не случалось в бытность Аракчеева военным министром и такого, чтобы он, издав какой-либо приказ, не позаботился потом о его надлежащем исполнении. Сам надзирал за исполнением своих распоряжений и других усердно приучал к ставшему для него уже привычкой правилу. «Вни-

кая подробно во все действия по делам службы тех лиц, кои подчинены Военному Департаменту, — гласил приказ министра Аракчеева от 7 января 1809 года, — заметил я между прочим, что многие г.г. дивизионные командиры, сделав отношения или предписания свои кому следует по принадлежности предмета, считают, что тем и дело кончено, не стараясь знать, исполнено ли то, о чем они относились или предписывали... Поелику же таковое ненаблюдение за исполнением предписанного противно порядку службы, пользам ее и даже нанести может невозвратной вред и потеряние нужного времени, то я предписываю г.г. дивизионным командирам взять за правило, что тогда только дело можно считать конченным или исполненным, когда удостоверятся они, что требуемое или предписанное от них действительно сделано». 12 января Аракчеев выслал в дивизии новый свой приказ, в котором говорилось: «От некоторых г.г. дивизионных командиров получаю я ведомости о расположении полков на квартирах, иные слишком уже подробно, так что многого и знать мне не нужно, а другие совсем недостаточные. Вследствие сего для соблюдения единообразия прилагаю здесь форму, которою и руководствоваться по всей Армии при случае доставления ко мне росписаний квартир»¹.

Приказы военного министра Аракчеева, ясно отражающие стиль его административной деятельности, не оставляют сомнений, что, занимая эту должность, он был на своем месте. Григорий Александров, служивший в его время чиновником в различных ведомствах, писал в своих воспоминаниях: «Из всех министров минувшей эпохи граф Аракчеев был одним из самых трудолюбивых, дельных, честных и полезных». Не было Аракчееву родней стихии, чем атмосфера Военного министерства. Он мог выступать здесь не просто начальником, но и наставником для подчиненных. Приказы его — сущие наставления, своего рода учебное пособие для разных мелких и крупных начальствующих лиц.

«С самого вступления моего в звание военного министра замечал, что субординация не наблюдается в некоторых случаях в полной ее силе, — читаем мы в приказе Аракчеева от 9 июня 1808 года. — А как известно, что она есть главнейшее правило, связующее все части военной службы, то и полагаю должно по званию моему обязанностью объявить следующее. Нередко случается, что особливо

¹ Тексты этих и других приказов военного министра А. А. Аракчеева цитируются мной по оригиналам, хранящимся в РГВИА (Ф. 154. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–8).

в публичных собраниях младшие чиновники не сохраняют в отношении старших должного уважения и даже самой благопристойности, то причину сему отношу я не столько на счет младшего чиновника, как к лицу старшего, упускающего из виду должное за сие взыскание и чрез то дающего совершенной повод к явному ослаблению установленных правил военной службы. В оном мнении удостоверяюсь я, поставляя собственно себя примером: ибо никогда не замечал я, чтобы в отношении меня была нарушена субординация; следовательно, как ныне, так и впредь уверительно заключать должно, что если генерал не будет взыскивать за неисполнение обязанностей младших его чиновников, то таковой докажет, что он не умеет держать должного к себе уважения».

Граф приводил себя в пример не зря. Уж что-что, а уважение к себе он внушать умел. Иван Александрович Бессонов, близко знавший Аракчеева, писал в своих воспоминаниях¹ о нем: «Всегда осторожный, всегда скрывающий глубоко свою мысль и свои страсти, он не любил около себя шуму и восклицаний, в каком бы они роде ни были... Была ли то врожденная или рассчитанная скромность, склонность к тишине и уединению, как знать? Аракчеев не был балагуром и, сколько известно, крепко недолгоблывал людей этого рода. Впрочем, с ним и шутить было не совсем удобно или ловко: и все эти умники тогдашнего времени (были) замечательно тупы и теряли дар слова, свыше ниспосланный, не только в присутствии сурового временщика, но даже при одном его имени».

В 1809 году военный министр Аракчеев ввел в русской армии правило отдания чести, согласно которому офицеры должны были приветствовать друг друга поднятием левой руки к головному убору. При этом младшие по званию обязаны были отдавать честь первыми. Эта мера призвана была способствовать поддержанию в офицерской среде атмосферы взаимного уважения друг к другу, духа субординации и дисциплины.

Многие, сталкивавшиеся с Аракчевым на службе, утверждали впоследствии, что граф требовал от своих подчиненных слепого повиновения себе и не терпел с их стороны какого-либо рассуждения. В ряде случаев так и было на самом деле. Но вот что писал Аракчеев 1 марта 1808 года своему преемнику на посту инспектора артиллерии барону П. И. Меллеру-Закомельскому: «Возвращаю Вашему

¹ Авторская рукопись их хранится в НИОР РГБ в фонде Полторацкого (Фонд 233. К. 8. Ед. хр. 43).

Превосходительству доставленные от Вас бумаги; ибо Вы только ко мне передаете рапорты, а Ваша обязанность моего помощника есть рассмотреть и сказать Ваше мнение и заключение, что самое и впредь рекомендую наблюдать, а не предписывать, чтоб виноватые ответы свои присылали ко мне, ибо если мне нужно самому знать, то я имею власть и требовать сам эти посторонние пособия».

Аракчеев был человеком дела и в большинстве случаев поступал так, как это нужно было в интересах дела. Там, где требовало дело слепого повиновения, требовал его и Аракчеев. Однако если нужно было для дела рассуждение с инициативой, он именно их добивался от подчиненных. Дураков во вверенных ему частях управления граф держать не желал, и трудно приходилось тем его подчиненным, которые не проявляли в своей работе достаточно знаний и ума. Раз на одном из сенатских указов о производстве чиновников за выслугу военный министр Аракчеев начертал: «Поздравляю. Чинов прибавилось, да прибавится ли ума и способности».

Верный сын своего времени, Аракчеев полагал, что в интересах дела должен быть жестоким, и был им. «Знаю, — откровенничал он однажды, — что меня многие не любят, потому что я крут — да что делать? Таким меня Бог создал! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодарен. *Мягкими французскими речами не выкуешь дело!*» «У меня камерюнкерствовать не можно, — декларировал граф в другой раз. — Я педант, я люблю, чтобы дела шли порядочно, скоро, а любовь своих подчиненных полагаю в том, дабы они делали свое дело». Молодому офицеру Долгорукову, показавшему излишнюю строптивость, Алексей Андреевич заявил: «О, да ты, я вижу, молодец на словах, каков-то на деле? Повторяю тебе, что Аракчеев дураков и лентяев не терпит». Подобные выражения частенько слышали от графа те, кто работал под его началом. Неоднократно говорил он своим подчиненным и другие слова, весьма знаменательные: «*Мы все сделаем; от нас, русских, нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного*».

Аракчееву казалось, что главное в службе — это строгая дисциплина и субординация, и он стремился поддерживать их, невзирая ни на что. Но натурой своей Алексей Андреевич умел быть и великодушным. Нижеследующий случай многое объясняет в его характере.

Один майор, отпущенный со службы в отпуск на двадцать девять дней, пробыл в нем три месяца. Воротясь на службу, он пошел не к непосредственному своему начальнику, а прямо к военному министру Аракчееву, взяв с собой двух сыновей. Кабинет министра был

весь заполнен офицерами. В их присутствии бедный майор стал говорить Аракчееву, что просрочил два месяца и знает, какое должен понести за это наказание, но он все же надеется, что граф его простит после того, как услышит, какие обстоятельства не позволили ему вернуться на службу в срок. И майор рассказал про свои злоключения. Едва приехал он в отпуск домой, как заболела и умерла его жена, а через некоторое время скончался и старший сын. Остался майор с дочерью и двумя сыновьями весь в заботах об их пропитании. Аракчеев выслушал внимательно сей рассказ, но вместо того, чтобы выразить сочувствие несчастному майору, принялся его бранить, приговаривая при том, что служба не терпит никакого извинения. Разбранив майора окончательно, Аракчеев велел ему явиться к себе назавтра в семь часов утра.

Перепуганный майор пришел в назначенное время и сразу же был введен в кабинет министра. К великому его изумлению, граф заговорил с ним ласково: «Вчера вы видели во мне начальника, который не должен был прощать вас при таком множестве молодых офицеров, не знающих никакой субординации и дисциплины, а теперь вы видите во мне человека. Я уже докладывал об вас государю. Его Величество приказал взять сыновей ваших в кадетский корпус, дочь вашу в институт; ей назначено пять тысяч рублей приданого; вам же государь жалует единовременно тысячу червонных. Извольте явиться к полку вашему; вот от меня письмо к шефу, вы хорошо будете приняты». Об этом повороте в своей несчастной судьбе майор рассказывал потом всякий раз, когда кто-либо в его присутствии начинал ругать Аракчеева. Слышавшие этот рассказ удивлялись, а между тем поступок графа был вполне в его духе.

Летом 1804 года, в бытность свою инспектором артиллерии, Алексей Андреевич осматривал арсеналы и пороховые заводы в Брянске. «Нашел я еще в здешнем городе, — писал он императору Александру 1 июля, — несчастного офицера Путвинского, который был выпущен из гродненского корпуса в нынешнем году, 22-го января, в прапорщики в Борисоглебский драгунский полк, расположенный на кавказской линии, и не доезжая сего города, опрокинута была ямщиком его кибитка, отчего и переломило ему левую руку в двух местах. Молодой жалкой человек начал ныне выздоравливать, но в кавалерии служить будет уже неспособен, то и просит о переводе в пехотный полк, не имея чем содержаться; осмелился из находящихся у меня ваших дорожных денег оставить ему именем Вашего Величества».

Архив Государственного Совета — органа, созданного 30 марта 1801 года и просуществовавшего до 1 января 1810 года¹, — свидетельствует о том, что Аракчеев, которого столичная молва окрестила зловредным, часто показывал больше сочувствия к обездоленным, нежели окружавшие его сановники, слывшие вполне добропорядочными людьми. Вот несколько примеров.

На заседании Государственного Совета от 18 января 1809 года читано было внесенное министром юстиции всеподданнейшее прошение польской уроженки Езерской о дозволении ей и двум ее детям — сыну и дочери — принять фамилию с правом наследования убитого в сражении полковника Манюкина, который прижил детей с нею, но не успел на ней жениться, хотя и имел на то высочайшее соизволение. Члены Совета приняли во внимание установленные законодательством правила усыновления, по которым в права законных детей вводились исключительно дети, прижитые до брака лицами, впоследствии браком сочетавшимися, и на этом основании решили, что дети Езерской не могут пользоваться правами законных детей. Военный министр написал под протоколом: «Граф Аракчеев находит, что если Манюкин имел позволение жениться и убит в сражении, то находит сие заслуживающим особого уважения». На заседании Госсовета 1 марта 1809 года правитель канцелярии Совета объявил, что «Его императорское величество, изъявля высочайшее согласие на мнение военного министра, при подписании протокола от 18 января сего года означенное, указать изволил предложить о том Совету, для изъяснения мнения его по сему предмету по учинении выправок, какие нужны быть могут».

Заботу об обездоленных и одновременно лучшие стороны государственного ума своего проявил Аракчеев и в случае, который рассматривался на заседании Государственного Совета 23 марта 1808 года. Как явствует из текста протокола данного заседания, министр внутренних дел представил членам Совета выписку из донесения чиновника, побывавшего в Эстляндской и Лифляндской губерниях с целью проверки дошедших до столицы слухов о «недо-

¹ В указе его величества Сенату от 30 марта 1801 г. и в специальном наказе орган этот назывался «Непременный Совет», но в журнале Совета он с первого же и до последнего дня своей деятельности именовался «Государственный». Это наименование приписывалось ему и в утвержденном Александром 9 апреля 1801 г. штате его канцелярии. 1 января 1810 г. начал действовать другой Государственный Совет, учрежденный императором по «Записке» Сперанского.

статке народного продовольствия». Донесение подтверждало, что крестьяне названных губерний терпели недостаток в хлебе, и в качестве главных причин указывали на прежний неурожай, порчу последнего посева от червей и продолжение винокурения. Рассмотрев представленные факты, Совет решил предложить Эстляндскому гражданскому губернатору составить особый комитет для изучения обстоятельств, вследствие которых крестьяне претерпевали недостаток в продовольствии, одновременно употребляя «деятельнейшие меры к понуждению помещиков, чтоб они не оставляли крестьян без должного и достаточного пропитания», и запретив, где это необходимо, винокурение. Военный министр Аракчеев выразил по обсуждавшейся проблеме иное мнение. «Во-первых, — заметил он, — следует всеподданнейше представить Государю Императору в виду упущения господ гражданских губернаторов, что они в свое время не доносят о таких важных недостатках народного продовольствия, которые соединены с жизнью человеческою целых губерний, а сие самое неисполнение произвело упущение времени, в кое наверно полагать можно и бывшую уже от одного недостатка потерю людей; во-вторых, рассуждая потерянное уже и по сие число время, не только кажется уже поздно сообщать и учреждать особенный комитет к рассмотрению и соображению местных обстоятельств, а нужно, полагая, ныне же запретить винокурение; а наконец, для исследования как в упущении о сем представлении господ губернаторов, так и самых тех помещиков, которые не пекутся о прокормлении своих крестьян, а равным образом и для освидетельствования сельских запасных магазинов обрядить ныне же сенатора». Подобной линии поведения граф Аракчеев придерживался не только в Государственном Совете, но и в повседневной своей деятельности в качестве военного министра, и на заседаниях Комитета министров. 29 сентября 1808 года в этом органе решался в числе прочих дел вопрос о принятии в кадетский корпус малолетних детей умершего полковника Челищева. Согласно представлению Виленского губернатора, полковник Челищев во время квартирования в 1796 году в пределах его губернии женился на местной жительнице-шляхтянке и прижил с нею двух сыновей. Спустя некоторое время он оставил службу и уехал в свое имение в Смоленской губернии и там умер. Вдова его вышла замуж вторично и вскоре также умерла. В результате дети остались с отчимом, который по бедности своей неспособен был дать им надлежащее воспитание. Хорошим выходом из данной ситуации могло быть определение сирот в кадетский корпус, но Виленский губерна-

тор не имел права направить их туда, поскольку в корпус принимались в то время дворянские дети не моложе 16 лет, а сыновьям Челищева исполнилось одному — 11, а другому — 10 лет. Возникшую проблему разрешил граф Аракчеев, заявив членам Комитета министров, что принимает устройство малолетних сирот в кадетский корпус на себя.

* * *

Деятельность Аракчеева на посту военного министра пришлось на исключительно сложное для России время. Брожение внутри русского общества; мир с Францией, в любой момент могущий обернуться войной; участие России в организованной Наполеоном континентальной блокаде Англии — все это создавало обстановку, в которой очень многое в судьбе России зависело от армии, а значит, и от военного министра, от того, как будет он действовать на своем посту.

Подполковник Гродненского гусарского полка Яков Кульнев¹ говорил в это судьбоносное для россиян время: «Матушка Россия тем хороша, что все-таки в каком-нибудь углу ее да дерутся». Еще не улеглись в русском обществе впечатления от военной кампании с Францией и завершившего ее Тильзитского мира, еще войска, возвратившиеся из Пруссии, не успели отдохнуть, как Россия втянулась в новую войну — на сей раз со Швецией.

Боевые действия проходили на территории Финляндии, оттого и получила эта война прозвание «Финляндской». Началась она 8 февраля 1808 года и длилась весь указанный год да еще больше половины следующего — 1809-го. Русское общество по странному стечению обстоятельств Финляндской войной интересовалось мало. «Не до того было общему любопытству, утомленному огромнейшими событиями в Моравии и в Восточной Пруссии, чтобы заниматься войною, в коей число сражавшихся едва ли доходило до числа убитых и раненых в одном из сражений предшествовавших войн», — вспоминал участник названной войны Денис Давыдов, в то время штаб-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка.

Первые же боевые действия принесли успех русской армии. Ею легко было занята южная Финляндия с мощными крепостями Свеа-

¹ Позднее станет генерал-майором и шефом этого полка, героически погибнет в начале Отечественной войны 1812 г.

боргом и Свартгольмом. Однако когда военная кампания переместилась в северную Финляндию, успехи русских сменились неудачами. Русские войска рассеялись по финской территории, ударные отряды их далеко оторвались от резервов. Шведские же воинские части, находившиеся в Финляндии, напротив, постоянно усиливались за счет подкреплений, поступавших из Швеции. Главнокомандующий русской армией граф Ф. Ф. Буксгевден совершенно не принял во внимание перемену обстановки и продолжал слать передовым отрядам приказ за приказом об ускорении преследования отступающего неприятеля. Шведы воспользовались новыми обстоятельствами и ошибками Буксгевдена, перешли в контрнаступление и нанесли русским войскам серию чувствительных ударов. Видя, что ситуация начала складываться в пользу шведов, зашевелились местные жители, которые стали совершать набеги на обозы русской армии. Война в Финляндии поэтому затянулась. Решительный перелом в ней намечился только в сентябре 1808 года, когда были разгромлены главные силы шведов. Но и после этого война продолжалась почти год.

Переломить ход боевых действий в свою пользу русской армии удалось во многом благодаря военному министру Аракчееву, который после первых же крупных неудач русских войск в Финляндии взял все обеспечение Финляндской войны на себя. Он сместил с поста главнокомандующего графа Буксгевдена, назначив на его место Кнорринга. Сместил за грубые ошибки в руководстве войсками и стремление заключить перемирие со Швецией в неподходящий для России момент, но в Петербурге тотчас же распространился слух, что здесь сыграла свою роль более прозаическая причина. «Граф Буксгевден, главнокомандующий Финляндскою армиею, отставлен за то, что партикулярным письмом¹ просил с большею внимательностью к правде делать ему замечания», — писал позднее В. Р. Марченко.

Одновременно Аракчеев принял решительные меры к улучшению снабжения русской армии в Финляндии продовольствием и боеприпасами. О том, как действовал при этом военный министр, можно судить по воспоминаниям генерал-провиантмейстера армии

¹ Текст указанного письма, ходившего в Петербурге в списках, составил, по некоторым сведениям, квартирмейстерский полковник Говардовский (в другом написании — Гавердовский), Буксгевден же лишь поставил свою подпись. И. П. Липранди в своих мемуарах сообщает о том, что майор Гавердовский перевел текст письма Буксгевдена на русский язык, смягчив при этом выражения оригинала.

Д. Б. Мертваго. Он рассказал в своих мемуарах, как однажды сообщил Аракчееву, что единственным средством решить проблему продовольствия явилось бы приказание всему Петербургскому гарнизону печь хлеба и пересушивать их в сухари. Граф сейчас же, как услышал поданную идею, взялся за колокольчик, призывая к себе адъютанта. Вошедшему адъютанту он велел немедленно составить соответствующий приказ. Громадный по объему работы и важный для русских, воевавших в Финляндии, план был осуществлен моментально благодаря, как отмечал Мертваго, энергии и решимости Аракчеева, его способности быстро, с полуслова схватывать идею и безбоязненно брать на себя ее практическое исполнение.

По признанию военных историков, успеху русских в войне 1808–1809 годов со шведами много способствовала выпестованная Аракчеевым артиллерия. Она была по действию своему в этой войне «наиболее подготовленным и благоустроенным» родом оружия. Тем не менее и в артиллерийских подразделениях возникали на «финляндской войне» проблемы. 20 мая 1808 года к военному министру Аракчееву обратился с письмом из Гельсингфорса его разгневанный брат-артиллерист генерал-майор Андрей Аракчеев: «Милостивый Государь братец! Алексей Андреевич. Сколько я не выдерживал на себе, но наконец нет возможности мне более сносить. А потому простите меня, буде и сказавши правду, сделаю тем вам, быть может, неудовольствие. За что быть ко мне столько немилосердным, что вместо того, что все думают и наверное полагают, я имею от вас во всем полное пособие; особенно: не так как от начальника, а так как от брата! Но напротив того: вы беспрестанно выдаете меня, но такую сцену, чтоб обо мне думали дурно и чтоб меня бранили. Сколько времени, как я беспрестанно пишу к Вам о присылке под запасные парки лошадей. Но и до сих пор и известия не могу дожидаться, где оные. А между тем, везде в зарядах и патронах совершенная остановка. И мне (что называется) голову отгрызли тем, что не отправляю оные. Будте столько милосердны, хотя не ко мне, так, по крайней мере, к тем бедным нашим людям, которых бьют, как птиц, а им стрелять нечем. Прикажите лошадей вести ради самого Бога скорее!» Алексей Андреевич отреагировал немедля. Получив письмо 22 мая, он в тот же день переправил его инспектору артиллерии барону Меллеру-Закомельскому со своей запиской: «Из прилагаемых здесь рапорта и партикулярного письма генерал-майора Аракчеева усмотрите, Ваше Превосходительство, в каких затруднениях находятся войска Финляндской Армии в рассуждении снабже-

ния порохом и свинцом; а потому самому принужденным нахожусь все сие поставить собственному вашему об оном суждению, приятно ли оное донесение слышать нашему Всемиловейшему Государю; в следствие чего необходимо полагаю отправиться немедленно Вашему Превосходительству в Армию Финляндскую и все оное устроить вашим собственным везде осмотром и присутствием».

Чиновники, занимавшиеся снабжением русской армии в Финляндии, сильнее всего ощутили на себе властную руку военного министра. Малейшая оплошность, допущенная в обеспечении войск, без промедления наказывалась. Один комиссариатский чиновник, помещенный за какой-то проступок приказом Аракчеева под арест, умер прямо на гауптвахте. На рапорте об этом грустном факте граф поставил резолюцию: «Вечная память — одним мошенником меньше».

Находившийся при Аракчеве в Финляндии В. Р. Марченко вспоминал: «Власть его была неимоверна: в крепости сажал без доклада государю. При мне был егерский шеф, помнится, полковник Жилка, и разруган за то, что при полку нашел граф Аракчеев множество чухонских подвод. Объяснения Жилки... в такое привели иступление графа Аракчеева, что он, не помня себя, закричал: „Ты еще разговоришься: нет, брат, не старая пора; я царю сказал, что я за все отвечаю и чтоб он в мелочи не мешался; да и покамест буду отвечать, не одну шкуру с вас сдеру, ты сгинешь прежде у меня в крепости, чем царь узнает“, — и с сим словом, обратясь к адъютанту, графу Апраксину, сказал: „Отведи его в крепость, а оттуда ступай в Измайловский полк, возьми обоз и чтоб полк проходил чрез город с своим обозом, а Измайловский полк получит деньги на счет этого командира татарской орды!“ Все в одну ночь и исполнено».

Слова Аракчеева «я царю сказал, что я за все отвечаю» не были позерством. Император Александр высоко оценивал деятельность военного министра в Финляндии. «Друг мой Алексей Андреевич! — писал он графу 7 марта 1809 года. — Я тебя не могу довольно благодарить за все твое усердие и привязанность к себе. Но и моя к тебе нелицемерна, и ежедневно более чувствую всю твою цену... Я не могу довольно нахвалиться твоею решимостью, и оною ты мне оказал настоящую услугу». К данному письму Александр приложил свой указ, которым вверял Аракчеву практически неограниченную власть по всей территории Финляндии и право «представлять сей указ везде, где польза службы того востребует».

5 сентября 1809 года был заключен мир со Швецией, по которому Финляндия отходила России. В честь столь славной победы

император Александр послал Аракчееву орден Святого Андрея Первозванного. «Посылаю то, что по всей справедливости тебе следует», — написал его величество в сопроводительном письме к награде. Алексей Андреевич поступил с присланным государем почетным орденом не обычным образом — не так, как поступают в таких случаях нормальные сановники. Он отослал его обратно. Этот свой поступок граф увенчал торжественной записью на прокладных листах принадлежавшей ему книги Святого Евангелия: «Сентября 6-го. В сей день, 1809 года, Государь Император Александр I изволил прислать к графу Аракчееву, по случаю мира со Швециею, с флигель-адъютантом орден Св. Апостола Андрея Первозванного, тот самый, который сам изволил носить, при рескрипте своем; оный орден упросил граф Аракчеев, того же числа в вечеру, взять обратно, что Государем Императором милостиво исполнено; а дабы сей рескрипт не утерялся, то с онаго копия списана в сей книге на листах в Пасхалии, а другая копия написана на листах в Евангелии, в селе Грузине. Но оное останется в доказательство; в фамилии Аракчеевых рескрипт Государя Императора на сей случай собственною рукою писанный».

Видимо, желая хоть чем-то вознаградить расторопного и деловитого военного министра за его действия, много поспособствовавшие успешному завершению войны со Швецией, император Александр издал 7 сентября 1809 года другой указ: «В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра графа Аракчеева, войскам отдавать следующие ему почести и в местах высочайшего пребывания Его Императорского Величества». Сын бедного дворянина ставился почти вровень с самим государем и тем поднимался над всеми другими сановниками. Эта награда — не орденом, а честью — подходила ему вполне: от таких наград Аракчеев никогда не отказывался.

Сам Алексей Андреевич свою роль в Русско-шведской войне оценивал следующим образом: «Я не воевода и не брался предводить войсками, но Бог дал мне столько разума, чтобы различать правое от неправого. Буксгевден почитал меня своим личным врагом — и крепко ошибался. Тот мой враг, кто не исполняет своего дела как следует. Я воевал с Буксгевденом его собственным оружием — его резонами, против предложенного им перемирия, и если бы услышал всех, да не столкнул Баркляя на лед, прямо в Швецию, то мы еще года два пробивались бы в Финляндию».

Граф Аракчеев в данном случае, как и во всех других, нисколько не преувеличивал свои заслуги. Он действительно буквально заста-

вил генерала Барклая де Толли перейти с войсками Ботнический залив по льду. Этот бросок русских войск оказался полной неожиданностью для шведов и принес победу России.

* * *

Год 1809-й складывался для графа Аракчеева как никогда удачно. Доверие императора Александра к своему военному министру после успеха русских войск в Финляндии возросло до небывалой степени. Но не мог Алексей Андреевич долго пребывать в безоблачном настроении. И если ничто в окружающем мире не навлекало на него туч, он создавал их себе сам — своим собственным воображением.

С ранних лет находивший в людях более неприязни к своей персоне, нежели симпатии, привыкший быть ненавидимым, он по особому ценил любые проявления добрых чувств по отношению к себе. Он заботливо сохранял все присылавшиеся в его адрес письма или записки, в которых содержалась хоть какая-то ему похвала. Но ценя всякое доброе к себе чувство, буквально лелея его, Алексей Андреевич в то же самое время не доверял ему, сомневался в том, что оно подлинное и не переменится при малейших изменениях в обстоятельствах. Это очень ясно видно из писем Аракчеева.

«Милостивый государь, князь Александр Александрович! — писал граф князю Прозоровскому 12 февраля 1809 года. — Отправляя к вашему сиятельству курьера с подробным моим ответом на все ваши приказания, я только более ничего не желаю так того, чтоб ваше ко мне расположение не переменилось, ибо сего, кажется, многие желают. И признаюсь вашему сиятельству в моих слабостях: я очень мнительный от природы человек, то и опасюсь уже, не хотел ли Володимир Иванович вашего сиятельства противу меня переменить; но я всегда буду стараться доказывать то, что более меня никто не предан вам и не уважает так, как истинно вам преданный и покорный слуга г. Аракчеев».

Это опасение, что к нему переменятся, это проявление ревности, едва заметное в его письме к князю Прозоровскому, превращалось в его отношениях с императором Александром в подлинный страх и большую ревность. И чем сильнее становилось доверие его величества к Аракчееву, чем теснее делался их союз, тем более опасался граф утратить императорское благорасположение к себе. Любой, кто удостоивался от Александра даже единичных знаков благоволения, а то и просто внимания, вызывал у Алексея Андреевича приступы не-

удержимого гнева. Тот же, к кому император начинал благоволить изо дня в день, становился для Аракчеева настоящим врагом. Граф терял покой на целые недели, душа его буквально заходила от злости.

В 1824 году, когда Аракчеев находился на вершине своего могущества, произошел следующий случай. Генерал-майор С. И. Маевский, управляющий Новгородскими военными поселениями, сумел в Старой Руссе помыть и обмундировать за одиннадцать дней 27 тысяч человек, придумав выставлять каждому подразделению в качестве награды за скорость мытья и одевания бочку водки. За этот свой успех Сергей Иванович удостоился похвалы от самого императора Александра. Реакция Аракчеева на государеву похвалу Маевскому была страшной. «Ты скоренько все делаешь, — заявил он своему удачливому подчиненному при первой же с ним встрече, — ты везде спешешь и хвастаешь. Ты думаешь, что ты одел людей? Нет — я! Что тут удивляться: „Сила солому ломит“. Я пять лет трудился и готовил их к повиновению и покорности; а ты думаешь, что ты все сделал сам по себе. Знаешь, что я с тобою сделаю? Разотру, как пыль! Я не таких учил, как ты: гог-магоги¹, а и те не смеют идти против меня! Меня Европа, вся Европа трепещет! Ко мне Бог милостив. У меня один только остался злодей — Гурьев², да и тот, слава Богу, околеваает. Нет, брат, нет! Мне не надо скороспелок. Мне надо такой помощник, который бы не умничал, а исполнял слепо мои приказания. Пусть он будет дурак, лишь бы делал только то, что я велю».

Летом 1809 года император Александр много времени проводил в обществе Марии Антоновны Нарышкиной, супруги обер-егермейстера царского двора Дмитрия Львовича Нарышкина. Его величество приходил в дом к Нарышкиным и подолгу там сживал, наслаждаясь беседой с очаровательной хозяйкой, а бывало, выезжал со своей избранницей на ее дачу. Здесь он либо катался с Марией Антоновной на раззолоченном катере по Неве, либо просто разговаривал с ней за каким-нибудь угощением, но чаще всего слушал музыку. Дмитрий Львович имел знаменитый не только в России, но и во всей Европе хор роговой музыки, состоявший из пятидесяти придворных егерей, игравших на позолоченных охотничьих рожках с удивительным искусством.

¹ Аракчеев звал гог-магогами аристократов.

² Дмитрий Александрович Гурьев — министр финансов в 1810–1823 гг.

Алексей Андреевич, естественно, невзлюбил Марию Антоновну, но, вероятно, его все же не особенно беспокоила бы любовная связь императора с нею, если бы не одно важное обстоятельство: Мария Антоновна относилась к Аракчееву в высшей степени неприязненно, так что само это имя считалось в ее доме запретным, его не осмеливался произносить в ее присутствии даже сам Александр. В сей необычной ситуации граф вынужден был приложить старание для того, чтобы если не поссорить Александра с Нарышкиной, то хотя бы уменьшить ее влияние на государя.

Не найдя ничего лучшего, он пустился выслеживать их. Его интересовала любая деталь в поведении Марии Антоновны, которая могла бы выставить ее в дурном свете и тем ослабить влечение к ней государя. Труднее всего было Аракчееву выслеживать Александра и его избранницу на даче Нарышкиных. Но граф нашел выход: он вдруг страстно полюбил роговую музыку. Когда его величество отправлялся с Марией Антоновной на окраину Петербурга — туда, где располагалась нарышкинская дача, военный министр Аракчеев бросал свои служебные дела, садился в легкую, на высоком ходу коляску, запряженную четверкой тяжелых артиллерийских лошадей в ряд, сажал на передок своего адъютанта Петра Клейнмихеля и ехал по городу в направлении, в котором проехал император Александр. Но приехав на дачное место, Алексей Андреевич шел не к Нарышкиным, а к их соседу, камергеру царского двора Зиновьеву. Сидя на балконе зиновьевской дачи или на террасе между мраморных ваз с кустами роз, он делал вид, что слушает доносящуюся с дачи Нарышкина музыку, а сам внимательно наблюдал за Александром с Марией Антоновной.

На следующее утро при докладе императору Алексей Андреевич не упускал случая сказать что-нибудь едкое в адрес его избранницы и их взаимоотношений. Александр же, слушая эти едкости, молчал и улыбался.

Еще более ревниво следил граф за другим человеком из окружения императора Александра — Михайлой Михайловичем Сперанским.

Сын деревенского священника, Сперанский по окончании учебы в духовных учебных заведениях пошел в гражданскую службу и здесь в короткий срок достиг высоких ступеней. Начав службу в конце декабря 1796 года делопроизводителем генерал-прокурорской канцелярии в чине титулярного советника, попович в начале июля 1801 года был уже действительным статским совет-

ником, занимал должность управляющего экспедицией гражданских и духовных дел в канцелярии «Непременного Совета».

Еще во время царствования Павла I Сперанский приобрел славу умного, образованного чиновника, превосходно владеющего пером. Начальники его и даже сам император Павел постоянно поручали ему составлять разные важные бумаги, в том числе и тексты указов.

С сентября 1802 года Сперанский начал служить в только что образованном Министерстве внутренних дел в должности директора департамента. По поручению министра В. П. Кочубея, а в ряде случаев и по собственной инициативе молодой чиновник стал разрабатывать проекты государственных преобразований. К 1806 году Сперанский сделался широко известным в столичном обществе человеком. После заключения Тильзитского мира с Наполеоном император Александр начал приближать к себе поповича-реформатора, загораясь им, так же как и Аракчеевым, от разбушевавшихся сановников, недовольных его политикой. По камер-фурьерскому журналу видно, что в 1807 году Сперанский 6 раз приглашался на обед к их величествам, в 1808 году — 23 раза, а в 1809-м — 77. Для сравнения скажем, что Аракчеев приглашался в эти годы соответственно 30, 62 и 55 раз. В 1809 году Михайло Михайлович был уже тайным советником и наиболее близким к государю сановным лицом.

В биографиях Сперанского и Аракчеева имелось немало общего. Оба — незнатные, оба поднимались, опираясь более на собственные силы, таланты и трудолюбие. Своим умом, работоспособностью и исполнительностью завоевывали благорасположение высоких сановников — своих начальников, обращали их в покровителей себе. Граф Н. И. Салтыков, в дом которого Аракчеев был вхож как учитель графского сына, являлся владельцем села Черкутино Владимирской губернии, где жили родители Сперанского и где сам Михайло Михайлович родился.

В 1809 году Аракчеева объединяла со Сперанским и та враждебность, каковую испытывали они оба со стороны аристократии. Десятилетие спустя оба этих человека — две самые необычные фигуры на политической сцене России в первой четверти XIX века — сблизятся между собой и даже подружатся, и названная враждебность будет одной из главных причин их сближения. Но в рассматриваемое время Сперанский слишком близко стоял к императору и одним этим был уже Аракчееву неуютен.

Раздражение графа выскочкой-поповичем в течение 1809 года постоянно нарастало и в декабре разразилось скандалом. Сперан-

ский в это время заканчивал проект образования нового Государственного Совета. Александр же пребывал поначалу в Твери, где жила любимая его сестра Екатерина Павловна, а затем перебрался в Москву. Михайло Михайлович высылал его величеству свой труд отдельными тетрадами. Он вкладывал их в конверт, адреса на нем не писал, а ставил лишь какую-то ложную печать и передавал камердинеру Мельникову, который надписывал на конверте адрес государя и отсылал его. Аракчеев, знавший об этом, чрезвычайно сердился. «Мельников — важный человек!» — язвил он. Но это было лишь начало.

Законченный проект учреждения Государственного Совета показали графу Салтыкову, князю Лопухину, графу Кочубею, а в конце концов и графу Румянцеву. Графу же Аракчееву ознакомиться с ним не дали. Возмущенный Аракчеев пошел к государю, и тот обещал распорядиться, чтобы Сперанский дал прочесть проект и ему. В назначенный час Алексей Андреевич приехал во дворец и стал ждать Сперанского, который должен был передать ему текст проекта. Михайло Михайлович вскоре приехал, но привез с собою лишь оглавление проекта и сообщил, что перескажет суть нового учреждения своими словами. Аракчеев пришел в страшный гнев, отказался что-либо слушать, наговорил Сперанскому грубостей и покинул дворец.

Сразу после этого он, бросив все государственные дела, уехал в свое имение и оттуда 24 декабря послал Александру письмо¹, в котором просил у его величества отставки с поста военного министра. Содержание письма не оставляет сомнений, что на данный шаг Аракчеева толкнуло не что иное, как уязвленное самолюбие:

«Всемиловитейший Государь! Пятнадцать уже лет я пользуюсь Вашими милостями, а сегодняшние бумаги есть новый знак продолжения оных, после сего мог ли я медлить прочтением столь важных государственных бумаг. — Я, Государь! прежде отъезда моего все прочитал и не осмеливаюсь их никогда иначе понять, как только сообразить свои собственные познания и силы с разумом сих мудрых установлений.

Государь! Вам известна мера бывшего моего в молодости воспитания; она, к нещастию моему, ограничена была в тесном круге данных мне пособий, а через то я в нынешних уже своих летах не более

¹ Я привожу его текст со списка, хранящегося в НИОР РГБ (Фонд 178. Музейное собрание. Ед. хр. 5245. Л. 52–54), с исправлением лишь явных ошибок.

себя чувствую, как добрым офицером, могущим только наблюдать в точности за исполнением военного нашего ремесла.

На сих понятиях и правилах я принудил себя по воле Вашей принять занимаемое мною ныне место.

Ныне же к точному исполнению мудрых Ваших постановлений потребен министр, получивший полное воспитание о общих сведениях. Таковой будет только полезен сему важному сословию и подержит сие первое в государстве звание военное, которое, кажется, всегда должно быть защитителем и самого Совета, ибо без защиты военной и самые лучшие рассуждения Совета прерваны быть могут.

Я к оному, государь, не способен и не в состоянии буду защитить сего звания и унижу его. Сие Вам, Государь, доказывает ежедневное мое обращение и сие самое письмо.

Государь! Не гневайтесь на человека, без лести полвека прожившего, но увольте его из сего звания как вам угодно.

Молю Вас, Государь, не затрудняться в оном, ибо чрез нескорую перемену меня из сего звания будет малая польза Вам, государству, а только остановка в делах, в коих деятельность по военной части необходима».

Как видно, граф был настолько глубоко огорчен историей с бумагами, касающимися учреждения Государственного Совета, что не постеснялся откровенно дерзить императору, писать ему язвительно-насмешливым тоном.

Император отвечал дерзкому графу таким письмом, каковое тот явно не ожидал получить от его величества. Никогда ранее не обращался Александр к Аракчееву так, как обратился в конце декабря 1809 года. И никогда после этого не слал государь своему «визирю-временщику» подобных писем. Потому приведем его полностью, несмотря на его внушительный объем. Лучше, чем сам Александр сказал о своем душевном состоянии, вызванном просьбой Аракчеева об увольнении с поста военного министра, вряд ли возможно сказать.

«Не могу скрыть от вас, Алексей Андреевич, что удивление мое было велико при чтении письма вашего. Чему должен приписать я намерение ваше оставить место, вами занимаемое? Говорить обиняками было бы здесь не у места. Причины, вами изъяснимые, не могу я принять за настоящее. Если до сих пор вы были полезны в звании вашем, то при новом устройстве Совета почему сия полезность может уменьшиться? Сие никому не понятно.

Все, читавшие новое устройство Совета, нашли его полезным для блага Империи. Вы же, на чье содействие я более надеялся, вы, твер-

дивший мне столь часто, что, кроме привязанности вашей к отечеству, личная любовь ко мне вам служит побуждением, вы, невзирая на оное, одни забыв пользу Империи, спешите бросить управляемую вами часть в такое время, где совесть ваша не может не чувствовать, сколь вы нужны оной, сколько невозможно будет вас заменить. Просите искренно самого себя, какое побуждение в вас действует? И если вы будете справедливы на свой счет, то вы сие побуждение не похвалите.

Но позвольте мне, отложив здесь звание, которое я на себе ношу, говорить с вами, как с человеком, к которому я лично привязан, которому во всех случаях я доказал сию привязанность. Какое влияние произведет в глазах публики ваше увольнение от должности в такую минуту, где преобразование, полезное и приятное для всех, введено будет в правительстве? Конечно, весьма дурное для вас самих. Устройство Совета будет напечатано; всякой судить будет, что не от чего было вам оставлять своего места, и заключения будут весьма невыгодны на ваш счет.

В такую эпоху, где я право имел ожидать от всех благомыслящих и привязанных к своему отечеству жаркого и ревностного содействия, вы один от меня отходите и, предпочитая личное честолюбие, *мнимо* тронутое, пользе Империи, настоящим уже образом повредите своей репутации.

Если все вышеописанное против чаяния моего над вами действия никакого не произведет, то, по крайней мере, я вправе требовать от вас, чтобы до назначения преемника вашего вы продолжали исполнять обязанность вашу, как долг честного человека онаго требует. При первом свидании вашем вы мне решительно объявите, могу ли я в вас видеть того же графа Аракчеева, на привязанность которого я думал, что твердо смел надеяться, или необходимо мне будет заняться выбором нового Военного министра».

Письмо Александра к Аракчееву замечательно. Его упреки графу, оставившему важный пост в самое, пожалуй, тяжкое для России и ее государя время, в высшей степени проникновенны. Александр взывал к самым возвышенным и святым для русского человека чувствам. Он укорял Аракчеева в том, что тот личный свой интерес поставил выше государственного, что забыл собственные неоднократные заявления о привязанности своей к отечеству.

Как должен был вести себя в данной ситуации Аракчеев? Безусловно, ему оставалось лишь одно — тотчас броситься в столицу и объясниться с государем лицом к лицу. И он бросился, но не тотчас.

А прежде ответил на письмо императора письмом же. «Простите меня, что я отнимаю у Вашего Величества время, — писал Алексей Андреевич императору 29 декабря 1809 года, — но кажется, от подобных мне, Ваше Величество, более бывали утруждены, а я в первый раз, да может быть и в последний обеспокоиваю моими просьбами.

Мнения публики столь различны, что на оные никогда положиться нельзя, и лучшее мнение в свете — спокойная в человеке совесть, я имею ее и буду с нею везде спокоен.

Государь! Я равно с другими всеми радуюсь сему новому учреждению, естли оно полезно Государю и Отечеству моему, что и скажет время и дела.

Уверяю Вас, Государь, что до назначения мне преемника буду исправлять должность с тем же рачением, какое я имел всегда, но прошу Вашего Величества избрать онаго, а мне остаться в том предположении, какое я себе определил. Везде пребуду верным верно-подданным до конца жизни».

В тот же день это письмо было доставлено фельдъегерем к императору. Аракчеев спешил выказать Александру свое достоинство. На следующий день — 30 декабря — гордый граф прибыл в столицу собственной персоной. Два последних дня 1809 года он провел в беседах с его величеством и чтении проекта учреждения Государственного Совета, текст которого был ему наконец представлен. По проекту, в рамках Госсовета создавался Военный департамент с председателем во главе. После того как Аракчеев ознакомился с содержанием проекта, Александр спросил его: «Чем хочешь быть, министром или председателем?» — «Лучше самому быть дядькой, нежели над собой иметь дядьку», — был ответ графа.

1 января 1810 года Алексей Андреевич записал на прокладном листе принадлежавшей ему книги Святого Евангелия: «В сей день сдал звание военного министра. Советую всем, кто будет иметь сию книгу после меня, помнить, что честному человеку всегда трудно занимать важные места государства». Последнее слово в перепалке с императором осталось, таким образом, за непреклонным графом!

Глава девятая

«Аракчеевщина»: первые опыты

В первый день января 1810 года в 9 часов утра в Зимнем дворце началась торжественная церемония открытия Государственного Совета. Император Александр произнес речь. Государственный секретарь М. М. Сперанский зачитал Манифест об образовании Государственного Совета.

18 января состоялось официальное назначение графа Аракчеева председателем Военного департамента Государственного Совета. На освободившуюся должность министра военных сухопутных сил был определен генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли.

Демонстративный уход Аракчеева с поста, на котором он был в высшей степени полезен, как ни странно, не ухудшил отношения к нему императора Александра. Об этом ясно свидетельствовал приказ его величества от 18 января, где говорилось: «В воздание отличного управления генералом от артиллерии графом Аракчеевым Военным министерством по поступлении его в Государственном Совете в Председатели военного Департамента отдавать ему все прежние военные почести»¹. Александр сохранил за Аракчеевым звания и члена Комитета министров, и сенатора. В результате влияние графа на ход государственных дел после того, как он оставил пост военного министра, не только не уменьшилось, но скорее даже возросло.

Барклай де Толли не оправдал надежд Аракчеева: он оказался намного более самостоятельным в своих действиях, чем его сиятельство ожидал. Н. М. Лонгинов писал графу С. Р. Воронцову 13 сентября 1812 года: «Барклай, выведенный из ничтожества Аракчеевым,

¹ Текст данного высочайшего приказа приводится мною по сводке высочайших приказов о графе Аракчееве, составленной по его просьбе 18 августа 1823 г. (РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 131. Л. 404).

который думал управлять им как секретарем, когда вся армия возненавидела его самого, показал однако же характер, коего Аракчеев не ожидал, и с самого начала взял всю власть и могущество, которые Аракчеев думал себе одному навсегда присвоить, но ошибся, присвоив их месту, а не себе, и Барклай ни на шаг не уступил ему, когда вступил в министерство».

Впрочем, это лишь некоторым образом ограничивало вмешательство графа во внутреннюю жизнь военного ведомства. Во всяком случае те, кому Аракчеев покровительствовал, будучи военным министром, нисколько не огорчились отставкой его с этой должности и переходом в Военный департамент Государственного Совета, а напротив, поспешили напомнить ему о себе.

«Милостивый государь граф Алексей Андреевич! — писал 16 февраля 1810 года Оренбургский генерал-губернатор князь Г. С. Волконский. — Видев во все управление вашего Сиятельства Министерством военных дел многократные опыты милостивого вашего ходатайства у престола высокомонаршего по делам высочайше вверенного мне края и дивизии и чувствуя в полной мере всю цену вашего благодетельного ко мне и к служащим под моим начальством расположения, я в непремennую и приятнейшую мне обязанность принести вам, милостивый государь! чувствительную благодарность. Во всю жизнь мою долгом поставлю сохранять во глубине души моей чувства искреннейшей признательности к особе вашего сиятельства. Быв побуждаем таковыми чувствованиями, я считаю приятнейшею обязанностию принести вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с новым важнейшим занятием председательского поста в военном департаменте, и всепокорнейше прошу вас, совершенный мой благодатель! быть милостивым защитником, покровителем и председателем по делам высочайше вверенного мне края, что я приму новым доказательством продолжения ваших ко мне милостей»¹.

В исторической литературе временем наибольшего могущества Аракчеева считаются годы, последовавшие по окончании войны России с наполеоновской Францией. В действительности же граф Аракчеев стал правой рукой императора Александра на несколько лет раньше. Почти все, что было характерным для последнего десятилетия царствования Александра I, в том числе и то, что впо-

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 122.

следствии назвали «аракчеевщиной», имело место уже в 1810 году. Оно, правда, выражалось тогда не столь ярко, как это было позднее. К тому же деятельность Аракчеева в годы, предшествовавшие Отечественной войне, заслоняли собой преобразовательные опыты Сперанского.

В 1809–1811 годах степень воздействия на ход государственных дел у Сперанского была выше, чем у Аракчеева. Михайло Михайлович занимал ключевую должность в Государственном Совете — госсекретаря. Но при всем том положение графа Аракчеева в сфере высшей власти было прочнее.

Его величество еще не заносил над госсекретарем-реформатором своего молота, но наковальня общественного мнения под Сперанским уже образовалась. И простые чиновники, и вельможи травили его клеветой, эпиграммами и карикатурами, преследовали как «опасного уновителя». Графа Аракчеева в обществе также не жаловали, однако он не был реформатором, не затрагивал фундамента благополучия целых общественных групп, а потому хотя и считался «мерзавцем» и «злодеем», но никак не мыслился человеком опасным. Но самое главное — узы Аракчеева с императором Александром были значительно более устойчивы, нежели цепи, связывавшие Сперанского с его величеством. Аракчеев в тех ролях, в каковых он выступал, был необходим Александру *всегда*. Сперанский же в своем качестве реформатора — лишь на *какое-то* время.

По камер-фурьерскому журналу видно, что в 1809 году Сперанский приглашался на обед к императору 77 раз, а граф Аракчеев — 55. Но в 1810 году картина другая: у Сперанского было в этот год 25 приглашений, у Аракчеева — 45. В 1811 году у Сперанского — 32 приглашения, у Аракчеева — 79.

А в 1810 году ко всему тому, что связывало Аракчеева с Александром прежде, добавилось новое и большое — то, с чем пребудут они до гроба (до Александрова, во всяком случае), что станет общим их делом на всю жизнь. Это новое большое общее дело — военные поселения.

Позднее, когда устройство военных поселений развернется в грандиозное предприятие, станет занимать умы россиян, идею их организации в России припишут Аракчееву. «Непонятно, как Аракчееву, умному человеку, пришла в голову такая дикая мысль», — будет сетовать графиня А. Д. Блудова. Священник Павлович, служивший в 20-х годах XIX века в одном из военных поселений Малороссии, записал в своих воспоминаниях: «Мудрое измышление

приспомятного Аракчеева, в пределах великого Нова-города известное под названием поселения пахотных солдат, а у нас — на юге — процветавшее под водительством графа от поселений Никитина под наименованием военного поселения, мрачным пятном легло на страницах бытовой истории нашего народа».

Между тем идея организации в России военных поселений в рассматриваемое время принадлежала в действительности не кому иному, как Александру I. Именно российский император был главным идейным вдохновителем этого грандиозного мероприятия. 13 марта 1817 года Аракчеев писал Александру: «Благодательное внимание к заслугам победоносных Ваших воинов внушило Вашему Императорскому Величеству в 1810 году мысль, достойную отеческого Вашего о них попечения: дать и им свою оседлость, — соединить в определенных округах земель все возможные для них выгоды, и вместе с тем удовлетворить всем видам благоустроенного правительства Великой Империи».

Н. К. Шильдер в своей биографии императора Александра утверждал, что мысль об организации в России военных поселений пришла его величеству по прочтении статьи французского генерала Сервана «О пограничных силах государств». Эту статью государь якобы приказал князю П. М. Волконскому перевести на русский язык, оставя против текста перевода белые страницы. На них Александр начертил потом свои мысли о поселении русских войск¹. Приведенный историком-генералом факт важен, но не менее значим и тот, который в его книге не приводится. Говоря об инициативе императора Александра в деле организации военных поселений, следует отметить, что в начале 1810 года с предложением учредить «усадебь для полков» выступил адмирал Н. С. Мордвинов. В поселении войск сей государственный деятель, славившийся, кстати говоря, своей честностью и независимостью суждений, видел единственное реальное средство уменьшения расходов на содержание армии. Мордвинов составил даже специальную записку с обоснованием необходимости устройства военных поселений и подал ее Александру I.

Вместе с адмиралом Мордвиновым идею поселения войск на определенной территории разделял целый ряд крупных русских сановников, и в этом не было ничего удивительного. Сама по себе идея выглядела вполне разумной и благородной. Поселением войск

¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1905. С. 23–24.

можно было существенно облегчить участь солдат, которые, приобретая оседлость, получали возможность завести семью и домашнее хозяйство. С другой стороны, военные поселения казались выгодными для государства: поселенные солдаты сами обеспечивали себя продовольствием и фуражом.

Вообще практика размещения войск на мирное время среди населения, на которое возлагается при этом обязанность их материального обеспечения, существовала в европейских странах еще в эпоху Средневековья. В конце XVII столетия в Швеции была введена система поселения войск среди плательщиков налогов на их содержание.

Царь Петр решил применить шведский опыт в России. Предполагая заключить в 1709–1710 годах мир со Швецией, он одновременно думал о том, как ему поступить со своей армией, которая в случае окончания войны окажется без дела. И в конце концов пришел к мысли не распускать войска, а разместить по стране среди населения, которое будет обеспечивать их содержание. При таком порядке можно было в процессе снабжения армии припасами обойтись без разветвленной сети посреднических органов и таким образом спасти значительные финансовые средства от пропажи в карманах посредников. Указом от 19 февраля 1711 года Петр I учредил институт комиссаров, призванных рассчитывать материальные потребности войск, размещенных в губерниях.

Надежды Петра I на установление мира в то время не оправдались. Русские войска стали возвращаться домой только в 1718–1719 годах. Петр I нашел им временное применение на строительстве крепостей, каналов, гаваней и приступил к реформе налогообложения, в соответствии с которой вводилась подушная подать. По указу от 26 ноября 1718 года в Российской империи была начата перепись душ мужского пола. В процессе ее определялась и ставка подушного налога.

5 марта 1721 года был издан сенатский указ, гласивший: «Генерал-Майору и Лейб-Гвардии Майору Волкову в Новгороде и в Новгородском уезде армейские драгунской и пехотной полки росписывать по душам мужеска пола, как ему именно Царского Величества указ повелевает, считая мужеска пола по 32 алтына по 2 деньги с каждого человека».

24 февраля 1722 года был опубликован указ Петра I о расположении полков на число душ мужского пола и о содержании этих полков собранными с данных душ деньгами. Его текст начинался

со слов: «Понеже его императорское величество указал армейские как драгунские, так и пехотные полки разположить всего государства по поданным скаскам на крестьян мужеска полу на пять миллионов и для того в губернии и в провинции посланы генералитет и штап-афицеры, а имянно...» Далее в указе перечислялись имена генералов и штабных офицеров и указывалось, в какие губернии они посылаются. Затем излагалось повеление расселить конные и пехотные полки таким образом, чтобы на каждого пешего солдата приходилось «по 36 душ без 16 доли души», а на конного — «по 50 душ с полу и с осмою частию души». Естественно, что при размещении войск в губерниях для них строились полковые и ротные дворы, дома для офицеров, штабов, склады, госпитали т. п.

Военные поселения создавались во всех российских губерниях, за исключением Сибирской, которая была слишком удалена от столицы. Войска при этом призваны были сами содействовать сбору подушной подати. Население отреагировало на эту реформу недовольством, а кое-где и бунтами. Именно с этого времени военные поселения как таковые стали пользоваться в России дурной славой. Впрочем, после смерти Петра I большого развития они так и не получили.

В годы правления Екатерины II идея создания в России военных поселений снова обрела себе сторонников в правящих кругах русского общества. Одним из них был, в частности, известный военачальник Захар Григорьевич Чернышев. С 1763 года он являлся вице-президентом, а в 1773–1774 годах — президентом Военной коллегии и, пребывая в этом качестве, выдвинул план поселения русской армии. Большой интерес к военным поселениям проявлял и цесаревич Павел Петрович. Он собирал сведения о попытке организации их в России, предпринятой Петром Великим¹. В 1774 году наследник престола представил своей матери-императрице записку «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты онаго, и касательно обороны всех пределов». Павел доказывал в этой записке, что для улучшения состояния дел в Российской империи необходимо прежде всего отказаться от наступательных войн и основное внимание уделить обороне. Такая смена политики позволит, полагал он, придать армии новую организацию.

¹ В 1830 г. в Санкт-Петербурге вышли в свет «Записки, заключающие в себе сведения, собранные по повелению блаженной памяти государя императора Павла I о начёте регулярного войска, о военных поселениях и военных школах в России».

Основу ее должны составить, по его мнению, военные поселения, в которых обучение военному делу и военная служба сочетаются с производительным трудом. При этом цесаревич предлагал навести в войсках строгий порядок, предписав каждому, «начиная от фельд-маршала, кончая рядовым, все то, что должно им делать». Если же, пояснял молодой реформатор, благодаря введению по всему государству строгой централизации, все — и фельдмаршал, и солдат — должны будут испрашивать особые высочайшие разрешения на каждый случай, не предусмотренный инструкцией, то «через таковое ограничивание все будут несравненно довольнее и охотнее к службе, потому что не будут страдать и видеть себя подчиненными прихотям и неистовствам частных командиров, которые всем сим скверняют службу и вместо приохочивания удаляют всех от ней». Екатерина II отнеслась к плану создания в России военных поселений отрицательно, увидев в военных поселениях силу, опасную для самодержавия. Но идея военных поселений от такой высочайшей реакции не умерла. Она продолжала жить в высших слоях русского общества, принимая иногда весьма экзотические выражения. Князь М. М. Щербатов изложил ее в своем утопическом романе, который так и не дописал до конца. Утопия историка называлась «Путешествие в землю Офирскую господина С., извецкого (то есть шведского. — В. Т.) дворянина». В ней описывалась жизнь в некоем фантастическом государстве, в котором существует следующая организация армии: «Каждому солдату дана — меньше обыкновенного хлебопахаря — однако довольная земля, которую они обязаны сами обделывать: треть же из каждой роты, переменяясь погодно, производит солдатскую службу; а и все должны каждый год собираться на три недели и обучать военным обращениям, а во все время, в каждый месяц по два раза...» В жизни обитателей «земли Офирской», отмечал Щербатов, «все так рассчитано, что каждому положено правило, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь простран- ный дом, сколько иметь служителей, по сколько иметь блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену». Это сочинение читал великий князь Павел и даже обсуждал его со своим наставником Н. И. Паниным. Вполне мог читать произведение М. М. Щербатова и великий князь Александр.

Как бы то ни было, став императором, Александр Павлович проявит такую (иногда переходящую просто в жестокость) настойчивость в деле организации в России военных поселений, которая возможна лишь при твердой убежденности в правильности избранного

пути. Впрочем, вполне может быть, что эта настойчивость проистекала из веры Александра в благие последствия своей реформы для солдат и населения вверенной ему Богом и убийцами его отца империи.

А. Ф. Орлов, служивший в 1810 году флигель-адъютантом при императоре, был свидетелем одного из разговоров его величества с графом Аракчеевым на тему военных поселений. Находясь однажды в императорском кабинете Зимнего дворца, они видели в окно, как мимо проходил караул Преображенского Гвардейского полка, возвращавшегося со своего поста у Главного штаба в казармы. Была морозная зима — гвардейцы мерзли. Их вид и надоумил, видимо, Александра сказать Аракчееву: «Всякий раз, когда я смотрю на моих grenадер, у меня сердце обливается кровию, как подумаю, сколько они испытали в походах трудов, лишений, опасностей. Поход кончился, мы с тобою отдыхаем, а их служба в мирное время едва ли не тягостнее, чем в военное; как подумаю еще, что и по выходе в отставку, после 25-летней службы солдату негде голову преклонить, у него нет семейного очага». Граф Аракчеев в ответ заявил: «Ваше Величество, надобно об этом подумать, устроить их быт к лучшему» и при этом, по словам А. Ф. Орлова, упомянул о приграничных военных поселениях в Австрии. Услышав слова графа, его величество обратился к нему с просьбой: «Устрой мне это, Алексей Андреевич, ты доставишь мне самое большое удовольствие, я умру покойно».

В отличие от Петра I император Александр планировал создать такие военные поселения, в которых бы войска содержались не за счет окружающего их населения, а на средства, заработанные собственным трудом. Поэтому александровские военные поселения предполагали создание обширных хозяйств; в которых бы производились необходимые для поселян продукты или получался доход, позволяющий обеспечить войска всем, что им требовалось. Цель, которая преследовалась при этом, была вполне благой — уменьшить бремя содержания армии, которое несло население, и облегчить жизнь солдату, дать ему возможность заводить семью и детей еще в молодые годы.

* * *

Для организации первого военного поселения император Александр выбрал территорию Белоруссии, а точнее, Климовический уезд Могилевской губернии. Местность эта располагалась на довольно отда-

ленном расстоянии от Петербурга. Наверное, для проведения первого опыта поселения войск полезнее была бы территория поближе к столице, но, видимо, интересы организации обороны от возможного наступления наполеоновской армии перевесили все остальные доводы.

На роль первых поселенцев были избраны солдаты одного из батальонов Елецкого пехотного полка, командиром которого являлся генерал-майор Лавров. Граф Аракчеев сделал предварительные расчеты: определил площадь земли, необходимой для первого военного поселения, количество зерна для первой посевной, начертил план поселка, схемы зданий и т. д.

28 июня 1810 года его величество писал Алексею Андреевичу в Грузино: «Домашнее несчастье, со мною случившееся, помешало мне с тобою увидеться в последнее твое пребывание в Петербурге. Потеря горячо любимого ребенка¹ лишила меня дня на три всякой возможности заниматься делом. Возвратясь из Царского Села, не нашел уже тебя в городе, ждал твоего приезда. Но, наконец, сестра моя причиною, что ты еще остался в Грузино. Чтобы не терять более времени, я приказал Лаврову ехать к тебе в Грузино для личного с тобою переговора, я ему весь план изъяснил. Военный министр извещен, что сию часть я исключительно поручаю твоему попечению и начальству. Теперь остается начать. Чертежи твои весьма мне понравились, и мне кажется, лучше придумать мудрено. Лаврову покажи, пожалуй, все твое сельское устройство и, как скоро будешь свободен, приезжай в Петербург. За сим с помощью Божиею уже приступим к делу. При сем прилагаю все бумаги по сему предмету. Навек пребуду искренно привязанным».

9 ноября 1810 года Александр I издал на имя генерала Лаврова указ, которым повелел ему приступить к поселению одного из батальонов Елецкого полка на территории Могилевской губернии. Местные жители переселялись в Новороссийский край, в Херсонскую губернию. Их страдания, их телесные и душевные муки, вызванные переселением на новое место, разлукой с родиной, легли первым камнем в фундамент учреждения, названного военными поселениями. Вторым камнем легли в него страдания и лишения самих поселян — солдат Елецкого пехотного полка. Их ждал в Могилевской губернии тяжкий, изнуряющий и тело и душу труд.

¹ Речь идет о Зинаиде Нарышкиной, дочери Александра и Марии Антоновны.

По приказу Аракчеева на территории, назначенной для военных поселений, было развернуто великое строительство. Возводили роскошные здания для штабов, прокладывали шоссейные дороги, ставили домики для солдат. А когда построили все это, затратив невероятное количество средств и человеческих сил, то выяснилось, что главные труды еще впереди. Пашни и пастбища оказались расположенными на таких далеких расстояниях от домов, что и люди, и скот приходили туда изнуренными. А когда приступили к обработке земли, обнаружилось, что солдаты — неумелые земледельцы, да и незнакомы с особенностями местных почв. Скотину же им выдали иностранную, выписанную за большие деньги из-за границы. Непривычные к белорусской болотистой растительности, коровы тощали день ото дня и вскоре почти все перемерли.

С громадными потерями, финансовыми и человеческими, удалось к началу 1812 года создать что-то сносное: поселенные солдаты освоились с новой местностью и новыми правилами жизни. Быт их кое-как наладился. В феврале 1812 года Аракчеев писал Александру: «Батюшка Ваше Величество, изволите увидеть из письма Лаврова, что дела его идут хорошо».

Вторжение наполеоновской армии в пределы России приостановило дальнейшее развитие военных поселений. Однако сваи были забиты. Война с Наполеоном едва успеет завершиться, как граф Аракчеев вновь получит повеление императора Александра приступить к их организации. И начнет опять с батальона Елецкого полка.

* * *

По некоторым сведениям, первая реакция Аракчеева на идею создания в России военных поселений была резко отрицательной. Адъютант графа Маслов рассказывал Никите Егоровичу Панину, что Аракчеев даже становился на колени перед императором и умолял его не заводить в России военных поселений: «Государь, вы образуете стрельцов!»¹ Однако Александр не только не внял предостережениям своего любимца, но именно его выбрал на роль главного ис-

¹ Декабрист князь С. П. Трубецкой дал в своих записках несколько иную версию: «Гр. Аракчеев не уклонялся от исполнения возложенного на него поручения, но, однако, начал тем, что представил возражения и предлагал вместо военных для солдат поселений сократить срок службы нижним чинам, определив вместо 25-летнего срока 8-летний».

полнителя плана поселения войск. Чем объяснить императорский выбор?

Основной мотив, которым руководствовался Александр, выбирая на роль главного исполнителя плана расселения войск именно Аракчеева, навсегда остался бы для нас загадкой, когда бы не выдал его император сам — своей маленькой обмолвкой в письме к графу от 28 июня 1810 года. Выше уже приводились строчки из этого письма: Александр сообщал, что приказал генералу Лаврову ехать в Грузино. Указанная же обмолвка заключалась в словах его величества, обращенных к владельцу Грузинской вотчины: «Лаврову покажи, пожалуйста, все твое сельское устройство». Император намеревался устроить военные поселения по образцу порядков, введенных в принадлежавшей Аракчееву вотчине.

Об этих порядках с похвалой отзывались те, кто бывал в Грузии. Александр многократно слышал хвалебные отзывы и в конце концов решил сам посмотреть на устройство аракчеевского хозяйства. Посещение Грузина его величеством состоялось — и это еще один немаловажный факт — всего за три недели до написания им упомянутого письма к Аракчееву. Вот как описывал данное событие граф Алексей Андреевич в своих «автобиографических заметках»: «Июня с 7-го на 8-е число, 1810 года, что было с понедельника на вторник, Государь Император Александр I-й, возвращаясь из Твери, нарочно изволил заезжать в Грузино посетить графа Аракчеева; прибыв ночью во 2-м часу, изволил лечь почивать, а поутру 8-го числа, в 9 часов, одевшись, изволил посещать церковь и гулял по всему саду и селению до 11-ти часов; потом, возвратись в дом, изволил фрыштыкать (завтракать. — В. Т.) и потом с графом Аракчеевым ездить на дрожках по деревням, и возвратись во 2-м часу, изволил иметь обеденный стол и после обеда пробыл до 7-ми часов вечера, и потом изволил отправиться в Санктпетербург и был чрезвычайно весел и доволен». Устройство крестьянского быта в Грузинской вотчине произвело на Александра неизгладимое впечатление. В рескрипте, данном в адрес Аракчеева 21 июля 1810 года, его величество писал: «Граф Алексей Андреевич! Устройство и порядок, который лично видел я в деревнях ваших, при посещении вас на возвратном пути моем из Твери, доставили мне истинное удовольствие. Доброе сельское хозяйство есть первое основание хозяйства государственного. Посему я всегда с особым вниманием взирал на все сведения, доходящие ко мне о благоустройстве частного сельского управления, и всегда желал, чтоб число добрых и попечительных помещиков в отечестве нашем

умножалось. Надеяться должно, что примеры их изгладят постепенно следы тех неустroйств, которые, к сожалению всех людей благомыслящих, необдуманная роскошь или небрежение доселе в сей части оставляли. Быв личным свидетелем того обилия и устройства, которое в краткое время, без принуждения, одним умеренным и правильным распределением крестьянских повинностей и тщательным ко всем нуждам их вниманием, успели вы ввести в ваших селениях, я поспешаю изъявить вам истинную мою признательность за удовольствие, которое вы мне сим доставили. Когда с деятельною государственною службою сопрягается пример частного доброго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получают новую оценку и уважение. Пребываю к вам всегда благосклонным».

Александр I не мог не понимать, что военное поселение — это прежде всего хозяйство, и притом хозяйство особого типа: не армейское, но и не помещичье. Он потому и восхитился порядками, введенными Аракчеевым в деревнях Грузинской вотчины, что увидел в них конкретный прообраз будущего хозяйственного устройства военных поселений. Голая идея, овладевшая им, наполнилась живой плотью. Судьба графа была решена. Кому же как не хозяину Грузина было поручать исполнение плана организации военных поселений?

Сам же Аракчеев если и противился поселению войск, то лишь поначалу. Когда император Александр приказал ему приступить к делу, он взялся за него со всей той решительностью, на которую был способен, и много внес в устройство военных поселений своего личного. Недаром и связалось впоследствии это учреждение с именем его одного.

Решительность вообще была в натуре Аракчеева, но в эпопее с военными поселениями он действовал решительно еще и потому, что знал — пусть сначала лишь в общих чертах, — что и как делать. К моменту, когда началось создание военных поселений, Алексей Андреевич имел более чем десятилетний опыт упражнений по устройству крестьянского быта. Опыт сей был вполне пригоден для нового предприятия. Граф с самого начала создавал в своей вотчине не совсем обычное хозяйство — не такое, как у других помещиков.

Весь домашний быт и хозяйственную деятельность своих крестьян Аракчеев старался детально регламентировать. Он стремился буквально каждую ситуацию в крестьянской жизни урегулировать инструкциями или правилами и за первое десятилетие владения Грузинской вотчиной многое успел.

Так, Аракчеев установил правило, согласно которому любая, даже самая бедная крестьянская семья должна была иметь хотя бы одну, причем здоровую, лошадь и определенное количество коров. В случаях, когда скотина заболела или издыхала, вотчинный голова обязан был немедленно заменить ее или купить новую. Если же обнаруживалось, что у кого-то из крестьян более двух месяцев отсутствовала лошадь или недоставало коров, то голова выплачивал за каждого такого крестьянина 15 руб. штрафа, а старшина деревни отдавал 10 руб., а еще отработывал две недели в графском саду. При затягивании выплаты штрафа сумма его удваивалась.

Количество коров, которое обязан был держать крестьянин, зависело от размера его земельного участка. Если у крестьянской семьи имелось земли на две души, она обязана была держать не менее четырех дойных коров; если земли было на три души — шесть коров и т. д. Граф предусмотрел в своих инструкциях и случаи, когда коров заедали волки, — в таких ситуациях нерадивые хозяева выплачивали штрафы. При простой пропаже коровы размер штрафа удваивался.

По предписанию Аракчеева ежегодно проводилась перепись всего скота Грузинской вотчины. В назначенное время лошади с жеребятами и коровы с телятами приводились в одно определенное место, где всех животных проверяли. Молодняк тут же клеймили, обозначая год рождения. Рев, конечно, стоял на всю округу, но дисциплина есть дисциплина: не только люди, но и все вообще живые твари обязаны были строго соблюдать заведенные графом порядки. 17 апреля 1811 года Алексей Андреевич сообщал своему другу М. В. Храповицкому: «Я нынешнюю весну перенял у вас и строгий отдал приказ в своем Грузине — всех кошек посадить на привязь, дабы более моим птицам садовым дать свободы».

21 марта 1805 года в Грузинской вотчине вступили в законную силу составленные Аракчеевым «Правила о свадьбах». Первое из них гласило, что в январе каждого года вотчинный голова обязан был представить графу списки женихов, которым надлежало жениться в текущем году. Форма списков была специально разработана автором «Правил» и приложена к их тексту. Согласно второму правилу поступившие к графу списки женихов переписывались в журнал и затем отдавались под расписку карандашом тому, кому поручалось проэкзаменовать назначенных к женитьбе крестьян на предмет знания ими молитв и заповедей Господних. Третье правило предписывало проводить указанный экзамен в течение Великого поста во время говения женихов. В каждом списке женихов предусма-

тривался специальный столбец для отметки знания ими молитв. Из сохранившихся в архиве списков видно, что отметки бывали разные, например: «Молитвы знает», «знает хорошо» или «знает, но сбивается», «молитв не знает».

После экзамена списки представлялись вновь графу. Время представления также устанавливалось: «На святой недели в первые два дни». Затем указанные в списках женихов крестьяне подлежали смотру. На основании результатов экзамена и смотра граф давал разрешение на свадьбу. Резолюции Аракчеева и здесь блистали оригинальностью. Так, отказывая одному крестьянину в праве жениться, Алексей Андреевич начертал: «Не позволяю за грубость брата». В другом случае: «Позволяю, но если молитвы все не будет знать к великому посту, то больно высеку».

Все свадьбы предписывалось оканчивать до Троицына дня. После Троицы в первые три дня списки женихов, ставших мужьями, с отметками головы, кто на ком женился, опять поступали к графу. Граф ставил на списках свои пометы и передавал их в канцелярию на хранение.

Пункт девятый «Правил о свадьбах» предусматривал: «Естьли в числе женихов будут находиться оные из бедных семейств, за которых из домов богатых родителей невесты обыкновенно не соглашались выдавать, то об оном голова обязан докладывать Графу, дабы таковые свадьбы стараться согласить». Пункт десятый добавлял: «Для общей пользы крестьянского состояния стараться свадьбы соглашать, дабы богатые невесты выходили замуж в бедные семейства; а женихи богатых семейств брали бы дочерей из бедных семейств». Невестам хорошего, но бедного семейства граф обязывался помогать собственными своими деньгами для «построения шубы или какого платья» и просил докладывать ему о нуждающихся в такой помощи.

Пункт двенадцатый «Правил» предупреждал: «При составлении же списков голова и помощник его должны наблюдать, дабы не назначать жениться больных, увечных, и глупых, и дурного поведения».

Пункт четырнадцатый содержал еще более суровое предупреждение: «Наблюдать строго голове и помощнику, дабы в бедные и одинокие семейства, особливо за сирот, выдавать девок лучшего поведения и хороших хозяек, а в противном случае естьли окажется, что дурная девка будет выдана в одинокое семейство, то неизбежно вдосталь разорится оное семейство, за что оне оба отвечают строго Графу, да и согрешат пред Богом».

О бедных семьях граф-законодатель проявлял особую заботу. Так, он предписывал старшинам деревень смотреть, чтобы при свадьбах в этих семьях не было ничего излишнего и чтобы не платили бедные церковникам дорого за свадьбу и не подвергались бы тем самым окончательному разорению. Богатым семьям разрешалось все устраивать на свадьбе по своему усмотрению.

Последнее, двадцать четвертое правило о свадьбах гласило: «Естьли по власти Божией овдовеет кто из тех крестьян, которые уже обучались молитвам и заповедям Господним, то таковой и во второй раз не иначе может жениться, как тогда, когда он окажется, что знает все молитвы и заповеди Господни хорошо твердо. Ибо всякий христианин обязан знать молитвы и заповеди Господни во всю свою жизнь, а к старости еще оные нужнее для человека, ибо оне утешают нас, облегчают в болезнях наших».

Граф, кажется, совсем не верил в способность людей делать добро самостоятельно, единственно из душевного влечения ко всему доброму, заложенному в человеческой природе. Ему, по-видимому, никогда не приходило в голову, что к любви, заботе о ближнем человек может быть влеком своим природным инстинктом и что принуждать людей делать добро значит причинять им зло — убивать в них заложенный природой инстинкт добра.

Пожалуй, яснее всего это неверие Аракчеева в добрую натуру людей выразилось в сотворенных им «Кратких правилах для матерей-крестьянок Грузинской вотчины». «Закоренелые предрассудки, неопытность и самое нерадение матерей в деревнях, в рассуждении необходимого смотрения за своими малолетними детьми, бывают причиною многих детских болезней и даже самой их смерти, — начинал Алексей Андреевич свое наставление. — Сии пагубные последствия, столь противные законам Божеским и столь ненавистные в глазах самого человечества, проистекающие от одной только материнской беспечности и невнимания, лишают жизни младенцев, по крайней мере третьей части. Всевидящий Творец строго взыщет с родителей, когда смерть детей причинится от нерадения их. Они, как виновники смерти их, дадут ответ перед Богом и не избегнут правосудного его наказания. Многолетние и внимательные наблюдения помещика вашего, пекущегося о благосостоянии вашем, доставили ему испытанные средства для исправления заблуждений ваших и потому, во избежание проистекающих от оных пагубных следствий, родители должны строго наблюдать следующее». Далее излагались конкретные правила. В частности, матерям предписывалось содер-

жать младенцев в мягком, сухом и чистом белье, которое надлежало постоянно менять. Обмывать ребенка граф разрешал только теплою водою. Запрещалось пугать детей с целью прекращения их плача, прибегать к шептанию и колдовству старух. Параграф двадцать четвертый «Кратких правил...» устанавливал: «Каждая мать и при занятии своим сельскими работами должна младенца своего кормить, по крайней мере, три раза в день, ибо от редкого кормления молоко у матери может испортиться и вредить младенцу. Для сего и необходимо матери летом во время работ брать его с собою в поле или приходить с работы для него домой. Мать же, не исполняющая сей обязанности, как виновница болезни младенца, не избегнет правосудного божеского наказания и остается в худом замечании у помещика».

Параграф двадцать пятый содержал короткое и ясное правило: «Когда мать рассердится, то отнюдь не должна давать сосать груди младенцу».

Всего в «кратких» правилах для матерей Грузинской вотчины было тридцать шесть (!) параграфов. В Петербурге Аракчеев имел обыкновение, издав какое-либо предписание, заботиться о его соблюдении. Данному обыкновению граф-законодатель не изменял и в Грузии. Последний параграф рассматриваемых «Правил» гласил: «Старшина деревни, памятуя сии правила, для матерей предписанные, во время хождения по избам осматривает колыбельки и рожки, и если что сыщет противное данным наставлениям, то строго понуждает исполнять их обязанности и сказывает об оном лекарю при первом его приезде в деревню, а голова при осмотре деревни каждый раз должен лично осведомиться о сем и сам поверять и осматривать оное.

Все сии наставления, сколько полезные, столько же и утешительные для каждой матери, по собрании их в одной избе для лучшего их памятования, должны быть им читаемы, по крайней мере, каждый месяц. Сверх сего каждый раз после крещения младенца священник обязан прочитывать сии правила отцу и матери, с ясными и подробными их объяснениями. Закоренелые же в своих вредных обычаях и нерадивые матери должны быть понуждаемы старшинами к точному сего наставления исполнению».

По распоряжению графа составленные им «Краткие правила для матерей-крестьянок Грузинской вотчины» были размножены (а позднее даже напечатаны) в количестве, необходимом для того, дабы все крестьянские семьи их имели. Алексей Андреевич специ-

ально позаботился, чтобы названные правила хранились в каждом крестьянском доме «у образной киоте, дабы их всегда можно было видеть».

Чтобы ощущать себя личностью, человек должен иметь свободу выбора между добром и злом — он сам себе должен быть творцом! Беззастенчиво вторгаясь со своими моральными кодексами в такие сферы человеческой жизни, каковым по самой их сути назначено пребывать в сокрытости от посторонних глаз, Аракчеев лишал крестьян всякой возможности проявлять себя по собственному усмотрению, разрушал последнее убежище, где еще могли они быть личностями. Содержанием своим аракчеевские инструкции и правила были вполне разумны и моральны: они предписывали воздерживаться от глупостей и не делать зла. Но граф настолько подробно регламентировал поведение своих крестьян в домашнем быту и на работах, что жизнь крестьянская переставала являться их личной жизнью. Мать-крестьянка уже не просто любила своего ребенка, не просто заботилась о нем, а выполняла инструкцию.

Сеть многочисленных аракчеевских наставлений и правил, опутывавшая крестьян буквально с головы до ног, дополнялась системой отчетов, которые сдавались графу периодически и по строго установленной форме. Например, вотчинный голова регулярно отчитывался о состоянии дел в целом по вотчине. Вот как писал Аракчееву 13 марта 1810 года тогдашний голова Грузинской вотчины Иван Дмитриев: «Батюшка ваше сиятельство Алексей Андреевич, в вотчины вашего сиятельства слава Богу все благополучно, уведомляю вашего сиятельства, в Тихвину я съездил и что было нужно, то все искупил, также и деньги с вотчины собрал и в горот отвезу скоро для отдачи казенных податей».

Дворецкий отчитывался о состоянии графского дома. «Батюшка ваше сиятельство Алексей Андреевич, в доми вашего сиятельства все славо Богу благополучно, в натресоле в коллориди и в передней комати полы переслали», — писал 3 марта 1810 года из Грузина в Петербург дворецкий Никита Федоров.

Казначей первого числа каждого месяца составлял для Аракчеева месячный рапорт о состоянии и количестве ценной посуды. Вот образец одного из таких рапортов:

«Его Сиятельству Графу Алексею Андреевичу Аракчееву от казначея Степана Миловидова. Месячный рапорт.

В течение Марта месяца сего 1810 года находящаяся у меня в буфете посуда разная, а именно: серебро, хрусталь, фарфор, фаянс и

медь состояла, и к 1-му числу апреля месяца состоит вся благополучно. Прибыло: корзинка серебрянная овальная с крышкою и ручками снаружи для сахара одна...» Далее перечислялось все, что еще «прибыло» в имение. В заключении рапорта называлась убыль, если таковая имелась, и ставилась дата с подписью.

Возлагая на кого-либо какое-нибудь дело, Аракчеев обыкновенно подробно, по пунктам расписывал в своем приказе, что надлежало тому исполнить. Так, однажды граф захотел имевшихся у него десятерых мальчиков-музыкантов обучить полезным ремеслам: пятерых — портняжному делу, двоих — сапожному, еще двоих — каллиграфии, одного — слесарному ремеслу. Ответственность за их обучение он возложил на старшего официанта. Бедный официант получил от своего хозяина приказ из более чем десяти пунктов. Один из них, к примеру, гласил: «Еженедельно присылать ко мне рапорты, прописывая в оных все, что случится по твоему ведению. Опрятность в платье и обуви у всех мальчиков остается на твоей ответственности, за чем ты и обязан ежедневно смотреть. Для обучения портному мастерству позволяю тебе употребить на нитки, иглы и на холстину и на другие надобности собственные мои деньги, кои будут мною заплачены». Вместе с тем Аракчеев приказал отчитываться рапортами и каждому из мальчиков.

Отъезжая из Грузина в Петербург, Алексей Андреевич непременно и в мельчайших подробностях расписывал каждому из слуг, остающихся в его доме, что должен он сделать, за что будет отвечать.

Но где приказ, там и нарушение. Аракчеевские приказы нелегко было исполнять без нарушений. Граф как мог боролся за дисциплину. Часто обещал взыскивать по всей строгости и, как правило, эти свои обещания выполнял: выполнение обещаний он всегда считал святой для себя обязанностью.

В деле наказаний у Аракчеева также был строгий учет и контроль. Все, что было связано с наказаниями, аккуратно записывалось. Имелся, например, «Журнал для записки, кто именно, когда и за что будет наказан из дворовых с 1-го октября 1810 года». Каждый дворовый носил в кармане блокнот, именовавшийся «Винной книжкой», в которой записывались разные его упущения и прегрешения. Вся процедура дознания виновных в том или ином проступке, установления вины, определения рода наказания и сам процесс исполнения наказания были Аракчеевым строго регламентированы специальной инструкцией. Последняя всегда находилась у него под ру-

кой. О ее объеме можно судить уже по тому, как она была названа: «Книга, служащая для следствий с виновными крестьянами».

Каждый проступок граф обыкновенно разбирал самолично, допытываясь до мелочей. Сам устанавливал и процедуру исполнения кары. Как правило, предписывал наказывать провинившихся публично, в назидание другим. Но бывало нередко, что, исторгнув из себя весь порожденный проступком крестьянина гнев, Алексей Андреевич успокаивался и отменял назначенное наказание или же уменьшал степень его. Однако в тех случаях, когда проступком затрагивалась честь Грузинской вотчины, а значит и хозяина ее, граф был непреклонен. 21 марта 1805 года Аракчеев писал своему вотчинному голове: «Сего Марта 1 числа крестьянин деревни Гачева Андрей Федоров приходил ко мне с просьбою, что ему за сено не отдавали денег; а как по справке оказалось, что он будучи здесь в Петербурге с травкою, от которой обрубил корни, чистую продал на водочный завод, корни помешал вместе с сеном и как бы хорошее сено продал, за которое ему и денег не платили, в чем он сам был виноват, то ты сberi смежных деревень на Грузино по мужику и в пример другим при оном собрании его хорошенько высеки, дабы впредь таковых шалостей не делал и тем мою вотчину не бесчестил, ибо один шалун других марае».

В последующем Аракчеев еще более усовершенствует практику применения наказаний к нарушителям заведенных им порядков. Дальнейшее развитие получит, впрочем, вообще вся система управления Грузинской вотчиной. К 1810 году сложился только остов ее. Но и достигнутое графом не могло не впечатлять посторонних. Повсюду царили чистота и порядок. Большинство крестьянских семей жило в новых просторных домах. Деревни и поля были прорезаны ровными, аккуратными дорогами. Был отстроен новый графский дом. Вокруг него раскинулся большой сад с огородами и цветочными клумбами. Аракчеев любил чистоту, порядок во всем и... цветы.

Начиная с 1804 года крестьянские дети Грузинской вотчины получали прививки от оспы. По документам видно, что за первые десять лет оспа была привита 1387 младенцам.

Граф нетерпимо относился к пьянству и с самого своего вступления во владение Грузиным беспощадно преследовал тех из крестьян, которые предавались данному пороку. В приказах к вотчинному голове он постоянно напоминал ему «стараться иметь смотрение, дабы менее было пьянства в отчине, и пьяниц и шалунов в Петербург не отпускать». Когда же сталкивался вдруг с фактом пьянства, брал бу-

магу и подробно расписывал вотчинному голове, какой каре должен тот подвергнуть пьяницу.

«Бывший у меня кучером, а ныне отпущенный в д. Березьево крестьянин Федор Филиппов, который будучи здесь в Петербурге с сеном, пришел ко мне на двор и против дома моего в кабаке, напившись пьян, учинил драку, о чем к тебе и дворецкий мой писал, за что его приказываю тебе, в 1-х, при собрании всех таковых пьяниц хорошенько высесть, во-вторых, когда откроется на кирпичном заводе работа будущю весною, то отдать его в оную на все лето, и наконец, в-третьих, приказываю тебе, так как прежде было заведено, чтоб таковых пьяниц в Петербурге не отпускать, на что тебе еще повторяю: иметь ты должен хорошее за оным смотрение». Такой приказ Аракчеев направил грузинскому голове Ивану Дмитриеву 23 января 1805 года.

Все пьяницы Грузина были у Алексея Андреевича на строгом учете. Граф запрещал другим своим людям дружить с ними. «Советую я тебе с Антоном Игнатьевым дружбы не иметь, — приказывал граф своему дворецкому Никите Федорову, — ибо естли будешь дружбу с ним иметь, то твоя спина будет часто больна, да и не будет заживать (то советую тебе оное оставить с добрых слов), да и теща твоя будет опять взята во двор, то посоветуй с своей женой, как лучше, да так и живи, мой совет кажется для тебя лучшим».

В «Правилах о свадьбах», о которых уже шла выше речь, целых шесть статей из двадцати четырех Аракчеев посвятил пьянству. В них запрещалось пить на свадьбах вино и расписывалось, кто и какую ответственность должен нести в тех случаях, когда запрет нарушался.

Все, что Аракчеев успел сделать в Грузинской вотчине и в военных поселениях до Отечественной войны, было еще только началом — первыми опытами. Но в этих опытах уже виднелись контуры той «аракчеевщины», что в последнее десятилетие царствования Александра I выльется в целую административную систему.

Глава десятая

«Сиятельнейший граф»

Два года, предшествовавшие вторжению наполеоновской армии в Россию, — 1810-й и 1811-й — составили в жизни графа Аракчеева особый период. Никогда не был он так покоен и доволен собой, как в эту пору. И до нее, и после Алексей Андреевич частенько сетовал на собственную судьбу, поругивал чиновную свою участь. В 1805 году он мог, например, в письме к матери назвать свою службу «проклятой» и заявить о ней: «...Я проклиная, что опять в оную муку попал». В 1810 году в аракчеевских письмах звучали совсем другие нотки — граф был рад своей службе и доволен жизнью. А в летние месяцы названного года, судя по собственным его признаниям, прямо блаженствовал. «Я нынешним летом очень доволен, жил спокойно и много пробыл в Грузине», — писал он 16 сентября И. Т. Сназину.

Для довольства у Аракчеева были все причины. Не прошло и месяца после посещения Грузина его величеством, как пожаловала туда ее высочество Екатерина Павловна. Граф две недели пребывал в своем имении, ожидая ее приезда. Великая княгиня, писал он 3 июля брату Петру, «изволила 28 числа июня прибыть в Грузино в 4 часа по полудни и пробыла до 12-ти часов ночи и изволила кушать в моем доме и везде гуляла и отменно всем была довольна».

Визиты государя и его любимой сестры к Аракчееву убедительно говорили всем, что граф при царском дворе в чести, что он ценим. Известие о том, что император Александр посетил Грузино, было немедленно распечатано в российских и даже иностранных газетах. Но и сам Алексей Андреевич, польщенный государевым вниманием, спешил сообщить своим знакомым об оказанной ему высочайшей почести. Александр не успел еще покинуть Грузино, а граф уже слал радостное послание министру внутренних дел Осипу Петровичу

Козодавлеву. Тот ответил сразу: «Милостивый Государь Граф Алексей Андреевич. Сего утра рано обрадован я был милостивым своим ручным письмом вашим. Излишним почитаю я повторять вашему сиятельству уверения мои, что всякое удовольствие и благополучие, с вами случающееся, я принимаю с чувством искренно вам преданного и от всего сердца вас любящего и почитающего человека. Мне остается вам кратко сказать, что очень и очень обрадован был известием о посещении, и столь долгом и важным, какого удостоилось прекрасное село Грузино. Ежели бы сегодняшняя газета не была уже напечатана, то бы я, без сомнения, сего же дня поместил сие известие: в субботу „Северная почта“ будет украшена оным»¹.

В октябре 1810 года в Грузино пришло письмо из далекой Франции. Адвокат Е. Бей из города Нью в Бургони писал Аракчееву: «Я читал в парижской газете, называемой «Монитором», о славном угощении, сделанном Вашим Сиятельством Вашему Государю при возвращении его из Твери в первых числах июня. Сие событие делает большую честь подданному, а равно и Монарху, ибо оказывая Вам свою доверенность, доказывает вместе с оным и отличное к Вам уважение. Из сего видно, что Ваше сиятельство изволит обладать большим имением и что находится у Вас много запасов разного рода вина, воды, ликеров и пр. А посему если Вам нужно выписать все оное из Бургони, как-то: самого первого сорта Фронтиньяк, Лангедокскую водку, оливковое масло, уксус белый и красную горчицу и пр., то получив ваше уведомление, я могу Вам (прислать наперед счет) доставить все оное в будущем феврале до Кенигсберга или морем». Неизвестно, воспользовался ли Алексей Андреевич услугами французского адвоката, но само предложение месть Бея не могло не льстить его тщеславию — он, русский граф, известен и почитаем даже во Франции.

Никогда прежде не получал Аракчеев столь много похвал в свой адрес, как в это время, никогда ранее не читал он о себе таких красивых слов. Мемуары современников и труды историков обыкновенно рисуют нам его в образе человека, всеми презираемого и ненавидимого, во всех уголках России всячески поносимого, так что остается лишь пожалеть его и удивиться, как мог жить он в подобной атмосфере, как нес на себе крест всеобщего проклятия. Но не было в действительности у россиян всеобщей ненависти к Аракчееву. Всегда, во все эпохи его жизни находились вокруг него люди, воздававшие ему

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 253. Письмо датировано 8 июня 1810 г.

хвалу, и часто совершенно искреннюю, — люди, благодарные ему за то, что он для них делал.

Потоком шли к графу в Санкт-Петербург и в Грузино письма — шли со всех уголков России и от самых различных людей: от императора, от великих князей и княгинь, от сановников, генералов, офицеров, купцов и т. д. Сберегавшиеся при жизни графа в Грузино, связи этих посланий к Аракчееву по смерти его нашли пристанище в архивах и оказались таким образом неизвестными публике: мало что было извлечено из них и напечатано для всеобщего прочтения. Между тем письма эти — одно из ярких свидетельств того, что Аракчеев был «не вполне тот, что мерещится нам в журнальных легендах».

Человек раскрывается не только в своих собственных письмах, но и в тех, что адресованы к нему, и раскрывается часто с неожиданной стороны. Многие послания к Аракчееву (особенно с той поры, как вошел он при царском дворе в доверие и силу) были пронизаны лестью. Но не всякая лесть — неправда! Нельзя льстить красиво, говоря заведомую ложь. Лстывые излияния могут быть приятными на вкус лишь тогда, когда в них примешана немалая доля искренних чувств.

Графу Аракчееву льстили красиво и приятно. «Сиятельнейший граф, милостивый государь! — обращался к нему 30 декабря 1809 года издатель журнала «Русский Вестник» С. Н. Глинка. — Два года удостоивали Вы благосклонного воззрения своего «Русский Вестник»: да озарится оный и на будущий год равным щастием! В кратковременную бытность вашу в Москве не смел я беспокоить вас изъявлением личного моего почитания: по деятельности и твердости ваших дел вы приветственны во всех пределах любезного нашего отечества. И так во всякое время и повсеместно все сыны Отечества пред вами благоговеют: в полной мере питается чувство к вашим деяниям, которые напечатлеются в отечественных наших летописях. При сем осмеливаюсь усерднейше поздравить Ваше сиятельство с наступающим Новым годом: да ниспошлет вам Бог еще многие лета к служению Государю и Отечеству. Правота ваших деяний ручается вам в том, что все русские воссылают равное моление к небесам».

Переписка Аракчеева обнаруживает, сколь многим людям этот мрачный и грубый человек помог устроить так или иначе свою жизнь. Слова благодарности неслись в его адрес со всей России. «Вы ходатай у престола человеколюбивого и великодушного Монарха, вы глаз блестящего правосудием трона», — писал графу перед началом 1810 года некий Василий Любицкий. «При самых воинских тру-

дах никогда не забываю оказанные вашим сиятельством мне милости и благодеяния, что по гроб мой останется в сердце моем запечатлено», — слал Алексею Андреевичу свое благодарение в письме от 9 июня 1810 года храбрый полковник Яков Кульнев, пребывавший в то время на очередной своей войне, на сей раз турецкой. «Милостивый государь, граф Алексей Андреевич! — писал оттуда же 4 июля молодой князь гвардейский подпоручик Александр Сергеевич Меншиков. — Я пользуюсь позволением, данным мне Вашим Сиятельством, чтоб еще возобновить истиннейшую мою благодарность за оказанные мне милости во время вступления моего в военную службу». Из содержания данного письма видно, что граф Аракчеев помог чем-то потомку светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

Некий Николай Житков специально прислал графу 26 июля 1810 года коротенькую записку, чтобы излить в ней свое чувство благодарности ему: «Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь! Естли слезы благодарности, проливаемые пред существом Всевышним, приемлемы им, то одно оно в силах заплатить Вашему Сиятельству за все оказываемые вами нам милости. С глубочайшим высокопочитанием и преданностию честь имею пребывать Вашего Сиятельства Милостивого Государя всепокорнейший слуга».

«Почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от 4-го сего июля я имел удовольствие получить, — писал Аракчееву 29 июля 1810 года Андрей Дмитриевич Мартынов. — Признаюсь Вашему Сиятельству, что слабые мои силы не в состоянии изъяснить вам, Сиятельнейший Граф, в полной мере моей покорнейшей благодарности, коя в чувствах моих имеет оставаться по жизнь мою».

Какие бы времена ни переживал в своей чиновной судьбе Алексей Андреевич, какие бы невзгоды и радости ни испытывал, не переставал поддерживать его теплыми словами друг его М. В. Храповицкий. «Знаю, что вы не живете на себя, а приносите себя в жертву отечеству и государю», — восклицал Михаил Васильевич в своем письме к графу от 9 ноября 1808 года.

Храповицкий иногда заезжал к Аракчееву в Грузино. Но чаще они обменивались письмами. «Милостивый государь, граф Алексей Андреевич! — писал Храповицкий своему другу 13 февраля 1810 года¹. — Поздравляю вас с масленицею, потому что в празд-

¹ На оригинале, хранящемся в РГВИА (Фонд 154. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 86–87), кем-то поставлена дата 26 декабря 1809 г., но внизу письма обозначено — «13 февраля»

ничные дни ее будете иметь отдохновение в любезном Грузине. Не написал я там в гроте моего имени на вазе с прочими, а хотел, чтоб вы дали мне там уголок написать четыре строчки при сем приложенные. Видите, что я в мыслях часто в Грузине бываю и хозяина хорошо знаю; завидовать худо, а поздравляю тех, кто будет с вами проводить там масленную и наслаждаться вниманием хозяина». Это письмо М. В. Храповицкого сопровождает четверостишие «К хозяину», которое автор его, по собственному его признанию, хотел бы начертать на вазе, стоявшей в графском гроте:

Готов и ревностен Отечеству служить,
Царю и в обществе умеет быть полезным;
Уединясь — с собой умеет в мире жить,
С друзьями быть любезным.

В своем письме от 9 июня 1810 года Михаил Васильевич благодарил Аракчеева за «приятные письма», писанные графом 17 и 28 мая, и сообщал, что ему любопытно узнать, был ли у графа «вожделенный гость». Нетрудно догадаться, что имеется в виду император Александр I, посетивший Грузию 7 июня 1810 года. «Любя вас и почитая как искреннего друга, — продолжал Храповицкий, — отнюдь не хочу, чтоб вы подвергли себя трудностям по делам, о коих я прошу. Но тогда б сам я огорчился и на вас сетовал справедливо, когда б ради меня вы потерпели б что-нибудь неприятное».

Как государственный деятель Аракчеев был уважаем многими выдающимися людьми своего времени. В мемуарной литературе факт сей почему-то замалчивается. Более того, часто утверждается, что Аракчеев был человеком, которого «кроме гнуснейших лстыцов, никто терпеть не мог, не произносил без презрения имя его». Цитированные слова принадлежат Александру Михайловичу Тургеневу, видному сановнику царствований Александра I и Николая I, и писаны в 1848 году, но подобным образом писали об Аракчеве и многие другие его современники. Содержание переписки Аракчевеа, из архивных залежей которой опубликована лишь незначительная часть, не подтверждает этих мемуарных утверждений. Более того,

без указания года. К этому же письму приложено стихотворение Храповицкого, обозначенное им самим датой «1809 года. Декабря 26». В письме идет речь о получении Храповицким посланной ему Аракчевым части V «Артиллерийского журнала». Следовательно, приведенное письмо написано Храповицким в 1810 г.

оно свидетельствует, что человек этот, вошедший в русскую историю под именем «злого временщика», имел тесные дружеские и деловые отношения со Сперанским (более тесные, чем это представляется в исторической литературе), к его советам нередко прибегал занимавший пост министра внутренних дел граф В. П. Кочубей. Видные религиозные деятели того времени — митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, а затем его преемник Серафим — также воздавали должное и государственному уму Аракчеева, и его человеческим качествам христианина; они неоднократно посещали Грузино и с удовольствием общались с хозяином усадьбы.

Ценили Аракчеева также и люди, которые стали зваться после 14 декабря 1825 года «декабристами». Они писали не только сатиры и эпиграммы в его адрес, но и весьма уважительные письма.

Не сложилось у Аракчеева ровных, доброжелательных отношений с М. Б. Барклаем-де-Толли, хотя Алексей Андреевич покровительствовал способному военачальнику во время войны в Финляндии — исходатайствовал ему чин генерала от инфантерии. Но сделавшись военным министром, Михаил Богданович стал проявлять свой характер, и благожелательность графа к нему сменилась на крайнюю неприязнь.

Другой прославленный военачальник того времени князь П. И. Багратион оказался в этом смысле счастливее Барклая. За Финляндскую войну Петр Иванович также получил чин генерала от инфантерии и тоже благодаря Аракчееву, но в отличие от Михаила Богдановича сумел сохранить благоволение графа и продолжал пользоваться его покровительством. Нижеследующие строки из письма Багратиона к Аракчееву, отправленного 14 января 1810 года из Букарешта (Бухареста), хорошо показывают характер отношения князя к графу:

«Когда я был еще в Гирсове, дали мне знать, что адъютант Вашего Сиятельства приехал в Фокшаны, счел, что и Вы скоро придете в армию; признаюсь искренно, что я не в себе был от радости, дабы Вас видеть здесь, и лучше обо всем объяснить. И для того отправил к Вашему сиятельству немедленно на встречу адъютанта моего Давыдова¹ прямо до Киева и с ним имел честь писать к Вам и просил Вас, дабы Вы мне не мешали принять Вас по всей дистанции в городах как должно по сану Вашему; ибо я очень знаю, как

¹ Денис Васильевич Давыдов был адъютантом у Багратиона в 1807–1812 гг.

должно принимать начальников; но, к прискорбию моему, осведомился, что адъютант Ваш уехал, так что даже и со мною не повидался, а от Вашего Сиятельства я получил из С. Петербурга депеши. Я, любя Вас и почитая, ссылаясь на Вашу справедливость, приятно ли то, что со мною так поступают. Я вас уверяю, что у меня нет секрета с вами ни с которой стороны, а паче по части воинской, — и естли бы адъютант Вашего Сиятельства заехал ко мне хотя на часочек, он бы более и вернее от меня получил сведений по всем частям, нежели в Фокшанах от коменданта или исправников тамошних. Признаюсь от души и сердца моего и сколько я вас почитаю, сие крепко меня огорчает».

Багратион был на войне с Турцией, а недоброжелатели его — в Санкт-Петербурге. Кто-то из них постарался представить его действия как военачальника в невыгодном свете императору Александру. Аракчеев сумел восстановить честь князя в государевых глазах. Чувство благодарности Петра Ивановича к Аракчееву возросло настолько, что стало прорываться порой самым неожиданным образом: «Ваше Сиятельство! — писал Багратион своему благодетелю весной 1810 года в сопроводительной записке к какому-то подарку. — Азиатская мода; дамы носят на шее — оно и пахнет хорошо. Я не верю, чтобы у Вашего Сиятельства не было шуры-муры, можете подарить; надеюсь, что понравится. Преданный Вам Багратион». Князь угадал: 8 июня граф подарил азиатскую вещицу Настасье Минкиной, хорошо показавшей себя при визите в Грузино императора Александра.

* * *

После того как Аракчеев сдал пост военного министра, у него появилось больше свободного времени и он чаще стал бывать в своем имении. К 1806 году в Грузии был построен для него каменный дом. Над входом граф поместил слова своего девиза: «Без лести предан». В том же году 20 сентября — в день рождения императора Павла — в селе Грузино была освящена новая каменная церковь во имя Святого апостола Андрея Первозванного. А заложена была церковь 5 мая 1805 года — также в знаменательную дату: в этот день шесть лет назад император Павел возвел Аракчеева в достоинство графа Российской империи. 17 апреля 1811 года император Александр утвердил представленный графом доклад о придании церкви статуса Грузинского собора.

Внутри храма Алексей Андреевич повесил портрет Петра I, а под портретом высек надпись: «Грузинская вотчина, бывшая во владении монастырей, пожалована государем императором Петром Первым, в 1705-м году, князю Александру Даниловичу Меншикову». Аракчеев очень гордился тем, что до него имением Грузино владел светлейший князь, ближайший сподвижник Петра I.

Усадьба Петрова временщика не сохранилась. Как ни искал Алексей Андреевич в Грузино следов своего предшественника — не нашел даже развалин. Но видно уж очень хотелось ему иметь хоть что-то от усадьбы Меншикова, и он приказал соорудить у себя в саду искусственную развалину с княжеским гербом и нарек ее «руиной князя Меншикова». Внутри «руины» сделан был небольшой грот, в нем граф поставил бюст Александра Даниловича¹.

Сад, устроенный в первые же годы после того, как граф Аракчеев вступил во владение Грузином, к 1810 году разросся и стал вполне соответствовать величественному характеру построенных в имении зданий. Составленный для графа «Реестр фруктам и зелени 1810 года», полученным в грузинском саду, показывает, что здесь в указанное время были выращены и сняты абрикосы (60 штук), «вишни шпанские черные» (5000 штук), «вишни шпанские розовые» (250 штук), «вишни белые» (100 штук), персики (156 штук), «огурцы русские» (8300 штук), «бобы русские» (12 пудов), «бобы турецкие» (4 пуда), «щевель шпанский для зимы» (10 пудов), цветная капуста (520 кочанов) и т. д.

Среди документов, собранных в аракчеевском фонде РГВИА, встречаются и счета на печатные издания, закупавшиеся графом для своей библиотеки. Так, в счете за 27 мая 1810 года указано: «Куплено для Вашего Сиятельства книг: Московский журнал 802 года, 8 частей — 18 [рублей], Путешествие в полуденную Россию, 4 части — 6, Словарь Исторический 14-я часть — 3, Труды Вольного Экономического общества с 51-й по 61-ю часть, итого 10 частей — 24–50, Дорожник с картой — 25, Санкт-Петербургский журнал, октябрь, ноябрь и декабрь месяцы — 3, Вестник Европы, октябрь, ноябрь и декабрь месяцы — 3».

Если граф Аракчеев находился в Санкт-Петербурге, голова вотчины — Иван Дмитриев, казначей — Степан Миловидов, дворец-

¹ В Петербурге знали об интересе Аракчеева к Петрову временщику. «Представляю вашему сиятельству один том поденных записок князя А. Д. Меншикова», — общал графу 30 марта 1823 г. А. Ф. Малиновский.

кий — Никита Федоров регулярно высылали графу Аракчееву свои отчеты¹.

Посылала отчеты Аракчееву и его фактическая жена Настасья Минкина. Алексей Андреевич неизменно представлял свою возлюбленную крестьянку гостям. Представил ее и самому государю, в то время когда его величество гостил у него в имении.

По мере того как подрастал Мишенька Шумский, граф все более к нему привязывался. В 1809 году он отдал мальчика на учебу в Петровскую школу в Санкт-Петербурге пансионером к Н. И. Гречу. Миша учился с трудом — то ли был ленив, то ли соображал плохо или же имело место и то и другое. 17 июня 1811 года его учитель Н. И. Греч сообщал Аракчееву: «Я усомнился отпустить Мишеньку сегодня домой, потому что он в течение сей недели вел себя нехорошо, лгал, писал худо и шалил в классах, за что был и наказан. Если Вашему Сиятельству не противно, то он останется сегодня и завтра у меня для переделания своих уроков. При сем случае беру смелость оправдать себя перед Вашим Сиятельством в рассуждении заданного мною Мишеньке грамматического разбора, который по справедливости возбудил негодование ваше, ибо Мишенька имеет еще весьма слабое понятие об оном. Но недоразумение сие произошло от лени Мишенькиной: я ему не задавал анализа, а только велел списать страницу и подчеркнуть те слова, кои он почтет именами существительными, желая чрез то возбудить его внимательность и размышление. Потом я хотел прочесть с ним вместе сию страницу и показать, где он ошибся. По моему мнению, это легчайший способ начинать с детьми грамматику; но он верно желая похвастать, сказал, что ему задан полный анализ и чрез то навлек на меня справедливое Вашего Сиятельства неудовольствие, которое, надеюсь, прекратится чрез сие мое объяснение». В конце данного письма Греч просил графа заплатить за следующие полгода учебы Миши в пансионе. Алексей Андреевич отвечал на следующий же день: «Благодарю вас, Николай Иванович, за поправление Мишеньки, но прошу его севодни уже ко мне отпустить, но как у вас уже скоро начнутся каникулы, а я намерен завтра ехать в деревню, то и хочу его взять с собою, дабы мать его могла видеть, то прошу и книги его отпустить с ним. Я обыкновенно недолго бываю в деревне, то по возвращении моем деньги привезу на вторую половину года, а севодни я не могу

¹ Они сохранились в довольно большом количестве в аракеевском фонде РГВИА. См., например: Фонд 154. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 121, 126, 161, 214 и др.

доставить, ибо я летом все хозяйство держу в деревне, а здесь ничего не имею».

Аракчеева, кажется, не встревожило поведение Миши в школе. Граф был настолько привязан к мальчику, что совсем не замечал в нем дурных наклонностей, признаки которых явственно проступают в письме Н. И. Греча.

О новой женитьбе Аракчеев больше не помышлял, и мать его уже почти перестала надеяться на то, что старший сын ее когда-нибудь обзаведется настоящей семьей и порадует ее внуками или внучками. Зато Алексей радовал Елисавету Андреевну своими успехами на царской службе да рассказами о том, как милостив к нему император.

Так, 13 июня 1810 года граф писал матери о визите в Грузино императора Александра: «Теперь, дражайшая родительница, я уведомляю вас о полученной мною от государя императора милости, он изволил на обратном пути из Твери в Чудово поворотить и, переправясь чрез разлив версты три водою, приехал ко мне ввечеру в Духов день в Грузино, где изволил ночевать, а на другой день все утро гулял в саду и по деревням ездил, изволил откусать и после полудней, часу в 7-м изволил отправиться в Петербург. Государь был чрезвычайно весел, и все и везде ему чрезмерно понравилось, эта милость есть важная, что государь посещает нарочно своего подданного».

Об этом знаменательном для себя событии Алексей Андреевич сообщил на следующий день и брату Петру. А 3 июля он делился с Петром Андреевичем новой своей радостью: «Отправля к вам, мой братец, прошедшего месяца 14 числа письмо, я в оной же день отправился в мое Грузино, где и пробыл до вчерашнего дня, имея причину там покойно жить по случаю приезда ее высочества великой княгини Екатерины Павловны, которая изволила 28 числа июня прибыть в Грузино в 4 часа по полудни и пробыла до 12-ти часов ночи, и изволила кушать в моем доме и везде гуляла и отменно всем была довольна». Радость Алексея Андреевича от того, что сестра императора Александра оказалась у него в гостях всем довольной, была безмерной. «О себе вам, батюшка братец, скажу, — завершал он свое письмо, — что я, слава Богу, здоров и спокоен ныне и живу более в Грузине. Прошу вас дружески писать ко мне, когда будете иметь надобность в деньгах, полно вам со мною церемониться».

Граф Аракчеев получил от службы все, что только мог от нее получить, — власть, богатство, славу. Но и потерял при этом немало. В отношении его с братьями и другими родственниками после того, как взошел он на вершину власти, вдруг влилось нечто холодное,

расчетливое, чуждое обычным родственным связям. Власть, которую он приобрел, была воспринята его родственниками как чаша круговая — обносить их и делиться с ними стало, в их представлении, главной его обязанностью.

Просили в большинстве своем чины и должности. Причем обращались с просьбами часто не к самому Аракчееву, а к его матери. А Елисавета Андреевна, в свою очередь, переадресовывала полученные ею просьбы сыну-сановнику. «А сего дни я нахожусь в Гарусове, — писала она своему Алексею 12 сентября 1810 года, — и сей час спешу ехать в Курганы. И при оным прошу тебя, мой батюшка, о неоставлении твоими отеческими милостями сего подателя Алексея, о котором я уже лично тебя милого друга моего просила, чтоб поскорее произвести его в офицерский чин». Алексей Андреевич не отказывал матери в таких просьбах, но очень гневался на тех, кто беспокоил ими Елисавету Андреевну, если претендент был недостойн чинов и должностей. «Я недоволен вами, что вы беспокоите своими пустыми просьбами мою матушку, вы бы могли сами ко мне написать, и я бы вам написал, — укорял он Авдотью Ивановну Корсакову. — Меньшего вашего сына я определил в артиллерию, а большему сыну офицерского чину дать невозможно, ибо он совершеннейший лентяй и болезнь свою сам нарочно приписывает, он мог бы служить и очень хорошо, а видно хочет быть в деревне пастухом, то может быть в оном звании и без офицерского чина и впредь более об нем ни меня, ни матушку прошу не беспокоить, а надобно знать вам честь, я и так вам много сделал».

Дальний родственник графа Аракчеева Николай Васильевич Аракчеев служил офицером в Киеве. Осенью 1810 года он обратился к графу с просьбой оказать содействие в получении должности в Петербурге. Алексей Андреевич ответил на эту просьбу решительным отказом, заявив в своем письме к нему (от 12 октября): «Никак не желаю иметь шалуна и пьяницу моей фамилии в Петербурге, почему и советую вам или быть в армии, где хотя так же нехорошо быть нехорошим, но что делать, это еще сносно, ибо за глазами столицы, или еще того лучше, оставить вам совсем службу и удалиться в деревню и дать время пройти летам, в кои бывают шалунами молодые люди. Вот, братец, вам мой совет, от которого я не откажусь, и здесь вам в Петербурге жить не соглашусь, да и пророчествую, что если вы не оставите службы, то будете несчастливы, не забудьте онаго письма, оно пригодится вам вперед». Николай Аракчеев, не получив еще этого письма, послал 5 октября из Киева новую просьбу

своему сановному родственнику об определении на службу в Петербург. Граф Аракчеев ответил на нее еще более резко: «Нет надобности объяснять, что вы желаете невозможного и я вам в оном отказываю, да мне даже мудрено кажется, как вам сие и в голову могло придти. Я пребуду к вам с почтением тогда, когда вы исправите свое поведение, которое теперь марает всю нашу фамилию».

Однако Алексей Андреевич не подозревал тогда, что все эти возможные угрозы для его репутации ничто по сравнению с той, которая росла вместе с Мишей Шумским.

* * *

Год 1812-й начался для Аракчеева как обычно. В первые два месяца ничто не предвещало перемен в его судьбе. Однако в марте случилось событие, ставшее предвестьем их: 17-го числа из Петербурга в Нижний Новгород был выслан государственный секретарь Сперанский. Повсюду тотчас распространился слух об измене, но внимательные наблюдатели ему не верили и считали высылку Сперанского уступкой императора Александра общественному мнению. Более всех радовалась данному событию столичная аристократия, и это ясно говорило о том, кому в действительности сделал уступку государь, удалив от себя человека, с которым три последних года работал над реформами управления империей. В преддверии военного столкновения с Наполеоном Александр решил пойти на сближение с российской аристократией. «Дерзкий попovich» Сперанский стоял заслонкой на этом пути и потому должен был быть задвинут в какой-нибудь дальний угол империи.

Падение Сперанского не могло не насторожить Аракчеева. Граф знал, что его персону досаждают аристократам не меньше попovichа-реформатора. О том, насколько велико было в данной ситуации беспокойство Алексея Андреевича за свою дальнейшую судьбу, лучше всего свидетельствуют следующие строки из его письма к брату от 3 апреля 1812 года: «Теперь приступаю вам к описанию, что я думаю известно вам уже выезд из С. Петербурха госп. Сперанскаго и госп. Магнитскаго; на их счет много здесь говорят нехорошаго, следовательно если ето так, то оне и заслужили свою нынешнюю участь, но вместо оных теперь партия знатных наших господ зделалась уже чрезмерно сильна, состоящая из графов Салтыковых, Гурьевых, Толстых и Голицыных, — следовательно я не был с первыми в связях, был оставлен без дела, а сими новыми патриотами равномерно

нелюбим, так же буду без дела и без доверенности. Сие все меня бы не беспокоило, ибо я уже ничего не хочу, кроме уединения и спокойствия, и предоставляю всем вышеписанным верить и делать все то, что к их пользам, но беспокоит меня то, что, при всем оном положении, велят еще мне ехать и быть в армии без пользы, а как кажется только пугалом мирским; и я верен, что приятели мои употребят меня в первом возможном случае там, где иметь я буду верной способ потерять жизнь, к чему я и должен быть готов; вот вам мое положение в ясности». Последняя строка этого письма отражала настроение его автора: «невеселой твой брат и верный друг Граф Аракчеев».

26 марта 1812 года в Комитете министров обсуждалась представленная министром финансов Гурьевым и военным министром Барклаем-де-Толли записка об учреждении в казенных имениях сукноделия. По записке предлагалось завести в Тамбовской и Воронежской губерниях суконные фабрики, положив в основу производства труд казенных крестьян. 20 250 ревизских душ планировалось разделить на три части так, чтобы одна часть крестьян занималась сукноделием, а две прочие — прежними работами. На два месяца в году — июль и август — предполагалось останавливать сукноделие, дабы все сообща могли быстрее убрать урожай. Управлять казенными крестьянами, приписанными к суконным фабрикам, должен был, согласно записке, специальный комиссариат. Названные крестьяне не освобождались ни от личных государственных повинностей, ни от обыкновенной крестьянской подати. Последнюю они должны были вносить в казну из суммы денег, заработанных сукноделием. Рассмотрев предложения министра финансов и военного министра, Комитет министров полностью одобрил их и признал за благо поднести составленное ими по данному предмету положение и штаты на высочайшее утверждение его императорского величества.

Председатель Военного департамента Государственного Совета граф Аракчеев, основываясь на сведениях, которые были ему известны по Военному министерству о разных и беспрестанных жалобах крестьян, состоявших при Павловской суконной фабрике, высказал по обсуждавшейся записке особое мнение, отличное от мнения других членов Комитета министров: «Обращение столь знатного числа государственных крестьян в ведение комиссариата, полагая я, сделает ему совершенное затруднение в управлении оных, не принесет предполагаемой пользы, а огорчит и расстроит состояние крестьян. По сим самым причинам я полагаю, что если министерство финансов находит удобность завести суконное изделие в госу-

дарственных крестьянах, то не новое управление, а оно само может удобнее вводить оное не в виде фабрик, а в виде собственной крестьянской выгоды, которые, оставаясь в прежнем ведении, не столь почувствуют перемену своего состояния».

Сколь ни убедительны были аргументы Аракчеева, согласился с ними лишь один член Комитета — тогдашний министр полиции А. Д. Балашов. Собственноручно нанесенное графом Аракчеевым на бумагу мнение было приложено к решению Комитета министров и вместе с ним передано императору.

На заседании Комитета министров 10 апреля 1812 года статс-секретарь, управляющий делами Комитета, объявил: «Его Императорское Величество, удостоив рассмотреть журнал Комитета 26 минувшего марта о заведении сукноделия в казенных имениях под распоряжением Военного министерства, Высочайше апробовать соизволил мнение Председателя Государственного Совета Департамента Военных дел и согласившихся с ним». Император Александр поддержал Аракчеева, выступившего против всех (за единственным исключением) членов Комитета министров, тем самым признав, что его мнение оказалось более обоснованным, более компетентным. Однако к тому времени Аракчеев уже не занимал должности председателя департамента военных дел Государственного Совета. 30 марта 1812 года он был освобожден от нее императором Александром.

9 апреля его величество отправился в Вильно. Перед отъездом приказал отправиться туда же канцлеру Н. П. Румянцеву, В. П. Кочубею, А. Д. Балашову, П. В. Чичагову. Вместе с ними вызван был в ставку готовившегося к войне российского императора и граф Аракчеев. 14 апреля Александр I прибыл в Вильно.

В этот же день, пришедшийся на пятницу Страстной недели, Санкт-Петербург покинул и Алексей Андреевич. Спустя две недели — 28 апреля 1812 года — он был в Вильно. До начала Отечественной войны оставалось всего полтора месяца.

Глава одиннадцатая

Когда Отечество в опасности

О неизбежности большой, национальной войны России с наполеоновской Францией стали поговаривать в русском обществе по меньшей мере лет за пять до того, как она действительно грянула. «В исходе 1806 года, — отмечал в своих записках С. Н. Глинка, — оружие завоевателя, угрожавшее рубежам России, предвестило 1812 год. Громоносная его колесница, коснувшись рубежей, рано или поздно должна была прорваться внутрь нашего Отечества. Так думали наблюдатели тогдашних обстоятельств».

* * *

Три державы определяли в первое десятилетие XIX века течение европейской политической жизни: Англия, Франция и Россия. При этом только между первыми двумя государствами существовали непримиримые противоречия — непримиримые потому, что имели экономическую природу.

Административная реформа, проведенная в 1800 году первым консулом Наполеоном Бонапартом, жесткие меры, предпринятые им против коррупции, а также мероприятия по стимулированию промышленности, способствовали быстрому росту французской экономики. Однако промышленность Франции не могла подняться в условиях свободного доступа на ее рынок английских товаров: они были дешевле и качественнее и при свободной конкуренции легко заполняли бы и рынок самой Франции, разоряя ее промышленность. В 1796 году был принят закон, в котором устанавливалось, что «импорт произведенных товаров, происходящих из английских фабрик или торговли, запрещается, как по морю, так и по суше, на всем пространстве Французской республики», но этот запрет довольно легко обходился. Значительные партии английских товаров ввозились

контрабандным путем: население охотно приобретало их нелегальным способом. В ответ на рост контрабанды французские промышленники стали требовать от своего правительства ужесточения запретительной политики по отношению к продукции английского производства. Правительство не могло игнорировать интересы отечественной промышленности, которая в то время еще только становилась на ноги и сильно уступала промышленности Англии, и приняло дополнительные меры по недопущению английских товаров в пределы страны. Торговая война между Францией и Англией продолжалась и после того, как 25 марта 1802 года в Амьене между ними был заключен мирный договор.

Как показали последующие события, правительства обеих стран смотрели на этот договор как на временное перемирие и, преследуя свои интересы, не стеснялись нарушать его условия. В результате 22 мая 1803 года Англия объявила войну Франции. Торговая война стала вследствие этого ожесточеннее. 22 февраля 1806 года, с целью предотвращения ввоза английской хлопчатобумажной ткани во Францию под видом продукции других стран, Наполеон полностью запретил своим декретом доступ на французскую территорию подобных тканей из-за границы. К этому времени французскому императору стало ясно, что успеха в торговой войне против Англии Франция может добиться лишь при условии содействия ей всех европейских стран. Но как мог Наполеон заставить их присоединиться к Франции? — Очевидно, только подчинив своей воле правительства этих стран путем применения военной силы. Наполеон полагал, что ему нетрудно будет заставить покоренные страны проводить единую политику по отношению к Англии, особенно если четко прописать ее основные принципы в специальном законодательном акте.

К осени 1806 года Наполеону удалось с помощью военной силы подчинить своей власти почти всю центральную Европу. Контроль французского императора был установлен над Голландией, Италией, Испанией, большинством германских государств. В октябре указанного года Наполеон провел успешную военную операцию против Пруссии, разбив ее армию при Зальфельде, под Йеною и Ауэрштедтом. 27 октября французские войска вступили в Берлин.

Здесь 21 ноября 1806 года Наполеон подписал «декрет, объявляющий британские острова в состоянии блокады»¹. В преам-

¹ Décret qui declare les îles britanniques en état de blocus. 21 novembre 1806 // Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-D'État, publiée sur

буле к его основному тексту перечислялись нарушения Англией международно-правовых норм. После этого указывалось, что «Британские острова объявляются в состоянии блокады». В соответствии с этим запрещалась всякая торговля и всякая корреспонденция с англичанами. При этом Наполеон устанавливал правила, по которым всякий подданный Англии, обнаруженный в странах, оккупированных французскими войсками, обращался в военнопленного, а всякое имущество, принадлежавшее английскому подданному, объявлялось «законной добычей (*bonne prise*)».

Подписанный 21 ноября 1806 года декрет о блокаде британских островов Наполеон в тот же день передал своему министру иностранных дел Шарлю Морису де Талейрану и приказал разослать его текст по столицам подчиненных Франции европейских государств. Так было положено начало самому грандиозному явлению европейской истории наполеоновского периода — политике так называемой «континентальной блокады». В лоне именно этой политики возникли импульсы, которые в конце концов двинули Наполеона в военный поход против России.

Россия не имела серьезных причин для конфликта ни с Англией, ни с Францией и готова была поддерживать добрые отношения одновременно с обеими этими странами. Однако острота англо-французской вражды делала такой вариант устройства международных отношений невозможным. В результате **заключение Россией союза с одной из этих держав всегда означало вступление в войну с другой.**

Сближение императора Александра I с британским правительством втянуло Россию в 1805 году в войну с Францией в составе коалиции европейских стран: Австрии, Англии, Швеции и Неаполя. Поражение войск коалиции в битве с наполеоновской армией под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 года привело к ее распаду. Австрия поспешила заключить мир с Францией. С середины ноября 1806-го и до начала июня 1807 года Россия снова находилась в войне с Францией — на этот раз в союзе с Англией и Пруссией. Кровопролитные сражения русских войск с французскими при Прейсиш-Эйлау¹ 7–8 (19–20) февраля 1807 года² и под Фрид-

les éditions officielles du Louvre; de l'imprimerie nationale, par Baudouin; et du bulletin de lois. Tome 16. A Paris, 1826. P. 66–68.

¹ Ныне г. Багратионовск.

² Русский корпус, которым командовал генерал Л. Л. Беннигсен, потерял в этом сражении убитыми и ранеными 26 тыс. чел., французы — не меньше. «Ce n'était pas

ландом 2 (14) июня 1807 года¹ убедили Александра I и Наполеона в бессмысленности войны между Россией и Францией, в том, что она могла иметь только один итог — взаимное истощение русских и французских сил к выгоде Англии, у которой вследствие этого развязывались руки для проведения угодной ей политики на континенте.

Заключение мирного договора было в создавшихся условиях очевидным шагом для обеих сторон, и они пошли на него, договорившись предварительно о перемирии. Любопытно, что инициаторами замирения для выработки мирного договора были одновременно Александр I и Наполеон. 13 (25) июня 1807 года два императора встретились посреди Немана на возведенном специально для этого случая плоту. Первая фраза, которую произнес русский государь, была весьма примечательной: «Je hais les Anglais autant que vous les haïssez, et je serai votre second dans tout ce que vous ferez contre eux (Я ненавижу Англию не менее вас и готов вас поддерживать во всем, что вы предпримете против них)». Роковая закономерность, с давних времен пронизывавшая отношения трех ведущих европейских держав, продолжала действовать и в этот раз: заключение Россией нового союза с Францией означало вступление ее в войну с Англией.

Тильзитский мирный договор был подписан 25 июня (7 июля) 1807 года, а ратифицирован через два дня — в годовщину Полтавской победы русской армии над шведской. В нем констатировалось прекращение всех враждебностей со стороны России и Франции на суше и море («*Toutes les hostilités cesseront immédiatement de part et d'autre, sur terre et sur mer*»)².

В приложенных к тильзитскому договору сепаратных и секретных статьях император Александр I признавал все изменения в политическом строе Европы, произведенные в результате наполеоновских завоеваний³.

ute bataille, mais im carnage (это была не баталия, а кровавая бойня)», — сказал впоследствии Наполеон генералу Беннигсену о сражении при Прейсиш-Эйлау.

¹ Русские войска потеряли в этом сражении более 15 тыс. чел.

² *Traité de paix et d'amitié* // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. СПб., 1893. С. 52. «Со дня размена ратификаций настоящего трактата будет между Его Величеством императором Всероссийским и Его Величеством императором французским, королем италийским мир и совершенная дружба», — гласила первая статья русского текста Тильзитского договора (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Том 29. № 22584. С. 1233).

³ *Articles séparés et secrets* // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. С. 58–59.

Кроме того, 25 июня (7 июля) 1807 года в Тильзите между Россией и Францией был заключен тайный «Договор о союзе наступательном и оборонительном»¹, которым оба императора брали на себя обязательство «действовать заодно, или на суше, или на море, либо, в конце концов, на суше и на море, в любой войне, которую по необходимости предпримет Франция или Россия или оказывать поддержку против любой европейской державы».

В четвертой статье «Договора о союзе наступательном и оборонительном» говорилось, что если Англия не примет посредничества России, или примет, но не даст согласия до будущего 1 ноября заключить мир, признав, что флаги всех держав должны пользоваться равенством и полной независимостью на морях, и возвратив захваченное ею у Франции и ее союзников с 1805 года, то российский император будет действовать заодно с Францией и, в случае, если британское правительство не даст категоричного и удовлетворительного ответа на предложение России, посол России в Лондоне получит приказ покинуть немедленно Англию.

Ключевой статьей рассматриваемого договора между Россией и Францией была пятая. В ней устанавливалось: «При наступлении случая, предусмотренного предыдущей статьей, высокие договаривающиеся стороны будут действовать совместно и в тот же самый момент потребуют от трех дворов: Копенгагена, Стокгольма и Лиссабона — закрыть свои порты для англичан, отозвать из Лондона своих послов и объявить войну Англии. Тот из трех дворов, который откажется это сделать, будет считаться врагом двумя высокими договаривающимися сторонами и если Швеция откажется, то Дания будет вынуждена объявить ей войну»². Данная статья означала присоединение России к блокаде Англии в случае отказа британского правительства вступить в переговоры о мире с Францией и фактическое объявление Россией войны Великобритании.

Очевидно, что союз с Россией был необходим Наполеону именно для этой цели. Но участие в блокаде британских островов меньше всего отвечало интересам русских дворян и купцов, которые вели торговлю с англичанами. Уже по одной этой причине Тильзитский мир не мог быть ничем более, как всего лишь перерывом перед решающей схваткой двух держав, его заключивших.

¹ Traité d'alliance offensive et defensive conclu à Tilsit le 25 Juin (7 Juillet) 1807 // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 89. С. 60–62.

² Там же. С. 61–62.

Это чувствовали и французы, и русские, собравшиеся в Тильзите во время переговоров двух императоров. В обстановке, в которой самым распространенным в разговорах словом было слово *paix* — мир, уже витал дух будущей великой войны между Францией и Россией. Этот дух ощутил в атмосфере русско-французского тильзитского общества побывавший в ней адъютант генерала П. И. Багратиона Денис Васильевич Давыдов. И навсегда запомнил. В своих воспоминаниях о Тильзите 1807 года он отметит: «Что касается до нас, — одно любопытство видеть Наполеона и быть очевидными свидетелями некоторых подробностей свидания двух величайших монархов в мире, — занимало всех нас в высшей степени; но тем и ограничивалось все наше развлечение. Общество французов нам ни к чему не служило; ни один из нас не искал не только дружбы, даже знакомства ни с одним из них, невзирая на их старание, — вследствие тайного приказа Наполеона, — привлекать нас всякого рода приветливостями и вежливостью. За приветливости и вежливостями мы платили приветливостями и вежливостью — и все тут. **1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть**»¹ (выделено мною. — В. Т.).

К началу 1808 года курс российского рубля упал почти вдвое. И главной причиной этого падения было прекращение российского экспорта в Англию. Казалось бы, сырьевые материалы и в первую очередь строевой лес, который прежде поставлялся из России на британские острова, вполне могла приобретать Франция, но дело в том, что Великобритания в ответ на присоединение России к системе континентальной блокады блокировала своим военным флотом французские порты. Между тем сырьевые товары, в которых существовала потребность во Францию, могли поставяться из России, по причине своей громоздкости, только морем. Перевозка их по суше была слишком дорогой. Сокращение же вывоза продукции из России приводило к разорению именно тех слоев русского общества, которые были потребителями французских товаров. Поэтому введенная Наполеоном система континентальной блокады, пагубно влияя на российскую экономику, начинала плохо сказываться и на экономике французской. Рынок сбыта французских товаров не увеличивался в результате блокады британских островов, но — как ни парадоксально — сокращался. Между тем представители француз-

¹ Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Часть 2. М., 1860. С. 255.

ского правительства в России бдительно следили за тем, чтобы отсюда ничего не уходило в Англию. 16 июля 1808 года французский посол в Петербурге Арман Огюстен Луи де Коленкур сообщал министру иностранных дел Жан-Батисту Номперу де Шампаньи о том, что предпринимает попытки воспрепятствовать поставке русской пеньки англичанам¹, и в то же время жаловался, что предотвратить ввоз английских товаров в Россию через Архангельск и Одессу французам никак невозможно. Комментируя эту ситуацию, Е. В. Тарле писал: «Другими словами, французский посол понял, что осуществлять континентальную блокаду в России можно, собственно, одно-сторонне: мешая больше русским продавать свой товар англичанам, нежели препятствуя англичанам продавать свои товары русским. Получался абсурд: выходило, что посол Наполеона, союзника Александра, сидит в столице Александра, чтобы способствовать разорению русской торговли, а не английской»².

К началу 1810 года в министерстве иностранных дел Франции окончательно пришли к мысли о том, что затеянная Наполеоном блокада британских островов оказалась совершенно неэффективной. 16 марта 1810 года министр Шампаньи представил своему императору секретный доклад, в котором говорилось о том, что Англия продолжает вести обширную торговлю с северными странами. «При таком положении вещей к чему служит для Франции мнимая коалиция северных государств против англичан? Не обладая морскими силами для действительного воздействия на последних, расположенные втайне покровительствовать обману, заменяющему для них дозволенную торговлю, они, отдавая пустые приказания, лишь делают вид, что способствуют целям вашего величества и исполняют свои обязательства. Поэтому-то и блокада, которая должна заставить Англию умереть с голода среди сокровищ обеих Индий, свелась к системе бессвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россия, Пруссия, Дания, Швеция, под видом открытого разрыва с лондонским двором и близких отношений к Франции, сохраняют настоя-

¹ См. письмо Коленкура Шампаньи от 16 июля 1808 г. в издании: Николай Михайлович, вел. князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона: 1808–1812 гг. В 7 томах. Том 2. СПб., 1906. С. 231.

² Тарле Е. В. Сочинения. В 12-ти томах. Том 3: Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. М., 1958. С. 351.

щий нейтралитет, выгодный лишь для англичан, так как состояние нашего флота делает его совершенно призрачным для нас. И тогда преимущества, которых мы ожидали от союза с Россией, с каждым днем исчезают, Россия, напротив того, быстро пользуется всеми выгодами, вытекающими для нее от союза с нами. Она уже мирно владеет Финляндией, и для полного осуществления всех секретных соглашений, Тильзитского и Эрфуртского, ей остается лишь обеспечить себе договором обладание Молдавией, Валахией и Бессарабией, с давних пор покоренных и занятых ее войсками»¹.

Главными тезисами доклада стали выводы о том, что союз Франции с Россией, «несмотря на личный характер императора Александра, следует считать союзом непрочным и близящимся к своему концу»; и что «сближение петербургского и лондонского дворов, вызванное различными обстоятельствами, не может быть отдалено на очень долгое время и частью зависит от состава и политики нового английского министерства»².

Предельно откровенный доклад министерства иностранных дел о плачевном состоянии континентальной блокады не побудил, однако, Наполеона отказаться от этой политики. Напротив, как показали дальнейшие события, выводы этого документа подвигли французского императора на более решительные действия с целью укрепления системы блокады британских островов. Очевидно, что без Российской империи данная блокада теряла всякий смысл. Между тем заставить Александра I соблюдать в полной мере заключенные им с Наполеоном в Тильзите и подтвержденные в Эрфурте соглашения об участии России в торговой войне против Англии было все труднее и труднее.

К началу 1810 года Россия имела новую, более мощную армию, чем когда-либо прежде. А к началу следующего года ситуация изменилась настолько, что перед Наполеоном вплотную встала проблема — что делать с Россией? Связанная мирным договором с Францией, обязанная в соответствии с договором с ней о союзе наступательном и оборонительном соблюдать правила континентальной блокады Англии, Россия начала вести себя так, будто никаких соглашений между российским и французским императорами не подписывалось.

¹ Секретный доклад, представленный Наполеону министерством иностранных дел. 4 (16-го) марта 1810 года // Русская старина. 1897. Том 89. № 3. С. 424–425.

² Там же. С. 453–454.

19 (31) декабря Александр I утвердил «Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе». В изданном по этому случаю манифесте российский император объявил: «Усмотрев из настоящего положения Нашей торговли, что привоз иностранных товаров к явному ущербу внутренней промышленности и с нарочитым понижением денежных оборотов несравненно превосходит выпуск российских произведений, и желая сколь можно восстановить надлежащее в сем равновесие, вняв мнению Государственного совета, признали Мы нужным постановить на производство внешней нейтральной Нашей торговли особенные правила, коих целью есть преградить усиление непомерной роскоши, сократить привоз товаров иностранных и поощрить, сколь можно, произведения внутреннего труда и промышленности»¹.

Данное «Положение» не нарушало режима континентальной блокады, поскольку в одном из его параграфов предусматривалось: «Товары, кои состоят в росписи дозволенных, но по происхождению их окажутся неприятельскими, и потому запрещенными, предаются конфискации» (§ 28). Но под установленные запреты и ограничения, повышение пошлин, наконец, попадали, как бы случайно, именно те категории товаров, которые составляли значительную часть французского экспорта в Россию — в первую очередь предметы роскоши, мебель, вина. Е. В. Тарле, специально изучавший последствия принятого в России 19 (31) декабря «Положения о нейтральной торговле на 1811 год», пришел к выводу, что данный акт — «декабрьский указ 1810 г.», по терминологии историка, — «имел пагубное значение для французского сбыта в России», он «нанес французской торговле в России тяжкий, окончательно ее погубивший удар»².

Вместе с тем и Наполеон в декабре 1810 года совершил враждебное действие против своего «союзника», присоединив к Франции герцогство Ольденбургское. Любимая сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна была замужем за сыном и наследником герцога Ольденбургского. Наполеон даже не уведомил об этом своем шаге российского императора, в результате получил от него протест: все эти поступки французского и российского императоров совершенно не укладывались в рамки союзнических отношений.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 31. № 24464. С. 486–487.

² Тарле Е. В. Указ соч. С. 502.

26 декабря 1810 года Александр I написал письмо сестре Екатерине Павловне, в котором грустно заметил: «По-видимому, кровь еще должна будет проливаться, по крайней мере, я сделал все, что было человечески возможно, чтобы этого избежать»¹. Эти слова показывают, что Александр начинал в то время осознать: Россия обречена на войну с Францией.

Бесцеремонный захват Наполеоном герцогства Ольденбургского свидетельствует, что и он был такого же мнения. В бумагах Наполеона самое раннее свидетельство о том, что он стал допускать возможность новой войны Франции с Россией, относится к 3 марта 1811 года. Этим днем датировано его письмо к министру иностранных дел Ж.-Б. Н. де Шампаньи. «Мне кажется, — писал в нем французский император, — что надо добавить несколько пассажей, которые бы дали знать, что я совершенно не буду воевать из-за указа и тарифа, но я буду принимать меры против последствий дурного духа, вызванных этим актом, и что **я не начну войны, если только Россия не захочет помириться с Англией**»² (выделено мною. — В. Т.).

Наполеон не мог не понимать, что завоевать Россию при ее пространствах и народе, привыкшем довольствоваться весьма скудным материальным достатком, практически невозможно³. Однако он и не ставил перед собой цели покорить Россию. Многие обстоятельства и в том числе высказывания самого Наполеона указывают на то, что мысль о войне против России возникла в нем в тесной связи с его мыслями о судьбе континентальной блокады. Сознывая, что без участия России никакого сколько-нибудь плодотворного результата политика блокирования английской торговли не даст, он искал способ принудить ее к активным действиям в этом направлении. Очевидно, что Наполеону нужен был новый договор с Россией о ее участии в блокаде Англии, однако опыт тильзитского договора «о со-

¹ Цит. по: Тарле Е. В. Сочинения. Том 7: Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 449.

² *Lettres inédites de Napoléon I (An VIII – 1815) publiées par Léon Lecestre. Tome second (1810–1815). Paris, 1897. P. 116.*

³ «Я не до такой степени не понимаю своих выгод, чтобы ринуться в войну против великой державы, которая обладает огромными средствами и которой храбрые войска будут защищать свои собственные жилища», — говорил Наполеон 30 марта (11 апреля) 1811 г. в разговоре с посланником Александра I полковником А. И. Чернышевым (Донесения полковника А. И. Чернышева императору Александру Павловичу // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 76).

юзе наступательном и оборонительном», по которому Россия брала на себя такое обязательство, показывал, что само по себе соглашение между двумя государствами является слабой гарантией того, что оно будет ими соблюдаться. Россия едва ли не с самого начала не считала для себя нужным исполнять полностью статью названного договора, предусматривавшую ее присоединение к континентальной блокаде. Но по мере роста ее военного могущества стала принимать меры и против французской торговли. В этих условиях желание Наполеона сохранить и упрочить систему блокады Англии диктовало ему только один способ решения проблемы под названием «Россия» — военный.

Чтобы Россия стала более податливой для политики континентальной блокады, надобно было превратить ее в слабое государство. Ведь Наполеону нужен был новый договор о континентальной блокаде не просто с Россией, но со слабой Россией. Достичь ее ослабления можно было не только военным способом, но французский император был человеком армейским — он и государством своим управлял так, как управляют армией. Война являлась его профессией и потому казалась самым лучшим способом решения политических проблем.

О том, что мысль о военном походе на Россию вызрела в сознании Наполеона на почве проводившейся им политики континентальной блокады, и что война против России была для него не чем иным, как продолжением этой политики, свидетельствует уже сам характер подготовки французского императора к военному удару по России. Эта подготовка не только не скрывалась, но как будто даже специально демонстрировалась императору Александру.

9 (21) февраля 1811 года посланник императора Александра I, а фактически разведчик, направленный его величеством для сбора информации о подготовке Франции к войне с Россией, полковник А. И. Чернышев сообщал канцлеру Н. П. Румянцеву: «Все принимаемые Наполеоном меры теперь уже могут служить для нас доказательством, что война с Францией неизбежна, хотя и нельзя с точностью определить время, когда она начнется. Дела испанские и приготовления Наполеона, которые он, конечно, захочет окончить прежде, нежели ее нам объявить, дают повод надеяться, что мы будем иметь 6 или 8 месяцев для приготовлений»¹.

¹ Донесения полковника А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 150.

В послании Чернышева Румянцеву, датированном 28 апреля (10 мая) 1811 года, отмечалось: «Все заявляемые уверения в дружбе и расположении к нам Франции нисколько не меняют положения и хода дел. Их цель заключается лишь в том, чтобы нас усыпить и выиграть время и приготовления к войне продолжают усиленно и с необыкновенною быстротою, как заявил мне сам император Наполеон. Кажется, они еще более усилены с тех пор, как получено было известие о назначении некоторых наших дивизий в дунайскую армию и вообще о числе собранных нами войск»¹.

Летом полковнику Чернышеву удалось собрать сведения о переменах во внутренней организации французской армии, которые явно свидетельствовали, что Наполеон готовится к большой войне. 5 (17) августа 1811 года он сообщал Н. П. Румянцеву: «Маршалы Удино и Ней уже восемь дней, как получают жалованье генералов начальствующих над корпусами большой армии. Три дня тому назад первый уехал, чтобы принять начальство над утрехтским лагерем и Эмбденским, также как и над всеми войсками 17-й и 31-й дивизий. Маршал Ней, кажется, положительно, назначается начальствовать над Булонским лагерем. Все военные говорят, что подобные распоряжения делаются обыкновенно пред самым открытием кампании. Устройство администрации для большой армии окончено, лица назначены, многие части уже отправлены, другие получили приказание быть готовыми, огромные магазины с запасами устроены в Магдебурге, Гамбурге и преимущественно в Везеле. Из последнего переня, который я отправил в Петербург, ваше сиятельство могли заметить увеличение сил внутри империи, независимо от конскриптов, отправленных в Испанию и другие корпуса, находящиеся вне пределов Франции. В настоящее время, не довольствуясь обыкновенною конскрипцией, собирают еще не добранных конскриптов 1811 г. или резерв и речь идет уже о конскрипции за 1812 г.»².

7 (19) сентября 1811 года полковник Чернышев передал новые подробности о намерениях Наполеона: «Выиграв время для окончания всех приготовлений к войне против России, на которую он окончательно решился, она представляется ему в настоящее время неизбежной для того, чтобы достигнуть той власти, которой желает,

¹ Донесения полковника А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 158–159.

² Там же. С. 222.

к которой направлены все его действия, т. е. к господству над Европою. Можно даже прибавить, что эта мысль льстит его самолюбию и защищает его до такой степени, что никакие уступки с нашей стороны не могут отсрочить этой великой и важной битвы, от исхода которой будет зависеть не только судьба России, но и всей Европы. Император Наполеон, имея под рукою более 300 тысяч хороших войск, весьма выгодные операционные линии, опирающиеся на первоклассные крепости и притом решив судьбу Пруссии, окружив ее со всех сторон, не опасается исхода войны с Россией в том случае, если ему удастся окончить ее в одну непродолжительную кампанию. Чего он может опасаться и чего действительно опасается это то, чтобы она не затянулась надолго, зная очень хорошо бедность и недовольство господствующие внутри Франции, равно как отчаяние и плачевное положение различных государств в Германии и оставляя войну в Испании во всем ее разгаре во всех местностях, несмотря на многочисленные подкрепления, которые туда отправлены»¹.

30 ноября 1811 года посол России во Франции князь Ал-р Б. Куракин направил из Парижа письмо к графу Н. П. Румянцеву, в котором писал: «Слухи о начатии военных действий на севере и всякого рода приготовления к оным не перестают умножаться. Повсюду при дворе и в городе явно говорят о скорой, неперменной войне против нас. С сожалением должен я повторить, что оное не подвержено уже ни малейшему сомнению... Военный министр в доверенном разговоре с одним приятелем своим сказал, что Франция готовясь теперь к войне против нас никогда еще не имела столь обильной попечительно снабженной армии, потому что на сии приготовления имела время и оные не теряла. Великие силы и способы Наполеоном к ополчению против нас изготовлены. Не время уже нам манить себя пустою надеждою, но наступает уже для нас то время, чтоб с мужеством и непоколебимою твердостью достояние и целость настоящих границ России защитить»².

В донесении графу Румянцеву от 24 декабря князь Куракин еще раз обращал внимание на подготовку Франции к войне. «Признаки

¹ Донесения полковника А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 238–239.

² Донесения и письма князя А. Б. Куракина канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 351–352.

враждебных намерений императора Наполеона в отношении к нам, на которые я уже указывал вашему сиятельству в предшедших моих депешах, с каждым днем увеличиваются и становятся очевиднее, — подчеркивал он. — Военные приготовления продолжают непрерывно и в настоящее время уже не скрываются»¹.

В декабре 1811 года приготовления Франции к войне с Россией зашли настолько далеко, что люди, осведомленные о происходившем в высших кругах Французской империи, стали говорить о том, что война начнется в ближайшее время. «Лица наиболее сведущие, — сообщал 6 (18) декабря 1811 года полковник Чернышев из Парижа канцлеру Румянцеву в Петербург, — думают, что положение дел таково: император Наполеон со дня на день все более раздражается против России и потому не может быть сомнения, что разрыв последует в непродолжительном времени, что в настоящее время нельзя уже отвечать более, как за два-три месяца спокойствия и даже со дня на день надо ожидать его внезапного отъезда к армии»².

Россия также готовилась к войне заблаговременно. Первые мероприятия, предвещающие эту подготовку, были осуществлены еще в 1809 году, когда квартирмейстерские офицеры провели по поручению Александра I рекогносцировку пограничной полосы на западной границе Российской империи.

В январе 1811 года военный министр М. Б. Барклай де Толли читал Александру I доклад, в котором изложил свой план ведения военной кампании при вторжении французских войск в Россию. В нем предполагалось разделение русских войск на две армии и observationalный корпус, но война со стороны России еще мыслилась в то время наступательной³. Позднее, узнав, какие огромные военные силы собирает Наполеон для похода в Россию, русские генералы признают, что более эффективным способом ведения войны с Наполеоном будет отступление, заманивание его армии в глубь России и уничтожение по частям.

¹ Донесения и письма князя А. Б. Куракина канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. СПб., 1877. С. 352.

² Донесения полковника А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 21. С. 269.

³ См.: Доклад Военного министра государю императору // Отечественная война 1812 года. Отдел 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том 7: Подготовка к войне в 1811 году. СПб., 1907. С. 187–189.

Граф Аракчеев, приложивший огромные усилия для подготовки русской армии к предстоящей войне, знал не только о том, когда приблизительно она начнется, но и какой характер примет. Своими мыслями об этом он поделился в письме к своему брату Петру, которое написал 3 апреля 1812 года, за одиннадцать дней до своего отъезда в Вильно. Отправлял Алексей Андреевич это письмо не по почте, а с оказией — через некоего Хохрякова, который должен был вручить его непосредственно адресату. Поэтому счел возможным рассказать в нем о том, что тогда еще являлось государственной тайной. «Милостивый государь любезной друг и брат Петр андреевич¹, — писал он, — дружеские ваши письма — первое от 8, а последнее от 27 марта — мною получены, но последнее мне очень неприятно, что вы нездоровы. Берегитесь, у вас некому в болезнях и пособить. Теперь я рад, что нашел случай писать к вам не по почте, а с госп: хохряковым, то и намерен вам написать целую историю здешних происшествиев, и потом из оных вывести и заключение, касающееся собственно до нас. Воина не избежна, и уже все воиски наши на границах, и главнокомандующие на своих местах, а и государь из с. петербурха выезжает завтра; место Его, а следовательно и всех с ним находящихся, предположено в вильне;1) воина предполагается самая жестокая, усиленная, продолжительная, и со всеми возможными строгостями, о которых выдано конфермованное из четырех частей положение, коего один экземпляр к вам при сем посылаю. Если вы поедете в армию, то возьмите его с собою, ибо оные книжки еще редки, то и надобны там будут... Вы увидите в сих положениях строгую военную полицию, которая должна все знать, и обо всем доносить, к сему употребятся те люди, которые к сему привыкли здесь, в с. петербурхе, и которые уже несколько лет живут счастливо на несчастье других людей»².

Анн-Жан-Мари Рене Савари, герцог Ровиго, занимавший с весны 1810 года должность министра полиции Франции, записал в своих мемуарах весьма любопытный разговор, состоявшийся у него с Наполеоном весной 1812 года. Французский император готовился тогда к отъезду из Парижа к войскам, собиравшимся для вторжения в Россию, и не мог не думать о предстоявшем походе. По словам Савари, Наполеон заговорил с ним в этой беседе «о войне, кото-

¹ Я сохраняю орфографию данного письма в ее оригинальном виде.

² Полный текст данного письма в первозданном виде был опубликован в 1874 г. в журнале «Русская старина» (Том 10. № 5. С. 190–192).

рую он снова вынужден предпринять: он жаловался на плохое стечение обстоятельств и на то, что оказался вынужденным вступить в войну против России только в этом году, дабы не иметь Австрию и Пруссию против себя в следующем году; он сказал мне, что в данный момент он обладает многочисленной армией, достаточной для этого предприятия, в то время как он может стать слабее, если будет бороться в следующем году с большим числом врагов. Он сильно сожалел о том, что доверился чувствам, побудившим его заключить мир в Тильзите, и часто повторял: **„Тот, кто избавил бы меня от этой войны, оказал бы мне великую услугу; но вот она передо мною, нужно из нее выпутываться“**¹.

* * *

С рассветом 12 июня 1812 года полумиллионная наполеоновская армия начала форсирование Немана близ Ковно (Каунаса). Перед началом переправы через реку в войсках, подошедших в ночной темноте к берегу, было прочитано воззвание Наполеона к армии.

«Солдаты! — говорилось в нем. — Начинается вторая война польская. Первая кончилась пред Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия клялась иметь вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого объяснения в странных поступках своих, доколе орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Неужели почитает она нас переменявшимися? Разве мы не те уже воины, которые сражались под Аустерлицем? Россия поставляет нас между бесчестьем и войною. Выбор не может быть сомнителен. Итак, двинемся вперед! Перейдем Неман. — Внесем войну в ее пределы. Вторая польская война, точно как и первая, прославит оружие французское; но мир, который заключим мы, будет прочен и положит конец сему кичливому влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет производит на дела Европы...»²

¹ Mémoires du duc de Rovigo, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Tome cinquième. Second edition. Paris, 1829. P. 229.

² Цит. по: Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. Ч. 1. Издание 2-е. СПб., 1837. С. 128.

Назвав затеянную военную кампанию против России «второй польской войной», французский император хотел, вероятно, показать, что одной из целей начатой им войны против России является восстановление польского королевства, и привлечь этим на свою сторону поляков¹. А может, всерьез думал, что исход войны с Россией решится у ее западных границ. Как бы то ни было, вместо «польской» он получил самую что ни на есть русскую войну.

В именном указе председателю Государственного Совета и Комитета министров графу Н. И. Салтыкову, изданном 13 июня, на следующий день после начала вторжения французских войск в Россию, император Александр I заявил:

«Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем. Пребываю к вам благосклонный»².

Противостоявшие наполеоновским войскам в июне 1812 года русские военные силы были разделены на две армии: в 1-й из них, находившейся под командованием М. Б. Барклая де Толли, насчитывалось 118 000 чел., во 2-й армии, которой командовал П. И. Багратион, насчитывалось 35 000 чел., то есть против полумиллионной армии вторжения Россия могла выставить всего лишь 153 000 воинов.

К этому следует заметить, что у Наполеона было значительно больше возможностей пополнения своих войск, двинувшихся в поход против России, нежели у Александра I. Общая численность французской армии на начало 1812 года составляла 850 000 чел. Кроме того, Наполеон располагал войсками своих союзников (Ита-

¹ Первыми из французов переправились на восточный берег Немана саперы. Была еще ночь, но переправившиеся были сразу же обнаружены одним из казачьих разрядов. Приблизившись к саперам, его командир спросил их, кто такие. «Французы», — услышал он в ответ. «Чего вы хотите и зачем вы в России?» — спросил еще раз русский офицер и получил предельно откровенное признание: «Воевать с вами, взять Вильну, освободить Польшу!» Вслед за этими словами в сторону русских полетели пули. Выстрелив в ответ на них, казачий патруль скрылся в темноте. Это было первое боевое столкновение Отечественной войны 1812 года.

² Именной указ, данный Председателю Государственного Совета и Комитета Министров графу Салтыкову, от 13 июня 1812 года «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от Российских пределов» // Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 1.

лии, герцогства Варшавского, германских княжеств) общей численностью в 337 000 чел. В его распоряжении находились, таким образом, вооруженные силы общим числом в 1 187 000 чел. Все сухопутные силы Российской империи составляли на 1 января 1812 года 517 682 человек регулярных войск¹.

В свете этих цифр неудивительно, что современники смотрели на войну 1812 года между Россией и Францией как на грандиозное явление мировой истории. Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), состоявший в 1812 году чиновником для особых поручений при московском генерал-губернаторе графе Ф. В. Ростопчине, свою книгу о походе Наполеона против России, писавшуюся весной 1813 года, начал со следующей констатации: «Поход Наполеона Бонапарте против России в 1812 году есть одно из чрезвычайнейших событий от самого сотворения мира. Размышляя, что более полумиллиона войска, сто двадцать тысяч лошадей, тысяча триста пушек приведены были с отдаленнейшего края Европы к границам Азии, в июне месяце вошли в пределы Русского царства, в сентябре вторглись в древнюю нашу столицу; что в начале декабря двадцатая токмо часть с предводителем своим спаслась бегством, и что, наконец, три месяца спустя отважные наездники с берегов Волги и Дона привели поить лошадей своих к Эльбе, кто из потомков наших не усомнится в происшествиях, превышающих всякое человеческое воображение?»² Указывая на мировое значение победы России в войне с Францией, А. Я. Булгаков счел необходимым использовать ключевой образ библейской мифологии. «Позднейшее потомство, — утверждал он, — будет говорить о 1812 годе, как мы теперь говорим о всемирном потопе. Тогда окруженный водою ковчег спас Ноеву семью; здесь же, объятая пламенем Москва спасает наводненную злодеяниями, безбожием и ужасными бедствиями Европу»³.

Командующий 2-й Западной армией генерал П. И. Багратион не имел дара выражаться столь образно, поэтому изображал войну России с наполеоновской Францией более простыми, народными красками. 7 августа 1812 года он писал управляющему канцелярией императора Александра I генералу А. А. Аракчееву: «Слух носится, что

¹ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. С. 69–70, 86.

² Булгаков А. Я. Русские и Наполеон Бонапарте. Издание второе, с рисунками. М., 1814. С. I. На титульной странице данного издания фамилия автора не указана.

³ Там же. С. III.

вы думаете о мире. Чтобы помириться, Боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений мириться: вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уже так пошло, — надо драться, пока Россия может, и пока люди на ногах; **ибо война теперь не обыкновенная, национальная**»¹ (выделено мною. — В. Т.).

Подобную оценку давал войне 1812 года и Федор Николаевич Глинка. Будучи офицером и участником боев с наполеоновской армией, он последовательно в течение всего времени, пока они шли, записывал свои впечатления о них в жанре писем другу. В 1821 году часть этих писем, посвященная боевым действиям на территории России, была издана с параллельными текстами на двух языках — русском и французском — под названием «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года». Характеризуя в письме, датированном 30-м августа 1812 года, главную битву этой военной эпопеи, Ф. Н. Глинка писал: «О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородиным! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. „Оценка людей, — говорит премудрая Екатерина, — не может сравняться ни с какими денежными убытками!“ Но в **войне отечественной**² и люди ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! — Нет, друг мой, ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! — Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле»³ (выделено мною. — В. Т.). В письме, написанном 18 декабря 1812 года, Федор Глинка заявлял: «*Отечественная война*⁴ переродила людей... Мой друг! Сия война ознаменована какою-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборони-

¹ Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Л., 1941. С. 54.

² С. Н. Глинка перевел фразу «в войне отечественной» на французский язык словами «dans la guerre nationale», т. е. как «в войне национальной».

³ Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою. М., 1821. С. 126, 128.

⁴ В данном случае для перевода словосочетания «отечественная война» на французский язык С. Н. Глинка использовал слова «la guerre patriotique».

тельное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели из объятий *независимости* и *Муз*, чтоб стать грудью за родной предел»¹.

Открытая и даже демонстративная подготовка Франции к войне с Россией, формирование Наполеоном огромной — приблизительно полумиллионной армии вторжения, периодически повторяемые им высказывания о том, что на самом деле он войны с Россией не желает, но вынужден пойти на нее, чтобы предотвратить ее союз с Англией, — все это заставляет думать, что французский император смотрел на свой военный поход в Россию помимо прочего еще и как на грандиозный военный спектакль, призванный произвести впечатление на Европу, на Россию, на российского императора. Он почему-то решил, что война — это лучший способ добиться выгодного для себя мира и думал, что если войдет в Москву, то Александр I немедленно начнет с ним мирные переговоры. Наполеон не догадывался, что в России монарх только по названию самодержец, что нет у него власти остановить войну русских людей против чужой армии, пришедшей на их землю, что такая война всегда неизбежно превращается в ОТЕЧЕСТВЕННУЮ, которую прекратить в России может только РУССКАЯ ПОБЕДА.

* * *

«1812 год останется навсегда знаменательной эпохой в нашей народной жизни. Равно знаменательна она и в частной жизни того, кто прошел сквозь нее и ее пережил», — так писал, вспоминая Отечественную войну, князь П. А. Вяземский. Для многих россиян этот год стал счастливейшей эпохой в их судьбе. Никогда, по собственным их признаниям, не испытывали они такого богатства чувств, никогда не жили так полно, как в эту годину, когда Отечество их было в опасности.

Чтоб зажить всей полнотой своего существа, людям часто бывает надобно вырваться из мирной, тихой, размеренной жизни.

Как жил в 1812 году граф Аракчеев, какими чувствами полнилась душа его во время Отечественной войны, какими мыслями был занят его ум — об этом осталось на удивление мало сведений. Сам Алексей Андреевич почти ничего не рассказывал о своих тогдашних душев-

¹ Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою. М., 1821. С. 214, 216.

ных переживаниях, о том, что происходило с ним в тот знаменательный год. Лишь по некоторым косвенным свидетельствам можно догадываться о том, что чувствовал он тогда.

«Давно, правду сказать, — писал Аракчееву 7 июля 1812 года приятель его И. А. Пукалов, — иноплеменники затирали русских; время все покажет. В одном месте истории римской Тацит сказал: «Бывают такие времена, что сносить тяжело, а говорить опасно». Если я не ошибаюсь, то до отъезда еще ваше сиятельство много отгадали. Тот, кто ваши чувства сколько-нибудь знает, может ручаться жизнью, что вы истинный русский и никому не уступите в преданности к Государю и в любви к отечеству. Я скажу более: вас все таким разумеют и желают, чтобы вы имели участие в советах, трудах и в самых победах». Много лет спустя Ф. В. Булгарин напишет в своих воспоминаниях: «Граф А. А. Аракчеев принадлежит Истории, и под пером историка-философа займет в ней весьма важное место. Главнейшее достоинство графа А. А. Аракчеева состояло в том, по моему мнению, что он был *настоящий Русак*, как мы говорим в просторечии. Все русское радовало его и все, что, по его мнению, споспешествовало славе России, находило в нем покровительство. Не надобно было только ложиться поперек на том пути, по которому он шествовал! Да это вряд ли кто любит! Другое важное достоинство графа состояло в ненависти к всякому фанфаронству и самохвальству».

Многие из соприкасавшихся с Аракчеевым на службе представляли его человеком, не способным воодушевляться патриотическими чувствами. «Можно сказать, — утверждал в своих записках генерал-адъютант Е. Ф. Комаровский, — что душа и чувства графа Аракчеева были совершенного царедворца и чужды любви к отечеству». Генерал-майор С. И. Маевский отмечал в своих воспоминаниях, что «граф никогда не говорил об отечестве; он это заменял словом служба». Что ж, Аракчеев действительно старался не употреблять слово «отечество» и заменял его другим, менее возвышенным словом.

«Сказанное вами о одиночестве моем очень справедливо; и признаюсь, что свою сторону очень люблю и верю вам, любезному другу, что мне будет скучно долго оставаться за границей», — так напишет Алексей Андреевич в письме от 12 апреля 1814 года И. А. Пукалову. В одном из своих писем к Аракчееву Иван Антонович выскажет мнение, что граф слишком привязан к царскому двору. «Здесь вы, любезный друг, погрешили, сказав обо мне, что я к двору

очень привык; вижу из онаго, что и умные люди иногда могут ошибаться, — ответит Аракчеев. — Знайте, любезный друг, и проверьте после мною сказанное: я двора никогда не любил, и он мне всегда был в тягость; а заблуждение мое было, признаюсь, в том, что я думал, будто честный человек может делать общую пользу. Оно может быть и возможное дело, но в государстве маленьком, а в нашем странном колоссе оное есть заблуждение... Поверьте же мне, что я могу жить очень спокойно один и никогда не поскучав, что давно не обедал при дворе; ибо кто чист сердцем и душою, тот всегда доволен будет».

Алексей Андреевич был искренен в этих своих признаниях. Он действительно чувствовал себя очень и очень неуютно при царском дворе в окружении разных знатных господ, в большинстве своем настроенных к нему враждебно. Если где и был он на своем месте, если где имел отдохновение, так это у себя в Грузии. Оттого и устремлялся туда всякий раз, когда обстоятельства позволяли. Брал с собою адъютантов с фельдъегерями и занимался в Грузии своими служебными делами, работая днями напролет, плодотворно и неустанно. Там же принимал и разных просителей и подчиненных по службе. Те, кто посещал графа в Грузии, впоследствии говорили, что в своем имении он был не таким, каким доводилось им знать его в Петербурге.

Отъезд из Санкт-Петербурга в апреле 1812 года выбил Аракчеева из привычной жизненной колеи, он остался практически без дела и в таком состоянии принужден был находиться два месяца.

О переходе наполеоновской армией Немана граф узнал вечером 12 июня, будучи в Вильно. Здесь же пребывал и государь император. Его величество развлекался балом, когда ему принесли весть о начале войны России с Францией. 14 июня Алексей Андреевич выехал с Александром в Свенцяны. А 16 июня в Вильно был уже Наполеон со своим штабом. Обосновался французский император в том же самом дворце и в тех же комнатах, где прежде располагался император Александр. Здесь он принял генерал-адъютанта Балашова, посланного к нему российским государем с письмом еще вечером 13 июня. В своем письме самодержец российский заявлял императору-завоевателю, что вступит с ним в переговоры только при условии, что французская армия отойдет за границу. Александр обещал Наполеону, что не скажет ему и не выслушает от него ни одного слова о мире до тех пор, пока хоть один вооруженный француз будет оставаться в пределах России.

Возможно, только по прочтении этого письма, то есть лишь на четвертый день своего пребывания на российской земле, хозяин Европы понял, что война ему предстоит не в пример прежним — долгая и трудная. И не «польская» она будет, как назвал он ее в своем воззвании к армии, а самая что ни на есть *русская*.

— Какая дорога в Москву? — спросил между прочим Наполеон в разговоре с Балашовым.

— Ваше величество, — отвечал посланник российского императора, — этот вопрос меня немного затрудняет: русские говорят так же, как и французы, что все дороги ведут в Рим. Дорогу на Москву избирают по желанию: Карл XII шел через Полтаву.

После того, как Наполеон и Александр обменялись письмами, дальнейший ход войны России с Францией совершенно определился.

Начиная с 17 июня определенной стала и участь графа Аракчеева. Вот как сам он писал о произошедшем с ним в этот день событии: «Июня 17-го дня, 1812 года в городе Свенцянах призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с онаго числа вся Французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора». Аракчеев был назначен управляющим канцелярией императора Александра¹.

Отступление русских войск между тем продолжалось. В начале июля стало ясно, что без народного ополчения и пожертвований финансовых средств населением врага не одолеть. Состоявшие в свите его величества генерал-адъютант А. Д. Балашов и государственный секретарь А. С. Шишков пришли к мнению, что в сей критический момент российскому императору лучше всего покинуть армию и ехать из Полоцка, где он пребывал, в Москву, с тем чтобы там непосредственно обратиться к обществу за поддержкой. Но как было предложить Александру такое? Балашов с Шишковым решили прибегнуть к помощи Аракчеева. Они предложили графу упросить государя оставить армию, сказав, что этот государев поступок необходим для спасения Отечества. Е. Ф. Комаровский отмечал впоследствии в своих записках, ссылаясь на свидетельства Балашова и Шишкова, что Аракчеев в ответ на это предложение раздраженно бросил: «Что

¹ 7 декабря 1812 года этому учреждению будет присвоено официальное наименование «Собственная Его Императорского Величества канцелярия». Граф Аракчеев будет управлять ей до 19 декабря 1825 года.

мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь при армии?» — «Конечно, — отвечали ему, — ибо если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Барклая, то беда еще не великая». С приведенным доводом Аракчеев согласился и вечером 5 июля занес в государеву спальню и положил на столик составленное А. С. Шишковым письмо, в котором содержалась просьба к Александру покинуть армию.

Просьба эта больно была по самолюбию Александра. Государь опасался и разных кривотолков, которые мог вызвать в обществе его отъезд из армии. Целую ночь и еще день размышлял он над письмом, предусмотрительно положенным Аракчеевым на его ночной столик, и к вечеру 6 июля принял тяжкое для себя решение — оставить армию.

Опасения Александра оказались не напрасными: отъезд его из действующей армии многие отнесли именно на счет его трусости. И даже княгиня Екатерина Павловна усомнилась в личной храбрости своего венценосного братца. Александр вынужден был оправдываться перед ней.

«Признаюсь, дорогой друг, — обращался он к самой любимой из своих сестер, — мне еще тяжелее касаться этого, и я полагал, что моя честь, в ваших по крайней мере глазах, не запятнана. Я не могу даже поверить, что вы говорили в своем письме о той личной храбрости, которую может проявить всякий рядовой солдат и которой я не придаю никакого значения. Впрочем, коль скоро мне уже приходится, к стыду своему, коснуться этого вопроса, я скажу, что гренадеры Малороссийского и Киевского полков могут удостоверить, что я умею держать себя в огне так же спокойно, как всякий иной. Повторяю, я не могу поверить, чтобы вы говорили в своем письме об этой храбрости; я думаю, вы имели в виду нравственное мужество: единственно чему может придавать значение человек с высшим призванием... Принеся свое личное самолюбие в жертву общему благу и уехав из армии вследствие толков о том, что я приносил ей вред своим присутствием, что я избавлял генералов от всякой ответственности, что я не внушал войскам никакого доверия, наконец, что поражения, которые приписывались мне, могли быть прискорбнее тех, которые приписывались моим генералам, посудите сами, друг мой, как мне должно быть тяжело слышать, что моя честь подвергается нападкам, тогда как, уехав из армии, я сделал только то, что от меня хотели, тогда как я сам ничего так не желал, как остаться в армии».

Покинув войска, император Александр отправился в Москву. В свите его находился и граф Аракчеев. Накануне своего отъезда из Полоцка государь подписал воззвание к жителям Москвы с призывом создавать ополчение. Утром 11 июля генерал-адъютант В. С. Трубецкой доставил текст воззвания в Москву и сообщил, что вскоре прибудет и сам император. Весть эта вмиг облетела город и вызвала у населения небывалое воодушевление.

Подъехав к Москве вечером 11 июля, Александр на несколько часов остановился в Перхушково, в имении генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, с тем чтобы прибыть в город около полуночи. Граф Ростопчин объяснял впоследствии в своих записках, что его величество хотел «избежать толпы любопытных, ожидавших его у дороги, намеревавшихся отпрячь лошадей и везти на себе его карету в Кремль. Мысль эта перешла от народа и к более высоким классам, — отмечал Федор Васильевич, — и я знал, что некоторые лица, украшенные орденами, намеревались отправиться к заставе и — по усердию ли, по глупости — обратиться в четвероногих». Дабы народ не ждал государя до полуночи, было сообщено, что он прибудет только утром. Поэтому когда Александр в полночь проезжал к Кремлю, Москва была пустынной. Спали и в Кремлевском дворце.

День 12 июля его величество начал с того, что отправился в сопровождении Аракчеева, Балашова, Шишкова и Комаровского в Успенский собор на молебен. Идти пришлось через толпы собравшегося на площади перед собором народа, сквозь бурю восторга, крики «ура», заглушавшие колокольный звон. Как только Александр вошел внутрь собора, хор, а за ним и все присутствовавшие запели слова 67-го псалма: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от лица Его вси ненавидящие Его». Из собора Александр вышел весь в слезах умиления. Архиепископ Московский Августин, служивший молебен, был приглашен его величеством на прием. После краткой беседы с его преосвященством Александр вручил ему награду — орден Святого Александра Невского.

На следующий день около полудня российский император встречался в залах Слободского дворца с московским дворянством и купечеством. Выступил перед теми и другими с короткими речами о том, что армия Наполеона сильна и что без помощи общества русская армия справиться с нею не в силах. Присутствовавшие с радостью откликнулись на призывы своего государя. Дворянство обещало дать в ополчение на первый случай по десяти человек со ста душ крестьян.

В зале, где сидело купечество, сразу после выступления его величества был организован сбор средств. Первым занес свое имя в список пожертвований московский городской голова. При капитале в 100 тысяч рублей он пожертвовал 50 тысяч. «Мне Бог дал, я отдаю Отечеству», — сказал он, перекрестившись. В полчаса купцы собрали 2 миллиона 400 тысяч рублей. Дворянство же выставило 32 тысячи ратников.

Московский генерал-губернатор граф Ростопчин поспешил обрадовать доброй вестью государя. В царском кабинете Кремлевского дворца вместе с Александром находились Аракчеев и Балашов. «Государь заявил мне, — рассказывал впоследствии Ростопчин, — что он весьма счастлив, что он поздравляет себя с тем, что посетил Москву и что назначил меня генерал-губернатором. Затем, когда я уже уходил, он ласково поцеловал меня в обе щеки. По выходе в другую комнату Аракчеев поздравил меня с получением высшего знака благоволения, то есть поцелуя от государя. «Я, — прибавил он, — я, который служу ему с тех пор, как он царствует — никогда этого не получал!» А Балашов сказал мне: «Будьте уверены, что граф никогда не забудет и никогда не простит вам этого поцелуя». Тогда я посмеялся этому, но впоследствии я имел доказательства, что министр полиции был прав и что он лучше меня знал графа Аракчеева».

Император Александр оставил армию вовремя. По мере того как войска Наполеона продвигались в глубь России, в русском обществе все более подымалась волна возмущения. Никто не мог, а если и мог, то не хотел понять, почему русская армия отступает без боя к Москве. Возмущалась и сама армия. Будь Александр во главе войск, волна возмущения неминуемо обрушилась бы на него. Но поскольку государь благоразумно обосновался в Петербурге, она ударила по Барклаю де Толли. По своей должности главнокомандующего 1-й армией и званию военного министра он стоял выше командующего 2-й армией Багратиона, а потому и нес ответственность за отступление.

Пока обе армии не соединились, недовольство Барклаем было еще сдержанным. Ожидали, что после соединения армий отступление прекратится и неприятелю будет дан решительный бой. Когда же под Смоленском это произошло, но отступление тем не менее продолжилось, недовольство сменилось негодованием. «Негодовали единственно на Барклая де Толли: и не только возлагали на него вину, но еще прибавляли много небывалого», — вспоминал участник тех событий Н. Митаревский.

Между тем фактическую ответственность за происходящее нес император Александр, поставивший Барклая в сложное, двусмысленное положение. «Еще ни один полководец, ни в одной армии не находился в таком крайне неприятном положении, как я, — признавался впоследствии Михаил Богданович. — Каждая из обеих соединенных армий имела своего особого главнокомандующего, которые облечены были полномочиями, вполне соответствующими таковому положению. Каждый из них имел право распоряжаться по собственному усмотрению вверенною ему армией. Правда, я имел в качестве военного министра право отдавать приказы, но я не решался воспользоваться этим правом».

Стратегия отступления, которой последовательно придерживался Барклай де Толли, во многом диктовалась обстоятельствами. К примеру, под Смоленском при соединении обеих армий русские имели под ружьем 110 тысяч, а Наполеон стоял против них с 250 тысячами. «Атаковать его при таких несоразмерных силах было бы совершенное сумасшествие», — писал Барклай де Толли. Вместе с тем данную стратегию предписывал русской армии и Александр. То, что за Барклаем стоял государь, понял в конце концов Баграцион. Обращаясь 14 августа с письмом к генерал-губернатору Москвы графу Ростопчину, князь Петр Иванович заметил в постскриптуме: «От Государя ни слова не имеем; нас совсем бросил. Барклай говорит, что Государь ему запретил давать решительные сражения, и все убегает. По-моему, видно, Государю угодно, чтобы вся Россия была занята неприятелем. Я же думаю, русский и природный царь должен наступательный быть, а не оборонительный — мне так кажется».

После 6 августа — дня, когда русская армия оставила Смоленск, в Петербург в адрес царского двора полетели потоком письма с требованием снять Барклая де Толли с поста главнокомандующего. Граф Ростопчин писал Александру: «Государь! Ваше доверие, занимаемое мною место и моя верность дают мне право говорить вам правду, которая, может быть, встречает препятствие, чтобы доходить до вас. Армия и Москва доведены до отчаяния слабостью и бездействием военного министра, которым управляет Вольцоген. В главной квартире спят до 10 часов утра... Решитесь, Государь, предупредить великие бедствия. Повелите мне сказать этим людям, чтобы они ехали к себе в деревни до нового приказа. Обязуюсь направить их злобу на меня одного: пусть эта ссылка будет самовластьем с моей стороны. Вы воспрепятствуете им работать

на вашу погибель, а публика с удовольствием услышит о справедливой мере, принятой против людей, заслуживших должное презрение».

Стремившиеся отстранить Барклая де Толли от командования войсками писали и Аракчееву. В обществе хорошо знали о той вражде, которую питал граф к своему преемнику на должности военного министра, и многие надеялись теперь использовать ее. Багратион буквально засыпал Аракчеева письмами. «Воля Государя моего: я никак вместе с министром не могу, — заявлял князь своему покровителю и ходатаю у престола 29 июля. — Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать — в Молдавии или на Кавказ, а здесь быть не могу, и вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно... Я думал, истинно служу Государю и отечеству, а на поверку выходит, что я служу Барклаю: признаюсь — не хочу». 7 августа Багратион вновь писал Аракчееву: «Надо командовать одному, а не двум. Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной — и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Готовьтесь ополчением: ибо министр самым мастерским образом ведет в столицу за собой гостя... Министр на меня жаловаться не может: я не токмо учтив против его, но повинуюсь как капрал, хотя и старше его. Это больно. Любя моего благодетеля и Государя, повинуюсь. Только жаль Государя, что вверяет таким славную армию... Скажите ради Бога, что наша Россия, мать наша, скажет, что так страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдавать сволочам, и вселять в каждого подданного ненависть, что министр нерешителен, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругают его насмерть... Ох грустно, больно: никогда мы так обижены и огорчены не были, как теперь. Вся надежда на Бога. Лучше пойду солдатом в суме воевать, нежели главнокомандующим и с Барклаем. Вот вашему сиятельству всю правду описал, яко старому министру, а ныне дежурному генералу и всегдашнему доброму приятелю. Простите и в камин бросьте».

Граф Аракчеев не бросил Багратионово послание в огонь. Может, даже показал его императору Александру, как показывал многие письма свои и к себе.

Как бы то ни было, с оставлением русской армией Смоленска участь Барклая де Толли решилась. Александр пришел к мысли, что в роли главнокомандующего всей армией должен выступить другой человек — тот, кто при всех своих достоинствах полководца был бы

почитаем обществом. Среди возможных претендентов на указанную роль наибольшим доверием в армии и свете пользовался Кутузов. Имя его чаще всех других называлось и в письмах, которые Александр получал. 15 июля Михаил Илларионович был избран одновременно и в Москве, и в Петербурге, причем без всякой взаимной смолвки, начальником народного ополчения. И Александр, влекомый общественными настроениями, к 5 августа уже принял решение о назначении Кутузова главнокомандующим, хотя и не спешил обнародовать его. Верный своему характеру, он счел необходимым разделить ответственность за принятие столь важного решения с другими. С этой целью им был создан 5 августа чрезвычайный комитет для избрания главнокомандующего. В состав комитета вошел и граф Аракчеев.

Алексей Андреевич активно выступил в поддержку Кутузова, и остальные члены комитета согласились с ним. Реакция русского общества на назначение Кутузова главнокомандующим армией показала со всей убедительностью, что это было правильное в тех условиях решение. «В нем было что-то чисто национальное, делавшее его столь дорогим для русских, — писал о Кутузове французский генерал Филипп-Поль Сегюр. — В Москве радость по случаю его назначения доходила до опьянения: посреди улиц бросались друг другу в объятия, считая себя спасенными».

Радостная для России, эта весть была горькой для Барклая де Толли. Много лет спустя А. С. Пушкин посвятит ему стихотворение «Полководец», заключающее в себе, по его собственным словам, «несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урон, предоставив своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества». Как писал поэт, «Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждой, язвимый злоречием, но убежденный в самом себе, молча идущий к сокроуенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высокопоэтическим лицом».

В Бородинском сражении Барклай де Толли был едва ли не заметнее всех в стане русских воинов. На белом коне, в парадном мундире, в блеске всех своих наград носился он перед полками, не замечая ни разрывов ядер, ни свиста пуль. Михаил Богданович искал смерти в бою. Но смерть, как часто это бывает, досталась не ему, а

тем, кто ее не искал. И в их числе более счастливому на доброе мнение публики о себе — генералу Багратиону.

* * *

Ровно через неделю после битвы под Бородино Наполеон вступил в Москву. Время, в течение которого наполеоновская армия пребывала в Москве, — со 2 (14) сентября и до 7 (19) октября — было, пожалуй, самым горьким в судьбе императора Александра I. При посторонних государь старался быть спокойным, но в присутствии близких людей не стеснялся предаваться скорби. Потрясенный до глубины души сдачей неприятелю Москвы, он ни в чем не мог найти себе утешения. Не приносили успокоения ни частые продолжительные прогулки в одиночестве по Каменноостровским рощам, ни ласковое обращение супруги. Елизавета Алексеевна, державшая себя с мужем в последние годы довольно гордо и отчужденно, увидев, каким сделался он несчастным, стала к нему как никогда нежной и предупредительной.

Как правитель великой православной империи, Александр старался соблюдать требования христианской этики, но, воспитанный на идеях философии просвещения, был в душе деистом. Несчастье, обрушившееся на него в начале сентября 1812 года, пробудило в нем истинную потребность в христианской вере. В эти трудные для себя дни он крепко подружился с Библией и уже не расставался с ней никогда. Читал ее наедине, находил слова, применимые к собственному положению, подчеркивал их и перечитывал вновь.

В день своей коронации — 15 сентября — Александр поехал в Казанский собор не верхом на коне, как во все предыдущие годы, а в закрытой карете. У собора, как всегда, была толпа, но впервые мрачная и молчаливая. И даже когда Александр с супругой и свитой поднимался по ступенькам собора, толпа ни единым возгласом не проявила своего присутствия. Его императорское величество всходил и слышал свои шаги...

Спустя три дня Александр писал Екатерине Павловне: «Несмотря на все неудачи, какие мне приходится испытывать, я не падаю духом, я решил более чем когда-либо упорно продолжать борьбу и к достижению этой цели направлены все мои усилия. Скажу откровенно: не быть признанным обществом или множеством людей, которые вовсе меня не знают или знают недостаточно, не так тяжело, как быть непонятым небольшим числом людей, которых я люблю и

которыми я надеялся быть понятым. Но если бы это новое горе присоединилось ко всем тем огорчениям, какие мне приходилось испытывать, то клянусь Богом, я не стал бы обвинять их и видел бы в этом только обычную участь всех несчастных, — участь быть всеми покинутым».

Негодование армии и общества, которое в июле и августе падало почти целиком на одного Барклая де Толли и мало затрагивало императора Александра, теперь, в сентябре, обратилось преимущественно на царский двор. «Французы в Москве! Вот до чего дошла Россия! Вот плоды отступления, плоды невежества, водворения иностранцев, плоды просвещения, плоды, Аракчеевым, Клейнмихелем¹, etc, etc насажденные, распутством двора выращенные. Боже! За что же? Наказание столь любящей тебя нации! В армии глухой ропот: на правление все негодуют за ретирады от Вилны до Смоленска» — эти слова записывал в свой дневник 12 сентября 1812 года находившийся в действующей армии генерал-майор Василий Васильевич Вяземский.

Солидная порция общественного гнева досталась и графу Аракчееву. В том же дневнике под датой 30 августа читаем: «Теперь уже сердце дрожит о состоянии матери России. Интриги в армиях — не мудрено: наполнены иностранцами, командуемы выскочками. При дворе кто помощник государя? Граф Аракчеев. Где вел он войну? Какою победою прославился? Какие привязал к себе войски? Какой народ любит его? Чем он доказал благодарность свою отечеству? И он-то есть в сию критическую минуту ближним к государю».

Действительно, начиная с 17 июня 1812 года Аракчеев практически неотлучно находился при Александре. Через него шли все официальные бумаги к государю и от государя. Курьеры, прибывавшие во дворец, сперва попадали к графу и лишь после доклада ему могли удостоиться чести быть представленными самому императору. В трудные для России и ее государя времена, наступившие после Бородинского сражения и оставления русской армией Москвы, Аракчеев взял на себя значительную часть текущих дел по обеспечению армии. И нередко принимал по ним решения единолично.

Император Александр, чувствовавший себя очень неуверенно в первые месяцы войны, постоянно советовался с Аракчеевым, сверяя

¹ Имеется в виду генерал-лейтенант Андрей Андреевич Клейнмихель, директор 2-го кадетского корпуса, занимавшийся в 1812 г. формированием пехотных полков. Сын его, Петр, служил адъютантом у Аракчеева.

его мнение со своим. «У меня рескрипт к Кутузову написан в сходстве нашего разговора, — обращался его величество в своей записке к графу 17 сентября 1812 года. — Но по внимательному рассмотрению на карте я нахожу, что сие дело, дабы могло быть полезно, и требует точнейшего соображения, особливо по неравным дистанциям, в коих окружные губернии лежат от Москвы. Для сего необходимо сей проект обделать внимательнее, чего успеть нельзя сегодня. А потому я полагаю курьера отправить, а с сим планом пошлем другого». 26 октября Александр писал Аракчееву: «Мне пришло на ум, лучше не посылать сего письма, чтобы не произвести напрасного раздора». Через три дня: «Я имел терпение прочесть все сии бумаги на имена разных министров; я сам их разошлю, а то на тебя еще в состоянии будут сердиться». Написав письмо-поручение к статс-секретарю К. В. Нессельроде, император счел необходимым, прежде чем отправить его, показать Аракчееву. 2 ноября государь просил Алексея Андреевича своей запиской: «Вороти мне письмо к Нессельроде. Хорошо бы мне с тобой повидаться перед твоим отъездом завтра. Я в семь часов и даже в седьмом часу уже одет».

Великий князь Николай Михайлович, приведя в своей книге «Император Александр I» тексты этих и других Александровых записок к графу, заключил: «Все эти записки наглядно показывают степень доверия Императора к Аракчееву, а также, что за Отечественную войну не кто иной как Аракчеев был в действительности секретарем Государя по всем военным делам».

О том, какое большое значение приобрел Аракчеев в то время в окружении императора Александра, свидетельствуют и конкретные факты.

Необходимость снабжения армии продовольствием и фуражом заставляла командиров воинских подразделений прибегать к реквизициям помещичьей собственности. «Когда вся Россия жертвовала последней копейкой и, можно сказать, последним взрослым человеком, что тут было беречь барские выгоды, доходы!» — восклицал, вспоминая о событиях Отечественной войны, С. Г. Волконский.

Подобное настроение разделяли тогда многие командиры. Помещики в большинстве случаев безропотно сносили реквизиции, но, бывало, и жаловались на произвол армейских начальников. У Аракчеева жалобы эти, как правило, находили благосклонный прием. Безусловно, защищать обобранных помещиков во время Отечественной войны было нелегко, но граф умудрялся это делать: умел

найти и нужный тон, и необходимые аргументы, увещевая командиров не допускать реквизиций.

Князь С. Г. Волконский оказался однажды замешанным в одну из таких историй. Начальник его генерал-адъютант Ф. Ф. Винцингероде, возглавлявший в сентябре 1812 года полки, защищавшие дорогу из Москвы в Петербург, дозволил своим офицерам добывать требуемое для снабжения войск продовольствие и фураж посредством реквизиций у местных помещиков. Возмущенные помещики обратились с жалобами в Петербург. В ответ на них Аракчеев послал Винцингероде запрос. Тот вместо того, чтобы учтиво все объяснить, вспылил и написал письмо прямо к государю. С этим письмом был послан в столицу князь Волконский.

По заведенному порядку Сергей Григорьевич попал сначала к Аракчееву. Сказал ему, что привез от своего начальника депешу для передачи в руки государю. Узнав о содержании депеши, граф тут же согласился доставить Волконского в кабинет к Александру. В тот же день князь был принят его величеством наедине и вручил ему послание Винцингероде. После короткой беседы Александр сказал Волконскому, что перед отправлением увидится с ним и передаст ему для генерал-адъютанта личное свое письмо. Пять дней ждал после этого Волконский новой встречи с императором. Не дождавшись, обратился к Марии Антоновне Нарышкиной, сын которой, Лев, был его сослуживцем. Просил ее поговорить с государем, чтобы он принял его побыстрей.

Благодаря ходатайству Марии Антоновны Волконский на шестой день был принят его величеством. То, что князь-фельдъегерь услышал на этом приеме от своего государя, надолго оставило в нем удивление. «Вот тебе письмо к Винцингероде, — сказал Александр, — он поймет меня и убедится, что я имею полное уважение и доверие к нему, но в ходе дел административных надо им давать общий ход, и поэтому, как те бумаги, которыми он был недоволен, так и те, которые впредь могут быть ему не по мыслям и сердцу, пусть его не тревожат, и пусть он кладет их под красное сукно и не дает исполнения. Он и я, мы друг друга понимаем, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его от меня за преданность и службу. Через несколько часов потребует тебя для отправления граф Алексей Андреевич, *ты не говори, что я тебя требовал к себе и что ты получил от меня конверт для вручения Винцингероде*». Много лет спустя Сергей Григорьевич опишет эту встречу с императором Александром в своих «Записках». И слова его величества об Аракчееве выделит особо: «Я указываю

на эти последние слова, — заметит он, — как на странный факт того, что Государь себя подчинял какой-то двуличной игре с Аракчеевым, и как доказательство силы Аракчеева у Государя».

Следующая история также немало свидетельствует о положении Аракчеева при дворе и приоткрывает кое-что из его характера. Новгородский губернатор П. И. Сумароков распорядился, дабы помещики губернии, выставляя крестьян на военную службу, давали в казну денег в размере стоимости их годового провианта, тогда как во всех других губерниях брали с дворянства деньги только за трехмесячный провиант. Одновременно губернатором было дано повеление о том, чтобы крестьяне взяли в губернском городе муку, отвезли бы ее в свои деревни и там пекли из нее сухари, которые затем сами бы и привозили в Новгород.

Аракчеев узнал об этих распоряжениях губернатора от управляющего Грузинской вотчиной Ивана Дмитриева. Возмущенный, он решил призвать Сумарокова к порядку. В письме в Новгород от 29 августа 1812 года граф сообщил, что Комитет внутреннего ополчения запретил брать с дворянства деньги в сумме более чем за трехмесячный провиант и рекомендовал взятое сверх этого зачесть помещикам в число подушного сбора или возратить им. «Я обо всех оных распоряжениях, — выговаривал Аракчеев инициативному губернатору, — вносил записку в Комитет гг. министров, где не только я, но и все министры не верят распоряжению, ибо оное можно только делать для разорения крестьян. По всем сим причинам и более потому, что война нынешняя должна будет продолжиться долгое время, то и нужно крестьян не как господину, но как чиновнику Российской империи сберегать на будущее время». Для подтверждения своих слов граф прилагал к письму копию с комитетского журнала. Казалось бы, губернатор должен был немедленно подчиниться и отменить изданные распоряжения. Но нет — его превосходительство продолжал настаивать на своем. Пришлось Аракчееву повторить свое увещание. «Письмо ваше от 8 сентября я получил, — писал граф в Новгород 9 сентября, — а как в оном изволите доказывать и одобрять сами, вами же самим сделанные распоряжения, то мне и не оставалось более ничего, как оное в оригинале представить государю императору. Его императорское величество изволил увидеть, что подтвержденное его величеством положение о приеме с новгородских дворян за провиант на три месяца вместо двенадцати вы не одобряете, тогда когда оное от государя приказано исполнить».

Что оставалось делать его превосходительству? К великому удивлению Аракчеева, Сумароков не подчинился и этому письму. «Ваше сиятельство *нередко* удостоивали меня своими письмами, а сегодня с курьером изволили уже прислать ко мне строгое и не принадлежащее до меня повеление, — отвечал нестигаемый губернатор грозному графу 11 сентября. — Я до сего времени сохранял всевозможное терпение, но ныне считаю уже необходимостью объяснить следующее: 1) Писать ко мне так строго и таким повелительным образом никто, кроме государя и Сената, не может. 2) Письмо вашего сиятельства без номера и без объявления воли государя императора я принять к исполнению не могу». В заключение письма Сумароков заявлял Аракчееву, что готов его почитать, но обидных или повелительных писем ни от кого, кроме начальства, не примет, а посему просил, чтобы Аракчеев впредь писал к нему несколько поучтивее и так, как следует писать к человеку, служащему благородно и для чести.

Алексей Андреевич пришел в замешательство. Он не знал, что думать и что предпринять. В растерянности обратился к новгородскому губернскому предводителю дворянства Н. С. Свечину. «Не знаю, не ведаю, за что ваш и мой губернатор меня ненавидит, ругает, сказывают, при всех, и кует и вешает меня, — жаловался граф в письме к Николаю Сергеевичу от 14 сентября. — Я бы остался все от него терпеть, если бы он, не любя меня, со мною бы и дело захотел иметь одним, но как гг. губернаторы обыкновенно везде, прогнаваясь на дворянина, стараются оный гнев изъяснить на бедных крестьянах того господина, то вот что беспокоит меня чрезмерно. И я прибегаю с моею просьбою: сделай дружбу, во-первых, отбери от него, что за причина, что он не взлюбил мою *физиономию*. Кажется, я поместье свое в губернии нажил не фаворитством, не откупам и не интригами, а службою, и после того ничего от государя не брал и не возьму никогда, дабы более было и оставалось в казне у государя к награждению гг. губернаторов; а во-вторых, убеди его справедливыми резонами, на христианской заповеди основанными, дабы он, не любя меня, не делал ничего из-за меня бедным крестьянам моим, ибо это будет обоим нам грешно, что они за меня будут терпеть горе».

Аракчееву так и не удалось сломить сопротивление губернатора. Не помогли ни угрозы, ни уговоры. «Я знаю, милостивый государь, что вы вельможа, много значите при дворе, можете сделать мне вред, и что, конечно, не упустите первого случая, оказать мне

оный, — писал Сумароков графу 17 сентября, — но я смею уверить ваше сиятельство, что я, держась пословицы „хоть гол да прав“, более дорожу честью, нежели моим местом». Возможность отомстить упрямцу представилась Аракчееву лишь спустя три года. В сентябре же 1812 года, при всей близости графа к государю, сил у него не хватило даже на то, чтобы наказать строптивого губернатора.

В тех случаях, когда Алексей Андреевич брался кого-либо защищать от нападков, действия его оказывались более результативными. В сентябре 1812 года графу пришлось неоднократно выступать в защиту Кутузова. Сдача Москвы Наполеону без боя лишила полководца поддержки общественного мнения. Восторг, который вызывал он в обществе и армии при назначении на должность главнокомандующего, сменился сначала недоумением, а затем и недовольством. Чем более Наполеон оставался в сердце России, тем более нарастало в обществе раздражение престарелым фельдмаршалом. Его начинали считать неспособным возглавлять русскую армию в столь тяжкое для России время. Почувствовав смену общественного настроения в отношении Кутузова, зашевелились интриганы — те из начальствующих персон, которым Михаил Илларионович, взяв верховное командование, пресек каким-то образом карьеру. Особенно усердствовал генерал Л. Л. Беннигсен, бывший у Кутузова начальником штаба, ровесник ему по возрасту. Поток порочащих Кутузова писем хлынул в Петербург. И видимо, возымел свое отвратительное действие. В столичном обществе стали поговаривать, что старому фельдмаршалу подготовлена смена. Уже называли и фамилии — например, князя П. А. Зубова прочили на пост главнокомандующего, а генерал-майора К. Б. Кнорринга — в начальники его штаба.

На одном из заседаний Военного совета Кутузов был открыто обвинен в неспособности командовать армией, и дело, вероятно, кончилось бы тем, что государь принял бы решение заменить его, если бы не выступление в его защиту графа Аракчеева, поддержанного Балашовым, Шишковым, Зубовым и Кноррингом. Когда Кутузова обвинили в том, что он спит по 18 часов в сутки, Кнорринг ответил: «Слава Богу, что он спит: каждый день его бездействия стоит победы». Еще сказали, что фельдмаршал возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу, на что последовал ответ: «Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело!»

24 сентября к императору Александру обратился с письмом М. Б. Барклай де Толли. Михаил Богданович просил у государя

окончательной отставки от службы. «Я умоляю ваше величество, — писал он, — сделать мне это благодеяние, как единственную милость, которую прошу себе. Если вы когда-нибудь сочтете полезным воспользоваться моею службою, то благоволите дать мне назначение не в этой армии, которая при настоящем состоянии дел находится не под моим начальством, но под начальством неопытных лиц, причисленных к свите двух слабых стариков, которые не знают другого высшего блага, как только удовлетворение своего самолюбия, из которых один, довольный тем, что достиг крайней цели своих желаний, проводит время в совершенном бездействии, и которым руководят все молодые люди, его окружающие; другой — разбойник, которого присутствие втайне тяготит первого, производит только зло своею нерешимостию и путаницею, которую водворяет во всех частях управления войсками. Впрочем оба весьма довольны тем, что видят во мне лицо, на которое можно свалить ответственность за все могущие последовать несчастья». Барклай де Толли выражал свое критическое отношение к новому руководству войсками предельно откровенно. Но именно в тот день, когда он отправлял свое письмо в Петербург, Наполеон принял решение покинуть со своей армией Москву.

Выступив из Москвы утром 7 октября, французский император спустя десять дней достиг Бородинского поля. Через двенадцать дней он был в Смоленске, 8 ноября — в Орше. 6 декабря Наполеон прибыл в Париж. В этот же день император Александр I отправился из Петербурга в Вильно. Остановившись 9-го числа в Полоцке, государь обратился к фельдмаршалу Кутузову с письмом: «Князь Михаил Ларионович! Завтра я прибуду в Вильну к вечеру. Я желаю, чтобы никакой встречи мне не было. Зима, усталость войск и собственное мое одевание, ехав ночь и день в открытых санях, делают оную для всех отяготительною. С нетерпением ожидаю я свидания с вами, дабы изъяснить вам лично, сколь новые заслуги, оказанные вами отечеству и, можно прибавить, Европе целой, усилили во мне уважение, которое всегда к вам имел. Пребываю навсегда вам добροжелательным».

Вместе с Александром из столицы в действующую армию отправился и Аракчеев. Данное событие Алексей Андреевич отметил впоследствии следующей записью на прокладном листе Евангелия: «Декабря 6-го 1812 года. В сей день ввечеру выехал граф Аракчеев из Петербурга в Вильну с Государем для заграничного похода в 1813 и 1814 году».

Александр I прибыл в Вильно, где расположилась главная штаб-квартира русской армии, как и обещал, вечером 10 декабря. Город встретил его праздничной иллюминацией: 12 декабря у государя был день рождения, ему исполнялось 35 лет. На следующее утро по прибытии его величество собрал у себя генералов и тепло поблагодарил их за службу. Затем отправился на развод войск. Вместе с ним были Аракчеев и великий князь Константин Павлович.

Прибывшие из Петербурга сразу же заметили, что армия не та, что была прежде. Одетая несравненно проще — так, как должно одеваться для длинных, утомительных переходов и боев. Даже солдаты-гвардейцы и те напоминали своей толстой неуклюжей обувью и простой одеждой более крестьян, нежели храбрых воинов. А уж строем и вовсе ходить разучились. Император Александр заметно помрачнел. А брат его Константин, глядя на проходящие мимо нестройные ряды русского войска, не смог сдержать негодования: **«Эти люди только и умеют, что сражаться!»** — вскричал он с досадой.

25 декабря 1812 года Александр I возвестил своим Манифестом «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» окончание Отечественной войны. «Объявляем всенародно, — обращался государь к своим подданным. — Бог и весь свет тому свидетель, с какими желаниями и силами неприятель вступил в любезное Наше Отечество. Ничто не могло отвратить злых и упорных его намерений. Твердо надеющийся на свои собственные и собранные им против нас почти со всех Европейских Держав страшные силы, и подвизаемый алчностью завоевания и жадной крови, спешил он ворваться в самую грудь Великой Нашей Империи, дабы излить на нее все ужасы и бедствия не случайно порожденной, но издавна уготованной им, всеопустошительной войны... Какой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! Вломившийся в грудь ее враг всеми неслыханными средствами лютостей и неистовств не мог достигнуть до того, чтобы она хотя единожды о нанесенных ей от него глубоких ранах вздохнула. Казалось с пролитием крови ее умножался в ней дух мужества, с пожарами градов ее воспалялась любовь к Отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божиих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к Отечеству, колико лю-

бовью к Богу. От сего всеобщего согласия и усердия вскоре произошли следствия, едва ли имоверные, едва ли когда слыханные. Да представят себе собранные с 20 Царств и народов, под едино знамя соединенные, ужасные силы, с какими властолюбивый, надменный победами, свирепый неприятель вошел в Нашу землю. Полмиллиона пеших и конных воинов и около полуторы тысячи пушек следовали за ним. С сим толико огромным ополчением проникает он в самую средину России, распространяется, и начинает повсюду разливать огонь и опустошение. Но едва проходит шесть месяцев от вступления его в Наши пределы и где он?.. Где войска его, подобные туче нагнанных ветрами черных облаков? Рассыпались, как дождь. Великая часть их, напоив кровью землю, лежит, покрывая пространство московских, калужских, смоленских, белорусских, и литовских полей. Другая великая часть в разных и частых битвах взята со многими военачальниками и полководцами в плен, и таким образом, что после многократных и сильных поражений, напоследок целые полки их, прибегая к великодушию победителей, оружие свое перед ними преклоняли. Остальная, столь же великая часть, в стремительном бегстве своем гонимая победоносными Нашими войсками, и встречаемая мразами и голодом, устлала путь от самой Москвы до пределов России, трупами, пушками, обозами, снарядами, так что оставшаяся от всей их многочисленной силы самомалейшая, ничтожная часть изнуренных и безоружных воинов, едва ли полумертвая может придти в страну свою, дабы к вечному ужасу и трепету единоземцев своих возвестить им, коль страшная казнь постигает дерзающих с бранными намерениями вступать в недра могущественной России»¹.

* * *

1 января 1813 года русская армия перешла Неман. Корпуса, шедшие в авангарде, достигли в этот день Вислы.

18 апреля 1813 года русские войска переправились через Эльбу. В тот же день по армии распространилось печальное известие о смерти фельдмаршала Кутузова. «Непритворные слезы омочили глаза многих, кому сообщили сие, — записывал в свой дневник А. И. Михайловский-Данилевский, служивший в чине штабс-

¹ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 21–23.

капитана в императорской свите по квартирмейстерской части. — Кутузов умер на высочайшей ступени человеческого величия, со славою избавителя отечества, самая смерть не могла постигнуть его в благоприятнейшую для него минуту, ибо через два дня после его кончины мы проиграли и отступали; казалось, он унес в гроб и счастье наше».

1 января 1814 года русская армия перешла Рейн и устремила к Парижу. Перед событием этим, ведшим заграничный поход русских войск к успешному завершению, император Александр обратился к армии с приказом, в котором восклицал: «Воины! Мужество и храбрость ваша привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ея и независимость. Остается увенчать подвиг сей желаемым миром. Да водворится на всем шаре земном спокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единою собственному правительству своего властью и законами благополучно! Да процветают в каждой земле ко всеобщему благоденствию народов вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятеля, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их, понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку».

В течение всего заграничного похода Аракчеев неотлучно находился при императоре Александре. Как и прежде, граф ведал государственной перепиской. Именно через него доводил Александр до сведения своих генералов и армии высочайшие повеления, через него получал донесения и письма в свой адрес. Как и прежде, Аракчеев выполнял роль ближайшего советника императора. Даже утомленный до крайности от многочасовых разговоров на темы внешнеполитических дел, Александр не отказывался от беседы с графом. 9 февраля 1813 года государь писал Аракчееву: «С семи часов до сих пор я не зажимал, по несчастию, рта своего с этой проклятой политикой. Мочи нет! Если ничего необходимого у тебя нет, то я завтра поутру с тобой увижусь».

После освобождения русскими войсками Варшавы император поручил Аракчееву ведать делами по управлению Польшей. И судя по всему, Алексей Андреевич неплохо справлялся с этим поручением.

«Я уверен, что ваше сиятельство знаете меня не со стороны льстивого человека, а потому и не опасаясь, чтобы вы приняли за ласкательство, когда я скажу вам, что я чрезмерно был обрадован, узнав, что Его Императорскому Величеству угодно было препоручить вам отправление всех до герцогства Варшавского касающихся дел. Строгое наблюдение за исполнением воли Государя Императора, попечительность и точность, отличающие вас во всех случаях, подают мне несомненную надежду, что дела наши пойдут здесь гораздо скорее и успешнее противу прежнего», — так писал Аракчееву 30 сентября 1813 года из Варшавы Н. Н. Новосильцев, человек образованнейший, умный и волевой, проявивший свой незаурядный государственный ум еще в первые годы правления Александра. В указанное время Николай Николаевич работал над проектом польской конституции и был в курсе всех административных дел по Варшавскому герцогству.

Высокое значение Аракчеева во время заграничного похода в окружении императора Александра не было тайной в России. Здесь многие знали, что надежнее всего решить какое-либо дело у государя можно было через посредство влиятельного графа. Граф С. Творогов писал Аракчееву 5 октября 1813 года из Петербурга: «Город о вас говорит, что будто государь к вам так привык и такую доверенность получил, что никаких дел без вас не делает». Так, именно к Аракчееву обращался Василий Назарович Каразин со своими проблемами. Разочарованный тем, как пошли дела в основанном им в 1805 году Харьковском университете, деятельный Каразин организовал в 1811 году филотехническое общество. В своем письме к Аракчееву от 12 января 1814 года Василий Назарович просил его о покровительстве. «Когда сей важный проект испорчен был *иностранцами* при самом его начале, — писал он к графу, имея в виду свой проект организации Харьковского университета, — когда найдено даже средство замарать и дворянство, предложившее его, а учреждение это, которому положены были начала великие, единственно России свойственные, превратить в обыкновенный университет *немецкий*; то я в отчаянии вышел в отставку, и... чтоб поправить эту неудачу, принялся думать о филотехническом обществе. Это стоило новых, можно сказать, невероятных усилий и вместе новых неприятностей, которые надобно было перенести. Наконец, это общество существует и имеет уже с лишком восемьдесят членов. Ум дальновидный, не на одних буквах останавливающийся, одним словом, ум *прямого* сына Отечества, просвещенного Аракчеева, обнимет все последствия

сего управления! Он и подобные умы, которых у нас (как и везде) не много, отдадут справедливость системе идей, приложенных *во-время* к общественному благу. Но другие или взирают, или преследуют гонениями. Вообразите, сиятельныйший граф, что я нахожу бесчисленные препятствия даже в напечатании нынешнего отчета». В конце своего послания Каразин со свойственной ему возвышенностью восклицал: «Будьте моим покровителем, сиятельныйший граф, будьте моею подпорою! Я никого более не имею и иметь не забочусь. Верьте, что взаимно, с чувствованиями глубочайшего почтения, душевной преданности и благодарности, я на весь век мой пребуду — вашего сиятельства всепокорнейшим слугою». На этом письме стоит пометка рукою Аракчеева: «Во Франции 7 февраля».

Иногда бывает, что письма к тому или иному человеку раскрывают его сущность лучше, нежели его собственные письма. Письма В. Н. Каразина к Аракчееву из этого рода. Харьковский подвижник писал графу и 29 марта, и 9 апреля 1814 года. 15 мая уже собиравшийся покинуть Париж Аракчеев ответил ему: «Милостивый государь мой, Василий Назарьевич! Получив в Париже письма ваши со всеми приложениями, обязываюсь принести вам, милостивый государь мой, искреннюю за оныя благодарность. Каждый член филотехнического общества без сомнения отдает справедливость познаниям вашим и наипаче трудам, цель коих, будучи бескорыстна и обращена к единой только пользе любезного Отечества нашего, тем более делает вам чести». Далее Алексей Андреевич поздравлял членов общества с окончанием войны, «единственной в своем роде и толико важной для России». «Велик Бог русский! И бессмертно Имя помазанника Его, всемилостивейшего государя нашего! Освобожденная от цепей Европа видит в Нем избавителя своего, и самая Франция удостоверилась теперь, колико великодушны и справедливы деяния Александра. Для воспоминания в нашем кругу эпохи сей, честь и славу России возвысившей, я считаю приличным препроводить к вам для хранения в филотехническом обществе одну золотую и одну серебряную медали, сделанные и поднесенные государю императору в ту минуту, как удостоил Он посещения Своего парижский монетный двор.

Что принадлежит до записок, сообщенных мне: о новом способе добывать селитру и о средствах к уменьшению расходов по продовольствию войск за границу, то, находя их с своей стороны заслуживающими особого внимания и уважая с другой чрезмерные ныне занятия Его Величества устройством дел целой Европы, я не мог из-

брать лучшего, как препроводить бумаги сии к князю Алексею Ивановичу Горчакову¹ для доставления им дальнейшего хода по военному министерству, которому представляют они сугубые пользы».

Казалось бы, весной 1814 года Алексей Андреевич имел все основания быть довольным собой. Он правая рука государя в административных делах, главный его секретарь: Александр и шагу без него сделать не может. И внешне у Аракчеева действительно обстояло все благополучно: император его ценил, сановники — пусть не все, но многие — уважали. Лишь несколько человек — быть может, только двое: император Александр да Иван Антонович Пукалов — знали тогда, что душою своею Алексей Андреевич был неспокоен, что внутренне чувствовал себя скверно, что пребыванием своим в императорской свите тяготился, что государевых почестей... стыдился.

Подобное кажется невероятным — это так не похоже на Аракчеева, но это факт. Его терзания, скверное душевное самочувствие, желание удалиться от императорского двора отчетливо и вполне искренно звучали в письмах, которые слал граф из-за границы И. А. Пукалову. «Я всегда в оном несчастлив, что обо мне дурно думают и всегда считают, будто я хочу колкости писать, говорить и даже думать, — признавался он в письме к Пукалову от 20 марта 1813 года, — но я в молодых летах оным пренебрегал, быв чист в своей совести, а ныне со старостью, хоть и больно уже оное слышать, но быв прав, так оставляю в покое. Я, любезный друг, на вас самих сошлюсь; на что мне писать колкости, ибо я никакою частью не управляю, ни одной души не имею у себя в команде, ни за что не отвечаю; так к чему же мне и с кем можно колкостями переписываться? То по всем сим моим рассуждениям вы меня очень одолжите, если мне отпишете, кто сии добрые люди, которые мною так обижены; я даю вам честное слово ничего не утаить и во всем чисто-сердечно признаться, естли я виноват был».

Секрет плохого самочувствия Аракчеева во время заграничного похода был прост: граф-администратор оказался в окружении сплошь боевых генералов. Можно вообразить, сколь тягостно было ему, имевшему во всю Отечественную войну дело лишь с бумагами, общаться с людьми, которые имели дело с неприятельскими ядрами и пулями, с теми, кто не раз встречался со смертью и проливал за Отечество не казенные чернила, а собственную кровь. Участники

¹ Генерал-лейтенант А. И. Горчаков являлся в тот момент исполняющим должность министра военных сухопутных сил.

кровавопролитных сражений, конечно же, не молчали о своих боевых впечатлениях. Каково было слышать их рассказы генералу от артиллерии, чей мундир пропах более духом кабинетов, нежели дымом артиллерийского пороха?¹ Собственные слова Аракчеева хорошо показывают его настроение. «Ежли у вас говорунов много, то их и здесь бездна, — писал граф из Франции своему другу Пукалову, — когда же даст Бог, по окончании ныне здесь дел, говоруны здешние соединятся с вашими, то и выйдет из оного осенняя туча ворон и галок, коих, я думаю, и вам случалось видеть и слышать, как оне много кричат, а понять никто не может. Кончится же тем, как устанешь их крик слушать, то придешь в комнату теплую и сядешь один спокойно».

По мере того как заграничный поход русской армии подходил к концу, самочувствие Аракчеева ухудшалось. Графа раздражало буквально всё: и то, что окружавшие его генералы получали награду за наградой, и то, что над ним беспрестанно злословили, и зимний холод, и нечистота в квартирах. Во французском городке под названием Бар-Сюр-Сен, в котором император Александр задержался на несколько дней, Аракчееву досталось помещение хуже некуда: грязное, холодное, дверей множество, на окнах по одной раме только, сквозняки сплошные, камин большой, но греющий слабо и страшно дымящийся. Пришлось ему спать при температуре не выше восьми градусов и мучиться затем от зубной боли и покалываний в ухе.

В Шомоне граф чувствовал себя уже таким старым и больным, что всерьез задумался об уходе со службы в окончательную отставку. Во всяком случае он твердо вознамерился отстать от императорской свиты и съездить в Италию, осмотреть Рим, Неаполь, побывать в Голландии и, быть может, посетить Англию. Ехать в путешествие граф решил под именем майора Грузинова.

31 марта 1814 года русская армия вместе с войсками союзных государств вступила в Париж. Император Александр был счастлив. По случаю окончания военного похода он произвел генерала от артиллерии графа Аракчеева и генерала от инфантерии графа Барклая де Толли в фельдмаршалы. Казалось бы, граф должен был воспринять сей чин с великим удовольствием. Но нет — никакая награда не

¹ Из дневника, который граф Аракчеев вел во время заграничного похода русской армии и который в настоящее время хранится в ОР РНБ (Фонд 29, Аракчеева. Д. 2), видно, что Алексей Андреевич присутствовал на полях некоторых сражений — например, под Дрезденом.

могла уже возвысить и успокоить его дух. Для генерала, который в сражениях не участвовал, мундир фельдмаршала — словно одяние клоуна. Получить фельдмаршальский чин и стать объектом едких острот и насмешек со стороны боевых командиров — такая участь не устраивала Алексея Андреевича. Рука самодержца уже начертала приказ о присвоении Аракчееву высшего воинского звания, но граф оказался упрям: упросил Александра отменить его и остался генералом от артиллерии. И — в прежней своей тоске.

Вскоре к тоске добавилась обида — по армии шло массовое производство в следующие чины, а родных братьев Алексея Андреевича это не коснулось. Единственное, что получили они оба от боевого похода за границу, так это болезни. Андрей Андреевич свалился в немецком городе Бремене, да так и остался в нем болеть до завершения заграничного похода русской армии. 22 августа 1814 года он умер¹.

Петр Андреевич заболел, вернувшись из Эрфурта. «Произвели бездну генералов, а об нем ни слова нету, — жаловался Алексей Андреевич Пукалову 12 апреля 1814 года. — Естли бы нельзя, казалось, его произвести самого за себя, то неужели я оно по сие время не выслужил? В первый раз от роду похвастал; везде в другом государстве я выслужил бы оно, но в России, видно, честность за ничто считается».

Крепко взяла графа обида. А за нею новая мысль об отставке. И кажется, очень серьезная: «Для чего человек сотворен? Дабы сделать полезное; но как я оно не могу, ибо я бы желал, дабы старики почтенные были давно утешены. Но не могу, а все сему не верят; буду же в Грузине, то все будут верить, что я живу смирно и спокойно... Лучше быть в Грузине, нежели на воображаемом благополучии. Время более все объяснит и, может быть, умные и добрые скажут, что и я дальновиден, хотя по-французски болтать не умею».

Чем дольше Алексей Андреевич пребывал в Париже, тем более крепло в нем намерение уйти в отставку. В суете парижских дел, главное из которых было связано с опустевшим французским престолом, император Александр совсем забыл о своем любимце и добрых два месяца не спрашивал его с докладами. Деятельный, вечно

¹ По сведениям, приводимым в «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского, генерал-майор Андрей Андреевич Аракчеев был похоронен на кладбище Свенского монастыря, который располагался недалеко от города Брянска.

занятый какой-либо работой граф вдруг оказался не у дел. Можно ли было сильнее ущемить его самолюбие?

Просьба об увольнении, с которою Аракчеев обратился к Александру, стала для государя полнейшей неожиданностью. Весь день 20 мая граф пробыл рядом с его величеством: приводили в порядок дела, составляли необходимые указы. Тогда же и произошло между ними решающее объяснение, но Алексей Андреевич остался неумолимым в своем намерении уйти со службы. И Александр в тот же день подписал приказ об увольнении его в отпуск для лечения.

Утром 21 мая император отправился в Англию. На первой станции остановился на некоторое время поработать. Прислал оттуда в Париж много разных бумаг, а с ними прощальное письмо к Аракчеву. Его величество был расстроен. «С крайним сокрушением я расстался с тобою, — признавался он графу. — Прими еще раз всю мою благодарность за толь многие услуги тобою мне оказанные и которых воспоминание останется навек в душе моей. Я скучен и огорчен до крайности; я себя вижу после 14-летнего тяжкого управления, после двухлетней разорительной и опаснейшей войны, лишенным того человека, к которому моя доверенность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни к кому я не имел подобной и ничье удаление мне столь не тягостно, как твое. Навек тебе верный друг».

Среди писем Александра I к Аракчеву это письмо особое. С ним сравниться может разве что самое последнее, писанное его величеством перед уходом в мир иной осенью 1825 года. Весной 1814 года уходил от Александра Аракчеев. И, пожалуй, в первый раз император почувствовал, что его связывает с графом нечто вовсе и не служебное, что за долгие годы общения с этим мрачным, сухим, деловым человеком он по-настоящему — чисто по-человечески — к нему привязался.

Что же до Аракчеева, то он испытывал подобные же чувства. В обиде его на Александра было что-то женское. Так обижается женщина на своего возлюбленного, переставшего вдруг оказывать ей должное внимание. «Позвольте, всемиловитейший Государь, и мне сказать с прямою откровенностию, что любовь и преданность моя к Вашему Величеству превышали в чувствах моих все на свете, и что желания мои не имели другой цели, как только заслужить одну вашу доверенность не для того, чтоб употреблять ее к приобретению себе наград и доходов, а для доведения до Высочайшего сведения вашего о несчастьях, тягостях и обидах в любезном Отечестве. Вот была другая цель моя! Но почувствовав слабость здоровья и за-

меня в себе неспособность, которая не позволяла меня употребить в делах и быть вам, всемилостивейший Государь, полезным, должен был просить себе увольнения. Не смею скрыть также пред Вами, Государь, и того, что бы меня не тяготило душевное огорчение». Так писал Аракчеев Александру 22 мая 1814 года. Утром на следующий день государева канцелярия, которой ведал граф, отбыла в Лондон, а находившиеся при нем офицеры — в любезное свое Отечество.

Утром 24 мая покинул Париж и Аракчеев. Вместе с доктором Даллером и молодым князем Долгоруковым Алексей Андреевич отправился в Ахен. Накануне он скрупулезно подсчитал, во сколько ему обойдется путешествие. Получилось весьма недешево. Но душевное и физическое состояние графа было таким, что ехать надо было, несмотря ни на что. В болезненное воображение его лезли самые дикие мысли. «Я получил с последним курьером письмо самое дерзкое от Казанского протопопы, — сообщал Аракчеев Пукалову за день до своего отъезда из Парижа. — Он пишет ко мне, что он болен, и что для его здоровья нужно жить в деревне два месяца, то он выбрал мое Грузино и туда едет. Я думаю, его посылают туда шпионом, дабы моих людей настроить на что-нибудь странное. Но я, любезный друг, писал в деревню свою, дабы его оттуда выпроводили вон. Это страшная дерзость».

30 мая Алексей Андреевич был в Экс-Шапели и готовился принимать лечебные ванны, надеясь поправить свое вконец расстроенное здоровье. Его мучили частые и жестокие спазмы в желудке, досаждала дороговизна проживания на курорте, но всего сильнее страдать заставляло в первый, пожалуй, раз посетившее его душу чувство тоски по России. «Здесь очень дорого квартира стоит, 13½ рублей в сутки, — жаловался граф в письме к Пукалову, — стол, заключающийся в четырех блюдах и бутылке вина для трех особов и двух наших людей, с лишком 20 рублей; каждая ванна три рубля. Но все это есть ничто противу того желания, какое я чувствую, скорее возвратиться в любезное отечество». Аракчеев намеревался пробыть за границей два года, но пробыл всего два месяца.

30 августа 1814 года император Александр издал Манифест «Об учреждении крестов, для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях», в котором объявил об установлении памятных знаков для сохранения «памяти беспримерного единодушия и ревности», проявленных в суровую годину Отечественной войны. Высшие сановники империи получили в этот день награды. Графу Аракчееву государь пожало-

вал собственный портрет, украшенный алмазами. Приложенный к портрету рескрипт гласил: «Доказанная многократными опытами в продолжение всего царствования Нашего совершенная преданность и усердие ваше к Нам, трудолюбивое и попечительное исполнение всех возлагаемых на вас государственных должностей, особливо же многополезные действия ваши во всех подвигах и делах в нынешнюю знаменитую войну происходивших, запечатлевая заслуги ваши Нам и Отечеству, обращают на них в полной мере внимание и признательность Нашу, во изъявление и засвидетельствование которых препровождаем мы к вам для возложения на себя портрет Наш».

Алексей Андреевич не отказался от сей почетной награды, но, верный своему характеру, упросил Александра прислать ему портрет без алмазных украшений.

Между тем заслуги графа Аракчеева перед Отечеством были несомненны. В боевых действиях того времени огромную роль играли пушки. Они во многом предопределили победу русского оружия над французским в Отечественной войне 1812 года. «Эта пушечная война, — вспоминал В. И. Штейнгейль, — прославила нашу артиллерию, и слава отразилась и на графе Аракчееве... Имя Аракчеева повторялось в армии артиллеристами с похвалами»¹. Будучи артиллеристом, Наполеон хорошо понимал значение пушек в сражениях. Французская артиллерия была передовой в тогдашней Европе, но русская артиллерия, выпестованная графом Аракчеевым, превзошла ее.

¹ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Том 2: Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 314–315.

Глава двенадцатая

«Гений Зла»

Время и разлука — лекарства хоть и медленно действующие, но верные, надежно исцеляющие от обид и других душевных недугов. Пребывание на заграничном курорте, в удалении от императорского двора явно пошло на пользу Аракчееву. Когда император Александр в августе 1814 года призвал графа на службу, тот охотно откликнулся на высочайший призыв. «Я надеюсь, что ты будешь доволен мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставлял наслаждаться любимым твоим Грузиным. Пора, кажется, нам за дело приняться, и я жду тебя с нетерпением», — писал государь Аракчееву 6 августа указанного года. С этого времени в служебной биографии графа началась новая эпоха, продолжавшаяся до конца Александровых дней, до самой смерти государя.

Первые же поручения Александра Аракчееву были по-своему примечательны: 18 августа 1814 года император сделал его своим докладчиком по делам созданного для оказания помощи раненым особого комитета и одновременно дал ему задание составить «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка». Два этих дела — содействие раненым и создание военных поселений, то есть дело доброе, отмеченное знаком милосердия, и дело, связанное с насилием над людьми, — соединялись в одних руках. И в этом соединении несоединимого символично отпечатывался характер всей государственной деятельности Аракчеева.

Оба столь разных поручения граф исполнил одинаково старательно. 22 августа 1814 года газета «Русский инвалид» сообщила: «Все генералы, штаб- и обер-офицеры, как вышедшие в отставку, так и те, кои за ранами впредь оставят службу, и не имеющие другого состояния, кроме определенного при отставке пенсионна, вызываются прибегать отныне к царю, к отцу своему во всех нуждах! Для

рассмотрения же просьб их и скорейшего вспомоществования нуждающимся государь император назначил особый комитет, который будет оные доводить до сведения всемилосердного отца и монарха, чрез преданного Ему и Отечеству с совершенно русским усердием генерала графа А. А. Аракчеева». Деятельность комитета помощи раненым с назначением Аракчеева в докладчики государю по делам его величества резко активизировалась. Капитал комитета в течение последующих 10 лет увеличился с 35 тысяч рублей до 6,8 млн рублей. Раненым было выдано в виде пенсий и пособий более трех миллионов рублей, и, кроме того, полтора миллиона комитет выделил на воспитание детей инвалидов.

«Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка» было составлено Аракчеевым к 1 января 1815 года¹. В тридцати девяти его статьях подробно расписывались порядки, которых должны были придерживаться военные поселяне — солдаты и офицеры, их быт, ежедневные занятия и т. п.

24 декабря 1815 года император Александр назначил графа Аракчеева своим докладчиком по делам Комитета министров. Должность председателя в этом органе занимал тогда престарелый, часто болевший генерал-фельдмаршал князь Н. И. Салтыков, и назначение аккуратного, исполнительного в службе Аракчеева «для доклада и надзора за комитетом» было воспринято как вынужденная мера: считалось, что император решил дать престарелому князю деятельного помощника. Но спустя пять месяцев — 16 мая 1816 года — Н. И. Салтыков умер. На его место был определен 25 мая князь П. В. Лопухин, заместителем — граф В. П. Кочубей. Казалось, Аракчеев перестанет теперь быть докладчиком по делам Комитета, но нет — граф, бывший рядовым его членом, остался в этой роли и при вполне работоспособном Лопухине, занимавшем до этого пост председателя в департаменте законов.

По правилу, установленному изданным 20 марта 1812 года «Учреждением Комитета министров», председатель Комитета являлся одновременно и председателем Государственного совета. Аракчеев соответственно стал докладывать и по делам Госсвета, то есть от-

¹ На эту дату указывает добавление к названию данного документа — «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка. Сделано генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии графом Аракчеевым в селе Грузине на реке Волхове 1815 года 1 Генваря» (РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 141).

ныне все дела двух важнейших в системе управления Российской империей учреждений проходили через его руки.

Во время войны Государственный совет утратил, правда, прежнее свое значение, которое получил с момента своего учреждения, но в 1816 году император предпринял некоторые меры для его восстановления. Именным, данным Государственному совету указом «Об отмене установленного на время Высочайшего отсутствия порядка в заседаниях и в производстве дел Государственного совета и о приведении оного в первобытное его состояние» Александр вновь сделал это учреждение высшим совещательным органом при своей персоне.

Четвертым пунктом данного указа генерал от артиллерии граф Аракчеев утверждался в должности председателя военного департамента Государственного Совета. Кроме того, Алексей Андреевич оставался на посту управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией, который он занимал с 17 июня 1812 года. В его руках оказались, таким образом, практически все сколь-нибудь важные государственные дела: подготовка законопроектов и их исполнение, надзор за деятельностью органов центрального и местного управления, назначения на должности и увольнения, награждения и пенсии. Через посредство Комитета министров Аракчеев мог добиться изменения и даже отмены любого решения Государственного совета. По фактическому положению в механизме управления империей граф стал выше самого председателя Комитета министров и Государственного совета.

Представляя государю доклады по тем или иным делам Комитета, Алексей Андреевич часто писал на полях карандашом свое мнение о том, как решать какой-либо вопрос, и Александр в подавляющем большинстве случаев принимал именно его мнение.

Так, в 1821 году Комитет министров по инициативе своего председателя князя Лопухина предложил обер-секретаря Сената Куроедова на должность председателя Казанской палаты Уголовного суда. Император, однако, не спешил утверждать данное предложение. Тогда министр юстиции граф А. У. Болотников вторично внес в Комитет министров вопрос о назначении Куроедова председателем судебной палаты в Казань, объясняя свою настойчивость тем, что множество уголовных дел остается длительное время без разрешения и обвиняемые терпят лишние страдания. Комитет, рассмотрев предложение министра юстиции, постановил довести указанное им обстоятельство до сведения государя императора. Аракчеев приписал под

текстом постановления: «О Куреедове сделаны справки: об нем отзываются, что он такой же обер-секретарь, как и прочие; у князя Лопухина об нем не спрашивал, ибо он его покровительствует». Александр наложил резолюцию: «Представьте другого».

В том же 1821 году в Комитете министров рассматривалась жалоба вдовы актера Полякова и жены актера Лебедева на штаб-ротмистра графа Салтыкова. Обе названные женщины воспитывались в малолетстве помещицей Матюшкиной, которая, умирая, оставила им, по словесному завещанию, 10 250 рублей. Исполнить возникшее из завещания Матюшкиной обязательство должен был ее родственник граф Салтыков, но он отказывался от уплаты денег и не соглашался на решение дела совестливым судом. Комиссия прошений, в которую обратились воспитанницы умершей помещицы, пришла к выводу, что их спор с Салтыковым должен быть передан в третейский суд. Комитет министров не согласился с выводом Комиссии прошений и указал, что по закону никто не может быть принужден к обращению в совестный или третейский суд. Просительницам Поляковой и Лебедевой было рекомендовано искать удостоверения своих претензий в установленном законом порядке. Аракчеев начертил на полях текста данного решения Комитета министров: «Нет ли тут понаровки графу Салтыкову». Александр вынес резолюцию: «Вероятно, но как закон здесь согласен с мнением Комитета, то нельзя мне решить вопреки. Но справедливым нахожу поручить Министру юстиции дать всю законную защиту просительнице с тем, чтобы решить дело немедленно».

Нередко Аракчеев отмечал в журнале Комитета министров, что согласен с мнением членов Комитета. Александр I в таких случаях, как правило, писал: «И я равномерно согласен с сим мнением». Когда же мнения министров расходились и граф Аракчеев присоединялся к одному из них, то он приписывал к изложению мнений министров такую, например, фразу: «Я согласен с последним». Александр в подобных ситуациях часто заносил в журнал: «И я равномерно предпочитаю последнее мнение».

Первыми, кто ощутил на себе резкое усиление влияния Аракчеева, были господа министры. С назначением графа докладчиком по делам Комитета министров были отменены личные доклады министров государю. Отныне каждый из них мог обратиться к его величеству не иначе как через посредство Аракчеева. Это означало умаление власти министров, так как их возможности влияния на императора, а значит, и на принятие решений по государственным делам

резко ограничивались. Среди министров не могло, естественно, не возникнуть недовольства графом Аракчеевым. На заседаниях Комитета не раз возникал ропот, имели место и прямые выпады против введенного государем нового порядка.

На заседании Комитета министров 28 декабря 1818 года тогдашний министр финансов граф Д. А. Гурьев с нескрываемым раздражением заявил: «Правительство, установив общего докладчика и уничижая оным звание министра, пусть уже обяжет его и всю ответственность по делам, в Комитет представляемым». Граф Аракчеев, уже привыкший за истекшие два года к своей новой роли, дававшей ему великую власть над министрами, ответил на заявление Гурьева с полным достоинством: «Заключение сие ни до кого более относиться не может, как до меня. Я нахожу таковое выражение в собрании государственных чиновников неприличным и обидным не только в отношении к одному моему лицу, но даже в отношении ко всякому другому, который бы подобно мне находился при исполнении особых поручений Его Величества. Собственная честь каждого из нас, занимающих высшие места в Правительстве, должна охранять взаимные наши друг к другу обязанности; и самым летам нашим свойственно уже более скромности, чтобы не позволять себе оскорбительные выражения, особенно по делам государственным, в которых польза Отечества нашего должна быть единственной целью наших сил и дел. Я покорно прошу Комитет министров приказывать все сие, яко всеми гг. членами Комитета слышанное, записать в журнал и представить Государю Императору со всеподданнейшею моею просьбою об увольнении меня от управления делами Комитета с доведением до высочайшего Его Величества сведения тех неудобств, которые г. Министр финансов находит в ходе дел, учрежденном правительством. Мое знание, мои лета и те правила, кои в служении Отечеству я принял и в течение многих лет постоянно сохранял, обязывают меня для пользы оного всем жертвовать и отнюдь не быть помехою в делах государственных».

Император Александр просьбы Аракчеева об увольнении от управления делами Комитета министров не принял, граф Гурьев был посрамлен. Иначе произойти и не могло — Аракчеев вошел в силу уверенно и надолго. Недаром стали звать его в шутку «Силой Андреевичем». И в этой шутке была большая доля правды.

Можно только поразиться, как быстро граф Аракчеев утвердился на вершине власти, как скоро стал первым сановником империи — единственным вельможей в России, если говорить словами Карам-

зина. Инженер-капитан И. Р. Мартос¹ заступил на должность адъютанта к Аракчееву в феврале 1816 года. Записки свои он составил в 1818 году, и в мемуарной литературе это, пожалуй, самое раннее свидетельство того, каким был Аракчеев в первый год после того, как император Александр сделал его своим докладчиком по делам Комитета министров и Государственного совета. «1816-й год я адъютантствовал при графе в Петербурге, — вспоминал Мартос. — Должность самая пустая — дежурить в прихожей комнате и зевать на Литейную улицу, которую и исправлял я, как умел. Надобно вам знать, что граф часто давал мне и прочим намеки, что кто служит при нем адъютантом, должен вменять себе в особую честь, чего мы не догадывались и подлинно как были просты. Его влияние при дворе было самое сильное, одним словом — друг царя, первый министр, должность приятнейшая — делать добро, творить людей счастливыми, отереть слезы невинности, быть защитником противу несправедливости и, владея сим небесным даром, так сказать, выдти вне сферы обыкновенного человека и передать свое имя, подобно Колбертам, Сюллиям², Долгоруким, потомству и бессмертию».

Другое свидетельство того, что уже в 1816 году граф Аракчеев вошел в силу небывалую, принадлежит Н. М. Карамзину. В начале февраля названного года Николай Михайлович приехал в Петербург с тем, чтобы встретиться с государем и получить от него разрешение и средства на печатание первых восьми томов своей «Истории государства Российского». Историк восторженно был встречен молодыми дворянами — почитателями его таланта, с радостью принимался в домах столичной знати, приглашался и великими княгинями, и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, наконец, и супруга Александра I императрица Елизавета Алексеевна не упустила случая радушно принять Карамзина у себя, хотя и была нездорова. Один лишь император Александр, ради встречи с которым Николай Михайлович, собственно, и приехал в Петербург, никак не

¹ Родственник известного русского скульптора *Ивана Петровича Мартоса* (1754–1835), автора многих шедевров и в том числе монумента Минину и Пожарскому на Красной площади.

² *Жан Батист Кольбер* (Jean Baptiste Colbert, 1619–1683) — французский государственный деятель, занимавший должность генерального контролера (министра финансов) при короле Людовике XIV. *Максимилиан де Бетюн герцог Сюлли* (Maximilien de Bethune, duc de Sully, 1560–1641) — французский государственный деятель, сыгравший огромную роль в реорганизации экономики и финансов Франции в правление Генриха IV.

отвечал на просьбу его о приеме. «Уже три недели я здесь и теряю время на суету: не подвигаюсь вперед и действительно имею нужду в терпении, — жаловался Карамзин своей жене в письме от 24/25 февраля. — Почти ежедневно слышу, и в особенности через великую княгиню (Екатерину Павловну. — В. Т.), что Государь благорасположен принять меня — и все только слышу. Видишь, как трудно войти в святилище Его кабинета».

Трудность сия объяснялась просто: на входе в «святилище» государева кабинета стоял Аракчеев. Когда Карамзину сказали, что попасть к Александру можно не иначе как через всесильного графа, он возмутился. Нет, это не для него, он скорее возвратится домой, чем обратится к временщику. «Не заключат ли, что я пролаз и подлой искатель? Лучше, кажется, не ехать», — делился Карамзин своими сомнениями с супругой. Но Алексей Андреевич, как оказалось, сам желал видеть знаменитого писателя-историка. 10 марта Николай Михайлович сообщил жене: «Фактотум графа Аракчеева, об котором я писал к тебе, передал мне через Вельяшева, что граф желает видеться со мною и говорит: „Карамзин, видно, не хочет моего знакомства: он приехал сюда и не забросил даже ко мне карточки!“» В тот же день Николай Михайлович, надев мундир, отправился в дом Аракчеева и оставил там свою карточку. Через три дня от графа пришло приглашение, и вечером 13 марта историк встретился с ним в его доме и проговорил более часа.

«Он несколько раз меня удерживал, — писал Карамзин сразу по возвращении из дома Аракчеева своей жене. — Говорили с некоторою искренностью. Я рассказал ему мои обстоятельства и на вызов его замолвить за меня слово Государю отвечал: «Не прошу, Ваше Сиятельство, но если вам угодно и если будет кстати» и проч. Он сказал: «Государь, без сомнения, расположен принять вас, и не на две минуты, как некоторых, но для беседы приятнейшей, если не ошибаюсь». В заключение данного письма от 13 марта Карамзин сообщал, что граф Аракчеев обязался способствовать его скорейшему свиданию с государем и даже заверил его, что это откладывание не продолжится. И действительно, вечером 15 марта Карамзин был принят императором. Причем ему не пришлось ждать в приемной ни минуты. Александр встретил Николая Михайловича как старого своего друга и час сорок минут провел с ним в разговоре, по признанию самого историка, «искреннем, милостивом, прекрасном». На издание «Истории государства Российского» его величество пожаловал из своих средств 60 тысяч рублей и разрешил печатать ее без цензуры.

Мнение историка-писателя о графе Аракчееве изменилось в лучшую сторону после первой же беседы с ним. «Вообще я нашел в нем человека с умом и с хорошими правилами, — делился Карамзин своими впечатлениями о графе в письме к супруге от 13 марта 1816 года. — Вот его слова: „Учителем моим был дьячек: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело исполнять волю Государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться: теперь уже поздно“. Не подумай, милая, что это насмешка; нет, он хорошо трактовал меня, и сказанное мною не могло подать ему повода к такой насмешке».

Граф Аракчеев станет одним из самых увлеченных читателей «Истории государства Российского» и будет с нетерпением ждать выхода в свет новых ее томов. «Исполняя лестную для меня волю вашу, спешу доставить вашему сиятельству два новые тома Российской истории в надежде, что они, если не дарованием автора, то любопытным содержанием удостоятся вашего внимания», — напишет Н. М. Карамзин к Аракчееву 13 марта 1824 года. А граф, который будет пребывать в этот день в Старой Руссе, ответит немедленно: «Милостивый государь Николай Михайлович! Спешу принести Вашему Превосходительству мою благодарность за приятный для меня подарок, но жалею вас на моего Николая Назарьевича Муравьева, который прислав ко мне ваше письмо, а книги оставил в Санкт-Петербурге до моего возвращения, почему я лишен еще буду несколько дней желаемого давно мною удовольствия читать оные». Несколько подобных записок историка к Аракчееву и Аракчеева к историку хранятся ныне в Российском государственном военно-историческом архиве.

Резко возросшее по окончании войны с Наполеоном влияние Аракчеева при царском дворе почувствовали и члены императорской фамилии. Имя графа приводило в трепет даже братьев государя, Николая и Михаила Павловичей, в то время совсем еще юных. В конце 1815 года великие князья присутствовали на каком-то торжественном вечере в Зимнем дворце. Чрезвычайно веселые, они сидели на подоконнике и перебрасывались шутками с молодыми флигель-адъютантами из государевой свиты. Вдруг кто-то из офицеров шепнул: «Аракчеев идет!» И великие князья Николай и Михаил мгновенно, как по команде, вскочили, вытянулись в струну, руки по швам и так стояли до тех пор, пока грозный граф не прошествовал мимо.

В приемной зале Аракчеева, где собиралось иной раз до сотни чиновников, офицеров и генералов с рапортами, представлениями

и другими бумагами, можно было нередко видеть и великих князей Николая с Михаилом, которые вместе с другими посетителями проводили полчаса-час, а то и более в ожидании выхода графа. Алексей Андреевич, войдя в приемный зал, обыкновенно садился на диван и начинал принимать рапорты от начальников различных департаментов, выслушивал донесения генералов, задавал вопросы, делал замечания. Все присутствовавшие при этом стояли. Но для великих князей граф делал исключение. Спустя пять-десять минут после начала приема он обращался к ним и говорил: «Можете сесть, ваше высочество», слегка кивая головой при этих словах и едва заметно улыбаясь.

Молодая супруга Николая Павловича великая княгиня Александра Федоровна в октябре 1817 года находилась в Москве в то самое время, когда там пребывал император Александр I. Однажды по каким-то делам приехал туда Аракчеев, и Александра Федоровна получила возможность в течение нескольких дней наблюдать за тем, как граф работает, как обращается с ним государь и как относятся к нему окружающие. Позднее в своих воспоминаниях великая княгиня писала: «В это время Аракчеев был самым деятельным помощником императора. Он был необходим ему и работал с ним ежедневно. Через его руки проходили почти все дела. Этого человека боялись, его никто не любил».

Великая княгиня Екатерина Павловна, бывшая в то время королевой Вюртембергской, именно к Аракчееву обратилась с тем, чтобы исходатайствовать своему любимому библиотекарю Бушману повышение в чине. Граф писал ей 18 августа 1818 года: «По письму, коим угодно было Вашему королевскому Величеству удостоить меня от 19 июля, я имел щастие докладывать Государю Императору, и Его Императорское Величество из особенного уважения к предстательству вашего величества изволил наградить коллежского советника Бушмана следующим чином».

Возвышение Аракчеева, произошедшее в 1816 году, было для Александрова правления беспрецедентным. Никто, в том числе и сам граф, прежде не наделялся императором Александром такими широкими полномочиями и не ставился столь высоко над сановниками Российской империи. Подобного не случалось и в царствование Павла I, не произойдет ничего сходного и при всех последующих российских самодержцах.

Современники не переставали дивиться возвышению Аракчеева и дружно ломали головы, пытаясь доискаться до тайны его, до скры-

тых от публики пружин столь необыкновенного взлета. Они желали объяснить поступок мягкого, улыбчивого, образованного государя, поставившего рядом с собой грубого, мрачного «невежду».

Многие оставались в недоумении. Великая княгиня Александра Федоровна в конце своего рассказа об Аракчееве признавалась: «Я никогда не могла понять, каким способом он сумел удержаться в милости до самой кончины императора Александра». Декабрист Н. И. Лорер писал в 60-х годах XIX столетия: «История еще не разъяснила нам причин, которые понудили Александра — исключительно европейца 19-го столетия, человека образованного, с изящными манерами, доброго, великодушного, — отдаться, или лучше сказать, так сильно привязаться к капралу павловского времени, человеку грубому, необразованному».

Но желание понять, почему император Александр возвысил Аракчеева так, как никого другого не возвышал, все же брало верх у некоторых дотошных современников, и они находили объяснение. «По возвращении императора в 15-м году он просил у министров на месяц отдыха; потом передал почти все управление государством графу Аракчееву. Дума его была в Европе; в России же более всего он заботился об увеличении числа войск. Царь был всякий день у развода; во всех полках начались учения и шагистика вошла в полную свою силу». Такую картину рисовал в своих «Записках» декабрист И. Д. Якушкин. Другой декабрист А. М. Муравьев также связывал передачу управления страной в руки Аракчеева с тем, что Александр забыл свой долг перед Россией.

Более распространенным было, однако, иное объяснение. Известный сановник павловского и александровского царствований Д. П. Рунич писал в своих мемуарах: «Император Александр, утомленный царствованием, не желая более непосредственно заниматься делами внутренними, поставил между собою и Государственным советом, а также Комитетом министров и самими министрами графа Аракчеева». А. М. Тургенев, также видный сановник того времени, утверждал в своих мемуарах, что Александр по окончании войны с Наполеоном «предался апатии и вверил правление обширнейшего своего государства Аракчееву».

Генерал-адъютант прусского короля Фридриха Вильгельма IV Фон-Герлах прибыл в Петербург 18 января 1826 года. Император Александр два месяца уже находился в мире ином, и Аракчеев лишился к этому времени прежних своих полномочий, но тайна возвышения графа покойным государем продолжала занимать петер-

бургское общество. Заинтересовался ею и Фон-Герлах. 30 января он занес в свой дневник: «Управление государством сделалось императору Александру под конец настоящим бременем, вследствие чего в нем возникла мысль отказаться от престола, о чем он и говорил принцу Вильгельму... О внутренних делах он в последние годы весьма мало заботился, предоставив важнейшие из них старому Аракчееву, завзятому русаку из гатчинской гвардии Павла и верному приверженцу своего благодетеля». Позднее сходным образом объяснял возвышение Аракчеева Н. К. Шильдер. «Александр в последнее десятилетие своего царствования уже не был и не мог быть Александром прежних лет, — писал историк-генерал, — он искал отныне не смелых реформаторов, а прежде всего исправных делопроизводителей, бдительных и строгих блюстителей внешнего порядка. При таком настроении явилась невольная склонность и даже потребность передать бремя забот по внутреннему управлению империи в жесткие руки верного друга, *доверие к которому было всегда неограниченно*».

В последнее десятилетие своего правления Александр действительно был не таким, как прежде. Он привез из заграничного похода не только седые волосы, но и душевную усталость, покорность судьбе и чувство одиночества. Все это отчетливо проступало в его письмах к тем, кто был ему близок, кому он истинно доверял. «Вы спрашиваете, дорогой друг, что я поделяваю, — писал Александр 16 января 1817 года сестре Екатерине Павловне. — Все то же, то есть привыкаю все более и более покоряться велениям судьбы и даже нахожу уже известное удовлетворение в том полном одиночестве, в каком я нахожусь». Такими же чувствами было проникнуто и его письмо княгине Софье Сергеевне Мещерской от 23 октября 1820 года. «Ах, не знаю, какого упрека я наиболее заслуживаю, — вздыхал Александр, — но знаю хорошо, что чем более подвигаюсь на жизненном пути, тем более сознаю, насколько я немощен, слаб и склонен ко всякому злу и что одно только милосердие Божественного Спасителя предохраняет меня, чтоб не сделаться еще более дурным».

Александр не притворялся утомленным — он был им. Но не так, как думали его современники и позднейшие историки. В. О. Ключевский утверждал, что «вернувшись в Россию в 1815 году, Александр был неузнаваем, стал сух, притязателен, раздражителен, скучал делами». От фактов не уйти: сухость, переходящую в душевную черствость, капризность, повышенную раздражительность — эти свой-

ства российский император — победитель Наполеона — проявлял многократно и вполне серьезно, без притворства. Но при всем том его величество не скучал делами. Напротив, после победы над Наполеоном он стал даже деятельнее, чем прежде. И В. О. Ключевский, как ни странно, сам указал на данную перемену в Александре и объяснил ее: «Прежде он был робок, нерешителен, застенчив, потому что не доверял себе, не знал, кто он, что в нем есть и чего недостает, и расположен был больше подозревать в себе недостатков, чем дарований. Опыт и успех вскрыли его силы ему самому и уверили его в них, а долго прижимаемое самолюбие внушило желание пользоваться ими как можно просторнее и самодовольнее».

Бросавшаяся всем в глаза после войны России с Францией усталость Александра была обыкновенной усталостью от перипетий борьбы с опасным врагом. Чего стоили одни переживания, выпавшие на долю его величества в грозном 1812 году, особенно после оставления русской армией Москвы! Кто знает, быть может, болезнь и смерть Александра, не дожившего до сорока восьми лет (или тайный уход с трона, сокрытый смертью) как раз и были отдаленным следствием их? Учтем и другое: победа, причем блистательная победа, после тяжелых поражений — слишком сильная радость, чтобы можно было перенести ее, не впад в конце концов в полнейшую усталость и равнодушие.

Что же до государственных дел, то они после войны с Наполеоном звали Александра к себе как никогда ранее. Поход в Европу многих заставил помыслить о необходимости коренных перемен в политической и экономической организации русского общества. Сравнение западноевропейских порядков с российскими во многих дворянских умах высекло искру если не революционных, то реформистских настроений. И почему у Александра не могло появиться таких настроений?

Вопреки распространенному мнению, Александр не оставил по окончании войны с Наполеоном мыслей об общественных преобразованиях. Разговоры его величества с сановниками — опытными государственными деятелями, поручения многим из них разработать тот или иной реформаторский проект выдавали в нем желание осуществить то, что было задумано им еще в молодости. Два главных намерения видны в деятельности Александра в рассматриваемое время: это, во-первых, намерение дать России конституцию и, во-вторых, — если не освободить крестьян окончательно от крепостной зависимости, то, во всяком случае, начать их освобождение.

Видный сановник того времени, человек, государственный ум которого высоко ценили его современники, граф П. Д. Киселев вспоминал впоследствии о беседе, состоявшейся между ним и Александром в Зимнем дворце 4 мая 1816 года. «Обстоятельства до нынешнего времени не позволили заняться внутренними делами, как было бы желательно, — сказал государь, — но теперь мы занимаемся новою организацией. Смерть императрицы не позволила ей азиатские обычаи и многое в правлении, по желанию ее, переменить. Мы должны теперь идти ровными шагами с Европою; в последнее время она столько просветилась, что, по нынешнему положению нашему, оставаться назади мы уже не можем». Александр, правда, заявлял при этом, что «всего сделать вдруг нельзя», что «Россия может многое, но на все надо время», и очень жаловался на отсутствие настоящих помощников себе в деле преобразования страны. «Я знаю, — говорил он Киселеву, — что в управлении большая часть людей должна быть переменена, и ты справедлив, что зло происходит как от высших, так и от дурного выбора низших чиновников, но где их взять? Я и 52-х губернаторов выбрать не могу, а надо тысячи».

В 1818 году Александр поручил составить проекты освобождения крестьян графу Аракчееву и адмиралу Н. С. Мордвинову, немного позднее такое же поручение было дано министру финансов графу Гурьеву.

В том же году — 15 марта — российский император произнес речь на открытии польского сейма, в которой заявил полякам в присутствии многих русских сановников, «что законно-свободные учреждения», которые он даровал Польше, являются «непрестанно» предметом его помышлений, что их «спасительное влияние» он надеется «с помощью Божией распространить на все страны», вверенные его попечению, что поляки подали ему средство явить своему отечеству то, что он уже с давних лет ему приуготовляет и «чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости».

И действительно, с мая 1818 года в Варшаве под руководством Н. Н. Новосильцева начались работы по подготовке конституции для России. В числе людей, осуществлявших сии работы, был и князь П. А. Вяземский. 22 июля 1818 года Петр Андреевич просил письмом находившегося в Петербурге А. И. Тургенева выслать к нему в Варшаву отпечатанные проекты Сперанского: «Он был большой ковач слов, а я теперь словами промышляю».

Летом, а затем повторно в октябре 1819 года Александр уже ознакомился с предварительным вариантом конституционного проекта, вводившего в России федеративное устройство и представительное правление. В ноябре же 1819 года его величество начал, по всей видимости, вводить в России первые элементы конституционного строя в том виде, в каком замыслил его устроить. Он объединил Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Рязанскую губернии в единую административную территорию и поставил во главе ее генерал-губернатора. На эту должность был назначен А. Д. Балашов.

К осени 1820 года конституционный проект был закончен. Назывался он «Государственная уставная грамота Российской империи»¹. Документу этому выпало навсегда остаться лишь проектом — Александр I так и не решился ввести его в действие, как не осмелился осуществить и многие другие замышлявшиеся им коренные реформы. И в сей нерешительности, несмелости — одна из тех главных тайн, что унес с собой в могилу этот император, недаром прозванный П. А. Вяземским «сфинксом, неразгаданным до гроба».

Как бы то ни было, распространенное среди современников Александра I и воспринятое впоследствии историками мнение о том, что по окончании войны с Наполеоном он впал в совершенную апатию, охладел к государственным делам, выглядит довольно странным в свете известных фактов, свидетельствующих о попытках императора осуществить в России именно в этот период коренные преобразования государственного строя и если не провести, то подготовить освобождение крестьян от крепостной зависимости. О данных попытках не могли не знать в русском обществе: слишком много людей было втянуто в работы по подготовке преобразовательных проектов. Уж что должно было действительно остаться тайной, так это истинное значение графа Аракчеева при царском дворе, подлинный характер взаимоотношений последнего со своим государем.

Современникам той эпохи казалось, что император Александр в последнее десятилетие своего царствования попросту отдал управление Россией в руки Аракчеева. Внешнее действие государственной власти было организовано так, будто граф один управляет огромной империей, один стоит на пьедестале власти. «В том положении, в ка-

¹ См. об истории разработки этого документа и о его содержании в книге: *Томсинов В. А. Конституционный вопрос в России в 60-е – начале 80-х годов XIX века.* М.: Зерцало, 2012. С. 75–85.

ком была и есть Россия, никто еще не достигал столь высокой степени силы и власти, как Аракчеев, — писал в своих мемуарах декабрист Н. А. Бестужев. — Этот вельможа, под личиною скромности, устраняя всякую власть, один, незримый никем, без всякой явной должности, в тайне кабинета, вращал всю тягостную дел государственных, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во все отрасли правления. Не было министерства, звания, дела, которое не зависело бы или оставалось неизвестно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было места, куда бы не проник его хитрый надсмотр; не было происшествия, которое не отозвалось бы в этом Дионисьевом ухе. Малые угнетались средними, средние большими, они еще высшими; но над теми и другими притеснителями, равно как и над притесненными, была одна гроза: временщик».

Никто из посторонних не видел, что одинокая фигура Аракчеева на политической сцене стояла не сама по себе, а подвешена была на нитях, кончики которых уходили вверх и не к кому иному, как к самому императору Александру.

Контуры этих нитей, которыми его величество управлял временщиком, а через его посредство всей Россией, заметно проступали только в переписке Александра I с графом Аракчеевым, а сама эта переписка, естественно, утаивалась от современников. Так возникла едва ли не самая великая в русской истории XIX века мистификация. То, что император Александр в последнее десятилетие своего царствования удалился от дел по внутреннему управлению империей, было таким же мифом, как и то, что Россией в этот период управлял один Аракчеев.

Письма Аракчеева к Александру I ясно показывают истинный характер их взаимоотношений. По содержанию своему они, за редким исключением, — скорее отчеты графа перед своим патроном, причем патроном весьма дотошным, интересующимся самыми мелкими подробностями тех дел, которыми граф занимается, да и не только дел.

Алексей Андреевич регулярно отчитывался перед государем даже в своих чувствах и душевных переживаниях. «Служба моя посвящена единожды привязанности моей к Вам, Государь, следовательно, будет вечно она одинакова, несмотря на все разные толки, партии и неприятности», — изливал Аракчеев душу Александру в письме от 25 ноября 1818 года. «Батюшка, Ваше Величество! — писал он 2 апреля 1819 года. — Милости ко мне Ваши чувствую в пол-

ной их цене и прошу Бога ежедневно, дабы он даровал мне только здоровье служить Вам чистою душою». 11 февраля 1821 года: «Здоровье мое собственно для меня очень плохо, но для усердия моего и душевной привязанности к вам, Батюшка, оно неизменно и еще крепче молодых лет». 24 апреля 1822 года: «Батюшка, Ваше Величество! Я более бы ни для чего не желал себе здоровья, как только для того, Батюшка, чтоб мог служить Вам; верьте истинному Богу, что я чувствую Вашу к себе милость и ценю ее как верный Ваш сын и слуга». 30 ноября: «Батюшка, Ваше Величество! Приближающийся день Вашего рождения есть в мире сем день моего благополучия. По сему-то и не могу удержать желания моего и не принести Вам, Батюшка, мое от истинного сердца поздравление. Прошу Господа Бога да продлит жизнь Вашу, да укрепит здоровье Ваше на перенесение тяжких трудов при нынешних лукавых человеческих мыслях и деяниях». 8 апреля 1825 года: «Я одного боюсь, что естели мои припадки доведут меня до такого положения, что я не в состоянии буду исполнять моих обязанностей, кои я всегда с удовольствием и полным рачением по душевной моей привязанности к Вашему Величеству исполняю».

Вперемежку с отчетами в чувствах Аракчеев слал Александру пространные отчеты и в своих делах. Он периодически сообщал его величеству, чем был занят, куда ездил. «Батюшка, Ваше величество! — обращался Алексей Андреевич к государю 2 июля 1821 года. — Вчерашний день целое утро провел я на осмотре и следствии поселенного батальона наследного принца прусского полка и, слава Богу, ничего не оказалось, о чем Вам, Батюшка, донесет подробно П. А. Клейнмихель. Я целые три часа был между солдатами без офицеров и все время разговаривал, до того что уже не мог говорить от усталости». 20 октября того же года Аракчеев сообщал: «Мои занятия Вам должны быть известны: Грузино и военное поселение. Вот мои прогулки. Но для чего оно? Единственно для того, чтоб угодить моему Государю, Александру Павловичу, с коим я провел мою молодость, а теперь и старость ему же посвящаю».

По должностям своим Аракчееву приходилось общаться со многими крупными сановниками империи и немало получать от них писем. О содержании своих разговоров с сановниками, особенно с теми, которые по какой-либо причине казались Александру подозрительными, граф неизменно сообщал государю. А полученные письма старался показывать в оригинале или копии; в случае же если его величество отсутствовал в Петербурге, пересылал их ему.

Так, в заключение цитированного выше письма Аракчеева Александру от 2 июля 1821 года читаем: «Полученное мною вчерашний день письмо от Ник. Ник. Новосильцова, при сем к Вам, Батюшка, в оригинале прилагаю».

В конце июня 1820 года Александр I пребывал в Варшаве. Граф слал туда письмо, полученное им от барона Б. Б. Кампенгаузена. Александр читал его и возвращал обратно.

В марте 1821 года возвратился в Петербург из Сибири М. М. Сперанский. Опальный сановник поспешил встретиться с графом Аракчеевым. Александр находился в это время на конгрессе Священного союза в Лайбахе. Графу пришлось поэтому изложить содержание разговора со Сперанским на бумаге и отправить ее с фельдъегерем в Лайбах¹.

В беседе с Аракчеевым Сперанский рассказал Аракчееву о том, что на пути из Сибири в Петербург заехал в свою пензенскую деревню, в Тамбов и в Рязань. В Рязани — едва успел он туда прибыть — навестил его генерал-губернатор Балашов. Рассказ Сперанского о встрече с Балашовым Алексей Андреевич тоже передал Александру. Надо полагать, его величеству интересны были и такие подробности в поведении сановников, иначе зачем было графу сообщать их.

«Благодарю тебя за непрерывное твое помышление о исполнении моих намерений, — писал Александр Аракчееву 25 декабря 1822 года. — При сем возвращаю письмо Сперанского. Бумаг я еще рассматривать не мог, а пришлю с будущим курьером». Государь возвращал письмо Сперанского к Аракчееву от 22 ноября 1822 года. В нем Михайло Михайлович давал свою характеристику членам Сибирского комитета, своему помощнику Г. С. Батенькову, Самбурскому, Бухмейстеру, описывал дела Сибирского комитета. На оригинале этого письма, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве, стоит помета, сделанная рукой Аракчеева: «Государь изволил читать в Пильзене 25 декабря 1822 года».

Содержание переписки графа с государем не оставляет и малейших сомнений в том, что Александр в последнее десятилетие своего царствования не только не впал в апатию, не только не отошел от дел по управлению империей, но занимался делами, пожалуй, даже

¹ См. изложение этого разговора в книге: *Томсинов В. А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М.: Зерцало-М, 2012. С. 353–354.

активнее, чем прежде. Он стремился все держать под своим контролем и все хотел знать о своих сановниках. Он властно вмешивался в самые мелкие административные вопросы, и можно только удивляться, как хватало его на все. Впрочем, надолго как раз и не хватило. В Таганрог Александр I поехал, будучи в состоянии крайнего истощения своих физических и душевных сил, оттого и оказалась для него смертельной обычная простуда...

Журналы Комитета министров подтверждают это впечатление об Александре как о чрезвычайно деятельном монархе. Среди высочайших резолюций, начертанных на их страницах, частенько встречается такая: «Лично со мной объясниться». Весьма примечательная резолюция: Александр старался вникать во все вопросы именно лично. Комитет министров не был свободен в своей деятельности, как это могло представляться посторонним лицам. Александр оставался над ним в качестве верховного надзирателя, постоянно управлял его, подсказывал, на что должно господам министрам обратить особое внимание, как надлежит решить ту или иную проблему.

Аракчеев старался держать императора в курсе всего происходившего в Комитете. К примеру, 18 ноября 1818 года он сообщал его величеству: «Дела Комитета Министров идут своим порядком и особого внимания Вашего или неотложного разрешения Вашего требующих не случилось. На прошедшей неделе были, однако, в нем два примечательныя заседания по делам Сибирского генерал-губернатора, в которых, после продолжительных и жарких рассуждений и прений, единогласно положено уволить и гражданского губернатора (иркутского. — В. Т.) Трескина, и генерал-губернатора (И. Б. Пестеля. — В. Т.). По сему и рассудил я представить здесь проект рескрипта к Сперанскому, ежели изволите найти оный выражающим тот смысл, в котором угодно было Вашему Величеству приказать к нему написать».

Александр не всегда соглашался с мнениями Аракчеева, высказанными на заседаниях Комитета министров. Так, в 1824 году Комитет решал вопрос о главном надзирателе московских богоугодных заведений. Военный губернатор Москвы князь Д. В. Голицын предложил на эту должность своего чиновника Муратова. Аракчеев же как председатель Комитета помощи раненым и инвалидам выдвинул свою кандидатуру — некоего Хотяинцева. Рассмотрев обе кандидатуры, Комитет министров отдал предпочтение Муратову, заметив в своем решении, что выдвинутый от благотворительного комитета Хотяинцев достоин занять место главного надзирателя московских

богоугодных заведений, но нельзя оставить без уважения ходатайство главного местного начальника. Аракчеева поддержал лишь министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский, который сказал, что раз определение на эту должность предоставлено специальным высочайше утвержденным положением Комитетом помощи раненым и инвалидам, то местное начальство не вправе предлагать на нее своих кандидатов. Александр I вынес резолюцию: «На подобное место нельзя не уважить представления Военного губернатора и потому согласен с большинством членов».

Однако в подавляющем большинстве случаев государь соглашался с мнениями именно графа Аракчеева. Но это менее всего свидетельствовало в пользу того, что граф управлял империей. Александр предпочитал аракчеевское мнение прежде всего потому, что оно было, как правило, более обоснованным, больше несло в себе здравого смысла. Вот некоторые примеры.

В 1820 году оренбургский военный губернатор обратился к военному министру с представлением, в котором сообщил, что с 1 января 1818 года прекратил выдачу провианта казакам, имеющим достаточное количество пахотной земли. Комитет министров, рассматривавший этот вопрос, принял решение «утвердить представление, испросив на то Высочайшую волю». Аракчеев приписал: «Не прикажете ли по сей статье сделать справку, потому что провиант прекращен с 1 января 1818 г., а представление сделано в 1820 г.». Александр начертил: «Замечание весьма основательное, а справку же нужно потребовать».

В другой раз Комитет министров рассматривал вопрос о том, как распорядиться крестьянами имения Линдолово, купленного в казну для присоединения к Сестрорецкому заводу. Было решено: 154 человека зачислить в оружейники, 135 детей поместить в кантонисты, 28 стариков оставить в имении для легких работ. Граф Аракчеев заметил по поводу принятого решения: «Вот также поселение, но, кажется, хуже *Вашего*, ибо собственность крестьян уничтожена». Александр вынес резолюцию: «Повременить до моего возвращения».

По представлению министра финансов Д. А. Гурьева Комитет министров решил обложить бессарабскую соль акцизом в 40 копеек. Мнение Аракчеева было: «Не нужно ли прежде спросить у Инзова по местному тамошнему положению дел». Резолюция Александра: «Весьма справедливо».

По вопросу о снабжении войск Кавказского корпуса двойным комплектом артиллерийских запасов, который рассматривался Ко-

митетом министров, Аракчеев заявил: «Я не могу об оном сделать заключение, ибо мне неизвестно требование генерала Ермолова, а сие лучше известно князю П. М. Волконскому»¹. Александр и в этом случае согласился с аракчеевским мнением.

Еще один яркий пример. Комитет министров, обсуждая вопрос о волнениях крестьян в Белоруссии, счел, что прекращению их будет способствовать издание нового положения о крестьянских повинностях, предложенного Министерством финансов. Граф Аракчеев, обратив внимание на то, что такое положение, утвержденное Комитетом министров, распределяет повинности между крестьянами на основе уравнительности, заметил: «Я думаю, что крестьяне опять будут недовольны, то кажется, лучше было бы велеть министру финансов вытребовать к себе в департамент депутатов и сделать здесь с ними положение и внести в Комитет». Резолюция Александра была краткой: «Непременно».

Присущее Аракчееву чувство здравого смысла, его критический ум Александр I часто использовал для проверки решений Комитета министров, казавшихся ему по каким-либо причинам сомнительными, недостаточно обоснованными. В начале 1821 года в заседаниях Комитета неоднократно рассматривался вопрос о снабжении продовольствием населения Черниговской губернии, которому угрожал голод. Александр, несмотря на то, что находился за границей, старался держать решение данного вопроса под своим контролем. «Я прочел со вниманием все три журнала Комитета, — писал его величество Аракчееву весной 1821 года. — Сожалительно весьма, что в столь важном деле, кроме противоречия, ничего другого не видно. Кому из них верить! Продовольствие обеспечено ли, или нет? Винокурение необходимо ли, или оно истощает последний хлеб? Из Лайбаха мне невозможно, по несчастью, рассмотреть затруднения по сему делу и все придет весьма поздно. Скажи мне откровенно свое мнение по сему предмету и по письму Разумовского».

В механизме управления империей Аракчеев играл чрезвычайно важную роль, но совсем не ту, что приписывалась ему современниками, а впоследствии и историками. Возвысив графа, Александр I *не отдал* ему управление государством, а, напротив, взял это управление в свои руки так, как не брал никогда прежде. Временщик стал для государя своего рода вспомогательным инструментом, посредст-

¹ В то время начальник Главного штаба его величества.

вом которого его августейший взор и руки могли проникать в такие уголки управляемого им пространства, в каковые они сами по себе никогда бы не проникли. Только с помощью вездесущего, необыкновенно энергичного, до предела исполнительного Аракчеева император Александр был в состоянии управлять Россией так, как хотел, то есть *все и вся* держа под своим контролем и влиянием, заправляя всеми сколько-нибудь важными делами. И притом *оставаясь всегда в тени!*

Сановники и простые подданные сталкивались непосредственно лишь с Аракчеевым, видели только его и не замечали стоявшего за ним императора. Оттого и казалось им, что Россией управляет не кто иной, как Аракчеев. И многие историки по странному, совершенно необъяснимому обстоятельству восприняли именно это не соответствовавшее реальности представление современников об Аракчееве. Даже такой серьезный биограф Александра I, как великий князь Николай Михайлович, имевший доступ ко многим утаенным от общества царским документам, и тот считал, что «последние четыре года царствования Александра Павловича стали в действительности годами управления Россией одного Алексея Андреевича Аракчеева»¹. А историк Д. Ф. Кобеко писал в своем труде «Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы: 1811–1843» даже об «отречении» Александра I «от царской власти в пользу всем ненавистного Аракчеева».

Между тем многие документальные материалы свидетельствуют, что на самом деле Аракчеев, если кем и был, то лишь третьим оком для своего государя, третьей его рукой. Получая от графа регулярные отчеты, его величество слал ему в свою очередь подробные инструкции, в которых указывал, как надлежало поступать ему в различных случаях, как разрешить то или иное дело, как обращаться с тем или иным сановником. К примеру, 13 февраля 1822 года Алексей Андреевич получил от Александра следующее указание: «Сделай одолжение, лучше выслушай Сперанского. Он будет говорить, стало ты будешь только слушать, что для тебя не вредно; долгих переговоров с твоей стороны я бы не возложил на тебя в теперешнем твоём состоянии. Но считаю нужным заметить на слова, сказанные уже Сперанским тебе, что тут личной доверенности никакой быть не может допущено».

¹ Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Том I. СПб., 1912. С. 269.

Надо признать, из всех сановников, составлявших окружение Александра I после окончания войны с Наполеоном, граф Аракчеев больше других подходил на роль государева ока и государевой руки. Никто не мог быть для государя оком более зорким и рукою более умелой, чем он.

Аракчеев возвышался над всеми не только должностями, но и способностью по-государственному мыслить. Примеров, где проявил он редкое для русского сановника всех эпох государственное мышление, привести можно множество. Так, в октябре 1811 года, в бытность свою председателем департамента военных дел Государственного совета, Аракчеев подал на рассмотрение членам Совета и Комитета министров записку по поводу поддержанной в этих учреждениях идеи продажи рекрутских квитанций из государственной казны за 2 тысячи 500 рублей. Алексей Андреевич увидел в этой мере серьезную опасность для государства. «Сия продажа, — писал он, — есть благодеяние правительства для богатых; не должна ли возродить сия мера большое уныние духа в бедных, когда они из одного ясно увидят, что и само правительство печется ныне неуравнительно о всех сословиях, а открывает благодеяния сии за деньги, не заботясь о том, что состояние бедного перед богатым уже есть и без одного тягостное». Аракчеев видел обратную сторону данного нововведения: он понимал, что оно даст возможность богатым крестьянам освободиться от рекрутской повинности и наполнит армию выходцами из бедных семей, которые вынуждены будут за деньги брать эту повинность на себя. «Предполагаемое благодеяние богатым есть угнетение для бедных, следовательно, это должно называться не облегчение, а народною тягостью», — утверждал в связи с этим граф.

Государственный ум Аракчеева высоко ценил такой мудрый и опытный государственный деятель, как В. П. Кочубей, занимавший в рассматриваемое время пост министра внутренних дел. Виктор Павлович часто обращался к графу за советом по разным государственным делам. «Милостивый государь мой, граф Алексей Андреевич! — писал он к Аракчеву 30 сентября 1820 года. — Я имею честь за несколько пред сим лично предварить Ваше сиятельство о намерении моем обратиться к вам, Милостивый Государь мой, с просьбою вникнуть с некоторым вниманием в предполагаемые мною меры к выполнению высочайшего Указа 14 июня 1816 года о наблюдении за правильным исправлением Земских повинностей, т. к. благотворительный указ сей не получил по министерству полиции над-

лежащего исполнения. Отсутствие Вашего Сиятельства лишило меня возможности намерение оное исполнить. Ныне известясь о прибытии вашем, Милостивый Государь мой, в Грузино, я поспешаю доставить вам проект представления моего по сему предмету с принадлежащими к нему положением и формами, прося покорнейше ваше сиятельство рассмотреть оныя в свободное время и сообщить мне мысли ваши, не в виде официальном, но совершенно в виде той доверенности, с каковою я к вам отношусь, имея единственно намерение привести в действие благотворные и весьма полезные предположения упомянутого указа; я искренно признательным буду вашему сиятельству, если вы изволите по предмету, коим вы в особенности занимались, доставить мне средства наилучше исполнить обязанность мою. Имею честь быть с истинным почтением и преданностью Вашего Сиятельства покорнейшим слугою Граф В. Кочубей»¹.

Алексей Андреевич отвечал 25 октября большим и содержательным письмом. Ответ его, как и цитированное выше письмо Кочубея, весьма любопытен: в нем Аракчеев предстает в таком качестве, в котором современниками своими никогда не мыслился, в каковом они и представить себе не могли его, — в качестве *реформатора*. Его противопоставляли Сперанскому, считали бездарным, чуждым всяких нововведений царедворцем, а он был человеком незаурядного государственного ума, вполне сознавал необходимость периодического обновления любой административной системы и лучше многих других сановников, числившихся в передовых, понимал, как осуществлять должно те или иные реформы. Вот что писал Аракчеев министру внутренних дел В. П. Кочубею 25 октября 1820 года: «Заключу рассуждение мое одним сожалением о том, что внутреннее устройство в наших губерниях далеко отстоит от устройства и порядка, существующего в Царстве Польском, хотя недавно еще заведены они после жестокой войны. Теперь изложу вашему сиятельству мнение мое на счет самого проекта. Правила, в нем изложенные, нахожу я совершенно соответствующими настоящему предположению. Но чтоб видеть их самих вам в исполнении и делать повременные поправки, в которых опыт может открыть нужду, я бы полагал привести оныя в исполнение на первый случай не более как в трех только разных губерниях, избрав для сего одну вблизи вашего пребывания, другую в середине государства, а третью в отдалении.

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 127. Л. 169.

При тщательном надзоре за исполнением в сих губерниях легко можно будет делать как частные, так и общие исправления и, наконец, довести сии правила до того совершенства, в каком желательно иметь оные по столь важной части. Пространство нашей империи делает невозможным, чтобы все губернии руководствовались одними общими правилами, и сие оправдывает мысль, которую предлагаю.

Простите мне, Ваше Сиятельство, во-первых, что я замедлил ответом на ваше письмо; множество дел, накопившихся в мое отсутствие, не позволили мне отвечать на оное так скоро, как бы я желал; во-вторых, за откровенность моих изъяснений в сем ответе — и верьте тому истинному почтению и преданности, с коими я имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга граф Аракчеев»¹.

Не только сановники, но и сам император неоднократно пользовался советами Аракчеева. «Замечание Ваше, Батюшка, по новому банку сделанное насчет уравнивания Москвы с Петербургом, весьма справедливо, и я совершенно с оным согласен, — писал граф Александру 9 июня 1824 года. — Но, кажется, лучше оное исправить особым дополнительным положением, нежели переделывать сие, утвержденное уже Вашим Величеством положение».

Реформаторская жилка в Аракчеве имела и была весьма прочной. За какое бы дело ни брался граф, он непременно старался внести в него что-либо свое, какое бы ведомство ни поручалось ему в управление, он всегда стремился что-то в нем переменить. Назначенный заведовать делами Комитета министров, он начал с того, что упорядочил делопроизводство: установил новые правила, по которым министры обязывались присылать свои представления в Комитет накануне заседания, обозначать во вносимых делах год, месяц, число, когда они были получены министрами для рассмотрения. Внося в Комитет представление, министр должен был отныне излагать собственное мнение по вносимому делу, при отсутствии такового Аракчев не принимал представления. По истечении каждого месяца составлялся перечень решенных и нерешенных в Комитете министров дел, а также особая записка с кратким описанием вопросов, по которым министрам поручено внести в Комитет справки или проекты решений. Все это представлялось императору Александру. Кроме того, в начале года его величество получал от Аракчеева

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 127. Л. 173–175.

полный отчет о деятельности Комитета за истекший год. Наконец, с согласия государя Аракчеев перекроил штаты канцелярии Комитета, уволил чиновников, «хотя и хороших, но тех, без коих обойтись можно», и установил оставленным новые, более справедливые оклады.

Александр I знал способности Аракчеева как никто другой, и тот факт, что, озабоченный проблемой крепостного права, он именно Аракчеву поручил разработку одного из главных проектов освобождения крестьян, говорит о многом.

Задание, данное графу в феврале 1818 года, было непростым. Он должен был составить такой проект, который бы «не заключал в себе никаких мер, стеснительных для помещиков, и особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного в исполнении со стороны правительства; напротив, чтобы они сопряжены были с выгодами помещиков и возбудили бы в них самих желание содействовать правительству в уничтожении крепостного состояния людей в России, сообразном духу времени и успехам образованности и необходимом для будущего спокойствия самих владельцев крепостных людей»¹. Готовый проект был представлен государю в том же 1818 году. Если оценивать его содержание с точки зрения полученного задания, то нельзя не признать, что граф-реформатор блестяще справился с возложенным на него поручением. Он нашел тот единственный средний путь, который позволял избежать при осуществлении благородной цели применения совсем неблагоприятных средств.

Согласно аракеевскому проекту уничтожение крепостного состояния людей в России должно было произойти посредством покупки помещичьих крестьян и дворовых людей государством. При чем предполагалось при этом, что помещики будут добровольно уступать принадлежащие им земли и работающих на них крестьян. Для организации покупки помещичьей земли и крепостных в казну учреждалась Постоянная комиссия. Сама же покупка производилась или по добровольно-условленным ценам с помещиками, если они продавали свои имения в полном их составе, или на основании особых правил, «постановленных для приобретения крестьян с не-

¹ Записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян // Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. М., 1872. С. 147. После изложения текста этой записки следует примечание П. И. Бартева: «Сообщено Николаем Алексеевичем Милютиным».

которым только количеством земли и угодий к продаваемым имениям принадлежащих»¹. Ценность продаваемого имения Аракчеев предлагал определять в зависимости от качества почвы и в соответствии с теми ценами, какие существовали на имения в каждой губернии. Капитал для покупки в казну земель и крестьян у помещиков должны были составить суммы, ежегодно выделяемые на эти цели из государственного бюджета в размере 5 миллионов рублей ассигнациями.

По мнению Аракчеева, помещики могли получить при осуществлении его проекта двойную выгоду: во-первых, освободиться от долгов (а ими было обременено большинство из них) и, во-вторых, занять наличный капитал для развития своего хозяйства. Свободные земли, оставшиеся в их распоряжении, помещики могли обрабатывать с помощью тех же самых крестьян, которых продали в казну, нанимая их за определенную плату².

Не вдаваясь в дальнейшие подробности разработанного графом Аракчеевым проекта освобождения крестьян от крепостной зависимости, отметим, что проект сей удостоился одобрения со стороны императора и, по некоторым свидетельствам, именно его Александр I намеревался вводить в действие. Позднее сходный с аракчеевским способ решения проблемы крепостного права предлагал в своей конституции декабрист Никита Муравьев.

Реформаторская страница политической биографии графа Аракчеева осталась неизвестной обществу. Можно сказать, что государь и временщик вели себя как два заговорщика в деле реформ и вообще во всех делах по управлению империей. Таинственность эта имела определенную выгоду, которую присваивал себе во всем ее объеме один император Александр.

Государственная деятельность всегда предполагает осуществление мер не только благих для населения, но и таких, которые связаны с лишениями. Нельзя быть правителем и для всех являться благодетелем, невозможно управлять и всем управляемым постоянно угождать. Александр I хорошо понимал это.

Современники недоумевали, как мог этот император возвыситься и держать при себе человека со столь дурной репутацией, какой поль-

¹ Записка о разных предположениях по предмету освобождения крестьян // Деятельность. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. М., 1872. С. 148.

² Там же. С. 149.

зовался в обществе Аракчеев. Мало кто догадывался, что Александру Павловичу как раз и нужен был временщик с такой репутацией.

В числе немногих, кто понимал это, был Н. И. Греч, знавший Аракчеева, по собственным его словам, «довольно коротко» и называвший графа «нравственным уродом». Вот что писал он об Аракчеве в своих «Записках»: «Александр видел в нем одного из тех, которые были верны его отцу, видел человека, по наружности, бескорыстного, преданного ему безусловно и сделал его козлищем, на которого падали все грехи правления, все проклятия народа».

Декабрист В. И. Штейнгейль, описывая в письме к императору Николаю I от 11 января 1826 года обстановку последнего десятилетия царствования Александра, отмечал: «Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование государя, толико кроткого, человеколюбивого! Общее недоумение разрешалось одним лицом графа Аракчеева. Оно во всех подобных действиях служило экраном для особы монарха»¹.

Сам Александр I определял роль Аракчеева при своей августейшей особе еще яснее. Как-то раз граф серьезно занемог и был не в состоянии поехать к его величеству с докладом. Послал с бумагами своего адъютанта П. А. Клейнмихеля. Государь, увидя вместо Аракчеева Клейнмихеля, встревожился:

- А что же Алексей Андреевич?
- Граф сегодня не может.
- Ах, как же быть? Что с ним? Был ли доктор? — всерьез заволновался Александр.

— Успокойтесь, ваше величество, граф слегка простудился.

Но государя успокоить было нелегко.

— Ты не понимаешь, что такое для меня Аракчеев, — сказал Александр Клейнмихелю. — Все, что делается дурного, он берет на себя, все хорошее приписывает мне.

В последние годы своего царствования император Александр много ездил по России. В губерниях, в которых ожидалось прибытие его величества, шло бурное дорожное строительство: прокладывались новые дороги, переделывались старые, рылись канавы — горы земли перемещались с одного места на другое. Деревенское население, сгонявшееся на эти работы, терпело неисчислимые страдания. Местная администрация всю пользовалась ситуацией и бойко тор-

¹ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Том 1: Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 216.

говала дорожными повинностями. По словам П. А. Вяземского, «народ кряхтел, жаловался и приписывал все невзгоды Аракчееву, который тут ни душой, ни телом не был виноват».

Подобные случаи показывают, что в роли козла отпущения Аракчеев был жизненно необходим не только самодержцу, но и его бюрократии. Выступая в образе «злого временщика», Аракчеев принимал на себя солидную часть народного гнева, предназначенного чиновникам. Потому чиновная братия всячески старалась поддерживать в народе его дурную репутацию.

Сам граф вполне сознавал это и глубоко страдал. «Видно, вам со мною одна участь, — жаловался он И. А. Пукалову, — я всегда на оное счастлив, что все относят ко мне, что я и во сне не вижу, а узнаю уже после всех. Но что же делать, когда оному пособить нечем? Другие же, напротив того, очень счастливы, делая исподтишка, и про то никто не знает, не ведает».

Однако жалоба жалобой, а служба службой. Если разным мелким начальникам Аракчеев не собирався и малейшим образом потрафлять в их стремлении свалить часть собственных грехов на его персону, то императору Александру, пусть и скрепя сердце, но подыгрывал. И нередко довольно своеобразно.

В книге «Жизнь графа Сперанского» М. А. Корф описал историю о том, как Михайло Михайлович, будучи губернатором в Пензе, просился в отпуск для поправления своих финансовых дел. Купив имение во вверенной ему губернии, он оказался опутанным долговыми обязательствами и, дабы снять их с себя, решил продать свое новгородское имение Великополье. 11 марта 1819 года Сперанский обратился к Аракчееву с письмом: «Ни начать, ни продолжать моей просьбы об отпуске я никак не решился бы, если б не был принужден к тому самою крайнею необходимостью. Кто имеет на руках дочь без матери и 200 000 руб. долгу, при маловажном и запутанном имении, тот осужден все терпеть, всем жертвовать, чтоб исполнить первые свои обязанности. Сроки долгов моих сближаются, продажа имения не сходит с рук; устроить дела сего рода, сколь я ни старался, но за 1 600 верст — когда на один вопрос и ответ потребно почти полтора месяца — нет никакой возможности. Один иск возбуждает все другие, и таким образом, быв спасен одними милостями Государя от предстоявшей мне бедности, я найдусь снова в том же или еще горшем положении. Я уверен, что если нужды мои справедливым и благосклонным вниманием вашего сиятельства представлены будут Государю Императору в истинном их виде и отделены от всех

побочных и неместных предположений, то Его Величество не презрит моей просьбы».

Ответ на это письмо дан был Сперанскому 24 марта. Под ним стояла подпись Аракчеева. Сперанский уведомлялся в том, что имение его велено купить в военное поселение за назначенную им цену в 140 тысяч рублей. Вместе с тем в ответе говорилось: «Настаивать у Государя об отпуске вашем в то самое время, когда Его Величеству угодно было удостоить вас новою доверенностию и дать вам препоручение столь важное для пользы государства¹, мне показалось неприличным. Если хотите принять от меня искренний совет, то по лучшему моему разумению, я полагаю необходимым вам сообразоваться в точности с Волею Государя Императора. Исполнив оную, я уверен, что Его Величество будет уметь ценить новую заслугу, вами Ему оказанную, и тогда ваши домашние дела с пользою для вас и легко устроятся». Приведенное письмо было начертано рукой писаря. Вместе с ним Аракчеев послал Сперанскому другое письмо — частное и собственноручное, где в заключение приписал: «На письмо ваше от 11-го марта прилагаю мой формальный ответ». Эта фраза, а также то, что официальный ответ подписан был Аракчеевым, наконец, само его содержание дали М. А. Корфу основание уверенно называть автором данного ответа Аракчеева. Между тем черновик его, хранящийся ныне в аракчеевском фонде Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, показывает руку Александра I. Именно он, российский самодержец, являлся автором подписанного Аракчеевым текста ответа на письмо Сперанского от 11 марта 1819 года.

Подобным же образом Александр прятался и от других сановников. В феврале 1820 года обратился к нему из Риги с просьбой об увольнении от службы генерал-губернатор маркиз Ф. О. Паулуччи. Официальное прошение на высочайшее имя Паулуччи выслал в адрес Аракчеева. Личным письмом он просил графа вручить бумагу государю и походатайствовать перед его величеством о предоставлении ему скорой отставки. Алексей Андреевич передал Александру прошение маркиза, не исключено, что и словечко за него замолвил, но у императора было на сей счет свое твердое мнение. Александр не хотел отпускать опытного сановника со службы, но вместе с тем не желал занять в нем еще одного недовольного. Аракчеев помог его

¹ 22 марта 1819 г. М. М. Сперанский был назначен государевым рескриптом сибирским генерал-губернатором.

величеству легко выйти из трудной ситуации. Александр I написал маркизу Пауллуччи ответ с отказом от имени Аракчеева¹. Граф переписал его и 20 февраля отправил за своей подписью в Ригу:

«Милостивый государь мой, маркиз Филипп Осипович! Получа письмо Ваше со вложением прошения на Высочайшее имя Государя Императора, по довольно внимательному рассмотрению, решился я онаго не вручать Его Величеству и при сем оное Вам возвращаю. Причины, побудившие меня к сему, суть следующие: время, в кое дозволено подавать просьбы об увольнении от службы, уже миновало с 1 января и не прежде как 1 сентября оные принимаются. Во вторых, искренно должен Вам признаться, что я не нахожу повода вам приступать к подобной решительности; ибо, быв благодетельствованы милостями Государя касательно чина, в котором Вы находитесь, сверх того лестного звания генерала-адъютанта и довольно достаточного состояния, исправляя должность, которая уже доказывает доверенность Государя к особе Вашей, я не понимаю, чего еще Вы можете желать? Имев весьма часто случай беседовать с Государем, я могу Вас уверить, что ни его мнение, ни доверенность к Вам ни в чем не переменялись и после всего вышесказанного, если Вы вспомните, что Вы из чужой службы поступили в российскую в 1807 году, и в течение 13 лет достигли степени, до которой многие из товарищей Ваших употребили более 25 лет службы их, то с справедливостью должны будете согласиться, что жаловаться Вам невозможно. Извините мое чистосердечие: оно в моем нраве, и я привык им руководствоваться. Аракчеев».

Согласимся, в свете того, что настоящим автором приведенного письма был император Александр, содержание его выглядит довольно забавным. Сколько таких Александровых писем подписал Аракчеев?

После смерти графа П. А. Клейнмихель разбирал оставшиеся от него бумаги и обнаружил черновики его писем и распоряжений, писанные рукой... Александра. Их было много.

Среди современников Аракчеева бытовало мнение, что он дурно влиял на императора Александра. Трудно сказать, откуда взялось

¹ Черновик данного ответа, писанный рукою Александра, хранится в настоящее время в аракчеевском фонде НИОР РГБ. Отличающийся в некоторых деталях от текста, приводимого мною, вариант письма императора Александра маркизу Пауллуччи, подписанный Аракчеевым, опубликован великим князем Николаем Михайловичем в книге «Император Александр I» (Том 1. СПб., 1912. С. 262–263).

это мнение и на чем основывалось — документы не только не подтверждают его, но рисуют картину совсем иную: государь и временщик как будто даже состязались между собой, кто покажет более сочувствия к бедным и обездоленным.

Однажды в Комитете министров рассматривалось дело некоего Шутихина, ограбленного крестьянами. Случай этот вряд ли удостоился бы обсуждения на столь высоком уровне, если б не одно осложнение: во время ограбления Шутихину были подрезаны жилы в ноге. Комитет министров постановил: выплатить потерпевшему, помимо возмещения убытков по имуществу, 50 рублей за увечье. Преступники же, по судебному приговору, наказывались кнутом и ссылались на каторгу. Аракчеев заметил по поводу решения Комитета: «Кажется, мало положено 50 р.». Александр вынес резолюцию: «Дать из кабинета оному Шутихину 200 р., ибо большим взысканием с крестьянских семейств опасно их разорить, тем более что двое из оных ссылаются в каторжную работу».

В другой раз Комитет министров решал вопрос о судьбе крестьян откупщика Злобина. В начале века это был богатый и влиятельный купец. Сын его Константин являлся близким другом Сперанского, а после того как женился на сестре его супруги, и вовсе стал родственником. Он рано умер, и по смерти его отец утратил прежний интерес к своим делам, а с интересом и удачу. К 1820 году откупщик Злобин вконец разорился, и крестьяне его стали добиваться, чтобы им предоставили право выкупа. Комитет министров рассмотрел просьбу крестьян и решил допустить их к торгам, объявив, что торг останется за ними только в том случае, если они внесут наличными деньгами установленный задаток и заплатят за себя по высшей цене да впоследствии будут своевременно производить остальные платежи. Аракчеев приписал к данному решению Комитета министров свое мнение: «Кажется, крестьянам все способы преграждены; сие легко может быть для того, чтобы кому-нибудь купить из наших братьев; то, по крайней мере, нужно приказать доводить до Вашего сведения о покупателях». Александр по поводу решения Комитета заметил: «Вообще сие заключение сделано с намерением затруднить возможность крестьянам самим себя выкупить и потому я на оное согласиться не могу и требую, чтобы оно было переделано, дав всевозможные пособия и облегчение крестьянам для собственного выкупа».

Еще один случай. В 1820 году министр внутренних дел граф Кочубей выступил в Комитете министров с ходатайством о дозволе-

нии Киевскому приказу общественного призрения выдать генерал-лейтенанту Златницкому сверх занятых им 14 тысяч рублей ассигнациями и 7 тысяч рублей серебром еще столько же. Комитет решил дозволить, если его величество не будет возражать. Аракчеев написал к решению Комитета: «Кажется, богатому выдается много, а для бедных нечего будет выдавать». Александр распорядился: «Следовать установленному законному порядку, из коего выходить не должно», то есть согласился с графом.

В первых числах сентября 1816 года Аракчеев находился в Смоленске и здесь столкнулся с очередной несправедливостью, допущенной чиновниками по отношению к крестьянам. В начале 1813 года после изгнания французской армии из пределов Смоленской губернии государственной казной были отпущены деньги на покупку зерна для разоренных войной крестьянских хозяйств. Хлеб куплен был тогда по цене от 10 до 19 рублей за четверть. Через три года пошел срок возврата долга, и что же оказалось? Чиновники потребовали от крестьян возратить долг не зерном, а деньгами. Но цена хлеба в 1816 году была не прежняя, а от 6 до 8 рублей за четверть. В результате крестьяне вынуждались продать зерна в два с лишним раза больше, нежели получили.

Александр I в сентябре 1816 года пребывал в Варшаве. Описав ему сложившуюся ситуацию, Аракчеев заключил письмо словами: «Сей пример предоставляю человеколюбивому сердцу Вашего Величества и испрашиваю собственного вашего заключения: прилично ли правительству брать с подданных своих низшего класса людей, именно с крестьян, столь неблаговидный и Закону Христианскому противный прибыль? Народ же, любящий и обожающий своего Государя, должен оное переносить, полагая в мыслях своих по неведению в делах, и сей распорядок волею Вашего Величества».

Данное письмо Алексей Андреевич выслал Александру 10 сентября, 20 сентября государь отвечал: «Благодарю тебя искренно, любезный Алексей Андреевич, за попечения твои по Смоленской губернии. Меры, предполагаемые тобою, нахожу весьма основательными и подписал все нужные бумаги для исполнения, кои при сем препровождаю для рассылки по принадлежности. Остается еще тебе представить мне мысли о пособиях, нужных для экономических и удельных крестьян, о чем и буду ожидать твоих соображений».

Взыскание денежных сумм со смоленских крестьян в уплату полученного в 1813 году зерна было приостановлено Александром на целый год. Графу Аракчееву его величество выслал официальное

распоряжение, в котором начертал обширную программу действий по оказанию помощи Смоленской губернии, более всех других пострадавшей во время прошедшей войны. «Желая сколь возможно скорее приблизить сию губернию к первобытному состоянию, — писал Александр Аракчееву, — я намерен усугубить к тому способы дарованием жителям ее новых вспоможений. Но чтобы сии вспоможения были ближе к существенным надобностям каждого и могли достигнуть своей цели, для сего признав необходимым: предварительно иметь полные сведения о нуждах их; отличить страждущих от терпящих; постановить правила оказанию пособий тем и другим; первым определить оные без возврата, в виде подаяния, другим хотя с возвратом, но чрез такое время, в продолжение коего не чувствительно бы они могли заплатить то, что будет им выдано; и наконец, обеспечить казну в верном возврате выданных им сумм. Все сие, конечно, никто лучше и правильнее распорядить не может, как то же самое дворянство смоленское, для которого непосредственно предполагается мною вспоможение, составя из себя комиссии по уездам и общую в губернском городе; а вашему трудолюбию и известной мне чувствительной душе вашей препоручаю наблюсти за всем оным. Вследствие сего вы не оставите дать от себя нужные правила к составлению комиссий, действуя в прочем чрез гражданского губернатора и губернского предводителя и требуя от всех мест и лиц нужных вам сведений».

7 ноября 1824 года в Санкт-Петербурге случилось невиданное прежде по своему масштабу наводнение. Оно стало громадным бедствием для тысяч людей, которые в результате его лишились имущества и крова над головой. Многие из жителей столицы погибли в наводнении. На следующий день, 8 ноября, граф Аракчеев писал императору Александру:

«Я не мог спать всю ночь, зная ваше душевное расположение, а потому и уверен сам в себе, сколь много ваше величество страдаете теперь о вчерашнем несчастье. Но Бог, конечно, иногда посылает подобные несчастья и для того, чтобы избранные Его могли еще более показать страдательное свое попечение к несчастным. Ваше величество, конечно, употребите оное в настоящее действие. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательные, для подаяния помощи беднейшим, а не богатым. Подданные ваши должны вам помогать, а потому и осмеливаюсь представить мои мысли.

Вашим, батюшка, благоразумным распоряжением с моими малыми трудами составлен довольно знатный капитал военного посе-

ления. Я, по званию своему, не требовал из онаго даже столовых себе денег. Ныне испрашиваю в награду себе отделить из онаго капитала один миллион на пособие беднейшим людям. За что, конечно, Бог поможет делу сему с пользой для отечества и славой вашего величества еще лучшим образом в исполнении своем продолжаться.

Учредите, батюшка, комитет из сострадательных людей, дабы они немедленно занялись помощью беднейшим людям. Они будут прославлять ваше имя, а я, слыша оное, буду иметь лучшее на свете сем удовольствие».

Император отвечал в тот же день: «Мы совершенно сошлись мыслями, любезный Алексей Андреевич! А твое письмо несказанно меня утешило, ибо нельзя мне не сокрушаться душевно о вчерашнем несчастье, особливо же о погибших и оплакивающих их родных. Завтра побывай у меня, дабы все устроить. Навек искренне тебя любящий Александр».

Подобными письмами государь и Аракчеев обменивались друг с другом регулярно, причем особенно часто в последние десять лет царствования. Знал бы об этих письмах Ф. Ф. Вигель, верно, не заявил бы в своих «Записках», что граф Аракчеев был употреблен Александром в конце своего царствования «как мщение всему Русскому народу». И Лев Толстой, знай об Аракчееве более того, что общалось о нем в мемуарной литературе, верно, не представил бы его в «Войне и мире» человеком, «не умеющим выражать свою преданность иначе как жестокостью». И не появилось бы в его романе следующих строк: «В механизме государственного организма нужны эти люди, как нужны волки в организме природы, и они всегда есть, всегда являются и держатся, как ни несообразно кажется их присутствие и близость к главе правительства. Только этой необходимостью можно объяснить то, как мог жестокий, лично выдиравший усы гренадерам и не могший по слабости нервов переносить опасность, необразованный, непридворный Аракчеев держаться в такой силе при рыцарски-благородном и нежном характере Александра»¹.

При чтении мемуаров, писанных современниками Аракчеева, и трудов историков возникает ощущение, что никто и никогда в России не был ненавидим так, как ненавидели этого человека. Но содержание писем, которые писались в адрес графа, показывает, что мало на кого из русских сановников изливалось при их жизни столько

¹ Эта характеристика графа Аракчеева была дана Л. Н. Толстым в первой части третьего тома романа «Война и мир».

елейных слов, сколько лилось на Аракчеева в последнее десятилетие Александрова царствования. Алексей Андреевич заботливо собирал эти письма — как будто хотел предъявить их немилосердному к нему обществу: если я действительно так плох, как говорят повсюду в России, то почему мне слали *такие* письма?!

Современники Аракчеева легко вспоминали впоследствии, сколько эпиграмм на графа ходило тогда в России: «Девиз твой говорит, Что предан ты без лести. Поверю. — Но чему? — Коварству. Злобе. Мести». «Не имев ни благородства, ни чести, можешь ли быть *предан без лести*!» (авторы обеих неизвестны). И какие злые сатиры сочиняли «благородные» люди: «Надменный временщик, и подлый и коварный, Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный, Неистовый тиран родной страны своей, Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!»¹ Но не хотели вспоминать современники, сколько писалось в адрес графа хвалебных од. К примеру, перед Новым 1820 годом Алексей Андреевич получил такое вот стихотворение — причем от человека, не назвавшего себя:

Отец своих крестьян, примерный Господин,
Так в Грузине тебя душой все называют.
Друг правды, друг Царя, России верный сын
Соотчичи зовут и так тебя все знают.
Но не хвалы тебя — заслуги возвышают.
Так просто, без затей, скажу я толк здесь мой —
Боярин русской ты прямой.

А уж сколько получал граф поэм в прозе — и вовсе не счесть! Барон В. И. Штейнгейль поздравлял его письмом от 1 января 1819 года с Новым годом: «Сиятельнейший граф! Удостоите принять сие поздравление с тем же милостивым снисхождением, с тою же благосклонностью, какими Вашему Сиятельству благоугодно было лично меня очаровать. Простите великодушно, что осмеливаюсь так выразиться: будучи вскормлен в Камчатке, воспитан в Морском корпусе и потом образован единственно горестными опытами в диких и отдаленных странах Сибири, я не обык иначе говорить, как по чувствам моего сердца. И если б они не были чисты, благородны, бескорыстны, я не смел бы взирать на Вас, не только беспокоить столь высокую особу уверениями в том, что до конца дней сохраню к Вашему

¹ Из сатиры К. Ф. Рылеева «К временщику».

Сиятельству чувствование живейшей благодарности, искренней преданности и нелестного глубочайшего почтения, с коими честь имею пребыть»¹.

«Сиятельнейший граф! — восклицал в письме к Аракчееву от 5 января 1819 года Петр Коваленский. — Рука ваша открыла меня из пыли; она пробудила слабые мои способности; она озарила их всемилостивейшим вниманием с Престола. От сей Благодетельной десницы чаю себе развития и в силе умственной и в бодрости духа. Осмеливаюсь воззвать на жребий мой могучее вашего сиятельства предстательство»².

Столь же возвышенную поэму слал Аракчееву под Новый 1825 год некто Александр Яковлев из Холуницкого Завода: «Сиятельнейший граф, Милостивейший Государь и Благотворитель! Минувший в вечности! Но все добрые дела людей останутся для потомства в будущность — примером. На скрыжалех истины вижу я вписанное Имя Вашего Сиятельства. Да сияет оно светом немерцаемым и на сей Новый Год! и на многие будущие. Забывая прошедшие горести брэнной жизни моей, объемлемый восторгом надежной радости в излиянии сердечных моих преданных к Вам чувств, поздравляю Ваше Сиятельство с Наступающим Новым Годом».

Чаще всего хвалебные оды и поэмы в прозе писались в адрес Аракчеева ко дню его рождения, к Новому году или Пасхе. Но нередко желавшие излить свои чувства находили для этого иной повод.

Так, издатель Василий Григорович посылал Алексею Андреевичу шесть книжек издававшегося им «Журнала изящных искусств» и при этом счел необходимым написать ему о своих чувствах: «Вам, сиятельнейший граф, я представляю мое произведение, ибо вы любите все отечественное, любите труды полезные и смею надеяться, что Ваше Сиятельство удостоите снисходительного внимания вашего и издание и издателя. Приучась с младенчества моего видеть в особе вашей вельможу-патриота, я счастливым себя почитаю, что могу ныне хотя слабым образом изъяснить вам чувства глубочайшего моего высокопочитания и преданности беспредельной». Очевидно, что автор этого письма был предельно искренен в своих чувствах к

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 121. Л. 70–71. Опубликовано в издании: *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Том 1: Записки и письма. С. 191.

² РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 121. Л. 43.

Аракчееву, который любил все отечественное и являл собой редкий в России тип вельможи-патриота.

Николай Бестужев-Рюмин, узнав, что Аракчеев, знакомый с ним в свои молодые годы, помнит его, буквально зашелся от радости. Выражая ее в письме к графу, он писал 9 января 1819 года из Вологды: «Глубочайшее почтение и совершенная преданность моя к особе Вашего Сиятельства всегда были и есть неограниченны, и оные от искренности души моей изъявлять много крат намеревался и столько ж крат робел и не осмеливался, даже и после того, когда усерднейшая благодарность бы моя меня обязывала, за сделанный вопрос обо мне у человека моего, ехавшего мимо Грузина, но как осмелиться обременить, представлял себе. Зная, что вашего сиятельства и усердная служба, возводя вас к славе имени вашего, а вместе с оною и обременяя делами и как думать и надеяться могу, чтоб вы, ваше сиятельство, Милостивейший Государь, имели время вспомнить в счастливую молодость вашу знакомым меня, бывшего всегда вам преданным и почитающим вас. Сиятельнейший Граф! Я ничего не желаю более как только того, что естли изволите таковым меня вспомнить и тем самым обновить жизнь мою и снова ошастливить преданнейшего всегда вам душою и сердцем»¹.

Алексей Андреевич принимал лесть не без удовольствия, для саванника лесть не просто хвала, а и признак могущества: льстят — значит, признают, что ты в чести и силе, перестанут льстить — готовься к отставке. Но если кто надеялся одной лестью завоевать или восстановить благорасположение к себе Аракчеева, тот глубоко ошибался. Сделать сие можно было прежде всего усердием, рвением по службе, лучшим исполнением дел, как не раз указывал сам граф. Это хорошо понимал генерал А. П. Ермолов, назначенный в 1816 году командиром отдельного Грузинского (с 1819 года — Кавказского) корпуса и управляющим гражданской частью на Кавказе. «Вашему сиятельству, как благодетелю моему и милостивому начальнику, — писал Ермолов Аракчееву в январе 1817 года, — предложит труд дать мне ваше наставление и поддержать меня вашим покровительством, справедливым и сильным. Я смею уверить вас, что ничего не сделаю, что было бы не достойно вашей защиты, а в важных случаях всегда спрошусь прежде. Но впрочем, сколько ни лестно место мое, но лучше лишусь его, нежели занимать буду бесполезно и слабо, ибо я тверд в моих правилах».

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 121. Л. 109.

Вступивший в службу без покровителей, вынужденный находить себе их сам, Алексей Аракчеев рано выработал в себе способность чувствовать и понимать людей. С годами эта способность в нем только усовершенствовалась. Он легко отличал истинные душевные движения от ложных, естественные чувства от искусственных, напускных.

М. М. Сперанский, слывший за человека крайне осторожного во взаимоотношениях с людьми, по-особенному был осторожен в общении с Аракчеевым. Кому другому Михайло Михайлович мог предложить обыкновенную лесть — милостивого государя графа Алексея Андреевича он потчевал лестью изысканнейшей, обильно политой соусом уверений в искренности и чистоте помыслов.

«Получив известие о покупке в казну Великополья, спешу принести вашему сиятельству благодарность искреннюю, совершенную, — обращался Сперанский к Аракчееву из Пензы 18 марта 1819 года. — Слово дано человеку для выражения его мыслей; но лесть и страсти так его обезобразили, что теперь для выражения истинных чувств благодарности осталось почти одно молчание. Я бы не молчал в Грузии: там по лицу умеют различить истину от лести, и правдивый характер хозяина дает и гостям пример и наставление».

27 марта 1825 года Михайло Михайлович писал графу: «Милостивый Государь Граф Алексей Андреевич! С светлым праздником Воскресения Христова приношу вашему сиятельству искреннее поздравление. Праздники, в столице шумные, в Грузии имеют истинное свое достоинство. Там добрые христиане, окружив вас в простоте сердца, без лести скажут вам, как дети отцу: Христос воскрес. Повторю с ними не по обычаю, но по чувству истинному: Христос воскрес и да воскресший на небеси, воскреснет и в сердцах наших верою, надеждою и любовью, тремя величайшими благами, какие могут быть даны человеку»¹.

Трудно сказать, каким образом завелась в России среди ученого люда традиция метить деятелей прошлого этим странным клеймом: «передовой» — «консервативный», «прогрессивный» — «реакционный», «хороший» — «плохой» да сортировать, точно вещи по полочкам: эту — на видное место, на свет, а эту — в дальний угол, во мрак, эту — повыше, как украшение, а эту — вниз, под ноги! Но в се-

¹ Тексты писем М. М. Сперанского к Аракчееву от 18 марта 1819 г. и 27 марта 1825 г. публикуются мною по оригиналам, хранящимся в аракчеевском фонде 154 РГВИА.

редине XIX века она была уже в силе. Аракчеев и Сперанский получили каждый по клейму и соответствующему месту на исторической полке. Аракчеев с клеймом «реакционера» был задвинут в ряды деятелей низшего сорта, а Сперанского в звании «реформатора» и «передового» водрузили на место «светил». Между тем, будучи живыми людьми, они носили в себе и доброе и злое, и передовое и консервативное. В каждом из них столько было намешано самого разного, что, право, можно лишь подивиться той легкости, с какой современники и позднее биографы да историки судили их.

Г. С. Батеньков работал под началом обоих этих людей и, близко с ними соприкасаясь, поэтому составил устойчивое мнение о каждом из них. В воспоминаниях, записанных Гаврилой Степановичем во время заключения в Петропавловской крепости, он рассказывал о том, как осенью 1822 года граф Аракчеев пригласил его в Грузино и уговорил поступить к нему на службу. По словам Батенькова, Сперанский, узнав об этом приглашении, дал ему следующие советы: «1) Ничего никогда с ним не говорить о военных поселениях. 2) Ежели не хочу быть замешан в хлопоты, вести себя у графа совершенно по службе и избегать всех домашних связей. 3) Никогда не давать графу заметить, а лучше и не думать, что я могу кроме его иметь к Государю другие пути»¹. Гаврила Степанович эти советы исполнил в точности и три года служил при графе в качестве статс-секретаря.

Сперанский и Аракчеев предстают в воспоминаниях Батенькова как противоположности — но не добра и зла. А каждый — будто зеркало другому:

«Аракчеев страшен физически, ибо может в жару гнева надеть множество бед; Сперанский страшен морально, ибо прогневить его значит уже лишиться уважения. Аракчеев зависим, ибо сам писать не может и не учен; Сперанский холодит тем чувством, что никто ему не кажется нужным.

Аракчеев любит приписывать себе все дела и хвалиться силою у государя всеми средствами; Сперанский любит критиковать старое, скрывать свою значимость и все дела выставить легкими.

¹ Аракчееву же Сперанский, отправляя Батенькова в Грузино, написал (в письме от 20 августа 1822 г., ныне хранящемся в аракчеевском фонде в РГВИА): «Я ничего не сказывал ему определительного о будущей судьбе его, представил только ему случай приобрести знакомство и естли он успеет и милости ваши, заметив ему одно то с достоверностию, что на настоящем его пути не может он встретить ничего лестного, в чем и сам он кажется мне убежденным, сколь ни велики привязанности его к корпусу, что он довершит свое образование».

Аракчеев приступен на все просьбы к оказанию строгостей и труден слушать похвалы; все исполнит, что обещает. Сперанский приступен на все просьбы о добре; охотно обещает, но часто не исполняет; злоречия не любит, а хвалит редко.

Аракчеев с первого взгляда умеет расставить людей сообразно их способностям, ни на что постороннее не смотрит; Сперанский нередко смешивает и увлекается особыми уважениями.

Аракчеев решителен и любит наружный порядок; Сперанский осторожен и часто наружный порядок ставит ни во что.

Аракчеев в обращении прост, своеволен, говорит без выбора слов, а иногда и неприлично; с подчиненными совершенно искренен и увлекается всеми страстями. Сперанский всегда является в приличии, дорожит каждым словом и кажется неискренним и холодным.

Аракчеев с трудом может переменить вид свой по обстоятельствам; Сперанский при появлении каждого нового лица может легко переменить свой вид.

Мне оба они нравились, как люди необыкновенные. Сперанского любил душою».

* * *

«Подле графа Аракчеева не мог существовать с честью и с пользою никакой министр. С ним ладил только иезуит Сперанский», — обронил в своих «Записках» Н. И. Греч. Николай Иванович выводил свое заключение единственно на основании слухов. Если б мог он заглянуть в переписку двух этих людей, то узнал бы, что между ними в последние годы правления Александра I существовали самые что ни на есть дружеские взаимоотношения.

Обида на Сперанского, вспыхнувшая в Аракчееве в конце 1809 года, прошла сразу, как только Михайло Михайлович был выслан из столицы. Когда в 1816 году опальный сановник обратился к графу с просьбой помочь ему в возвращении на службу, тот охотно на нее откликнулся. Именно благодаря ходатайству Аракчеева государь назначил Сперанского Пензенским губернатором. Во всяком случае, Михайло Михайлович чувствовал себя впоследствии крайне признательным Алексею Андреевичу за это назначение и не уставал писать ему слова благодарности. «Милостивый Государь Граф Алексей Андреевич, — обращался он к Аракчееву в письме от 17 декабря 1818 года. — Приношу вашему сиятельству всеусерднейшее поздравление с Новым годом. Чувство благодарности и приверженности,

столь же искренней как и справедливой, налагает на меня приятную обязанность возобновить при сем случае свидетельство совершеннейшего почитания и преданности, с коими честь имею быть вашего сиятельства покорнейший слуга М. Сперанский».

Назначение в Сибирь генерал-губернатором Сперанского глубоко расстроило — он надеялся вернуться в Петербург. От посторонних людей, в том числе и от императора Александра, Михайло Михайлович постарался скрыть это расстройство. Единственными, кому он признался в истинных своих переживаниях, были его дочь Елизавета и... Аракчеев. «И не благодарно и грешно бы мне было уверять ваше сиятельство, — писал Сперанский графу 5 апреля 1819 года, — что я принял новое назначение мое без горести. Искренность, которая одна может составить всю мою пред вами заслугу, заставляет меня признаться, но признаться вам единственно, что весть сия тронула меня до глубины сердца».

Судя по содержанию данного письма, между Сперанским и Аракчеевым к этому времени существовали уже вполне доверительные отношения. Уверяя графа, что он исполнит возложенное на него поручение с тем же усердием, как бы сам желал его или выбрал, Михайло Михайлович добавлял: «При помощи Божией и милостях Государевых мне нужны к сему две вещи: *первое*, чтоб вы дозволили мне и из Сибири откровенно к себе писать о деле и безделье и, различав одно от другого, одному давали бы ход, другие же отлагали бы в сторону, не ставя мне в вину, естли за 6 т[ысяч] верст всего я не угадаю. *Второе*, чтобы служебные мои донесения, не рассыпаясь по частям, входили прямо к вам и от вас и чрез вас получали бы разрешение... Продолжите, милостивый Государь, ваше благодетельное мне расположение. Я надеюсь, что поведением моим в службе и искреннею моею к вам преданностию оправдаю я все ваши ко мне милости».

Возвращаясь из Сибири в феврале–марте 1821 года, Сперанский ехал в Петербург через Москву. Узнав об этом, Аракчеев поспешил позвать его к себе в Грузино. Когда Михайло Михайлович 15 марта прибыл в Москву, местный губернатор вручил ему письмо графа, которое было написано им еще 2 марта. «Сдержите свое обещание, — писал в нем Аракчеев, — и уведоьте меня, когда вы предполагаете проезжать Новгород, я к тому времени приноворюлю свой приезд в Грузино. Там мы приятно проведем несколько времени в искренней беседе. Вы тогда будете еще свободны от здешнего политического воздуха, а я спокойнее и свободнее приму уважаемого мною человека в любимом мною месте уединения».

Совместная работа в Сибирском комитете над проектами законов для Сибири и нового административного устройства обширного края окончательно сблизила этих двух людей, казавшихся современникам предельно далекими один от другого. 24 января 1823 года Сперанский писал Аракчееву: «Есть пословица: тот половину сделал, кто хорошо начал. С сим благополучным началом и себя, и ваше сиятельство от всей души поздравляю. Уверен в успехе и по единству надежд и желаний, и по искренней, незыблемой моей к вам приверженности».

За все время службы ни с кем из сановников не имел Алексей Андреевич столь теплых отношений, как со Сперанским в последние четыре года Александрова царствования. Михайло Михайлович обращался с графом, словно со своей возлюбленной — предельно ласково и бережно. Был участлив к малейшей смене душевных настроений в нем, малейшему физическому недомоганию. Звал его прозвищем уважительным и нежным: «почтенный и мною чтимый настоятель Грузино» или «добрый пустынник».

Даже деловые письма к Аракчееву Сперанский неизменно начинал с душевных излияний. «Милостивый государь граф Алексей Андреевич! Узнав, что ваше сиятельство прибыли в Грузино не зная еще, когда будем иметь удовольствие видеть вас здесь, поспешаю заочно встретить вас и поздравить с окончанием пути, — писал он графу 27 ноября 1823 года. — Тут действительно есть с чем поздравить после толиких трудов и забот и беспокойствий. Дай Бог, чтоб здоровье от сего не потерпело, и хотя пребывание ваше здесь также не есть отдых, но, по крайней мере, не столь великое изнурение».

28 февраля 1824 года: «Позвольте представить вашему сиятельству на дорогу ящичек лучшего зеленого чая, на сих только днях из Кяхты полученного, и вместе с тем пожелать вам от всей души счастливого пути и скорого к нам возвращения. Не смею занимать вас лично, зная, сколь много вы озабочены, и быв впрочем уверен, что и лично и заочно вы извините не слова, а чувства».

15 апреля 1825 года: «Весьма благодарен вашему сиятельству, что прежде отбытия вашего буду иметь удовольствие еще раз видеть вас и сопроводить теплыми моими желаниями и молитвами Грузинского настоятеля».

В письмах своих к Аракчееву Михайло Михайлович рассказывал новости столичной жизни, делился мнением о тех или иных людях, сообщал о собственном житье-бытье — такие письма пишут дру-

зьям, а не начальникам по службе. 19 августа 1822 года Сперанский сообщал графу, что выдал свою дочь замуж. «Заочно препоручаю зятя моего Александра Алексеевича Багреева в ваши милости», — тут же добавлял он. И граф не оставил зятя Сперанского своим покровительством: при первой же возможности исходатайствовал ему у государя солидную должность — губернатора в Чернигове.

Алексей Андреевич в свою очередь часто приглашал Сперанского к себе в Грузино и не упускал случая выказать ему свою симпатию и уважение. Следующие строки, писанные Алексеем Андреевичем 24 марта 1819 года, пожалуй, самые любопытные в переписке его со Сперанским, если не во всем его эпистолярном наследии.

«Милостивый государь Михаила Михайлович! — писал Аракчеев из Петербурга в Пензу. — Если вы, милостивый государь, на меня сердились за некоторое исполнение вашего препоручения в покупке Новгородского имения, то в оном согрешили, ибо мне приятнее всего угождать вам, потому что я любил вас душевно тогда, как вы были велики, и как вы ни смотрели на нашего брата, любил вас и тогда, когда по неисповедимым судьбам Всевышнего страдали, протестовал против одного, по крайнему моему разумению не только в душе моей, но всюду, где только голос мой мог быть слышан; радовался и концу сего неприятного для вас дела и буду не только радоваться, но и желать вашему возвышению на степень высшую прежней. Вот вам, милостивый государь, отчет в моих чувствах». Далее граф объяснял, почему стал он желать возвышения Сперанского: «Желание мое в оном, по слабости человеческой, основано на следующем: становясь стар и слаб здоровьем, я должен буду очень скоро основать свое всегдашнее пребывание в своем Грузинском монастыре, откуда буду утешаться, как истинно русской, новгородской, неученой дворянин, что дела государственные находятся у умного человека, опытного как по делам государственным, так более еще по делам сует мира сего, и в случае обыкновенного к несчастью существующего у нас в отечестве обыкновения беспокоить удалившихся от дел людей в необходимом только случае отнестись смею и к вам, милостивому государю. Окончу сие письмо тем, что как вы далеко от Волхова ни удаляетесь, не от вас зависеть будет быть близким к дряхлому волховскому жителю, которой пребудет всегда с истинным почтением, вашего превосходительства почкорный слуга».

Не все сказанное в приведенном письме представляется в равной мере искренним. (Можно, в частности, усомниться в правдивости

слов: «Я любил вас душевно тогда, как вы были велики».) Но уважительное отношение Аракчеева к Сперанскому проступает здесь отчетливо. Предчувствие же скорой отставки от службы и близости времени, когда придется ему «основать свое всегдашнее пребывание» в Грузии, граф выражал тогда в целом ряде других писем.

В 1819 году Алексею Андреевичу исполнилось 50 лет. Он и прежде не отличался отменным здоровьем и часто работал при физических недомоганиях. Служебное рвение его всегда превосходило возможности отпущенного ему природой здоровья. Но с этого времени здоровье его стало ухудшаться слишком заметно. Сказывались и возраст, и чрезмерное напряжение в работе. Письма Аракчеева заполнили жалобы на болезни. «Здоровье мое собственно для меня очень плохо», — писал он императору Александру 11 февраля 1821 года. «Боль моя в груди возобновилась во всей ее силе с наступлением сырой погоды и не дает мне ночью пользоваться нужным для подкрепления сил сном», — жаловался граф государю 30 ноября 1822 года. Грудные припадки сделались для него постоянным явлением. К ним добавились и другие хронические болезни. А с ними появилось жгучее беспокойство за дальнейшую свою судьбу.

В таком состоянии вполне естественной была мысль об отставке, но с нею возникал вопрос: если удалится он со службы, кто придет на его место? Зная выдающиеся способности Сперанского к государственной деятельности, слыша беспрестанные жалобы императора Александра на бездарность своих сановников, Аракчеев вполне мог предполагать в Михаиле Михайловиче такого человека, который придет ему на замену. И, думается, он был достаточно искренен, когда уверял Сперанского, что будет «не только радоваться, но и желать» его возвышения «на степень высшую прежней».

В последние годы Александрова правления Аракчеев все более втягивал Сперанского в свои дела. 27 марта 1823 года Михайло Михайлович сообщал графу: «С истинною благодарностию возвращаю вашему сиятельству отчет военных поселений. Я читал его с таким же удовольствием, с каким читаешь путешествия в страны неизвестные. Тот не имеет еще понятия о военных поселениях, кто удивляется их успехам, не зная каких трудов стоили сии успехи. Сколько разнообразных видов, кои надлежит объять и сообразить, сколько неимоверных трудностей, с коими должно было бороться».

3 апреля 1824 года Сперанский прислал Аракчееву записку: «Честь имею представить вашему сиятельству первое начертание введения к учреждению военных поселений».

Год спустя Михайло Михайлович издал брошюру о военных поселениях, в которой полностью оправдывал данное учреждение, насаждавшееся в России Александром I с помощью Аракчеева.

* * *

В последнее воскресенье марта 1834 года Сперанский принимал у себя Пушкина. Александр Сергеевич в это время страстно интересовался русской историей, и потому беседа между ним и старым сановником закружилась вокруг событий прошлого. Михайло Михайлович рассказал пытливому поэту-историку о своем изгнании в 1812 году. Разговор естественно перекинулся на начало царствования Александра, так много обещавшее в то время, когда Сперанский, молодой чиновник Министерства внутренних дел, работал над проектами реформ. «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, *как гении Зла и Блага*»¹, — сказал Пушкин своему собеседнику. Сперанский отвечал комплиментами и советовал Пушкину писать историю своего времени.

А ведь знал сановник-лис, что не так прост был граф Аракчеев и не так уж и мал, дабы можно было объять его двумя словами — «гений Зла». Знал Сперанский, что он, слывший «передовым» человеком, не настолько был далек от Аракчеева, чтобы зваться — в противность ему — «гением Блага»! Знал, но не сказал об этом...

¹ У Пушкина в дневнике выделена вся эта фраза.

Глава тринадцатая

«Аракчеевщина»: явление второе

Едва успела закончиться война в Европе, как император Александр снова заговорил об организации в России военных поселений. Уже летом 1814 года он обсуждал эту тему с графом И. О. Виттом¹. Нелегко проникнуть в ход мысли другого человека, особенно такого, каким был Александр I, но, вероятно, три основных мотива двигали им в данном случае.

Во-первых, необходимость уменьшить расходы на содержание армии. Война истощила финансовые ресурсы России, она разорительным смерчем прошла по целому ряду российских губерний. Требовались немалые деньги для оказания помощи их жителям.

Во-вторых, стремление облегчить жизнь ратникам. В изданном 30 августа 1814 года Манифесте «Об учреждении крестов, для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях» его величество заявил: «також надеемся, что продолжение мира и тишины подаст Нам способ не токмо содержание воинов привести в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства»².

В-третьих, к созданию военных поселений Александра I могло побуждать желание обеспечить свой трон надежной опорой в лице солдат-поселян. Дворянская гвардия, утратившая в ожесточенных сражениях последней войны способность испытывать страх перед чем-либо или кем-либо, зараженная вольнодумством и проникнутая

¹ В РГВИА хранится «Записка графа Витта о военном поселении» (Фонд 405. Оп. 1. Д. 509).

² Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 62.

мыслями о лучшем устройстве государственной власти, перестала казаться российскому самодержцу такой опорой.

5 августа 1816 года император Александр издал Именной указ, данный Новгородскому гражданскому губернатору, «О выведении на постой одного батальона Гренадерского графа Аракчеева полка, Новгородского уезда в экономическую Высоцкую вотчину и об отделении сей вотчины из владения земской полиции»¹. Содержание этого высочайшего указа не могло не показаться странным губернатору Николаю Назаровичу Муравьеву. Пребывавший в Петербурге государь заявлял в нем буквально следующее: «Тесное помещение здесь войск, по недостатку казарм, побуждает меня вывести отсюда один батальон Гренадерского графа Аракчеева полка² и расположить его в веренной вам губернии, Новгородского уезда, в экономической Высоцкой волости». Сами по себе эти слова ничего удивительного не содержали — если не хватает казарм в столице, отчего не расположить воинов в другом месте, вблизи от нее, неподалеку от имения шефа их полка графа Аракчеева. Но за сообщением императора о расположении войск, из-за недостатка казарм в Петербурге, в Новгородской губернии следовало несколько конкретных его распоряжений. Александр I предписывал губернатору приказать земской полиции, чтобы на время пребывания батальона в отведенном ему месте она не имела «никакого влияния на управление Высоцкой волости и считала оную так, как бы исключенною из ее зависимости, и не иначе въезжала в волость сию, как тогда только, когда батальонный командир признает нужным»³. Данное предписание государь объяснял своим желанием предотвратить неудобства, которые может причинить населению одновременное подчинение двум разным

¹ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 90–91. Н. К. Шильдер и великий князь Николай Михайлович в своих биографиях императора Александра Первого называют почему-то в качестве даты издания указа на имя Новгородского гражданского губернатора о выведении на постой в Высоцкую волость батальона гренадерского графа Аракчеева полка 1815 г. (см.: *Шильдер Н. К. Александр Первый, его жизнь и царствование*. Том 4. СПб., 1905. С. 26). Это явная ошибка. В «Полном собрании законов Российской империи» данный указ стоит под 1816 г. См.: 1-ПСЗРИ. Том 33. № 26389. С. 974–975.

² Имя графа Аракчеева данный полк стал носить с 30 августа 1808 г. — со дня назначения Алексея Андреевича его шефом. До этого он именовался Ростовским мушкетерским полком. Это был один из старейших в России полков, сформированный по приказу Петра I генералом князем А. И. Репниным. Официальной датой рождения полка считалось 25 июня 1700 г.

³ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 90.

властям — гражданской и воинской. Однако далее император сообщал губернатору, что его администрация освобождается не только от надзора за порядком в Высоцкой волости, но и от наблюдения «за исполнением рекрутской, почтовой и всех прочих общественных земских повинностей, какого бы они наименования ни были». «Самый сбор государственных податей, — предписывал Александр губернатору, — прикажите прекратить, начав со второй половины сего года»¹.

В тот же день — 5 августа 1816 года — Александр I подписал Именной указ, данный министру финансов, «Об исключении из числа казенных имений в военное управление экономической Высоцкой волости, состоящей в Новгородской губернии». Обращаясь к министру финансов Д. А. Гурьеву, император приказывал: «Из прилагаемого здесь в копии указа Новгородскому гражданскому губернатору, увидите вы намерение Мое в рассуждении экономической Высоцкой волости, в Новгородской губернии. Как на сем основании сбор государственных податей с сей волости производим уже будет военным начальством, то вы не оставите предписать Новгородской казенной палате прекратить оный по ее распоряжению, начав со 2-й половины сего года, ежели бы подати сии не были еще собраны, и впредь ежегодно зачитать оные в счет сумм, следующих Военному министерству по сметам на годовой круг воинских расходов; до какой же суммы ныне они простираются, донести Мне»².

Таким образом, располагая один батальон гренадерского графа Аракчеева полка в Высоцкой волости из-за такой незначительной причины, как недостаток казарм в Петербурге, император Александр вносил значительные перемены в статус как самой этой волости, так и ее населения. В этом-то и заключалась странность его Именного указа, данного на имя Новгородского гражданского губернатора 5 августа 1816 года. В нем не говорилось о том, что размещением батальона гренадерского графа Аракчеева полка в Волоцкой волости начиналось создание военного поселения. Догадаться об этом можно было лишь из текста другого небольшого указа, изданного императором также 5 августа 1816 года, но на имя Военного министра. Его величество предписывал в нем следующее: «Находящимся при нижних чинах одного батальона Гренадерского Графа Аракче-

¹ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 91.

² Там же.

ева полка, располагаемого в Высоцкой волости, женам и детям производить в месяц по два четверика муки, по требованию батальонного командира, на том основании, как производится женам и детям *поселенного батальона* Елецкого пехотного полка, начав с 1 сентября сего года» (курсив мой. — В. Т.).

Приступая к созданию военных поселений, император Александр действовал очень осторожно — в манере, присущей его натуре. Он старался, насколько возможно, скрыть истинный замысел расположения войск в Новгородской губернии даже от Новгородского гражданского губернатора¹. В качестве места поселения батальона его величеством была выбрана (скорее всего, с подачи Аракчеева) территория, располагавшаяся неподалеку от столицы — в волости, земли и крепостные крестьяне которой принадлежали казне. Кроме того, Новгородская губерния была густо покрыта лесами, через нее текли судоходные реки: здесь не могло быть недостатка в строительном материале и не могло возникнуть проблем с доставкой требуемых для войск материалов в места расположения батальона.

В дальнейшем Александр I продолжал действовать при организации военных поселений размеренно и осторожно. Поселение батальонов и полков растягивалось на годы и происходило по мере строительства необходимых зданий. При этом, однако, никаких сомнений относительно полезности военных поселений император не выказывал. Он был уверен в благих последствиях затеянного им дела. В четвертом, последнем пункте Именного указа от 5 августа 1816 года ««О выведении на постой одного батальона Гренадерского графа Аракчеева полка...» Александр предписывал Новгородскому гражданскому губернатору: «Дабы можно было в свое время увидеть, до какой степени улучшено будет состояние крестьян Высоцкой волости новым распоряжением (о размещении здесь батальона. — В. Т.), я полагаю для сего необходимо нужным поручить надежному с вашей стороны чиновнику обще с батальонным командиром Гренадерского графа Аракчеева полка² осмотреть сию волость

¹ Можно предполагать, что Н. Н. Муравьев все же был осведомлен о плане создания в Волоцкой волости военного поселения. Он был на коротке с Аракчевым и пользовался его покровительством. По протекции графа Николай Назарович стал 10 декабря 1812 г. Новгородским вице-губернатором, по его же протекции был сделан 8 августа 1815 г. губернатором.

² В то время им был майор Федор Карлович фон Фрикен. Граф Аракчеев подружился с ним и его супругой и до конца своих дней будет вести с этим семейством интенсивную переписку.

и сделать подробную опись имуществу крестьян, какое у каждого из них окажется в нынешнем их положении, как в скоте и хлебе, так и в самом строении, разделив сие последнее на хорошее, посредственное и худое; и один экземпляр сей описи отдать батальонному командиру, а другой хранить в Казенной палате»¹. Александр I допускал только один исход затеянной им реформы — улучшение положения воинов и крестьян, сомневаясь лишь в том, до какой степени доведет поселение войск этот процесс.

По сравнению с военными поселениями 1810–1812 годов в Могилевской губернии новые военные поселения, заложенные на Новгородской земле осенью 1816 года, организовывались по-иному. Местные жители не изгонялись на чужбину, а зачислялись в категорию военных поселян. Их присоединяли к поселенным воинам и распределяли по уже существовавшим на тот момент ротам, батальонам или эскадронам. Превращенных в военных поселян крестьян облачали в форменную одежду и обязывали, помимо выполнения хозяйственных работ, ходить на строевые учения. Приобретая дополнительные обязанности, такие крестьяне получали и установленные для военных поселян права и льготы. Некоторые из этих льгот упомянуты в вышеприведенных указах императора Александра — это освобождение от государственных податей и надзора земской полиции, а также снабжение определенным количеством муки и других продуктов из запасов Военного министерства. Кроме того, всем поселянам, как взрослым, так и детям, гарантировалось бесплатное медицинское обслуживание в госпиталях, которые специально для этого создавались на территории военных поселений; все они обеспечивались домами с постройками, скотом и участками земли для ведения хозяйства, жалованьем из казны и гарантированной государственной помощью в случае неурожая или гибели скота.

Дети военных поселян зачислялись с шестилетнего возраста в категорию кантонистов. С восьми лет они должны были посещать школу, в которой обучались грамоте, письму, арифметике и другим предметам, а также разного рода ремеслам. Обучение длилось до достижения учащимися 16–18 лет. В качестве учителей в первые четыре года обучения выступали образованные унтер-офицеры, потом учеба кантонистов переходила в руки батальонных офицеров или специально нанятых учителей. Естественно, что в школах военных

¹ Законодательство императора Александра I. 1812–1825 годы. С. 91.

поселений поддерживался строгий порядок. А. К. Гриббе, служивший в поселенном батальоне гренадерского графа Аракчеева полка, вспоминал о том, какая дисциплина существовала в таких школах. По его словам, «каждый день, утром, дежурный по роте офицер отправлялся в ротную школу, где учитель встречал его рапортом об успеваемости учащихся и представлял список присутствовавших кантонистов, которые при этом осматривались».

Аракчеев был очень заботлив по отношению к кантонистам: посещая школы, обращал внимание и на самые мелкие детали их быта. Проверял, чтобы детям вовремя выдавали новую одежду, если старая изнашивалась или стала тесной. Особо внимательно смотрел, как и чем питаются учащиеся, досыта ли их кормят. И следует отметить: в местах, где граф бывал, детей военных поселян, как, впрочем, и взрослых, кормили намного лучше, чем там, куда он по каким-то причинам не наведывался. Сам Алексей Андреевич вспоминал впоследствии: «Когда я заведовал батальонами военных кантонистов, то их кормили отлично, потому что у меня такое обыкновение: если щи не хороши, то я и велю выворотить котел на голову эконома».

Аракчеев старался всячески поощрять отличную учебу кантонистов. Некоторые из тех, которые учились успешно, посылались по его распоряжению для продолжения учебы в гимназии или даже в Военно-учительский институт, устроенный в Новгородской губернии специально для подготовки учителей школ военных поселений. Но многие из успешно окончивших курс обучения в таких школах направлялись для продолжения учебы в военные учебные заведения и получали какую-нибудь военную специальность. Кантонист, с отличием окончивший школу военного поселения, превосходил по своим знаниям многих из служивших в то время офицеров.

Период формирования системы военных поселений длился около пяти лет. Он завершился в 1821 году созданием Отдельного корпуса военных поселений. Главным начальником его стал граф Аракчеев. Смерть помешала императору Александру исполнить весь свой замысел с поселением войск. Но по многим признакам можно сделать вывод, что это был замысел грандиозной реформы, целью которой являлось устройство на новых началах как русской армии, так и крестьянского общества. О предполагавшемся масштабе преобразования свидетельствует содержание записки Аракчееву, начертанной его величеством 14 января 1822 года: «Пришли мне общую карту предполагаемого поселения всей армии», — писал Александр.

Как бы то ни было, даже в том объеме, в котором указанная реформа была осуществлена на практике, она так или иначе затронула судьбы не одного миллиона человек¹. На достаточно обширной территории, в различных частях Российской империи — в Великороссии, Белоруссии и Малороссии — учреждалось целое общество со своими органами управления, своими законами, своими порядками, своей экономикой — своего рода государство в государстве.

При этом неизбежно нарушались традиции народной жизни — сложившаяся в течение веков организация крестьянского быта. Поэтому военные поселения приобрели в крестьянской среде дурную славу. Обращавшиеся в военных поселян крестьяне как могли противостояли тому, что они считали несчастьем. В октябре 1817 года, когда императорская фамилия ехала в Москву, несколько сот крестьян вышли из леса и остановили великого князя Николая Павловича, подступив к нему с просьбой защитить их от издевательств. Некоторые из них, увидев императрицу-мать Марию Федоровну, подошли и к ней с той же просьбой. Они говорили, что готовы стерпеть любые лишения, только бы их оставили в покое. Прибавь нам подать, просили крестьяне, требуя из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все и выведи нас в степь — мы охотнее согласимся, у нас есть руки, мы и там примемся работать и там будем жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай всех нас солдатами!

Вероятно, были среди простого народа и другие настроения, которые выражали более терпимое или даже положительное отношение к военным поселениям, но точных сведений о них не сохранилось. Можно лишь догадываться на основании некоторых косвенных признаков о том, что не все здесь было так единообразно, как это обыкновенно изображается в литературе. Известно, что в военные поселения, особенно располагавшиеся в Новгородской губернии — под непосредственным надзором самого Аракчеева, прибывали из разных мест сотни крестьян с единственной просьбой принять их в ряды военных поселян. Конечно, в военных поселениях неоднократно бывали возмущения и даже восстания. Но следует заметить, что восставали крестьяне, как правило, лишь в первые после учреждения военных поселений годы и в основном на юге, где жизненный уровень крестьянства был выше. Следует иметь в виду, что

¹ Точное количество военных поселян до сих пор неизвестно. Чтобы установить его, необходима многолетняя кропотливая работа с архивными документами.

бунты и восстания случались и в обычных поселениях. Было ли их в военных поселениях больше, чем в невоенных, — вот в чем вопрос. Кто знает ответ на него?

Реакция дворянского сословия на поселение войск оказалась различной до крайностей. Декабрист М. А. Фонвизин писал в мемуарах, что «учреждение военных поселений, на которые издержаны были многие миллионы без всякой пользы, было предметом всеобщего неодобрения»¹. Действительно, многие из дворян отрицательно отнеслись к военным поселениям, однако говорить, что учреждение военных поселений являлось предметом «всеобщего неодобрения» — значит пойти против правды. Наряду с голосами протеста в дворянском обществе раздавались многочисленные возгласы одобрения. И эти последние были слышнее первых.

«Поселение военных — мысль великая и государству полезная. Надобно с твердостью и не отлагая к дальнейшему времени приводить в исполнение», — писал Аракчееву 19 апреля 1817 года друг его М. В. Храповицкий. «Успехи опытов воинского поселения, — заявлял в письме к графу от 24 мая того же года В. П. Кочубей, — не могут не быть приятны всем тем, кои, умея размышлять и зная государство, должны удостоверены быть, что без таковых или иных вспомогательных распоряжений нет никакой возможности содержать от 700 до 900 тысяч войска, всегда готового в продолжении долгого времени». Граф Н. П. Румянцев высказывал свое мнение в письме Аракчееву от 20 августа 1817 года: «Начатое вами воинов наших поселение будет иметь важное последствие, хотя не скоро: не взростя дерева, плодов снять нельзя, а до тех пор надо приготовиться ко всяким рассуждениям и толкам, даже к нареканию и недоверчивости».

Настроения многих из тех, кто поддержал затею с поселением войск, хорошо выразила императрица Елизавета Алексеевна. В июне 1820 года в письме к своей матери она заметила: «Устройство военных поселений несколько сходно со способом действия победителя в покоренной стране, я не могу не согласиться, что это на самом деле произвол, но во многих отношениях столь же очевидна и польза, какую это мероприятие может в будущем принести государству». Не только обыкновенные люди, но и те, которые слыли «передовыми», исповедовали убеждение, что всякая мера, способная принести благо, должна проводиться, несмотря ни на какие препят-

¹ Записки Фон-Визина, очевидца смутных времен царствований Павла I, Александра I и Николая I. Лейпциг, 1859. С. 151.

ствия. Самое жестокое насилие казалось оправданным, если преследовало благую цель.

Переписка Аракчеева с государем показывает, что устройство военных поселений являлось для Александра едва ли не главным делом жизни. Внимание, которое он оказывал данному учреждению, было безмерным. Он желал знать буквально обо всем происходившем в военных поселениях, а граф старался сполна удовлетворить это его желание. «По милости Божией, во всех военных поселениях, слава Богу, смирно, тихо и благополучно», — сообщал Аракчеев государю 11 февраля 1821 года. «В военных поселениях везде, слава Богу, благополучно», — докладывал он императору 4 марта того же года. Спустя неделю: «Благодарю Бога, во всех военных поселениях благополучно, смирно, тихо и спокойно».

В начале июня 1817 года в военных поселениях намечалось важное событие. 27 мая Аракчеев сообщал Александру: «Я приказал шить мундиры для детей на три роста, и когда они окончены будут, то раздам во все деревни и прикажу всем детям быть одетыми в один день с приказанием, дабы они никогда другого платья не носили, кроме мундиров, употребляя оные и во всех работах. Сей опыт еще покажет расположение жителей, после чего я и буду иметь счастье донести Вашему Величеству».

«Счастье донести» представилось через десять дней. 6 июня Алексей Андреевич писал императору Александру: «В военном поселении, слава Богу, все благополучно, дети военных поселян от 6-ти до 18-ти лет все обмундированы. Обмундирование, по распоряжению моему, началось в один день; в 6 часов утра, при ротных командирах в четырех местах вдруг, и продолжалось таким образом к центру из одной деревни в другую, при чем ни малейших неприятностей не встречалось, кроме некоторых старух, которые плакали, думая, что вместе с обмундированием возьмут от них детей; но когда увидели, что, одевши, отдали им детей и приказали в то же время заниматься по-прежнему крестьянскою работою, то и они успокоились. Касательно же обмундированных детей, то на них я любовался; они стараются поскорее окончить свои работы, а возвратясь домой, умывшись, вычистят и подтянут свои платья и немедленно гуляют кучами из одной деревни в другую, а когда с кем повстречаются, то становятся сами уже во фрунт и снимают шапки. Крестьянам же главное полюбилось то, что дети их все почти в один час были одеты, говоря, что от одного одному против другого не обидно».

Всего примечательнее в приведенном письме — его тон. С каким умилением описывал Аракчеев событие в сущности незначительное — облачение детей в мундиры! Надо полагать, Александр читал подобные письма с неменьшим умилением.

Иногда его величество, желая убедиться в том, что дела в военных поселениях идут так, как граф докладывал, заявлялся туда собственной персоной. О приезде государя в военных поселениях обыкновенно знали заранее и тщательно к нему готовились. Аракчеевым был расписан специальный церемониал встречи высочайших лиц, который регулярно поселянами отработывался.

При въезде Александра I на территорию какого-нибудь полка его встречал полковой командир с рапортом о состоянии всего полка. На окраине каждой деревни у дома под номером первым стоял ротный командир, приносивший его величеству рапорт о состоянии своей роты. При проезде августейшей особы по деревне все поселяне вместе со своими семьями — женами и детьми — стояли ровными рядами перед фасадами своих домов. Мужчины и мальчики-подростки — в мундирах и фуражках, женщины, девочки и малые дети — в праздничных одеждах. И все кричали дружно «ура» или «здравия желаем».

Перед некоторыми домами государь останавливался, входил в дом, смотрел быт поселенцев, отведывал кушанье, приготовленное хозяевами. За прием и угощение хозяйка дома получала от его величества нарядный, обшитый серебряной бахромой сарафан, стоивший не менее 150 рублей. Об этом подарке в последующие дни объявлялось в специальном приказе по полку. Называлось имя хозяйки и пояснялось, что награды сей она удостоена за примерный порядок в хозяйстве.

Спустя неделю или через две после высочайшего смотра в полк еще раз наведывался Аракчеев. Назначался развод с церемонией. Все выстраивались, подтянутые, в выстиранном и выглаженном обмундировании, и с трепетом ждали явления грозного временщика народу. Тишина была такой, что слышалось жужжание мух. Старшие офицеры собирались на правом фланге, лишь они позволяли себе вполголоса переговариваться, гадая, кому какая награда достанется. Строевые офицеры прохаживались вдоль рядов, равняя их, подправляя одежду и снаряжение на солдатах. Без подзатыльников и зуботычин, понятно, не обходились, но били осторожнее, чем обычно, и ругались мягче.

Наконец по рядам проносился шепот: «Идет!» И являлся Аракчеев. Раздавался барабанный бой. Граф подходил к строю и грубым,

гнусливым от хронического насморка голосом произносил: «Здорово, гренадеры!» — и под крики «здравия желаем!» и звуки ответственного марша шел вдоль строя, осматривая ряды солдат и офицеров. При этом, конечно же, делал замечания, поругивал, побранивал кого следовало. Бывало, остановится перед офицерами-преподавателями в треуголках, торжественная музыка сразу смолкнет, и по плацу разносится гнусавый аракчеевский голос: «Вы дураки! Не знаете, как надо встречать начальника! Вы должны были поднять левую руку к шляпе!» И тут же приказание командиру полка: «Обтесать этих болванов!» Так с руганью, со словами «дурак», «болван», «нечесанный чурбан» и т. п. граф обходил весь строй. Затем по его приказанию под музыку оркестра на середину строя выносился огромный серебряный поднос, покрытый роскошной салфеткой. Аракчеев подходил, поднимал салфетку, брал с подноса бумагу и громко читал: «Государь император, осмотрев вверенные мне войска, изволил найти их в отличном состоянии, как по фронтовой, так равно и по хозяйственной части; почему за ревностное и неусыпное старание нижепоименованных начальствующих лиц, представленных от меня к наградам, все милостивейше жалует...» Далее граф называл имена — названные подходили к нему и получали кто орден, кто табакерку или еще что другое, но чаще — просто некоторую денежную сумму.

Раздавая награды, его сиятельство обращался к остальным с объявлением: «Государь император поручил мне изъяснить вам высочайшее его благоволение за вашу усердную службу». Затем он поздравлял всех получивших награды с монаршей милостью, и на этом церемония заканчивалась.

Десятилетия непрерывного интенсивного труда выработали в Аракчееве одно качество, с особой силой проявившееся в нем как раз в деле по устройству военных поселений, — основательность: если Алексей Андреевич брался за что-либо, то брался солидно, с размахом. Именно так — основательно, размашисто — устраивал граф военные поселения. Организацию их и деятельность он не пускал на самотек. В первые же годы сей великой эпопеи им было разработано не менее трех десятков разнообразных «положений», «правил» и «уставов», по которым должна была строиться жизнь военных поселян: их быт, работа, взаимоотношения с начальством и т. п. Помимо положений общего характера Аракчеев создал массу конкретных инструкций. Среди созданных им документов были положения о конских заводах и заводах крупного рогатого скота, о заемных ка-

питалах и запасных магазинах, о паровом лесопильном заводе и пожарных инструментах. Было «Положение для парохода военных поселений, действующего двумя паровыми машинами, каждая противу 12½ лошадей», «Устав как должно прилагать о воинстве на ектениях при богослужении в церквях военного поселения». Первым крупным сочинением подобного рода стало «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка, сделанное генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии графом Аракчеевым в селе Грузине на реке Волхове 1815 года 1 Генваря»¹.

Выполняя поручение императора, Алексей Андреевич постарался на славу: предусмотрел в названном Положении такие детали быта военных поселян, которые кто-то другой наверняка упустил бы из виду. В каждую из тридцати девяти статей этого документа Алексей Андреевич вложил частицу своей души, так что если б потребовал вдруг от него Господь Бог, призывая к себе, показать духовный свой портрет, он мог бы, пожалуй, со спокойной совестью предъявить ему «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка».

Первая статья его гласила: «Военный поселянин есть хозяин дома и земли, который должен быть непременно женатый и хорошего поведения; но чтобы отличить доброго и усердного хозяина от дурного и нерадивого, позволяется батальонному командиру о последних представлять ко мне с описанием его пороков для лишения нажитой им собственности и для выключки из военных поселян в дальние гарнизоны, дабы сие служило примерным наказанием и острастною непекущихся для своего собственного прибытку».

Вторая статья декларировала, что все, данное военному поселянину от казны, как-то: скот, строение и вещи — «есть его собственность, служащая к единственной его пользе, после чего отвечает он начальству за все оное, и чтоб строения были в добром порядке и исправности; из чего и можно будет заключать о его для себя попечительности».

Последующие статьи рассматриваемого документа регулировали более мелкие, но не менее важные вопросы. «Солдатские дети, — устанавливала пятнадцатая статья, — остаются при родителях их и до 12 лет обучаются в ротах избранным унтер-офицером, а по прошествии сих лет уже в учрежденном при батальоне военном отделении нанятым учителем или выбранным из батальона офицером; о чем сделано будет впредь постановление». Далее — в статье восем-

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–3.

надцатой — предписывалось соблюдать в домах военных поселян должную опрятность, чистоту и порядок. Смотреть за тем, как хозяйева домов содержат помещения, препоручалось жившим в деревнях обер- и унтер-офицерам, для чего они должны были «почасту обходить и ревизовать дома и дворы военных поселян». В двадцатой статье требовалось: «Дрова и всякой для домашнего обихода лес и тому подобное иметь хозяйствам позади своих дворов, а не перед избами на улицах, которые должны быть чистыми, как для проезду, так и проходу, и дабы в случае пожара тем удобнее можно спасти селение от совершенного истребления».

В Положении предписывалось и то, как хранить солому и сено, как чистить трубы и в какие дни, где копать колодцы и строить мосты. Статья двадцать восьмая определяла внешний вид военного поселянина. Последняя же, тридцать девятая статья гласила: «Заблаговременно пред богослужением читать воинским чинам при собрании рот военный артикул и сие положение, которое сверх того должно быть у всякого хозяина в доме и почасту ему читано, а ротный командир обязан содержание каждого пункта изъяснять людям, дабы совершенно его поняли и впечатлевали твердо в их собственности».

Все статьи рассматриваемого документа любопытны, каждая заслуживает того, чтобы на ней задержать внимание, но более всех, без сомнения, первые две. В них ярче всего отразилась натура автора этого документа. С одной стороны, военный поселянин объявлялся Аракчеевым «хозяином дома и земли», но с другой стороны, начальник — «батальонный командир» — мог представить его «дурным и нерадивым» и лишить таким образом «нажитой им собственности». С одной стороны, все имущество поселянина признавалось его «собственностью, служащей к единственной его пользе», но с другой — устанавливалось, что поселянин отвечает начальству за него «и чтоб строения были в добром порядке и исправности».

Граф не был оригинален в этих сентенциях, а следовал духу Петра I. В 1720 году известный русский предприниматель Никита Демидов, пользовавшийся покровительством царя Петра, построил на свои собственные деньги медеплавильный завод. В «привилегии», которую он при этом получил, говорилось: «И для того ему, Демидову, о том медном заводе повелеть трудитца и тшитца, и, как возможно, проискывать, что то родное дело у него произведено и умножено было с удовольствием; обнадежить ево, что оной завод не возметца у него, и у жены ево, и у детей, и у наследников, покамест они оной завод содержать будут в добром состоянии».

Образ мышления Аракчеева — традиционный для тех, кто со времен Петра I властвовал в России. Формула здесь проста: *властитель — это отец и благодетель, а подвластные — неразумные дети, не знающие собственного блага и оттого требующие неустанной о себе заботы и опеки со стороны властей*. Граф Аракчеев отличался от всех современных ему сановников прежде всего тем, что выступал наиболее последовательным выразителем такого мировоззрения в своей государственной деятельности. «Я знаю, что меня крепко бранят, — говаривал он, — но что же делать? Ведь дети всегда плачут, когда их моют».

Многим своим современникам Аракчеев представлялся человеком, действовавшим лишь по мотивам голой корысти — для того только, чтобы угодить государю да выказать свой зловерный характер, унижить и растоптать кого-либо. Подобным же образом изображали его впоследствии историки. Спору нет: для молодого Аракчеева — «гатчинского капрала» — угождение императору во многом составляло цель служебной деятельности, главный ее движущий мотив. Но опытный и всемогущий вельможа, каковым стал граф Аракчеев в последние годы царствования Александра I, смотрел на свою деятельность не только как на средство угодить вышестоящему начальству — государю императору, но и как на нечто, имеющее великое общественное и даже историческое значение. Ф. П. Львов, служивший при Аракчеве адъютантом, в желании польстить графу восклицал иногда: «Батюшка ваше сиятельство! Вы единственный наш государственный человек. Берегите себя и подумайте, что будет с бедной Россией, ежели вы себя расстроите». И граф со слезами на глазах бросался к своему адъютанту и обнимал его, приговаривая: «Вот человек, который един меня понимает».

Что бы ни говорили о военных поселениях современники и историки, как бы ни ругали это странное учреждение — не уйти от факта: вводилось оно в России императором Александром I с намерением облагодетельствовать своих подданных, призванных на армейскую службу. Граф Аракчеев дело организации военных поселений соответственно так и представлял себе — как грандиозное благодеяние, и видел себя не иначе как благодетелем. И справедливости ради надо признать: он действительно старался устроить быт военных поселян насколько можно было лучше.

Благодаря Аракчеву поселенные войска имели хорошее продовольственное и хозяйственное обеспечение. По распоряжению графа на территориях, где располагались военные поселения, создавалась

широкая сеть запасных магазинов и фельдшерских пунктов, организовывались пожарные команды.

В военных поселениях, устроенных Аракчеевым, изначально отсутствовали такие распространенные в России явления, как нищенство, бродяжничество, пьянство. Даже курение считалось недопустимым. Не было и тунеядства, строго пресекался разврат. Семьям, попадавшим в состояние нужды вследствие неурожая или стихийных бедствий, немедленно оказывалась помощь продуктами и стройматериалами из вспомогательных фондов, специально созданных графом для поддержки бедных.

Все дети военных поселян в обязательном порядке получали прививки против оспы. Для детей, оставшихся без родителей, Алексей Андреевич устроил в военных поселениях военно-сиротские отделения. Мытарства, которые претерпел граф в пору своего отрочества при поступлении в кадетский корпус, выпавшие на его долю голод и унижения оставили в душе его незаживающую рану. Боль ее будила в нем сострадание к бедным, покинутым детям. Желая облегчить им жизнь, Аракчеев пристраивал их в кадетские корпуса. Таких пристроенных им в кадеты детей из бедных семей насчитывалось к 1825 году более трехсот.

К сказанному добавим также, что, сделавшись главным начальником над военными поселениями, Аракчеев установил здесь более справедливый по сравнению с армейским порядок прохождения службы офицерами. Он ввел гласные аттестации офицеров, служивших в военных поселениях, постарался улучшить их быт, учредил для них библиотеки, «офицерские рестораны» с дешевыми обедами и музыкой, с игрой в шашки и шахматы. При этом, правда, не обошелся без ограничений: запретил офицерам употребление не только водки, но и вин, вплоть до шампанского. Граф добился того, чтобы офицеры военных поселений получали более высокое по сравнению с армейскими офицерами жалованье.

В числе преданий, оставшихся от военных поселений, одно из наиболее распространенных посвящено тому, как жестоко наказывал Аракчеев поселян за малейшую провинность. Действительно, граф считал наказание необходимым средством поддержания порядка. «Люди должны делать все, что нужно; а если дурно будут делать, то на оное есть розги, — наставлял он однажды своего дворецкого. — Мне очень мудро кажется, что будто людей нельзя содержать так, чтоб они делали свое дело. Отчего же солдаты все делают, что им прикажут, ибо знают, что их накажут, если не сделают, что

приказано». Однако отношение Аракчеева к телесным наказаниям было не столь примитивным, как это изображается обыкновенно в литературе. В цитированном письме, например, он добавлял далее: «Но надобно приказывать с толком и порядочным образом».

22 октября 1818 года граф писал своему помощнику по организации военных поселений на юге России генералу Г. И. Лисаневичу: «Вы, милостивый государь, ясно изволите видеть, что без драки и телесного наказания все можно сделать, но надобно только твердость в намерениях и неперемежность в исполнениях, дабы они видели, что командир, единожды определив какое дело, никогда от оного не отступит».

В инструкции поселенскому офицеру Алексей Андреевич следующим образом выразил свой взгляд на то, каким должны быть отношения офицера к солдатам: «Нужно, чтоб он был кроток, терпелив, справедлив и человеколюбив, дабы излишнею иногда торопливостью в приказах не затруднить исполнения их и дабы, сколько по обязанности служебной, столько и по собственному подвигу, мог каждого призреть, успокоить».

В более подробном виде свои правила обращения с подчиненными Аракчеев изложил в письме к управляющему Новгородскими военными поселениями генералу С. И. Маевскому от 12 мая 1824 года: «Прошу вас покорно не спускать, и строгость нужна более для штаб- и обер-офицеров, нежели для военных поселян, и оное требую, ибо мои правила не сходятся с правилами, в армии употребляемыми; я полагаю, что когда строгость, — разумеется, справедливая, без интриг (коих я не терплю, и всякий тот у меня все потеряет, которой начнет интриговать) — употребляется на начальников, то все пойдет хорошо, и солдаты будут хороши; а у вас в обыкновенной службе с командирами обхождение бывает приятельское, церемонное, что никогда по службе не годится, ибо у вас всегда считается за стыд обнаружить какое-нибудь преступление или злоупотребление, сделанное батальонным или ротным; а я, напротив того, думаю, что без подобных случаев не может в свете существовать, а должно только строго взыскивать, а стыда в оном не должно полагать, ибо как можно оного требовать, чтобы у вас все люди ваши, то есть штаб- и обер-офицеры были святые? Оного чуда не было на свете; следовательно, есть хорошие, а есть и худые. У вас еще есть правило и хвастовство, чтобы подчиненные любили командира; мое же правило, дабы подчиненные делали свое дело и боялись бы начальника, а любовниц так много иметь невозможно. Ныне и одну любовницу мудрено сыскать, кольми паче много».

Если к офицерам, служившим в военных поселениях, Аракчеев был строг и придирчив, старался держать их в страхе, то к специалистам — механикам, инженерам, архитекторам относился снисходительно, был в обращении с ними необыкновенно вежлив, внимательно слушал их советы, стремился создать им самые благоприятные условия для работы: и зарплату давал немалую, и жилье предоставлял приличное. Специалисты были нужны графу, поскольку в военных поселениях шло бурное строительство. Граф явно имел намерение создать из них нечто небывалое в России — своего рода оазис непревзойденного порядка, чистоты и культуры. Здесь возводились особой конструкции здания, устраивались особой планировки населенные пункты, устанавливались различные новые механизмы и т. п.

Военные поселения посещали многие знатные сановники, и все относившееся к внешнему виду — ровные линии домов, роскошные бульвары, чистые улицы с тротуарами и т. д. — производило на посетителей неизгладимое впечатление.

В августе 1822 года в военных поселениях Новгородской губернии побывал В. П. Кочубей. «Обозрение оных, — писал Виктор Павлович графу Аракчееву 22 августа, — было для меня явление совершенно неожиданное; и подлинно, как не прийти в удивление, сравнивая положение одной стороны Волхова с другою, строения, дороги, мосты, поля и проч. одного берега и противоположного. Я думал и объезжая поселения, и потом, когда я переправился из оных, что меня какою-то революцие глобуса перекинуло из области образованной в какую-то варварскую страну, ибо ваше сиятельство согласитесь со мною, хотя вы и новгородец, что начав от какой-то ветряной мельницы, тут близко и на боку стоящей, до самого подберезья ничего нет похожего не только на произведения ума, но и рук человеческих».

Восхищался организацией быта военных поселян и сам император. Его величеству нравились заведенные Аракчеевым благоустроенность, чистота и порядок. Наверное, Александр догадывался, каких сил стоило графу поддержание среди военных поселян требуемой дисциплины. Но вряд ли мог он себе представить, какие лишения испытывали поселенцы, оказавшиеся под присмотром всемогущего, вездесущего, всевидящего Аракчеева.

Создав военным поселянам сносные материальные условия, Аракчеев лишил их какой-либо свободы поведения даже в тех сферах, где и крепостной, а пожалуй, и раб были свободны. Он отнял у

людей личную жизнь, обратив ее в жизнь служебную. Многочисленными инструкциями, положениями, уставами граф зарегламентировал чуть ли не каждый шаг военного поселянина. И всех поставил под строгий присмотр — все обязаны были следить друг за другом и доносить вышестоящему начальству о замеченных нарушениях. Офицерам предписывалось наблюдать за солдатами, а солдаты призывались присматривать за офицерами. Генерал-майор С. И. Маевский, назначенный в ноябре 1823 года управляющим Новгородскими военными поселениями, вспоминал о том, как представлял его поселянам Аракчеев: «Не думайте, чтобы он что-нибудь значил. Я его тотчас сожму в рог: он не смеет ничего у вас брать. А если бы потребовал, пишите обо всем ко мне: вы посмотрите, что я с ним сделаю».

Граф строго следил за нравственностью военных поселян, причем за нарушения библейских норм наказывал и женщин. Среди приказов Аракчеева по военным поселениям бывали, например, такие: «Отпустить 100 ударов розгами, по собрании всех жен роты, Акулине Григорьевой за то, что в доме ее ночью обнаружен подпоручик Иванов, а того подпоручика посадить на гауптвахту и оштрафовать».

Сами по себе наказания, которые граф раздавал своим подчиненным, были сравнительно мягкими. Но лились они нескончаемым потоком. На офицеров, служивших в военных поселениях, Аракчеев извергал целые потоки выговоров, замечаний, штрафов и при этом беспрестанно угрожал провинившимся еще более серьезными карами. По этой причине офицеры пребывали в постоянном напряжении и страхе. Аракчеевские наезды в военные поселения, как правило, неожиданные, воспринимались поселянами как некое стихийное бедствие, хотя граф никого не бил, не лишал жизни и должности, а только ходил по территории, по улицам, по домам и указывал на недостатки да бранил нерадивых и неумелых.

Спасения от острого графского взора и ядовитых слов не было никому и нигде. Въедливый начальник доставал своим жалом офицеров и чиновников даже в их квартирах. За малейшую обнаруженную там нечистоту хозяин, иногда и не один, а вместе с хозяйкой, получал от него выговор.

Особенно тщательно следил Аракчеев за порядком в госпиталях. Он самолично устанавливал нормы питания больных и обеспечения их лекарствами, правила внутреннего распорядка, поведения лечащихся и лекарей. Он определял даже расположение мебели в палатах и наименование предметов, которые должны были лежать на столах в больничных канцеляриях в любое время: линейка, прибор с

чернильницей и песочницей, на нем карандаш, резина, перочинный нож и два пера, обязательно без опушки — таковыми писал сам граф. Плохо приходилось тому, кто нарушал установленные им порядки. Раз один из фельдшеров оставил на казенной чернильнице свое перо с опушкой, и в этот самый момент нагрянул в госпиталь Аракчеев. Увидав перо, он немедленно начал следствие, допытываясь, кто же допустил сей «ужасный беспорядок», «кому принадлежит это перо, как и зачем оно здесь, когда неоднократно подтверждалось, что перья должны быть по известному образцу». Все, сколь-нибудь причастные к данному беспорядку на канцелярском столе, получили от графа выговоры и замечания, непосредственному же виновнику назначено было пять розг.

Но худа без добра, как известно, не бывает. Тяжелой была служба под началом Аракчеева. Но те, кто проходил данное испытание, легко и весело служили при всяком другом начальнике. «Страшно вспомнить времена аракчеевские, — признавался в своих записках А. Я. Стороженко, — но если впоследствии мне казалось все легким по службе, это было по сравнению тяжких трудов и испытаний, перенесенных мною под его начальством. Как непомерная строгость, так и послабление едва ли не равно портят дело; первая, однако ж, производит деловых людей, а последняя трутней, кои бывают терпимы одним, приучившим их к лени начальником, и негодными для другого. Правила служебного воспитания видны в человеке на всяком занимаемом им месте, и если свыкшийся с строгим порядком не озлоблен несправедливостями или по свойству своего характера, или по великодушию, то он всегда останется нужным и полезным во всяком положении; служившие же при невнимательных начальниках сами не будут знать, к чему они способны, хотя бы и много лет слышали похвалы его своим способностям. Истинная вера в мнение проистекает только из порядка строгого и вместе с тем снисходительно соблюдаемого высшим начальником, умеющим избирать людей и следить за их занятиями. Такой начальник, можно сказать, дарит правительству полезных чиновников».

* * *

Принципы, которым Аракчеев следовал при управлении военными поселениями, применялись им и в управлении собственным имением. И здесь он решительно брал на себя роль благодетеля. В 1817 году в одном из писем к императору Александру Арак-

чеев подчеркивал: «В моем понятии помещик, или владелец, обязан по праву человечества наблюдать два главных правила: 1) Не мыслить о своем обогащении, а более всего заботиться о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению; 2) Доходы, с них получаемые и составляемые всегда ценою их пота и крови, обращать главнейше на улучшение их же положения». В одном же из писем к государю, датированном 1824 годом, граф возвышенно заявлял, что Грузинская вотчина доставляет ему «несказанное удовольствие заниматься благосостоянием крестьян», вверенных его попечению.

И в самом деле, Аракчеев проявлял особую заботу о материальном обеспечении жизни крестьян. Он устроил для них немало полезного в своем имении. Так, в июне 1820 года благодаря его энергии в Грузии был открыт Мирской банк с низкой ставкой судного процента для оказания помощи крестьянам. Алексей Андреевич самостоятельно составил его устав — «Положение о заемном банке для крестьян Грузинской вотчины» — и внес 10 тысяч рублей ассигнациями в основной его капитал. Банк этот и устав его, составленный Аракчеевым, будут долго существовать после смерти графа. «Грузинская волость и теперь с благодарностью вспоминает графа Аракчеева за открытие Мирского банка, и это доброе дело примиряет крестьян с прежним пережитым горем, которое иногда невольно пробуждается в памяти» — так напишет в 1866 году в своем очерке «Черты из жизни графа Аракчеева» преподаватель Новгородской гимназии Н. К. Отто¹.

Не меньшее благодеяние для своих крестьян совершил Аракчеев в 1817 году, когда Комитет министров принял решение возвратить ему из казны 86 тысяч 589 рублей, израсходованных им на постройку большой Тихвинской дороги на 25-верстном ее протяжении по территории Грузинской вотчины. Эту денежную сумму Алексей Андреевич внес с согласия императора в государственную комиссию погашения долгов. Проценты с нее он распорядился обращать, как при его жизни, так и по смерти, на уплату следующих с грузинских крестьян государственных податей.

Кроме того, Аракчеев устроил в Грузии бесплатный лазарет для крестьян. За весьма приличное содержание он нанял доктора, кото-

¹ Данный очерк будет опубликован после смерти Н. И. Отто братом его И. К. Отто в журнале «Древняя и новая Россия» (1875. № 1. С. 95–102; № 3. С. 293–301; № 4. С. 376–393)

рого обязал регулярно объезжать деревни вотчины и лечить больных, не взимая за это платы. «Табель о продовольствии больных в Грузинском гошпитале», составленная 13 февраля 1819 года, показывает, как было организовано питание крестьян, проходивших здесь лечение. Порции для больных делились в зависимости от степени болезни на четыре рода. Первая, ординарная, включала в себя: хлеба ржаного — два фунта, мяса — полфунта, круп овсяных — 1/15 гарнца, квасу — одну треть кружки. Третья, слабая, предполагала добавление полфунта белого хлеба. В примечании к ней говорилось: «При варении сей порции мясо прежде, нежели положится в горшок, должно несколько сбить, дабы лучше разваривалось и вываривалось». На листе, на котором начертана данная «табель», стоят написанное рукой Аракчеева слово «утверждаю» и его подпись.

В аракчеевском фонде Российского государственного военно-исторического архива сохранился документ под названием «Краткая Ведомость о числе душ, состоящих в Грузинской вотчине по 7 ревизии (1816 года)». Из этого документа видно, что в ней было, помимо села Грузина, 29 деревень. Во всей вотчине проживало в указанном году 2266 душ. В том числе в самом Грузино было дворовых людей 23 человека, крестьян — 101 человек.

К 1820 году принадлежавшие Аракчееву крестьянские селения были в основном отстроены и приобрели довольно благообразный внешний вид. Но особое впечатление производило село Грузино. На берегу Волхова, у перевоза, где ходил паром, граф распорядился водрузить две белые четырехугольные башни. Ими открывалась шедшая в гору широкая, мощенная камнем дорога. На горе возвышался величественный собор с высокой и красивой колокольней, напротив него располагался каменный двухэтажный графский дом, построенный на месте прежнего деревянного жилища. За домом раскинут был огромный сад со множеством цветов и деревьев, прорезанный аллеями и каналами, выходившими в пруды с лебедями. Общую картину сада разнообразили и украшали многочисленные мостики, гроты, руины, монументы, лужайки и острова.

Еще в 1815 году Аракчеев предложил протоиерею Грузинского собора Федору Малиновскому написать об истории и о достопримечательностях Грузина. Тот с охотой взялся за этот необычный труд. В следующем, 1816 году он был закончен и тогда же напечатан книжкой объемом в 106 страниц под названием «Историческое описание села Грузина». Возведенные в Грузине постройки сравнивались с чудесами Древнего мира, с висячими садами Семирамиды.

Генерал-майор А. Писарев, организовавший печатание данного труда, писал Аракчееву: «Таковое сочинение любопытно было бы для каждого русского и для самих чужестранцев, которые полагают, что мы в снегах рождаемся и умираем, не зря красот природы и ея изящности».

Позднее Аракчеев велел сделать литографические картинки с видами села, которые потом раздаривал в Петербурге среди сановников. Те с воодушевлением принимали этот дар, видя в нем признак благоволения к себе со стороны могущественного временщика. «Я имел честь получить прекрасные виды Грузина, которые ваше сиятельство изволили мне прислать и не могу их не принять как особый знак вашего ко мне, милостивый государь, благорасположения, принося за оные чувствительнейшую мою благодарность», — радостно писал графу 30 марта 1824 года Е. Ф. Канкрин, менее года назад ставший министром финансов вместо Д. А. Гурьева.

Подобно тому, как восхвалялись военные поселения, славилось столичными сановниками и аракчеевское имение Грузино. В столице ходил даже слух, что временщик устроил в Грузине порядки, при которых крестьяне сами себя судят, да так, что граф вынужден приставлять к ним своего человека для сдерживания их строгости.

«Ваше Грузино так прельстило меня, — сообщал Аракчееву 2 декабря 1818 года А. Ф. Малиновский, — что удаляясь оттуда по берегу Волхова, я написал карандашом стихи, которые не иначе могу писать, как по влечению чувств». Другой современник Аракчеева высказался о Грузине еще более возвышенно: «Господа наши восхищаются благоденствием иноземных поселян, красотою их сел и порядком домоводства; их же собственные крестьяне, утомленные работами, истощенные оброками, покрытые рубищем, в дымных, нечистых избах, кажутся им непохожими на людей. Дабы иметь понятие, как может быть счастлив русский поселянин, пусть они наедут в Грузино, там вникнут во все подробности хозяйственных заведений. Восхищаясь картинами правильного житья крестьян, они уверятся, что и в России села могут быть красивы, а поселяне счастливы, когда помещик решается быть их отцом». Некто Юшин, побывавший в мае 1824 года в Грузине, писал графу в письме от 21-го числа указанного месяца: «Я теперь счастливым себя почитаю, что имею живое понятие о том месте, где на всяком шагу — истинно Русский — встречая полезное с приятным, должен с восторгом любоваться, научаясь тому примерному устройству и порядку, который привлекает уже любопытство и просвещенных иноземцев».

Восхищался Грузиным и сам государь император, который почти каждый год приезжал отдохнуть в это, пожалуй, самое необычное во всей тогдашней России место.

Единственные люди, которые испытывали недовольство заведенными в Грузии порядками, были грузинские крестьяне. Свое неприятие «аракчеевщины» они выражали по-разному: кто тихим ропотом, кто руганью в адрес хозяина, а кто и побегами. Бежали в леса, поля, куда угодно, лишь бы скрыться от графа-благотелья. Бежали не только теплым летом, но и студеною зимою, готовые скорее замёрзнуть, чем жить под Аракчеевым.

А происходило все это оттого, что благодеяния свои в отношении крестьян Алексей Андреевич совершал таким образом, что на деле они переставали быть благодеяниями и превращались в сплошное насилие над естественным течением крестьянской жизни. Он стремился переселить крестьян в новые дома, желал, чтобы жили крестьяне в чистоте и комфорте, и это было, несомненно, благим намерением, но как оно осуществлялось? Дома получались красивыми снаружи, да мало приспособленными для житья-бытья внутри, особенно зимой. Ко всему прочему проживание в них граф обставлял таким множеством различных правил, что вместо жизни выходила вечная служба.

В 1821 году Аракчеев самолично составил «Правила хозяевам о содержании домов, вновь построенных в селе Грузине». «Всякий хозяин дому, — говорилось в них, — обязан содержать оный в том точно положении и исправности, в каковых первоначально принят им по печатной описи. Для чего необходимо нужно соблюдать нижеследующие правила: 1) Через каждые три года, считая с сего 1821 года, хозяин должен на свой счет выкрасить за один раз красной краской, на вареном постном масле, железные крыши на дому и на крыльцах... Оное крашение крыш должно быть сделано в мае и июне месяцах. 2) Ежели случится, что крыша будет иметь течь или попорчена сильным ветром, то немедленно должен исправить, наняв для онаго кузнеца».

В таком духе излагались и другие правила для крестьян. Ради сохранения чистоты в деревнях граф запрещал там держать свиней. Запрет сей формулировался в специальном приказе, изданном 17 ноября 1815 года на имя грузинского головы Ивана Дмитриева. В данном документе хорошо раскрывается аракчеевский характер. Во всяком случае, трудно найти другой пример, где бы столь ярко проявил граф свою способность серьезно относиться к самым несерьезным вещам. Вот текст приказа Аракчеева о свиньях:

«1) Усмотрено мною в прошедшую осень, что после запрещения моего содержатся свиньи в ближних деревнях к Грузину. Почему сим письменным приказом запрещаю иметь крестьянам свиней в деревнях: Грузино, Хотитове, Мотылье, Модне, Новой деревне, Графской слободе, Вые и Переходе. 2) Во всех оных деревнях свиней перевести и не иметь оных к 1-му апреля 1816 г. 3) Если после оного числа у кого окажутся в оных деревнях свиньи, то оных взять в госпиталь, а хозяина и хозяйку записать в книгу, дабы их будущим летом можно было взять в сад на работу, на месяц. 4) Если кто в оных деревнях торгует оными и будет просить позволения держать свиней с тем правилом, что оне никогда не будут ходить не только в поле, но ниже на улице, а будут всегда содержаться на дворе, таковым выдать для содержания билеты, за твоею подписью. 5) Если у такого крестьянина оныя выйдут на улицу, то всегда оных брать в госпиталь».

Поскольку зашла речь о госпитале, заметим, что и здесь обыкновенным излечением больного дело не кончалось. Граф завел порядок, по которому каждый вышедший из госпиталя крестьянин должен был идти в Грузинский собор. В январе 1818 года им был отдан следующий приказ церковному старосте и смотрителю госпиталя Егору Павлову: «Поставляю отныне навсегда неперменным правилом наблюдать тебе, чтоб все выздоровевшие от болезней в госпитале крестьяне не иначе были из оного отпускаемы в свои дома, как возблагодарив в соборе за исцеление от болезни всех благ подателя Бога, и по нем святого апостола Андрея Первозванного, и приложась к его святой иконе. Которое правило, написанное особо, иметь в рамке в госпитале для сведения всех больных, коим и прочитывать оное самому себе или лекарскому ученику».

Военизированный характер устройства Грузинской вотчины был настолько ярко выражен, что бросался в глаза даже тем ее посетителям, которые склонны были всецело восхищаться здешними порядками. Ф. В. Булгарин, посетивший в 1824 году графа Аракчеева в его имении, был до глубины души тронут радушным приемом. «Кушанье было отличное, вина превосходные, десерт богатый, и хозяин находился в хорошем расположении духа, был разговорчив и любезен, — вспоминал он об этом посещении Грузина. — Радушие с гостем — отличительная черта русского характера, и я ссылаюсь на всех, бывавших в доме графа А. А. Аракчеева, что невозможно быть гостеприимнее его и любезнее, когда он принимал человека не как начальник, а как хозяин в доме». Естественно, что при таком приеме в Грузине Фаддей Венедиктович смотрел на все встреченное здесь с

непроизвольным умилением. Тем ценней для нас сделанные им при описании увиденного признания:

«Грузинский Английский сад бесподобен; он лежит вокруг горы, на которой построена усадьба. Сад вмещает в себя пруды, беседки, павильоны и прелестные рощи. Цветов множество, растительность богатая... Меня удивило, что в саду нет ни одного сторожа. Но воспитанник графа захлопал в ладоши — и в разных местах показались сторожа. Будки для них устроены в ямах и закрыты кустами. Это что-то необыкновенное! Осмотрев чугунный портик, под которым стоит Лик Андрея Первозванного, мы зашли в церковь, подивились ее великолепию и полюбовались памятником работы знаменитого Мартоса. Ризница богата драгоценною старинною утварью. Отсюда мы прошли в деревню или на село. Улицы выметены; дома прекрасные и выстроены в линию; в домах такая чистота, как в самых лучших *казармах*. В одном крестьянском доме нас поподчивали сотами. Крестьянский хлеб превосходный. Крестьяне показались мне зажиточными. Потом осмотрели мы инвалидный дом и госпиталь. Инвалиды одеты в форму, бывшую при Императоре Павле Петровиче. Везде удивительная чистота, порядок, дисциплина, все на *военную* ногу. Окрестные поля возделаны превосходно»¹ (курсив мой. — В. Т.).

Сходное впечатление вынес из посещения Грузинской вотчины и Василий Александрович Сухово-Кобылин: «Несмотря на пышность Грузина и на полную свободу, предоставленную его посетителям, казалось, что в самом воздухе присутствует какой-то стеснительный элемент, и становилось особенно неловко при мысли о возможности встретиться с владельцами этого волшебного дворца. Ничто не нарушало заведенного раз навсегда машинного порядка. Часы обеда, чая и ужина были неизменны. На дороге и даже по деревенским богатым улицам аракчеевских сел крестьяне метали следы, оставленные колесами каждого проезжего экипажа».

Поддержание такого порядка требовало немалой энергии, и одними собственными усилиями граф, безусловно, не смог бы создать в Грузии тот мир благоустроенности, дисциплины и размеренности, который столь резко поражал его посетителей. Император Александр, дабы знать насколько возможно больше о происходящем вокруг себя и все в государстве своем контролировать, держал подле

¹ Булгарин Ф. В. Поездка в Грузино в 1824 году // Новоселье. Часть 3. СПб., 1846. С. 219–220.

себя временщика, роль которого на протяжении всего его царствования успешно исполнял Аракчеев. В свою очередь граф Алексей Андреевич, желая за всем в своем по-государственному организованном имении иметь строгий присмотр, завел себе собственного «временщика». В роли последнего выступила его любовница — Настасья Минкина.

Письма этой женщины к Аракчееву удивительны по своему стилю, тону, содержанию¹. Кажется, в них и таится разгадка той роковой привязанности, которую Алексей Андреевич испытывал к Настасье Федоровне...

«Батюшко ваше сиятельство Алексей Андреевич! — обращалась любовница-временщик к своему патрону 17 августа 1816 года. — Прибыв в Грузино 15 числа августа в ночи, нашла все в доме благополучно и в порядке — люди все здоровы, а также и скот благополучен. У флигелей: музыкантского и людского, крыльца переделаны; в погребном флигеле пол опустили ниже и лестницу для входа в комнату перенесли к южной стене — к церкви...» Далее Настасья подробно расписывала графу все, что было сделано в саду, на дорогах, на островках, кто приезжал в Грузино и как проводил время.

9 сентября Минкина сообщала Аракчееву: «У нас был бешеный Ланской²; ах, друг, этот дурак не стоит, чтобы быть в Грузине; поверь, граф, что я столь сердита на него, — скакал во весь упор — я была это время на пристани — подумала, что вы едете во весь дух, но карета желтая показалась, догадалась, что Ланской, и думала, что спешит к обедни; подумай, душа моя, — прямо в сад и в дом, а потом в собор и всего три четверти был в милом Грузино; спросить его, что он видел, то верно, не может сказать — какие глупые были вопросы у человека! Бегал почти по саду — сделайте милость, не позволяйте навещать дуракам!»

17 июля 1819 года: «Прошу вас — мой единственный друг — беречь свое здоровье; я прошу Всевышнего Отца о сохранении вашем. Будьте покойны по дому вашему — я сказала, что люблю более своей жизни вас, — то и хочу всем доказать, что слуга верная своему графу». Через три дня: «Любезный мой отец граф! Сколь ваше милое письмо обрадовало — как вы ко мне милостивы! Ах душа, дай Бог, чтобы ваша любовь была такова — как я чувствую к вам — един

¹ Я привожу их содержание и стиль в оригинальном виде, без правки.

² Имеется в виду Сергей Степанович Ланской, служивший в то время в Министерстве финансов.

Бог видит ее. Вам не надобно сомневаться в своей Настасье, которая каждую минуту посвящает вам. Скажу — друг мой добрый, — что часто в вас сомневаюсь, — но все вам прощаю, — что делать, что молоденькие берут верх над дружбою, но ваша слуга Настасья все будет до конца своей жизни одинакова».

11 августа 1820 года: «Отец мой граф! Я получила ваши милые письма, за которые целую ваши ручки и ножки, за галстук также целую ваши ручки. Если вас мне не беречь и не любить, то я недостойна и по земле ходить — вы мой отец, и все мне сделали — вы любите моего Мишу: неужели я могу все это забыть! Нет, мой любезный друг, — нет минуты, чтобы могла вас забыть: всегда прошу Бога о сохранении вашего здоровья и продолжении жизни вашей на многие годы, чтоб нам сиротам видеть отца и благодетеля веселого между своих подданных. У нас в доме все, слава Богу, хорошо — люди здоровы, а также скот и птицы благополучны; лошадей проезжают, как при вас было».

14 апреля 1823 года: «Отец мой, что могу сказать, кроме моего мучения, что не могу быть с вам[и] завтра. Но вы любете все чтоб было хорошо, то я от Семена¹ принимаю все вещи, да Степан² просит, чтоб ему все так здали, как от него принили. Обос я отправляю... Сколь я благодарю Бога, что вы меня любете и рада, когда слышю чью молитву о вас, мой отец».

Весьма примечательно и следующее письмо Настасьи Аракчееву, писанное в 20-е годы: «Отец мой и милый друг. Я в любезном вашем Грузино. Ах, как я покойна. В нем жалаю служить и умереть. У нас все, слава Богу, здоровы, а работы идут хорошо и будем стараца все сделать по вашему приказанию. Теперь зачну приготавливать занавески в гостину комнату и царковны работы... О, друг, граф, дай Бог, чтоб вы были здоровы и я могла б вам служить. Одна мысль утешает меня — любите меня, не миняя на времанных обажательниц, которые все свое хитрости потребляют для улавления любви, а вы знаете свое здоровье. Сие мучит вернова и преданова друга и слугу. Цалую ручку несколько рас».

Письма Настасьи к Аракчееву — одновременно и ни о чем, и обо всем: о делах и любви, о порядке в имении и состоянии здоровья, о

¹ Имеется в виду Семен Алексеев — крепостной Аракчеева из числа дворовых людей, поставленный им управляющим Мирским земским банком и секретарем для ведения переписки.

² Степан Миловидов — казначей Аракчеева.

людях и животных с птицами, о жизни и смерти, с клятвами и ревностью, с благодарениями Богу и графу. Они просты и непосредственны — натура Настасьи, как в зеркале, отражается в них. Она была графу и любовницей, и слугой и, кажется, очень успешно играла обе эти совсем непохожие одна на другую роли...

Благодаря своей домоправительнице Аракчеев знал все, что происходило в его имении. Минкина хорошо поняла характер графа и старалась доносить ему даже о таких мелочах, на которые другой хозяин не обратил бы внимания. 19 января 1817 года Алексей Андреевич писал своему дворецкому и по совместительству музыканту Ивану Некшинскому: «Настасья Федоровна докладывала мне, что ты ей донес о Владе Дмитриеве, как он ходил без позволения на поездки и надевал *мое платье*, за что я объявляю тебе мою благодарность и очень доволен, что ты справедливо исполняешь свою должность. Надобно и всегда быть таковым и *обо всем доносить, что есть дурного. Каковая усердная твоя служба будет и Богу приятна и мною не оставится без вознаграждения*».

Маленькая сия записочка, собственноручно начертанная графом Аракчеевым, лучше многих пространных описаний историков показывает, какие порядки, какой дух господствовали в его вотчине. Можно назвать дух этот «аракчеевщиной», но нельзя не признать при этом, что ничего удивительного он не представлял. Доносили друг на друга чиновники и помещики. Следил за сановниками и доносил императору об их действиях, как мы знаем, и сам Аракчеев. Следили и за графом. По некоторым сведениям — по поручению Александра I, не доверявшего никому из своего окружения.

И в вотчине своей, и в военных поселениях Аракчеев строил новую жизнь, не похожую на ту, что была в иных местах. Строил увлеченно, не жалея ни себя, ни других, надеясь облагодетельствовать своих подопечных и поразить воображение посторонних. И в результате трудов его действительно выходило новое, небывалое прежде общество. И казалось бы, вполне удобное для жизни. Но обитатели нового мира, созданного графом-строителем, были почему-то недовольны. Пусть не все, но в довольно приличном числе. Почему так получилось?..

* * *

В 1871 году журнал «Русский вестник» опубликовал статью П. К. Шебальского «Военные поселения и граф Аракчеев». В ней по-

мимо прочего говорилось: «Если читатель захочет вникнуть в сущность этого оригинального учреждения, то оно должно будет, кажется, представиться ему чем-то вроде огромной военно-рабочей коммуны. В самом деле, наши поселения были осуществлением в самых широких размерах многих сторон программы коммунистов. Вступая в военные поселения, человек переставал принадлежать себе и становился вещью той коллективной единицы, которую Фурье называл фаланстерой, а Аракчеев военными поселениями. Предупреждая социалистические теории нашего времени, Аракчеев сделал все человечески возможное для удовлетворения материальным потребностям людей и для благоустройства поселенной общины: отличные дороги, чисто содержимые дома, многочисленные школы с направлением вполне реальным, ссудные, банки, заводы, большое развитие ремесленного производства, почты, пожарные команды, больницы, даже особые дома для инвалидов — все это было устроено нашим сановным коммунистом. Труд был его божеством, польза была его лозунгом, точно так же как у новейших позитивистов... И подлинно, что могли бы возразить Аракчееву адепты известной социальной доктрины? На какое темное пятно могли бы они указать в этой светлой картине? Аракчеев был несколько суров, скажут? Но нежнее ли его были те социальные реформаторы, которым случайно попадала в руки власть, и разве суровость не неизбежна при всякой ломке, при всякой реформе? — говорят люди, провозглашающие себя наиболее прогрессивными».

Согласимся, приведенная оценка военных поселений, организованных графом Аракчеевым, вполне справедлива.

Глава четырнадцатая

«Неоцененное мое сокровище»

Отсветы могущества графа Аракчеева падали и на близких к нему людей. И они переставали быть просто родственниками или друзьями.

Его мать не могла уже оставаться только матерью: сановники пресмыкались перед ней так же, как и перед ее сыном-временщиком. Последние годы своей жизни Елисавета Андреевна много ездила: к сыновьям в гости, по родственникам, по святым местам — в Нилову пустынь, в Троице-Сергиеву лавру, в Ростов. Едва в каком городе она останавливалась, как сановники-чиновники тут же спешили к ней изъявить свое почтение. В сентябре 1815 года проездом в Тихвин мать Аракчеева остановилась на короткое время в Новгороде, и гражданский губернатор Н. Н. Муравьев, незадолго перед тем вступивший в должность, сменив строптивного Сумарокова, не успел навестить ее у себя в городе. В сильном душевном расстройстве его превосходительство не нашел ничего лучшего, как обратиться к самому графу и просить у него прощения: «Боже мой, как я сокрушался! Виноват! Причитаю какому-либо злобному намерению против только вступившего губернатора, что лишили меня счастья, живейшего наслаждения благодарности — целовать милостивую руку родительницы моего благодетеля. У меня слезы наслаждения на глазах... Я мучусь этим лишением»¹.

После смерти мужа Елисавета Андреевна стала жить больше в селе Курганы, на зиму переезжала в Бежецк. Когда в 1819 году Тверской губернатор сменил в Бежецке городничего, он немедленно сообщил об этом Аракчееву, заметив, что подыскал на эту долж-

¹ Цит. по: *Отто Н. К.* Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и Новая Россия. 1875. Том 1. № 1. С. 96а.

ность расторопного человека, которому «поручил быть в точном повиновении у Елисаветы Андреевны относительно могущих встретиться ей нужд»¹.

Алексей Андреевич стремился устроить жизнь матери так, чтобы она ни в чем не нуждалась и ни о чем не беспокоилась. Он старался избавить ее от забот о продовольствии и об одежде. Каждый год граф закупал для нее необходимые продукты и пересылал в Курганы. Елисавета Андреевна заранее направляла сыну список того, что хотела бы иметь у себя в доме. Так, в начале декабря 1816 года она просила сына прислать в деревню: «краснаго медоку — один анкерок, сельдей голландских — один боченок, пшена сорочинскаго пять ф.; карт, лавроваго листу и пять замков висячих небольших»².

Будучи в звании матери временщика, Елисавета Андреевна вела большую переписку и по этой причине вынуждена была держать при себе целую канцелярию из крепостных писарей. Не только родственники, соседи, знакомые, но и совершенно посторонние люди обращались к ней за протекцией в определении своих сыновей на учебу или на должности. Письма Елисаветы Андреевны к сыну были полны разнообразных просьб об устройстве тех или иных молодых офицеров на какие-либо выгодные места. Алексей Андреевич обыкновенно все подобные просьбы своей матушки выполнял, если не было к тому препятствий.

Нередко Елисавета Андреевна просто-напросто пересылала сыну полученные ею письма с просьбами об определении на службу, и Алексей Андреевич уже действовал так, как будто просьба эта была обращена непосредственно к нему. Так, в августе 1818 года с письмом к Елисавете Андреевне обратилась Е. Голенищева-Кутузова: «Принося вам чувствительную благодарность за участие, которое вы в просьбе моей принимать изволите, имею честь отвечать на благосклонное ваше письмо со всю искренностию, потому что вы сами мне сие позволили. Вся моя просьба и все мое желание в рассуждении моего сына состоят в том, чтобы он находился под покровительством Его Сиятельства Графа Алексея Андреевича и служил под собственным его начальством, что я всякому другому месту и всякому для него щастию предпочитаю. Будучи сами матерью нежною, вы легко себе представите, сколько я должна буду почитать себя щаст-

¹ Цит. по: *Отто Н. К.* Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и Новая Россия. 1875. Том 1. № 1. С. 96а.

² Цит. по: Там же. С. 98.

ливою, ежели сын мой будет иметь начальником и покровителем человека столько всеми почитаемого, столько справедливого и столько беспристрастного. Почему смею совершенно надеяться, что вы милостивое ваше обещание исполнить не откажетесь»¹. Это письмо мать переслала сыну², и тот принял требуемое участие в судьбе молодого человека.

Не отказывала Елисавета Андреевна в помощи и своим землякам. В 1818 году к ней заявила однажды целая делегация бежецких жителей с просьбой освободить их на годок-другой от постоя кавалерийских полков. Мать Аракчеева отнеслась к посетителям предельно внимательно. Оказалось, что в Бежецке долгое время квартировал Литовский уланский полк. Недавно он покинул город, но на его место сразу же был назначен квартировать Оренбургский уланский полк. Выслушав земляков, Елизавета Андреевна села писать письмо старшему сыну-генералу. «Не дай нашему уезду половинным числом по миру ходить, — просила она своего Алексея. — Ты, сокровище наше, знаешь сам, что в нашем уезде не имеется для продовольствия конницы изобильных покосов и обширных полей; а особливо по нынешнему произрастению трав и худых годов, так что другие многие в нашем виду от того совсем разорились и последний свой скот распродали; а впереди уже и ждать нечего. Пощади, батюшко, и умили-сердись к ним»³.

Елисавета Андреевна не только не тяготилась своим новым положением, но, напротив, была в высшей степени им довольна. Женщина деятельная, привыкшая все брать на себя, она была не прочь иной раз вмешаться и в государственные дела своего сына. Многие знали о ее честолюбии и пытались использовать это в своих интересах.

По свидетельству генерала С. И. Маевского, Аракчеев рассказывал ему однажды: «После кампании государь возвращается в Петербург... Я поспешил одеться и встретить государя. Государь меня обнял, расцеловал и просил поспешить приездом к нему. Я явился в кабинет государя и снова был счастлив его ласками и милостью. Но вижу, что государь что-то беспокоится, чего-то ищет на столе и между бумаг. Я читаю и вижу, что мать моя жалуется в статс-дамы!

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 122. Л. 47.

² Именно поэтому оно оказалось в аракчеевском фонде РГВИА.

³ Цит. по: *Отто Н. К.* Черты из жизни графа Аракчеева // *Древняя и Новая Россия*. 1875. Том 1. № 1. С. 97.

Я бросился на колени и умолял государя отменить сию милость. Мать моя не рождена для двора, и милость сия, выводя ее из неизвестности, уронила бы нас обоих. Государь долго не соглашался, говоря: «Я не знаю, граф, чем другим тебя наградить». Но, наконец, убедился моею просьбою и согласился милость сию отменить. Женщины все честолюбивы. Мать моя не знала до гроба о сей милости. Но ежели бы узнала, она и за гробом не простила бы этого мне». Событие, о котором говорил Аракчеев Маевскому, оказалось записанным в его заметках на прокладных листах Евангелия. Благодаря данной записи мы можем сказать, когда оно произошло. Под датой 12 декабря 1815 года читаем: «Государь император Александр I изволил давать графу Аракчееву звание статс-дамы для его матери, но граф онаго не принял и упросил оное отменить».

Обращалась Елисавета Андреевна к сыну Алексею по-разному: «дражайшее и прелюбезнейшее мое сокровище и премного милой мой друг», «моя надежда», «моя радость» и т. д., и все ее обращения были проникнуты особой душевностью — Алексей был ее любимцем, да и видела мать сердцем и глазами, что живется ему на этом свете очень тяжело.

День его рождения — 23 сентября — Елисавета Андреевна считала самым большим праздником для себя. Каждый год собирала она у себя в этот день гостей на торжество. В курганской церкви служили молебен за здоровье графа. Потом она сообщала Алексею, как прошел праздник, сколько гостей было, какие слова о нем говорили.

Ни от кого другого, ни от какой иной женщины не получал Алексей Андреевич столь теплых, искренне любящих писем, какие получал от своей матери. И никто так не страдал ему, как мать. «Ты, мой батюшко, не успел от дорожных своих трудов несколько себя успокоить да и опять поднялся летать и мучиться», — причитала Елисавета Андреевна в одном из писем к своему Алексею в 1818 году. И Алексей чтит свою мать как никого. При встрече с ней неизменно становился на колени и преклонял голову к ее ногам.

В 1818 году Елисавете Андреевне исполнилось уже 68 лет. Дух ее оставался прежним, но здоровье ослабло. Жалобы на плохое самочувствие стали появляться почти в каждом ее письме к сыну. Сознавая, что жить ей осталось недолго, она старалась позвать Алексея к себе, чтобы наглядеться на него перед уходом в мир иной, и просила его чаще писать ей письма. «Милостию Божией я жива, но здоро-

вье мое слабо, — писала Елисавета Андреевна в ноябре 1818 года. — Давно уже лишаюсь я радости читать письма твои. Скажи мне, мой милый друг, здоров ли ты и посетишь ли меня? Я ожидаю, но не знаю, утетишь ли меня, моя надежда? Ежели тебе, моему бесценному другу, нельзя посетить меня, так уведомя. Я останусь тогда спокойна. Поздравляю тебя, моего прелюбезного друга, с наступающим днем твоего ангела! Молю Бога и ангела твоего, да сохранит тебя. Буди на тебе, моем премноголюбезном друге, Божие и мое материнское благословение».

«Неоцененное мое сокровище, милой мой друг Алешинька! — обращалась Елисавета Андреевна к сыну в январе 1819 года. — Я, слава, Богу, покудова еще жива, но здоровьем, батюшка, слаба. И скучно: все родные разгавливаются вместе, а я бедная одна... Дай Бог, чтобы ты, мое утешение, был здоров, а звать тебя не смею: знаю, если бы можно, не отказал бы меня утешить. Благодарю за письма и за присылание денег, я получила и прочие все посылки... Прости, мое неоцененное сокровище, целую тебя, моего друга, буди над тобою мое родительское благословение»¹.

Алексей Андреевич, если представлялась возможность, наезжал к своей матери в Курганы или Бежецк. Елисавета Андреевна привыкла к его частым письмам, разного рода подаркам. В начале 1819 года он по какой-то причине не смог навестить мать, хотя обещал приехать 9 января, и даже письма не написал. Елисавета Андреевна была в крайнем беспокойстве. «Дражайшее и прелюбезнейшее мое сокровище и премного милой мой друг Алексей Андреевич, — обращалась она к сыну 20 февраля. — Поначалу сего наступившего Нового Года и по 16-е чи[сло] сей настающие четыре — десятицы во все время я неусыпно и денно и ношно была во ожидании к себе тебя, неоцененного друга моего. Напротив того, не токмо пожаловать ко мне так уже в 9-го чи[сла] Генваря; не могла удовольствие иметь в получении и премного приятнейших писем твоих; уведомя меня, мое сокровище, что с тобой сделалось. Что ты мени позабыл и за что на меня прогневался; не дай мне безвременно, отец мой, умереть, я и так уже за слабостию здоровья моего почти на краю гроба стою; так что с великим принуждением могу что приказать и написать к тебе; а сие письмо пишу по необходимости, что я уже вышла из границ терпения; в надежде того, что если ты, мой батюшка, еще существу-

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 121. Л. 65. На листе рукою Аракчеева — «получено 8 января».

ешь, так оное письмо чрез сего подателя скорей до тебя дойдет и скорее опять могу получить на сие ответ»¹.

Весной 1820 года мать графа Аракчеева ездила помолиться в Ростов. Это была последняя поездка непоседливой Елисаветы Андреевны. Приехав в Курганы, она слегла, совсем ослабевшая от старости и болезней. И стала отчаянно звать к себе Алексея. «Я уже тебе, прелюбезному другу моему, — обращалась она к сыну в начале июля, — писала в двух письмах о вояже в Ростов и полагаю, что ты оныя уже получил, в которых неоднократно уведомляла тебя и о положении слабого моего здоровья и вместе с сим просила тебя, чтобы ты, мое сокровище, в проезд твой с Государем императором в Тверь, меня навестил и пожаловал бы ко мне хотя на один денек. Также и при сем прошу тебя, мой батюшко, навещением своим не оставить меня при слабом моем здоровье, ибо я крайне, мой друг, не могу: с принуждением могла приказать к тебе и отписать. Поверь Богу, что мало и с постели схожу, и то тогда, когда меня насильно поднимут, о чем я чрез мои письма просила, при свидании с тобой, пересказать тебе Михаила Михайловича² и Ивана Терентьевича Сназина и с надеждою осталась в нетерпеливом тебя ожидании». Это было последнее письмо Елисаветы Андреевны к своему любимому сыну.

Алексей Андреевич приехать не успел. Вскоре по получении этого письма ему передали записку от находившегося при больной П. К. Еремеева: «Батюшко, ваше сиятельство, Алексей Андреевич! К общему нашему прискорбию, должны известить вас: дражайшая наша родительница, Елизавета Андреевна, отъиде веку сего 17 числа, по утру в 11 часов».

Похоронили Елисавету Андреевну в селе Курганы на кладбище храма Пресвятой Богородицы рядом с могилой ее мужа. Храм этот был возведен в 1816 году «тщанием прихожанки, госпожи поручицы Елизаветы Андреевны Аракчеевой». Алексей Андреевич бросил все свои дела и несколько дней находился в селе. В Российском государственном военно-историческом архиве в настоящее время хранятся документы, объединенные под заглавием, начертанным рукой графа Аракчеева: «Бумаги по кончине матушки Елисаветы Андреевны в селе Курганах. 26 июля 1820 года»³. В них — опись иму-

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 121. Л. 260.

² М. М. Волынского.

³ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 128. Л. 69–90.

щества, оставшегося от покойной. Так, на одном из листов написано: «1820-го года июля 23-го дня после кончины родительницы оказалось наличных денег...» и далее идет перечень: «ассигнаций — 12700, серебра и золота — 373 (после похорон и раздач). В ломбарде — 10000. У В. Ф. Ильина по завещательному письму — 10000». На другом запись: «Всего денег наличными осталось 30500, исключая серебро и золото. Воля покойной нашей родительницы, дабы сии деньги были разделены: Петру Андреевичу — 10500, Ванюшке¹ — 10000 руб. и графу — 10000 руб.». На одном из последующих листов слова: «Управлять имением завещано в Курганах Наталье Даниловне Заостровской». Поручица Заостровская была дальней родственницей Аракчеевых. Елисавета Андреевна подарила ей двух крепостных женщин, а восемь человек дворовых, находившихся при ней последние годы, отпустила на волю.

Посещая после смерти матери храм Пресвятой Богородицы, Алексей Андреевич обратил внимание на две иконы — Покрова Пресвятой Богородицы и Божией Матери Всех Скорбящих Радости. Впоследствии он прислал из Петербурга для этих икон серебряные ризы с надписями.

Одна из них, предназначавшаяся для иконы Покрова Пресвятой Богородицы, гласила: «Тверской губернии Бежецкого уезда села Курган древний образ Покрова Богородицы украшен ризою весом в 8 фун. 40 зол. В Санктпетербурге иждивением графа Аракчеева в поминовение родителей его, погребенных в сем храме Божием. Родитель Андрей Аракчеев скончался 1796 г. Июля 29. Родительница Елисавета Аракчеева скончалась 1820 г. Июля 17 дня».

Надпись для другой иконы была следующей: «Тверской губернии Бежецкого уезда села Курган древний образ Божия Матери всех скорбящих Радости украшен серебрянною ризою весом 9 фун. 22 зол. В Санкт-Петербурге в 1820 году иждивением графа Алексея

¹ Историк и краевед, прямой потомок участника Бородинского сражения и заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. Василия Ивановича Ляпишева, Георгий Владимирович Ляпишев установил по документам РГВИА, что Ванюшка, о котором говорилось в завещании Елисаветы Андреевны, был ее внуком, сыном Андрея Андреевича Аракчеева. См. об этом: *Ляпишев Г. В.* Ванюшка Аракчеев — неизвестный племянник известного дяди // Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. Вып. 3. М., 2008. С. 51–56. Родился племянник графа Аракчеева примерно в 1811–1812 гг., следовательно, в 1820 г. было ему 8–9 лет. В 1817 г. он гостил в Курганах у своей бабушки. Дальнейшая же его судьба неизвестна, но скорей всего, имея слабое здоровье, Ванюша Аракчеев не дожил до взрослого возраста.

Аракчеева в поминование родителей его Андрея и Елизаветы». Граф передал в храм также бронзовую вызолоченную пластинку, которая была прикреплена на киот иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости. На ней была вычеканена следующая надпись: «Покой Господи в царствии Твоем рабов Божиих: Андрея, Елизавету, Андрея, Ирину, Андрея, Надежду, Никиту, Евдокию, Константина убиенного, Параскеву, Андрея воина, девицу Марию, младенцев Анну, Надежду, Евдокию».

Алексей Андреевич вспомнил своих родичей: деда Андрея и бабушку Ирину (по линии отца), бабушку Надежду (по линии матери), брата Андрея, умерших во младенчестве или в детстве братьев Александра, Стефана, Николая и сестер Марию, Анну, Надежду, Евдокию.

От семьи Андрея и Елизаветы Аракчеевых, в которой родилось одиннадцать детей, остались только двое — Алексей и Петр. И оба без детей...

* * *

О том, что Михаил Шумский — не его сын, Алексей Андреевич узнал в конце 1819-го — начале 1820 года. Об этом можно судить по некоторым письмам. Так, в письме от 20 июля 1819 года Настасья Минкина писала графу: «Желаю, чтоб наш *сын общий* был примером благодарности...» Но в письме Аракчееву от 11 августа 1820 года она уже не называла Мишу таковым, но писала: «Вы любите *моего* Мишу: неужели я могу все это забыть» (курсив мой. — В. Т.). К 1824 году Аракчеев уже определенно знал, что Михаил Шумский не приходится ему сыном. В письме М. А. Персидской от 7 апреля указанного года он писал: «Напрасно вы, Милостивая государыня, думаете обо мне, что я будто одобряю худые поступки, а особливо у молодых людей, — увещевал граф Марию Александровну и далее признавался: — *Я сам имею воспитанника вместо сына* и люблю его не менее сына, но всегда строго взыскиваю с него и не балую его, ибо меня мой родитель часто ссекал, а потому я и без воспитания модного вышел в люди, а вы ныне не успеете сыновей одеть в мундир, да уже с ними обращаетесь как с друзьями; жалкое дело, а последствие оному вы имеете на опыте» (курсив мой. — В. Т.).

Обнаружив, что Михаил не его сын, Алексей Андреевич действительно не переменял к нему своего отношения и продолжал любить его как настоящего сына. По окончании обучения у Н. И. Греча Ми-

хаил был направлен графом в Пажеский корпус. Дав ему приличное по тем временам образование, Аракчеев открыл ему путь для успешной карьеры. В марте 1821 года камер-паж Его Императорского Величества Михаил Шумский был произведен в прапорщики и зачислен для прохождения военной службы в конную артиллерию. В августе 1823 года получил чин подпоручика.

Аракчеев всячески старался продвинуть своего «воспитанника» по служебной лестнице. В марте 1824 года он решился представить его государю. «Донесение сие отправляю к Вам, батюшка, с воспитанником моим, гвардии конной артиллерии подпоручиком Шумским, — сообщал граф императору Александру в письме от 13 марта. — Он везде при объявлении указа лично находился. Я приготавливаю его, если угодно будет Богу, себе вместо сына и надеюсь, что он будет верный слуга Государю, а потому и желательно мне при жизни своей видеть его при подобных серьезных занятиях, дабы он мог заслужить внимание своего Государя». Александр на просьбу Аракчеева не замедлил откликнуться. 6 апреля он определил Шумского к себе флигель-адъютантом. Алексей Андреевич был вне себя от радости. «Батюшка, Ваше Величество! — писал он Александру на следующий день. — Сейчас получил я известие об оказанной мне милости назначением моего Шумского флигель-адъютантом. Первое мое дело было идти в церковь и пасть на колени в храме Божиим за Государя моего, коему посвятил всю мою жизнь и телом и душой...»

Михаил рос добрым человеком и был не без дарований. Но надежд, которые возлагал на него приемный его отец, оправдать ему было не суждено. Человеком он оказался совершенно безвольным и, предавшись однажды пьянству, уже не мог удержаться от этого порока. Впрочем, Михаил и сам не хотел очень отказываться от него. По некоторым свидетельствам, проистекающим, возможно, из его собственных слов, Шумский запил потому, что открыл для себя горькую правду о том, что ни граф Аракчеев, ни Настасья Федоровна не являются настоящими его родителями.

Как бы то ни было, в 1824 году его много раз видели пьяным на службе. Аракчеев знал о пристрастии своего «воспитанника» к водке и как мог старался отвлечь его от пьянства, но оказался бессилен. Однажды Шумский, будучи уже флигель-адъютантом, не постеснялся предстать в пьяном виде перед самим государем. Александр не мог держать при себе офицера с таким пороком. 12 июня Михаил Шумский был назначен состоять для особых поручений при главном начальнике Отдельного корпуса военных поселений генерале от ар-

тиллерии графе Аракчееве. Удаляя Шумского от своей особы, Александр, дабы утешить графа, произвел его «воспитанника» в чин поручика. «Батюшка, Ваше Величество! — писал в ответ на это Аракчеев. — Вчера возвратился ко мне генерал-майор Клейнмихель и объявил мне о милостивом Вашего Величества меня награждением производством Шумского. Я спешу, батюшка, принести Вам мою верноподданную благодарность...»

С тех пор Алексей Андреевич старался держать Михаила при себе, дабы не натворил где чего. В то время он надеялся, что все само собой образуется и его приемный сын, которого принял он всей душой, исправится...

* * *

За полтора года до смерти Елисаветы Андреевны умер друг-земляк графа Аракчеева — Михаил Васильевич Храповицкий. Он был похоронен на кладбище села Троица. Могила его сохранилась до настоящих дней у храма Иоанна Богослова, возведенного на месте прежней деревянной церкви в 1840 году. На плите и сейчас еще можно разобрать надпись: «Здесь погребено тело в Бозе почившаго надворного советника Михаила Васильевича Храповицкого, родившагося в 1758 году сентября 17 числа, преселению благотворной души к вечному правосудию последовал в 1819 году февраля 20 дня на 67 году от рождения к душевному прискорбию 869 душ его подданных крестьян и дворовых людей, которых наградил полною свободою. Благodeяния сего великаго мужа да не изгладятся из душ в бесконечные веки».

Отпустить своих крепостных крестьян на волю друг графа Аракчеева хотел еще в 1808 году. 28 октября указанного года Храповицкий составил прошение на имя государя императора Александра I, в котором просил разрешить отпустить ему в свободные хлебопашцы 214 ревизских душ с их женами и детьми. Но по какой-то причине его прошению не было дано хода.

В своем завещании Михаил Васильевич распорядился и землями, которые оставались после него. Большую их часть он завещал передать своим дворовым людям.

* * *

Алексей Андреевич не забывал никого из своих друзей и родственников. И после смерти матери он продолжал бывать в Курганах и в

Бежецке. Два-три раза в году приезжал он навестить свою любимую тетку Настасью Никитичну Жеребцову¹. Ее имение находилось не-подалеку от Бежецка, а в городе она имела дом. В нем и останавливался граф. В домике же его родителей в 20-е годы проживала супруга его не вернувшегося живым из заграничного похода брата Андрея. По сохранившимся в Бежецке воспоминаниям, у дома Настасьи Никитичны на время пребывания Аракчеева выставлялся почетный караул, для которого ставилась специальная будка. «Каждый приезд Аракчеева, хотя он и не был редкостью для Бежецка, вызывал в городе большие волнения. Все, что несло какую-нибудь общественную службу, подтягивалось. Чистились местные учреждения, чистились площади и дороги, чистились улицы у обывательских домов. Словом, чистилось всюду, где только было возможно»².

Остальные российские городки, наверное, завидовали Бежецку и очень расстраивались от того, что к ним не приезжал время от времени фаворит императора. **Что делать: граф Аракчеев был один — на всю Россию!..**

¹ Н. Н. Жеребцова умерла в 1839 г.

² Постников Н. Н. Граф Аракчеев по сохранившимся в Бежецке воспоминаниям. Тверь, 1913. С. 7.

Глава пятнадцатая

Прощание

1825 год граф Аракчеев встретил, пребывая на вершине своего могущества. Общество смотрело на него как на фактического правителя России. В ходу была такая, например, шутка: «Недаром же в русском гербе двуглавый орел, и на каждой голове корона, ведь и у нас два царя: Александр I да Аракчеев I».

Графа, однако, боялись больше государя. У многих при одном упоминании имени Аракчеева начинало трепетать сердце. Генерал-майор С. И. Маевский посетил аракчеевский дом в начале 1824 года. «Я как теперь помню тот день, когда я явился к графу, — писал он в своих мемуарах спустя два десятилетия. — Невольный трепет пробежал по моим жилам. Меня ввели в переднюю, где я дожидался с полчаса; потом перевели в парадную залу, где я опять дожидался с час. Во все это время лихорадочная дрожь не оставляла меня. Надобно заметить, что храм, или дом, Аракчеева весьма много похож на египетские подземные таинства. В преддверии встречает вас курьер и ведет чрез большие сени в адъютантскую; отсюда, направо, собственная канцелярия государя императора, налево — департамент Аракчеева, а прямо — приемная. Везде мистика, везде глубокая тишина; даже на физиогномиях ничего более, кроме страха, не отсвечивается. Всякий бежит от вопроса и ответа. Всякий движется по мановению колокольчика и почти никто не открывает рта. Это тайное жилище султана, окруженного немymi прислужниками».

Для важных сановников приемная Аракчеева была сущим пыточным застенком. Попытки были, правда, только моральными, но оттого несколько не менее мучительными. Посетители испытывались здесь на долготерпение в кабинетной духоте, выдерживались на спокойствие в потоке оскорблений, проверялись на храбрость и стойкость духа под ударами аракчеевского гнева и разнообразных запугива-

ний. Генерал-майор Маевский вспоминал о том, как встретил его граф. «Государю императору угодно было назначить вас в помощь мне для формирования Старорусского военного поселения», — сказал Аракчеев. Маевский ответил, что выбор сей считает священной для себя обязанностью и сколько силы и способности его позволят, будет стараться оправдать доверенность графа к нему. «Нет, не мою, а государя! — зло оборвал граф генерала. — Я вас не выбирал и даже не знал, а выбрал вас сам государь. Я давно уже запретил себе избирать помощников; они проучили меня, и я ни за кого из вас не хочу краснеть пред государем. По мне выбери государь хоть козла, для меня все равно, лишь бы только он не умничал, а делал то, что я приказываю».

Мало кто из сановников сохранял свое достоинство в общении с Аракчеевым. Боевые генералы, не раз показывавшие чудеса храбрости перед лицом смерти на полях сражений, превращались в работлепных чиновников в присутствии графа. Петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович подолгу толкался в его приемной ради того только, чтобы выразить ему свое почтение и каким-либо образом польстить. При появлении Аракчеева герой Отечественной войны изгибался в три погибели. И это был тот самый Милорадович, который, участвуя в Итальянском 1799 года походе Суворова, в одном из сражений, когда русские воины под напором неприятеля дрогнули и начали отступать, схватил знамя и с криком: «Солдаты! Посмотрите, как умрет ваш генерал!» — бросился вперед и увлек за собой остальных, решив тем самым исход сражения в пользу русской армии.

В 1825 году графу Аракчееву исполнялось 56 лет. Тридцать три года из них служил он российскому престолу. К нему привыкли и, судя по тому, как пресмыкались перед ним, считали, что ему еще долго пребывать у власти. Но сам Алексей Андреевич думал совсем иначе. Старость начинала брать свое — в его письмах зазвучали нотки опасения за дальнейшую свою судьбу. «Подвигаясь к шестидесятым годам своей жизни, человек должен всегда ожидать разных в своем физическом положении перемен, — писал он государю 9 июня 1824 года. — Окроме моих обыкновенных грудных припадков, открылась у меня слепота в глазах: каждое утро я не могу около получаса видеть и читать, но после оное проходит. Я не ропщу на оное, ибо глаза мои довольно работали, а и об Вас, батюшка, я уверен, что Вы старого слугу своего и слепого будете любить». «Я одного боюсь, — делился граф своими опасениями в письме к Алек-

сандру от 8 апреля 1825 года, — что естли мои припадки доведут меня до такого положения, что я не в состоянии буду исполнять моих обязанностей, кои я всегда с удовольствием и полным рачением по душевной моей привязанности к Вашему Величеству исполню».

В дополнение ко всем болезням Аракчеева стала посещать в это время бессонница, и все чаще и чаще. Находившемуся при нем доктору прибавилась забота — коротать ночи с капризным, по малейшему поводу раздражающимся графом. Пытаясь заснуть, Алексей Андреевич ложился на диван, а доктора сажал рядом. Час-два обыкновенно молчал, тяжело вздыхая. Но затем начинал проявлять свой характер. Протягивал, к примеру, доктору руку и просил:

— Пошупай мне пульс!

Доктор выполнял просьбу.

— Что, я болен? — вопрошал граф.

— Да, ваше сиятельство, вы больны.

— А знаешь ли, отчего я болен?

— Не знаю, ваше сиятельство!..

— Ну, так я тебе скажу: оттого, что ты дурак!

Обругав бедного доктора, Аракчеев чувствовал облегчение. Некоторое время вновь молчал, пытаясь заснуть. Вздыхал, призывал на помощь Бога — напрасно. Тогда вновь принимался за доктора.

— Что же ты все сидишь? — скажет, бывало, ему. — Ты бы походи!

Доктор начинал ходить взад-вперед по кабинету. Граф успокаивался, да ненадолго.

— Ты мне и вздремнуть не даешь, — заявлял он вдруг, — все ходишь и ходишь, хоть бы посидел.

Доктор опять садился. И так продолжалось иной раз в течение всей ночи.

* * *

Аракчеева и Александра связывали три десятилетия совместной деятельности и дружбы. При тех отношениях, которые существовали между ними, при той роли, какую играл в механизме управления империей граф, при тех политических правилах, какие исповедовал государь, — что могло разорвать данный их союз? Разве что смерть кого-то из них.

Алексей Андреевич был уверен, что умрет первым...

1 сентября 1825 года его величество отправился из Царского Села в Таганрог. Граф Аракчеев остался в Санкт-Петербурге. Он имел у себя маршрут путешествия императора с обозначением дат и названий населенных пунктов¹. В первый день сентября Александр намеревался доехать до Романшина, во второй — до Боровичей и т. д. Аракчеев должен был, управившись с делами в Петербурге, пуститься следом за ним: в Таганроге их обоих ждало одно большое дело, к которому долго не решались они серьезно приступить и лишь накануне решились. Дело это было связано с тайными обществами. В распоряжении Александра находились списки дворян-заговорщиков и было достаточно много известно об их намерениях и действиях. Знал об этом и Аракчеев. Надлежало принять серьезные меры по пресечению заговора.

Можно предполагать, сколь энергично действовал бы Аракчеев, поручи ему император разобраться с заговорщиками. Ведь это был заговор не только против Александра, но и против графа-временщика. Будущие декабристы не скрывали, что одной из главных причин, по которой они стали на путь организации заговора, был «зловредный» любимец Александра, «змей» и «людоед» Аракчеев. В. Ф. Раевский писал впоследствии в своих воспоминаниях: «1812, 1813 и 1814 годы загладили Аустерлицкую бойню и постыдный Тильзитский мир и доказали Европе всю силу или могущество не правительства, а народа русского. Не только немцы, но англичане и французы с уважением встречались с русскими офицерами, любовались сильными, стройными, боевыми и всегда веселыми русскими солдатами. Победа за победою положили конец войне. В 1816 г. войска возвратились в Россию. Избалованные победами, славою и почестями, они встретили в отечестве недоверие правительства, неуважение к храбрым начальникам и палочную систему командования. Аракчеев был временщик. Тупой, бесчувственный, мелочный капрал, проживший всю жизнь в Петербурге, он был самый гнусный раб царя и палач народный. Военные поселения, это злодейское учреждение, погубило тысячи народа — история выскажет, что такое эти поселения! Вместо военных, храбрых генералов всю власть, все доверие отдавали таким начальникам, как Рот, Шварц, Желтухины. Знаменитым генералам Отечественной войны оказывали только наружное уважение». Автор этих злых строк не знал ни Аракчеева,

¹ Бумага с обозначением государева пути в Таганрог сохранилась в аракчеевском фонде РГВИА (Фонд 154. Оп. 1. Д. 134).

ни правды о военных поселениях, но, видно, очень велика была его обида, если он писал такое.

Скорее всего, Александр I не стал бы устраивать открытого суда над заговорщиками — не имел он морального права судить их, ибо сам участвовал в молодости своей в заговоре (да не просто участвовал: не согласись он занять трон вместо отца своего, не случилось бы ни заговора, ни убийства отца). Но аресты, содержание под стражей, следствие, допросы — все это было бы. А кое-кто, быть может, и сгинул бы навсегда в каменном мешке какой-нибудь крепости в полной неизвестности для общества. И можно не сомневаться, главным палячом во всем этом деле выставлен был бы граф Аракчеев.

Судьба не позволила Алексею Андреевичу взять на свою репутацию еще одно черное пятно.

В четверг 10 сентября граф встал, как обычно, в пять часов утра. Сперва приготовил к отправке государю требуемые дела, затем с восьми часов утра занялся проверкой качества строительных работ в Селищах — месте расположения гренадерского полка своего имени. После этого, в двенадцать часов дня, он намеревался отобедать и поехать в Грузино, находившееся верстах в тридцати от Селищ. Но качество работ оказалось плохим, и граф стал разбираться с виновниками. Поэтому задержался в полку дольше, чем предполагал.

Около часу дня к Алексею Андреевичу подошел доктор Карл Христианович Даллер¹ и сообщил, что из Грузина прибыл нарочный (это был грузинский голова Павел Шишкин) с нехорошим известием: отчаянно заболела Настасья Федоровна и надежды на выздоровление никакой. Услышав эту весть, Аракчеев побледнел и зашатался. Спросил, готова ли коляска. Предусмотрительный Даллер приготовил ее заранее. Бросив все дела, забыв про обед, граф помчался в Грузино. К нему присоединились доктор и командир полка полковник Ф. К. фон Фрикен.

Между тем Настасья Федоровна в действительности не заболела, а была зарезана одним из дворовых людей. Даллер знал об отношении Аракчеева к этой женщине и, желая постепенно подготовить его к жестокой правде, не сказал ему, что произошло на самом деле. Половину дороги граф мучился неизвестностью о состоянии своей возлюбленной. Однако на подъезде к Грузину ему повстречался штабс-капитан Кафка. Алексей Андреевич остановил коляску и спросил его

¹ К. Х. Даллер являлся в то время главным лекарем военных поселений в Новгородской губернии.

о Настасье Федоровне. Кафка, не догадываясь, какой удар нанесет графу правдой, простодушно ответил: «Нет никакой помощи, ваше сиятельство, голова осталась на одной только кожице».

Аракчеев сначала застыл, как столб, а потом — когда дошел до него смысл сказанного — заревел диким голосом. Выскочил из коляски и бросился в траву, стал драть ее, рвать волосы на себе, крича при этом: «Убили, убили ее, так убейте же и меня, зарежьте поскорее!» Доктору с большим трудом удалось успокоить его и усадить обратно в коляску.

Когда Алексей Андреевич прибыл в имение, Настасья уже лежала на столе. Увидев ее мертвую, он впал в такое отчаяние, что, казалось, помешался рассудком. С рыданиями выскочил во двор к собравшимся возле дома дворовым, среди которых находился и убийца, еще ему неизвестный, рванул на груди своей мундир и закричал диким голосом: «Режьте меня! Лишайте, злодеи, жизни! Вы отняли у меня единственного друга! Я теперь потерял все!»

Пребывавший в Грузии Михаил Шумский, видя надрывное отчаяние Алексея Андреевича, послал гонца с сообщением о происшествии к отцу Фотию. Тот прибыл на следующий день и до самых похорон убиенной не отходил от Аракчеева, стараясь успокоить его объятую горем душу. И несчастный граф немного успокоился¹.

Но когда совершалось погребение Настасьи и гроб с нею опустили в могилу, Аракчеев опять взъярился, в отчаянии кинулся за гробом, призывая истощенным воплем резать его немедленно и закопать вместе с Настасьей, без которой жизнь ему не нужна. С большим трудом удалось вытащить его, всего в ушибах и царапинах, из могилы.

Похоронил Алексей Андреевич свою Настасью в Грузинском соборе возле могилы, приготовленной для себя. На плите была сделана надпись: «Здесь похоронено тело мученицы Анастасии, убиенной дворовыми людьми села Грузина, за беспредельную и христианскую любовь ее к графу».

* * *

Утраты всегда раскрывают характер человека полнее, чем приобретения. Радость лишь слегка касается души и не способна извлечь

¹ «Описание происшествия по смертоубийству в Грузии, случившемуся 10-го сентября 1825 года, в 6-м часу утра» / НИОР РГБ. Фонд 16, Барскова. К. 25. Ед. хр. 10. Л. 33–34.

из нее истинного ее звучания. А горе камнем наваливается на душу, исторгая из нее стон — этот самый чистый, свободный и искренний звук человеческой души.

Таким человеком, каким предстал Аракчеев после смерти Настасьи Минкиной, он прежде никогда еще не представлял. В жестоком и грубом временщике, в сановнике, всего себя отдававшем службе, явился вдруг человек с ранимым сердцем, способный глубоко и всей натурой своей предаваться скорби. С той же грубостью и жестокостью, с какими раньше действовал он, исполняя свой служебный долг, отправляя дела, порученные государем, вел он себя теперь, отрекаясь от данного долга и от всех своих государственных дел.

11 сентября 1825 года, то есть на следующий день после происшествия в Грузии, Алексей Андреевич направил статс-секретарю Н. Н. Муравьеву¹ следующее письмо: «По случившемуся со мною несчастию и тяжкому расстройству моего здоровья, так что я никакого соображения не могу делать по делам мне вверенным; почему и благоволите ваше Превосходительство всеми делами бывшими в моем заведывании как по Канцелярии, так и по Комитету управлять и получаемые от Государя Императора конверты распечатывать, как равномерно и все письма на мое имя, а ко мне ничего не присылать, о чем я донес и Государю Императору».

В тот же день Аракчеев написал письмо генерал-майору А. А. Эйлеру, в котором повелел ему принять на себя командование Отдельным корпусом военных поселений.

Императору Александру граф написал 12 сентября: «Случившееся со мною несчастье потеряннем верного друга, жившего у меня в доме 25 лет, здоровье и рассудок мой так расстроился и ослаб, что я одной смерти себе желаю и ищущу, а потому и делами никакими не имею сил и соображения заниматься; прощай, батюшка, вспомни бывшего тебе слугу — друга моего зарезали ночью дворовые люди — я не знаю еще куда осиротевшую свою голову приклоню; но отсюда уеду. Верный слуга Г. А.».

В Петербурге приближенные к царю сановники восприняли известие о поразившем Аракчеева ударе судьбы и отходе графа от го-

¹ О Николае Назарьевиче Муравьеве уже шла речь на страницах этой книги. Он был Новгородским гражданским губернатором с 8 августа 1815 г. 26 августа 1818 г. был назначен статс-секретарем для выполнения особо возложенных на него поручений по Собственной Его Императорского Величества канцелярии и находился с этого времени в распоряжении управляющего канцелярией графа Аракчеева.

сударственных дел с большой тревогой. 13 сентября А. Б. Куракин писал пребывавшему в Грузии доктору Карлу Христиановичу Даллеру: «Прошу покорнейше, Ваше Превосходительство, известить меня, в каком положении находится ныне здоровье его и не будет ли от душевных страданий графа худых последствий». Многие из сановников направили в Грузию письма соболезнования и своего участия в постигшем графа горе¹. Сперанский же, узнав о состоянии Аракчеева, отправился к нему лично. И больше двух месяцев находился при несчастном графе, пытаясь утешить его². К нему с просьбой узнать о состоянии Аракчеева обратился с письмом временно председательствовавший в то время в Государственном совете А. Б. Куракин³. Другие сановники также спешили узнать у тех, кто пребывал в эти дни рядом с Аракчевым, что-либо о его здоровье. Отход временщика от государственных дел воспринимался ими так, будто намечалась смена государя на престоле Российской империи. Каким удивительным чутьем на перемены в верховной власти обладали русские сановники в те времена!

1 октября в Грузию пришло письмо от императора Александра, отправленное из Таганрога 22 сентября. «Любезный друг! — обращался государь к своему убитому горем слуге. — Несколько часов, как я получил письмо твое и печальное известие об ужасном происшествии, поразившем тебя. Сердце мое чувствует все то, что твое должно ощущать. Но, друг мой! Отчаяние есть грех перед Богом. Предайся слепо Его святой воле. Вот единая отрада, одно успокоение, которое в подобном несчастье я могу тебе указать. Других не существует, по моему убеждению. Искренно я разделяю печаль твою, я живо воображаю себе все, что в тебе, любезный друг, должно было произойти. Твое положение, твоя печаль крайне меня поразила. Даже мое собственное здоровье сильно оно почувствовало... Ты мне пишешь, что хочешь удалиться из Грузина, но не зна-

¹ К примеру, 15 сентября направил большое письмо с соболезнованиями графу Аракчеву генерал-лейтенант А. И. Чернышев, являвшийся в тот момент председателем в Комитете об устройстве Донского казачьего войска и находившийся в свите императора Александра во время его поездки по югу России.

² Во всяком случае, 23 ноября 1825 г. Сперанский пребывал еще в Грузии. В аракчевском фонде РГВИА сохранилось письмо А. Б. Куракина на его имя в Грузию, датированное указанным днем, с просьбой сообщить, каково состояние графа Аракчеева.

³ 15 сентября А. Б. Куракин написал письмо Михаилу Шумскому с надеждой разузнать у него о состоянии графа Аракчеева.

ешь, куда ехать? Приезжай ко мне; у тебя нет друга, который бы тебя искренне любил. Место здесь уединенное, будешь здесь жить, как ты сам расположишь. Беседа же с другом, разделяющим твою скорбь, несколько ее смягчит. Но заклинаю тебя всем, что есть свято, вспомни Отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать, необходима, а с Отечеством и я неразлучен. Ты мне необходим. Я далек от того, чтобы желать от тебя продолжения трудов твоих в первое время твоей грусти. Дай себе все нужное время на некоторое успокоение душевных и телесных своих сил. Вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требует все оное довершения. Я Бога усердно прошу, чтобы Он подкрепил твои силы и здоровье и вселил бы в тебя необходимую твердость, с повиновением Его святой воле. Пришли мне подробное описание ужасного сего происшествия, показание преступников и твое по всему оному предположение. Объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойти всеми мерами: не было ли каких тайных направлений или подущений. Любезный друг, жаль мне, выше всякого изречения, твоего чувствительного сердца. Я представляю себе, что оно должно чувствовать, и скорблю с ним искренно! Прощай, любезный Алексей Андреевич, не покидай друга, верного тебе друга».

Не дожидаясь ответа графа на это свое письмо, встревоженный Александр обратился 3 октября к архимандриту Фотию с просьбой подействовать на душевные силы несчастного. «Подкрепя их, вы окажете важную услугу государству и мне, — писал он, — ибо *служение графа Аракчеева драгоценно для Отечества*. Христианин обязан с покорностью переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы все в воле Его. Испрашивая благословения вашего, поручаю себя молитвам вашим. *Письмо сие хранить в тайне*».

На послание государя с приглашением приехать к нему в Таганрог граф ответил в тот же день, как получил его. «Письмо Ваше есть отцовское утешение в моей печали, и я, конечно, возлагаю мое упование на Бога, но силы мои меня оставляют. Биение сердца, ежедневная лихорадка, и три недели не имею ни одной ночи покою, и единая тоска, уныние и отчаяние, все оное привело меня в такую слабость, что я потерял совсем память, и не помню того, что делаю и говорю за несколько часов, следовательно, какие со мною будут последствия одному Богу известно.

Единое же мое утешение ныне — уединение и церковь, а потому я и решил еще остаться здесь до тех пор, сколько могут вытерпеть мои телесные силы.

Ах! Батюшко, естли бы вы увидели меня в теперешнем положении, то вы бы не узнали вашего верного слугу. Вот положение человека в мире сем, единым моментом во власти Божией изменяется все человеческое положение» — так описал Алексей Андреевич свое душевное и физическое состояние и после этого заметил: «О поездке моей к вам ничего не могу еще ныне сказать, благодарю и чувствую в полной цене ваши милости, в коих истинно уверен, ибо Богу известно, что я служил вам честно, верно и преданно».

В заключение письма граф дал волю своей мнительности, заявив Александру: «Легко, может быть, батюшко, сделано сие происшествие и от постороннего влияния, дабы сделать меня неспособным служить вам и исполнять свято вашу, батюшка, волю, а притом по стечению обстоятельств можно еще, кажется, заключать, что смертоубийца имел помышление и обо мне, но Богу угодно было, видно за грехи мои, меня оставить на мучение, сие все мы узнаем в том лучшем мире, а не в здешнем злом и коварном. Обнимаю заочно колени ваши и целую руки ваши. Остаюсь несчастный, но верной вам до конца жизни преданной слуга».

* * *

Тем временем в Грузии шло следствие. Официально руководил им Новгородский гражданский губернатор Д. С. Жеребцов, а следственные действия проводила специальная комиссия, «учрежденная для исследования о умерщвлении Шумской». Но неофициально ход следствия направлял начальник штаба Отдельного корпуса военных поселений генерал-майор П. А. Клейнмихель. И направлял к одной цели — наказать как можно больше людей, причем насколько возможно быстрее и предельно жестоко.

Для достижения этой цели «следователи» безоглядно нарушали законодательство, действовавшее в то время в Российской империи. Стремясь продемонстрировать преданность своему благодетелю Аракчееву, губернатор Жеребцов даже приезжал в Грузино и самолучно участвовал в допросах обвиняемых.

По существовавшему тогда законному порядку решения по уголовным делам, по которым проходило более девяти обвиняемых, назначенных к наказанию, должны были представляться через Сенат на высочайшее утверждение. Соблюдение такого порядка отдавало бы наказание убийцы и лиц, причастных к убийству Настасьи, на весьма продолжительное время. Дабы ускорить ход дела, губер-

натор Жеребцов разбил его на семь дел: по каждому из них проходило не более шести обвиняемых.

Убийца и причастные к убийству Настасьи люди были установлены быстро. Прибывший с Аракчеевым в Грузино командир полка его имени полковник Ф. К. фон Фрикен распорядился сразу же арестовать всех находившихся в то утро в имении дворовых — более 24 человек. На допросах перепуганные крестьяне рассказали все, как было, и даже более того. Материалы дела, рассматривавшегося в Новгородской палате Уголовного суда¹, показывают, как много лишнего наговорили на себя и других подследственные.

Оказалось, что Настасью убил работавший на кухне аракчеевского дома крепостной 20-летний Василий Антонов. На допросах он рассказал, что пошел на это преступление под влиянием своей сестры Прасковьи (21 год) и дворовых девок Татьяны (17 лет) и Федосьи (19 лет) Ивановых. Все они жаловались ему на управляющую домом графа Настасью Шумскую, говоря, что она «часто причиняет им напрасные побои», и якобы просили его каким-либо образом ее извести. Василий Антонов признался, что согласился на это из сожаления к женщинам, которых Настасья мучила. О замысле убийства домоправительницы знало несколько человек, служивших у графа в качестве дворовых: это жена Василия, 30-летняя Дарья Константинова, брат Николай Антонов (16 лет), 48-летняя Елена Фомина, а также состоявшие на военной службе мастеровой Илья Протопопов (25 лет), дворецкий Иван Некшинский (32 года), фельдшер Степан Исаков (33 года). Об этом, как ни странно, рассказали на следствии сами подозреваемые.

Окончательное решение убить Настасью Василий Антонов принял, по собственному его признанию, 7 сентября, после того как домоправительница приговорила его сестру Прасковью к битью сначала розгами, а затем батогами. Удобный случай представился 10 сентября в шестом часу утра. Настасья в это время еще спала — Василий пробрался к ней в комнату с кухонным ножом в руке. Настасья проснулась, отчаянно сопротивлялась, хватая нож руками, но убийца оказался сильнее...

5 октября 1825 года Новгородская палата Уголовного суда своим решением определила: «Означенных преступников, наказав кнутом, сослать в каторжную работу в Сибирь вечно, дав им: Василию

¹ Они хранятся в ОПИ ГИМ и были опубликованы в издании: Река времен. Книга истории и культуры. В пяти книгах. Кн. 5. М., 1996.

Антонову — сто семьдесят пять, Прасковье Антоновой — сто двадцать пять, Дарье Константиновой — девяносто пять, Федосье и Татьяне Ивановым — по семидесяти и Елене Фоминой — пятьдесят ударов». Орудие же убийства — найденный на месте преступления нож — было назначено приговором суда к истреблению посредством палача. Новгородский гражданский губернатор Жеребцов утвердил этот приговор. В судебном решении Настасья Шумская будет представлена «истинно усердною к соблюдению польз и спокойствия в доме Его Сиятельства» домоправительницей, которая «старалась иметь за каждым из людей надлежащий присмотр и тем обуздывала их от своевольств, а в то же самое время требовала и точного исполнения должностей их, что, конечно, не могло им понравиться».

Позднее был вынесен приговор и в отношении остальных обвиняемых. Все они также приговаривались к наказанию ударами кнута в количестве от семидесяти до ста одного, выключались из военных званий и ссылались в каторжную работу.

23 декабря 1825 года состоялось приведение приговора в исполнение. Лобное место устроили в селе Грузино на поляне прямо против колоннады собора святого апостола Андрея Первозванного. Оцепили его ротой солдат. Собрали крестьян с женами и детьми со всей вотчины, чтобы видели и запоминали, как страдают преступники.

Василий и Прасковья Антоновы умерли на месте наказания во время экзекуции. Елена Фомина — через несколько дней. Все остальные осужденные вынесли назначенные им удары кнутом, отлежались, отсиделись в остроге и отправились в Сибирь.

Декабрист Н. И. Лорер отмечал впоследствии в своих записках: «Между сосланными не нашей категории нашлись мастеровые разного рода и за хорошую плату скоро снабдили нас всем необходимым. Помню, из них много было дворовых людей аракчеевских (сосланных) за убийство его любовницы. Эти люди рассказывали нам такие ужасы про своего прежнего господина, что сердце, бывало, содрогается».

Следствие по делу об убийстве Настасьи продолжалось долго и после того, как были наказаны главные обвиняемые. «Следователи» искали тех, кто знал о замысле убийства, но не донес. Как известно, кто желает найти — тот всегда найдет, находили и они...¹

¹ К суду были привлечены в качестве обвиняемых по делу об убийстве Настасьи Шумской также управляющий Мирским банком Семен Алексеев, кухмистер Иван

Губернатору Д. С. Жеребцову излишнее усердие, проявленное при расследовании дела об убийстве Настасьи Шумской и определении приговора, обойдется недешево. Спустя год после описанных событий он будет обвинен в злоупотреблениях, допущенных при ведении этого дела, предан суду и отстранен от должности.

Граф Аракчеев так и не оправится от пережитого потрясения. До самой своей кончины он будет снова и снова переживать ужасную смерть своей возлюбленной Настасьи.

После расправы над дворовыми, причастными к убийству Настасьи, Алексей Андреевич направился в Юрьев монастырь к отцу архимандриту Фотию искать утешения. Пребывание графа в монастыре Фотий запечатлел затем надписью, вырезанной на медной решетке в церкви: «На сем месте боярин Ал. Ан. Аракчеев в дни скорби своей воссылал теплые свои молитвы к Богу».

После смерти Настасьи графу открылись некоторые тайны ее жизни, весьма для него огорчительные. Алексею Андреевичу показали записочки, писанные Настасьей молодым офицерам, — их содержание со всей очевидностью свидетельствовало о том, что его дорогая возлюбленная была ему — увы — неверна.

* * *

Спустя некоторое время Аракчеев принялся распечатывать оставшийся от убиенной скарб и обнаружил среди ее вещей множество подарков, присланных ей знатными петербургскими чиновниками, хотевшими через ее посредство размягчить каменное для них аракеевское сердце. Алексей Андреевич не оставил эти подарки у себя, но приказал составить подробный список на все подаренное его любовнице имущество с указанием фамилий дарителей и затем послал им их подарки обратно.

На сорока огромных возах подаренные Минкиной вещи были привезены в столицу. Средь бела дня их начали развозить по домам знатных персон, искавших милости у Аракчеева через его любовницу. Многие из них, стремясь избежать позора, заявляли, что они ничего знать не знают, и отказывались принимать возвращаемые вещи. Но неистовый в своей страсти унижить ясновельможную публику, Аракчеев приказал сообщить их сиятельствам и высоко-

Аникеев, дворецкий Иван Мальш, казначей Иван Пупте, кондитер Николай Николаев, повар Тимофей Лупанов.

превосходительствам, что ежели они не примут подарки обратно, то он велит пропечатать в ведомостях списки с оригиналами их писем к крестьянке Настасье Минкиной. Все тотчас признали свои вещи и поспешили в Грузино изъявить графу Алексею Андреевичу свою благодарность и преданность.

Об этой истории рассказал в своих записках князь П. А. Вяземский. Петр Андреевич испытывал подлинные муки страдания от сознания того, что сановники, его окружавшие, собственной подлости посвятившие жизнь свою, не подвергались за это никаким наказаниям. «Одна моя надежда, одно мое утешение, — молил князь, — в уверении, что они увидят на том свете, как они в здешнем были глупы, бестолковы, вредны, как они справедливо и строго были оценены общим мнением, как они не возбуждали никакого благородного сочувствия в народе, который с твердостью, с самоотвержением сносил их как временное зло, ниспосланное Провидением в неисповедимой своей воле».

Князя Вяземского можно было бы успокоить, сказав, что наказания свои, так же как и награды, всем назначено получать именно при жизни и что современные ему, своей подлостью прославившиеся сановники от наказания не ушли. Многим из них наказание явилось не в чем ином, как в облике Аракчеева, будто нарочно посланного им для того, чтобы сполна вкусили они за свои низкие делишки всяческих унижений. Впрочем, кто знает, возможно, унижение личного достоинства не было для них такой мучительной казнью, какой мнится оно нам, — может, для них являлось оно блаженством, ведь самому оскорбительному унижению предавались они вполне увлеченно и самозабвенно.

* * *

В конце октября, полтора месяца спустя после трагического происшествия в Грузии, Аракчеев переживал, по-видимому, полный упадок душевных сил. Мысль о смерти овладела им, и он уже прощался со своими близкими. 27 октября Алексей Андреевич отправил письмо государю: «Прощай, мой Отец, верь, что я естли буду жив, то буду тебе одному принадлежать, а уму, так душа моя будет помнить вашего величества обо мне внимание».

Это свое письмо Аракчеев послал в ответ на письмо Александра, которое завершалось словами: «Прощай, любезный Алексей Андреевич, не покидай друга, верного тебе друга». Государь и граф обмена-

лись прощальными письмами. Вряд ли предполагали они в тот момент, когда писали их, что прощаются навеки, что никогда больше не увидят друг друга. При всех тягостях своего положения оба они были тогда достаточно далеки от смерти, и более вероятным должен был представляться им иной исход: время успокоит душу Аракчеева, граф вернется к своему государю, и все пойдет у них по-старому...

Но слишком надрывным было это их прощание: кто-то обязательно должен был умереть. И действительно, прощальные их письма — Александра к Аракчееву от 22 сентября и Аракчеева к Александру от 27 октября — оказались, как и велела судьба, последними!

27 ноября в Петербург пришло известие из Таганрога о смерти государя императора. Все были поражены: Александру не исполнилось еще и 48 лет. Незначительный, казалось бы, факт красноречиво свидетельствует о реакции низов общества на это событие: в первые три дня по объявлении об Александровой смерти в столице было выпито водки всего по 200 ведер, тогда как в обычные дни прежде расходовалось по 3 тысячи. При всем том кабаки закрыты были только один день — 27 ноября.

Как воспринял эту грустную весть Аракчеев, осталось известным лишь ему одному. Но, без сомнения, в смерти Александра для графа было печального много больше, нежели для других сановников. Для Аракчеева эта смерть стала ударом судьбы: она изменила его статус при царском дворе, лишила его прежнего влияния на государственные дела.

Внешняя реакция графа на смерть своего государя совершенно отличалась от той, что последовала на сентябрьское происшествие в Грузии, отнявшее у него любимую женщину, — Алексей Андреевич не впал в отчаяние, не побегал в монастырь, а, напротив, вернулся к делам. В тот же день, как получено было известие о кончине императора Александра, военные поселения Новгородской губернии присягнули на верность новому государю — брату Александра великому князю Константину Павловичу, в род которого, согласно высочайше утвержденному 5 апреля 1797 года Акту о престолонаследии, должна была перейти императорская власть. Вместе с поселянами присягнул и граф Аракчеев.

30 ноября в адрес нового императора отправлен был из Новгорода следующий всеподданнейший рапорт: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что, получа облегчение от болезни, я вступил в командование Отдельным Корпусом воен-

ных поселений. Генерал граф Аракчеев. Начальник штаба Клейнмихель».

По воспоминаниям М. Ф. Бороздина, присутствовавшего на присяге вместе с офицерами военных поселений в тот момент, когда находился с ними Аракчеев, граф заметил окружающим после того, как все присягнули: «Вы скоро будете снова присягать!» Алексею Андреевичу было известно то, что во всей России знали лишь несколько человек: в Успенском соборе в Москве с 1823 года хранились документы, оформлявшие передачу права наследования престола от Константина к Николаю Павловичу.

5 декабря Аракчеев прибыл в Петербург. В течение четырех дней безвылазно пребывал в своем доме — большом деревянном строении, расположенном на углу Кирочной и Литейной улиц. Вечером 9 декабря отправился во дворец к императрице Марии Федоровне. Едва вошел к ней, бухнулся на колени и стал просить прощения у нее за то, что не уберег ее сына Александра. В тот же день граф получил приглашение от великого князя Николая Павловича. Алексей Андреевич ответил на приглашение будущего императора письмом: «Бог да вознаградит Вашего Императорского Высочества, что вы несчастного сироту вспомнили в его неутешительной печали, который потерянением своего Государя вместе с оным лишился своего отца и благодетеля. Желание мое теперь только существует в беспрестанной ко Всевышнему Богу просьбе, дабы он скорее меня соединил с покойным моим благодетелем, в чем я и не сомневаюсь, что Бог услышит мою молитву. Пока же угодно Богу оставить меня на страдание в сей жизни, то от Вашего Императорского Высочества зависеть будет назначить мне день, час и место, когда и куда явиться мне к Вашему Императорскому Высочеству, но рабски прошу вас принять меня наедине, ибо с людьми я быть никак не могу. Свидетельствуюсь в оном самим Богом. Вашего Императорского высочества верноподданный Г. Аракчеев»¹. 10 декабря Николай принял графа. В беседе с будущим императором Алексей Андреевич высказал намерение удалиться от дел по управлению государством. Николай дал свое согласие и попросил графа написать проект рескрипта по этому вопросу.

¹ Данное письмо публикуется мною по копии, обнаруженной в аракчеевском фонде РГВИА (Фонд 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 69). Текст ее несколько расходится с публикацией этого же письма в книге Н. Дубровина «Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I» (СПб., 1883. С. 482).

* * *

События 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, вошедшие в историю под названием «восстания декабристов», Алексей Андреевич переживал, находясь в Зимнем дворце. Здесь собралось довольно много людей, приехавших для поздравления императора Николая с восшествием на престол. И дамы, и господа были по такому случаю в праздничных нарядах. Лишь граф прибыл в обычном мундире без орденов и украшений, а только с портретом покойного государя Александра Павловича на шее. Мрачный и злой, с расстегнутым воротом, сидел он в одиночестве на диване в углу зала, а мимо проходили знакомые ему сановники, лишь недавно пресмыкавшиеся перед ним, но теперь демонстративно от него отворачивавшиеся. До двух часов дня Зимний дворец еще наполнялся людьми, однако затем толпа стала редеть: военные уходили на площадь, дамы уезжали домой, справедливо рассудив, что новому императору сейчас не до поздравлений. Аракчеев продолжал сидеть как ни в чем не бывало. Прибывший во дворец председатель Государственного совета князь П. В. Лопухин подсел к нему, некоторое время спустя к ним присоединился князь А. Б. Куракин.

Увидев остановившегося неподалеку с графом А. Ф. Орловым бывшего своего подчиненного статс-секретаря Госсвета В. Р. Марченко, Алексей Андреевич встал с дивана и подошел к нему. Спросил, не может ли Василий Романович подарить ему экземпляр манифеста о восшествии на престол императора Николая Павловича. Тот срочно послал своего курьера с полтинником в сенатскую типографию и через полчаса вручил графу просимый экземпляр манифеста. Пока же курьер ходил в типографию, Аракчеев пытался выяснить, что же происходит на площади перед дворцом. «Что, батюшка, есть ли утешительные вести?» — спросил он Марченко. Статс-секретарь ответил, что число строптивых увеличивается переходящими из полков солдатами к шайке, стоящей у Сената, и что государь не решается пока на крайнюю меру, надеясь убеждениями образумить заблуждающихся. Услышав, что генерал-губернатор Милорадович тяжело ранен и доктора не ручаются за его жизнь, Аракчеев побледнел, выражение тревоги разлилось по осунувшемуся лицу, придавая ему еще большую мрачность...

После подавления восстания декабристов взошедший на престол император Николай с волнением ожидал известий о присяге в войсках. Графу Аракчееву было поручено обеспечить скорейшее приня-

тие присяги в военных поселениях. 18 декабря он доносил Николаю, что полки 1-й Гренадерской дивизии присягнули в совершенном порядке.

«Я никогда не сомневался в усердии их к Императорскому престолу, — добавлял граф к своему сообщению, — и тем более всегда надеялся на их верность, что с самого начала командования моего Отдельным Корпусом военных поселений я всегда и непрестанно строго наблюдал о внушении войскам моего начальства таковой священной их обязанности»¹.

19 декабря 1825 года Николай издал рескрипт, в котором подтверждал статус Аракчеева при императорском дворе, приданный графу покойным государем:

«Граф Алексей Андреевич!

В Бозе почивающему императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военные поселения для пользы государства Нашего, и вы, будучи всегда точным и верным исполнителем воли его, успели достигнуть цели благих его намерений. Предполагая и вменяя себе в обязанность поддерживать устройство начатого дела, я надеюсь, что вы будете мне воспомоществовать в оном с тем же чистым усердием, которое всегда отличало вас в глазах покойного императора, и вследствие того предоставляю вам действовать теми постановлениями и узаконениями, кои доселе по военному поселению были изданы, и в случае надобности повелеваю вам входить ко мне с докладами и испрашивать разрешения тем самым порядком, как исполняли оное при покойном государе.

Пребываю к вам всегда благосклонный Николай».

Однако на следующий день государь подписал рескрипт, освобождавший Аракчеева от должности управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией, и указ, увольнявший его от заведования делами Комитета министров. Проекты этих высочайших актов были подготовлены самим графом, но окончательный вариант написан Николаем I.

Текст первого из них гласил: «Граф Алексей Андреевич! Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпевшее от поразившего нас общего несчастья, и столь мне и Отечеству нужное, для окончания предпринятого вами устройства военных поселений, памятника благодетельных намерений покойного государя, отца нашего, вам к

¹ Письмо А. А. Аракчеева к императору Николаю I // РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

исполнению вверенному, нашел я удобным перевести Собственную Мою канцелярию в непосредственное мое заведывание; канцелярию же Комитета министров вручить управлению директора оной... Гежелинскому. С истинным уважением есмь на всегда ваш искренно доброжелательный. Николай».

Указ Комитету министров, изданный также 20 декабря, был коротким: «По желанию и просьбе генерала графа Аракчеева, увольняя его от заведывания делами Комитета гг. Министров, а Канцелярию онаго повелеваю поручить управляющему делами сего Комитета действительному статскому советнику Гежелинскому».

Алексей Андреевич понимал, что с новым императором у него не будет таких доверительных взаимоотношений, какие были с прежним государем. Поэтому и решил уйти с государственной службы. П. Г. Дивов, весьма осведомленный о том, что происходило при царском дворе, занес в свой дневник 3 января 1826 года следующую запись: «Граф Аракчеев был очень обласкан императором, но, несмотря на все высказанное ему доверие и на старания его друзей, которые уговаривали графа не порывать связи с Двором, он решил окончательно не вмешиваться более в дела: любимец его генерал Клейнмихель имел уже три раза аудиенцию у императора».

После трагических событий осени и зимы 1825 года граф Аракчеев стал как будто другим человеком.

* * *

В двадцатых числах февраля 1826 года через Новгород по пути из Таганрога в Петербург должны были провозить тело усопшего императора Александра. Аракчеев выпросил у Николая позволение взять на себя организацию всей церемонии встречи тела своего августейшего благодетеля. В течение нескольких дней он лично обучал монахов, чиновников и солдат, как подходить к гробу, прикладываться к нему и отходить.

23 февраля траурная процессия подошла к заставе города. Аракчеев встречал ее верхом вместе со всем своим штабом. У каждой церкви делались остановки и служились литии. В Софийском соборе, где заранее сделан был роскошный катафалк, устроили прощание с телом императора для населения города.

Когда процессия выступала из Новгорода, произошло событие, очень задевшее самолюбие Аракчеева. Алексей Андреевич хотел стать на колесницу, но молодые флигель-адъютанты — вот дер-

зость! — не допустили его туда. Граф — грозный временщик при покойном императоре — вынужден был испрашивать специальное позволение на то, чтобы занять почетное место, у возглавлявшего процессию графа Орлова. И когда тот разрешил, флигель-адъютанты все равно настояли на том, чтобы Аракчеев занял лишь левую сторону, а сами остались на правой.

Мелкий эпизод со всей ясностью показал Аракчееву, что в нем перестали уже видеть прежнего могущественного вельможу. Вся власть его, все влияние были в Александре и со смертью Александра тоже умерли.

Утрата могущества, как ни чувствительна она для того, кто долгие годы им пользовался, сама по себе все же не столь мучительна, сколь происходящая вследствие этой утраты перемена в отношениях людей. Аракчееву выпала тяжкая участь лицеизреть, как люди, совсем недавно еще неистово его славившие, ныне с такой же неистовостью демонстрировали свою ненависть к нему. Граф писал об этом в письме к Николаю I от 13 марта 1826 года¹: «Я наверное могу уверить Ваше Императорское Величество, что ни один ваш подданный в сем суетном мире не был никогда так успокоен, как я, несчастный, но верной слуга Государю и Отечеству, обрадовался полученною ныне вашею собственноручною запискою. Да наградит вас за оное Господь Бог всеми благами мира сего какие Ваше Величество только желает.

В воспоминании сем вашем забытого ото всех людей, не только знавших меня, но и с подлостью поклонявшихся, ибо они помнят только блага мира сего в веселые дни жизни нашей; а не в скорбные и печальные! — я вижу вновь милости покойного моего отца и благодетеля Александра Павловича, который, находясь ныне у престола Божия, упросил, видно, Всевышнего творца вложить сию христианскую мысль в сердце нового царя, окруженного блестящею свитою, вспомнить и о сироте несчастном.

Скорбь моя останется вечно, я любил служить моему благодетелю, был им любим, а потому и был счастлив; имел его к себе доверенность, но никогда не употреблял ее во зло; то буду и ныне Ему вечно предан всею моею душою».

Но не все из тех, кто знал графа и поклонялся ему прежде, забыли его, едва утратил он могущество. Не бывает в жизни человека утрат

¹ Текст письма приводится мною по копии, хранящейся в аракчеевском фонде РГВИА (фонд 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 72–73).

без приобретений. Лишившись прежней власти и влияния, Алексей Андреевич приобрел взамен возможность отличить почитавших его искренно от тех, кто лишь притворялся и льстил. Искренние почитатели в эту тяжкую для него пору, к немалому его утешению, нашлись. «Чтить и любить искренно особу Вашу есть и будет приятнейшею для меня до конца дней моих обязанностью. Истинная моя преданность к Вам всегда основывалась на чистейших чувствованиях благодарности за Ваши благодеяния, оказанные мне без заслуг моих, по-особенному токмо расположению Вашему, щастливит трудящихся на пользу службы; личная же благосклонность, которой Вы изволите беспрерывно удостаивать меня, запечатлена навек в памяти моей. Щастливым бы я себя почел, если б встретился в жизни моей какой-либо случай подтвердить сии правдивые изречения мои самым делом»¹ — с такими словами обращался к графу 12 апреля 1826 года Алексей Малиновский. Надо ли говорить, что для истерзанной аракчеевской души они были настоящим лекарством. В самом деле, что могло быть для нее более успокоительным, чем такое восклицание: «Действия Ваши поставили Вас на ту степень справедливости и бескорыстия, до которой и самая зависть досязать не в силах!»

В тяжелые для Аракчеева времена поддержал его и другой немало ему обязанный человек — князь Юсупов. «Известно Вашему Сиятельству, как я вас люблю и почитаю, — писал он в Грузино 19 апреля 1826 года. — Вы меня совсем забыли, будьте уверены в моей к вам преданности, и сколь я желаю, чтобы вы всегда были уверены в оной»².

Подобные сладостные для Алексея Андреевича голоса были, однако, редки. Они терялись в общем вопле ненависти, ставшем особенно громким и разнузданным с того момента, как лишился он прежней власти, растворялись в потоке несшихся в адрес бывшего временщика оскорблений. Генерал-адъютант прусского короля Фридриха Вильгельма IV Фон-Герлах, пребывавший в рассматриваемую пору в Петербурге, записывал в свой дневник 14 марта: «В публике недовольны тем, что император не выказывает большего презрения „каналье Аракчееву“, для которого жестокость есть отрада, и что его креатура Муравьев еще служит в императорском кабинете».

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 135. Л. 240.

² Там же. Л. 250.

Император же Николай относился к бывшему временщику подчеркнуто уважительно. Вероятно, государь испытывал нужду в советах опытного администратора, каким был Аракчеев. Иначе как объяснить его приглашение графу, направленное 6 апреля 1826 года из Царского Села. «Я здесь остаюсь до субботы, — сообщал Николай, — квартира прежняя ваша готова и тепла, и прошу пожаловать, так, чтобы после обеда можно было заняться».

Новый государь ценил деловые качества графа, усердие, с каким тот служил, приверженность его к порядку. А. Х. Бенкендорф, назначенный Николаем начальником созданного им Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, просил к себе в адъютанты А. Ф. Львова. «Возьми его, — ответил император, — отличный офицер: восемь лет выслужил у графа Аракчеева».

Некоторые современники, увидевшие немало сходства в воззрениях на государственную службу императора Николая и Аракчеева, высказывали тогда предположение, что бывший временщик еще выисится до прежнего могущества. Снятый в 1820 году Сперанским с помощью Аракчеева с должности иркутского губернатора Н. И. Трескин писал 5 апреля 1826 года из Петербурга в Москву своему брату: «Нынешнего государя окружающие его еще не проникли и не могут ручаться за свою прочность. Кажется, он не позволит никому располагать собою; слышно, он осторожен и сириозен... По-видимому, государь кажется ко всему внимателен и шутить не любит. Несмотря, что граф Аракчеев теперь, кажется, ничего более не значит, как начальник военных поселений, но, впрочем, легко станется, что он со временем, по хитрости, точности по службе и сходству характера войдет в бывший кредит. Скоро и сему может быть развязка».

Развязка наступила в том же месяце, но совсем не такая, какую предполагал Трескин. Лишившись всего того, к чему он более трех десятилетий в своей жизни был привязан: своей Настасьи, императора Александра — «отца и благодетеля», по собственному его выражению, Аракчеев сделался равнодушным к должностям и власти. Он, конечно, сознавал, что наступили новые времена и при новом императоре не быть ему в прежней силе — никто не хочет видеть его прежним: ни государь Николай, ни общество. Но главное, и сам граф не мог уже быть *прежним* Аракчевым. Душа его, потрясенная утратами, стала жить более в прошлом, нежели в будущем. Алексей Андреевич вдруг ощутил себя глубоким стариком. В. Бурнатов, встретивший его в июне 1826 года, оставил в воспоминаниях описание внешнего его облика: «...То был человек сутуловатый и высокого ро-

ста с грубыми чертами, как говорится, топорной работы, с волосами сивыми, щетинистыми, со лбом узким, с глазами, налитыми желчью и окруженными какими-то обвислыми наростами; губы у него были бледно-синеватые, зубы желто-черные, уши огромные, взгляд какой-то апатичный и мрачный, а цвет лица какой-то матовый, будто светло-свинцовый». Трудно назвать кого-либо, кто бы не отмечал мрачность аракчеевского взгляда, но вот *апатичность* в нем до Бурнатова не выделял никто.

В марте 1826 года Аракчеев стал готовиться к поездке за границу для лечения на курортах. Испытывая нехватку денег, он принял решение продать в Кабинет Его Величества некогда подаренные ему драгоценные вещи: золотую черепаховую табакерку с портретом тогдашнего шведского короля — портрет сей, осыпанный тридцатью крупными бриллиантовыми камнями, был подарен Аракчееву самим королем в бытность его наследником в 1812 году и принят был им по приказанию покойного российского государя; бриллиантовый перстень с вензелем блаженной памяти императора Павла I, осыпанный двенадцатью крупными бриллиантами, — он был пожалован графу, как сам его сиятельство признавал, «за первое произведенное батальонное ученье Сводного Гренадерского Преображенского полка батальону в 1797 году»; и наконец, серебряную посуду, десертное вызолоченное серебро, фарфоровые десертные тарелки и т. п. За все эти вещи Аракчеев получил 38 тысяч 890 рублей.

9 апреля Алексей Андреевич подал императору Николаю прошение о предоставлении отпуска для лечения за границей. При этом он просил сохранить за ним прежнее содержание. «Не позволил бы себе утруждать Ваше Императорское Величество просьбою о последнем, — писал Аракчеев, — ежели бы мог без того обойтись в приготовлении себя к отъезду и в содержании себя за границу, но мои нужды доказывает продажа домовых моих столовых серебряных вещей».

Николай дал Аракчееву свое позволение на отпуск и одновременно пожаловал на дорожные издержки 50 тысяч рублей. Алексей Андреевич распорядился государевыми деньгами по-христиански. 17 апреля он обратился с письмом к императрице Марии Федоровне и сообщил ее величеству о своем решении ехать поправлять здоровье к Карлсбадским водам и о пожалованной ему государем сумме в 50 тысяч рублей: «Всемиловитейшая Государыня, я не имел еще ни времени, ни случая заслужить сие Монаршее благодеяние; оно есть награда за службу мою в Бозе почивающему Государю Импе-

ратору Александру Павловичу, моему отцу и благодетелю. Обеспечив уже издержки предназначенного мною пути продаже бывшего у меня столового серебра и фарфора, я нашелся в способах свободно расположить Всемилостивейше пожалованною мне суммою. Я назначаю сию сумму на доброе христианское дело и не могу лучше употребить оной, как на прославление великого имени и благоговейного почитания памяти того, кто и за гробом чрез Августейшаго Брата благодетельствует слуге его верному — Императора Александра Благословенного». Граф просил Марию Федоровну обратить его деньги в капитал, на проценты с которого воспитывать в императорском военно-сиротском доме пять девиц ежегодно, сверх штатного числа. Девицам этим, которые по желанию Аракчеева должны были избираться из тех, чьи отцы служили в военных поселениях Новгородской губернии, или из дочерей дворян названной губернии, подлежало именоваться «пансионерками Императора Александра Благословенного». К передаваемой императрице пожалованной ему государем Николаем сумме Алексей Андреевич добавил и свои 2500 рублей, «дабы в сем году бедные девицы воспользовались дарованною от Государей Императоров милостию». В заключение же письма своего к Марии Федоровне Аракчеев писал: «Милостивое Вашего Императорского Величества благоснисхождение на сие всеподданнейшее прошение хотя несколько усладит разлуку мою с нашим Отечеством и огорчение глубоконапечатленное в моем сердце кончиною обожаемого мною Государя отца и благодетеля. Праведная Душа Александра Благословенного по благочестивой здесь жизни наверное предстоит ныне там, на небесах у престола славы Божией. Она подкрепляет всегдашние молитвы наши ко Всевышнему о продолжении здоровья и спокойствия Вашего Императорского Величества, толико драгоценных для Отечества, толико нужных для удовольствия и облегчения Государственного бремени царствующего Императора».

* * *

Высочайшим рескриптом от 30 апреля 1826 года Аракчеев увольнялся в отпуск. «Граф Алексей Андреевич! — объявлял император Николай. — Для поправления расстроенного Вашего здоровья, сходно с желанием вашим, увольняю Вас к водам за границу, предоставляя Вам управление Отдельнаго Корпуса военных поселений во время Вашего отсутствия поручить на общих правилах начальнику

штаба Генерал-майору Клейнмихелю, который обязан о делах важных, требующих Вашего разрешения, относиться к начальнику Главного моего штаба».

1 мая 1826 года Аракчеев объявил новость о своем увольнении в отпуск в приказе по Корпусу военных поселений. По содержанию данный приказ¹ был весьма необычным: граф как будто отчитывался перед своими подчиненными в собственных помыслах и поступках. Мотив прощания явственно слышался в словах его, хотя формально уходил он всего лишь в отпуск на некоторое время. Желание оправдаться, показать себя с лучшей стороны было, кажется, главной целью его обращения к военным поселенцам. Накануне Алексей Андреевич дал прочитать текст этого приказа императору Николаю, и данный факт также свидетельствует о том, что граф придавал своему первомайскому обращению особое значение.

В начале своего приказа Аракчеев счел необходимым сказать о военных поселениях: «Сие новое, никогда нигде на принятых основаниях небывалое, великое государственное предприятие, справедливо обративши на себя внимание целой Европы, обязано своим началом и существованием Величайшему из царей, в Бозе почившему Государю Императору Благословенному. В Его всеобъемлющем уме родилась щастливая мысль о военных поселениях; Его мудрыми соображениями получила свою зрелость и Ему только одному вначале известны были те основания, на каких надлежало сию великую мысль произвести в действо. Мне первому и единому мне она была открыта. Удостоенный доверенности Его Величества, я один имел щастие принимать Его приказания, руководствоваться Его наставлениями».

Сказав о военных поселениях, их происхождении и значении, граф перешел к объяснению своего увольнения в отпуск. «Внезапная горестная для всего Света кончина Его Величества поразила мой дух и сердце. И до того расстроила мое здоровье, что я ни днем, ни ночью не имею спокойствия».

Самое интересное шло после того, как Аракчеев объявил о своем увольнении. «Всемиловитейший Государь Император при увольнении меня Высочайше изволил прислать мне на собственные мои расходы 50000 рублей. Принимая сию Царскую награду милостивым Его ко мне благоволением, я долгом моим считаю о сей Высочайшей

¹ Текст приказа приводится мною по копии, хранящейся в НИОР РГБ (Фонд 568, А. В. Аргамакова. К. 2. Ед. хр. 85).

милости объявить по корпусу военных поселений. Прилагаемая при сем копия всеподданнейшего моего просительного письма к Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне покажет моим сослуживцам содеянное мною оной сумме употребление». В официальном приказе по Корпусу военных поселений граф говорил о своем поступке, совсем не связанном с его увольнением в отпуск. Для чего?

Подлинный смысл приказа Аракчеева от 1 мая 1826 года открылся только после его возвращения из заграничного путешествия. Этот приказ оказался последним приказом графа по Корпусу военных поселений. Алексей Андреевич не вернулся больше на службу. Судя по содержанию первомайского его приказа, он знал уже тогда, что не вернется. Он уходил не в отпуск, а в полнейшую и окончательную отставку. И желал перед уходом своим показать всем, как почитает он новым императором и как добра душа его, слышущая в обществе — злой!

Глава шестнадцатая

«...И прощены будете!»

16 июня 1826 года Аракчеев приехал в Карлсбад. Три недели пил лечебные воды, но не только не поправил своего здоровья, а даже и заболел. Несколько дней пролежал в постели, чуть ли не умирая. Лекари пускали кровь — сначала посредством пиявок, потом делали на руках надрезы скальпелем, да такие, что кровь фонтанировала, — и помогло. Опять начал пить воды. В начале августа переехал на курорт Бад Эмс, расположенный по берегам реки Лан и славившийся горячими сернистыми источниками.

В конце 1826 года отдохнувший Алексей Андреевич возвращался из чужих краев. Император Николай, узнав об этом заранее, поручил начальнику Главного штаба И. И. Дибичу уведомить графа сразу же по прибытии в Киев, что государь, полагая, что кратковременное пользование водами не могло совершенно его излечить, разрешает ему возвратиться за границу до полного выздоровления; если же граф намеревается окончить курс лечения в России, то его величество советует ему воспользоваться деревенским воздухом и, не заезжая в столицу, оставаться в своем имении. На обычном языке это означало, что Аракчеев окончательно отставляется от службы. И дабы Алексей Андреевич не сомневался в том, что дело обстоит именно так, император назначил в конце 1826 года на должность начальника Отдельного корпуса военных поселений графа П. А. Толстого.

Такой поворот событий не явился большой неожиданностью для Аракчеева. Он давно был готов к отставке и, покидая в мае 1826 года враждебный по отношению к нему Санкт-Петербург, не надеялся туда вернуться. На это указывало не только содержание последнего его приказа по Корпусу военных поселений, но и последующее его поведение.

В частности, во время пребывания за границей граф напечатал письма к нему Александра I, причем сделал это самовольно, не спросив разрешения императора Николая. Поступок этот был со стороны временщика покойного государя великой дерзостью, которую он, конечно же, не допустил бы, если б имел намерение служить государю новому. После приезда Аракчеева в Грузино император Николай немедленно направил к нему генерал-лейтенанта А. И. Чернышева специально для того, чтобы изъять у своевольного графа книги Александровых писем. В марте 1827 года Чернышев был в Грузии и увез с собой восемнадцать экземпляров неугодной государю Николаю книги. Несколько экземпляров Алексей Андреевич все же оставил у себя. По свидетельству адъютанта Николая I графа В. Ф. Адлерберга, «Его Величество приказал уничтожить все издание; сохранен лишь один экземпляр, который, по распоряжению Его Величества, должен быть передан в Его личную библиотеку». Еще один экземпляр выпросил себе великий князь Константин Павлович.

Н. И. Греч объяснял дерзкий заграничный поступок Аракчеева тем, что его, Александрова фаворита, принимали в чужих краях слишком равнодушно. «Желая напомнить о своем прежнем величии, он напечатал в Берлине перевод (французский) писем к нему императора Александра». На самом деле Аракчеева принимали вполне прилично. «По милостивому вашего императорского величества дозволению, — сообщал граф императору Николаю 16 июня 1826 года, — всеподданнейше доношу, что я его королевским величеством во время пребывания моего в Берлине и Потсдаме был милостиво принят, и внимание его величества короля ко мне было совершенно такое, каковым я в щастливое время жизни моей был ошастливлен от моего отца и благодетеля — в Бозе почивающего Государя Императора Александра Благословенного».

Личные письма графа прусскому королю хорошо показывают, как польщен он был его приемом, как был доволен отношением заграничных августейших особ к себе. «Милостивое вашего королевского величества ко мне внимание во время моего здесь пребывания, — писал Аракчеев 10 июня 1826 года, — дает мне смелость поднести вашему величеству последний мой отчет, представленный мною о военных поселениях в Бозе почивающему Государю Императору отцу и благодетелю моему, Александру Благословенному. Ваше королевское величество, примите милостиво приношение сие слабым знаком моего высокопочитания, любви и преданности к вашему королевскому величеству, которая мне внушена покойным

моим отцом и благодетелем Императором Александром I в ежедневных с ним разговорах о вашем королевском величестве»¹.

Получив по возвращении из чужих краев государев совет ехать в Грузино и не заезжать в столицу, Алексей Андреевич безропотно ему подчинился. Он не предпринял и малейшей попытки как-то объясниться с императором Николаем, в чем-то его убедить. Из Киева сразу направился в родные места. Сначала заехал в Курганы. Остановился в имении матери, которым владела теперь Наталья Даниловна Заостровская. Поклонился родительским могилам. Отсюда и поехал к себе в Грузино, предварительно отправив на возах вещи, а с ними длинный приказ дворовым, что делать с вещами, как готовиться к встрече своего хозяина.

* * *

Угрюмый более обычного, прибыл Аракчеев 4 марта 1827 года в Грузино. Как будто предчувствовал беду. Спустя три дня — 7 марта поутру — в его имении случился пожар. Сгорела огромная оранжерея, в которой росли редкие для новгородской земли растения и среди них дорогие померанцевые деревья, пожалованные ему императором Александром I. И еще одна громадная утрата — огонь спалил библиотеку графа, собиравшуюся им более тридцати лет. Вместе с книгами сгорело немало ценных старинных рукописей, которых ни у кого более не было, кроме как у него.

Аракчеев много лет заботливо собирал опубликованные и рукописные исторические документы. Историк Алексей Федорович Малиновский², слывший «истинным знатоком» старинных русских рукописей, знал о любви графа к русской истории и помогал ему, как мог, в этом благородном деле. «Благодарность, с какою ваше сиятельство изволили принять письма князя Меншикова к супруге своей и к родным его, подает мне повод представить в Грузинскую библиотеку вашу и переписку его с Императрицею Екатериной I»³, — писал Малиновский Аракчееву 19 мая 1824 года. Алексей Федорович занимался, помимо коллекционирования старинных ру-

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.

² Председатель Общества истории и древностей Российских, начальник Московского архива Министерства иностранных дел, брат первого директора Царскосельского лицея Василия Федоровича Малиновского.

³ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 531. Л. 241.

копий, также их изданием. «Имею честь представить вашему сиятельству десять листов государственных грамот, которыми заключается царствование Царя Алексея Михайловича, — сообщал он графу в письме от 24 июня 1825 года. — За сим следовать будет несколько достопамятных узаконений Федора Алексеевича, после же того поместятся акты, при совокупном правлении Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича обнародованные, чем и окончится сия четвертая часть». Присылали в Грузино ценные исторические труды и рукописи также другие историки и писатели.

И вот теперь вместо всех этих сокровищ груды пепла. Алексей Андреевич был угнетен случившимся несчастьем. Слуги, понимая настроение графа, ходили буквально на цыпочках и усерднее, чем прежде, исполняли его повеления. Пожар был знаком того, что для Аракчеева наступали несчастливые времена.

Прежде, когда жив был император Александр, в Грузино ехали и ехали сановники, друзья и почитатели графа. Теперь же аракчеевская обитель опустела. Алексей Андреевич зажил в Грузине, как в монастыре¹; изредка лишь навещался к нему кто-либо из друзей и прежних его поклонников. Реже получал он и письма. Граф зазывал к себе тех, кто остался с ним дружен и после того, как он отдался от императорского трона. Одним из верных ему друзей в последние годы его жизни был Федор Карлович фон Фрикен — бывший командир гренадерского графа Аракчеева полка. С 1828 года он являлся уже генерал-майором, командиром бригады поселенных войск. Аракчеев был привязан к нему еще со службы. «Милостивый государь и любезный друг Федор Карлович! Хотя вы далеко от меня, но я близок к вам душою», — писал граф бывшему своему подчиненному в письме от 19 апреля 1831 года. Федор Карлович и супруга его Анна Григорьевна регулярно навещали графа в его грузинском уединении. Алексей Андреевич был крестным отцом троих детей их, и все они также часто гостили в Грузине. 10 марта 1832 года Аракчеев сообщал фон Фрикенам: «Наконец, любезные друзья Федор Карлович и милостивая государыня Анна Григорьевна я могу вас уведомить, что милые ваши дети и мои крестники сего числа с Дарьей Яковлевной приехали в мой монастырь».

¹ Граф так и звал иногда свое Грузино — монастырем. «Не пропускаю случая случившейся оказии писать к вам, Милостивая Государыня кумушка Анна Григорьевна, что я, славу Богу, по милости Божией, возвратился в свой монастырь», — читаем мы в одном из его писем.

Продолжал поддерживать дружеские отношения с Аракчеевым и А. Ф. Малиновский. 30 марта 1827 года он извещал графа, что на прошедшей неделе был на экзамене в архитектурской школе свидетелем знаний, приобретенных кантонистами в математике, механике, литературе и проч. «Сии люди в нравственном отношении созданы вами, за то честь и слава вам принадлежит и потомственно принадлежать будет», — воздавал Аракчееву хвалу давний его почитатель.

Некоторые из прежних сослуживцев графа, стремясь поддержать его в одиночестве, приезжали к нему в имение на отдых со своим семейством. Супруга министра финансов Е. Ф. Канкрин Катерина писала Аракчееву после одного из таких визитов: «Я до сих пор брежу приветливым хозяином и очаровательным Грузином. Позвольте вас просить принять наши новые русские монеты, между коими и 60 к. сер. Я уже принялась за работу для храма вашего и для кабинета, чтоб она вам иногда напоминала женщину, которая вам сердечно предана».

Некогда облагодетельствованные Аракчеевым, бывало, подавали весть о том, что помнят его и чтят. В знак благодарения присылали иной раз подарки: вышитые полотенца, салфетки, рубашки, различные лакомства. Один из таких знакомых графа писал ему, посылая салфетки: «Жена моя, подобно евангельской вдовице, посвятившей лепты небесному благодетелю, осмелилась принести вам плоды деревенских занятий своих. Не отвергните их, сиятельный граф».

Но большинство тех, кто обязан был Аракчееву своей карьерой, наградами и благодеяниями в отношении семьи, враз его забыли, как только он удалился со службы. А были и такие, кто забыл не все, а лишь хорошее из того, что делал граф, но зато помнил злое, пусть оно было и самым мелким.

Генерал-лейтенант П. А. Клейнмихель¹, бывший многие годы адъютантом при Аракчееве, а затем начальником штаба военных поселений, достигший благодаря Аракчееву генеральского чина, оказался едва ли не первым в ряду ругателей своего престарелого покровителя. А когда-то не упускал случая выразить свой восторг графом, называл его благодетелем и благодарил самыми высокими словами. «Вы образовали меня, вы поселили в меня чувства истинной к вам привязанности и имеете во мне человека, всем сердцем вам предан-

¹ Генерал-лейтенант с 22 сентября 1829 г.

ного», — изливался Петр Андреевич в письме к Аракчееву от 1 марта 1825 года.

Алексей Андреевич тяжело переживал людскую неблагодарность, а временами чувствовал себя откровенно несчастным. Привыкший за десятилетия своей службы к ненависти людей, научившийся, как и положено любому государственному деятелю, сдержанно относиться к мнению публики о себе, он оказался совершенно беззащитным перед людским обманом, причем самым что ни на есть обыкновенным. Будучи могущественным сановником — вторым лицом в государстве после императора, — он, кажется, должен был понимать, что большая часть расточаемых в его адрес похвал является всего-навсего лезть. Тем более что лестили ему зачастую грубо, примитивно. Но нет — и самую грубую лесть он, как обнаружилось теперь, когда все в его жизни уже свершилось, принимал за правду. Столько лет прожить в мире обмана и подлости, каковым является в сущности своей мир властвующих, и не научиться спокойно переносить их — это выглядит странным, а для Аракчеева и вовсе невероятным, но факт есть факт: письма графа в последний, «монастырский» период его жизни полны жалоб на людскую неблагодарность, обман, подлость.

Те, с кем делился Алексей Андреевич своими страданиями, старались, насколько могли, утешить его. «Что вы видите бесчисленное множество неблагодарных людей, это не должно огорчать вас, — писала ему из Харькова Анна Гендрикова. — Они не достойны названия людей: неблагодарный человек — изверг. Теперь время, когда личина с неблагодарных спала, показало вам людей, коим вы так щедро благовословили. Вы хорошо делаете, что молитесь за них: это подвиг истинного христианина! Да, мой друг, потомство отдаст вам справедливость. Вы говорите: „я крепко страдаю и о страдании никому, не имея друга, открыться и разделить не могу“... Вы пишете: „всякое огорчение меня убивает и приближает к концу дней моих, куда я и готовлюсь“. Готовиться к концу всякий должен; но убивать себя от огорчений грех. Берегитесь сего и проч.».

Одиночество заставляло Аракчеева снова и снова вызывать в своей памяти образ своей Настасьи. Иногда на графа находила такая меланхолия, что он становился невменяемым: часами сидел в своем кабинете и смотрел на портрет смуглой женщины, повторяя: «Нет уже моего милого, бесценного друга!» Для прислуги наступали тяжкие дни: граф смотрел на нее в эту пору как на коллективного убийцу своей возлюбленной. Мрачный и злой, ходил он по комнатам, осма-

тривал мебель и вещи, стараясь найти предлог для наказания кого-либо. Наказав, несколько успокаивался. Потом заново начинал поиски каких-нибудь беспорядков, нарушений правил.

В мае 1828 года Алексей Андреевич обратился к петербургскому купцу Гавриле Осиповичу Москвину с просьбой заказать в Москве на колокольном заводе купца Самгина два колокола весом соответственно в 25 и 20 пудов и доставить в село Грузино. На одном граф просил вычеканить и отлить образ своей возлюбленной со следующей надписью: «В поминовение усопшей рабы Божией Анастасии. Г. А. в село Оскую 1828-го году, весу в колоколе столько-то пуд». На другом заказывал поместить образ Николая Чудотворца с надписью: «За упокой усопших рабов Божиих крестьян Грузинской вотчины. Г. А. в церковь Грузинского кладбища 1828-го году, весу в колоколе столько-то пуд».

Поминая Настасью Минкину, Аракчеев вспомнил и о крестьянах. Кто знает, быть может, хотел он *вызвонить* свои грехи перед ними. Граф был суеверен — хорошо знал и глубоко чтит народные поверья.

Всегда отличавшийся грубой чувственностью и сквозь пальцы глядевший на распутство некоторых из своих дворовых девушек, он вдруг сделался под старость ревнителем строгой нравственности и целомудренности среди крестьян и дворовой прислуги. Вот образчик одного из многочисленных его приказов на сей счет: «Я объявляю письменно, что всякую вину прощу; но разврата в доме моем терпеть никогда не буду и буду очень строго оное взыскивать, и тот мне всякий враг будет, который развратничать будет у меня на мызе; ибо Господь Бог послал на меня все печали за бывшее в моем доме непотребство и разврат».

Года два Аракчеев обходился без домоправительницы. Затем начал искать на эту хлопотную должность подходящего человека. Нашел смышленную и трудолюбивую женщину — Марию Яковлеву. Та немало слышала дурного о графе, но, будучи в крайней нужде и с умиравшим мужем на руках, согласилась. Муж вскоре умер, и Мария целиком отдалась делам, однако не сумела угодить капризному хозяину и, пробыв в Грузине два года, принуждена была покинуть село.

Алексей Андреевич после этого, в свою очередь, окончательно разочаровался в способности русских быть хорошей прислугой и держать дом в порядке. Во время заграничного вояжа и некоторое время по возвращении из него у графа был камердинером немец

Тепфер, который затем перебрался в Ригу. К нему и обратился Аракчеев за помощью: «Вы, кажется, знаете ныне мой характер и образ моей жизни, то не сыщите ли хорошаго, добраго старичка немца, женатого, быть у меня дворецким с женою и управлять кухнею, чем бы вы мне сделали услугу, за которую я бы был благодарен; но оной человек должен от вас предупредомен быть о моей аккуратной жизни, и который бы решился на деревенскую уединенную жизнь и не любил бы хмельного. Тогда бы он нашел во мне к себе хорошо расположенного хозяина; но знал бы о моем мнительном характере, с которым должно ласково обходиться. Таковой бы человек нашел у меня во всю жизнь покойное убежище».

Тепфер не смог выполнить просьбу Аракчеева. Впоследствии с помощью доктора Миллера граф нашел себе экономку, родом из Финляндии, Анну Карловну Никандер. Но эта женщина, лет примерно сорока, осмотрев хозяйство Аракчеева, заявила, что она по возрасту своему не сможет с ним управиться, однако знает женщину из Мемеля, которая вполне способна будет это сделать. Новая экономка, Каролина Розенберг, продержалась в Грузии всего два месяца. После нее Алексей Андреевич никого уже себе не искал, справедливо решив, что кроме покойной Настасьи Минкиной никто с должностью домоправительницы в Грузии справиться не в силах.

И в старости своей Аракчеев сохранял крайнюю приверженность к чистоте и порядку. Особенно не мог терпеть он пыли. И в то же время любил украшать свой дом и его окрестности цветами. Первые годы после ухода со службы граф чрезвычайно увлекался садоводством. Выписывал из-за границы семена, пытался привить и вырастить в своем саду небывалые для данной местности растения.

Года за два до смерти Алексей Андреевич стал сильно уставать. Поэтому отошел от садоводства. Игры в карты, чтение газет вперемежку со сном, беседы с редкими гостями, наезжавшими в Грузино, составляли его основное времяпрепровождение в это время. Дворовые почувствовали, что граф стал добрее. Он и прежде любил поощрить хорошо работавших и державших свои дома в чистоте крестьян различного рода подарками или пяточками, но теперь поощрения стали даваться им за малейшую исправность в работе — часто просто из доброго настроения. Или напротив — из плохого. Разбравив кого-либо из крестьян почем зря, граф старался как-то загладить свою вину и давал ему пяточок.

В последние годы одинокую жизнь старого Аракчеева скрашивала племянница Настасьи — Танюша. Выполняя желание покой-

ной, он после возвращения своего из-за границы отдал Танюшу на воспитание в Новгородский Духов монастырь. Пробыв там несколько лет, девушка-сирота вернулась в Грузино. Внешним обликом она весьма напоминала свою тетку, но сердцем была много добрее. Дворовые долго потом ее вспоминали с благодарностью: «Добрая душа была Татьяна Борисовна: все нас жалела, и, как в Грузии жила, то граф как будто ласковее к нам был, потому что она за нас заступалась и просила Аракчеева, чтобы так строго людей не наказывал».

* * *

Племянница Настасьи помогала Алексею Андреевичу переносить страдания, которые причинял ему приемный сын его покойной возлюбленной — Михаил Шумский. Пьянство, которому самозабвенно предался, едва повзрослев, этот юноша, портило жизнь и ему самому, и графу. Но самым огорчительным для Аракчеева являлось то, что Шумский, которого он сердцем принял за сына, возненавидел его. Всякое проявление этой ненависти приводило Алексея Андреевича в состояние полнейшего отчаяния. «Любезный и почтенный друг Федор Остафьевич, со слезами и сокрушенным сердцем пишу сие письмо, яко некую себе отраду, — обращался он к Бухмейеру 8 февраля 1826 года, — уведомляю тебя, моего друга, дабы ты пожалел обо мне, бедном и совершенно несчастном твоём друге, и дабы ты не думал, что я здесь спокоен; нет, друг мой, Богу еще не угодно оное со мною сотворить, но Его Божия воля посещает меня вновь лютейшим страданием, от кого все мое сердце изныло. Шумский мой вновь напился до безумия, пьян, так что нет сладу: Клейнмихель и все оное видели. Легко ли мне оное переносить! Боже, Ты веси сие в моей душе. Еще это не все; я на другой день, когда ему стал выговаривать, один будучи с ним в дороге после обедни в возке, едучи из Юрьева монастыря, то он мне сказал, что он меня не любит и не хочет быть при мне ни за какие миллионы, я и оное терпел и замолчал; на третий день нахожу письмо на столе, писанное его рукою ко мне, где он решительно изъяснил свое желание бросить, оставить меня, и более лучше в Сибири, нежели жить со мною. Любезный друг, я уверен, что ты чувствуешь, каково легко было оное получить. Помолись обо мне несчастном Богу, дабы Он подкрепил меня перенести Его наказание, и вот теперь семь дней и он со мною не бывает, окроме обеденного стола, а остается все в своем

мнении, дабы я его отпустил от себя, и что он со мной жить никогда не хочет. Спит еще у меня в комнате, но придет тогда, как я лягу в постель, то он ляжет и даже не только не поклонится мне, но даже не взглянет на меня. Сегодняшнюю ночь уже мои силы меня оставили, и я всю ночь не спал и стонал и охал, и он слышал все оное; не только не встал ко мне, но даже не хотел лекаря Миллера ко мне кликнуть, а завернулся в одеяло и повернулся. Любезный друг! Каково мне все оное переносить от такого человека, коего я воспитал, вывел в люди и всякий день и час об нем думал и берег его; пожалей обо мне, несчастном — это облегчит мою печаль и скорбь, ибо признался тебе, что я не показывал онаго никому, но сердце мое все изныло. Прощай, любезный друг, кланяйся достойной и почтенной Христиане Ивановне, и остаюсь несчастнейший твой на свете друг и слуга. Г. Аракчеев».

Этим невольным, как вскрик и стон, письмом Аракчеев выдал, быть может, самую главную свою тайну. Вся его зловредность, жестокость, черствость была только мундиром, за которым скрывалось чрезвычайно ранимое сердце, постоянно к кому-то привязанное, кому-то отданное... Государю ли, или просто женщине, или тому, кого принял он за сына...

А его Шумский — неприкаянная душа — метался и страдал от того, что не знал, к кому пристать, к кому привязаться. Уходя от Аракчеева, опять к нему возвращался. В октябре 1826 года поручик Шумский был переведен за «неприличные поступки» на службу во Владикавказский гарнизонный полк. «Неприличные поступки» его, по рассказам, ходившим тогда в публике, заключались в следующем: однажды поручик Шумский пришел в театр пьяным, вместе с арбузом, который во время спектакля и стал есть, вырывая рукою мякоть. Перед ним в кресле сидел какой-то купец с лысой головой. Шумский, съев мякоть арбуза, надел ему на голову пустую оболочку и громко, на весь театр сказал: «Старичок! Вот тебе паричок!» Поднялся шум. Шутник был арестован. Утаить от императора этот возмутительный поступок офицера было невозможно. Шумский был направлен для исправления на Кавказ. По другим свидетельствам, находясь в театре, пьяный Шумский вместо того, чтобы хлопать, как все зрители, в ладоши, шлепал ладонью по лысине сидевшего впереди него генерала и кричал «браво!».

На Кавказе Шумский исправился и показал себя хорошо в боях с персидскими войсками, за что удостоился через год перевода в Ширванский пехотный полк.

В начале марта 1827 года Алексей Андреевич писал Бухмейером из Грузина: «Приезжайте, почтенные мои друзья ради Бога, ко мне пораньше летом, я вас умоляю, ради самого Господа Бога... Здесь на-шел между моими начальниками брань и несогласие; но сие еще не столько бы меня огорчило, если бы был у меня друг, кому я мог бы открывать мою душу!» В этом же письме граф сообщал о новом поступке Шумского, на этот раз благом для его сиятельства. «Теперь я, почтенные мои друзья, скажу вам и то, что я был в самую страстную субботу рано поутру порадован: иду я в церковь к заутрене, мне на дороге отдают письмо из Петербурга, где я нахожу своего Мишеля письмо, писанное из Тифлиса 10 марта, на четырех страницах, весьма умное, где он не денег у меня просит, а просит моего прощения; я копию онаго вам посылаю; я очень поплакал, но и Бога поблагодарил... Я уже к нему писал еще из Бежецка 26 февраля, то я и надеялся, что он уже оное получил».

Но радовался Аракчеев недолго. Некоторое время спустя Шумский опять запил и совершенно забыл старика. Алексей Андреевич сначала утешал себя: мол, Мишенька в действующей армии и некогда ему писать письма. Но затем догадался об истинной причине Мишиного молчания.

В 1830 году после очередного скандала Шумский был уволен из армии «по болезни», как было сказано в высочайшем приказе от 18 июня. С трудом добрался он до Грузина, однако Аракчеев, вконец расстроенный, не захотел его простить, а выдал ему новую одежду, дал 25 рублей и выпроводил в Новгород, где пристроил на службу в местную казенную палату. Несчастный Шумский недолго прослужил здесь. Оскорбив по какому-то поводу вице-губернатора, он принужден был уволиться. Вновь вернулся в Грузино, но граф не позволил ему там поселиться. Некоторое время Шумский бродяжничал, пока Алексей Андреевич не сжалился над ним и не нашел ему пристанища. На этот раз в качестве такового был выбран Новгородский Юрьевский монастырь — местопребывание архимандрита Фотия. Обеспечив Мише ежемесячное содержание в 100 рублей, граф поселил его там для успокоения души — его и своей.

* * *

В июне 1836 года отставной поручик Шумский будет перемещен, по желанию своему и по высочайшему соизволению, из Юрьевского монастыря в Соловецкий.

Спустя два года, разочаровавшись в монашеской жизни, «послушник Соловецкого первоклассного монастыря Михаил Андр. сын Шумский» будет проситься на волю. 20 августа 1838 года он обратится к государю с прошением. «С одной стороны, — напишет он, — здешний нездоровый климат, с другой, бремя, неудобноносимое для сил моих и начального еще иночества, расслабив все мое здоровье, привели меня не в состояние долее вмещать монастырскую жизнь, сколь ни ревностно к этому прежде было мое желание... Почему для восстановления моего здоровья Ваше Императорское Величество всеподданнейше прошу освободить меня от прохождения монастырской жизни, предоставить избрать состояние сообразное и силам, и званию моему».

В ответ император Николай потребует от Шумского объяснить, какое состояние намерен он избрать, в каком месте и какие способы имеет к своему существованию.

Шумский ответит, что до кончины графа Аракчеева хотя и пребывал в монастыре на полном обеспечении, получал от него щедрое пособие по 100 рублей в месяц, да к тому же Алексей Андреевич обещал положить для него капитал, с которого можно было бы пользоваться процентами, но непредвиденная смерть графа разрушила эти предположения и он, Шумский, остался всего лишенным.

Получив такой ответ, государь распорядится 12 мая 1839 года выплачивать Шумскому из своего Кабинета пенсию по 1200 рублей в год. Михаил не захочет после этого покидать Соловецкий монастырь. И останется в нем еще на десять лет — пьянствовать, скандалить и каяться. В конце 40-х годов он возобновит свою просьбу об оставлении монастыря. Ему разрешат поселиться в Филиппо-Ирбской пустыни Новгородской губернии. В навигацию 1851 года Шумский отправится к новому месту жительства, но доплывет только до Архангельска. Здесь он заболеет и в том же году умрет.

* * *

Между тем покой Аракчеева был нарушен в июле 1831 года бунтом в военных поселениях Новгородской губернии. Кто-то сообщил ему, что восставшие назначили несколько троек для поимки бывшего своего начальника и эти тройки вот-вот прикатят в Грузино. К этому прибавлялась еще одна напасть: эпидемия холеры, охватившая Петербург и некоторые уезды Новгородской губернии, расположенные неподалеку от Грузина.

Неделю после получения известия о том, что его ищут, чтобы убить, Алексей Андреевич крепился. Задумчивый ходил по селу, все время посматривая на дорогу, в оцепенении отдавал какие-то приказания. Но 20 июля, в Ильин день, не выдержал. Он находился у себя в доме, когда прибежал к нему соседский помещик с сообщением, что по дороге в сторону Грузина движется большое облако пыли, которое способны поднять лишь мчащиеся во весь опор тройки. Услышав сию весть, Аракчеев побледнел и на несколько мгновений застыл на месте как монумент. Затем встрепенулся и заорал на весь дом: «Лошадей! Проворней лошадей!» Перепуганные дворовые бросились в конюшню. Спустя какое-то время граф мчался по дороге на Оскую и далее на Тихвин. Пробыв несколько дней в Тихвине, он для надежности перебрался в Новгород. Поселился в гостинице купца Морошкина с намерением оставаться здесь до тех пор, пока военные поселяне окончательно не успокоятся. Скоро выяснилось, что страх его был напрасным: облако пыли подняли возвращавшиеся в Грузино с праздника священники, но он все равно решил до поры до времени не покидать Новгород.

Новгородский губернатор А. У. Денфер, узнав о приезде Аракчеева, всполошился не на шутку. Тотчас направил к нему полицмейстера сказать, что присутствие его сиятельства, бывшего начальника над военными поселениями, опасно для жителей города. Взбунтовавшиеся поселяне могут в таком случае напасть на город. Алексей Андреевич, услышав просьбу губернатора, пришел в состояние крайнего гнева. Возмущенный, он немедленно сел за стол и написал письмо императору Николаю:

«Батюшко, Ваше Императорское Величество! В нынешнее тягостное для души Вашего Величества время я принужден в опасном своем положении прибегнуть к Вам, Всемилостивейший Государь, с моею нижайшею просьбою. Со всех сторон доходили до меня слухи, что военные поселяне хотят приехать ко мне в Грузино убить меня за заведение военного поселения, для чего я и выехал на жительство на сие смутное время в губернской свой Новгород... Простите, Всемилостивейший Государь, за беспокойство, делаемое Вашему Величеству. Я в 6 лет первый раз обрасчаюсь в тесном моем положении к отцу моему Государю, коему известно, что я учреждением военного поселения не выгоды и богатство себе крапил, но здоровье свое потерял, исполняя только желание моего Государя и благодетеля, но за оное теперь в старости должен скитаться по чужим домам.

Я не боюсь смерти, она со всяким может быть, если она назначена от Бога, но обида в звании Вашего Генерала от Губернатора, которой должен быть, по званию своему, всякому защитником, а он меня выгоняет из города, и мне 64 (летнему)¹ старику оскорбительно и обидным образом назначает жительство по его собственному рассуждению, забыв при оном благопристойность.

Вам, Всемилостивейший Государь! известно и нынешнее мое шестилетнее пребывание в Грузине, где я единственно занимаюсь одним благосостоянием моих крестьян, ничего посторонняго не вижу и не слышу, а живу яко больной старец, готовящейся предстать — на вечное жительство!»

Его величество ответил немедленно: «1 августа 1831 г. Сегодня в обед получил я ваше письмо, Алексей Андреевич, и сейчас предписал охранять вас. Спешу вас о том уведомить и уверить, что вы, где моя власть простирается, везде безопасны. Не верю слухам, до вас дошедшим, и уверен, что когда заблагорассудите возвратиться в Грузино, можете проехать даже через округа военных поселений, где уже восстановлен порядок».

Довольный сим государевым ответом, граф прожил в Новгороде весь август. К сентябрю, удостоверившись, что опасность расправы над ним миновала, возвратился в Грузино. С этого времени он если и покидал свой «монастырь», то для того лишь, чтобы поклониться родительским могилам. И душой и мыслями своими старый Аракчеев жил с теми, кто умер.

Однажды кто-то из петербургских знакомых графа надумал навестить его в Грузине и спросил у него письмом разрешения приехать. Алексей Андреевич дал короткий, но весьма выразительный ответ: «Вам, м. г., угодно посетить меня, старика, в деревне, то я уведомляю вас, что мне всегда приятно принимать у себя старых знакомых, если когда они вспоминают».

* * *

Как человек и государственный деятель Аракчеев оставил после себя немало тайн. Одна из наиболее загадочных черт его человеческой натуры — то необыкновенное уважение, истинное благоговение, с каким относился он к прошлому. Как уже упоминалось, граф с увле-

¹ Графу Аракчееву в это время не исполнилось еще и 62 лет.

чением, свойственным разве что страстному архивисту, коллекционировал исторические документы, собирал записки деятелей прошлого. Ученых-историков граф настоятельно просил присылать ему свои труды. Любил он и просто слушать воспоминания старожилов. Отличался редкой приверженностью к старым предметам, одежде и традициям.

«Аракчеев был очень умен и большой мизантроп», — написала в своих мемуарах Александра Осиповна Смирнова-Россет. Что ж, в незаурядности ума Аракчеева вряд ли можно усомниться. Однако мизантропом назвать его позволительно лишь с большими оговорками. Конечно же, он часто мучил окружающих, но ведь не менее и сам был мучим ими. Грубость его, жестокость по отношению к людям происходили не от ненависти его к ним. По натуре своей Аракчеев был незлобив и обладал способностью прощать даже тех, кто причинил ему самые великие страдания. Тех же людей, кто когда-либо сделал ему добро, граф почитал как никто другой. Память о таких людях он считал для себя священной. Поклонение им, давно умершим, стало на склоне лет подлинной его религией.

Свое Грузино Алексей Андреевич превратил в настоящий храм сей религии.

Роскошный сад, раскинутый за его домом на довольно обширном пространстве, был примечателен не только диковинными деревьями и птицами, но и памятными знаками. В одной из аллей между ветвями кустов стояла белая плита с надписью: «Сын в память родителю». В другой меж лип возвышался бюст, под которым было написано: «Столетнему крестьянину Исааку Константинову, посадившему в молодости сии липы». На одном из островков грузинского сада граф соорудил павильон с колоннами. На нем крупными буквами было начертано: «Храм, посвященный в память воспитавшему меня генералу Мелиссино».

Но более всего памятных знаков посвящено было в Грузии главным благодетелям Аракчеева — императорам Павлу и Александру.

В 1824 году в одном из своих писем государю Александру граф писал: «Преисполненный чувств благодарности к виновнику сего благодеяния, я не могу ограничить себя пожизненным изъявлением сих чувств. Я бы желал передать оныя векам, сохранив в сельском моем убежище, и по смерти моей, благоговейное воспоминание о монархе, благодетеле моем, и об излианных от него на меня милостях. Сия малая жертва, приносимая благодетелю благодарностью, основана на ежегодных способах, доставленных мне его благодея-

ниями. Утешительно мыслить, что праведная душа в Бозе почивающего моего благодетеля видит и одобряет чувства, меня одушевляющие». Алексей Андреевич вел речь о Павле I. Бюсты, памятник, портреты этого императора видели все, кто приезжал в Грузино.

В редких письмах к императору Николаю Аракчеев почти всегда ссылался на его отца — своего первого августейшего благодетеля. «Ваше Императорское Величество простит шестидесятилетнему старику, естли он осмеливается два раза в год беспокоить Ваше Императорское Величество своими письмами, но воспитание, полученное мною от покойного августейшего вашего родителя, приучило меня помнить дни рождения и Ангела моего Государя, Ваше Императорское Величество» — так обращался граф к Николаю 6 декабря 1829 года. «Старинное воспитание, данное мне покойным августейшим вашим родителем, — писал он императору Николаю 24 сентября 1831 года, — образовало меня тем, что ничего для меня нет в сем свете приятнее, как исполнять волю моего Государя, и никакое во всю мою службу обо мне общее мнение публики для меня не было приятно и дорого, кроме мнения моего обо мне Государя. Следовательно я награжден уже вполне на всю мою остальную жизнь, когда мой Государь Император, Ваше Императорское Величество признали бывшую доверенность ко мне покойного императора, а потому и утешаю себя приятнейшим удовольствием, что изволят заключать во мнении своем, что я ее был достоин»¹.

До конца своих дней не переставал Аракчеев чтить память и государя Александра. Благодаря графу Грузино сделалось не только местом поклонения Александру I, но и настоящим музеем этого императора. Граф оставил нетронутыми те комнаты, в которых Александр во время пребывания в его доме отдыхал или обедал. В кабинете, где стоял диван, на котором его величество почивал, и стол, за которым работал, Алексей Андреевич повесил портрет его со следующей надписью: «В Бозе почивающий Государь отец и благодетель мой, Император Благословенный Александр I-й, в приезд к графу Аракчееву в село Грузино, всякий раз изволил занимать сии комнаты. Посетитель! Преклони колена с умилением и сокрушенным сердцем на месте сем и принеси теплую молитву ко Всевышнему об успокоении в Царствии Небесном души Александра Благословенного, Отца Отечества!»

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 86.

В этом кабинете находился и специальный ящик, куда граф сложил конверты с собственноручными надписями Александра I за три последних года. И ящик со стеклом сверху, в котором лежала рубашка Александра, подаренная им графу в тот день, когда умирала Екатерина II. В столе хранился портфель для бумаг, на котором имелась надпись: «Граф Аракчеев в течение 25 лет употреблял портфель сию для доклада дел Государю Благословенному Императору — его отцу и благодетелю Александру Павловичу. Она содержала в себе много важных и благодетельных для пользы отечества приказаний и учреждений».

На поверхности стола лежала карта России: надпись рядом с ней гласила, что это карта последнего путешествия покойного императора, подаренная им графу перед отбытием из Санкт-Петербурга в августе 1825 года. Здесь же стоял маленький бюст Александра I с надписью: «Возвеселил Россию и освободил Европу».

В ближайшей ко входу в дом комнате Аракчеев установил серебряную четырехугольную колонну с бюстом Александра. На передней стороне колонны золотыми буквами были начертаны слова из последнего письма императора графу: «Прощай, Любезной Алексей Андреевич, не покидай друга — верного тебе друга. Таганрог. Сентября 22-го 1825 года». Ниже приписан был ответ Аракчеева: «Прилпни язык мой гортани моему, аще не помяну Тебе на всяк день живота моего».

С правой стороны серебряной тумбы было вырезано:

«Незабвенные эпохи во всеобщей истории всего Мира Император Александр Благословенный».

Далее в столбик шло перечисление важнейших событий с датами в судьбе императора, начиная от рождения и заканчивая датой погребения его тела — 13 марта 1826 года — и указанием на день его ангела — 30 августа.

С левой стороны тумбы было вырезано:

«Драгоценнейшие дни в жизни Графа Аракчеева пребыванием в Грузии, в сих самых комнатах Императора Александра Благословенного».

Ниже расписаны были даты посещения его величеством Грузии: 1810-го года 7-го июня; 1816-го года 8-го июня; 1819-го года 27-го июня; 1820-го года 4-го марта и 26-го июня; 1821-го года 22-го, 23-го и 24-го июня; 1822-го года 15-го июня; 1823-го года 15-го, 16-го, 17-го марта и 3-го, 4-го июня; 1824-го года 24-го и 25-го июня; 1825-го года 26-го и 27-го июня.

С задней стороны серебряной четырехугольной колонны вырезаны были слова:

«Подножие сие к изображению незабвенного Императора Александра Благословенного сделано после его кончины верноподданным слугою графом Аракчеевым. Да пребудет оно в сем доме и в сих самых комнатах для сего назначения во веки веков. Аминь. А если кто осмелится обратить на другое какое употребление, то да будет ему наказание Божие, как в сей, так и в будущей жизни».

Напоминать об Александре I призваны были и бронзовые столовые часы с бюстом императора, игравшие один раз в сутки — в час, когда его величество покинул этот мир, — мелодию молитвы «Со святыми упокой». Аракчеев заказал их в Париже в 1826 году. Делали их почти три года. В 1829 году мемориальные часы привезли в Грузино, и граф установил их в комнате, где проживал император Александр во время посещения аракчеевского имения.

Сразу же после смерти Александра Аракчеев решил возвести в Грузине величественный памятник ему. Так получилось, что разработка эскизов, а затем изготовление деталей памятника заняло семь с лишним лет. Поэтому открытие данного монумента свершилось только в ноябре 1833 года (18, 19 и 20-го числа). Публике явился высокий пьедестал, опираясь на который три кроткие богини — Вера, Надежда и Милосердие — поддерживали бюст Александра I, как бы поднимая его к небесам. Богиня Милосердия возлагала на голову императора венец из сияющих звезд. А у подножия монумента сидел русский воин в древнем вооружении со щитом, на котором изображен был графский герб и девиз: «Без лести предан».

Возведя Александру сей памятник, Алексей Андреевич вздохнул облегченно: теперь можно и умирать. И странно: как только выполнил он возложенный им самим на себя долг — увековечить память своего государя, немощная плоть его стала быстро разрушаться.

Граф успел еще побывать 15 марта 1834 года на открытии Новгородского кадетского корпуса, на счет которого он внес 300 тысяч рублей, дабы на проценты с этой суммы воспитывалось ежегодно в нем 17 кадетов из Новгородской и Тверской губерний. Для того чтобы граф Аракчеев, уже дряхлый старик, смог прибыть на открытие Новгородского кадетского корпуса, понадобилось разрешение императора Николая. 2 марта 1834 года Алексей Андреевич сообщал великому князю Михаилу Павловичу: «Объявленное мне от Вашего Императорского Высочества Всемилоостивейшего Государя Императора позволение находиться при открытии Новгородского ка-

детского корпуса я приемлю новою к себе Милостию, и не премину оною воспользоваться»¹.

15 апреля 1834 года Аракчеев писал супругам фон Фрикенам: «Милостивые Государи и почтенные друзья Федор Карлович и Анна Григорьевна! Благодарю ваши превосходительства за дружеские ваши письма, которые мне приятно получать и утешать себя, что вы еще помните меня, больного старика. Поздравляю вас, Милостивые государи, с приближающимся великим праздником Христова Воскресения, в который день прошу меня старика вспомнить; а я, наверное, буду помнить прошлогоднее пребывание Ее превосходительства Анны Григорьевны. Радуюсь, что все ваши дети здоровы, прошу их поцеловать за меня. Здоровье мое весьма плохо и, кажется, оно уже не поправится. Ваше превосходительство пишете ко мне о хорошей вашей погоде, а у нас ее еще не было; а все продолжают морозы, и о пашне еще и думать не можем, а при том озими весьма худы, и продовольствие крестьян весьма затруднительно, а особенно в сеянном хлебе. С душевным почтением пребуду навсегда ваших превосходительств милостивого государя покорным слугой. Граф Аракчеев»². Текст приведенного письма был написан чужой рукою, но последнюю его фразу Алексей Андреевич начертал сам. Это грустное письмо оказалось если не последним, то одним из последних аракчеевских писем³. Весну 1834 года Аракчеев не пережил.

* * *

В пятницу 13 апреля Алексей Андреевич почувствовал себя заболевшим и послал в Петербург за доктором Карлом Павловичем Миллером, который до 1828 года лечил его в Грузии.

16 апреля, в понедельник, в первый день Страстной недели, графу стало еще хуже. Докторов вокруг него было достаточно: в субботу приехал из Петербурга К. П. Миллер, а несколькими часами позднее прибыл присланный императором Николаем, узнавшим о болезни Аракчеева, лейб-медик Я. В. Виллье. Пришел врач из госпиталя, устроенного в Грузии для крестьян. Однако помочь больному

¹ РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 88.

² РГВИА. Фонд 154. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 51.

³ Я не обнаружил в архивах писем графа Аракчеева более поздней даты.

старику доктора уже не могли, и он знал это. Поэтому просил известить о приближающейся смерти близких к нему людей. Во вторник был послан гонец в Старую Руссу к генералу Ф. К. фон Фрикену, которому граф в воскресенье отписал письмо. Прибыл в среду поручик А. П. Бровцын, крестник Аракчеева — сын его товарища по учебе в кадетском корпусе¹. И еще кто-то.

В пятницу 20-го Аракчееву сделалось совсем плохо, началась сильная одышка. Еще ранее доктора предположили, что у него аневризм в сердце. В тот день граф исповедался и причастился.

Вечером, чувствуя приближение смерти, он попросил проводить его в свой кабинет. Бровцын и камердинер Влас взяли старика под руки и повели. Но успели вывести лишь в соседнюю комнату, как увидели идущего навстречу Виллье. Тот остановил графа, сказав, что любые движения ему крайне вредны. Тогда Аракчеев попросил усадить его в кресло в этой же комнате против стоявшего на серебряной тумбе бюста Александра I. Сначала он просто сидел и говорил с находившимся рядом Бровцыным. Затем попросил его почитать ему газету. Часа через полтора, утомленный, выразил желание возвратиться обратно в свою комнату. Это была та самая комната, где останавливался император Александр, когда приезжал в Грузино. И Аракчеев лежал на том самом диване, на котором отдыхал в эти приезды его августейший благодетель.

На этом святом для себя месте он умер тихо поутру в субботу 21 апреля, глядя полузрячими своими глазами на портрет Александра Благословенного. Перед уходом едва слышно произнес: *«Простите меня, кого я обидел»*. А в Грузинском соборе в это время происходило утреннее богослужение и уже выносили плащаницу...

Хоронили его в среду на Святой неделе со всеми воинскими почестями. Буквально на следующий день после его смерти в Грузино прибыл батальон гренадерского графа Аракчеева полка и привезены были пушки.

Под грохот пушечной пальбы тело графа опустили в им самим приготовленную могилу в соборе рядом с памятником императору Павлу, и возле могилы Настасьи Минкиной. Сверху положили надгробную плиту из гранита, высеченную по его приказу знаменитым скульптором Мартосом еще в 1818 году. Тогда же были вырезаны

¹ Позднее Алексей Платонович Бровцын опишет последние дни жизни графа, опровергая при этом разные домыслы. Его описание кончины Аракчеева является, пожалуй, самым достоверным.

на плите слова: *«Да пребудет и прах мой у подножия изображения Твоего! На сем месте погребен русский Новгородский дворянин, граф Алексей Андреевич Аракчеев, родился 1769 года сентября 23 дня, умер...»* К этим словам добавили только дату: *«в 1834 году апреля 21 дня»*.

Похоронен был Аракчеев в рубашке, которую подарил ему в день восшествия на престол императора Павла его сын — великий князь Александр.

* * *

Завещательный документ о том, как должно по смерти его распорядиться Грузинской вотчиной, Аракчеев составил еще в 1812 году и в день отъезда в действующую армию — 6 декабря — представил на утверждение императору. Согласно высочайше утвержденной воле графа имение его превращалось в майорат, то есть могло перейти после смерти его в полном, нераздельном виде лишь к одному наследнику. Аракчеев обязался сделать позднее приписку к своему духовному завещанию с указанием, кого назначает он наследником своего имущества.

30 апреля 1834 года на чрезвычайном собрании трех первых департаментов Сената произведено было вскрытие духовного завещания умершего Аракчеева. Никакой приписки о том, кому наследовать Грузинскую вотчину, граф, как обнаружилось, не оставил. Сенаторы определили, что в таком случае, по смыслу самого завещания, право назначить наследника принадлежит императору.

Его величество над судьбой аракчеевского наследства думал недолго. Все имущество Грузинской вотчины Николай I отдал Новгородскому кадетскому корпусу, которому в соответствии с этим присвоено было имя графа Аракчеева и герб его.

То, что Алексей Андреевич не назначил себе наследника не по какой-то оплошности, а совершенно сознательно, показывает надпись, оставленная им на одном из прокладных листов принадлежавшей ему книги Святого Евангелия: *«Аракчеев все свое состояние возвратил туда, откуда получил»*.

В апреле 1833 года граф Аракчеев положил в государственный заемный банк под проценты 50 тысяч рублей. Тогда же он оформил завещание, согласно которому назначалась награда тому, кто через 100 лет по смерти императора Александра напишет лучшее историческое сочинение о нем. Подлинный текст завещания был утвержден

императором Николаем и заверен управляющим Министерством народного просвещения тайным советником Сергеем Норовым. Его отдали на хранение в Императорскую Академию наук. Граф сделал две копии с него: одну предполагал передать своему потомку, который будет владеть его именем¹, вторую оставил в соборе Андрея Первозванного села Грузино. Алексей Андреевич собственной рукой начертал эту копию на листах напрестольного Евангелия, под печатным текстом, так озаглавив ее: «Завещательное распоряжение о предназначаемой награде за лучшее сочинение истории царствования императора всероссийского Александра I». По замыслу Аракчеева, в течение девяноста трех лет сумма в 50 тысяч рублей с процентами к ней должна была находиться в банке в неприкосновенности. Из нее граф завещал выделить в 1925 году три четверти (приблизительно полтора миллиона рублей) в награду автору лучшей книги об императоре Александре I. Оставшаяся четвертая часть денежной суммы предназначалась им на оплату расходов по изданию этой книги и ее переводу с русского языка на французский и немецкий, а также на премию автору той биографии Александра, которая будет признана второй по качеству.

Алексей Андреевич был уверен, что спустя 100 лет утихнут страсти, уйдет в былое людская ненависть, придут спокойствие и рассудительность в разговоре об императоре Александре и людях его времени и уж тогда-то и он сам, слывший среди современников «злым временщиком», человеком подлым, бездушным и жестоким, описан будет с сочувствием, а значит — правдиво. И портрет его займет место в ряду выдающихся русских деятелей, действовавших при всех своих пороках и ошибках во благо Отечества. А за пороки свои и зло, которое деяниями своими причинял, заслужит прощение. Сам-то он ведь всех врагов своих перед смертью простил.

Среди вещей, оставшихся по кончине Аракчеева, оказалась небольшая икона Нерукотворного Спаса в богатом серебряном, вызолоченном окладе, изящно украшенном драгоценными камнями. Когда осматривали эту икону, то на лицевой стороне ее, внизу под ликом Спасителя, нашли надпись, выполненную мастером по воле графа. Надпись эта отразила чувства и настроения Алексея Андреевича Аракчеева в последний период его жизни, начавшийся с

¹ Данная копия помещена была после смерти графа на хранение в Министерство народного просвещения.

конца ноября 1825 года, когда в Таганроге умер император Александр.

«Господи! Дажь милость ненавидящим мя, и враждующим мне, и поношающим меня, да никто же от них мене ради постраждет ни в нынешнем ни в будущем веце, но очисти их милостию Твоею и покрый их благодатию Твоею, озари их и просвети во веки веков. Аминь. Ноября дня 1825 г. Г. А.».

Послесловие

Однажды Алексей Андреевич сказал А. П. Ермолову: *«Много ляжет на меня незаслуженных проклятий»*. Об этом высказывании Аракчеева сообщил в своих записках Д. В. Давыдов. Любопытно, что слова графа Денис Васильевич привел не в мемуарной части записок, а среди заметок о примечательных фактах из жизни разных знаменитых людей. Очевидно, что эти слова чем-то поразили Давыдова...

Приведенная аракчеевская фраза примечательна не только тем, что оказалась пророческой. Самое удивительное в ней — другое, а именно: просто и коротко выраженная *убежденность Аракчеева в своей правоте*, уверенность в том, что в свою государственную деятельность он *не заслужил проклятий*.

П. Н. Богданович (1883–1973) — полковник Генерального штаба Российской армии во время Первой мировой войны, а после Гражданской войны эмигрант — издал в 1956 году в Буэнос-Айресе небольшую, но насыщенную фактами книгу «Аракчеев. Граф и барон Российской империи (1769–1834)», в которой следующим образом объяснил причину вражды, преследовавшей этого человека во все время его государственной деятельности и не утихнувшей даже после его смерти: **«Аракчеев был глубоко русский человек... У нас есть свидетельство об активной и планомерной деятельности Аракчеева и в политической области, когда дело касалось России и ее интересов — в донесении французского посла Лафероннэ от 1 октября 1823 года находится такое место: “То, что здесь называют — **«русская партия»**, во главе которой находится граф Аракчеев, старается в данный момент свалить графа Нессельроде, который после отставки г. Гурьева находится в почти полном одиночестве... его главнейшая точка опоры — австрийский кабинет; таким образом, по своим интересам и по своим привязанностям Нессельроде оста-**

ется целиком преданным Австрии“. В то время в Империи были всякие партии: самая сильная — английская, из нее вышли убийцы императора Павла I, и в ней находилось главное руководство масонским движением в России; потом очень влиятельная — австрийская, дальше — немецкая, и наконец, французская. О „русской партии“ не было слышно, а о том, что ее возглавлял Аракчеев — еще меньше; похоже, что все это крепко замалчивалось. Несомненно, что о „русской партии“ были какие-то документы, несомненно, также, что она не только боролась с русским министром иностранных дел из-за его безграничной преданности Австрии; надо полагать, что были и другие случаи защиты русских интересов. Кто мог быть на верхах этой партии? Можно думать, что к ним в свое время принадлежала — великая княгиня Екатерина Павловна, генерал князь Багратион, Председатель Государственного Совета Салтыков, Председатель Комитета министров Вязьмитинов, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютант Балашов — все люди, с которыми Аракчеев был очень близок и которые его очень ценили. Русские историки к вопросу о „русской партии“ в эпоху Александра I еще не подходили серьезно, а самое главное — беспристрастно: в России защита русских интересов почти всегда была занятием проигрышным, вплоть до лишения жизни (император Павел I и Александр II).

Для нас же упоминание французского посла — очень ценно, как лишняя, новая и достоверная данная к пониманию Аракчеева, его государственной деятельности, и просто, как цельного русского человека. И это упоминание еще больше объясняет причины той вражды, которая преследовала графа Алексея Андреевича безостановочно.

Нетрудно представить себе, что предпринимали другие „партии“, чтобы парализовать деятельность их общего врага — „русской партии“, а особенно ее возглавителя!» (выделено мною. — В. Т.).

Можно признать, что приведенное суждение П. Н. Богдановича основывается на реальных фактах и раскрывает истинную подоплеку враждебного отношения к Аракчееву целого ряда российских сановников. Привязанность графа к России и ко всему русскому, его искренний, укорененный в душе патриотизм не подлежат никакому сомнению: патриотизм этот проявлялся и в его государственной деятельности, и в разговорах с различными людьми, и в трепетном уважении к русской истории. Алексей Андреевич вполне мог сказать про себя то, что сказал в 1812 году маркизу Паулуччи граф Александр Иванович Остерман-Толстой: *«Для вас Россия — мундир ваш:*

вы его надели и снимете его, когда хотите. Для меня Россия — кожа моя».

Карл-Роберт Нессельроде (1780–1862), управлявший с 1816 года иностранными делами Российской империи, действительно почти открыто действовал на своем посту в интересах Австрии. В 1812 году он женился на дочери министра финансов Д. А. Гурьева и с тех пор пользовался его поддержкой. Граф Аракчеев обоих названных сановников считал своими злейшими врагами.

«Русская партия», о которой говорится в цитированном выше донесении французского посла, возможно, и в самом деле существовала при дворе императора Александра I. Но это могло быть только неофициальное объединение сановников-патриотов, имевших одинаковые представления об интересах России, о действиях государственных властей, соответствующих данным интересам. Судя по всему, в «русскую партию» те или иные сановники объединялись помимо прочего и для того, чтобы успешнее противостоять сановным персонам, в деятельности которых национальные русские интересы мало что значили.

Принимая во внимание данное обстоятельство, нельзя, однако, не видеть, что причины вражды, преследовавшей Аракчеева, таились не только и, пожалуй, не столько в патриотизме этого государственного деятеля.

Сохранилось множество писем в адрес Аракчеева, в которых отдается должное его гражданским добродетелям, любви к Отечеству и ко всему русскому. Можно привести немало стихов, посвященных Аракчееву, в которых он именуется патриотом, «России верным сыном», гордостью России. В стихотворении, написанном в 1832 году поэтом В. Н. Олиным, Аракчеев сравнивается с Луцием Цинциннатом — древнеримским государственным деятелем, почитавшимся римлянами в качестве образца настоящего патриота. В то же самое время в русском обществе распространялись стихотворения, в которых Аракчеев клеймился как «отчизны враг».

Алексей Андреевич имел в обществе славу добропорядочного помещика, который заботится о своих крестьянах, помогает им в бедствиях. Память о нем как о добром хозяине долго жила среди потомков принадлежавших ему крестьян. Об этом свидетельствуют рассказы некоторых из них, записанные и впоследствии опубликованные. Так, крестьянин Иван Шеллоник, составивший себе мнение об Аракчееве по рассказам своего деда и отца, которые жили при нем, говорил своему внуку: «Терпеть не могу, когда начнут ру-

гать графа и называть его — такой-сякой — мучитель, тиран... Благодетелем мужиков был Аракчеев, добрым и заботливым отцом, а не мучителем. Без хлеба ни один не сиживал, не вздувало с голоду брюхо, как в нынешние времена. А лупцевал он нашего брата за дело — дарма никого не обижал. Пьяниц и лентяев не любил он дюже, а зато кто работал по порядку, то тому граф оказывал всякую помощь. Бывало, околела лошадь или корова — другую распорядится дать, — получи и работай! А теперь что? Пьяниц разводят, чтобы водки больше выпили, кабаков понастроили!..» В 1869 году в журнале «Русский архив» появился рассказ О. Пашкевича о том, какую память оставил после себя Аракчеев среди крестьян своего имения. Проживая летом 1868 года в Грузии, Пашкевич разговаривал со многими крестьянами-стариками, жившими при Аракчееве. По его свидетельству, крестьяне отзывались о графе «как о своем отце и благодетеле», они говорили: «Для дурных мужиков он был дурной барин, а для хороших был примерным господином».

Согласно же слухам, которые распространялись в обществе при жизни Аракчеева и отразились в многочисленных стихах, эпиграммах, мемуарах, граф морил своих крестьян голодом и всячески издевался над ними. Подобным же образом он якобы вел себя и в отношении солдат. Так, Пушкин записал в начале 30-х годов XIX века в селе Болдино Нижегородской губернии песню про Аракчеева, в которой пелось:

Ты, Ракчеев-господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил...

Похожую песню, записанную Владимиром Далем, распевали и в Оренбургской губернии. В ней были, в частности, следующие строки:

Ты разбестия-каналья Ракчеев-дворянин!
Всю Россию разорил, солдат бедных погубил:
Пропиваешь, проедаешь наше жалованье...

В рассказах об Аракчееве, приводимых в мемуарах людей, которые так или иначе сталкивались с ним на своем жизненном пути, также можно увидеть самые противоположные оценки его человеческих качеств. Одни мемуаристы описывают графа как необразо-

ванного солдафона, презиравшего книги и грамотеев. Другие, напротив, — отмечают его высокую образованность, любовь к чтению книг и безмерное уважение к людям, превосходившим его своей образованностью и умом. Одни современники Аракчеева пишут о его корыстной натуре, другие подчеркивают его бескорыстие. Одни обвиняют его в самодурстве, другие характеризуют как человека с высокоразвитым чувством справедливости. Одни определяют Аракчеева как человека «необыкновенных природных способностей и дарований», другие находят его совершенно бездарным человеком.

Все эти выраженные в мемуарах оценки Аракчеева более говорят о мемуаристах, нежели об Аракчееве. А еще они доказывают, что *общего мнения среди людей не существует и существовать не может*. Об этом писал когда-то П. А. Вяземский. Общее мнение — это «одна из узаконенных мистификаций, которыми промышленники цыганят и надувают толпу, собранную на площади, — утверждал Петр Андреевич. — Каждый кружок, как бы ни был он мал, каждый журнал имеет у себя наготове доморощенное общее мнение, во имя которого он разглагольствует, судит и рядит, карает и милует. Это общественное мнение, раздробленное на многочисленные части, друг другу противоречащие и друг другу враждебные, и есть — в добрый час молвить, а в худой промолчать — тот бес, которого имя „легион, яко мнози есмы“. Когда же ночью и днем, в горах и гробах под этую кличкою раздается, разносится и пошло повторяется суждение и приговор, тут невольно возбуждаются во мне сомнения в правоте и законности подобного единогласия».

Вражда, преследовавшая Аракчеева в течение всей его государственной деятельности, имела в ряде случаев определенную политическую основу. Но эта основа была связана более с его высоким политическим статусом, чем с патриотическими умонастроениями. В этих случаях нападки на Аракчеева являлись, в сущности, ударами по той политической системе, которой он служил. Именно такую политическую подоплеку имело стихотворение К. Ф. Рылеева «К временщику», в котором явно подразумевался Аракчеев. Временщик клеймился позором за то, что он — «неистовый тиран родной страны своей», за то, что стеснил свободу народа, «налогом тягостным довел до нищеты». Он злой, подлый и коварный не по своим человеческим качествам, а вследствие того, что поддерживает политический порядок, неугодный автору стихотворения.

В большинстве своем враждебное отношение к Аракчееву не имело политического основания и носило сугубо личный и при-

том корыстный характер. Граф объявлялся «злодеем», «ядовитым змеем», «коварным», «самолюбивым и тщеславным» человеком потому, что ущемил чьи-то эгоистические интересы.

Так, распространению в русском обществе порочивших Аракчеева слухов в огромной мере содействовали люди, служившие под его началом и выгнанные им с должностей за нерадивость в службе, взяточничество или казнокрадство. Клеветой на своего бывшего начальника они мстили ему за то, что он не позволил им служить так, как они хотели, и в то же время оправдывали самих себя. Атмосфера враждебности к Аракчееву создавалась в значительной мере именно такими людьми, действовавшими из корыстных побуждений.

Государственная деятельность графа Аракчеева охватила собой две грандиозные реформы, осуществление которых заняло целый исторический период: это, *во-первых*, преобразование русской артиллерии, начатое в Гатчине в 1792 году и завершенное к началу Отечественной войны 1812 года; а *во-вторых*, создание системы военных поселений. Обе эти реформы можно с полным основанием назвать «аракчеевскими», поскольку их результаты были обеспечены в значительной мере действиями Аракчеева. За них граф был удостоен самых высоких похвал со стороны императора Александра I и тех из современников, кто оказался в состоянии оценить его заслуги.

Как ни парадоксально, но именно за деятельность по осуществлению указанных реформ, которая являлась в целом разумной и успешной, граф Аракчеев подвергался и самой разнузданной ругани со стороны своих современников и последующих историков. Более того, в этом противоречии присутствовала определенная закономерность.

Преобразование русской артиллерии, имевшее целью превращение этого рода войск в значительно более эффективную, чем она была прежде, и самую мощную в сравнении с артиллерией других стран боевую силу, могло успешно осуществиться в тех условиях только под управлением предельно жесткого, настойчивого в проведении необходимых мер, требовательного к своим подчиненным и способного быстро принимать разумные решения руководителя. Естественно, что данный руководитель должен был являться высочайшим специалистом в артиллерийском деле и при этом знать артиллерию не только России, но и последние достижения в артиллерийской науке других стран. Граф Аракчеев, как никто другой из русских генералов, отвечал всем этим требованиям.

Отмеченные качества характера надлежало иметь и руководителю, управлявшему процессом формирования в России системы военных поселений. Но в дополнение к этому он должен был обладать навыками по организации хозяйственного обеспечения армии и знаниями особенностей армейского быта. И здесь Аракчеев оказывался наиболее подходящим человеком для исполнения функций руководителя.

Стиль действий графа на административном поприще определялся целым рядом принципов, которые в их совокупности вполне позволительно, думается, назвать аракчеевской философией управления. Вот некоторые основные постулаты данной философии, выраженные самолично Аракчеевым:

— *«Мы все сделаем: от нас Русских нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного»;*

— *«Для того, чтобы заставить русского человека сделать что-нибудь порядочное, надо сперва разбить ему рожу»;*

— *«Без драки и телесного наказания все можно сделать, но надобно только твердость в намерениях и непеременимость в исполнениях [иметь], дабы они видели, что командир, единожды определив какое дело, никогда от онога не отступит»;*

— *«Французскими речами не выкуешь дело»;*

— *«Я педант, я люблю, чтобы дела шли порядочно, скоро, а любовь своих подчиненных полагаю в том, дабы они делали свое дело»;*

— *«У вас еще есть правило и хвастовство, чтобы подчиненные любили командира; мое же правило, дабы подчиненные делали свое дело и боялись бы начальника»;*

— *«Строгость нужна более для штаб- и обер-офицеров, нежели для военных поселян, и оное требую, ибо мои правила не сходятся с правилами, в армии употребляемыми; я полагаю, что когда строгость, — разумеется, справедливая, без интриг... — употребляется на начальников, то все пойдет хорошо, и солдаты будут хороши»;*

— *«Касательно же толков людских, то на оное смотреть не должно, да они ничего важного не сделают»;*

— *«Мнения публики столь различны, что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнение в свете спокойная в человеке совесть, я имею ее и буду с нею везде спокоен».*

Мировоззрение, основанное на подобных принципах, создавало тип государственного деятеля, который оказывался в высшей степени эффективным в условиях России. Имея такое мировоззрение, а к нему в дополнение — необыкновенную рабо-

тоспособность, высокую образованность и сильный природный ум, граф Аракчеев был способен добиваться успеха в осуществлении реформ при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Однако именно здесь таилась и драма Аракчеева как человека и государственного деятеля. Свойства характера, которые делали его самым эффективным администратором в России первой четверти XIX века, одновременно придавали ему в русском обществе репутацию «плохого», «злого», «жестокого» человека.

Государственный деятель, отличавшийся нечеловеческой приверженностью к установленным правилам и порядку, каковой обладал Аракчеев, и не мог в России иметь репутацию «хорошего» человека.

Об одном из самых поразительных случаев в жизни графа Аракчеева рассказал крестьянин Иван Шеллоник:

«Служил при графе писец, шестидесятилетний старичок, трудолюбивый и добрый такой. Аракчеев любил своего писца, и иногда этот писец сокращал гнев графа. Но однажды старичок в чем-то провинился перед графом, и граф приказал ему всыпать полсотни. Началась расправа. Старичок взвыл... Граф присутствовал при расправе, и, должно быть, жалко старика-то стало. Но вместо того, чтобы отменить наказание, граф встал перед растянутым и привязанным к скамейке стариком на колени и почти со слезами умолял: „Голубчик, потерпи, ведь пятьдесят положено, только-то, потерпи, дорогой!..“»

Поведение графа в этом случае полностью соответствовало его натуре.

Как-то он сказал Фаддею Булгарину: *«В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами... Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут — да что делать? Таким меня Бог создал!»*

Список вышедших в издательстве «Зерцало»
книг с аннотациями можно посмотреть на сайте:
<http://www.zertsalobooks.ru>

Томсинов Владимир Алексеевич

Временщик

Исторический портрет А. А. Аракчеева

Корректор — Т. В. Кочемасова
Верстка — А. В. Плотников

Издательство «Зерцало»
Подписано в печать 18.06.2012.
Формат 60×90/16. Печ. л. 29,0.
Тираж 700 экз. Заказ № 1439

Отпечатано в типографии ООО «ЕВСТИ»